РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XL-й. НОЯБРЬ. 1909 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.** А. Ѳ. Кони. . . . 231—247
II. **Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.).** Ивана Янжула. . . . . 249—272
III. **Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.** Казиміръ Васильевичъ Левицкій. А. Витмера. . . . . 273—285
IV. **Записки сенатора Есиповича** . . . . . 287—296
V. **На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.** Д. А. Скалона . . . . . 297—309
VI. **Темное Царство.** (Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій . . . . . 311—318
VII. **Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера** . . . . . 319—331
VIII. **Изъ воспоминаній Ю. Ѳ. Абаза.** . . . . . 332—334
IX. **М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877—78 г.г.** (Изъ воспоминаній). А. Е. К. . . . 335—342
X. **Грандіозный замыселъ Рыкова.** (Изъ воспоминаній акцизнаго ревизора). А. К. Хросцицкаго. . . . . 343—346
XI. **Письма Ѳ. В. Булгарина.** Н. О. Лернера. . . 347—357
XII. **Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года.** Сообщила В. Т. 358—376
XIII. **Матеріалы для Исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.** Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. А. Чебышева. . . . 377—387
XIV. **Воспоминанія юнкера 2-го военнаго Константиновскаго училища.** И. Ф. . . . . 390—400
XV. **Изъ исторіи Новгорода.** (Самоуправленіе и власть княжеская). И. С. Бѣляева. . . . . 401—414
XVI. **Семь лѣтъ неурожайныхъ.** (Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ). П. Л. Юдина . . . . . 415—427
XVII. **Андрей Денисьевичъ Виніусъ.** (Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ). Е. Вильчинскаго. . . 428—439
XVIII. **Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго.** И. П. Козловскаго. . . 440—459
XIX. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**
а) **1. Къ біографіи Цесаревича Константина Павловича.** (Ночь на камердинерской постели).
2. Мнѣніе графа И. И. Дибича о непомѣщеніи въ приказахъ свѣдѣній объ убитыхъ и умершихъ генералахъ. Сообщ. Мих. Соколовскій. 248
б) **Послѣднія минуты Суворова.** Сообщ. А. . . . 286
в) **Шамиль полвѣка назадъ въ Москвѣ.** Сообщ. — ій. 310
г) **«Вѣчная память».** Сообщ. Арсеній П. . . . 388—389
XX. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложеніе: Портретъ Якова Григорьевича Есиповича.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1909 года.

25302

Библіографическій листокъ.

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ 2. Спб. 1909.

Замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ изданіе Августѣйшаго ученаго, тщательно и любовно изучающаго русскую жизнь послѣднихъ двухъ вѣковъ, служитъ драгоцѣннымъ пособіемъ при занятіяхъ отечественной исторіей. Съ великолѣпныхъ листовъ собранія глядятъ давно отжившія лица и говорятъ объ отшедшей и неповторимой эпохѣ и въ искусствѣ, и во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Это—настоящая историческая выставка, памятникъ старой Россіи, съ ея героями и случайными людьми, величавыми барами и вельможами—и еще таящимся гдѣ-то за кулисами жизни народомъ. Помимо историческаго смысла собранія, велико его эстетическое значеніе. Левицкіе, Боровиковскіе, Лампи дождались безукоризненныхъ воспроизведеній.

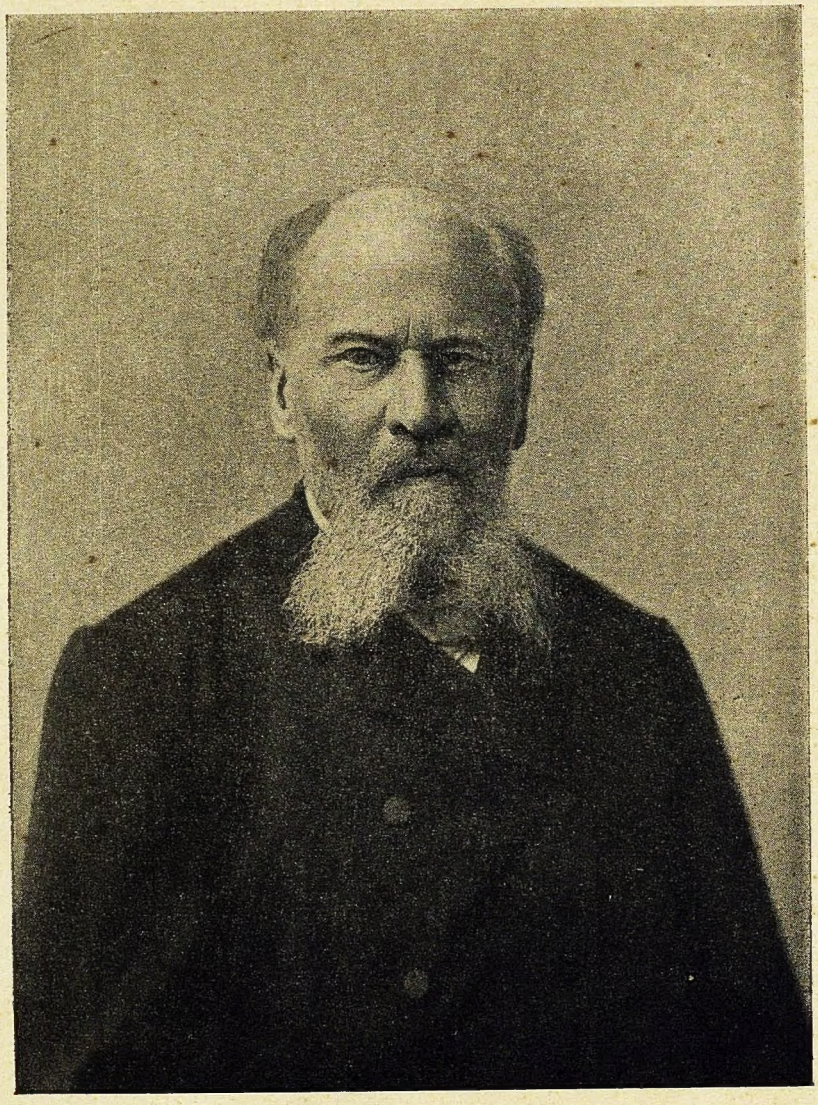
Академическая библіотека русскихъ писателей. Выпускъ I. Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ редакціей и съ примѣчаніями А. І. Лященка. Спб. 1909.

Юбилейное изданіе Кольцова—первый опытъ „хожденія въ народъ“ нашей Академіи Наукъ. Превосходно отпечатанный толстый томъ, съ портретами и снимками, на отличной бумагѣ, стоитъ всего 60 коп. Подобными изданіями Академія пріучитъ публику не довольствоваться грязно отпечатанными на отвратительной сѣрой газетной бумагѣ „безплатными“ преміями къ журналамъ и требовать красивыхъ, изящныхъ книгъ, которыя и въ рукахъ подержать пріятно. Но что касается до новаго изданія Кольцова, то едва ли ему, при всѣхъ высокихъ достоинствахъ редакціи, суждено поддержать въ народѣ славу Кольцова. Вредитъ дѣлу—полнота! Кольцовъ не принадлежитъ къ тѣмъ поэтамъ, которыхъ нужно и можно издавать цѣликомъ, съ разными „юношескими“ пьесами, черновыми набросками, варіантами etc. Это не Пушкинъ, каждая строчка котораго если не геніальна, то во всякомъ случаѣ умна и значительна. Это не Лермонтовъ, не Гоголь. Великій, быть можетъ величайшій во всемірной поэзіи, лирикъ любви, Кольцовъ въ другихъ отношеніяхъ былъ жалокъ и слабъ. Смѣшно и досадно рядомъ съ вдохновенными любовными „Пѣснями“, отъ которыхъ вѣетъ свѣжестью душевной и свѣжестью степной, читать мудрствующія разглагольствованія, вродѣ: „Небесный свѣтъ перерождаетъ воздухъ, организуетъ и живитъ элементы“... или семинарскіе мадригалы, какъ напр.: „Подобныхъ Машѣ очень мало, и въ мірѣ равныхъ не бывало“... Кольцовъ до такой степени элементаренъ и несложенъ, разница между худшимъ и лучшимъ у него такъ ощутительно велика, что вовсе не трудно изъ всего его необильнаго литературнаго наслѣдія выбрать настоящія жемчужины поэзіи. Ихъ-то и нужно дать публикѣ, все остальное оставивъ для библіографовъ и спеціалистовъ историковъ литературы, которые и безъ академическаго изданія отлично разберутся въ Кольцовѣ. Зато къ лучшимъ стихотвореніямъ Кольцова нужно отнестись съ любовнымъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ. Случайно мы раскрыли новое изданіе на одной изъ лучшихъ пѣсенъ—„Не весна тогда жизнью вѣяла“... и были удивлены странной пунктуаціей въ четвертомъ куплетѣ: „Ночи темныя, ночи бурныя шли, какъ облачки, мимо солнышка“... Если считать, что запятая послѣ „облачки“ поставлена законно, то выйдетъ, что „ночи шли мимо солнышка“,—выйдетъ безсмыслица. Ясно, что слѣдуетъ читать: „шли, какъ облачки мимо солнышка“, и только при такомъ чтеніи сохраняются смыслъ и красота поэтическаго образа. (Въ другомъ критическомъ изданіи Кольцова, „Просвѣщенія“, ред. А. И. Введенскаго, этой ошибки нѣтъ, но есть въ томъ же самомъ стихотвореніи другая: „Нѣтъ! подъ холодомъ, подъ туманами. Ты въ объятьяхъ жгла поцѣлуями!“.. Точка послѣ „туманами“ ни къ селу, ни къ городу влѣплена въ серединѣ предложенія). Случайная ошибка въ указателѣ: на 436-й стр. упоминается имя не Сталинскаго, а Сребрянскаго. Но это ошибки незначительныя; зато редакторъ можетъ похвалиться прекрасными обзорами рукописей, изданій литературы о Кольцовѣ и вообще библіографіи Кольцова, примѣчаніями, хронологической канвой. Впервые помѣщены въ академическомъ изданіи слабое, подражательное юношеское стихотвореніе „Тоска о миломъ“ и незначительное дѣловое письмо Кольцова къ кн. В. Ѳ. Одоевскому. Жаль, что не помѣщены портреты родителей поэта; лицо старика Кольцова—незамѣнимая иллюстрація къ горькимъ письмамъ сына.

Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 25-й. Саратовъ, 1909.

Въ новомъ выпускѣ работъ саратовской комиссіи, одной изъ самыхъ энергичныхъ и трудолюбивыхъ, по обыкновенію помѣщены матеріалы историческаго и бытового характера и мемуары. Среди послѣднихъ—любопытные отрывки изъ воспоминаній С. Щеглова „Городъ Петровскъ“. Это простыя, безхитростныя воспоминанія обывателя объ обывательщинѣ; цѣнность ихъ именно въ томъ, что авторъ не критикуетъ, не морализируетъ, а безпритязательно разсказываетъ о бѣдной, глупой, скудной и скучной жизни, которою жили и продолжаютъ жить многіе милліоны людей. Что это за жизнь, можно судить хотя бы по эпически-спокойному сообщенію одного изъ членовъ: „почтенный изслѣдователь саратов-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Яковъ Григорьевичъ
Есиповичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, **„Русская Старина“**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга.** — „Переписка Карла IX съ самозванцами“.—„Поѣздка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова. П. М. Ковалевскаго.**—„Встрѣча на жизненномъ пути.—„Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Записки основателя „Русской Старины“ **М. И. Семевскаго. Д. А. Скалонъ**—„Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула.** „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ѳ. Г. Тернера,** при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой. М. В. Безобразовой**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга**—„Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова**—„Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ**—„Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“.**А. Г. Полянская**—„Къ біографіи Л. А. Мея.“—„Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева**—„Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ Министра Финансовъ графа Канкрина“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1805—1810 гг. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ—**„ Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій**—„Записки гр. Ланжерона 1812 г.—Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **В. Ф. Рудневъ**—„На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій**—„Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ“. „Воспоминанія Д. Санглена, Веселовскаго, Леваковскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля[1]).

X.

Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Берлинѣ засѣдалъ *конгрессъ историковъ*. Членамъ его былъ, между прочимъ, показанъ секретный архивъ Прусской монархіи, и предъявлены нѣкоторые документы, пріобрѣвшіе историческую извѣстность. Между ними было и представленіе королю отъ 22 іюня 1740 года, въ которомъ государственный министръ фонъ Брандъ и президентъ лютеранской консисторіи фонъ Рейхенбахъ, находя, что существованіе католическихъ школъ угрожаетъ возможностью отпаденія лютеранъ отъ религіи, къ которой они оффиціально принадлежатъ, возбуждали вопросъ о томъ, могутъ ли эти школы продолжать существовать. На поляхъ этого представленія написана рукою Фридриха II слѣдующая знаменательная, хотя и не совсѣмъ грамотная резолюція: „Die Religionen müssen alle Tolleriret werden und man muss mehr das Auge darauf haben das keine der andren abrug (abbruch) Tuhe *den hier mus ein jeder nach Seiner Fasson Selich werden*“.

Несмотря на почти 170 протекшихъ лѣтъ, взглядъ, выказанный великимъ королемъ, до сихъ поръ не утратилъ значенія по отношенію къ текущей дѣйствительности. Еще пять лѣтъ назадъ правильность такого взгляда у насъ безусловно отрицалась законодательствомъ, подъ игомъ котораго обязаны были дѣйствовать суды, да и въ настоящее время, несмотря на Высочайшій указъ Сенату отъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1907 г. — II, X, XII. 1908 г. — III, XI, XII. 1909 г.—I, IV и X.

17 апрѣля 1905 года, часто раздаются голоса людей, которымъ кажется, что „обезпеченіе каждому изъ русскихъ подданныхъ свободы вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти“ идетъ въ разрѣзъ съ коренными устоями нашей родины и является совершенно непріемлемымъ на практикѣ.

Я говорилъ уже о томъ, какъ повліяли подобные взгляды на возбужденіе преслѣдованій противъ уніатовъ и штундистовъ; продолжаю длинную вереницу моихъ воспоминаній по другимъ дѣламъ, въ которыхъ возникали вопросы вѣротерпимости и свободы совѣсти. Къ такимъ относились, между прочими, и такъ называемыя *пасторскія дѣла.*

Различныя бытовыя, экономическія и правовыя причины, въ связи съ народнымъ бѣдствіемъ—голодомъ, вслѣдствіе двухлѣтняго полнаго неурожая—вызвали въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края, населенныхъ эстами и латышами, усиленное стремленіе крестьянъ къ переходу въ православную вѣру. Послѣдніе были увѣрены, что такой переходъ вызоветъ значительное улучшеніе ихъ матеріальной судьбы, и надѣялись, что правительство, придавъ особую цѣну ихъ добровольному присоединенію, отвѣтитъ на него съ своей стороны улучшеніемъ ихъ участи и заботой объ упорядоченіи ихъ быта. Но „spes est incerta et dubia“—внушаетъ еще старикъ Кюнеръ, и когда новообратившіеся убѣдились въ тщетѣ своихъ упованій, и ихъ безчисленныя обращенія къ своимъ новымъ пастырямъ о помощи и защитѣ возымѣли такой же отрицательный результатъ, какъ и жалобы властямъ свѣтскимъ, началось обратное движеніе въ лютеранство. Оно вскорѣ дошло до того, что изъ ста тысячъ, принявшихъ православіе въ концѣ сороковыхъ годовъ, считали себя православными лишь около тридцати тысячъ, да и это число замѣтно таяло съ каждымъ годомъ, ибо дѣти родителей, православныхъ только по имени, настойчиво продолжали посѣщать лютеранскія церкви и не числить себя въ „русской вѣрѣ“, какъ принято было между ихъ отцами называть православное исповѣданіе. Такимъ образомъ значительная часть мѣстнаго крестьянскаго населенія оказывалась въ состояніи безправія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда юридическое положеніе ихъ должно было опредѣляться ихъ вѣроисповѣднымъ состояніемъ. Временно отпавшіе отъ „Лютоpовой ереси“ и снова въ глубинѣ души вернувшіеся къ вѣрѣ отцовъ, они очутились между двумя берегами и ни къ одному пристать не могли. Отсутствіе внутренняго убѣжденія не позволяло идти за необходимыми требами къ православному священнику, не умѣвшему или не имѣвшему возможности пріобрѣсти нравственное вліяніе на свою фиктивную паству, а къ

пастору обращаться за этимъ воспрещалъ законъ. Такимъ образомъ создался особый классъ населенія, который на оффиціальномъ языкѣ сталъ носить названіе „колеблющихся“, изъ которыхъ обыкновенно выдѣлялась еще часть, названная „упорствующими“, при чемъ выходило, что, отпавъ отъ лютеранства, они какъ бы упорствуютъ присоединиться къ православію. Мѣры начальственнаго вразумленія— не встрѣтившія при томъ, что̀ и весьма понятно, никакой поддержки со стороны мѣстныхъ помѣщиковъ-лютеранъ,—административныя взысканія и разныя ограниченія не достигали своей цѣли. Напротивъ, въ „колеблющихся“ онѣ укореняли религіозный индифферентизмъ, и безъ того довольно сильный среди эстовъ и латышей, а въ „упорствующихъ“ вселяли озлобленіе и вражду къ господствующей церкви, немногіе храмы которой были разбросаны на огромныхъ пространствахъ и нерѣдко пустовали за недостаткомъ священнослужителей.

При массовомъ переходѣ мѣстныхъ жителей въ православіе представители лютеранской церкви, повидимому, предвидя безплодность такого перехода по результату и его безпочвенность по существу, не сложили оружія, а заняли лишь выжидательное положеніе, конечно, при случаѣ разъясняя отпавшимъ и колеблющимся практическое и нравственное значеніе сдѣланной ими или ихъ отцами ошибки. Когда же послѣдніе, желая выйти изъ своего двойственнаго положенія, заявляли пасторамъ, что по совѣсти считаютъ себя лютеранами и просятъ совершить надъ ними тотъ или другой религіозный обрядъ, они имъ въ этомъ не отказывали. Такимъ путемъ явился въ краѣ рядъ оффиціально православныхъ людей, которые оказались допущенными къ покаянію или причастію, или повѣнчаны по лютеранскому обряду, при чемъ ихъ исповѣди и причащенію всегда предшествовала и *конфирмація*. Отсюда возникли дѣла объ уголовномъ преслѣдованіи противъ евангелическо-лютеранскихъ проповѣдниковъ (пасторовъ) за совершеніе требъ надъ уклоняющимися отъ православія. Дѣла эти производились медленно, старымъ порядкомъ обветшавшаго сословнаго суда и, заканчиваясь нерѣдко оправдательными приговорами, въ остальныхъ случаяхъ обыкновенно сопровождались ходатайствами о смягченіи наказанія. Практическихъ результатовъ въ смыслѣ укрѣпленія православія въ краѣ это не имѣло, и 22 іюля 1874 года Высочайше было повелѣно прекратить всѣ подобныя дѣла, возникшія или начатыя производствомъ. Подъ вліяніемъ распространительнаго толкованія этого повелѣнія, дѣла этого рода перестали и возникать.

Такъ продолжалось до начала восьмидесятыхъ годовъ, когда при производствѣ памятной сенаторской ревизіи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ было высказано мнѣніе, что указываемое мѣстною высшею

епархіальною властью вредное участіе пасторовъ въ совершеніи требъ только тогда подходитъ подъ дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 1874 года, когда не содержитъ въ себѣ признаковъ спеціальнаго преступленія, т. е., напримѣръ, *совращенія*, совершенія брака православнаго съ лютераниномъ, прежде совершенія такового православнымъ священникомъ и т. д. Это указаніе, совпадавшее съ общимъ направленіемъ нашей внутренней политики того времени относительно окраинъ, было принято къ свѣдѣнію и руководству мѣстной администраціей, когда во главѣ ея сталъ бывшій сѣдлецкій губернаторъ Зиновьевъ. Найдя у себя въ Лифляндской губерніи около 18.800 „уклоняющихся“, онъ возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ пасторовъ въ 90 приходахъ (3/5 всего числа) по 130 дѣламъ о *совращеніи* изъ православія путемъ *совершенія требъ*. При слѣдствіи обнаруживалось обыкновенно, что дѣйствіе, совершеніе котораго вмѣнялось въ вину пастору, состояло въ конфирмаціи, какъ неизбѣжной принадлежности допущенія къ покаянію и причастію, каковыя въ свою очередь были необходимы для вступленія въ бракъ. Къ пастору являлись по большей части молодые люди — крестьянскій парень и дѣвушка — и просили ихъ обвѣнчать. При разспросахъ пастора оказывалось, что они крещены въ православной вѣрѣ или записаны въ православныя метрики. Тогда пасторъ объяснялъ, что имъ, какъ православнымъ, слѣдуетъ вѣнчаться у православнаго священника, и на просьбы ихъ о конфирмаціи отвѣчалъ отказомъ. Молодые люди, заявивъ ему, что они себя православными не считаютъ, никогда въ православной церкви не были и ея обрядовъ не исполняли, уходили опечаленные, но по прошествіи нѣкотораго времени возвращались съ тѣми же просьбами вновь. Иногда это доходило до трехъ разъ, при чемъ на окончательный отказъ пастора они заявляли ему, что если такъ, то они все-таки не пойдутъ въ православную церковь, а будутъ жить блудно. Для пасторовъ, какъ они объясняли, являлась, вслѣдствіе этого, такая альтернатива: или попустить возникновенію грѣховной связи или же подвергнуться отвѣтственности по 193 ст. улож. о наказ., въ силу которой священнослужители другихъ (кромѣ православнаго), христіанскихъ вѣроисповѣданій, которые завѣдомо допустятъ православныхъ къ исповѣди, причащенію или елеосвященію, или же дѣтей ихъ къ крещенію или муропомазанію по своимъ обрядамъ, подвергаются въ первый разъ удаленію отъ мѣстъ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года, а во второй—лишенію духовнаго сана и отдачѣ подъ надзоръ полиціи. Обвиняемые пасторы избирали второй исходъ, заранѣе соглашаясь претерпѣть указанныя въ ст. 193 взысканія. Въ томъ, что къ нимъ должна примѣняться

именно эта статья, у нихъ не могло быть сомнѣній, ибо въ уложеніи о наказаніяхъ въ нѣмецкомъ переводѣ, изданномъ вторымъ отдѣленіемъ канцеляріи Е. И. В. для употребленія въ Прибалтійскомъ краѣ, въ перечисленіи требъ прямо значилось: „und Confirmation“. Прокурорскій надзоръ, вновь введенныхъ судовъ, посмотрѣлъ на это иначе, и взглядъ его раздѣленъ былъ и рижскимъ окружнымъ судомъ. Они нашли возможнымъ не придавать никакого значенія слову „конфирмація“, помѣщенному въ нѣмецкомъ текстѣ, а самое дѣйствіе конфирмаціи, т. е. наставленіе и испытаніе въ законѣ Божіемъ, признали совращеніемъ.

Въ 1890 году первымъ изъ осужденныхъ по этому „новому курсу“ оказался 70-лѣтній пасторъ Вильгельмъ Гриммъ, обвиняемый въ томъ, что за *десять лѣтъ* назадъ, выслушавъ крещеную въ православную вѣру крестьянку Вассиловскую, явившуюся къ нему вмѣстѣ со своимъ женихомъ Юргенсомъ и просившую о принятіи ея на конфирмацію, посовѣтовалъ ей предварительно отказаться отъ этой мысли, но впослѣдствіи согласился, по ея упорнымъ настояніямъ, конфирмовать ее и записалъ ее въ церковныя книги своего прихода. Рижскій окружной судъ призналъ его совратителемъ и приговорилъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію. Судебная палата, разсмотрѣвъ жалобу Гримма на этотъ приговоръ, не нашла признаковъ совращенія въ дѣяніи осужденнаго и приговорила его на основаніи 193 ст. къ удаленію отъ мѣста на 8 мѣсяцевъ, но за пятикратнымъ истеченіемъ двухлѣтней давности, постановила никакому взысканію его не подвергать.

Прокуратура Петербургской судебной палаты, признавая такой приговоръ колеблющимъ интересы православія въ Прибалтійскомъ краѣ и явно нарушающимъ законъ, рѣшилась опротестовать его передъ кассаціоннымъ судомъ. Но предварительно подачи протеста одинъ изъ дѣятелей этой прокуратуры посѣтилъ меня и объяснилъ мнѣ, что какъ министръ юстиціи, такъ и рижскій преосвященный находятъ приговоръ палаты совершенно неправильнымъ въ виду того, что дѣйствія Гримма составляютъ несомнѣнное совращеніе. Я зналъ уже объ этомъ дѣлѣ и о приговорѣ палаты и, составивъ себѣ на этотъ счетъ опредѣленное мнѣніе, заявилъ моему собесѣднику, что считаю взглядъ судебной палаты совершенно правильнымъ, такъ какъ подъ совращеніемъ необходимо понимать активную дѣятельность обвиняемаго. Эта дѣятельность, очерченная въ 184 ст. уложенія, можетъ быть не насильственной и насильственной. Въ *первомъ* случаѣ она выразится въ своего рода заманиваніи и завлеченіи въ вѣру совратителя. Это будутъ тѣ подговоры, обольщенія или иные

способы, о которыхъ говорится въ законѣ. Характеризуя подговоръ, уголовный законъ въ ст. 13 уложенія называетъ подговорщиками тѣхъ лицъ, которыя употребляютъ для достиженія своихъ цѣлей просьбы, убѣжденія, подкупъ, обѣщанія выгодъ, обольщенія или обманъ. Во *второмъ* случаѣ это будутъ разные виды психическаго принужденія и угрозы. Поэтому дѣятельность совратителя по самой этимологіи этого слова должна быть направлена на то, чтобы лицо, идущее въ дѣлѣ вѣры по прямому, съ точки зрѣнія господствующей церкви, пути или стоящее, съ той же точки зрѣнія, въ вѣрномъ положеніи, сбить съ этого пути и сдвинуть съ этого положенія посредствомъ воздѣйствія на его духовную сторону или на его эгоистическія чувства или, наконецъ, на его физическую природу. Воздѣйствіе перваго рода выражается въ просьбахъ, убѣжденіяхъ, обманахъ и обольщеніяхъ, а также въ подкупахъ и обѣщаніи выгодъ, а второго рода — въ угрозахъ, принужденіи и насиліи. Поэтому дѣйствія совратителя должны состоять въ употребленіи средствъ, подъ давленіемъ которыхъ осуществляется его намѣреніе отвлечь отъ одной вѣры и совратить въ другую, при чемъ судомъ должно быть установлено, что обвиняемый настаивалъ на отступленіи отъ вѣры, и дѣйствія его, по свойству своему, должны были имѣть на совращеннаго рѣшительное вліяніе, побудившее его къ отпаденію. Очевидно, что всѣ эти дѣйствія должны быть активны, и хотя ихъ нельзя предустановить и заключить въ рамки точныхъ указаній закона, но всѣ они требуютъ почина совратителя. Законъ о совращеніи, какъ идущій въ разрѣзъ съ общимъ началомъ вѣротерпимости, выраженнымъ въ ст. 45 Основныхъ законовъ, не можетъ быть толкуемъ распространительно,—но даже, если и прибѣгнуть къ такому толкованію, то надо признать, что, говоря о совращеніи, законъ имѣетъ въ виду тотъ случай, когда въ душѣ православнаго, дотолѣ не смущаемой никакими сомнѣніями, иновѣрецъ сѣетъ сѣмена сомнѣнія и, содѣйствуя ихъ росту своими уговорами и увѣщаніями, толкаетъ православнаго на дорогу иновѣрія, при чемъ плодомъ этого является отреченіе отъ родной церкви. Но если сомнѣніе возникло безъ содѣйствія обвиняемаго, если пасторъ лишь уступилъ просьбамъ отрекающагося отъ своей церкви и принялъ его въ свою паству послѣ увѣщаній обдумать свое намѣреніе, тогда наличности совращенія не существуетъ. Еще въ 1888 году Сенатъ по дѣлу Гребенюка — въ случаѣ гораздо болѣе остромъ (было совершено вторичное крещеніе надъ нѣсколькими лицами) — призналъ, согласно съ моимъ заключеніемъ, что совершеніе сектантомъ обряда, знаменующаго присоединеніе къ какой-либо сектѣ или толку, надъ лицомъ, находящимся въ такомъ воз-

растѣ, когда оно сознавало значеніе совершаемыхъ надъ нимъ дѣйствій, служа знакомъ совершившагося отпаденія, не даетъ основанія видѣть въ совершителѣ обряда совратителя, покуда не будетъ установлено, что согласіе присоединяющагося на совершеніе обряда было послѣдствіемъ дѣятельности или проповѣди обвиняющагося въ совращеніи.

Затѣмъ, по поводу дальнѣйшихъ между нами разномыслій, я высказалъ моему посѣтителю, что съ точки зрѣнія догматической — конфирмація, въ силу которой юноши и дѣвицы въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ должны быть, до пріобщенія св. Таинъ, наставляемы въ законѣ Божьемъ, есть простой обрядъ, а не таинство, такъ какъ лютеранство, кромѣ крещенія и причащенія, другихъ таинствъ не признаетъ. Обрядъ этотъ не выходитъ по своей важности изъ предѣловъ обрядовъ, указанныхъ въ 193 ст. улож. о наказ., такъ какъ, конечно, упомянутые въ ней—изъ коихъ два послѣдніе и у лютеранъ являются таинствами,—несомнѣнно важнѣе, чѣмъ экзаменъ изъ закона Божія, удостовѣряющій, что достигшіе сознательнаго возраста молодые люди приступаютъ къ таинству причащенія съ пониманіемъ его святости и значенія. Очевидно, что и законъ не можетъ признать конфирмацію ни въ какомъ случаѣ за совращеніе, такъ какъ иначе онъ впалъ бы въ непримиримое противорѣчіе самъ съ собою, т. е. каралъ бы удаленіемъ отъ мѣста за совершеніе надъ православнымъ таинства крещенія и причащенія и въ то же время ссылалъ бы въ Сибирь за совершеніе обряда, безъ котораго самое причащеніе невозможно. Оказалось бы, что, разрѣшивъ каяться по обрядамъ своей вѣры и допустивъ къ причащенію, лютеранскій священникъ совершалъ бы меньшее вторженіе въ область православія, чѣмъ провѣривъ знаніе закона Божія у причащаемаго. Сверхъ того, наконецъ, существуетъ ст. 190, говорящая о наказаніи родителей, которые, бывъ по закону обязаны воспитывать своихъ дѣтей по вѣрѣ православной, будутъ крестить или приводить ихъ къ прочимъ таинствамъ и воспитывать по обрядамъ другого христіанскаго исповѣданія. Однако эти родители не считаются совратителями, точно такъ же, какъ и священники инославныхъ исповѣданій, изобличенные въ преподаваніи катихизиса малолѣтнимъ православнымъ или въ дѣланіи имъ противныхъ православію внушеній (ст. 194 улож.), между тѣмъ какъ подводить эти случаи подъ понятіе совращенія было бы, конечно, несравненно легче и логичнѣе. Я закончилъ нашу бесѣду указаніемъ на то, что по отношенію къ юридическому толкованію понятія о совращеніи для меня большой авторитетъ имѣли бы взгляды Спасовича, Неклюдова или Таганцева, и я задумался бы надъ основательностью моего взгляда,

если бы ими былъ высказанъ противоположный, но ни рижскій преосвященный, ни Н. А. Манасеинъ такимъ авторитетомъ для меня не являются, такъ какъ глубина юридическихъ познаній перваго мнѣ неизвѣстна, а во второмъ я признаю дѣятельнаго и энергическаго представителя судебнаго управленія, но не имѣлъ случая ознакомиться съ его научными познаніями въ уголовномъ правѣ. При этомъ, такъ какъ мой собесѣдникъ придавалъ взгляду министра юстиціи характеръ указанія, сообщаемаго мнѣ къ руководству, я обратилъ его вниманіе на то, что руководствомъ для оберъ-прокурора, призваннаго истолковывать законъ передъ кассаціонными судьями, являются исключительно—этотъ законъ въ его истинномъ смыслѣ и убѣжденіе совѣсти, но не мнѣніе министра, передаваемое при томъ чрезъ представителя одной изъ сторонъ въ дѣлѣ.

На другой день я счелъ однако нужнымъ объясниться по этому поводу съ министромъ юстиціи и высказать ему, что я не могу раздѣлить его взгляда, переданнаго мнѣ довольно необычнымъ въ нашихъ отношеніяхъ образомъ, и предъявлю заключеніе объ оставленіи протеста, если онъ будетъ принесенъ, безъ послѣдствій. При этомъ, изложивъ ему приведенныя выше юридическія соображенія, я остановился на нравственной и политической сторонѣ пасторскихъ дѣлъ.—„Наше законодательство,—говорилъ я,—не допуская въ принципѣ отступленія отъ православія, не вмѣшивается вмѣстѣ съ тѣмъ въ догматическую и обрядовую сторону инославныхъ вѣроученій, предоставляя упорядоченіе этой области надзору и наблюденію духовныхъ установленій этихъ исповѣданій. При недопустимости, по толкованію нашей церкви, окончательнаго отступленія отъ православія и при взглядѣ церкви на отступившихъ, какъ на близкихъ и родныхъ, хотя и заблудшихъ чадъ, законъ гражданскій озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы инославные пастыри, обязанные вести акты гражданскаго состоянія, не вносили въ нихъ своими дѣйствіями безпорядка. Поэтому въ глазахъ гражданской власти инославный священникъ, совершающій надъ православными обряды, съ которыми связаны измѣненія или отмѣтки въ документахъ, входящихъ въ составъ актовъ гражданскаго состоянія, является нерадивымъ или сознательно нарушающимъ свои обязанности должностнымъ лицомъ, ведущимъ акты послѣдняго рода. Вотъ почему въ первой части 193 ст. улож. указаны служебныя, а не исправительныя или уголовныя наказанія—срочное удаленіе отъ мѣста и лишеніе духовнаго званія,—а для совершающихъ указанныя въ ней нарушенія по невѣдѣнію—строгій выговоръ „за несогласную съ важностью духовнаго званія неосмотрительность“. Можно быть разнаго мнѣнія о справедливости и цѣлесообразности такого взысканія, но нельзя

отрицать за государствомъ права подвергать своихъ агентовъ взысканію за преступленія должности. Поэтому принципіально возражать противъ примѣненія 193 ст. до тѣхъ поръ, покуда у насъ существуетъ формальная вѣротерпимость и не существуетъ свободы совѣсти,—нельзя. Но иначе будетъ обстоять дѣло при признаніи Гримма и слѣдующей за нимъ вереницы пасторовъ виновными въ совращеніи. Здѣсь вопросъ переносится уже на религіозную почву и долженъ вызывать къ себѣ совсѣмъ другое отношеніе со стороны мѣстнаго населенія, не желающаго принадлежать къ православной церкви. Пасторъ, совершающій конфирмацію по настойчивой просьбѣ фиктивныхъ православныхъ, находится здѣсь подъ угрозой не только служебныхъ непріятностей и потери мѣста, но и ссылки въ Сибирь, потери правъ состоянія и разбитія всей его личной жизни. Нерадивое должностное лицо обращается въ жертву исполненія своего религіозно-нравственнаго долга, въ пастыря церкви, идущаго въ Сибирь искупать вину, состоящую въ томъ, что онъ не остался глухъ къ духовной потребности темныхъ людей и, наставивъ ихъ въ словѣ и ученіи Господнемъ, не подалъ имъ „вмѣсто хлѣба камень“. Всѣхъ пасторовъ привлечено за *совращеніе* свыше 50 человѣкъ; осужденіе Гримма равносильно осужденію ихъ всѣхъ. Ссылка ихъ въ Сибирь была бы не только юридической несправедливостью и результатомъ судебной натяжки, но была бы вмѣстѣ съ тѣмъ и большой политической ошибкой, которая одновременно вызвала бы, вѣроятно, негодованіе и въ культурныхъ и въ народныхъ слояхъ населенія Лифляндской губерніи“.

Н. А. Манасеинъ выразилъ полное согласіе съ моими доводами, добавивъ, что вовсе не думалъ навязывать мнѣ свои взгляды, отъ которыхъ безъ затрудненія отказывается, а лишь посовѣтовалъ лицу, бывшему у меня, узнать мое мнѣніе по дѣлу. Тѣмъ не менѣе протестъ былъ принесенъ, и по соглашенію моему съ первоприсутствующимъ сенаторомъ Розингомъ дѣло Гримма было назначено къ слушанію на 12 марта 1891 года. Членомъ-докладчикомъ первоприсутствующій хотѣлъ избрать сенатора А. В. Волкова, человѣка весьма трудолюбиваго, но больного, и просилъ меня повидаться съ послѣднимъ и узнать отъ него, согласится ли онъ, въ виду состоянія его здоровья, принять на себя докладъ по этому сложному и важному дѣлу, требующему изученія источниковъ закона и затѣмъ большой письменной работы. Волковъ, ознакомясь съ дѣломъ изъ моего подробнаго разсказа, изъявилъ полное согласіе и въ то же время выразилъ, что вполнѣ раздѣляетъ мой взглядъ на неуважительность протеста противъ приговора палаты. Передъ слушаніемъ дѣла на имя первоприсутствующаго поступило письмо отъ К. П. Побѣдо-

носцева, въ которомъ, въ виду важности дѣла Гримма, разбирался вопросъ о значеніи конфирмаціи и указывалось на то, что она не имѣетъ значенія духовной требы, ибо 193 ст. улож., говорящая о допущеніи къ причащенію, должна быть толкуема въ смыслѣ исключительнаго, хотя и возможнаго случая, когда пасторъ допуститъ къ этому таинству православнаго безъ предварительной конфирмаціи. Считая затѣмъ, что рѣшеніе вопроса о томъ, имѣло ли мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ *совращеніе* православнаго, принадлежитъ суду, Побѣдоносцевъ указывалъ на то, что всякое присоединеніе православнаго къ лютеранству предусмотрѣно 389 ст. Устава духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, въ которой говорится о немедленномъ отрѣшеніи отъ должности и сана евангелическо-лютеранскаго проповѣдника, присоединившаго къ своей церкви члена православной церкви. Этотъ взглядъ оберъ-прокурора Св. Сунода, несмотря на весь авторитетъ К. П. Побѣдоносцева въ каноническихъ вопросахъ, не поколебалъ моего мнѣнія. Слѣдуя этому взгляду надлежало примѣнить къ пастору Гримму уже не статью уложенія о наказаніяхъ, а постановленіе, не имѣющее соотвѣтственной статьи въ уголовномъ законѣ и слѣдовательно самостоятельнаго карательнаго значенія, такъ какъ по закону уголовно-наказуемыми дѣяніями признаются лишь воспрещенныя подъ страхомъ наказанія уложеніемъ и уставомъ о наказаніяхъ въ силу принципа nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege. Кромѣ того этотъ взглядъ страдалъ и внутреннимъ противорѣчіемъ. Какъ уже указано, по ученію нашихъ богословъ и по смыслу уложенія о наказаніяхъ 1866 года окончательнаго и рѣшительнаго отпаденія отъ православія существовать не можетъ, и церковь постоянно уповаетъ на возвращеніе въ ея нѣдра заблудшихъ, не исключая ихъ изъ своихъ метрическихъ списковъ и не разрѣшая вносить въ списки другихъ исповѣданій, какъ это неоднократно разъяснялъ и К. П. Побѣдоносцевъ. Но о какомъ же *присоединеніи* въ такомъ случаѣ можетъ идти рѣчь? Вотъ почему наше уложеніе, конечно вполнѣ сознательно, нигдѣ и не говоритъ о совершеніи присоединенія, какъ о наказуемомъ дѣяніи. Наконецъ, этотъ взглядъ опровергается и тѣмъ, что постановленія, содержащагося въ ст. 389 Устава евангелическо-лютеранской церкви, *не содержится* въ уставахъ другихъ не православныхъ церквей, и что такимъ образомъ пасторы подлежали бы исключительному наказанію за такое дѣяніе, которое сопровождалось бы для католическихъ и армяно-грегоріанскихъ священниковъ безнаказанностью. Я сообщилъ эти мои соображенія министру юстиціи, вслѣдствіе запроса его, вызваннаго письмомъ къ нему Побѣдоносцева.

За нѣсколько дней до засѣданія дѣло приняло, однако, болѣе

острый оборотъ. По порученію Манасеина вице-директоръ департамента министерства юстиціи привезъ мнѣ показать сообщеніе Комитета Министровъ министру юстиціи „къ надлежащему исполненію". Это сообщеніе содержало въ себѣ слѣдующее мѣсто изъ всеподданнѣйшаго отчета лифлянскаго губернатора Зиновьева за 1889 годъ: „Съ преобразованіемъ судебныхъ учрежденій получили, наконецъ, свое законное теченіе многочисленныя, возникшія въ Лифляндской губерніи, дѣла о совращеніяхъ православныхъ въ лютеранство, о совершеніи надъ православными требъ по лютеранскому обряду и т. п., искусственно до сихъ поръ задерживаемыя прежними судами. Вслѣдствіе этого, страшась уголовной отвѣтственности, пасторы временно пріостановили нѣсколько свою дѣятельность по совершенію преступленій, предусмотрѣнныхъ Отд. 2, Гл. 2, Разд. II Улож. о наказ. Рижскій окружной судъ уже разобралъ множество такихъ дѣлъ, постановивъ виновнымъ строгія по закону наказанія, но мѣстная консисторія, какъ слышно, дала всѣмъ состоящимъ подъ судомъ пасторамъ предписаніе аппелировать на приговоры въ судебную палату, что̀ пасторы и исполнили. Если судебною палатою и Сенатомъ, куда дѣла эти могутъ перейти по протестамъ прокурора, приговоры эти не будутъ оставлены въ силѣ, то пріостановившіяся на время совращенія православныхъ, по всей вѣроятности, начнутся съ прежнею силою, и тогда придется отказаться отъ надежды при помощи суда прекратить то повальное нарушеніе пасторами законовъ объ охраненіи православной вѣры, которая имѣетъ нынѣ мѣсто въ Лифляндской губерніи". На этомъ мѣстѣ отчета имѣлась Высочайшая помѣта: „Обратить вниманіе Министра Юстиціи". Я объяснилъ г. вице-директору, что это уже исполнено и что, какъ министромъ юстиціи, такъ и мною своевременно было обращено особое вниманіе на это дѣло, которое въ виду его важности назначено къ слушанію не въ отдѣленіи уголовнаго кассаціоннаго департамента, а прямо при участіи всѣхъ членовъ департамента. Вслѣдъ за тѣмъ я немедленно написалъ Манасенну письмо, въ которомъ, вновь излагая письменно всѣ мои соображенія по дѣлу, заявлялъ, что, несмотря на пріемъ, употребленный лифляндскимъ губернаторомъ для полученія желаемаго имъ рѣшенія Сената, я не могу дать иного заключенія, какъ то, о которомъ его давно уже предупредилъ. Если онъ находитъ неизбѣжнымъ разрѣшеніе дѣла въ смыслѣ, желательномъ для лифляндскаго губернатора, то у него еще есть время воспользоваться принадлежащимъ ему по закону правомъ поручить дать заключеніе по этому дѣлу одному изъ двухъ другихъ кассаціонныхъ оберъ-прокуроровъ—гражданскаго департамента или общаго собранія. Я закончилъ письмо указаніемъ на то, что содѣйствіемъ къ отмѣнѣ приговора

Петербургской палаты я, съ моей точки зрѣнія, совершилъ бы нарушеніе своихъ обязанностей толкователя закона и гражданина, для котораго не можетъ быть безразличной ошибочная и пагубная политика на окраинѣ государства, и который не можетъ ей содѣйствовать услужливымъ извращеніемъ истиннаго смысла законовъ.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ приглашеніе министра на слѣдующее утро. „Я не могу послѣдовать вашему указанію на возможность замѣны васъ другимъ оберъ-прокуроромъ“, сказалъ мнѣ Манасеинъ.—Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ я ему, такъ какъ дѣло идетъ о лютеранахъ, то придется повторить историческія слова: „hier stehe ich, ich kann nicht anders, Gott helfe mir, amen!“.—Я объ этомъ-то и хотѣлъ поговорить съ вами,—продолжалъ Манасеинъ,—я рѣшился доложить о вашемъ взглядѣ и заявить, что вполнѣ присоединяюсь къ нему. Если, однако, послѣдуетъ несогласіе, то я извѣщу васъ и попрошу васъ и Розинга отложить засѣданіе, чтобы обдумать, какъ поступить. Увѣрены ли вы, что Сенатъ съ вами согласится?.—Быть безусловно увѣреннымъ трудно, отвѣчалъ я, но есть много основаній думать, что послѣдуетъ согласіе, такъ какъ и первоприсутствующій и членъ-докладчикъ—оба за оставленіе протеста прокурора безъ послѣдствій.—Но какъ доложить о могущемъ состояться рѣшеніи?—вопросительно отнесся ко мнѣ Манасеинъ—того, о чемъ мы говоримъ, вѣдь нельзя облечь въ форму всеподданнѣйшей записки.—Доложите, отвѣчалъ я, мое письмо къ вамъ и объясните, что возникаетъ возможность согласія Сената со мной.—Я такъ и сдѣлаю, сказалъ Манасеинъ своимъ рѣшительнымъ тономъ, оставляя меня подъ отраднымъ впечатлѣніемъ, такъ какъ на то, чтобы возымѣть подобную рѣшимость отказаться отъ своего мнѣнія, убѣдившись въ его неправильности, и прямодушно заявить объ этомъ Монарху былъ бы способенъ далеко не каждый министръ въ то время. Черезъ три дня онъ разсказалъ мнѣ о своемъ докладѣ, при чемъ, по его словамъ, онъ прочелъ большія выдержки изъ моего письма и съ радостью выслушалъ, что если оберъ-прокуроръ находитъ, что приговоръ палаты правиленъ и согласенъ со смысломъ закона, и онъ, Манасеинъ, раздѣляетъ такое мнѣніе, то и Сенату, конечно, приходится съ этимъ согласиться.

Насталъ день засѣданія, привлекшаго массу посѣтителей, такъ что большая зала департаментскихъ засѣданій Сената была переполнена. Въ публикѣ было много духовныхъ лицъ различныхъ исповѣданій, а также и чиновниковъ православнаго вѣдомства. Но при самомъ открытіи засѣданія явилось новое и совершенно неожиданное препятствіе къ правильному, по моему мнѣнію, разрѣшенію дѣла. Ко мнѣ въ кабинетъ пришелъ Волковъ и совершенно неожиданно сооб-

щилъ мнѣ, что послѣ тщательнаго изученія дѣла онъ измѣнилъ свой взглядъ на него и будетъ стоять за отмѣну приговора палаты. Это сообщеніе, сдѣланное, какъ выразился Волковъ, de bonne guerre за двадцать минутъ до открытія засѣданія, имѣло зловѣщее значеніе. Докладчикъ по самому существу своихъ обязанностей всегда имѣетъ вліяніе на членовъ коллегіи, въ особенности если въ ней нѣтъ другого лица, которое точно также изучило бы предметъ доклада во всѣхъ подробностяхъ. Въ практикѣ отдѣленій нашего кассаціоннаго суда придается согласію товарища оберъ-прокурора, дающаго заключеніе, съ сенаторомъ-докладчикомъ почти всегда предрѣшающее исходъ дѣла значеніе. Во многихъ случаяхъ такое значеніе получало это согласіе и при слушаніи дѣлъ въ составѣ всего департамента, когда и заключеніе оберъ-прокурора и докладъ, подробно разъясняемый и дополняемый при совѣщаніи, представляли всестороннюю разработку матеріала, изложеннаго въ печатной запискѣ. По дѣлу Гримма оказывалось, что мое заключеніе встрѣтитъ въ совѣщаніи сильное противодѣйствіе въ лицѣ докладчика, котораго, конечно, будутъ поддерживать поборники суровой защиты исключительныхъ правъ господствующей церкви и возражать которымъ я буду лишенъ возможности. Отмѣна приговора судебной палаты, помимо своихъ послѣдствій по отношенію къ пятидесяти слишкомъ пасторамъ, авторитетно и непререкаемо увеличивала бы размѣры понятія о совращеніи до самыхъ крайнихъ, претящихъ правовому чувству, предѣловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она ставила бы министра юстиціи, въ виду сдѣланнаго имъ доклада, въ крайне щекотливое положеніе въ вопросѣ, къ которому онъ отнесся съ такой благородной широтой воззрѣній и дѣйствій.

Не скажу, чтобы у меня не было тревожно на душѣ, когда я приступилъ къ дачѣ моего длиннаго, почти двухчасового заключенія передъ 16 сенаторами, въ торжественной обстановкѣ публичнаго департаментскаго засѣданія. Сенаторы совѣщались четыре часа и послѣ долгихъ и оживленныхъ преній вынесли резолюцію объ оставленіи протеста безъ послѣдствій, состоявшуюся большинствомъ 11 голосовъ противъ 5. Эти послѣдніе подали обширное особое мнѣніе, составленное Волковымъ. Въ этомъ особомъ мнѣніи было высказано между прочимъ, что Гриммъ, допустивъ Вассиловскую къ конфирмаціи, упоминаніе о которой въ 193 ст. улож. касается будто бы исключительно дѣтей, совершилъ присоединеніе, т. е. преступленіе не менѣе важное, чѣмъ совращеніе, послѣдствіемъ котораго должно явиться признаніе брака Вассиловской съ лютераниномъ Юргенсомъ незаконнымъ, что̀ указываетъ на особо-преступную дѣятельность Гримма, хотя въ совершеніи этого брака онъ и былъ

признанъ невиновнымъ, и оправдательный приговоръ палаты не опротестованъ.

Рѣшеніе Сената по дѣлу Гримма произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ заинтересованныхъ въ томъ или другомъ разрѣшеніи вопроса лицъ. Оно вызвало даже ходатайство лифляндскаго губернскаго предводителя дворянства предъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи разъ на всегда покончить съ вопросомъ объ „уклоняющихся“, перечисливъ ихъ въ лютеранское исповѣданіе, и тѣмъ прекратить „пасторскія дѣла“, вносящія столько скорби и раздраженія въ мѣстное населеніе. Противъ этого предположенія съ особенною силою возсталъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ генералъ Зиновьевъ. Онъ находилъ, что это перечисленіе придется основывать исключительно на заявленіи „уклоняющихся“ о томъ, къ какой церкви желаютъ они принадлежать. Но это было бы равносильно отказу правительства отъ своей, исторіей завѣщанной, обязанности, а также провозглашенію полной равноправности христіанскихъ исповѣданій и полной вѣротерпимости. „Въ жизни каждаго государства могутъ быть историческіе моменты,—писалъ лифляндскій губернаторъ,—когда въ силу роковыхъ событій оно ставится въ необходимость отречься отъ своихъ традицій и поступиться коренными чертами своего законодательства. Но существованіе уклоняющихся въ Лифляндіи такого момента не представляетъ. Бывали періоды, когда такіе важные вопросы съ особой остротой выдвигались впередъ. Такъ въ XVII столѣтіи сотни тысячъ коренныхъ русскихъ людей, разорвавъ связь съ господствующей государственной церковью, перешли въ *расколъ*. Упорно держась своихъ ложныхъ вѣроученій и не захотѣвъ подчиниться волѣ правительства, эти сотни тысячъ съ пожертвованіемъ всѣхъ экономическихъ условій своего быта бѣжали въ лѣса сѣверныхъ губерній, оставляя навсегда свое отечество, и селились на берегахъ Дуная, въ старинной Ливоніи, въ Малой Азіи и т. п. Съ начала нынѣшняго столѣтія возникъ *уніатскій вопросъ*, тревожащій Холмскую Русь и дающій поводъ къ немалымъ замѣшательствамъ въ отправленіяхъ гражданской жизни. Въ этихъ случаяхъ русское правительство, слѣдуя вѣковымъ традиціямъ и твердо держась одной системы, не дѣлало и не дѣлаетъ какихъ-либо уступокъ. Принимаемыя по отношенію къ этимъ вопросамъ нѣкоторыя отдѣльныя мѣры, можетъ быть, и были ошибочны, но, не противорѣча разъ принятой системѣ, онѣ во всякомъ случаѣ были послѣдовательны“.—Критикуя затѣмъ рѣшеніе Сената по дѣлу Гримма, называя его *случайнымъ* и позволяя себѣ удостовѣрять передъ Монархомъ, что голоса сенаторовъ раздѣлились поровну, и лишь голосъ первоприсутствующаго далъ перевѣсъ, губернаторъ ука-

зывалъ, что необходимо начертаніе особой спеціальной статьи уложенія, карающей за конфирмацію, такъ какъ вся система дѣйствій правительства въ Лифляндской губерніи для возстановленія нарушеннаго религіознаго мира преимущественно основана на удержаніи пасторовъ страхомъ наказанія отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ дѣла уклоняющихся. Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что за возстановленіемъ въ губерніи полнаго спокойствія лютеранское духовенство составляетъ *единственный* элементъ безпорядка въ странѣ, и только качествамъ населенія надо приписать, что безпорядки эти не принимаютъ большихъ размѣровъ, генералъ Зиновьевъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что возстановленію религіознаго мира, кромѣ наказаній за конфирмацію, будутъ содѣйствовать—назначеніе президентовъ лютеранскихъ консисторій отъ правительства, а не по выборамъ дворянства, и коренное преобразованіе Дерптскаго университета, какъ питомника для исключительнаго комплектованія мѣстныхъ проповѣдниковъ... Оригинальные взгляды лифляндскаго губернатора на способы поддержанія религіознаго мира и его тревожныя опасенія, какъ бы—чего Боже сохрани—правительство не заразилось вѣротерпимостью, нашли себѣ законодательный отголосокъ. Въ 1892 году, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, ст. 193 улож. была дополнена ст. 194[1], въ которой сказано, что „священнослужители иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій, которые совершатъ по своимъ обрядамъ надъ православнымъ конфирмацію, муропомазаніе, или иное священнодѣйствіе, знаменующее принятіе въ исповѣданіе иновѣрной христіанской церкви, или же допустятъ совершить или совершатъ по своимъ обрядамъ крещеніе надъ дѣтьми православныхъ, подвергаются за сіе отрѣшенію отъ должности или лишенію духовнаго сана“, т. е. наказанію значительно болѣе строгому, чѣмъ то, которое опредѣлялось въ прежней 193 ст.

Затѣмъ за время пребыванія моего въ составѣ кассаціоннаго департамента вопросъ о примѣненіи 193 и новой 194[1] статей возникалъ два раза. Въ 1893 году пасторъ Лютеръ былъ осужденъ за окрещеніе по лютеранскому обряду дочери крестьянина Вольмара, женатаго на православной. Изъ обстоятельствъ дѣла оказалось, что до 19 марта 1865 года въ Остзейскомъ краѣ строго примѣнялась 67 ст. т. X ч. I законовъ гражданскихъ объ отобраніи у вступающихъ въ смѣшанный бракъ подписки о непремѣнномъ крещеніи и воспитаніи дѣтей въ православной вѣрѣ. Затѣмъ Императоръ Александръ II повелѣлъ не требовать такихъ подписокъ отъ брачущихся, предоставивъ имъ свободный выборъ вѣроисповѣданія для дѣтей. Но 8 августа 1885 года правило

25309.

Литературный фонд Московской обл. библиотеки

объ отобраніи подписокъ было возстановлено во всей силѣ. Однако и въ этотъ періодъ нѣкоторые православные священники при совершеніи смѣшанныхъ браковъ продолжали отбирать такія недѣйствительныя подписки, и когда Вольмаръ, давши такую подписку, не сознавая ея недѣйствительности,—принесъ впослѣдствіи свою дочь пастору Лютеру, и тотъ ее окрестилъ по лютеранскому обряду, то послѣдняго привлекли къ отвѣтственности по 193 ст. Само собою разумѣется, что Сенатъ отмѣнилъ этотъ приговоръ.

Въ 1900 году на разсмотрѣніе Сената поступило дѣло по обвиненію пастора Роберта Гольста въ томъ, что онъ допустилъ крестьянку Алиду Таухвальдъ къ причащенію и конфирмаціи по лютеранскому обряду, зная, что она происходитъ отъ православныхъ родителей и должна воспитываться въ православной вѣрѣ. Оказалось, что родители Алиды, принадлежавшіе къ „уклоняющимся“, были въ 1894 году осуждены за то, что крестили дочь по лютеранскому обряду, при чемъ она была по опредѣленію суда у нихъ отобрана и отдана одному изъ родственниковъ, несомнѣнно не „уклоняющемуся“, на воспитаніе въ духѣ православной вѣры.—Воспитаніе это было, повидимому, не вполнѣ успѣшно, такъ какъ Алида, достигнувъ вполнѣ сознательнаго возраста, обратилась къ пастору Гольсту съ просьбой конфирмовать ее и причастить. Послѣдній, имѣя въ виду, что Алида *по метрическому свидѣтельству* значится лютеранкой, исполнилъ ея желаніе. Сенатъ отмѣнилъ обвинительный по ст. 193 и 194[1] приговоръ палаты, найдя совершенно основательно, что, за отсутствіемъ присоединенія Алиды установленнымъ порядкомъ къ православію, она не можетъ считаться не принадлежащей ни къ какому вѣроисповѣданію, и что отдача родственнику для религіознаго воспитанія еще не составляетъ причисленія ея къ православной паствѣ, почему пасторъ Гольстъ имѣлъ основаніе считать ее лютеранкой и допустить къ причастію.

Я очертилъ въ моихъ воспоминаніяхъ уніатскія, пасторскія и штундистскія дѣла постольку, поскольку мнѣ приходилось принимать въ нихъ участіе. Конечно, мой разсказъ представляетъ лишь уголокъ общей большой картины. Но по нему, однако, можно судить о ея содержаніи и о характерѣ нашей вѣроисповѣдной политики до начала 1905 года на нашей западной и прибалтійской окраинахъ. Съ одной стороны дѣятельно выступала духовная власть, водворяющая и укрѣпляющая господство церкви не столько путемъ примѣра, поученія и подъема народной нравственности и религіознаго сознанія, сколько путемъ административныхъ взысканій и судебныхъ приговоровъ,

предпочитающая духовному вразумленію—вразумленіе полицейское,—а съ другой стороны существовала пестрая масса „упорствующихъ“, „уклоняющихся“ и „колеблющихся“, поражаемыхъ въ своихъ гражданскихъ правахъ и стѣсняемыхъ въ чувствѣ преданности вѣрѣ отцовъ. Эта власть, считая согласнымъ со своимъ призваніемъ и достоинствомъ взывать къ полицейскому вмѣшательству, попускала явное попраніе свободы совѣсти для насильственнаго удержанія людей въ предѣлахъ своей компетенціи противъ ихъ воли и убѣжденія. Въ союзѣ съ нею и единомысліи дѣйствовали мѣстные высшіе представители администраціи, возбуждая уголовныя преслѣдованія, относясь съ недовѣріемъ и осужденіемъ къ высшему изъ нормальныхъ судовъ въ Имперіи, когда онъ не удовлетворялъ ихъ намѣреніямъ, и побуждая законодательную власть къ изданію скороспѣлыхъ и исключительныхъ законовъ въ то время, когда самыя важныя потребности страны тщетно ждали себѣ законодательнаго отвѣта. Эти своеобразные бюрократическіе ученые, любящіе ссылаться на историческіе завѣты и примѣры, почерпали изъ исторіи одни факты и не понимали ея философіи. Вводя въ заблужденіе Монарха неточными свѣдѣніями и утвержденіями, они считали въ своей близорукости главнымъ врагомъ мира и порядка—вѣротерпимость! Какой ребяческой недогадливостью звучитъ, напримѣръ, утвержденіе одного изъ нихъ, что пасторы являются *единственными* сѣятелями смуты въ краѣ, который черезъ нѣсколько лѣтъ, въ недавно пережитое нами время, сдѣлался ареной кровавыхъ потрясеній, одними изъ первыхъ жертвъ коихъ были именно пасторы. Наконецъ, какимъ недомысліемъ вѣетъ отъ тѣхъ ревнителей вѣры, которые предпочитали, чтобы значительная масса населенія оставалась въ христіанскомъ государствѣ безъ возможности осуществлять христіанскую религію потому, что люди, принадлежащіе къ этой массѣ, записаны „на приходъ“ въ православіе, которому чужды и къ которому принадлежать не хотятъ, а душой стремятся къ лютеранству, къ которому принадлежать имъ запрещаютъ. Дай Богъ, чтобы обо всемъ этомъ можно было, въ самомъ скоромъ времени, сказать съ радостной увѣренностью: „Tempi passati“....

А. Ѳ. Кони.

*

Къ біографіи Цесаревича Константина Павловича.

(Ночь на камердинерской постели).

Эксцентричность Цесаревича Константина Павловича общеизвѣстна. Е. Доде въ своей статьѣ, посвященной Ахенскому конгрессу (Autour du congrès d'Aix-la-Chapelle; Er. Daudet. Le Correspondant, 1907, 10 juillet), сообщаетъ однако еще новый эпизодъ въ жизни Цесаревича.

Константинъ Павловичъ, прибывъ въ отведенный, для его пребыванія въ Ахенѣ, домъ, очевидно очень усталый съ дороги, быстро снялъ свои сапоги и бросился совершенно одѣтымъ на первую попавшуюся ему на глаза постель. Цесаревичу тотчасъ доложили, что эта кровать приготовлена для его камердинера. „Пусть ложится на мою!“ отвѣчалъ Цесаревичъ и проспалъ на этой постели до утра.

На слѣдующій день, только-что проснувшись, Цесаревичъ потребовалъ парикмахера. Разговорившись съ нимъ и узнавъ, что онъ былъ солдатомъ, Цесаревичъ заставилъ его продѣлать воинскія экзерциціи, а затѣмъ, разставшись съ нимъ и будучи доволенъ, послалъ ему въ награду шесть дукатовъ.

Мнѣніе графа И. И. Дибича о непомѣщеніи въ приказахъ свѣдѣній объ убитыхъ и умершихъ генералахъ [1]).

Замѣтивъ изъ Высочайшихъ приказовъ, что до сего времени не исключены еще многіе генералы, убитые или умершіе въ теченіе нынѣшней кампаніи, я полагалъ бы полезнымъ, для избѣжанія недоразумѣній, имѣющихъ нехорошее вліяніе на образъ мыслей и подающихъ тѣмъ поводъ къ противнымъ сужденіямъ, исключеніе генераловъ сихъ вносить въ приказъ, какъ можно рѣже, или даже вовсе въ оные не помѣщать, а просто исключать и собирать о томъ только для свѣдѣнія, кому слѣдовать будетъ.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

[1]) (Письмо гр. И. И. Дибича гр. А. И. Чернышеву, 14 ноября 1828 г., № 1362, изъ Яссъ).

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864—1909 г. г.) [1]).

Если молодость, несмотря даже на случайныя лишенія и невзгоды, вродѣ мною описанныхъ выше, представляетъ лучшую пору жизни, то и воспоминанія о ней, въ свою очередь, невольно вызываютъ въ моемъ постарѣвшемъ сердцѣ лишь одну радость и умиленіе... Главный центръ и условія пріятности жизни въ это счастливое время, помимо здоровья, которымъ я вообще пользовался, въ видѣ цѣннаго подарка отъ природы, заключались въ обществѣ моихъ милыхъ товарищей... Какъ у рязанца по гимназіи, гдѣ я получилъ воспитаніе, естественно кругъ моихъ товарищей въ Московскомъ университетѣ, главнымъ образомъ, состоялъ также изъ рязанцевъ, по крайней мѣрѣ изъ пріятелей, наиболѣе короткихъ, хотя при той легкости, съ которой завязываются всѣ связи и знакомства между молодыми людьми, много тоже друзей и пріятелей было пріобрѣтено мною въ дни студенчества между лицами и изъ другихъ краевъ Россіи, какъ бывшими гимназистами, такъ и семинаристами... (напр. костромичъ М. О. Перфильевъ, тверитянинъ изъ семинаристовъ Д. Сиверцовъ, симбирецъ И. Е. Цвѣтковъ и мн. др., нѣсколько кавказцевъ-армянъ и грузинъ, черкесъ и нѣсколько поляковъ изъ Западнаго края и пр., не помню только евреевъ, которыхъ въ мое время вообще было въ университетѣ весьма мало).

Въ Рязанскомъ кружкѣ студентовъ собственно сближенію сильно содѣйствовало такъ называемое „рязанское землячество“, т. е. взаимно-благотворительное общество бывшихъ воспитанниковъ Рязан-

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1909 г.

ской гимназіи, ибо въ мое время рѣшительно никакой политикой мы *не занимались*, мало интересовались ею и не знали ее, обратно съ теперешней молодежью, которая изъ-за политики забываетъ свое настоящее дѣло и обязанности... Очень долго старостой или казначеемъ у насъ былъ высокоуважаемый нынѣ сенаторъ Вл. Ник. Варваринъ, извѣстный судебный дѣятель... Мы собирали деньги, добываемыя и присылаемыя изъ Рязани для бѣдныхъ товарищей, и дѣлили ихъ между собой, удовлетворяя наиболѣе насущной потребности, въ общемъ, на сколько помню, наиболѣе справедливымъ образомъ... Между прочимъ въ очень тяжелое время моего собственнаго пребыванія въ университетѣ первый годъ, я обязанъ былъ землячеству, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, маленькой стипендіей, которая, можетъ быть, дала мнѣ возможность—не умереть съ голоду...

Назову имена моихъ ближайшихъ друзей и товарищей, преимущественно изъ Рязанской гимназіи въ первые годы моей студенческой жизни. На первомъ мѣстѣ надо поставить Николая Игнатьевича *Родзевича*, съ которымъ я былъ уже друженъ въ гимназіи и о которомъ много говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ дѣтства („Вѣст. Восп.“). У него былъ братъ Игнатій, моложе насъ, съ которымъ я сблизился уже въ позднѣйшее время, на старшемъ курсѣ и во время приготовленія къ профессурѣ. Н. И. Родзевичъ очень рано сдѣлался достаточно прилежнымъ и исправнымъ юристомъ, не задаваясь, подобно мнѣ, какими-либо мечтаніями заниматься спеціально науками, или посвятить себя той или иной отрасли знанія; въ то время какъ я уже въ гимназіи въ шутку иногда именовался профессоромъ и часто питалъ дерзкія мысли впереди сдѣлаться таковымъ, Н. И. Родзевичъ усердно занимался профессорскими курсами и изучая преимущественно Судебные Уставы и X томъ, онъ отличался большой основательностію и знаніемъ статей закона по всѣмъ важнымъ поводамъ и случаямъ. Экзамены его сходили въ срокъ благополучно, и онъ кончилъ отлично кандидатомъ, съ надлежащей подготовкой для своей будущей практической дѣятельности въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго (нынѣ онъ состоитъ, какъ извѣстно, по выборамъ городскимъ головой Рязани). Изъ другихъ товарищей назову Меркулова, Шубина, Рожественскаго, Поспѣлова и Алексѣевыхъ, которые въ большей или меньшей степени вращались въ нашемъ кружкѣ, или поддерживали пріятельскія отношенія.

Михаилъ Моисеевичъ *Меркуловъ*, сынъ крестьянина, былъ вообще очень хорошимъ ученикомъ въ гимназіи и остался такимъ же студентомъ, но почему-то къ концу университетскаго курса отдалился отъ нашего кружка. Сначала онъ сдѣлалъ на службѣ быстро

большую карьеру, за участіе свое въ политическихъ слѣдствіяхъ и процессахъ (подъ руководствомъ извѣстнаго Жихарева), очень быстро получилъ постъ саратовскаго прокурора, а затѣмъ почему-то покинулъ судебную службу и превратился въ администратора, сначала правителя дѣлъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ занялъ мѣсто, кажется, волынскаго губернатора и скоро скончался еще въ полной силѣ лѣтъ...

Н. И. *Шубинъ* и Г. Г. *Рожественскій* (послѣдній кончилъ курсъ на математическомъ фак.) посвятили себя также практической службѣ и оба, кажется, принадлежали къ прокуратурѣ... Алексѣй Ив. *Поспѣловъ*, сынъ нашего гимназическаго и пансіонскаго врача, изучилъ основательно въ Москвѣ и за границей одинъ изъ отдѣловъ медицины и сдѣлался въ Москвѣ извѣстнѣйшимъ врачемъ—практикомъ по накожнымъ болѣзнямъ и профессоромъ этой спеціальности... Изъ другихъ рязанцевъ, болѣе или менѣе соприкасавшихся съ нами, назову лишь двухъ *Алексѣевыхъ*: Семена Михайловича и Николая Петровича; первый Алексѣевъ былъ извѣстнымъ въ Москвѣ адвокатомъ-присяжнымъ повѣреннымъ,—второй поступилъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и рано какъ-то потерялъ связь съ прочими товарищами... Изъ другихъ лицъ по Рязанской гимназіи, отчасти державшихся въ нашемъ кружкѣ, слѣдуетъ упомянуть также двухъ *Соколовыхъ*, *Кочергина и Трескинскаго*... Въ нашу же компанію случайно попалъ одинъ псковитянинъ, всѣми любимый за свое добродушіе, Александръ Петровичъ *Квашнинъ-Самаринъ*, юристъ (нынѣ членъ окружнаго суда въ Ригѣ), *Кедровъ*, изъ бывшихъ семинаристовъ, *Богдановъ*, *Сакульскій*, *Джаксонъ* (совершенно обрусѣвшій англичанинъ), одинъ вятичъ, Василій Ѳедоровичъ *Клячинъ*, особенно сблизившійся на послѣднихъ курсахъ съ Н. И. Родзевичемъ и мной, и мн. др. Къ числу моихъ товарищей по университету однокурсниковъ принадлежали также Н. П. *Боголѣповъ*, несчастный министръ народнаго просвѣщенія, и старше меня нѣсколькими курсами Вячеславъ Константиновичъ *Плеве* и Алек. Ив. *Чупровъ*... Въ университетѣ я съ ними однако не былъ знакомъ и сблизился, по крайней мѣрѣ съ первыми двумя, гораздо позднѣе, почему и буду говорить о нихъ много дальше.

Всѣ выше переименованные мои товарищи жили между собой болѣе или менѣе согласно и почти никогда не ссорились серьезно. Кромѣ помянутаго раньше рязанскаго землячества, мы не имѣли болѣе какихъ-либо обществъ, или благотворительныхъ учрежденій, но охотно съ полной готовностію помогали другъ другу, такъ что критическое положеніе, въ которомъ я находился зеленымъ новичкомъ на первомъ курсѣ лѣтомъ 1865 г., уже сдѣлалось далѣе рѣдко

возможнымъ, ибо почти всегда въ минуту жизни трудную представлялась вѣроятность перехватить что-либо у товарищей, если даже и истощились собственные денежные ресурсы. По мысли М. М. Меркулова, помнится, мы пытались образовать у себя „потребительное товарищество“, но, вѣроятно, вслѣдствіе неудачнаго выбора предметовъ потребленія изъ этой затѣи не вышло ничего путнаго и ее скоро бросили: наша потребительская лавочка въ лицѣ завѣдующаго ею Меркулова, для перваго начала, выбрала три ходкихъ между студентовъ товара—водка, колбаса и табакъ, на пріобрѣтеніи которыхъ по мелочамъ приходилось особенно сильно переплачивать... Въ результатѣ, однако, у насъ начался такой быстрый оборотъ торговли, и развилось скоропалительное пьянство, что мы испугались послѣдствій, а Меркуловъ отказался хозяйничать, и дѣла быстро ликвидировали...

Очень въ ходу въ нашемъ студенческомъ кружкѣ между прочимъ былъ довольно странный способъ помощи ссуженіемъ подходящими закладами. Такъ я помню, напр. на урокѣ у одного зажиточнаго священника въ Замоскворѣчьѣ, я однажды получилъ въ подарокъ за успѣшные уроки и усердіе старинный золотой въ 10 рублей, который я очень берегъ за его рѣдкость... Золотой этотъ скоро сдѣлался, какъ говорится въ нашихъ сказкахъ, „неразмѣннымъ“ на очень продолжительное время. Я его отпускалъ часто кому-либо изъ нуждавшихся товарищей, или пользовался самъ, отправляя его для временнаго обладанія Чистякову подъ вѣрную ссуду въ нѣсколько рублей. Другой случай заклада на моей памяти, болѣе непріятный, произошелъ относительно моего весьма цѣннаго имущества, случайно пріобрѣтеннаго уже на 4-мъ курсѣ. Я имѣлъ рѣдкое счастье, взявши за полтинникъ билетъ въ лотерею какихъ-то дѣтскихъ пріютовъ, выиграть на него *одинъ* билетъ *внутренняго займа* (стоимостью тогда уже болѣе 200 руб.). Этотъ билетъ немедленно почти поступилъ въ выше описанный кредитный оборотъ, т. е. добрые товарищи и я самъ начали при нуждѣ занимать подъ его залогъ деньги, на этотъ разъ даже у банкировъ, минуя посредничество Чистякова... Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ мой пріятель, для котораго билетъ однажды былъ заложенъ, оказался несостоятельнымъ сразу внести сто съ чѣмъ-то рублей и сталъ расплачиваться со мною по мелочамъ, ну, а я, разумѣется, не могъ по частямъ его выкупать, и мой счастливый выигрышъ пропалъ въ залогѣ.

Еще важнѣе была впрочемъ помощь отъ любезныхъ товарищей дѣломъ, чѣмъ деньгами; за немногими исключеніями, всѣ почти уроки, корректуры, переводы, которые я получалъ въ теченіе моей

продолжительной борьбы съ бѣдностію, большею частію получались мной именно отъ товарищей или черезъ товарищей и только въ видѣ исключенія отъ лицъ постороннихъ.

Наконецъ товарищи были для меня, сверхъ сказаннаго, главными поставщиками новыхъ книгъ и новыхъ журналовъ въ дни моего студенчества. Правда, это не исключало необходимости личныхъ заботъ и тратъ по этому поводу. Я между прочимъ отличался всегда большой жадностію къ чтенію и потому большею частію всегда былъ подписчикомъ какихъ-нибудь летучихъ библіотекъ и даже не одной (всегда Ушаковыхъ), а цѣлыхъ двухъ. Для залога въ обезпеченіе чтенія у меня служили обыкновенно мои подарочныя книги изъ гимназіи, выданныя мнѣ на актахъ заведенія за успѣхи и благонравіе, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли большую цѣну. Въ особенномъ ходу для этой надобности было два весьма толстыхъ фоліанта въ прекрасныхъ переплетахъ—какое-то сочиненіе въ двухъ томахъ проф. *Буслаева*; это многоцѣнное сочиненіе вездѣ охотно принимали въ обезпеченіе, пока, наконецъ, къ моему великому сокрушенію, оно въ библіотекѣ Алалыкина пропало, и я такимъ образомъ теперь лишился сочиненія цѣннаго вдвойнѣ (хотя я даже его названіе забылъ—„Очерки“), по воспоминанію и какъ важнаго оборотнаго средства для полученія книгъ изъ частныхъ библіотекъ... Товарищи, впрочемъ, хотя и не всѣ, изрѣдка покупали особенно ходкія и модныя книги, или даже въ складчину выписывали журналы, или лично или ихъ родственники, а потому очень часто можно было пополнить заимствованіями у нихъ дефекты, недостающіе для чтенія изъ частныхъ библіотекъ. Казенныя же библіотеки, спеціально университетская, всегда страдали худосочіемъ и отсутствіемъ нужныхъ руководствъ и общихъ сочиненій...

Само собою разумѣется, что помимо своего рязанскаго кружка, котораго я преимущественно держался все время своего студенчества, мнѣ приходилось попадать и въ другіе кружки студентовъ, но большею частію лишь мимолетно, и долго я въ нихъ не оставался, не завязывая прочныхъ связей и симпатій. Такъ на первомъ еще курсѣ и на одной изъ первыхъ лекцій, мною посѣщенныхъ, извѣстнаго историка нашего Сергѣя Михайловича *Соловьева*, я познакомился съ маленькимъ студентомъ, мнѣ любезно уступившимъ мѣсто для сидѣнія, въ которомъ я нуждался. Это оказалось впослѣдствіи былъ нѣкто *П. Ѳ. Успенскій*, получившій скоро широкую извѣстность, что по тогдашнимъ временамъ было еще рѣдкостію, какъ революціонный дѣятель (по извѣстному процессу Нечаева)... Наше знакомство, которое началось съ этой лекціи, поддерживалось нѣсколько лѣтъ, но въ сближеніе, къ счастію моему, не перешло...

Г. Успенскій былъ любезенъ и милъ со мной всегда: такъ года черезъ два послѣ первой встрѣчи, я его случайно встрѣтилъ, къ моему удивленію, въ качествѣ приказчика въ книжной торговлѣ и библіотекѣ Черкесова, открывшейся въ Москвѣ на Лубянкѣ и очень бойкой по своему обороту и множеству книжныхъ новостей... Успенскій немедленно меня узналъ (обратно со мной), и тотчасъ предложилъ, какъ добрый товарищъ, брать книги изъ ихъ библіотеки *безъ всякаго залога* и на самыхъ льготныхъ условіяхъ... (а я въ это время уже лишился Буслаева и нуждался въ залогѣ, безъ котораго ни одна библіотека книгъ не довѣряла). Тутъ же онъ меня познакомилъ съ лицами, не помню точно, или служившими также у Черкесова, или имѣвшими только личное отношеніе къ Успенскому, именно: *Волховскимъ*, *Прыжовымъ* (котораго кстати я ни разу, кажется, вполнѣ трезвымъ не видѣлъ) и другими также попавшими черезъ нѣсколько лѣтъ въ крупный политическій процессъ, въ дѣло т. н. Нечаева, о тайной организаціи и убійствѣ студента Иванова въ Петровско-Разумовской академіи... Я началъ было изрѣдка по ихъ приглашенію посѣщать ихъ въ свободные вечера, но насколько мнѣ нравился лично самъ Успенскій, на столько же претили его товарищи, напримѣръ, вѣчно пьяный Прыжовъ и особенно Волховской—большой фатъ, который, усѣвшись на стулъ верхомъ среди комнаты, въ присутствіи молоденькихъ дѣвицъ, излагалъ съ паѳосомъ о фаланстерахъ французскихъ соціалистовъ, съ видомъ знатока сопровождая ихъ критикой, похвалами или замѣчаніями самаго общаго свойства; мнѣ, какъ лицу уже довольно начитанному въ подобной литературѣ и знавшему относительно порядочно французскій языкъ, всѣ его объясненія и выходки отдавали ложью и скоро дѣлались противными... Въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ зазыванія и приглашенія Успенскаго, я черезъ нѣкоторое время совсѣмъ пересталъ къ нему ходить и даже кончилъ абонементъ у Черкесова, какъ разъ во время, вскорѣ оказалось, незадолго передъ арестомъ служащихъ книжной торговли Черкесова и закрытіемъ самой библіотеки...

Другое знакомство и весьма пріятнаго для меня свойства, съ лицами изъ студентовъ-нерязанцевъ совершилось совсѣмъ при другой обстановкѣ. Также новичкомъ на первомъ курсѣ, я получилъ приглашеніе отъ своего старшаго товарища, такъ же рязанца, студента 4-го курса юрид. факультета Константина Дмитріевича Анциферова—приглашеніе принять участіе въ юридической комедіи, которую затѣвало устроить недавно передъ тѣмъ учрежденное юридическое общество. Какъ извѣстно, въ 1864 году прошли наши Судебные уставы, и введенъ впервые судъ присяжныхъ... Московское юри-

дическое общество, открывая свою дѣятельность, задумало познакомить публику, а кстати ближе познакомиться и самимъ со всей процедурой судоговоренія и новаго судебнаго порядка. Для этой цѣли оно назначило нѣсколько засѣданій и нѣсколько уголовныхъ дѣлъ, и вотъ въ первомъ изъ нихъ именно мнѣ и пришлось участвовать. Юридическое общество вытребовало или выпросило себѣ изъ архива стараго Сената, находившагося въ Москвѣ, нѣсколько уже совсѣмъ законченныхъ дѣлъ и одно изъ нихъ назначило для перваго раза. На сколько помню, это было дѣло объ ограбленіи какого-то злосчастнаго совѣтника въ городѣ Симферополѣ, въ собственномъ домѣ, при чемъ онъ былъ найденъ утромъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ на собственной его кровати и собственными веревками, взятыми на дворѣ изъ его собственной же старой палатки; въ то же самое время все цѣнное имущество изъ квартиры было унесено ворами, въ числѣ которыхъ между прочимъ сильно подозрѣвались въ соучастіи преступленію собственная же прислуга, или точнѣе служанка этого титулярнаго совѣтника, нѣкая Юлія Жадовская, одинъ изъ любовниковъ которой попался здѣсь съ поличнымъ...

Дѣло это велось цѣлый длинный вечеръ подъ предсѣдательствомъ почтеннаго предсѣдателя общества Василія Николаевича Лешкова. Позднѣе, на другихъ засѣданіяхъ, какъ я слышалъ, предсѣдателемъ бывалъ также и проф. С. И. Баршевъ. Другими главными дѣйствующими лицами въ этой оригинальной юридической комедіи были также разные господа изъ служащихъ юристовъ, но весь остальной персоналъ комедіи велся исключительно студентами, т. е. подсудимые, присяжные, свидѣтели, а равно и публика, однимъ словомъ, всѣ, кромѣ защиты и обвиненія. Мнѣ назначена была роль довольно легкая: *свидѣтеля*-дворника Ѳомы *Кирюшкина*. Уважаемый и извѣстный нынѣ всей Россіи, какъ почтенный судебный дѣятель и ученый—Анатолій Ѳедоровичъ *Кони*, тогда московскій студентъ 4-го курса, выбралъ себѣ въ этой комедіи, почему и какъ—не знаю, весьма неблагодарную роль, именно обвиняемой служанки Жадовской... Ему и пришлось все время говорить въ женскомъ родѣ, почему онъ безпрестанно ошибался, и путалъ съ мужскимъ „я видѣлъ“, „я видѣла“, „я говорилъ“, „я говорила“ и т. п. Кромѣ того бѣдному Анатолію Ѳедоровичу приходилось также отвѣчать на множество крайне неудобныхъ для мужчины разспросовъ, по поводу, напр., своего бѣлья, отношеній къ одному изъ господъ подсудимыхъ, что прерывалось постояннымъ громкимъ хохотомъ публики, несмотря на усердный звонокъ предсѣдателя... Кто глядя на этого маленькаго студентика, серьезно игравшаго забавную роль Жадовской, могъ бы

предсказать тогда, что онъ превратится со временемъ въ такого *крупнаго* общественнаго дѣятеля, талантливаго оратора и популярнѣйшаго публициста?!!

Что очень характерно для нашего будущаго тогда суда присяжныхъ, что это фиктивное дѣло кончилось, несмотря на очевидныя улики и обвиненія, поголовнымъ оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ. Мнѣ лично пришлось въ немъ играть, какъ было уже упомянуто, небольшую, весьма наивную роль, отвѣчая почти на всѣ вопросы классическимъ „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“... Студентъ А. Ѳ. Кони, съ которымъ я познакомился наканунѣ этого судилища у К. Д. Анциферова, произвелъ на меня уже тогда глубоко-симпатичное впечатлѣніе своимъ умомъ, знаніями, живой рѣчью и наблюдательностію; онъ первый, напр., въ моей жизни познакомилъ меня съ содержаніемъ лекцій извѣстнаго историка Н. И. Костомарова, весьма почитаемаго тогда молодежью, въ Петербургѣ, въ Городской Думѣ и слышанныхъ имъ тамъ, послѣ временнаго закрытія университета. Кони былъ въ Петербургѣ собственно на математическомъ факультетѣ и потомъ въ Москвѣ уже, къ счастію, несомнѣнно, для Россіи, перешелъ на юридическій...

Рядомъ съ товариществомъ важную роль въ жизни студентовъ играютъ (въ учебно-научномъ отношеніи, конечно, еще выше) наставники, профессора, но такъ какъ я по просьбѣ редакціи обѣщалъ по возможности учебной части не касаться, то я ограничусь относительно своихъ преподавателей однимъ лишь перечисленіемъ ихъ и краткими характеристиками лицъ, изъ нихъ особенно выдававшихся въ какую-либо сторону. Буду ихъ называть по времени ознакомленія съ ними, начиная съ перваго курса. Конечно, изъ профессоровъ на первомъ курсѣ первое мѣсто занимаетъ всеобщій профессоръ для всѣхъ четырехъ факультетовъ — *Богословія* — въ мое время почтенный протоіерей *Сергіевскій*, несомнѣнно человѣкъ весьма образованный и корректный, ровный, спокойный, съ хорошимъ даромъ слова, но который, къ сожалѣнію, не могъ справиться съ своей трудной задачей — знакомить многочисленную молодежь, вовсе не проникнутую, какъ это встрѣчается за границей, хотя бы въ Англіи, религіознымъ чувствомъ и вовсе не желавшую учиться. Мнѣ неизвѣстно, какъ Богословіе преподается въ другихъ нашихъ университетахъ, но въ Московскомъ — въ мое время оно преподавалось исключительно почти въ полемической формѣ. Въ виду безбожія, развитаго тогда особенно сильно въ русскомъ обществѣ и пропагандируемаго въ печати, московскій профессоръ взялъ на себя непосильную Сизифову работу воевать и опровергать не только противниковъ православія, но всякихъ безбожниковъ, гдѣ бы они

ни оказались, — въ философіи, естественныхъ наукахъ, наконецъ, въ русской журналистикѣ. Сегодня онъ воевалъ, напримѣръ, съ Шопенгауеромъ или Фихте, завтра съ Дарвиномъ или Геккелемъ, послѣ завтра съ Бюхнеромъ и Фейербахомъ и затѣмъ съ выходками „Современника“ или „Русскаго Слова“ и т. д. и пр. Отсюда получался понятный результатъ: почтенный нашъ богословъ не въ состояніи былъ справиться съ столькими противниками и лжеучителями, и въ концѣ концовъ „ослабъ и изнемогъ“... т. е. все оставалось незаконченнымъ, а собственно въ области Богословія, пройдя университетъ, мы не получали никакого понятія и только задавались тщетно вопросомъ — зачѣмъ у насъ убито было столько времени безъ всякой существенной пользы для нашихъ знаній??..

Собственно изъ юристовъ-профессоровъ на первомъ курсѣ (нѣсколько филологовъ, которые преподавали, каждогодно мѣняя отдѣльные курсы, какъ Соловьевъ, Тихонравовъ и пр. — въ счетъ нейдутъ), важнѣйшее мѣсто по числу часовъ занятій и, пожалуй, своему вліянію занималъ добрѣйшій и милѣйшій старецъ Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ, преподававшій Исторію Русскаго Права... Обладая крайне невзрачной наружностію и какъ бы изломаннымъ тѣломъ, онъ не ходилъ, а ковылялъ изъ стороны въ сторону, размахивая руками („побывалъ подъ двумя жерновами“, острили студенты). Иванъ Дмитріевичъ обладалъ такой теплой душой и искренной любовью къ своей наукѣ, что невольно, несмотря ни на что, привлекалъ симпатіи почти всѣхъ слушателей и сообщалъ имъ даже интересъ и расположеніе къ самой Исторіи Русскаго Законодательства, преимущественно въ ранній періодъ нашей исторіи.

Главный трудъ Бѣляева, „Крестьяне на Руси“, клалъ сильный отпечатокъ на его курсъ, гдѣ крестьяне, по крайней мѣрѣ, въ его изложеніи, играли всегда большую роль, имъ давалось много мѣста... Иванъ Дмитріевичъ былъ всегда дома для студентовъ и готовъ имъ помогать, чѣмъ можетъ. Позднѣе мнѣ придется говорить, какъ усердно эта добрая душа искала для меня лично заработка въ одинъ изъ позднѣйшихъ, временныхъ періодовъ безработицы, какъ онъ ввелъ меня въ Литературный кружокъ Юрьевской „Бесѣды“... Замѣчая, вѣроятно, у меня, во время разговоровъ съ нимъ, нѣкоторые проблески любви къ старинѣ, И. Д. Бѣляевъ, уговорилъ меня начать слушать курсъ профессора Анатолія Петровича Богданова, который предполагалъ читать въ университетѣ о своихъ курганныхъ раскопкахъ и результатахъ изученія найденныхъ череповъ. Я пріобрѣлъ немедленно черепъ и одно время

усердно занялся краніологіей, чтобы лучше разбирать и понимать со словъ изслѣдователей „долихоцефальные“, „брахицефальные“ и другіе черепа разныхъ этнографическихъ особей. Самъ лично наконецъ я раскопалъ ближайшее лѣто, проживая на урокѣ въ Зарайскомъ уѣздѣ, одинъ курганъ, строго по наставленіямъ въ книжкѣ Богданова, изданной для этой цѣли (кажется, пер. *Брока*), въ деревнѣ Перевитской Зарайскаго у. Рязанской губ. (древнемъ городищѣ Перевитебскѣ по словамъ Ивана Дмитріевича) и все это, т. е. кости, доставилъ Бѣляеву, къ его величайшему удовольствію. Добрѣйшій старикъ всѣми мѣрами старался также сдѣлать меня археологомъ, но тщетно и, совѣтуя наиболѣе всего заняться исторіей старыхъ русскихъ финансовъ, подарилъ мнѣ нѣсколько своихъ тетрадей съ матеріаломъ по этому предмету и обѣщалъ впослѣдствіи передать и другія. Къ сожалѣнію, скоро наступившая смерть помѣшала ему выполнить благое намѣреніе: подаренныя тетради были вытребованы у меня обратно его братомъ и наслѣдникомъ, а затѣмъ разнородныя причины отвлекли меня на всю жизнь отъ выполненія его прекраснаго совѣта заняться исторіей русскихъ финансовъ...

Самой крупной величиной на первомъ курсѣ Юридическаго факультета въ Москвѣ 1860-хъ годовъ являлся, по распространенному мнѣнію, знаменитый Никита Ивановичъ *Крыловъ*, „солнце“,—какъ его назвали въ рѣчахъ на его похоронахъ,—Юридическаго факультета, но таковое, впрочемъ, далеко не безъ пятенъ во всѣхъ отношеніяхъ... Несомнѣнно, Н. И. Крыловъ, много лѣтъ занимавшій каѳедру римскаго права въ Москвѣ, былъ человѣкъ талантливый, весьма хорошо усвоилъ суть и духъ римскаго права и умѣлъ его хорошо передавать, ловкимъ, образнымъ языкомъ, уснащая множествомъ наглядныхъ примѣровъ, сопоставленій, смотря по характеру передаваемыхъ институтовъ. Его лекціи посѣщались охотно, какъ спектакль какой-нибудь хорошей комической труппы, съ цѣлью прежде всего посмѣяться, а мимоходомъ, глядишь, что-нибудь въ головѣ и останется...

Въ своемъ стремленіи смѣшить Н. И. очень часто, впрочемъ, переходилъ предѣлы дозволительнаго, не стѣсняясь скабрезными подчасъ примѣрами и произвольно неприличными сравненіями. Науку свою онъ давно уже оставилъ втунѣ, вѣроятно, еще задолго до знаменитыхъ статей Бай-Бороды въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, временъ Каткова-Леонтьева, доказавшимъ всю его отсталость и малознаніе... Когда старые ученики соберутся, вспоминая и говоря о Никитѣ, то непремѣнно на языкѣ ихъ прежде всего вертятся и припоминаются какіе-либо смѣшные анекдоты, а вовсе не пробужденіе любви и

любознательности, какъ бы слѣдовало, подъ вліяніемъ его чтеній, къ этой болѣе точной и обработанной наукѣ на всемъ юридическомъ факультетѣ. Въ этомъ послѣднемъ, можетъ быть, заключаются главнымъ образомъ, какъ значеніе и цѣнность, такъ и причины большой популярности этого даровитаго, несомнѣнно, старца для Московскаго университета. Нельзя также не сказать правду, что Н. И. былъ съ давнихъ поръ морально грязноватъ, и эта сторона вовсе не составляла секрета для его слушателей моего времени. Не говоря о старыхъ, распространенныхъ разсказахъ о его будто-бы нѣкогда взяточничествѣ, подъ видомъ „нахлѣбниковъ“ и прочее въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, достаточно напомнить, а многіе еще изъ наличныхъ его учениковъ могутъ засвидѣтельствовать, его непозволительную нетерпимость и невѣжливость къ „жидамъ“ и „армяшкамъ“, какъ онъ безъ церемоніи въ глаза, одинъ разъ въ моемъ присутствіи обзывалъ представителей этихъ расъ...

Если не ограничиваться перечисленіемъ профессоровъ на первомъ курсѣ только, а называть всѣхъ болѣе извѣстныхъ, то нельзя, разумѣется, прежде всего не упомянуть о такомъ блестящемъ представителѣ науки, какъ былъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, извѣстный столько же, какъ спеціалистъ по государственному праву, сколько и русскій историкъ. Ограничусь, согласно взятой мною программѣ, лишь немногими словами объ этомъ замѣчательномъ нашемъ ученомъ. Онъ читалъ, начиная со второго курса, государственное право и политическія ученія, и то и другое серьезно и увлекательно. Всегда щегольски одѣтый, въ лаковыхъ сапожкахъ, онъ поражалъ всегда насъ студентовъ, между прочимъ, своимъ джентльменствомъ, что особенно рѣзало глаза рядомъ съ такими великими неряхами, какъ И. Д. Бѣляевъ и Н. И. Крыловъ. Лекціи его какъ-бы соотвѣтствовали его внѣшности, были красиво отдѣланы и изобиловали множествомъ фактовъ и требовали значительнаго вниманія и вдумчивости, чтобы постигнуть духъ и цѣль излагаемаго имъ. Въ то либеральное время мы, юноши, были настроены на самый либеральный камертонъ. До нашего свѣдѣнія уже дошло извѣстіе, какъ Чичеринъ ѣздилъ въ Лондонъ къ Герцену и какъ онъ разошелся съ нимъ во взглядахъ, а такъ какъ А. И. Герценъ въ то время былъ еще полубогъ, то мы натурально относились къ Борису Николаевичу съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, или по крайней мѣрѣ недовѣріемъ... Но вотъ онъ излагаетъ свой обширный и серьезный курсъ. Насколько мы при этомъ понимаемъ, онъ ничего не искажаетъ и не подводитъ непремѣнно подъ желательный ранжиръ, а въ каждомъ мнѣніи взвѣшиваетъ нелицепріятно доводы обѣихъ спорящихъ сторонъ, приводя ихъ часто къ извѣстному компромиссу

и при томъ иногда вовсе не консервативнаго свойства. Такъ какъ Чичеринъ начиналъ читать со второго курса, а конституціонное право—Дмитріевъ—лишь на четвертомъ, то собственно мы довольно рано въ университетѣ знакомились тогда отъ Чичерина со всѣми выгодными сторонами и важностію для государства *представительныхъ учрежденій*; Чичеринъ своими серьезными и спокойными лекціями, idem per idem, повторяя множество разъ, сдѣлалъ гораздо больше для пропаганды и популярности между тогдашнихъ студентовъ—конституціонализма,—чѣмъ всѣ остальные—въ университетѣ, не говоря уже о придавленной печати того времени, которая старательно, по неволѣ, подобныхъ вопросовъ избѣгала...

Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, когда Б. Н., сдѣлавшійся, какъ извѣстно, московскимъ городскимъ головой, былъ внезапно и такъ несправедливо удаленъ отъ этой должности, которую съ честью занималъ, за невинные намеки на конституцію въ своей извѣстной рѣчи передъ пріѣзжими братьями славянами, мы, бывшіе ученики Чичерина, крайне соболѣзновали объ этомъ и тщетно надѣялись, что будутъ какіе-либо рѣзкіе протесты противъ этого отъ славянъ; но увы! тутъ мы ничего не дождались!.. и способный и дѣятельный Б. Н. вмѣсто московскаго благоустройства занялся въ деревнѣ химіей!..

Изъ другихъ извѣстныхъ профессоровъ-юристовъ моего времени назову еще В. Н. Лешкова, С. И. Баршева, В. А. Легонина, М. Н. Капустина, Ф. Б. Мильгаузена и И. К. Бабста. Первый изъ переименованныхъ — В. Н. Лешковъ — извѣстнѣйшій по своему чрезвычайному добродушію и привязанности къ наукѣ, полицейскому праву, которое онъ до гроба не хотѣлъ называть такимъ противнымъ именемъ, обратно съ огромнымъ числомъ представителей этой науки въ Европѣ и Америкѣ, а именовалъ всегда „общественнымъ правомъ“ и старался подвести подъ нее всю ту разнообразную дѣятельность (что, разумѣется, въ сущности представляло невозможную невыполнимую задачу), которая совершается въ странѣ не государственной властію и не исключительно частной иниціативой. Онъ былъ всю свою жизнь, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Андреевичемъ Юрьевымъ, поклонникомъ „общественнаго духа“ и „хорового начала“ у русскаго народа и большой также защитникъ земельной общины, безъ которой видимо не могъ себѣ представить русскаго мужика. Можно не соглашаться со многими его взглядами, но отнюдь нельзя отказать ему въ послѣдовательности, въ стремленіи къ оригинальности и добрыхъ намѣреніяхъ, которыя оказывали вліяніе на его воззрѣнія и приводили иногда, можетъ быть, къ страннымъ заключеніямъ. Во всякомъ случаѣ я не могу соглашаться съ рѣзкимъ мнѣніемъ, которое гро-

могласно и почти публично объ этомъ почтеннѣйшемъ старикѣ высказывалъ когда-то на раутѣ у Я. П. Полонскаго въ моемъ присутствіи Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, о чемъ я буду сообщать въ настоящихъ своихъ запискахъ позднѣе...

Другой старецъ на нашемъ факультетѣ, современникъ Никиты Крылова и его сотоварищъ по происхожденію, Сергѣй Ивановичъ *Баршевъ*, довольно извѣстенъ во всей Россіи своею дѣятельностью, чтобы о немъ много распространяться; скажу только, что онъ никогда не принадлежалъ и не относился къ числу порядочныхъ профессоровъ Московскаго университета по своей узкости и ограниченности. Лекціи его въ мое время представляли собой довольно скудный и краткій курсъ изложенія немногихъ теоретическихъ началъ уголовнаго права, а главное уголовныхъ уложеній, и все это было обильно уснащено ради развлеченія анекдотами съ той разницей отъ пріемовъ и пристрастія къ анекдотамъ Никиты Крылова, что у того приводимыя имъ подчасъ остроумныя сопоставленія и исторійки были дѣйствительно смѣшны сами по себѣ, per se, тогда какъ анекдоты и остроты Баршева были лишь смѣшны по отношенію къ разсказчику, который былъ такъ наивенъ, что не замѣчалъ, что слушатели смѣются собственно надъ нимъ, а не отъ его разсказа, какъ напримѣръ, въ извѣстномъ и любимомъ его анекдотѣ о „тайномъ совѣтникѣ“, захваченномъ полиціей подъ воротами дома, когда онъ лѣзъ на любовное свиданіе (а когда подъ той же подворотней захваченъ „неизвѣстный подозрительный субъектъ“ какого-либо низкаго званія, то можно заключить, что онъ лѣзъ для воровства!?!). Несмотря на добросовѣстное отношеніе къ его лекціямъ и интересъ къ самому предмету уголовнаго права, у меня съ окончаніемъ курса ровно ничего не осталось въ головѣ, кромѣ нѣсколькихъ подобныхъ анекдотовъ. Какъ смотрѣли на Баршева его товарищи-профессора, изъ которыхъ двое наилучшихъ были вынуждены удалиться изъ университета благодаря этому самому Баршеву во времена его ректорства, можно судить по остротѣ чрезвычайно популярной въ Москвѣ профессора Дмитріева, когда Баршевъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ Воспитательнаго Дома: „наконецъ-то университетъ подкинулъ Баршева въ Воспитательный Домъ!!“ Московскому университету Баршевъ оставилъ на память одно: упадокъ юридическаго факультета и портретъ Филарета, вывѣшенный въ Актовомъ залѣ по его иниціативѣ при шиканьѣ студентовъ.

Михаилъ Николаевичъ Капустинъ, нашъ профессоръ энциклопедіи права и международнаго права, былъ впослѣдствіи директоромъ

Ярославскаго лицея и попечителемъ сначала Юрьевскаго, а потомъ Петербургскаго учебнаго округа. Добрѣйшій Василій Николаевичъ Лешковъ, о которомъ мы говорили, неспособный, повидимому, убить мухи, при мнѣ, однако, два раза острилъ надъ тѣмъ, что фамилія М. Н. Капустина, нѣтъ сомнѣнія, происходитъ отъ двухъ русскихъ словъ „какъ пусто“, и дѣйствительно нельзя по совѣсти не согласиться съ этимъ предположеніемъ. Изъ двухъ предметовъ юридическаго факультета, читанныхъ Капустинымъ, я рѣшительно не сохранилъ ничего въ головѣ ни въ то время, когда учился, ни впослѣдствіи, не усваивая также ничего изъ преподаваемаго имъ въ своихъ книжкахъ. Я нѣсколько разъ впадалъ въ отчаяніе, приписывая это обстоятельство собственному недомыслію, скажемъ — тупости, но изъ разспросовъ всѣхъ моихъ товарищей, которыхъ я успѣлъ спросить, получалось въ отвѣтъ то же самое. Никто почти ничего изъ курса Капустина не могъ усвоить, и долженъ былъ, какъ и я, взять на память. И дѣйствительно, я помню, одолѣлъ настолько его курсъ энциклопедіи права, что цѣлыя страницы могъ говорить не останавливаясь, въ то же время, ничего не понимая. Собственно говоря, Михаилъ Николаевичъ, если оставить въ сторонѣ его ученую дѣятельность, былъ человѣкомъ весьма доброжелательнымъ, готовымъ, насколько отъ него зависитъ, быть полезнымъ всѣмъ и каждому. Онъ стоялъ въ Москвѣ весьма долго во главѣ разныхъ благотворительныхъ начинаній и учрежденій въ пользу студенчества, какъ-то: „частныхъ общежитій, кассъ, временныхъ пособій“ и т. д. Каждый студентъ могъ смѣло къ нему явиться въ положенное время, съ надеждой, что онъ выслушаетъ или даже сдѣлаетъ что-нибудь. Впрочемъ, я долженъ сказать, что я нѣсколько разъ лично обращался къ нему съ просьбами, онъ всегда принималъ очень любезно и давалъ мнѣ рекомендацію уроковъ, но почему-то ни разу ни изъ одной рекомендаціи не вышло толку.

Намъ остается охарактеризовать изъ болѣе видныхъ преподавателей, которыхъ пришлось слушать въ Московскомъ университетѣ, двухъ лицъ, до нѣкоторой степени соспеціалистовъ: профессора финансоваго права Мильгаузена, моего бывшаго патрона, Ивана Кондратьевича Бабста, профессора политической экономіи и статистики и В. А. Легонина, профессора судебной медицины.

Ѳедоръ Богдановичъ Мильгаузенъ представлялъ собой весьма почтенный типъ профессора добраго, стараго времени. Человѣкъ безспорно очень умный, съ огромнымъ энциклопедическимъ образованіемъ, онъ могъ, кажется, читать по желанію любой предметъ юридическаго факультета и читалъ ихъ по временамъ въ своей жизни нѣсколько разъ, и въ то же время получилось какъ-то весьма мало

видимыхъ результатовъ отъ всей его обширной энциклопедичности и учености. За исключеніемъ одной лишь актовой рѣчи о подоходныхъ налогахъ (но въ которой, я долженъ теперь сознаться, я ему нѣсколько помогалъ), онъ рѣшительно не написалъ ни одной печатной строки въ жизни. Его страшила даже самая мысль что-нибудь печатать. Когда-то, въ его молодости, кажется въ 40-хъ годахъ, профессоровъ преслѣдовали въ Россіи, если они много писали, и съ тѣхъ поръ почтенный Ѳедоръ Богдановичъ какъ бы выставилъ своимъ правиломъ: „учись, но не показывай, по возможности, своей учености, ничего не печатай!“—что онъ и сдѣлалъ; между тѣмъ въ дѣйствительности Ѳедоръ Богдановичъ происходилъ изъ очень почтенной и образованной нѣмецкой семьи въ Москвѣ (отецъ его былъ извѣстный врачъ), родная сестра его, Елисавета Богдановна сдѣлалась супругой знаменитаго Грановскаго, въ домѣ котораго отчасти и проводилъ свою юность Ѳедоръ Богдановичъ; все вмѣстѣ, однимъ словомъ, предзнаменовало для него блестящую ученую будущность. Посланный за границу на нѣсколько лѣтъ, онъ объѣхалъ лучшіе германскіе университеты, учился довольно долго въ Англіи, но вернулся въ Москву и занялъ каѳедру, при чемъ никто и не подумалъ, какъ отъ насъ грѣшныхъ въ мое время потребовать диссертаціи, вообще видимыхъ знаковъ его работоспособности для замѣщенія должности профессора.

Собственно въ области своей науки финансовъ Мильгаузенъ обладалъ весьма обширными свѣдѣніями и составилъ курсъ столь большой, что никогда не въ состояніи былъ прочесть его цѣликомъ, при чемъ курсъ этотъ годъ-отъ-году мѣнялся и обновлялся новыми отдѣлами или экскурсіями въ побочныя науки, хорошо знакомыя профессору. Такъ, одно время Ѳ. Б. читалъ студентамъ древнюю исторію, другое—части науки полицейскаго права и т. д. Вообще, обратно, со многими изъ тогдашнихъ профессоровъ, Мильгаузенъ, подъ руководствомъ котораго пришлось мнѣ готовиться къ каѳедрѣ, отличался истинно нѣмецкимъ трудолюбіемъ, былъ занятъ постоянно и при томъ самымъ разнообразнымъ образомъ. Одно время, напримѣръ, онъ очень долго изучалъ новѣйшія путешествія по „Черному континенту“ Африки и очень охотно любилъ бесѣдовать обо всѣхъ, въ этомъ отношеніяхъ, открытіяхъ. Большой помѣхой, впрочемъ, для его занятій въ университетѣ являлась одна извѣстная русская слабость, которой онъ былъ преданъ—любилъ выпить и, къ сожалѣнію, много въ этомъ грѣшилъ. Но намъ придется о немъ говорить еще разъ далѣе по поводу оставленія моего при университетѣ и приготовленія къ профессурѣ.

*

И. К. Бабстъ, извѣстный одинаково съ Мильгаузеномъ по своей слабости къ рюмочкѣ, отличался отъ него, къ своей невыгодѣ, очень многими качествами, которыя вовсе не окупались многими достоинствами прекраснаго курса и учености Ѳедора Богдановича. Обратно съ нимъ Бабстъ заботился только видимо о томъ, чтобы поменьше дѣлать и побольше зарабатывать денегъ, потому все его время профессуры при мнѣ онъ весьма мало посвящалъ своимъ профессорскимъ обязанностямъ и очень много постороннимъ занятіямъ, дававшимъ ему, вѣроятно, большія деньги. Курсъ политической экономіи и статистики, имъ читаемой, по моему убѣжденію, былъ крайне низкопробнымъ. Политическая экономія представляла собою какой-то скудный конспектъ науки, изложенный, правда, понятнымъ языкомъ, но безъ всякой попытки къ полнотѣ ея изложенія и къ оригинальности. Статистика же была отрывкомъ географіи съ большой примѣсью при томъ этнографическихъ свѣдѣній о народахъ, населяющихъ Россію, особенно вдоль Волги. Изъ этого курса отъ студентовъ требовалось самое легкое знаніе: достаточно было разинуть ротъ и сказать два слова, чтобы Бабстъ ставилъ уже 5 и отпускалъ. Сочиненія же, которыя писались, какъ мы говорили о личномъ примѣрѣ, имъ совершенно не читались, и всегда ставились безъ разговоровъ высшія отмѣтки, чтобы скорѣе сплавить экзаменующагося домой. Естественно поэтому, Бабстъ получалъ студенческихъ сочиненій больше всѣхъ другихъ профессоровъ юридическаго факультета.

Перейдя на 2-й курсъ, я не оставилъ еще охоты добросовѣстно заниматься наукой, что̀, очевидно, въ то время не всѣми профессорами считалось за обязанность студентовъ. Я выбралъ другую тему для годичнаго сочиненія, которая мнѣ очень приглянулась, въ виду начавшихся тогда русскихъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, предшественниковъ будущихъ завоеваній ея и присоединенія къ Россіи. Я намѣтилъ темой „Торговые пути Россіи съ Средней Азіей“ и добросовѣстно сталъ изучать литературу, сюда относящуюся; главнымъ образомъ русскую историческую часть по Соловьеву и Карамзину, а географическую—по многимъ русскимъ описаніямъ и путешествіямъ, отчасти и по послѣднимъ англійскимъ источникамъ. Къ концу года у меня составилась весьма изрядная работа, которая знакомила основательно съ этимъ вопросомъ со всѣхъ сторонъ, и я подалъ ее опять Бабсту. Повторилось то же, къ сожалѣнію, что и съ первымъ моимъ трудомъ: ни отвѣта, ни привѣта. Бабстъ, видимо, не прочелъ работы, не говорилъ со мной о ней ни полслова, спросилъ, кажется, только, въ какой гимназіи я воспитывался, и поставилъ мнѣ 5, что̀ ставилъ и всѣмъ моимъ товарищамъ несомнѣнно ниже меня по знанію и своей работѣ. Этотъ индифферен-

тизмъ и равнодушіе профессора къ прямой его обязанности, тѣмъ болѣе, что въ одно время со мной, насколько мнѣ извѣстно, никто ему такихъ большихъ и оригинальныхъ сочиненій не подавалъ, подѣйствовалъ на меня убійственно,—у меня совершенно опустились руки къ продолженію моихъ дальнѣйшихъ занятій и штудій.

Весьма рано, еще въ Рязанской гимназіи, когда я отличался своими отвѣтами на экзаменахъ, напримѣръ, или ученическими сочиненіями, и наставники серьезно поощряли меня къ дальнѣйшему труду и прилежанію, у меня уже мелькала въ головѣ гордая честолюбивая мысль, а почему бы мнѣ не сдѣлаться со временемъ профессоромъ, какъ шутя называли меня иногда товарищи и даже директоръ Ѳедюкъ?! Въ университетѣ эта мысль еще чаще и непрестаннѣе приходила мнѣ въ голову, когда я изучалъ иностранные языки, поглощалъ цѣлые ворохи книгъ и писалъ свои сочиненія; но дважды повторенный опытъ небрежности и недобросовѣстнаго отношенія И. К. Бабста ко всѣмъ моимъ трудамъ рѣшительно охладилъ всѣ мои планы и разбилъ надежды. Я невольно пришелъ къ заключенію, что ничего путнаго изъ моихъ мечтаній о профессурѣ быть не можетъ, и я никогда не добьюсь, при полной невнимательности профессора, этого высокаго положенія. Я въ заключеніи сложилъ руки, и переставъ заниматься, началъ понемногу, подражая другимъ товарищамъ, чаще вспоминать о хлѣбныхъ предметахъ и долбить X т. Гражданскихъ законовъ и Судебные Уставы. „Увы, прощайте, науки, вмѣстѣ съ мечтами о профессорствѣ, болѣе недостижимомъ!?!“

Изъ старыхъ профессоровъ, еще заслуживающихъ вниманіе, назову лишь двухъ: Викторъ Алексѣевичъ Легонинъ, бывшій продолжительные годы секретаремъ юридическаго факультета и вполнѣ добросовѣстно относившійся къ молодымъ людямъ вродѣ меня, впослѣдствіи сдѣлавшимся его товарищами; онъ помогалъ, гдѣ можетъ, словомъ и дѣломъ. Такое же значеніе имѣлъ и профессоръ каноническаго права Н. А. Соколовъ, который, къ сожалѣнію, пробылъ при мнѣ лишь короткое время и совершенно неожиданно, къ общему сожалѣнію, скончался.

Что, наконецъ, касается, до такъ называемыхъ молодыхъ профессоровъ Московскаго университета 70-хъ и 80-хъ годовъ, моихъ сверстниковъ и товарищей, какъ А. И. Чупровъ, Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ, Максимъ Максимовичъ Ковалевскій, и проч., то о нихъ будетъ мною упомянуто впереди, въ слѣдующихъ главахъ моихъ записокъ.

Вторая половина моего студенчества, 3-ій и 4-ый курсъ не при-

несли мнѣ, къ сожалѣнію, ничего хорошаго. Надежды и вѣра въ затаенный планъ возможности посвятить себя наукѣ и сдѣлаться когда-нибудь профессоромъ были у меня разбиты объясненнымъ выше образомъ, и я не видѣлъ никакой возможности что-либо сдѣлать для ихъ осуществленія.

Между тѣмъ мои ближайшіе товарищи замѣтно опережали меня въ знаніяхъ чисто юридическихъ предметовъ, необходимыхъ для будущей ихъ дѣятельности въ судѣ. И вотъ, подражая имъ, и я забросилъ политическую экономію со всѣми ея отраслями и началъ почитывать книги по юриспруденціи, вникать въ тонкія построенія римскаго права и критиковать съ важностью X томъ, въ то же время не имѣя болѣе никакихъ занятій, которыя бы захватывали мою умственную жизнь и возбуждали интересъ, я уменьшилъ значительно чтеніе, началъ чаще съ товарищами покучивать и усердно посѣщать театръ и разныя увеселительныя собранія и мѣста. То, что сначала претило, скоро вошло во вкусъ, и на третьемъ курсѣ я уже сдѣлался весьма изрядным кутилой, который часто шелъ впереди своихъ товарищей во всякихъ дурачествахъ, тѣмъ болѣе, что фортуна за это время мнѣ благопріятствовала, я имѣлъ хорошіе уроки и большіе заработки, получая въ мѣсяцъ доходу иногда болѣе ста рублей. Несмотря на всѣ хорошіе задатки моей прежней жизни, окружающая тина меня мало-по-малу, видимо, затягивала. Исчезли прежніе честолюбивые импульсы о профессурѣ въ будущемъ, а затѣмъ ослабѣло какъ-то самолюбіе и самоуваженіе. Я уже не стыдился скоро своей пустой безсодержательной жизни и въ товарищескихъ пирушкахъ не отставалъ отъ другихъ въ глупой похвальбѣ количеству выпитаго и разныхъ выходокъ!

Весь третій курсъ прошелъ самымъ печальнымъ образомъ, безъ серьезныхъ занятій. Наступили экзамены, надо было опомниться и быстро наспѣхъ готовиться, чтобы не провалиться и не потерпѣть всѣхъ неудобныхъ отсюда послѣдствій. Но я уже давно убѣдился по опыту, что университетскіе экзамены несравненно, въ сотни разъ, легче и снисходительнѣе гимназическихъ и при моей хорошей памяти, изъ многихъ предметовъ мнѣ требовалось только нѣсколько часовъ для отвѣта на цѣлыхъ пять балловъ, но гораздо болѣе трудно рѣшить иной вопросъ относительно сочиненій, которыя продолжали требоваться и на третьемъ курсѣ. И вотъ, къ довершенію своего нравственнаго паденія, я рѣшился на прямой подлогъ — обмануть профессора. Проф. Бабстъ, которому я подавалъ такъ неудачно раньше свои труды, въ этотъ годъ (1867 г.) съ Е. В. Наслѣдникомъ, Николаемъ Александровичемъ, у котораго былъ преподавателемъ, уѣхалъ, если не ошибаюсь, путешествовать по Россіи,

поэтому всѣ сочиненія по политической экономіи уже поступали къ почтеннѣйшему Ѳедору Богдановичу Мильгаузену, мною упомянутому профессору финансоваго права. И вотъ, основавши на этомъ разсчетѣ свой обманъ, я старое сочиненіе „О Торговыхъ путяхъ въ Средней Азіи“, разъ уже поданное Бабсту, предъявилъ вновь на третьемъ курсѣ профессору Мильгаузену. Но тутъ вышла совсѣмъ другая исторія, или какъ говоритъ поговорка „совсѣмъ изъ другой оперы“... Добросовѣстный нѣмецъ, обратно съ Бабстомъ, прочелъ мое сочиненіе, мало того, заинтересовался имъ и, когда я явился къ нему на экзаменъ, то, по окончаніи его, онъ вступилъ со мною въ длинный по поводу него разговоръ и изъявилъ желаніе, чтобы я пришелъ къ нему на квартиру объясниться и для дальнѣйшей бесѣды. Разумѣется, крайне озадаченный и пріятно возбужденный, я поспѣшилъ исполнить его желаніе и немедленно явился къ профессору Мильгаузену въ назначенное время. Оказалось, дѣйствительно, Мильгаузенъ внимательно, слово за слово прочелъ довольно объемистый трудъ мой о торговыхъ путяхъ и испестрилъ рукопись разными замѣтками, ссылаясь на то, что будто бы онъ этимъ вопросомъ не занимался, требовалъ отъ меня разъясненій и подтвержденій того или иного моего мнѣнія. Я ему охотно, съ великимъ удовольствіемъ, какъ человѣкъ, влюбленный въ свое дѣло, давалъ требуемыя объясненія, и въ результатѣ Мильгаузенъ объявилъ мнѣ, что сочиненіе мое настолько выдается между студенческими, что я такъ добросовѣстно и сознательно изучилъ выбранный мною матеріалъ и во всемъ отдаю отчетъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія юридическаго факультета и просить въ видѣ отличія и поощренія напечатать мое сочиненіе въ издаваемыхъ тогда „Университетскихъ Извѣстіяхъ“.

Итакъ, увы, оправдалось, къ сожалѣнію, іезуитское правило „ложь во спасеніе“ и благодаря моему обращенію къ Ѳедору Богдановичу, я сразу получилъ то, о чемъ такъ жадно мечталъ и чего не имѣлъ, вслѣдствіе недобросовѣстности профессора политической экономіи. Онъ обратилъ вниманіе на меня, на мой трудъ и просилъ меня, о чемъ ни разу даже не упомянулъ Бабстъ, если нужно, посѣщать его, чтобы брать книги изъ его библіотеки (особенно новыя нѣмецкія) и, если нужно, съ нимъ посовѣтоваться. При одномъ изъ слѣдующихъ свиданій онъ уже довольно непризрачно намекалъ мнѣ, что „если я такъ буду заниматься до окончанія университета, то онъ охотно такого студента можетъ предложить *для оставленія при университетѣ и приготовленія къ профессорскому званію*“. Вотъ что значитъ прямо „быка взять за рога!“

Не буду описывать своего восторга послѣ этого приключенія, при воспоминаніи о которомъ собственно я долженъ краснѣть... Этотъ случай подѣйствовалъ на меня отрезвляющимъ, въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ, образомъ. Я задумался опять о необходимости возобновить свои занятія надъ политической экономіей и статистикой, началъ вновь усердно почитывать книги и особенно упражняться въ чтеніи по-нѣмецки,—языкъ, который я зналъ всегда слабѣе французскаго съ англійскимъ. Все шло благополучно, и сближеніе съ Мильгаузеномъ, несмотря даже на упомянутую выше его слабость, дѣйствовало на меня благодѣтельно. Я опять началъ больше думать о наукѣ и своими недоумѣніями нерѣдко безпокоить Ѳедора Богдановича. Какъ всѣ молодые люди, напримѣръ, я, разумѣется, также имѣлъ большую склонность и симпатію къ соціализму и не разъ по этому вопросу бесѣдовалъ съ Мильгаузеномъ. Спокойно, самымъ объективнымъ образомъ Ѳ. Б. мнѣ объяснялъ и выставлялъ на видъ слабыя стороны и возраженія противъ обобщенія орудій труда и принудительнаго раздѣленія имущества. Марксъ тогда не существовалъ, какъ извѣстный писатель, и мы о немъ ничего не знали. Точно также, другой разъ припоминаю, у меня происходила съ Мильгаузеномъ длинная бесѣда, на модный нынѣ вопросъ съ легкой руки Генри Джоржа и гр. Толстого, о такъ называемой, „теоріи единаго налога“, противъ котораго рѣшительно и остроумно Мильгаузенъ возражалъ, и подобныя бесѣды естественно поднимали мой духъ, бодрость и увѣренность въ себѣ.

Между тѣмъ, перейдя на 4-й курсъ, я уже болѣе серьезно началъ думать о способахъ утвердить доброе мнѣніе Мильгаузена о моей персонѣ и написать что-нибудь хорошее для курсового сочиненія, которое на этотъ разъ являлось уже кандидатскимъ разсужденіемъ. Темой для своего труда я выбралъ сочиненіе „разсужденіе о незаконнорожденныхъ“, для чего взялъ изъ своего стараго сочиненія, поданнаго на первомъ курсѣ Бабсту, ржевской статистики все, что относилось къ незаконнорожденнымъ, и написалъ совершенно вновь не существовавшій отдѣлъ, юридическій, о законахъ и правахъ незаконнорожденныхъ по международному и русскому законодательствамъ. Такимъ образомъ у меня образовалось совершенно новое, съ матеріаломъ отчасти старымъ, обширное „статистико-юридическое изслѣдованіе о незаконнорожденныхъ“; опять получилось что-то вродѣ 40 мелко исписанныхъ листовъ. Я уже смотрѣлъ свѣтлѣе на будущее и надѣялся, что Мильгаузенъ его одолѣетъ и заблаговременно подалъ ему въ концѣ мая, съ просьбой прочесть до августа, когда я явлюсь-де за отвѣтомъ, узнать о его достоинствѣ.

Четвертый курсъ окончился благополучно, я опять получалъ все пятки, чѣмъ никакъ не могу гордиться, ибо считаю, что университетская оцѣнка успѣховъ ниже всякой критики и отличается такой снисходительностью, о которой среднія учебныя заведенія и не знаютъ. Какъ бы то ни было, я очутился на распутьи, чувствовалъ, что знаній у меня мало и опредѣленнаго пути не было. Лишь однѣ мечты и надежды на Мильгаузена, которыя могли рухнуть. И дѣйствительно ли обращеніе къ этому источнику за помощью? Не надо забывать, что я окончилъ курсъ въ 1869 г., когда сравнительно огромное количество молодыхъ людей требовалось во вновь открытые и преобразованные суды, поэтому мѣста давали сравнительно съ послѣдующимъ довольно скоро и легко, особенно, кто хотѣлъ годикъ потерпѣть и начать со старыхъ учрежденій, гдѣ-нибудь въ провинціи. Мнѣ уже изрядно надоѣла бѣдность или вѣрнѣе необезпеченность заработка; то имѣешь много, то мало, и неизвѣстно, на что будешь обѣдать завтра. Правда, въ цѣломъ большая часть моего университетскаго курса прошла благополучно, я имѣлъ иногда заработокъ, даже превосходящій мои желанія и потребности, но были кратковременно и худыя времена. Помню, напримѣръ, какъ разъ мнѣ чрезвычайно нужно было скорѣе получить свой кандидатскій дипломъ, а для этого слѣдовало заплатить пошлины 6 р., и я очень долго затруднялся ихъ найти, пока внесъ и получилъ желанный дипломъ для поступленія на службу! У меня въ это время были опять до нѣкоторой степени сестры на рукахъ. Одна, младшая, должна была скоро окончить въ пріютѣ и надо было найти ей мѣсто или обезпеченіе, другая, старшая, была безъ занятій, проживала у другой старшей сестры и чрезвычайно тяготилась безработицей, своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ и всячески заклинала меня поскорѣй взять мѣсто и взять ее къ себѣ отъ занятій у чужихъ людей.

Я не могъ, конечно, оставаться глухъ ко всему этому и рѣшился одно время принести въ жертву мои мечты о профессурѣ и сдѣлаться практическимъ юристомъ. Почтенный прокуроръ окружнаго суда въ Москвѣ, въ это время извѣстный ораторъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Громницкій, былъ мой добрый знакомый. Я обучалъ долго его племянника Сергѣя Михайловича Латышева (нынѣ помощникъ статсъ-секретаря). На мои просьбы помочь мнѣ пробить дорогу, М. Ѳ., всегда относившійся ко мнѣ очень добро, объявилъ, что охотно мнѣ можетъ обѣщать, что если я поступлю къ нему кандидатомъ, то въ концѣ года могу разсчитывать на мѣсто судебнаго слѣдователя, если же я хочу непремѣнно имѣть мѣсто немедленно, то это возможно только по старымъ учрежденіямъ и указалъ, между про-

чимъ, мнѣ на возможность совсѣмъ скоро занять мѣсто слѣдователя въ городѣ Астрахани. Я поблагодарилъ его, немедленно подалъ прошеніе о зачисленіи меня кандидатомъ при прокурорѣ Московскаго окружнаго суда, Громницкомъ. Я былъ утвержденъ кандидатомъ и поступилъ тотчасъ въ канцелярію прокурора для пріученія къ письмоводству, съ жалованіемъ въ 20 р. въ мѣсяцъ, которые къ несчастью тогда довольно долго были единственнымъ моимъ ресурсомъ.

Новая моя должность и занятіе, какъ оказалось, частью были весьма пріятны, потому что давали мнѣ лишній поводъ часто видѣть такого умнаго и милаго человѣка, какъ мой главный начальникъ Михаилъ Ѳедоровичъ, котораго я посѣщалъ еженедѣльно по нѣскольку разъ. Съ другой стороны, однако, оказалось, что я самъ человѣкъ весьма мало пригодный для исполненія принятыхъ на меня обязанностей. Прежде всего я обладалъ такимъ отвратительнымъ почеркомъ, что мнѣ долго не могли придумать въ канцеляріи соотвѣтствующаго занятія. Наконецъ, я обладалъ такой большой разсѣянностью и вольностью въ обращеніи съ разными узаконенными канцелярскими словечками, что безпрестанно путалъ, напримѣръ, „представленіе“ съ „предложеніемъ“ и посылалъ ихъ совсѣмъ по несоотвѣтствующему адресу. Напримѣръ, однажды навлекъ непріятность и выговоръ на своего милѣйшаго начальника Михаила Ѳедоровича, потому что вмѣсто „представленія“ его начальнику, прокурору судебной палаты Манасеину, я послалъ ему, ничто же сумняшеся, „предписаніе“ и т. д.; другой разъ перепуталъ срокъ для товарища прокурора явиться на Торговую площадь для исполненія судебнаго приговора о лишеніи званія и пр. Онъ понапрасну пріѣхалъ туда, ничего тамъ не нашелъ и явился къ намъ въ канцелярію, разнося на всѣ корки виновника этой, какъ онъ увѣрялъ, мистификаціи!..

Между тѣмъ какъ разъ въ это время моя любимая сестра Евгенія, больше всего уговаривавшая меня взять судебное мѣсто, скоропостижно скончалась отъ холеры. Горе мое было очень велико, но я понималъ въ то же время, что я сразу получилъ возможность совершенно свободнаго распоряженія своей особой. Такъ какъ младшую сестру Марію пригласила совсѣмъ къ себѣ жить моя старшая сестра Ал. Ив. Булашевичъ, только-что переселившаяся въ это время въ Москву изъ Черниговской губерніи, мнѣ не было далѣе необходимости стѣсняться болѣе никакими матеріальными соображеніями. Дѣло, которымъ я временно, но нѣсколько мѣсяцевъ все-таки долженъ былъ заниматься въ канцеляріи прокурора, было въ высшей степени не интересно. Какъ я говорилъ, я наносилъ лишь добрымъ людямъ вредъ скорѣе, не-

жели пользу. Какъ разъ въ это время, въ августѣ я навѣстилъ Мильгаузена въ Богородскомъ подъ Москвой; онъ чрезвычайно расхвалилъ на словахъ мое кандидатское разсужденіе о незаконнорожденныхъ, о которомъ гораздо раньше далъ хорошій письменный отзывъ. Онъ вновь, уже на этотъ разъ съ требованіемъ серьезнаго отвѣта, повторялъ предложеніе быть оставленнымъ при университетѣ, посвятить себя наукѣ. Мнѣ было въ высшей степени пріятно это слышать, и въ то же время я колебался, какъ рѣшить, что̀ лучше?!

Впослѣдствіи и начиная съ даннаго момента, я научился во всѣхъ затруднительныхъ въ жизни случаяхъ, по рекомендаціи въ одной книгѣ примѣра и совѣта знаменитаго американца Франклина, рѣшать вопросъ послѣ предварительнаго его обсужденія для себя письменнымъ образомъ: загнуть вдвое листъ бумаги, на одной сторонѣ писать все, что говоритъ за данное предложеніе, на другой—противъ, и въ результатѣ, взвѣсивъ обѣ стороны аргументацій, придти къ тому рѣшенію, на сторонѣ котораго больше вѣскихъ доводовъ.

Я въ первый разъ попытался примѣнить этотъ методъ именно здѣсь по данному случаю, и всѣ важные доводы были за принятіе предложенія Мильгаузена. Не довольствуясь этимъ, я рѣшилъ еще обратиться за совѣтомъ къ наиболѣе мною уважаемому тогда человѣку, какимъ являлся мой почтенный начальникъ прокуроръ М. Ѳ. Громницкій. Едва я ему разсказалъ, въ чемъ дѣло, и спросилъ его мнѣніе, М. Ѳ., не колеблясь ни минуты, объявилъ мнѣ категорически, что тутъ и думать нечего, настолько выгодъ и преимуществъ имѣетъ предложеніе со стороны университета и университетская дорога передъ судебной. „Если бы даже, добавилъ онъ мнѣ, съ моимъ положеніемъ и семействомъ изъ нѣсколькихъ дѣтей, помимо жены, сдѣлали такое предложеніе, то я, очень можетъ быть, принялъ бы его безъ большихъ колебаній. Что же касается до Васъ, молодого человѣка, въ началѣ своей жизни, то я не могу себѣ представить, откровенно, болѣе лестнаго и выгоднаго предложенія, и—бѣгите скорѣй!—вотъ мое мнѣніе!“

Послѣ бесѣды съ Громницкимъ и рѣшенія его, я уже далѣе не колебался и немедленно, какъ теперь помню, въ прекрасный августовскій день вечеромъ я поѣхалъ со своимъ пріятелемъ и товарищемъ В. Ф. Клячинымъ въ Богородское, гдѣ объявилъ Мильгаузену о своемъ желаніи принять его предложеніе, и по студенческой привычкѣ мы вспрыснули окончаніе этого важнаго вопроса полдюжиной пива.

Вскорѣ же за этимъ рѣшеніемъ, какъ гласитъ одинъ оффиціальный документъ: „По ходатайству юридическаго факультета и Совѣта Московскаго университета 14 октября 1869 г. кандидатъ Иванъ Янжулъ оставленъ при университетѣ на 2 года для усовершенствованія въ наукахъ“. Такимъ образомъ моя прокурорская служба въ министерствѣ юстиціи продолжалась менѣе 4-хъ мѣсяцевъ. Мой жребій былъ брошенъ, и я сдѣлался профессорскимъ кандидатомъ.

Иванъ Янжулъ.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій [1]).

I.

„О мертвыхъ правду, одну только правду“.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій, или просто Казиміръ, какъ его звали въ глаза близкіе люди, а за глаза всѣ—вотъ имя, когда-то всѣмъ извѣстное, имя, которое было нѣкогда на устахъ всей Россіи, представителю котораго приписывались всѣ наши неудачи послѣдней Турецкой войны, неудачи, казавшіяся еще недавно, до ужасовъ войны Японской, такими тяжелыми... имя, которому приписывали даже измѣну.

Теперь это имя всѣми забыто, и только изрѣдка вспомянетъ его недобрымъ словомъ П. Д. Паренсовъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ, да тѣмъ же, хотя безпристрастно и безъ раздраженія, помянулъ М. А. Газенкампфъ, въ своихъ недавно вышедшихъ письмахъ.

---

[1]) Авторъ проситъ не забывать, что онъ пишетъ не біографіи извѣстныхъ и интересныхъ личностей, а лишь свои воспоминанія, пріуроченныя къ тому или другому лицу, поэтому и личному „я“ отводится по необходимости довольно значительное мѣсто. Надо смотрѣть на эти очерки не какъ на біографіи, систематически написанныя, а какъ на матеріалъ для біографа, матеріалъ, не лишенный довольно солидной цѣнности.

Переходя въ частности къ характеристикѣ Левицкаго, авторъ счелъ умѣстнымъ не избѣгать воспроизведенія частныхъ бесѣдъ, споровъ и просто разговоровъ, такъ какъ эти бесѣды ярче всего рисуютъ личность человѣка, фактически стоявшаго во главѣ арміи, предназначенной для рѣшенія одной изъ величайшихъ историческихъ задачъ въ борьбѣ нашей съ исконнымъ врагомъ и порабощителемъ славянства. *А. В.*

А было время, когда многіе — и стоящіе высоко — не только искали въ „Казимірѣ“, но и заискивали.

Мнѣ довелось близко знать его и, быть можетъ, мой очеркъ дастъ менѣе одностороннее освѣщеніе этой личности, сыгравшей весьма видную роль въ прошлой войнѣ,—чѣмъ то, которое даетъ П. Д. Паренсовъ.

Левицкій выходилъ изъ Академіи Генеральнаго Штаба, когда я поступалъ въ нее. Въ отвѣтъ на вопросы о выпускныхъ офицерахъ, мнѣ указали поручика Павловскаго полка, въ очкахъ, довольно высокаго роста, но не виднаго, съ лицомъ не глупымъ, но скорѣе некрасивымъ,—какъ окончившаго курсъ первымъ.

Это былъ Левицкій. Вторымъ былъ Станкевичъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся профессоромъ Академіи, большой мой пріятель, съ которымъ я былъ не только товарищемъ по каѳедрѣ военной исторіи, но перевелъ даже вмѣстѣ съ нимъ сочиненіе Виго Русильона объ американской войнѣ, дополненное нашими примѣчаніями и имѣвшее значительный успѣхъ.

Тотъ же выпускъ далъ благороднѣйшаго и неустрашимаго Дохтурова, рыцаря безъ страха и упрека, бывшаго потомъ начальникомъ штаба сербской арміи, восторженные отзывы о которомъ я слышалъ отъ бывшаго сербскаго добровольца, нынѣ командира гвардейскаго корпуса В. Н. Данилова. Дохтуровъ былъ, при этомъ, человѣкомъ очень образованнымъ, но большимъ чудакомъ—метафизикомъ, какъ мы его прозвали въ былое время.

Въ томъ же году окончилъ Академію А. К. Гейнсъ, очень бойкій, способный и разносторонній человѣкъ, бывшій одно время товарищемъ министра путей сообщенія и кончившій, однако, довольно печально чуть не на посылкахъ у извѣстнаго инженера.

Но изъ всѣхъ выпускныхъ того 1859 года особенно бросался въ глаза офицеръ уже не первой молодости, въ мундирѣ армейскаго кавалерійскаго полка, вѣчно возбужденный, вѣчно проповѣдывающій въ курилкѣ, собиравшій вокругъ себя массу слушателей и оппонентовъ.

На вопросъ:—кто это? мнѣ отвѣтили—„Сѣраковскій“.

Это былъ тотъ самый Сѣраковскій, который вошелъ потомъ въ особое довѣріе военнаго министра и въ то же время занимался организаціей польскаго возстанія 1863 года. А когда знамя возстанія было поднято—бѣжалъ и сдѣлался „довудцемъ“ (начальникомъ банды). Захваченный въ плѣнъ—онъ кончилъ на висѣлицѣ.

Левицкій, какъ первый ученикъ, поступилъ въ гвардейскій генеральный штабъ и немедленно занялся усиленнымъ преподаваніемъ тактики; но ничѣмъ значительнымъ онъ себя не проявлялъ.

До 1869 года знакомъ я съ нимъ былъ только на поклонахъ.

Въ 1869 году ушелъ изъ академіи М. И. Драгомировъ. Начальникъ Академіи Александръ Николаевичъ Леонтьевъ, крайне озабоченный уходомъ прославленнаго профессора и, не находя никого изъ лекторовъ по тактикѣ, кто бы могъ замѣнить Драгомирова, обратился ко мнѣ.

Я отвѣчалъ, что, любя свой предметъ—военную исторію—я не желалъ бы переходить на другую каѳедру.

— Но сдѣлайте это для пользы Академіи, убѣждалъ Александръ Николаевичъ. Вы выведите насъ изъ большого затрудненія, потому что изъ всѣхъ преподавателей тактики я рѣшительно ни на комъ не могу остановиться. Пожалуйста, выручите насъ. Вѣдь военная исторія даетъ матеріалъ для всѣхъ военныхъ наукъ и особенно для тактики. Да вы же и читаете уже по тактикѣ отдѣлъ о кавалеріи [1]).

Пришлось согласиться.

— Ну, и прекрасно, говорилъ Александръ Николаевичъ. Очень, очень вамъ благодаренъ. Чтобы быть ближе къ войскамъ, не примете ли вы мѣста начальника штаба гвардейской дивизіи? Я это устрою.

Зная, что Генеральный Штабъ занимается въ гвардіи исключительно канцелярщиной, да парадами, и дорожа при томъ, какъ страстный охотникъ, лѣтними вакаціями, я наотрѣзъ отказался.

— Въ такомъ случаѣ прикомандируйтесь къ Великому Князю [2]) по особымъ порученіямъ. Я очень желалъ бы, чтобы Великій Князь узналъ васъ, это будетъ полезно и для вашей карьеры.

Я отвѣчалъ, что, сколько слышно, служащіе у Великаго Князя, вслѣдствіе его большой доброты и деликатности, составляютъ кружекъ лицъ къ нему приближенныхъ, которыхъ онъ посвящаетъ въ свои сердечныя тайны, и что я, никуда негодный царедворецъ, рѣшительно не гожусь для такой роли.

— Какой вы мнительный и несговорчивый человѣкъ, говорилъ Александръ Николаевичъ. Ну, въ такомъ случаѣ, я выхлопочу для васъ лѣтнюю поѣздку за границу, чтобы вы познакомились съ иностранными войсками, съ ихъ тактикой, боевой подготовкой.

На это я конечно не только согласился, но благодарилъ.

Замѣчу кстати, что А. Н. Леонтьевъ—человѣкъ очень умный, доброжелательный, деликатный, но при этомъ твердый, былъ без-

---

[1]) Страстный кавалеристъ, я взялся за этотъ отдѣлъ помимо своего предмета—военной исторіи.

[2]) Николаю Николаевичу. А. Н. Леонтьевъ пользовался большимъ его расположеніемъ и даже имѣлъ на него вліяніе.

спорно лучшимъ, полезнѣйшимъ изъ всѣхъ начальниковъ, стоявшихъ во главѣ Академіи, не исключая Драгомирова и благороднѣйшаго, добрѣйшаго, но безхарактернаго и слабаго Г. А. Лера.

Когда, въ сентябрѣ 1869 года, я возвратился изъ-за границы въ Петербургъ, привезя между прочимъ категорическое заключеніе, что французы при встрѣчѣ съ пруссаками *„обречены на катастрофу“* [1]), начальникъ Академіи объявилъ, что для облегченія меня, онъ пригласилъ въ помощь Левицкаго, бывшаго, какъ сказано, лекторомъ чуть не во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

— Вѣдь и Драгомировъ читалъ не весь курсъ; кавалерію читали вы, говорилъ А. Н., такъ и теперь: какой-нибудь отдѣлъ передайте Левицкому. Онъ, конечно, не профессоръ, но предметъ знаетъ, и преподаватель онъ хорошій. Я предложилъ ему званіе адъюнкта, а диссертацію онъ представитъ впослѣдствіи.

Я поморщился. Во-первыхъ—по правиламъ Академіи, для занятія вакансіи адъюнкта требовалось написать диссертацію, да кромѣ того защитить ее, или заявить себя какимъ-нибудь замѣчательнымъ печатнымъ трудомъ; во-вторыхъ, о Левицкомъ какъ-то мало было слышно отзывовъ въ его пользу.

— Вотъ хитрый полякъ. Какъ умѣлъ себя устроить, думалось мнѣ. Но дѣло было уже сдѣлано,—отмѣнить приглашеніе невозможно; нелѣпо было и возражать.

Пришлось работать вмѣстѣ, и прежде всего надо было выработать программу.

Необходимо замѣтить, что, соглашаясь взять на себя курсъ М. И. Драгомирова, я предупредилъ начальника Академіи о несогласіи моемъ во многомъ съ Драгомировымъ и заявилъ, что не могу вести курса строго въ духѣ моего предшественника.

Авторитетъ Драгомирова былъ такъ высокъ, что А. Н. Леонтьевъ, человѣкъ, какъ сказано, чрезвычайно умный, посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ. Какъ это такъ, не признавать непогрѣшимости Драгомирова! Вѣдь это ересь!

Я объяснилъ, что считаю Драгомировскаго конька—„нравственный элементъ“—достаточно заѣзженнымъ, что и до Драгомирова военные писатели отводили нравственному элементу надлежащее

---

[1]) Я сдѣлалъ по этому поводу два публичныхъ сообщенія; тогда никто мнѣ не повѣрилъ и, хотя заключеніе свое я строго мотивировалъ на основаніи знакомства съ тогдашней тактикой обѣихъ армій, ихъ дисциплиной, внутренними распорядками и командным составомъ—меня упрекали въ пруссофильствѣ и въ поспѣшности выводовъ. Это не помѣшало мнѣ, однако, упорно стоять на своемъ, несмотря на престижъ французской арміи, предъ которой тогда всѣ преклонялись.

мѣсто, не раздувая однако этой темы, что русскія войска всегда были въ этомъ отношеніи на должной высотѣ (чего другого, а храбрости намъ не занимать стать), что намъ надо, не отвергая, конечно, значенія нравственнаго элемента, хлопотать, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы матерьяльная подготовка и умственныя силы были на нашей сторонѣ—вотъ въ чемъ мы постоянно оказывались отсталыми.

Неумѣренная ѣзда на нравственномъ элементѣ, говорилъ я, повела къ тому, что Драгомировъ, по моему глубокому убѣжденію, проповѣдуетъ вещи прямо вредныя. Сюда, прежде всего, отношу проповѣдь Суворова — „пуля дура, штыкъ молодецъ". При Суворовѣ пуля дѣйствительно была дурой, но при настоящемъ огнѣ великій русскій полководецъ и сердцевѣдъ, конечно, измѣнилъ бы свое мнѣніе; по крайней мѣрѣ этотъ гибкій умъ, воспитанный на линейной тактикѣ, какъ только узналъ о новыхъ тактическихъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгаютъ республиканскія арміи,—немедленно издалъ приказъ: „нечестивые французы воюютъ колоннами, и мы будемъ бить ихъ колоннами". (И такую гибкость ума выказалъ 70-тилѣтній старикъ!)

Точно также я нахожу, продолжалъ я, положительно вреднымъ вселять въ войскахъ убѣжденіе, что они никогда не должны отступать. Многообразныя перипетіи войны неизбѣжно ведутъ, если не къ общему, то къ частнымъ отступленіямъ, а въ 12-мъ году пришлось отступать отъ границы до самой Москвы. Хороши бы мы были, если бы войскамъ было внушено, что они никогда не должны отступать! Подобное воспитаніе грѣшитъ противъ другого принципа, несравненно болѣе важнаго, это—никогда не давать войскамъ ложныхъ представленій о томъ, что ихъ ожидаетъ на войнѣ. Иначе, если имъ внушали, что отступленіе—позоръ, что они никогда не должны отступать, а на дѣлѣ отступать придется—неизбѣжно произойдетъ упадокъ духа, о которомъ, т. е. о духѣ войскъ, такъ заботится Драгомировъ и которымъ, безъ сомнѣнія, такъ слѣдуетъ дорожить. Поэтому войскамъ не только не надо внушать, что отступленіе—позоръ, что отступать никогда не слѣдуетъ, а, напротивъ, нужно говорить, что отступать на войнѣ приходится и иногда очень долго, но что это только простой маневръ, какъ и всякій другой, для достиженія конечной цѣли—побѣды и перехода въ наступленіе.

Нѣсколько удивленный, А. Н. Леонтьевъ не могъ, однако, не признать резонности доводовъ и предоставилъ мнѣ полную свободу въ веденіи курса.

— Стѣснять я васъ не буду, да считаю себя и не въ правѣ стѣснять профессора,—заключилъ онъ.

Разговоръ этотъ я счелъ необходимымъ тогда же передать товарищамъ въ профессорской, и одинъ изъ поклонниковъ прославленнаго профессора поспѣшилъ сообщить о моей ереси М. И. Драгомирову, до сего весьма ко мнѣ благоволившему. Это послужило поводомъ къ значительному охлажденію нашихъ отношеній и къ небольшому, черезъ годъ, столкновенію по поводу пресловутаго „нравственнаго элемента“, о чемъ разскажу когда-нибудь впослѣдствіи.

II.

Возвращаюсь къ Левицкому.

Пришлось, какъ говорилъ, работать вмѣстѣ, и, прежде всего, надъ программой, которая меня не удовлетворяла.

Хотя моложе годами, я былъ чиномъ старше Левицкаго, былъ старше и по службѣ въ Академіи, наконецъ, я былъ женатъ, онъ холостъ; по всѣмъ этимъ причинамъ, для совмѣстной работы, мы стали собираться у меня. Проработавъ первый вечеръ, сѣли ужинать, и вотъ тутъ, къ большому моему удивленію, увидѣлъ я въ Казимірѣ совсѣмъ не того человѣка, какимъ его предполагалъ. Крайнее добродушіе и даже наивность просто поразили меня. Никакой фальши, ни малѣйшаго лукавства, большая искренность, ни тѣни хитрости. Ничего, что бы могло напомнить „ласковаго пана“, а поляковъ въ Варшавѣ я успѣлъ изучить тонко.

Мнѣ прямо совѣстно стало, что я человѣка искренняго, хорошаго, заподозрилъ въ двоедушіи, вопреки своему обыкновенію видѣть въ человѣкѣ, съ которымъ знакомлюсь—человѣка порядочнаго.

Много за долгую жизнь приходилось мнѣ обманываться, много получалъ я отъ близкихъ упрековъ за свою довѣрчивость; но это свойство характера, несмотря на разочарованія, сохранилось у меня до сихъ поръ; самыя разочарованія не заставляютъ меня ни каяться, ни мѣняться въ этомъ отношеніи. Во-первыхъ, это свойство натуры, а натуры насиловать никогда не слѣдуетъ; во-вторыхъ, это еще большой вопросъ—выгоднѣе ли на всѣхъ глядѣть волкомъ, съ недовѣріемъ и не быть, благодаря этому, обманутымъ, или, несмотря на разочарованія, оставаться оптимистомъ, видѣть, въ новомъ знакомомъ человѣка порядочнаго и мѣнять свое мнѣніе только тогда, когда онъ дѣйствительно окажется негодяемъ.

И это совсѣмъ не маниловщина. Это не исключаетъ возможности закипанія священной злобы къ негодяю. Это не нелѣпое непротивленіе злу; но злоба должна закипать только тогда, когда человѣкъ оказался дѣйствительно негодяемъ, а если онъ выяснился только человѣкомъ не важнымъ, то надо помнить, что человѣкъ — живот-

ное, вообще несовершенное, и самъ-то ты вѣдь не Богъ знаетъ что такое.

Какъ бы то ни было, но добродушному отношенію къ людямъ и полному отсутствію зависти—этому презрѣннѣйшему изъ пороковъ, которому подвержены, увы, слишкомъ многіе и который сушитъ человѣка не только нравственно, но и физически, — этимъ свойствамъ своей натуры я приписываю въ значительной степени сохраненіе энергіи нравственныхъ силъ, да, пожалуй, и физическихъ, до возраста, въ которомъ пользуются ими далеко не всѣ мои сверстники.

Такъ вотъ, хотя я и составилъ свое мнѣніе о Левицкомъ не съ вѣтру, а на основаніи отзывовъ другихъ лицъ, мнѣ стало совѣстно за несправедливое къ нему отношеніе, и недовѣріе вскорѣ перешло въ самое искреннее расположеніе, которое я сохранилъ до его смерти. А такъ какъ искреннее чувство несомнѣнно заразительно, то для меня сдѣлалось очевиднымъ, что, несмотря на частыя разногласія, и Левицкій относится ко мнѣ съ бо̀льшимъ довѣріемъ, съ бо̀льшей пріязнію, чѣмъ къ кому-либо. Не скажу, чтобы это была настоящая дружба, но ту степень пріязни, на которую былъ способенъ этотъ человѣкъ—онъ отдавалъ ее мнѣ искренно и безъ фальши.

„На которую былъ онъ способенъ“ сказалъ я. Да, я не хочу рисовать людей въ розовомъ свѣтѣ и, вопреки римской поговоркѣ, нахожу, что о мертвыхъ говорить слѣдуетъ, не скрывая ихъ слабыхъ сторонъ, но—только правду, одну только правду.

Онъ былъ эгоистомъ. И эгоистомъ сдѣлала его жизнь, ужасныя условія жизни, въ которыхъ провелъ онъ свою юность, отчасти молодость.

Всѣ мы, за исключеніемъ немногихъ счастливцевъ, нуждались въ молодости. Всѣмъ намъ приходилось отказывать себѣ иногда даже въ необходимомъ, не говоря уже объ удовольствіяхъ. И это совсѣмъ не вредно для формированія характера; напротивъ того, я нахожу, что разумное воспитаніе должно даже поставить себѣ принципомъ: вырабатывать въ ребенкѣ и юношѣ способность — отказать себѣ въ исполненіи самаго завѣтнаго желанія. Только такое воспитаніе можетъ избавить юношу отъ пресыщенія; только человѣкъ, воспитанный такимъ образомъ, будетъ стойкимъ въ жизненной борьбѣ; только такой человѣкъ не будетъ падать духомъ въ несчастіи; только такой человѣкъ можетъ выйти изъ борьбы побѣдителемъ.

Но всему есть извѣстныя границы, а юность Левицкаго протекала въ условіяхъ, переходящихъ эти границы.

Отецъ Левицкаго былъ полякъ, мать—лютеранка. Объ отцѣ Ле-

вицкій отзывался почти съ ненавистью: мать была брошена имъ съ двумя дочерьми безъ всякихъ средствъ къ жизни, и выйдя изъ корпуса въ гвардію, въ Павловскій полкъ, Левицкій не только не могъ разсчитывать на какое-нибудь дополненіе къ тогдашнему скудному жалованью прапорщика, но долженъ былъ на это несчастное жалованье содержать семью, чтобы не дать ей умереть съ голода. Нужда была въ полномъ смыслѣ слова ужасная, и мнѣ разсказывалъ бывшій нашъ тихвинскій предводитель дворянства, служившій ранѣе казначеемъ въ Павловскомъ полку, что не разъ приходилось Левицкому занимать у него по три рубля, чтобы было съ чѣмъ послать на базаръ. Объ удовольствіяхъ, объ общеніи съ товарищами и съ кѣмъ бы то ни было — нечего было и думать. Всѣ силы ума надо было напрягать на то, чтобы рѣшить почти невыполнимую задачу: быть прилично одѣтымъ, нести обязательные офицерскіе расходы и не умереть съ голоду, не уморить мать и сестеръ.

Черезъ два года службы и унизительной нужды, Левицкій поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Офицеры Академіи получали усиленное содержаніе; жить стало полегче и, благодаря прекраснымъ отъ природы способностямъ, Левицкій окончилъ курсъ первымъ.

Послѣ Академіи онъ, какъ я упоминалъ, былъ выпущенъ въ гвардейскій генеральный штабъ и сразу набралъ невѣроятное количество уроковъ, чуть не во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ Петербурга.

Уроки дали, конечно, возможность жить совсѣмъ по-человѣчески, но они отняли все свободное время. Левицкій умудрился давать 24 урока въ недѣлю, и это помимо занятій въ штабѣ!

Досуга, столь необходимаго для самостоятельнаго мышленія, не оставалось вовсе. Не оставалось времени и для чтенія помимо узкой учительской спеціальности.

Мало того, приходилось не размышлять, не слушать, не мѣняться мнѣніями и убѣжденіями, а поучать, поучать и поучать, — поучать неизмѣнно одному и тому же, сегодня тому же, что говорилъ вчера, что будешь говорить завтра, поучать шаблонно — баналънымъ прописнымъ истинамъ.

Я не знаю дѣятельности, болѣе могущей притупить природныя способности, даже самыя счастливыя, чѣмъ дѣятельность учительская, особенно наукъ словесныхъ, не математическихъ, если она переходитъ извѣстныя грани: человѣкъ по неволѣ становится педантомъ, теряетъ способность слушать, получаетъ наклонность говорить докторальнымъ тономъ, пріобрѣтаетъ самоувѣренность и, выработавъ въ себѣ способность гладко излагать прописныя истины, начинаетъ

считать себя, поэтому, очень умнымъ и слушать только самого себя.

Драгомировъ на своемъ грубомъ, но мѣткомъ жаргонѣ, какъ-то разъ сравнилъ роль учителя, бѣгающаго по лекціямъ, съ работой публичной женщины. И дѣйствительно, какъ та раздаетъ и теряетъ за деньги свою физическую красоту, такъ учитель теряетъ и раздаетъ за деньги свою красоту умственную, если таковая имѣлась въ наличности. Если же ея никогда и не было, то, пожалуй, учительствуй себѣ на доброе здоровье всю свою жизнь до гробовой доски.

По-моему, даже дѣятельность кассира притупляетъ менѣе. Онъ по крайней мѣрѣ не говоритъ, не поучаетъ, да, вдобавокъ, можетъ пользоваться бо̀льшимъ досугомъ.

Поступая въ Академію на каѳедру, я до такой степени сознавалъ опасность учительской дѣятельности, что далъ себѣ слово не брать помимо Академіи ни одного урока и, несмотря на множество предложеній — потому что каждому учебному заведенію пріятно имѣть въ числѣ преподавателей лицо изъ академической профессуры — я сдержалъ данное себѣ слово. Я понималъ хорошо, что учительская дѣятельность вырабатываетъ самоувѣренность, способность изложенія, способность быть хорошимъ лекторомъ—а все это для профессора, да и вообще для жизни очень полезно — прибавка къ бюджету за учительскія лекціи была тоже далеко не лишнею; но я не поддался ни на какіе соблазны, и теперь, на старости лѣтъ, благодарю за это Создателя, потому что, послѣ 12 лѣтъ профессуры, но только профессуры, я ушелъ въ жизнь совершенно свѣжимъ, умѣющимъ слушать и способнымъ къ дѣятельности самой разнообразной.

А дѣятельность, дѣйствительно, была разнообразная: я былъ и сельскимъ хозяиномъ, и „прекраснымъ“ хозяиномъ лѣснымъ [1]), и виноградаремъ, и винодѣломъ; былъ и крупнымъ табаководомъ высокихъ сортовъ табака, за который получилъ золотую медаль, и, поставивъ культуру его въ надлежащія условія, доказалъ, вопреки установившемуся мнѣнію, что высокіе сорта табака перерождаются въ Крыму только въ періодъ времени весьма продолжительный; былъ и судебнымъ дѣятелемъ, въ качествѣ предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, городскимъ и земскимъ гласнымъ, немного—писателемъ для сцены [2]); былъ и крупнымъ строителемъ, сначала небольшихъ, потомъ серьезныхъ, даже сводчатыхъ построекъ безъ помощи

---

[1]) Такимъ меня аттестовали въ Государственномъ Дворянскомъ Банкѣ.

[2]) Одна изъ піесъ „Акростихъ“ имѣла выдающійся успѣхъ.

архитектора и даже основалъ первый устричный заводъ въ Россіи (въ Севастополѣ, въ „Новой Голландіи“), который вынужденъ былъ бросить только благодаря неполной доброкачественности компаніона, завѣдывавшаго дѣломъ.

Бѣдный Левицкій, какъ сказано, суровой обстановкой жизни, лишенъ былъ возможности уберечь себя отъ учительства и напряженно упражнялся въ этомъ ужасномъ дѣлѣ, пока не поступилъ въ Академію на профессуру. Лишь получивъ ее, онъ, благодаря моимъ настояніямъ, бросилъ всѣ лекціи, кромѣ академическихъ.

Но десять лѣтъ были достаточны, чтобы выработать въ немъ узкаго педанта, а нужда, борьба съ нею,—большого эгоиста. Но что это былъ педантъ не прирожденный, не по натурѣ своей, а такъ сказать, благопріобрѣтенный—доказательствомъ можетъ служить то, что онъ почти до конца жизни остался человѣкомъ очень живымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, охотникомъ похохотать, остался человѣкомъ горячимъ, пожалуй нѣсколько суетливымъ и ужь, конечно, лишеннымъ напускной серьезности, столь свойственной прирожденнымъ педантамъ.

Что же касается эгоизма, то онъ проявлялся, и конечно проявлялся несимпатично, въ отношеніяхъ къ товарищамъ и подчиненнымъ, но для семьи, состоявшей изъ старушки матери, двухъ очень милыхъ и умныхъ сестеръ и племянника—для нихъ онъ готовъ былъ работать цѣлые дни; въ семьѣ онъ искалъ пригрѣва, необходимаго всякому смертному—онъ умеръ холостякомъ, хотя на моихъ глазахъ былъ увлеченъ и увлеченъ очень сильно.

III.

Когда мы сдѣлались пріятелями, онъ предложилъ мнѣ перейти на „ты“.

На „ты“ вообще я сходился крайне туго, считая „ты“ выраженіемъ серьезной дружбы, на которую смотрѣлъ всегда съ нѣсколько идеальной точки зрѣнія. Въ дѣтствѣ, въ молодости, я искалъ друзей, да и подъ старость не прочь былъ отъ дружбы. Но сколько разочарованій! Относясь къ людямъ вообще доброжелательно и благодушно, скажу по совѣсти, что, если не обманывался въ чьей-нибудь дружбѣ, то только въ дружбѣ женщинъ вопреки всеобщему мнѣнію о невозможности дружбы между женщиной и мужчиной.

Какъ бы то ни было, но на „ты“ я всегда сходился очень осторожно. Ту же осторожность я видѣлъ и въ Левицкомъ, который

тогда, насколько мнѣ было извѣстно, ни съ кѣмъ не былъ на „ты“. Это мнѣ нравилось, и мы выпили брудершафтъ.

Впослѣдствіи Казиміръ, когда получилъ полкъ, пошелъ въ гору и сталъ участвовать въ кутежахъ почти обязательныхъ, сошелся на „ты“ съ многими и, между прочимъ, со Скобелевымъ.

Впрочемъ, конечно, Казиміръ былъ на „ты“, какъ и я, со своими товарищами по корпусу, а я еще и съ товарищами по Гродненскому гусарскому полку, въ которомъ почти всѣ были на „ты“.

Итакъ, мы сдѣлались пріятелями.

Между нами было много общаго, но еще гораздо болѣе—свойствъ прямо противоположныхъ, и это послѣднее обстоятельство, кажется, особенно способствовало нашему сближенію. Оба мы были молоды, почти ровесники, полны силъ, здоровья, выносливы, дѣятельны, живого характера, впечатлительны, нервны, не скучны, не надуты, просты въ обращеніи, не лживы, искренни. Но этимъ сходство и ограничивалось.

Казиміръ, какъ упомянуто, терпѣлъ въ молодости крайнюю нужду. Не обладая большими средствами, нужды, настоящей нужды, я никогда, однако, не испытывалъ.

У Казиміра не было знакомствъ, кромѣ служебныхъ. У меня было много пріятелей, и я постоянно вращался въ женскомъ обществѣ.

Сталкиваясь съ людьми, я зналъ жизнь, понималъ людей гораздо лучше, чѣмъ Казиміръ, хотя былъ моложе его.

Онъ не зналъ народа, деревни—вовсе. Какъ помѣщикъ и лѣсной охотникъ съ дѣтства, обожавшій лѣсъ и деревенскую жизнь, проводившій съ крестьянами цѣлые дни, а ночи въ ихъ избахъ, я превосходно изучилъ сѣвернаго мужика и могъ говорить его языкомъ такъ, что часто, скитаясь по лѣсамъ, вводилъ въ заблужденіе даже крестьянъ относительно своего происхожденія и общественнаго положенія.

Я былъ горячимъ русскимъ патріотомъ и часто болѣлъ нравственно за свою родину. Онъ—честно и добросовѣстно, съ большимъ усердіемъ относился къ своему военному дѣлу и, конечно, не измѣнилъ бы ни за милліоны знамени, которому служилъ, но если бы его поставили подъ знамена не русскія, а нѣмецкія, или даже турецкія—онъ служилъ бы имъ съ неменьшимъ усердіемъ.

Характера живого, впечатлительнаго, онъ былъ скоръ въ своихъ рѣшеніяхъ, но, принявъ рѣшеніе, поддавался сомнѣніямъ, вѣчно колебался, отчего суетился самъ и суетилъ другихъ. Еще болѣе живой, впечатлительный и горячій, я всегда, съ ранней молодости, старался выработать въ себѣ самообладаніе, старался не быть торопливымъ въ рѣшеніяхъ, но за то, рѣшившись однажды, безъ

очевидной необходимости, никогда не позволялъ себѣ уклоняться въ сторону, и если даже возникали сомнѣнія, не поддавался имъ, гналъ ихъ отъ себя, а рѣшенія не измѣнялъ. Сказалась ли въ этомъ свойствѣ примѣсь норманской крови (прадѣдъ мой былъ датчанинъ), или чтеніе, уроки исторіи (которою увлекался) и жизнь выработали во мнѣ это качество—сказать не сумѣю, но это было такъ. Къ тому же охота, скитанья по лѣсамъ и связанныя съ этимъ приключенія, а иногда даже опасности выработали во мнѣ способность принимать быстрыя рѣшенія и, въ серьезныхъ случаяхъ, подавлять свою природную горячность, замерзать, леденѣть и превращаться въ самаго хладнокровнаго, спокойнаго изъ смертныхъ. Способность эта въ Казимірѣ отсутствовала вовсе, какъ я ни рекомендовалъ ему выработать ее въ себѣ.

Вообще надо сказать, онъ былъ нерѣшителенъ. Меня, въ молодости, въ нерѣшительности никто не могъ бы упрекнуть.

Онъ былъ педантомъ. Я никогда не могъ понять этого свойства нѣкоторыхъ, очень почтенныхъ людей.

Я всею душею любилъ науки, особенно естественныя, любилъ свою спеціальность. Онъ даже къ своей спеціальности относился, какъ добросовѣстный ремесленникъ.

Вообще интересы его были узки; онъ интересовался только своимъ личнымъ и военнымъ дѣломъ. Ни сцена, ни музыка, ни живопись, ни даже литература—его не трогали, даже не занимали. Я страстно любилъ сцену, былъ премьеромъ любительскихъ спектаклей, обожалъ пѣніе, живопись, скульптуру, не говоря уже о литературѣ, поэзіи.

Отъ Казиміра я никогда не слышалъ ни одного стихотворенія, а самъ зналъ ихъ множество, цѣлыя пьесы наизусть и часто сокращалъ часы скуки и одиночества, особенно въ дорогѣ и на охотѣ, чтеніемъ любимыхъ стиховъ вслухъ самому себѣ.

Онъ интересовался только военнымъ дѣломъ и то лишь въ узкихъ рамкахъ. Я интересовался всѣмъ.

Онъ не понималъ спорта. Я страстно отдавался охотѣ, плаванію, гимнастикѣ, верховой ѣздѣ, волтижированію.

Вообще онъ чуждъ былъ увлеченій. Я увлекался всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ пьянства и карточной игры.

Даже въ своемъ, военномъ дѣлѣ, онъ весь былъ въ деталяхъ; плохой аналитикъ — онъ совсѣмъ неспособенъ былъ къ синтезу; способность дедукціи въ немъ отсутствовала. Человѣкъ пылкаго воображенія, даже фантазіи, я ненавидѣлъ копаться въ мелочахъ, и хотя съ юности привыкъ къ наблюдательности и анализу, но

всегда искалъ обобщеній, смѣлыхъ выводовъ, увлекательныхъ дедукцій, синтезовъ.

Онъ равнодушно относился къ красотѣ, даже къ красотѣ природы, даже (за однимъ лишь исключеніемъ)—къ красотѣ женщины. Я страстно реагировалъ на красоту, въ чемъ бы она ни проявлялась. Не говоря уже о природѣ, живописи, скульптурѣ—всякое красивое зданіе, всякое красивое животное, всякій красивый человѣкъ останавливали мое вниманіе, заставляли любоваться собой. Что же касается женской красоты, то на жертвенникъ ея я всегда готовъ былъ положить всего себя и, помимо легкихъ увлеченій, не разъ отдавался этой богинѣ всецѣло.

Плохо понимая людей, Казиміръ совсѣмъ не зналъ женскаго сердца и жилъ почти аскетомъ. Я изучилъ прекрасную половину человѣческаго рода настолько, насколько только можно изучить этого сфинкса, и съ увлеченіемъ пользовался пріобрѣтеннымъ знаніемъ.

Но, въ пору нашего съ Казиміромъ сближенія, я былъ только-что женатъ, высоко цѣнилъ несомнѣнныя достоинства своей жены, которая, какъ и я, относилась къ Казиміру очень сердечно, и онъ сталъ нашимъ постояннымъ гостемъ.

А. Витмеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Послѣднія минуты Суворова.

Извѣстно, что послѣдніе дни своей жизни Суворовъ прожилъ въ Петербургѣ по Крюкову каналу въ домѣ виршеслагателя графа Дм. Ив. Хвостова [1]), который приходился ему племянникомъ. Здѣсь, отходя въ вѣчность и чувствуя приближеніе своей кончины, старикъ-народный герой прощался съ близкими; для этого они, входя въ его комнату поодиночкѣ изъ сосѣдней комнаты, подходили къ его постели.

Прощаясь съ Хвостовымъ, онъ очень нѣжно и трогательно высказывалъ ему свои назиданія и пожеланія:

„Митя, оставь свою привычку къ стихотворству, дорогой мой, не приведетъ она къ добру; посмотри,—кромѣ насмѣшекъ, которыми тебя за нихъ всѣ дарятъ, ничего изъ нихъ не выходитъ; брось, прекрати, ради меня“... нѣжно умолялъ старикъ.

Проливая горькія слезы и цѣлуя руки дядюшки, расчувствовавшійся племянникъ высказывалъ полное свое согласіе съ тѣмъ, что хорошаго изъ его стихотворства ничего не выходило и не выйдетъ; онъ какъ бы каялся искренно и горячо; при чемъ, всхлипывая и рыдая, говорилъ: „слушаю, слушаю“; умиравшаго дядю это умилило.

Когда же, окончивъ прощаніе, Хвостовъ вышелъ къ томившимся роднымъ, и они, одинъ передъ другимъ въ перебой, разспрашивали, каково старецъ себя чувствуетъ и о чемъ говоритъ, глубокоразстроившійся, нѣжный племянникъ, неизмѣнно всѣмъ и каждому отвѣчалъ, заливаясь горькими слезами:

— Ахъ, Боже мой, бѣдный дядюшка бредитъ, все время бредитъ...

Сообщ. А.

---

[1]) Впослѣдствіи домъ этотъ принадлежалъ извѣстному картежнику Евграфу Глинкѣ.

Записки сенатора Есиповича [1]).

(Окончаніе).

17 декабря 1896 г.

Слава Богу, мнѣ пришла мысль о новой научной работѣ, а именно: разслѣдовать, есть ли предѣлъ человѣческому знанію? Не знаю, успѣю ли я и въ состояніи ли я выполнить эту работу. Но тема эта очень увлекательна. Съ разрѣшеніемъ ея можетъ быть достигнутъ очень важный результатъ.

Въ настоящее время почти всѣ самые популярные ученые не могутъ примириться съ мыслью, что не все доступно человѣческому знанію и уму, и потому, не стѣсняясь никакими препятствіями, они или отвергаютъ то, что не можетъ быть объяснимо, или объясняютъ такъ, что въ самомъ объясненіи заключается отрицаніе объяснимаго. Напримѣръ, спросите ихъ, что такое человѣческая душа, они отвѣтятъ, что души нѣтъ, или душа есть результатъ послѣдствій отъ дѣйствія мозговыхъ клѣточекъ. Но сказать, что онъ не знаетъ, что такое душа, почти никто не рѣшится.

Вслѣдствіе такой щепетильности ученыхъ, самыя великія и полезныя открытія въ природѣ обращаются на искаженіе понятій о самомъ человѣкѣ, который приравнивается или къ животнымъ вообще или къ механическимъ манекенамъ. Объ этомъ я напечаталъ въ книгѣ „Итогъ жизни“ (стр. 13—19). Здѣсь же напечатано и мнѣніе мое, что необъяснимое въ природѣ должно быть не отвергаемо, а признаваемо существующимъ фактомъ, котораго объяснить нельзя, но нельзя и отвергнуть, если мы убѣдились въ дѣйствительности существованія этого факта. Душа въ человѣкѣ есть, это безспорно для каждаго безпристрастнаго и свободнаго отъ предразсудковъ и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1909 г.

предубѣжденій изслѣдователя, но что она такое и какъ она соединилась съ человѣческимъ тѣломъ, этого никто не знаетъ.

Установите неизбѣжность этого незнанія, какъ безспорный фактъ, и вы удалите съ ученой арены всякую попытку обращать человѣка въ обыкновенное матеріальное животное, ибо не будетъ уже препятствія откровенно и прямо объяснить, что хотя дѣйствительно душа человѣческая, вовсе нетождественная съ животными, существуетъ несомнѣнно, но мы не въ состояніи опредѣлить, что такое эта душа и какъ она соединилась съ матеріальнымъ человѣческимъ организмомъ. Мы этого не знаемъ и не узнаемъ никогда потому, что этого никто не зналъ, не знаетъ и не узнаетъ на землѣ. Слѣдовательно, незнаніе не предосудительно ни для кого, какъ бы ни былъ кто ученъ. А чтобъ установить непреложность этого незнанія, какъ безспорный и естественный фактъ, надо рѣшить вопросъ, есть ли предѣлъ человѣческому знанію въ сферѣ природы и дѣятельности духа, души и вообще духовно-безплотнаго міра.

Обратимся къ другой средѣ. Есть ли жители на другихъ планетахъ, кромѣ земли? Теперь объ этомъ создаются только гипотезы. Но было время, что и существованіе планетъ было ничѣмъ инымъ, какъ гипотезою. Достигнемъ ли мы того, чтобъ для насъ существованіе жителей на другихъ планетахъ перестало быть гипотезою, а обратилось въ фактъ положительный или безспорно отрицательный? Для разрѣшенія вопроса о возможности убѣдиться въ томъ или другомъ, необходимо разрѣшить вопросъ, есть ли предѣлъ знанію человѣческому относительно внѣшняго матеріальнаго міра и даже относительно всей вселенной?

Приведемъ примѣръ еще изъ третьей смѣшанной среды, гдѣ духовное слито съ матеріальнымъ.

Умъ человѣческій очень неохотно доходитъ до сознанія, или вѣрнѣе до признанія своей безпомощности понять, объяснить, опредѣлить, устроить или устранить что-нибудь и въ этой средѣ. Но есть однако же вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ онъ отказался послѣ долгихъ безплодныхъ и тщетныхъ попытокъ. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о жизненномъ элексирѣ. Долго и усиленно работали надъ этимъ вопросомъ ученые люди, но наконецъ должны были оставить его нерѣшеннымъ, потому что невозможность разрѣшить этотъ вопросъ раскрылась такъ сказать матеріально: какихъ элексировъ ни выставляли, ни одинъ не далъ того, чего отъ него ожидали. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ пришлось убѣдиться, во-первыхъ: въ нераціональности домогаться, чтобъ тѣло человѣческое, состоящее изъ единенія различныхъ матеріальныхъ элементовъ, удержать элексиромъ навсегда въ томъ же самомъ составѣ, тогда

какъ, по закону природы, эти элементы, неудержимо отдѣлясь въ свое время одинъ отъ другого, и безъ элексира не уничтожаются, а отходятъ каждый въ свою среду и, во-вторыхъ: въ безуміи искать для души жизненнаго элексира, когда она и безъ всякаго элексира сама по себѣ безсмертна.

А сколько времени, трудовъ, пожертвованій и усилій было употреблено на добываніе этого элексира, тогда какъ ничего этого не было бы, если бы былъ разрѣшенъ вопросъ о предѣлѣ для человѣческаго знанія и ума въ этомъ направленіи, т. е. въ направленіи передѣлывать природу по отношенію къ тѣлу и создавать по отношенію къ душѣ то, что въ ней само собою, безъ нашихъ заботъ и хлопотъ, уже существуетъ.

И такъ вопросъ о предѣлѣ человѣческому знанію вовсе не праздный, не безплодный, не придуманный, а самъ собою возникающій среди многообразныхъ наслоеній человѣческаго знанія и настоятельно требующій разрѣшенія.

Во все продолженіе всемірной исторіи люди стремились пріобрѣсти знаніе о Богѣ, о человѣкѣ, объ окружающей его внѣшней природѣ на землѣ, о тѣхъ частяхъ вселенной, которыя были видимы имъ, и о безплотномъ невидимомъ мірѣ.

Богъ въ величіи своемъ и съ присущимъ Ему безконечнымъ совершенствомъ не могъ и никогда не можетъ быть постигнутъ человѣческимъ знаніемъ, а потому люди, сначала не зная того, что возвѣстилъ лишь Спаситель о духовности Бога („Богъ есть духъ, и поклоняющіеся ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ“, Еванг. отъ Іоанна гл. 4 ст. 24), а потомъ, не понявъ этой великой истины или забывъ о ней, представляли и продолжаютъ представлять себѣ Бога въ матеріальномъ образѣ, приписывая тѣ именно качества, которыми сами преимущественно отличались. Кровожадные приписывали ему кровожадность и надѣялись угодить ему кровавыми жертвами, даже человѣческими; мстительные — мстительность и полагали, что заслужатъ его благоволеніе истребленіемъ своихъ враговъ; даже послѣ возвѣщенія божественнымъ учителемъ, Богочеловѣкомъ, закона любви и милосердія, міръ только на словахъ повторяетъ этотъ законъ, а на дѣлѣ почти всегда поступаетъ противъ него. Ясно изъ этого, что всѣ усилія ума человѣческаго должны быть устремлены, чтобъ понять этотъ законъ и въ точности выполнять его. Въ этомъ предѣла человѣческому знанію и уму быть не должно, потому что и любовь и милосердіе безпредѣльны и безконечны.

Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Тѣло его относится къ матеріальной природѣ. Относительно его, такъ же, какъ относительно внѣшней матеріальной природы на землѣ и на другихъ планетахъ

и вообще во всей вселенной предѣла человѣческому знанію быть не можетъ, а расширяется оно и будетъ неудержимо расширяться по мѣрѣ развитія и совершенствованія какъ ума человѣческаго, такъ и тѣхъ пособій, которыя онъ пріобрѣтаетъ и будетъ пріобрѣтать для познанія всего, что есть матеріальнаго во вселенной, насколько оно ему можетъ быть видимо.

Душа человѣческая есть духъ невидимый, но проявляющійся при жизни человѣка на землѣ, посредствомъ физическихъ органовъ того организма, въ которомъ она пребываетъ, а потому, посредствомъ наблюденія этихъ проявленій и анализа ихъ, умъ человѣческій можетъ составить себѣ понятіе о силахъ и дѣятельности души, хотя никогда не достигнетъ того, чтобъ увидѣть ее тѣлесными очами. Понятно, почему духъ невидимъ. Мы не знаемъ, что такое духъ. Мы можемъ убѣдиться только въ томъ, что онъ существуетъ. Но представить его себѣ мы не можемъ.

Не зная, что такое духъ, мы не знаемъ и того, что такое душа человѣческая и какъ она соединяется съ человѣческимъ тѣломъ. Это составляетъ для насъ непроницаемую тайну. Еще болѣе непроницаемую тайну составляетъ для насъ то, какъ и почему 19 вѣковъ тому назадъ съ человѣческимъ тѣломъ могла соединиться душа, исполненная такой чистой, святой, всеобъемлющей любви и такого безусловнаго, безконечнаго милосердія ко всему человѣчеству, какія проявились исключительно только въ душѣ Іисуса Христа, вполнѣ справедливо, даже внѣ мистическаго религіознаго вѣрованія, именуемаго Богочеловѣкомъ по его безконечному и безпримѣрному совершенству и Спасителемъ міра по его дѣламъ и ученію, пересоздающему и обновляющему весь строй и смыслъ духовной и нравственной жизни на землѣ, ученію, столь совершенному, что оно не могло быть осуществлено даже отчасти всѣмъ человѣчествомъ, несмотря на то, что этому ученію исполнится скоро 2.000 лѣтъ.

Что касается безплотнаго невидимаго міра, къ которому относятся и души умершихъ, то мы уже разъяснили въ „Итогѣ жизни“ (стр. 78 до 87), что онъ недоступенъ знанію и лежитъ внѣ его предѣловъ.

Вотъ конспектъ предпринимаемой мною работы.

1901 г. ноябрь.

Въ области человѣческаго мышленія существуетъ такая странность, что почти всѣ вѣрующіе убѣждены, что только на ихъ сторонѣ правда, что только тѣ спасутся, кто вѣруетъ, какъ они, а всѣ другіе будутъ осуждены за неправую вѣру. Если бы это было такъ, то это было бы прискорбно для всѣхъ безъ исключенія потому, что

какая бы ни была чья вѣра, адептовъ ея гораздо менѣе въ сравненіи съ тѣми, кто не признаетъ ея. Слѣдовательно, каждый вѣрующій находится въ меньшинствѣ, подавляемомъ громаднѣйшимъ большинствомъ вѣрующихъ не такъ, какъ онъ вѣруетъ.

Но думается мнѣ, что предположеніе о неминуемой гибели всѣхъ, кто вѣруетъ не такъ, какъ мы, ошибочно. Ошибочно оно потому, что въ этомъ предположеніи все сводится къ вопросу о томъ, чему кто вѣруетъ, а не къ тому, каковъ тотъ самъ, кто вѣруетъ чему бы то ни было. Не то важно, что человѣкъ говоритъ: „я вѣрую тому или тому“, а важно то, что этотъ человѣкъ дѣлаетъ въ жизни и для жизни, для себя и для другихъ. Важно, чтобъ человѣкъ былъ человѣкомъ человѣчнымъ, а не звѣремъ или змѣею, ненавидящими всѣхъ и вредными для всѣхъ.

Я, впрочемъ, писалъ объ этомъ въ изданной мною книгѣ „Итогъ жизни“.

Что касается вѣры каждаго человѣка, то и надѣяться невозможно, чтобъ она была въ комъ-либо совершенно правильна, чиста и достойна того всесовершеннаго существа, которое мы называемъ Богомъ и которому всѣ должны вѣровать. Если всякій хотя сколько-нибудь благоразумный человѣкъ не станетъ наказывать своего глупаго, зависящаго отъ него, мелкаго служителя за то, что тотъ называетъ его, своего господина, не такъ, какъ слѣдуетъ, то можно ли допустить, чтобы тоже всесовершенное существо, какимъ мы признаемъ всемогущаго, предвѣчнаго Духа, называемаго нами Богомъ, погубило бы насъ за то, что мы не въ состояніи были понять всѣхъ его совершенствъ и поклонялись ему въ такихъ образахъ и видахъ, какіе вовсе не достойны быть его представителями. Если у людей понятія о совершенствѣ и достоинствѣ даже такихъ обыкновенныхъ предметовъ, которые у нихъ всегда передъ глазами, постоянно расходятся и противорѣчатъ одни другимъ, то возможно ли требовать отъ всѣхъ, чтобъ ихъ понятія о совершенствахъ невидимаго для нихъ всемогущаго и всесовершеннаго Бога вполнѣ совпадали и были одни и тѣ же?

Очевидно, что этого ни требовать, ни ожидать нельзя и потому, что люди не въ состояніи даже сойтись въ томъ, что слѣдуетъ считать совершенствомъ и что недостаткомъ. Въ чемъ для одного красота, въ томъ для другого безобразіе, чего одинъ ищетъ, того другой избѣгаетъ и т. д.

Только въ нравственномъ отношеніи тысячелѣтія исторіи выработали немногія положенія, которыя всѣмъ или почти всѣмъ извѣстны, хотя и не всѣ ими руководствуются. Къ такимъ положеніямъ относится, напримѣръ, правило: „не дѣлай никому того, чего

себѣ не желаешь ни отъ кого“ — „дѣлай для другихъ то, что желалъ бы получить самъ, если бы находился въ положеніи тѣхъ другихъ“ и т. п.

Исполненіе этого можно требовать отъ каждаго, кто не идіотъ и не сумасшедшій. Если инквизиторъ сжигаетъ еретика за то, что тотъ читаетъ символъ вѣры не такъ, какъ предписываетъ римско-католическая пропаганда, то онъ, инквизиторъ, несомнѣнно жестокосердый убійца и преступникъ, потому что онъ ужь, конечно, не можетъ желать себѣ самому, чтобы его посадили турки на колъ за то, что онъ не вѣруетъ въ ихъ Магомета. Слѣдовательно, онъ убиваетъ другого человѣка за то, за что самъ вовсе не желаетъ быть убитымъ.

А потому можно придти къ такому заключенію, что отсталый по вѣрѣ отъ всего человѣчества язычникъ, но язычникъ благодушный, милосердный и человѣчный, будетъ имѣть на посмертномъ судѣ болѣе шансовъ для оправданія, нежели самый правовѣрный, но жестокосердный и безчеловѣчный магометанинъ или корыстолюбивый и вѣроломный еврей-талмудистъ, считающій для себя все позволительнымъ противъ гоя-иновѣрца.

Извѣстно, что почти всѣ основатели религіозныхъ сектъ не только въ темныя древнія, но и въ новѣйшія времена облекали себя сами, а особенно ихъ адепты облекали ихъ въ такой апоѳеозъ, который только вредилъ имъ въ глазахъ безпристрастныхъ постороннихъ людей, тогда какъ появленіе такихъ религіозныхъ ученій, которыя получили обширное и твердое распространеніе, могло бы быть объяснено гораздо проще мѣстными историческими причинами. Поразительное доказательство этому представляетъ магометанская религія, которая исповѣдуется сотнями милліоновъ людей до послѣдняго времени; исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ только одна христіанская религія, появленіе которой вызвано не временною какою-либо историческою необходимостію, а предзнаменовано чаяніемъ человѣчества съ древнѣйшихъ временъ по причинѣ ея неизмѣнной вѣчной необходимости для счастія человѣчества осуществленіемъ закона любви и милосердія, составляющаго основу человѣческой природы, въ отличіе ея отъ природы чисто животной или чисто матеріальной.

1902 г. февраль.

Въ книгѣ своей: „Итогъ Жизни“ я писалъ: „что дѣлается съ душею послѣ оставленія ею тѣла, объяснить это никакая наука не въ состояніи“. — Но если вѣренъ выводъ Луи Фигье, что смерть не оканчиваетъ ничего, что она составляетъ только простой феноменъ, который не прерываетъ продолжаемости существованія чело-

вѣческой личности, то мы, и не имѣя возможности разъяснить этотъ вопросъ вполнѣ, можемъ приблизиться хотя къ предъугаданію его разъясненія. На основаніи упомянутаго вывода Фигье, мы имѣемъ право думать, что существованіе нашей личности и послѣ смерти продолжается съ тѣми измѣненіями, какія произвела въ немъ смерть. Главное и существенное измѣненіе состоитъ, разумѣется, въ томъ, что душа наша отдѣляется отъ тѣла и, лишившись его услугъ, освободилась и отъ его гнета. Такъ какъ во время ея земной жизни, всѣ сношенія ея съ внѣшнимъ матеріальнымъ міромъ происходили посредствомъ физическихъ матеріальныхъ органовъ, то съ утратою этихъ органовъ прекращаются и сношенія ея съ матеріальнымъ міромъ, но зато должны раскрыться для нея сношенія съ міромъ духовнымъ, которыя во время земной ея жизни могли только предчувствоваться, но не сознаваться ею вполнѣ и опредѣленно. Подготовленіе къ этому мы можемъ наблюдать и въ земной жизни нормальныхъ стариковъ: въ нихъ очевидно ослабѣваютъ и мало по малу прекращаютъ свою дѣятельность всѣ тѣ матеріальные органы, которыми они входили въ сношенія съ земнымъ матеріальнымъ міромъ, но зато усиливается возможность пониманія міра духовнаго. Для нихъ становится доступнѣе и понятнѣе идея всемогущаго и предвѣчнаго Духа, который есть вселенскій Богъ. Они начинаютъ понимать, что воля этого Духа, господствовавшая надъ ними во время настоящей жизни, будетъ господствовать и въ будущей, съ тою лишь разницею, что въ будущей жизни они можетъ быть будутъ лучше понимать эту божественную волю и вѣрнѣе исполнять ее. А въ исполненіи ея и можетъ состоять ихъ блаженство, такъ какъ эта воля не можетъ быть иною, какъ всеблагою, все охраняющею и все спасающею, ибо всемогущему существу должна быть присуща благость безграничная и безконечная.

Мартъ 1902 г.

„Старости нѣтъ, есть только лѣность“ Il n'y a pas de viellesse, il y a seulement la paresse.

Вотъ слова, которыя приписываютъ графу Бергу, бывшему генералъ-губернаторомъ въ Варшавѣ. Если онъ дѣйствительно повторялъ эту фразу, то надо думать, что онъ повторялъ ее, не достигнувъ настоящей старости; я такъ же, какъ и онъ, любилъ до недавняго времени повторять ее, но теперь я уже не повторяю ея.

Мнѣ 80-ый годъ. Я убѣждаюсь, что старость дѣйствительно существуетъ, и что „старость не радость“, какъ говоритъ русская поговорка, гораздо болѣе подходящая къ дѣйствительности, нежели фраза, приписываемая гр. Бергу.

Старость не радость, потому, что у нея нѣтъ будущаго на землѣ, слѣдовательно, нѣтъ иллюзій, а безъ иллюзій какія же радости?

Мнѣ 80-й годъ. Умъ ясенъ, память довольно вѣрна, но слабъ физическій организмъ, я быстро утомляюсь. Да, къ сожалѣнію, пора и утомиться: скоро будетъ 60 лѣтъ, что я состою на государственной службѣ, которая для меня никогда, буквально никогда, не была синекурою, а всегда была постояннымъ, дѣйствительнымъ трудомъ. Но и теперь я не рѣшаюсь отказаться отъ своей обычной работы и до сихъ поръ уже 20-ый годъ остаюсь первоприсутствующимъ сенаторомъ во 2-мъ департаментѣ Сената, а въ послѣдній годъ и въ 1-мъ общемъ собраніи, не рѣшаюсь отказаться потому, что для меня страшна та пустота и та праздность, которыя неизбѣжно наступятъ за такимъ отказомъ. А между тѣмъ продолжать эту работу страшно, особенно потому, что я могу потерять зрѣніе на правый глазъ, какъ потерялъ его на лѣвый.

Въ виду такой альтернативы: или ослѣпнуть на работѣ или отупѣть въ праздности и пустотѣ — и проходятъ для меня тяжкіе дни моей настоящей жизни. Ни будущаго, ни надеждъ, ни иллюзій!..

Остаются однѣ грезы о минувшемъ, но и онѣ не могутъ же быть безконечными и неистощимыми, не говоря уже о томъ, что къ нимъ примѣшиваются часто сожалѣнія, что не сдѣлалъ всего, что могъ бы и долженъ былъ сдѣлать, и что наоборотъ иногда дѣлалъ именно то, чего могъ бы не дѣлать.

Отсюда раскаянье и тревога въ душѣ.

Сѣятель, что ты сѣялъ? Гдѣ твои плоды? Зачѣмъ ты сѣялъ рожь, а не цвѣты, или наоборотъ?

Человѣку, предъ которымъ ежеминутно можетъ упасть завѣса, отдѣляющая его отъ будущей жизни, невольно представляется мысль о необъятности того, что передъ нимъ откроется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сомнѣніе въ томъ, согласна ли была его прошлая жизнь съ тою, которая предстоитъ ему въ будущемъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для него можетъ служить надежда, что, несмотря на ничтожность всей своей прошлой жизни, онъ внесъ хотя крупинку добра въ разнородную массу всего, что нажито человѣчествомъ. Но внесъ ли онъ эту крупинку и почему только одну, а не двѣ и три? И почему ту, а не другую?

26 іюля 1904.

Завтра будетъ полгода, какъ началась японская война. Начали эту войну, разумѣется, не мы. Мы ея не желали, не ожидали и не готовились къ ней. Впрочемъ, мы не бываемъ готовы ни къ какой войнѣ. Мы всѣ войны ведемъ, такъ сказать, экспромптомъ и всегда

начинаемъ отстрѣливаться заржавѣвшими ружьями. Какъ бы ни кончилась эта война, но начало ея по справедливости должно бы войдти въ историческую пословицу: „Не готовъ, какъ русскіе передъ японской войной“. Это могло бы вообще означать небрежнаго человѣка, который, несмотря на видимыя и долгія приготовленія его враговъ погубить его, не принялъ никакихъ мѣръ осторожности, не говоря уже о мѣрахъ отвращенія или предупрежденія надвигающейся на него грозы.

Японія почти 10 лѣтъ готовилась къ войнѣ противъ насъ, а мы о ея приготовленіяхъ ничего не знали и знать не хотѣли. Да и тогда, когда она вѣроломно, даже безъ объявленія войны, ворвалась, приступивъ къ тайнымъ взрывамъ нашихъ военныхъ судовъ, мы ахнули не за себя, за нее—безразсудную маленькую Японію, которая съ своими 50 милліонами жителей смѣла оказать такую дерзость 150 милліонамъ жителей Русской имперіи. И только теперь мы поняли, что наши 150 милліоновъ жителей разбросаны за тысячи верстъ отъ театра начавшейся войны, а японскіе 50 милліоновъ вплотную стоятъ противъ этого театра, на которомъ наши военныя силы были въ десять, въ двадцать разъ малочисленнѣе японскихъ.

Надо удивляться, какъ могли наши ничтожныя силы на дальнемъ востокѣ выдерживать до сихъ поръ натискъ японскихъ полчищъ, и какъ еще японцы не завладѣли до сихъ поръ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они хотятъ завладѣть, тѣмъ болѣе, что ведутъ противъ насъ настоящую войну не одни японцы, а вмѣстѣ съ ними и ихъ тайные союзники, англичане, сѣверо-американцы и китайцы, трое послѣднихъ, не объявляя намъ войны, а всемѣрно помогая японцамъ подъ прикрытіемъ нейтральнаго флага.

Это что-то невѣроятное по безстыдству нашихъ явныхъ и тайныхъ враговъ и по противоположной ему нашей щепетильности въ соблюденіи средневѣковыхъ рыцарскихъ пріемовъ: напр., русскій казачій разъѣздъ изъ 20 казаковъ подъ командою одного офицера встрѣчается съ японскимъ разъѣздомъ изъ 4-хъ японцевъ подъ командою тоже одного офицера. При такомъ неравенствѣ силъ, русскій офицеръ находитъ противнымъ рыцарской чести броситься на японцевъ и уничтожить ихъ, а предлагаетъ японскому офицеру вступить съ нимъ въ единоборство, послѣдній, разумѣется, соглашается, но едва только они выѣхали другъ противъ друга, какъ съ японской стороны раздались выстрѣлы, положившіе русскаго офицера на мѣстѣ, да въ то же время выдвинулись изъ засады и японская пѣхота, отъ которой едва, едва спаслись русскіе казаки, но уже безъ команды своего рыцарскаго командира.

*

При такихъ условіяхъ, кажется, намъ придется долго ждать, когда мы будемъ въ правѣ сказать: Rira bien, qui rira le dernier,—а теперь враги наши смѣются только надъ нами, какъ смѣются безчестные выжиги лицемѣры надъ обкрадываемымъ ими честнымъ простакомъ.

Враги наши любятъ выпускать на насъ карикатуры. Одна изъ нихъ, изстари повторяемая каждымъ изъ начинавшихъ противъ насъ войну, представляетъ русскаго колосса съ глиняными ногами. Представленіе совершенно нелѣпое и вполнѣ опровергаемое просто ежедневною дѣйствительностію. Если ногами и руками государства считать его простой народъ, его солдатъ, его матросовъ и т. п., то кто же въ здравомъ умѣ рѣшится сказать, что они у насъ глиняные, такъ какъ они отличаются почти нечеловѣческою терпѣливостію и выносливостію всѣхъ матеріальныхъ, физическихъ трудностей. Но и друзья и враги Россіи иногда представляютъ ее колоссомъ съ наивной дѣтской головкой, очень бодренькой, но очень неразсудительной и неспособной предвидѣть умышляемыхъ противъ нея козней. Если бы оно было и такъ, то вѣчно это продолжаться не можетъ: научится же дѣтская головка быть разсудительнѣе и предусмотрительнѣе.

20 августа 1904 г.

Въ жизни святыхъ читаемъ: „обѣтъ молчанія,—затворъ“.—Какія это тяжкія и мучительныя лишенія. Человѣкъ лишаетъ себя и другихъ именно того, для чего люди созданы въ мірѣ. Созданы они для общенія съ людьми, для передачи и пріема отъ другихъ всего, что есть лучшаго,—и вотъ онъ отказываетъ всѣмъ и себѣ въ передачѣ добрыхъ мыслей, совѣтовъ, убѣжденій!.. Кому и для чего такое лишеніе нужно и полезно? Со стороны яраго и свирѣпаго пропагандиста такое лишеніе было бы, конечно, очень желательно, но со стороны святаго? Не понимаю.

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Глава III[1]).

Поѣздка на Кавказъ въ 1869 году. — Москва.—Кіевъ.—Пещеры.—Андреевскій и Софійскій соборы.—Одесса.—Пароходъ „Великая Княгиня Ольга“.—Берега Крыма, Кавказа, Поти.—Плаваніе по Ріону.—Кутаисъ.—Сурамскій перевалъ.—Горы.—Тифлисъ.—Жизнь въ гостяхъ у Великаго Князя Намѣстника.—Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна.—Обѣдъ со свитою Намѣстника въ Муштаидѣ. — Охота въ Караясахъ.—Смотръ Нижегородцевъ.

Въ 1869 г. 15-го марта Его Высочество Вел. Князь Николай Николаевичъ поѣхалъ на Кавказъ съ тѣмъ, чтобы навѣстить своего брата Вел. Кн. Михаила Николаевича, попутно осмотрѣть: запасныя кавалерійскія бригады, государственные конные заводы и табунное коневодство на Кавказѣ и въ задонскихъ степяхъ. Путешествіе это было очень интересно, а потому опишу его, какъ образецъ путешествій Вел. Князя по Россіи до кампаніи 1877 и 1878 года.

16 марта утромъ мы благополучно прибыли въ Москву; здѣсь еще стояла зима. Насъ встрѣтили на жел. дорогѣ начальство Первопрестольной Столицы и экипажи, въ кот. мы отправились въ только что созданный Зоологическій Садъ, находившійся подъ покровительствомъ Его Высочества.

Звѣрей было не много; забавны были: тигры, 18-ти мѣсячный слонъ и носорогъ, остальное все еще ожидалось въ будущемъ. Въ 4 часа Его Высочество обѣдалъ во дворцѣ, а въ 6 мы выѣхали съ Курскаго вокзала на Кіевъ. Съ нами ѣхали до Кіева англійскій посолъ Буккананъ съ супругою, очень забавные и милые старички, а также Анна Карловна Пилларъ. Обѣдали въ Курскѣ, а т. к. путь впереди былъ свободенъ, то Его Высочество изъявилъ согласіе на

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1909 года.

предложеніе начальника дороги — ѣхать впереди почтоваго поѣзда. По выѣздѣ изъ Курска мы, весело болтая, дѣлали визиты по вагонамъ нашимъ англичанамъ и Аннѣ Карловнѣ. Не успѣли мы отойти на три станціи отъ Курска, какъ Вел. Князь получилъ депешу, что слѣдовавшій за нами поѣздъ провалился на мосту въ рѣку Сеймъ, или вѣрнѣе мостъ обрушился подъ поѣздомъ, и локомотивъ съ багажнымъ и почтовымъ вагонами полетѣли въ рѣку, при чемъ убитъ старшій кочегаръ и зашиблены: его помощникъ и машинистъ, да еще какой-то пассажиръ, вздумавшій выскочить изъ окна.

Дѣло въ томъ, что мы должны были ѣхать за этимъ поѣздомъ, а по неисповѣдимой волѣ Божіей насъ пустили впередъ, и мостъ подъ нами, какъ потомъ выяснилось, только покачнулся на одну сторону.

Вскорѣ Вел. Князь получилъ отъ Государя слѣдующую депешу: „благодаримъ Бога, что спасъ Тебя и твоихъ спутниковъ отъ угрожавшей опасности“.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, Вел. Князь отправился прямо въ Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ былъ встрѣченъ всѣмъ соборомъ монашествующей братіи. Обойдя святыни, Вел. Князь спустился въ склепъ, и намъ показали нетлѣнное тѣло епископа Михаила Черниговскаго, со временемъ канонизированнаго; мощи его замѣчательно сохранились.

Оттуда Его Высочество поѣхалъ въ городъ, а я съ англичанами, Ростовцовымъ и художникомъ Дмитріевымъ пошли осматривать всѣ достопримѣчательности храма и пещеръ.

Насъ водилъ самъ настоятель.

На дворѣ стояла чудная, ранняя весна; деревья едва распустились; воздухъ былъ наполненъ ароматомъ и пѣніемъ птицъ.

Мы спустились въ пещеры. Меня привлекли мощи преподобнаго Нестора — лѣтописца, память котораго празднуется 27 октября и совпадаетъ со днемъ моего рожденія. Я съ особымъ благоговѣніемъ приложился къ мощамъ преподобнаго, т. к. благодаря вышеупомянутому совпаденію съ дѣтства увлекался исторіей, считая Нестора своимъ патрономъ. Мы прошли мимо міроточивой головы; разныхъ столпниковъ, Іоанна Многострадальнаго, зарывшагося живымъ въ землю.

Лэди Букананъ вздыхала, слушая разсказы объ этихъ аскетахъ, и постоянно повторяла: „mais pourquoi, mon Dieu, pourquoi“! Дѣйствительно—контрастъ—между полною возрожденія радостной картиною весны, славославящею Творца и—этими мрачными пещерами—былъ поразителенъ.

Мы завтракали у генералъ-губернатора кн. Дондукова-Корсакова, затѣмъ Его Высочество вмѣстѣ съ Ростовцовымъ и со мной

поѣхалъ осматривать Андреевскій соборъ съ восхитительнымъ видомъ на Днѣпръ и его окрестности, а потомъ Софійскій соборъ, въ кот. Его Высочество особенно интересовался стариннымн фресками, съ изображеніемъ Св. Причастія подъ двумя видами. Послѣ обѣда мы посѣтили концертъ, въ числѣ номеровъ котораго я запомнилъ „романеску", сыгранную старикомъ-віолончелистомъ изъ какого-то бывшаго барскаго оркестра.

Къ часу ночи мы уже сидѣли въ поѣздѣ, несшемъ насъ въ Балту, по вновь строившейся ж. д. изъ Кіева, черезъ Балту въ Одессу.

Французъ Fillieul былъ строителемъ Кіево-Балтской дороги; она не была еще окончена; производились работы, и Вел. Князь первый проѣхалъ по желѣзно-дорожному пути изъ Петербурга въ Одессу.

Въ Одессѣ мы дружелюбно разстались съ англичанами и милѣйшей Анной Карловной и сѣли на пароходъ „Великая Княгиня Ольга", который долженъ былъ, не заходя въ порты, везти насъ прямо въ Поти.

Пароходъ этотъ былъ очарователенъ; погода стояла безподобная, небо ясное, море спокойное, ночи тихія, жаркія.

Курсъ нашъ шелъ сначала вдоль живописныхъ береговъ Крыма. Его Высочество называлъ тянущіяся по берегу имѣнія: „Фарросъ, Симеизъ, Алупку".

Любуясь фантастическимъ дворцомъ Алупки, намъ и въ голову не приходило, что черезъ двадцать два года это будетъ мѣстомъ трагической кончины нашего дорогого Великаго Князя.

Далѣе красовался еще не сгорѣвшій дворецъ „Оріанды", потомъ нѣсколько зданій Ливадіи, живописный „Ай Петри", пріютившійся въ бухтѣ городокъ „Ялта" и наконецъ вдали Медвѣдь-Гора, оригинальный „Аю-Дагъ".

Весна, своей яркою зеленью, уже вытѣсняла желтые и коричневые оттѣнки осени и зимы; миндальныя и абрикосовыя деревья покрылись бѣлизной сплошного цвѣта.

Отъ береговъ Крыма мы пустились въ открытое море; ночью любовались звѣзднымъ небомъ, къ утру подошли къ Кавказу на высоту мыса „Гагры". Послѣ кружевного рисунка береговъ Крыма передъ нами выступилъ грандіозный, снѣжный хребетъ Кавказа съ вершиною „Нугой-Гусъ" въ 17.000 фут.

Картина величественная; всѣ мелочныя подробности крымскихъ видовъ съ виноградниками, садами, дворцами, одиночными зданьицами и даже деревнями—здѣсь отсутствуютъ вполнѣ,—все сливается въ сплошныя пятна всевозможныхъ тоновъ и покрыто прозрачною лиловою завѣсою, изъ которой рѣзко выступаютъ снѣговыя вершины на яркой синевѣ небесъ.

Вблизи отъ парохода безпрестанно подымаются перелетныя различныя морскія птицы, по временамъ бороздятъ воду игривые дельфины, послѣдніе доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Весь пароходъ отданъ въ распоряженіе Велик. Князя, и мы идемъ, какъ истые сибариты въ роскошныхъ каютахъ, съ превосходною кухней; наслаждаемся моремъ, тепломъ, видами горъ, прекраснымъ обществомъ и разсказами нашего симпатичнаго капитана Каперницкаго—стараго Севастопольца.

Къ тому же въ каютъ-кампаніи стоитъ фортепіано, и я наигрываю разные мотивы изъ нашихъ любимыхъ балетовъ.

Какъ жарко! Дерево и металлъ накаливаются. Навстрѣчу намъ идетъ парусное судно, вотъ оно уже за нами; я не могу достаточно налюбоваться тонами красокъ горъ и моря, даже самыя темныя точки имѣютъ синій, или лиловый отливъ.

Подъ вечеръ 22-го числа мы должны были къ $11^1/_2$ часамъ прибыть въ Поти; часу въ пятомъ горизонтъ былъ настолько ясенъ, что мы видѣли Батумскій и Трапизонтскій берегъ, или, вѣрнѣе сказать,—горы, явленіе, какъ говорилъ капитанъ, чрезвычайно рѣдкое и предвѣщающее бурю, потому-что Трапизонтъ лежалъ отъ насъ въ разстояніи 200 верстъ.

Въ 9 часовъ палъ густой туманъ, и, несмотря на то, что мы уже подходили къ Поти, капитанъ былъ вынужденъ положить руль на бортъ и описывать маленькіе круги на мѣстѣ. Только въ 3 часа мы увидѣли наконецъ маякъ и встали на рейдъ.

Въ 6 утра 23 числа подошелъ къ намъ рѣчной пароходъ, и, простившись съ „Ольгой“, на которомъ мы провели такъ весело и пріятно трое сутокъ, мы высадились на Кавказскій берегъ.

Великаго Князя встрѣтилъ въ полной парадной формѣ Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ съ почетнымъ карауломъ. Его высочество былъ съ нами очень любезенъ.

Великіе Князья стали осматривать работы по сооруженію порта: громадныя, кубическія глыбы искусственнаго камня лежали на берегу въ ожиданіи погруженія въ море для постройки мола.

Изъ гавани прошли къ рельсамъ желѣзной дороги, строющейся черезъ Сурамскій перевалъ на Тифлисъ.

Подали небольшую платформу на колесахъ, Великіе Князья сѣли рядомъ впереди, а я умостился сзади; при крикахъ „ура“ насъ покатили по рельсамъ. Движеніе было открыто.

Осмотрѣвъ работы по сооруженію гавани и желѣзной дороги, мы сѣли на пароходъ и поплыли вверхъ по Ріону.

Между тѣмъ на морѣ поднялся предсказанный капитаномъ штормъ, который длился десять дней.

Берега Ріона совершенно плоски и покрыты богатѣйшею растительностью, которая еще не вся распустилась.

Персики, абрикосы, черешни были въ полномъ цвѣту, равно какъ азаліи и луговые цвѣты.

Стволы нѣкоторыхъ деревьевъ сплошь покрыты плющемъ и другими ползунами, что̀ чрезвычайно красиво.

Кавказцы говорили, что мы пріѣхали немного рано; недѣли черезъ двѣ все было бы въ полномъ блескѣ южной флоры.

Между тѣмъ съ утра поднявшійся вѣтеръ превратился въ бурю, и мы радовались, что избѣжали удовольствія качаться десять дней, гдѣ-либо въ морѣ и томиться морскою болѣзнью.

Провожаемый криками туземцевъ, собиравшихся къ открытому берегу, послѣ 10 часового плаванія пароходъ присталъ къ мѣстечку „Орпиры“.

Весна вызывала въ насъ радостное настроеніе; всюду замѣчалось прикосновеніе ея чарующей руки, синева неба, яркая зелень молодой листвы, струи аромата отъ роскошнаго цвѣта плодовыхъ деревьевъ, потомъ сытный завтракъ на палубѣ, живительная влага добраго кахетинскаго вина, веселый говоръ нашего общества,— все это располагало къ довольству.

Прельщаемые красотою весны и плывя по древнему Фазису, мы не стремились къ золотому руну Аргонавтовъ, а просто наслаждались жизнью.

Было уже темно, когда мы сѣли въ экипажи и послѣ 3 часовой ѣзды, сопровождаемые вихремъ и дождемъ, прибыли въ Кутаисъ.

Великіе Князья остановились у губернатора Левашова, мы же— въ гостиницѣ француза Martin.

На другой день Его Высочество, въ полной парадной формѣ, вмѣстѣ съ нами представился Великому Князю Михаилу Николаевичу. Послѣ чая началось представленіе военныхъ и гражданскихъ чиновъ и мѣстныхъ дворянъ, затѣмъ поѣхали въ институтъ Св. Нины, гдѣ любовались туземками.

Имеретинки и мингрельки въ большинствѣ черноглазыя, съ рѣзкими чертами лица, у нѣкоторыхъ глаза какъ бы подернуты нѣгой.

Юная княжна Ольга Церители поразила насъ своей красотой, я досталъ ея фотографію, которая однако не передаетъ матовой бѣлизны ея необыкновеннаго цвѣта лица и чарующаго взгляда глазъ.

Обѣдъ былъ оффиціальный, въ мундирахъ и окончился интереснымъ вечеромъ въ томъ отношеніи, что всѣ кавказскія туземки были въ національныхъ костюмахъ и между ними красавицы не послѣдней руки.

Я восхищался кн. Аргутинской, рожд. Дадіанъ; она напоминала мнѣ нашу французскую артистку мадамъ Нанталь Арно.

Княгиня была родомъ изъ константинопольскихъ армянъ, владѣльцевъ С.-Стефано, съ которыми насъ свела судьба при концѣ кампаніи.

Аракель-бей-Дадіанъ, въ домѣ котораго мы помѣстились въ будущемъ, былъ ея роднымъ братомъ.

Къ нашему крайнему неудовольствію, въ Кутаисѣ все время шелъ дождь и мѣшалъ любоваться его окрестностями. Городъ расположенъ въ плоской равнинѣ и окруженъ горами, которыхъ за туманомъ и дождемъ почти не было видно. Населеніе изъ имеретинъ, мингрельцевъ, гурійцевъ—вообще бѣдно и до крайности оборвано, но нельзя не отдать имъ справедливости въ красотѣ и граціи, съ которой они носятъ свои лохмотья.

26 марта мы въѣхали въ Тифлисъ, я сидѣлъ въ тарантасѣ съ начальникомъ инженеровъ генераломъ Рербергомъ.

Дорога шла по холмамъ до ст. Квирилы, откуда она входитъ въ плодоносную и живописную равнину, вплоть до Сурамскаго перевала. По дорогѣ склоны горъ были покрыты цвѣтущими азаліями. Скалы, башни старыхъ крѣпостей и дома украшены и обвиты плющемъ и разными ползунами.

Мѣстами дорога полходила къ работамъ желѣзнодорожнаго пути; въ постройкѣ принимали участіе солдаты. Наканунѣ нашего проѣзда одинъ изъ рабочихъ убитъ былъ камнемъ, сорвавшимся съ горы и летѣвшимъ съ быстротою полета пули.

Подъемъ на Сурамскій перевалъ очень живописенъ; окружающія его долины поросли густымъ мхомъ.

Переваливъ черезъ горы, мы залюбовались видомъ всего Кавказскаго хребта, съ его южной стороны. Величіе поразительное!

Отъ Сурама до уѣзднаго города Гори картина измѣнилась, потянулась сравнительно бѣдная растительность, виднѣлось много развалинъ древнихъ замковъ.

Отъ Гори до самаго Тифлиса встрѣчаются плантаціи виноградниковъ и орѣховое дерево. Погода отъ Поти намъ не благопріятствовала: или вѣтеръ, или Петербургское небо съ дождемъ. Къ вечеру мы добрались до Тифлиса.

Насъ размѣстили во дворцѣ. Великій Князь занялъ половину, гдѣ раньше былъ кабинетъ фельдмаршала князя Барятинскаго.

Великій Князь-Намѣстникъ обошелъ наше помѣщеніе и спрашивалъ, довольны ли мы? На утро свиту представили Великой Княгинѣ, а затѣмъ повезли дѣлать визиты всѣмъ сановнымъ лицамъ столицы Кавказа.

Мы обѣдали у Великаго Князя Михаила Николаевича; подавали разную зелень и спаржу, выписанную изъ-за границы.

Его Высочество удивлялся и замѣтилъ, что ему доставило бы большее удовольствіе сознаніе, что эта спаржа и зелень мѣстныя, и обѣщалъ, какъ предсѣдатель Имп. Общ. Садоводства, прислать для этого знающихъ садоводовъ и огородниковъ.

Замѣчательно, что большинство овощей, молоко, масло получается въ раннее время года только изъ нѣмецкой колоніи.

Вотъ уже окончился третій день нашего пребыванія въ Тифлисѣ, а до сихъ поръ не видать клочка неба. Правда,—садъ былъ весь въ цвѣту, розы распустились, но погода стояла чисто петербургская, только немного потеплѣе.

Утромъ 29-го назначенъ былъ парадъ войскамъ, но за дождемъ отказанъ.

Въ часъ дня представлялись военные и гражданскіе чины, дворяне и городское общество, которое учредило степендію въ ремесленномъ училищѣ, назвавши ее „Николаевскою“. Великій Князь-Намѣстникъ записалъ насъ почетными гостями въ клубѣ.

Дежурный приглашался къ княжескому столу. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ узналъ, что я играю на віолончели, много говорилъ со мной о музыкѣ и прислалъ свою віолончель, а Великая Княгиня обѣщала прислать ноты.

30 марта былъ вечеръ у гофмейстера здѣшняго двора генералъ-лейтенанта Ребиндера. Довольно скучно: дамы все пожилыя, молодыхъ—двѣ, три, и тѣ некрасивы. Жизнь въ Тифлисѣ при дворѣ скучная, слишкомъ однообразно-оффиціальная; приглашенія къ столу, или на вечеръ производятся на листахъ, на которыхъ и намъ надо было росписываться.

Великая Княгиня къ завтраку выходила нарядно одѣтая, а къ обѣду—полудекольте. Гофмейстеръ не составляетъ постояннаго общества, точно также приглашается на-ряду съ остальными, и даже воспитатель дѣтей—Петерсъ является на завтракъ и обѣдъ въ мундирѣ.

Это не нашъ обычай; у Его Высочества: кто придетъ ко времени завтрака, тотъ и приглашается, какъ бы онъ ни былъ одѣтъ, а въ мундирахъ завтракаютъ только въ высокоторжественные дни: именинъ, рожденій, или на Рождество и Св. Пасху.

Однажды, будучи приглашенъ къ завтраку, я пришелъ въ столовую раньше времени и наткнулся на бурную сцену Вел. Княгини со своимъ гофмейстеромъ; я испугался и шмыгнулъ въ гостиную. Великой Княгинѣ было непріятно, что я засталъ ее въ раздраженномъ видѣ.

По вечерамъ я часто удостаивался играть на віолончели подъ ея аккомпаниментъ. Ея Высочество отлично читала ноты. Вечеромъ того дня, когда произошла сцена съ гофмейстеромъ, она обратилась ко мнѣ по-нѣмецки:

— „Вы застали мое объясненіе съ Ребиндеромъ? Не правда ли я была очень раздражена?

— „Я это видѣлъ, Ваше Высочество, а потому быстро скрылся.

— „Онъ такой несносный человѣкъ, сказала Вел. Кн., и ужасно раздражаетъ меня, а я съ болѣзнью сердца не переношу раздраженія и когда разсержусь, то должна вскипѣть, чтобы потомъ было легче".

Эта раздражительность Вел. Княгини объяснялась болѣзнью сердца, отъ которой она и скончалась. Ко мнѣ Ея Высочество относилась крайне милостиво; свое расположеніе она выказывала мнѣ при каждой встрѣчѣ, и въ разговорахъ я совершенно не былъ стѣсненъ, при чемъ большей частью говорилъ по-нѣмецки. Въ дальнѣйшемъ она необыкновенно тепло и сердечно относилась ко мнѣ во время болѣзни моего Вел. Князя и защищала меня отъ разныхъ сплетенъ и нападокъ недоброжелателей.

Вел. Князь Михаилъ Николаевичъ былъ очень добръ и внимателенъ, но между его отношеніями къ своимъ адъютантамъ и нашимъ Вел. Княземъ съ нами — была разница.

Мы были болѣе на положеніи дѣтей, и Его Выс. принималъ участіе даже во всѣхъ нашихъ шалостяхъ. У меня въ то время была отличная память, а благодаря энциклопедическому образованію, полученному въ корпусѣ, я на многіе вопросы обыкновенно давалъ быстро отвѣты.

Разъ за завтракомъ меня не было; посылаютъ за мной, чтобы шелъ въ чемъ одѣтъ; вхожу; Вел. Князь спрашиваетъ:

— „Какая самая высокая гора въ Гималаяхъ?

— „Монтъ-Эверестъ, Ваше Высочество, 31 т. футовъ, потомъ Джавагири 30 т. футовъ и наконецъ Давалагири 28 т. футовъ, отвѣтилъ я, удивленный неожиданностью вопроса. Оказалось, что объ этомъ шла рѣчь; знали, что Давалагири развѣнченъ, а даже самъ воспитатель Петерсъ забылъ названіе болѣе высокой горы.

— „А мой Скалонъ, навѣрное, знаетъ, сказалъ Вел. Князь во время спора, позвать его!"

По счастью, я безъ осѣчки отвѣтилъ и не подвелъ Его Выс., который только-что передъ этимъ похвалилъ мои познанія.

Другой разъ, будучи дежурнымъ и ѣздивши съ ранняго утра по городу съ Вел. Княземъ, я не успѣлъ побриться къ завтраку, а за сутки это почти не было видно. Однако же Вел. Князь-Намѣстникъ подошелъ ко мнѣ и сдѣлалъ замѣчаніе:

— Миленькій, ты не брился!

— Только не говорите этого Его Высочеству, а то меня вздуютъ, извернулся я.

Вел. Князь разсмѣялся.

Однажды намъ пришлось въ Тифлисѣ здорово вышить; это было по случаю конногвардейскаго праздника.

Служащіе на Кавказѣ изъ свиты Его Высочества, бывшіе конногвардейцы, дѣлали обѣдъ, на который и насъ пригласили, а между тѣмъ послѣ обѣда мы должны были сопровождать Великихъ Князей на вечеръ къ князю Мирскому. Зная, что насъ будутъ напаивать для того, чтобы нашъ Вел. Князь поѣхалъ одинъ на вечеръ, мы рѣшили отстоять свою честь.

На кавказскихъ обѣдахъ по обыкновенію всѣ присутствующіе пьютъ за ваше здоровье черезъ тулумбаша, при чемъ предлагающій выпиваетъ извѣстное количество вина, и вы обязаны столько же выпить, а т. к. насъ было меньше, чѣмъ кавказскихъ участниковъ обѣда, то мы дѣйствительно рисковали быть сбитыми съ позиціи.

По этому случаю я изловчился и выпилъ масло изъ сардинокъ, а т. к. водки и вина я не пью, то когда дѣло дошло до шампанскаго, я имѣлъ нѣсколько очковъ впереди. Струковъ тоже незамѣтно схитрилъ; но пили много: Галлъ и Джунковскій пріѣхали домой и остались замертво лежать. Галлъ выдержалъ самоиспытаніе молодцомъ, но по неосторожности возвратился верхомъ и погибъ для вечера.

Мы пріѣхали въ коляскахъ, умылись съ головы до ногъ и явились къ Его Высочеству.

Ростовцевъ былъ необыкновенно милъ, Вел. Князь потѣшался надъ нами: „ребята, вѣдь вы пьяны, какъ же вы поѣдете на вечеръ“.

„Ничего, Ваше Высочество, мы пьяны, да съ Вами, а вотъ Кавказская свита, та не появится“.

„Молодцы“, похвалилъ Вел. Князь. На вечерѣ на нашу долю выпало большое испытаніе: въ то время была манія столоверченія, и мнѣ пришлось сидѣть за большимъ круглымъ столомъ, кот. по счастью не очень вертѣлся, иначе бы моя голова не выдержала.

Изъ Кавказской свиты дѣйствительно мало кто появился.

Утромъ 9 апрѣля Ихъ Высочества вмѣстѣ съ нами отправились на охоту въ Караяскую степь. Первый день дождь лилъ, не переставая; вечеромъ пошелъ снѣгъ, и поднялась буря, но, укрытые палатками въ веселой компаніи, мы скоротали время за виномъ и картами и, не раздѣваясь, легли спать.

На утро намъ подали лошадей, и мы проѣхали въ лѣсъ, растущій на берегахъ Куры, гдѣ встали на номера. Я стоялъ рядомъ съ А. Н. Муравьевымъ, главнымъ начальникомъ лѣсовъ на Кавказѣ,— человѣкъ симпатичный, пріятный и хорошій скрипачъ. Какъ собратья по струнамъ, мы другъ другу понравились и сошлись.

Благодаря охотѣ я видѣлъ въ первый же день: дикую кошку, шакала, волка, кабановъ, фазановъ и т. п.

Растительность въ лѣсу самая разнообразная; ползучія растенія дѣлаютъ иныя мѣста недоступными, застилая и заплетая всѣ свободныя разстоянія между деревьями и становясь непроходимой преградой даже для звѣрей.

Въ этихъ чащахъ сдѣланы просѣки, на кот. становятся охотники, съ противоположной стороны участка пускаютъ собакъ и идутъ загонщики.

Загонщиками на охотѣ Его Высочества-Намѣстника постоянно служила первая рота Кавказскихъ саперъ съ ихъ командиромъ, завзятымъ охотникомъ.

Адъютантъ Вел. Князя Михаила Николаевича Философовъ далъ мнѣ винтовку, не зная которой, я дѣлалъ только промахи.

Звѣри, словно это чувствовали, такъ и лѣзли на меня. Меня это очень забавляло, и я любовался ихъ видомъ на свободѣ.

На второй день погода поправилась, и въ 7 ч. утра мы были уже въ лѣсу за 11 верстъ отъ нашего лагеря.

Я всталъ опять рядомъ съ Муравьевымъ. Передо мной была открытая поляна, кругомъ тишина, лишь птички чирикали и перепархивали между вѣтвями, а вдали звуки роговъ аккомпанировали лаю носящейся по лѣсу огромной, чудной, стаи гончихъ Его Высочества, въ числѣ 80-ти собакъ. По временамъ среди безмолвія вдругъ раздается голосъ одиночной гончей, подхватываетъ другая, третья, цѣлый хоръ, лай и тявканье начинаетъ разноситься, то удаляясь, то приближаясь на такое короткое разстояніе, такъ что сердце замираетъ, потомъ опять все уносится вдаль и наступаетъ прежняя тишина.

Но вотъ гоньба снова началась. Что-то мелькнуло въ кустахъ. Гляжу—старый кабанъ показался въ 25 шагахъ отъ меня. Я опять далъ промахъ, и кабанъ пронесся мимо, какъ вихрь; вслѣдъ за нимъ показалась стая собакъ, громко лая и тявкая, и опять все унеслось вдаль.

Раздался сборъ охотниковъ; казаки подали намъ лошадей, и мы отправились на мѣсто завтрака, котор. былъ раскинутъ на коврахъ, подъ вѣковымъ дубомъ.

Пошли разговоры, потомъ шутки, насмѣшки надъ моими промахами. Позавтракавъ, мы сѣли верхомъ и поѣхали на другую просѣку, черезъ рѣчки и броды, при чемъ принцъ Альтенбургскій и графъ Панинъ, переправляясь въ бродъ, почти окунулись, къ нашему удивленію и смѣху.

Мѣсто, на кот. я тогда всталъ, было, между Курою и затономъ.

Вскорѣ на меня выбѣжалъ большой одинецъ или вепрь.

Я залюбовался имъ и, будучи увѣренъ въ промахѣ, все-таки выпустилъ въ него пулю; звѣрь повернулъ по линіи мимо Муравьева, кот. стрѣлялъ, кабанъ пустился назадъ, я успѣлъ зарядить и вы-

стрѣлилъ во второй разъ, но напрасно, звѣрь бросился въ сторону и исчезъ. Затѣмъ выбѣжали на меня двѣ свиньи.

Стрѣляли всѣ, давали промахи, а мой кабанъ вышелъ вторично на Вел. Князя и былъ имъ убитъ. Командиръ саперной роты убилъ гіену, а еще кто-то—дикую кошку.

Вечеромъ, несмотря на дождь, кот. по временамъ затихалъ, казаки и саперы пѣли пѣсни и играли подъ плясовую игры.

Я прошелся плясать по кругу, за мной Муравьевъ, а потомъ Вел. Князь Михаилъ Николаевичъ не стерпѣлъ, вышелъ въ кругъ и началъ приплясывать. Казаки стали играть журавля и дергача. Это очень забавная потѣха: къ колу прикрѣпляютъ двумя неровными концами веревку, къ длинному концу привязываютъ дергача, а къ болѣе короткому журавля съ жгутомъ. Обоимъ завязываютъ глаза и разводятъ въ стороны.

Дергачъ водитъ палочкой по зазубренной деревяшкѣ, подражая дергачу, а журавль, прислушиваясь, старается его настигнуть и прибить жгутомъ; ловкій дергачъ, чуя врага, бѣжитъ по кругу и валитъ своей веревкой журавля и т. д.

По окончаніи охоты, пообѣдавъ, мы возвратились въ Тифлисъ, сопровождаемые сильнѣйшимъ вихремъ съ непогодою.

8 апрѣля, въ пять часовъ утра, мы отправились въ „Царскіе колодцы“ на смотръ славныхъ Нижегородскихъ драгунъ. Я ѣхалъ въ коляскѣ съ Философовымъ; дорога скверная, все больше пустыри; изрѣдка проѣзжаешь черезъ богатыя села колонистовъ и молоканъ и поражается бѣдностью грузинскихъ сакель, похожихъ на кучи сложенныхъ камней, на-ряду съ богатѣйшими постройками нѣмецкихъ колоній, окруженныхъ виноградниками, фруктовыми садами и полями, такъ что мѣстность не узнаешь, и колонія и села молоканъ кажутся оазисами среди пустынь.

Удивительный народъ эти нѣмцы: кругомъ пустыри, безводные овраги, непривѣтливые холмы съ бурьяномъ,—у нихъ же большіе каменные дома съ садами, готическія церкви, чистота, довольство и неизмѣнный типъ Ганса и Гретхенъ.

Молокане занимаются по преимуществу скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, живутъ зажиточно тамъ, гдѣ при всемъ богатствѣ страны—туземцы прозябаютъ.

Сначала намъ освѣщала путь луна; когда луна спряталась, двѣ станціи (до разсвѣта) нашу дорогу освѣщали казаки съ факелами.

Я большею частью дороги спалъ и проснулся уже въ „Царскихъ колодцахъ“, около 8 часовъ утра.

Напившись чаю у командира полка кн. Амилахвари, мы со Струковымъ и двумя Нижегородцами поѣхали къ развалинамъ замка

„Царицы Тамары“, полюбоваться долиною „Алазани“. Алазань течетъ въ широкой долинѣ, окаймленной съ одной стороны главнымъ Кавказскимъ хребтомъ,—съ другой—невысокими горами отъ 3.000—4.000 футовъ вышины.

„Царскіе колодцы“ лежатъ въ котловинѣ, на одномъ плоскомъ уступѣ этихъ горъ, въ совершенно голой мѣстности безъ лѣса и воды. Переваливъ черезъ окраину этой котловины, спускаетесь въ долину Алазани, верховье которой называется Кахетіею.

Спускаясь съ окраины, мы подъѣхали къ отдѣльно стоящей группѣ высокихъ скалъ, на которой разбросаны развалины замка „Царицы Тамары“.

Привязавъ коней къ кустамъ, мы полѣзли на верхъ, до главной стѣны, съ сохранившимися зубцами и узкими воротами для въѣзда.

Здѣсь видны остатки жилыхъ помѣщеній, пещеры въ скалахъ, окруженныхъ стѣнами и сторожевыми башнями.

Съ меньшей скалы переброшенъ мостикъ изъ трехъ досокъ безъ перилъ на карнизъ сосѣдней высокой скалы; карнизъ, шириною въ ¾ арш. и шаговъ на 25-ть, тянется надъ обрывомъ до небольшой площадки, отъ которой подымаются, среди боковыхъ стѣнъ, двѣ высѣченныя въ скалѣ лѣстницы; на верху скалы взгромоздилась цитадель всего замка и жилище Тамары,—родъ 4-хъ-угольной башни.

Съ этого каменнаго гнѣзда открывается поразительный видъ на всю долину Алазани съ Лезгинскою линіею вдоль главнаго хребта и Кахетіею съ ея виноградниками и прославленнымъ виномъ.

Солнце жгло во всю мочь; воздухъ сгущенною синевою покрывалъ подножіе хребта; кое-гдѣ виднѣлись селенія, замки и крошечныя поля на скатахъ горъ. Лѣсъ вдоль рѣки казался кустарникомъ.

Это общая черта Кавказскихъ видовъ, въ нихъ, за громадностью горъ, исчезаютъ мелкія подробности, привлекающія взглядъ своимъ разнообразіемъ. Видъ грандіозенъ, но не милъ.

Въ противоположность—Крымскій берегъ живописенъ и привлекателенъ мелкими подробностями, гармонирующими съ красотой растительности, обрывовъ, скалъ, домиковъ, дворцовъ, виноградниковъ и т. д.

Вечеромъ 14-го въ „Царскіе Колодцы“ пріѣхали Вел. Князья; мы сѣли обѣдать въ 8 часовъ, а въ 10-ть пошли спать.

Утромъ 15-го апрѣля назначенъ былъ смотръ Нижегородцамъ. До того Его Высочеству представлялись пріѣхавшіе на поклонъ жители Закаталъ и Алазанской долины. Въ ихъ числѣ много лезгинъ, бывшіе наибы Шамиля—дикія, разбойничьи, но красивыя лица; потомъ сѣли верхомъ и поскакали на смотръ Нижегородскихъ драгунъ.

Всѣ были очень заинтересованы смотромъ Его Высочества: какъ

онъ найдетъ этотъ, столь славный въ исторіи кавказскихъ войнъ, полкъ. Одни смотрѣли на дѣло правильно, т. е.—настало мирное время и надо заниматься, чтобы не отстать отъ современныхъ требованій военнаго искусства (къ счастью, это было мнѣніе и самого войска)—другіе же, не служащіе въ рядахъ арміи, не допускали мысли, чтобы можно было дѣлать уставные смотры храбрымъ, непобѣдимымъ войскамъ, забывая, что тѣхъ солдатъ, которые стяжали эту славу, уже нѣтъ въ рядахъ, а молодыхъ, вѣдь, надо же учить, чтобы они соотвѣтствовали геройскому духу полка.

Вел. Князь со свойственной ему любовью къ дѣлу училъ солдатъ и указалъ на замѣченные имъ недостатки. Такъ напр. у офицеровъ, при уставныхъ перестроеніяхъ, замѣтно было мало сноровки и потому ошибались въ построеніяхъ. Но главное, лошади въ полку оказались плохія.

Вел. Князь нашелъ, что по составу лошадей полкъ весьма слабъ; большинство: простого сорта, ненадежныя для службы, со слабыми ногами, спинами, запаленныя, дурно содержимы и въ худомъ тѣлѣ.

Его Высочество отнесъ это къ тому, что полкъ съ самаго его основанія все время находился въ военныхъ дѣйствіяхъ и поэтому не успѣлъ усвоить всѣхъ тѣхъ правилъ, которыя должны соблюдаться въ мирное время, чтобы переносить труды. Вел. Князь указалъ, что, не будучи употребляемы ежедневно въ движеніи, лошади при усиленныхъ занятіяхъ для смотра спали съ тѣла. Затѣмъ указано было на вину ремонтеровъ, на необходимость ежедневныхъ движеній, на усиленную выражировку и назначенъ увеличенный ремонтъ.

Его Высочество призналъ въ полку много доброй воли и желанія быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть выдающійся по своимъ боевымъ традиціямъ кавалерійскій полкъ, а потому въ заключеніе смотра благодарилъ полкъ и сказалъ, что онъ увѣренъ, что сдѣланныя имъ замѣчанія будутъ исправлены.

Послѣ смотра, продолжавшагося отъ 10—12½ ч., былъ сервированъ обѣдъ у командира полка со множествомъ тостовъ и горячихъ взаимныхъ пожеланій. За обѣдомъ мы наслаждались великолѣпнымъ Кахетинскимъ виномъ, частью привезеннымъ княземъ Чавчавадзе, семья котораго была захвачена Шамилемъ. Вечеромъ я съ Философовымъ отправились въ обратный путь; Ихъ Высочества, переночевавъ, выѣхали только на другой день въ 12 часовъ.

Д. А. Скалонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Шамиль полвѣка назадъ въ Москвѣ.

Шамиль, попавъ, вскорѣ послѣ своего плѣненія, въ Москву, изумился состояніемъ тамошнихъ мостовыхъ и, проѣхавъ двѣ—три улицы, сказалъ: „если бы я не видѣлъ, что всѣ проѣзжаютъ по нимъ, я думалъ бы, что онѣ назначены только для проѣзда военноплѣнныхъ“.

Посѣтивъ по собственному желанію Алексѣя Петровича Ермолова, бывшаго кавказскаго намѣстника, онъ былъ очарованъ любезностью этого восьмидесяти-четырехлѣтняго старца и поразился свѣжестью его головы, а также его знаніями мелочей кавказской жизни.

— „Когда, въ мою бытность ребенкомъ, ты проѣзжалъ однажды черезъ нашъ аулъ, я долго бѣжалъ за тобой, мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть на чудо, которое въ нашихъ горахъ было извѣстно подъ именемъ Ермолова“, сказалъ вождь горцевъ.

— А мало развѣ нашихъ бѣгало за тобой,—отвѣтилъ улыбнувшись Алексѣй Петровичъ.

Выйдя отъ старца, Шамиль сказалъ состоявшему при немъ, извѣстному знатоку восточныхъ нарѣчій, артиллер. полковнику Богуславскому и старшему сыну своему Кази Магомѣ: „настоящій старый левъ“.

На другой день утромъ Ермоловъ посѣтилъ имама, а когда попрощался съ нимъ, то былъ бережно снесенъ съ лѣстницы сыномъ Шамиля и мюридами.

Принявъ поданную на прощанье Ермоловымъ руку, Кази Магома прижалъ ее къ своему сердцу и сказалъ: „у меня былъ и есть отецъ—Шамиль; съ этой же минуты я имѣю двухъ отцовъ—Шамиля и Ермолова“.—Это самое высокое привѣтствіе у восточныхъ людей.

Шамиль, послѣ того, какъ познакомился съ Ермоловымъ, не разъ про него говорилъ: „такихъ людей мало на свѣтѣ, значитъ, и слугъ такихъ у Царя немного; но Царь ихъ имѣетъ, поэтому ему легко жить; съ такими слугами онъ могъ бы управлять не только Россіей, а цѣлымъ свѣтомъ; какъ же намъ было устоять противъ бѣлаго Царя“!..

Сообщ. —ій.

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

IV [1]).

Береженье отъ огня.

Объѣзжіе головы должны были оберегать городъ во-первыхъ „отъ огня“, во-вторыхъ „отъ всякаго воровства“. Призракъ краснаго пѣтуха положительно не давалъ спать нашимъ предкамъ въ ихъ сплошь деревянныхъ городахъ. Въ особенности былъ опасенъ въ пожарномъ отношеніи Китай-городъ.

Въ другихъ частяхъ Москвы постройки то и дѣло прерывались обширными въ чисто деревенскомъ вкусѣ садами и огородами; въ Китаѣ-городѣ все издавна было застроено; въ центрѣ торговли негдѣ было разводить обширныхъ садовъ; каждый аршинъ земли здѣсь былъ нуженъ торговымъ и промышленнымъ людямъ; плохо выстроенные и плохо покрытые ряды представляли костеръ, ждавшій только искры, которую нетрудно было получить отъ тѣснившихся къ рядамъ деревянныхъ обывательскихъ дворовъ, гдѣ варили и пекли и про себя и на продажу безъ всякой осторожности „на авось“, и пылали горны всевозможныхъ мастеровыхъ людей, сбывавшихъ свои произведенія тутъ же на бойкомъ торжищѣ.

Насколько опасны въ пожарномъ отношеніи были нѣкоторые дворы Китая-города, видно изъ описанія „дворовой тѣсноты“ на дворѣ Михайлы Плещеева въ 1669 году; на этомъ дворѣ „межъ избъ и поварни и около поварни было навалено дровъ сажень съ тридцать и больше до верху палатныхъ оконъ, а поварня была у него большая, и топилась безпрестанно... а противъ той избы была поставлена у него изба жъ, а противъ той избы поставлена мыльня,

[1]) См. „Р. Ст.“ октябрь 1909 г.

а межъ ими были сѣни, а подлѣ избы и мыльни были поставлены хоромы поземныя (одноэтажныя), въ которыхъ онъ, Михайла, жилъ", кромѣ того въ это время Плещеевъ „ставилъ большія хоромы отъ тѣхъ избъ и мыльни близко и на дворѣ учинилъ тѣсноту большую". На сосѣднемъ дворѣ гостя Дмитрія Строганова, гдѣ стоялъ думный дворянинъ Семенъ Ивановичъ Заборовскій, „отъ улицы отъ самаго забору мало не до палатнаго крыльца сметано было сѣна возовъ близко ста и на большую улицу черезъ заборъ сѣна свисло не мало". На дворѣ Плещеева на мыльнѣ „труба была низка", и къ довершенію всего „близко трубы на кровлѣ лежалъ лубъ". Не удивительно, что когда 11 мая 1669 года вздумали затопить мыльню, „къ тому лубу пригнула искра, и отъ того загорѣлось" тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что „поставленный для береженья малый уснулъ".

Время шло, въ Россію понемногу проникала цивилизація. При Петрѣ старинный русскій красный пѣтухъ уже именовался по-ученому „Вулканусомъ", но по-прежнему русскій человѣкъ стоялъ безпомощно передъ этимъ „всегубителемъ", всѣхъ „тревожившимъ и многихъ разорявшимъ". Правительство пробовало ограничить деревянныя постройки. Еще въ 1633 году было указано „высокихъ хоромъ и противъ ихъ повалушъ съ большими розвалы и гребени не ставить", и было обѣщано, что, „которые люди похотятъ ставить палаты каменныя, и тѣмъ людемъ отъ Государя ....и отца Его Государева Великаго Государя Святѣйшаго Патріарха будетъ милостивое слово". Но каменное дѣло шло туго и до конца XVII вѣка; единственными союзниками нашихъ предковъ оставались дождь и снѣгъ; мокры крыши, слѣдовательно, можно надѣяться, что огонь не перекинетъ на сосѣдніе дворы; стоитъ ведреная погода, дуютъ жгучіе суховѣи, обращающіе деревянныя и соломенныя крыши въ добычу первой искры, такъ и надо ждать, что каждую минуту вспыхнетъ пожаръ, страшный пожаръ древней Руси, пожиравшій сотни и тысячи дворовъ [1]).

Наши предки противъ пожаровъ придумали простое и, пожалуй, радикальное средство, состоявшее въ томъ, „чтобъ отнюдь въ лѣтѣ огня не было въ домѣхъ".

Въ долгіе весенніе и лѣтніе дни можно было обойтись и безъ освѣщенія; тогда вставали и ложились рано; можно было покончить всѣ дѣла за-свѣтло. Въ крайнемъ случаѣ можно было вздуть огонь; объѣзжимъ надо было только смотрѣть за тѣмъ, чтобы „по вечерамъ въ хоромѣхъ ходили съ фонарями бережно, а безъ фонарей со свѣчами не ходили, а съ лучинами отнюдь не сидѣли и по дворамъ ни

[1]) Пр. 375, 130—152; Пр. 195,8—13.

въ какое время не ходили". Безъ огня, конечно, нельзя было обойтись при приготовленіи пищи; но боявшееся пожаровъ начальство съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ и сухихъ весеннихъ дней строго на строго приказывало, чтобъ „весною и во все лѣто и въ осень въ вѣтренные и жаркіе дни избъ и мыленъ никто не топили"; для большей вѣрности избы запечатывались, и хозяева выселялись въ холодныя клѣти; во всякомъ случаѣ объѣзжіе должны были „въ хоромахъ и въ избахъ и въ мыльняхъ печи перепечатать"; перепечатывались и горны у мастеровыхъ людей, напримѣръ, у гончаровъ.

Но такъ какъ нужно же было печь хлѣбъ и варить пищу, то дозволялось „печи и очаги подѣлать во дворѣхъ и въ огородѣхъ на полыхъ мѣстѣхъ не близко хоромъ"; надъ очагами должны были быть трубы каменныя на столбахъ, а „отъ вѣтру" приказывалось „тѣ печи ущитить лубьемъ".

Состоятельный человѣкъ могъ выстроить себѣ особую поварню не въ связи съ хоромами; надъ поварнями должны были находиться трубы выводныя каменныя; но и въ поварняхъ повара и стряпухи въ очень неудобной обстановкѣ, ибо „для береженья отъ пожарнаго времени съ тѣхъ поваренъ кровли и верхи снимались до осенняго времени и до заморозовъ". Для облегченія контроля за топкой „печь и ѣсть варить" дозволялось не съ утра до ночи, а лишь съ перваго до четвертаго часа дня [1]).

Объѣзжіе наблюдали и за трубами, чтобы „отнюдь въ нихъ руда не множилась, для того, что руда въ тѣхъ трубахъ загорается, и бываютъ искры многія, и отъ того опасно пожарнаго времени". Трудно было обойтись обывателямъ безъ бани, которая старинному русскому человѣку была нужна такъ же, какъ обѣдъ; но желающіе могли мыться въ топившихся и лѣтомъ торговыхъ баняхъ [2]) или купаться на свободѣ въ Москвѣ-рѣкѣ и ея незагаженныхъ еще тогда фабриками притокахъ. Люди знатные и богатые имѣли мыльни на загородныхъ дворахъ и въ подмосковныхъ.

Но, конечно, нельзя было въ точности исполнить эти строгія правила.

„Болящій, умирающій, рождающійся, въ міръ".

„Не избираютъ времени".

Чѣмъ помочь „болю", если не дать ему попариться въ мыленнѣ или, по крайней мѣрѣ, въ горячей печи? Какъ благополучно родить родильницѣ въ нетопленой банѣ или избѣ безъ горячей воды? Для „болей" и родильницъ поэтому дѣлались исключенія; о нихъ „били

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 812, 821, 1579, п. 20; М. 765, ст. 3, 1—21; Пр. 51, 97; Пр. 677, 159.

[2]) Впрочемъ, объѣзжіе не одинъ разъ пытались печатать и бани (Пр. 195, 186).

челомъ" объѣзжему головѣ, и тотъ, „досмотря боля или родильницу", разрѣшалъ избу или мыльню топить, но не каждый день, а обыкновенно „въ недѣлю одинъ день или два дни". Но и здоровые Московскіе обыватели очень тяготились изгнаніемъ на все лѣто огня изъ ихъ домовъ, и, „по челобитью черныхъ сотенъ и слободъ людей", они уже въ 1649 году пользовались разрѣшеніемъ и „избы топить въ недѣлю два дни, въ недѣлю (воскресенье) да въ четвертокъ, и то въ холодные да въ ненастные дни, и въ которые дни вѣтровъ большихъ не будетъ".

Топить могли опять таки только „съ вѣдома объѣзжаго" и „съ великимъ береженьемъ". Въ тѣ дни, когда топили избы и мыльни, городъ оказывался какъ бы на военномъ положеніи; всѣ какъ будто были убѣждены, что стоитъ лишь затопить печь, и тотчасъ же вспыхнетъ пожаръ; по улицамъ въ это время „безпрестанно" ѣздили сами объѣзжіе головы съ помощниками, а на дворахъ, гдѣ топилось, стояли тѣхъ дворовъ люди „съ приставы" наготовѣ „съ водою и съ помелы и съ вѣники", чтобы тотчасъ же гасить, если гдѣ займется.

Не довольствуясь этими льготами, обыватели всячески старались сократить время, въ которое огонь не допускался въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Съ наступленіемъ осени жители Китая-города начинали докучать челобитными: „нынѣ де пора осенняя и ночи большія и холодныя", докладывали они и просили разрѣшить топить избы и сидѣть по вечерамъ съ огнемъ „для малыхъ робятъ и старыхъ людей и ремесленныхъ всякихъ людей", чтобы первымъ „безъ топли съ холоду не помереть", а послѣднимъ „по вечерамъ безъ огня безъ промыслу не быть" [1]).

Объѣзжіе имѣли право дѣлать „огневыя выемки"; въ тѣ дни, когда „въ вечеру съ огнемъ сидѣть не велѣно было", они могли войти туда, гдѣ увидятъ огонь, „залить огонь" и вести ослушниковъ на съѣзжій дворъ для отвѣта. Эти выемки почти всегда сопровождались шумомъ и скандаломъ, такъ какъ объѣзжіе часто позволяли себѣ больше, чѣмъ ихъ уполномочивалъ законъ, и иногда видѣли огонь тамъ, гдѣ его не было.

Въ сентябрѣ 1693 года и „государевъ нищій и бродящій богомолецъ" Тишка Ивановъ, жившій съ женой въ Зарядьѣ въ наемномъ подклѣтѣ, били челомъ въ Разрядѣ на бывшаго у нихъ 19 іюля въ 3-мъ часу ночи для выемки подьячего съѣзжаго двора Тимоѳея Романова: „взялъ меня, жаловался нищій, и съ женишкою моею и поволокъ было на съѣзжій дворъ... и билъ и мучилъ и, не водя на съѣзжій дворъ,

[1]) П. С. З., № 821; М. 765, ст. 3, 7; Пр. 677, 28, 387.

завелъ въ переулокъ и съ меня снялъ крестъ, цѣна 2 гривны, да съ женишки моей сорвалъ 10 алтынъ да 2 креста серебряныхъ жъ, промѣну [1]) тѣ кресты 2 гривны".

Подьячій ссылался на то, что нищій „вѣдомый воръ и кажненый [2]), и вѣрить ему не для чего", и утверждалъ, что, напротивъ, у огневой выемки нищій самъ его „билъ и увѣчилъ и впредь похваляется боемъ"; но свидѣтели показали, что объѣзчики Тишку „выведчи на улицу, били и увѣчили" и, что самое главное, выемкою ничего „не выняли"; а, „что срывомъ сорвали, того не видѣли", показали тѣ же свидѣтели. Въ другомъ случаѣ „огневой выемки" обыватели жаловались, что объѣзжіе заливали печь „поганою водою изъ шайки и ѣствы перепоганили". Что представлялъ иногда обывательскій дворъ послѣ „огневой выемки", лучше всего видно изъ слѣдующаго досмотра „разореныхъ мѣстъ" на одномъ дворѣ, гдѣ объѣзжій изловилъ саечника, который вздумалъ „за три часа до свѣта топить подъ горницею подклѣтъ и сайки печь". Оказалось, что „двери изъ сѣней выбиты, изъ круковъ вонъ вышибены, запорка переломлена, въ подклѣтѣ окошко выбито жъ, причелина отбита, а на окошкѣ въ трехъ мѣстѣхъ бито и въ дву мѣстѣхъ колото, у печи устье выломано, да въ сѣнѣхъ стоитъ корыто большое съ тѣстомъ пшеничнымъ да сверхъ тѣста покинуты сайки сырыя [3])".

Объѣзжіе должны были также преслѣдовать дикія и опасныя въ пожарномъ отношеніи забавы. Оказывается, что въ деревянной Москвѣ XVII вѣка „всякихъ чиновъ люди въ день и въ ночь изо всякаго ружья стрѣляли и гранаты и ракитки пущали на хоромное строенье на кровли"; такъ было въ 1686 году, такъ продолжалось и въ 1699 году. Кромѣ этихъ безобразниковъ въ Москвѣ было довольно „воровскихъ людей", которые „для своего воровства и грабежу на кровли стрѣляли пыжами" или „ночьми и въ день воровски въ тряпицахъ порохъ, посконь, хлопья, трутъ, сѣру, бересту, лучину для такого жъ воровства метали на кровли жъ и межъ хоромъ въ тѣсныя мѣста". Такой поджогъ былъ обнаруженъ, напримѣръ, 15 мая 1665 года въ Суконномъ Смоленскомъ ряду; торговые люди этого ряда извѣщали на съѣзжемъ дворѣ, что „въ 11-мъ часу дня учало наносить духъ дурной, дымъ, горитъ тряпица и сѣра и трутъ, и они кинулися изъ своихъ лавокъ искать, гдѣ горитъ, и нашли на верху межъ лавокъ на кровельныхъ спускахъ между досками тряпицу, а

---

[1]) Иконы, кресты и т. п. въ старину не „продавались", но „промѣнивались", что̀ считалось болѣе приличнымъ.

[2]) Т. е. подвергавшійся торговой казни или клейменію, урѣзанію языка, отсѣченію руки или перстовъ.

[3]) Пр. 1125,71; Пр. 1534,1—8; Пр. 2513,11—17.

въ ней горитъ трутъ и сѣра горючая и списы". Объѣзжіе должны были предупреждать поджоги и искать поджигателей. Особенно подозрительны были „нищіе и бабы—бродяги, которые бродили по улицамъ и по переулкамъ въ нищенскомъ платьѣ"; объѣзжимъ было приказано у такихъ нищихъ „осматривать въ сумахъ и въ платкахъ всякихъ зажигательныхъ припасовъ, и, которые объявятся въ такихъ причинахъ, и тѣхъ, обыскавъ, отводить въ Разрядъ тотчасъ [1])". Нѣкоторые объѣзжіе въ поискахъ за „зажигальщиками" находили нужнымъ заглядывать и на обывательскіе дворы, при чемъ дѣло не обходилось безъ столкновеній съ хозяевами. Такъ, въ 1699 году объѣзжій голова Аврамъ Ив. Барышниковъ [2]) узналъ, что на дворѣ Никиты Евстратова Головина женка Улитка „носитъ съ собою для поджога хозяйскаго двора трутъ и кремень и огниво и порохъ, и обапольные сосѣди то вѣдаютъ". Въ отсутствіе Головина Барышниковъ пріѣхалъ на его дворъ, чтобы взять женку, но дочь Головина Аѳимья Гранковская „женку ухоронила и на дворъ голову не пустила". Такъ изображалъ обстоятельства дѣла Барышниковъ. Но Улитка показала, что „хозяйка била ее за домашнюю вину, за пьянство, и она, Улитка, отъ тѣхъ побой кричала, и, тотъ крикъ послыша, объѣзжій пріѣхалъ на дворъ" и хотѣлъ взять ее, но хозяйка ее „не отдала и держала у себя скована, а она, Улитка, ни съ какими зажигательными припасы никогда не ходила". Изъ „обапольныхъ сосѣдей" банщикъ, на котораго ссылался объѣзжій, показалъ, что онъ „про такое дѣло не вѣдаетъ". Въ челобитной же Никиты Головина эта выемка изображена въ видѣ форменнаго разбойнаго наѣзда Барышникова на дворъ челобитчика. „У чулана доски высѣкли и двери разбили, жаловался Головинъ, и коробьи ломали, взяли денегъ 70 рублевъ... и дочь мою съ мальчикомъ, со внукомъ моимъ, повели на съѣзжій дворъ, и у воротъ моихъ стали ему посторонніе люди говорить и кричать на него, что они дочь мою взяли и безчестятъ напрасно, и онъ дочь мою отпустилъ,.. и дочь моя, видя такое разоренье, убоясь, сошла со двора и жила у свойственниковъ, покамѣсть я пріѣхалъ, а моего внука испужалъ, и съ того числа и до нынѣ лежитъ при смерти". „А есть бы, Государь, писалъ Головинъ о „зажигательствѣ" Улитки, такое дѣло было, мнѣ бы то и самому о таковѣ дѣлѣ довелось бить челомъ [3])".

---

[1]) П. С. З. №№ 1181, 1693, 1695; Пр. 413, 182; Пр. 1716,550.

[2]) Случай этотъ имѣлъ мѣсто на Царицыной улицѣ (Большая Никитская въ Земляномъ городѣ), но вообще характеренъ для дѣятельности объѣзжихъ головъ.

[3]) Пр. 1648, 2—8.

Но всѣ эти предосторожности не могли предупредить пожаровъ, вспыхивавшихъ иногда по нѣскольку разъ въ день, и поэтому нужно было думать о тушеніи.

Прежде всего заботились о томъ, чтобы всегда была наготовѣ вода; „на палатахъ и на хоромахъ и на людскихъ избахъ“ должны были стоять „кади и мѣрники съ помелы“; въ рядахъ также вода должна была быть „безпереводно“; велѣно было на кровляхъ поставить „мѣрники и кади съ водою, а въ нихъ были бъ шайки и помела, а на низу были бъ тчаны большіе, а въ нихъ ведра съ веревки“ для подъема воды на кровли.

Вмѣсто каланчей пользовались церковными колокольнями: въ 1665 году на колокольнѣ Иверскаго подворья [1]) былъ поставленъ стрѣлецъ, „чтобы смотрѣлъ во всѣ стороны, гдѣ дымъ объявится и, приходя бы на съѣзжій дворъ, сказывалъ“. Уличные караульщики должны были являться на дежурства „съ водоливными трубами и со всякими къ пожарному времени припасы“. О водоливныхъ трубахъ шла рѣчь уже въ 1649 году. Сначала такія трубы должны были имѣть только богатые „пожиточные“ люди и при томъ съ 5 дворовъ по трубѣ, но съ теченіемъ времени было принято за правило, чтобы всѣ богатые домовладѣльцы „держали во дворахъ своихъ водоливныя трубы мѣдныя и деревянныя, а маломочные съ 5 дворовъ по трубѣ, а ведра бы однолично на всѣхъ дворѣхъ“. Когда начинался пожаръ, прежде всего усердно били въ набатъ, и объѣзчики „съ десятскими и уличными караульщики и съ пожарными запасы“ должны были являться на пожаръ и „радѣть всякими обычаи неоплошно, чтобы огонь утишить“; имъ должны были помогать стрѣльцы и впослѣдствіи солдаты съ посадскими людьми черныхъ сотенъ и слободъ Московскихъ, по росписанію, „кому куда указано“ было „бѣгать на пожары“. Праздныхъ зрителей, которые „того пожару учнутъ смотрѣть“, предписывалось „съ пожару отсылать прочь“; воровъ же было указано „бить кнутомъ, водя по пожару безо всякія пощады и ссылать въ ссылку на вѣчное житье“. Тѣмъ, отъ кого „учинится пожаръ“, грозила „великая опала и разоренье“, а иногда даже правительство пугало ихъ „смертною казнью“; объѣзжему, допустившему пожаръ своимъ „небреженьемъ“, предстояли „жестокое наказанье и дальняя ссылка“. Но самые эти драконовскіе законы только показывали безсиліе властей въ борьбѣ съ пожарами. Ни угрозы, ни „топоры, водоливныя трубы, ведра, кошели, щиты“, съ которыми „бѣгали“ пожарные XVII вѣка на борьбу съ пламенемъ, не могли остановить

[1]) Въ Юшковѣ (въ старину Посольскомъ) переулкѣ рядомъ съ выходящимъ на Ильинку домомъ Торговаго Банка. Подворье принадлежало Иверскому монастырю, основанному Никономъ на Валдайскомъ озерѣ.

огня, свободно гулявшаго по деревянной Москвѣ. Единственное дѣйствительное средство для борьбы съ пожаромъ состояло въ томъ, чтобы „дворы и по торжкомъ лавки отнять“, т. е. ломать постройки между горѣвшими и тѣми, которыя можно было надѣяться отстоять [1]).

Насколько наши предки были безсильны предупреждать пожары и бороться съ ними, показываютъ два примѣра пожарныхъ случаевъ.

23 марта 1668 года, въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ, дьякъ Иванъ Чистово, человѣкъ опытный въ пожарномъ дѣлѣ, самъ бывшій въ объѣздѣ въ 1667 году, пріѣхалъ домой и „учалъ было обѣдать“. На его дворѣ „въ особой палатѣ“ жила сестра его Соломонида, вдова гостя, богатая и имѣвшая особый штатъ прислуги. Изъ числа челяди вдовы дѣвка Наташка въ злополучный понедѣльникъ „стала послѣ обѣденъ топить“; дѣло было уже къ веснѣ, и Наташка вздумала истопить печь „щепами, да старыми ломаными драницами, а на подгнетку положила старыхъ же скалъ“; отъ этого загорѣлось въ трубѣ, а дьякъ преспокойно сидѣлъ за праздничнымъ обѣдомъ, пока не „увидѣли со двора люди и закричали“.

Дѣвку били батогами, а дьяку и сестрѣ его указано было объявить, что „они того не смотрѣли, и то дѣялось не добро, и впредь бы де жить бережно“.

У дьяка Чистово пожаръ не принялъ большихъ размѣровъ, но другой пожаръ имѣлъ болѣе печальныя послѣдствія.

28 августа 1688 года на Новомъ Посольскомъ Дворѣ въ Китаѣ-городѣ въ верхней палатѣ работали мастеровые люди — столяры, а въ нижней палатѣ лежали лѣсные припасы, „готовленные къ столярному дѣлу“; огня въ палатахъ не было, но вдругъ въ 8-мъ часу дня въ нижней палатѣ загорѣлось изнутри; мастеровые люди, какъ водится, „закричали“, но было уже поздно; занялась кровля на палатѣ, загорѣлись сосѣдніе дворы, по Варваркѣ огонь выкинуло въ Бѣлый и далѣе въ Земляной городъ, „потече огнь, якоже молнія“, и возникъ одинъ изъ грандіозныхъ Московскихъ пожаровъ стараго времени [2]).

Сообщ. В. Шереметевскій.

---

[1]) П. С. З. №№ 6, 821; Пр. 413, 184; Пр. 2513, 6; М. 765, ст. 3, 1—21.

[2]) Пр. 384, 329—332; М. 670, 12—19.

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1].

Въ Петербургъ я привезъ рекомендательное письмо Поггенполя къ Н. А. Милютину, съ которымъ я желалъ познакомиться. Поггенполь меня рекомендовалъ какъ автора сочиненія „Etudes sur les questions des paysans“, очень интересующагося крестьянскимъ вопросомъ. Милютинъ принялъ меня любезно и пригласилъ посѣщать его по воскресеньямъ вечеромъ. На этихъ воскресныхъ вечерахъ у него собирались выдающіеся члены редакціонныхъ комиссій и происходили постоянно оживленные разговоры о крестьянскомъ дѣлѣ, которыми я не могъ не интересоваться въ высшей степени. Я тамъ встрѣчалъ Ю. Самарина, князя Черкасскаго, Галагана, Арапетова и другихъ членовъ комиссіи. Замѣчательно, что въ происходившихъ разговорахъ высказывалось обыкновенно нѣкоторое ожесточеніе противъ дворянства, потому что значительная часть дворянства не была расположена въ пользу эмансипаціи крестьянъ и особенно эмансипаціи съ землею, и многіе выдающіеся члены дворянства старались всѣми мѣрами затормозить работы редакціонныхъ комиссій. Я близко сошелся со всѣмъ Милютинскимъ кружкомъ и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ крестьянскаго дѣла. По просьбѣ Н. А. Милютина я составилъ брошюру на французскомъ языкѣ о выкупномъ вопросѣ для его популяризированія. Первые сто экземпляровъ этой брошюры разошлись въ нѣсколько дней. Моя брошюра такъ понравилась Милютину, что онъ мнѣ сказалъ: „теперь мы считаемъ васъ своимъ“. Введеніе въ дѣйствіе новаго закона было поручено губернскимъ комитетамъ, составленнымъ изъ выборныхъ

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1909 г.

отъ дворянства и представителей нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Милютинъ желалъ моего участія въ Петербургскомъ Комитетѣ, но провести моего избранія дворянствомъ въ члены Комитета не удалось. Не мало содѣйствовало пріятности Милютинскихъ вечеровъ присутствіе на нихъ его супруги, красивой и симпатичной Маріи Аггеевны, сестры Александра Аггеевича Абазы. Между нами установились скоро дружескія отношенія, которыя прекратились только съ отъѣздомъ изъ Россіи, когда, послѣ смерти Н. А. Милютина, она вышла замужъ за англичанина, состоявшаго гувернеромъ у ея дѣтей, и съ нимъ уѣхала въ Англію. Кромѣ Маріи Аггеевны на Милютинскихъ вечерахъ присутствовала изъ дамъ только еще сестра Милютина—жена С. А. Мордвинова.

Говоря о крестьянскомъ вопросѣ, нельзя не говорить о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и кружкѣ Михайловскаго дворца. Великая Княгиня Елена Павловна, отличавшаяся выдающимся умомъ и политическимъ тактомъ, живо интересовалась происходящею тогда реформаторскою дѣятельностью и особенно крестьянскимъ вопросомъ. Она раздѣляла взгляды редакціонныхъ комиссій и поддерживала ея членовъ своимъ вліяніемъ при дворѣ. Особеннымъ ея расположеніемъ пользовался Н. А. Милютинъ. До какой степени доходило это расположеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ деликатность Великой Княгини, доказывалъ слѣдующій фактъ, разсказанный мнѣ супругою Николая Алексѣевича.

Въ качествѣ руководящаго лица редакціонныхъ комиссій, Милютину приходилось выдерживать ожесточенную борьбу съ разными вліятельными сферами, старавшимися противодѣйствовать рѣшенію вопроса въ смыслѣ редакціонныхъ комиссій. Естественно, что при такой постоянной борьбѣ у него должны были являться des moments de découragement, послѣ которыхъ возникало желаніе бросить все и удалиться отъ дѣлъ. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, разговаривая съ Великой Княгиней, онъ замѣтилъ, что несчастіе для государственнаго человѣка быть въ зависимости въ денежномъ отношеніи отъ своего служебнаго положенія—не имѣть собственнаго обезпеченнаго положенія. Великая Княгиня обратила вниманіе на эту высказанную мимоходомъ мысль и нѣсколько времени спустя, бесѣдуя опять съ Милютинымъ, сказала ему: „я бы желала поставить Васъ въ независимое отъ службы положеніе, чтобы ничто не стѣсняло Васъ въ Вашей государственной дѣятельности, примите это отъ меня, какъ подарокъ отъ друга“. При этомъ она хотѣла передать ему пакетъ съ значительною суммою денегъ. Милютинъ былъ пораженъ такою великодушною любезностью Великой Княгини, денегъ онъ, разумѣется, не принялъ, но, поцѣловавъ ея руку, разсыпался въ

выраженіяхъ благодарности, увѣряя ее, какъ глубоко онъ тронутъ и какъ онъ высоко цѣнитъ подобный знакъ ея вниманія.

Говоря о кружкѣ Михайловскаго дворца, необходимо упомянуть о личностяхъ, окружавшихъ Вел. Княгиню. Это были баронесса Раденъ, фрейлина Эйлеръ, фрейлина Сталь, и впослѣдствіи, ея пѣвица Ю. Ф. Штуббе, вышедшая потомъ замужъ за А. А. Абазу, бывшаго гофмейстеромъ Великой Княгини. Музыкальные вечера, происходившіе у Ю. Ф. Абазы, на которыхъ собирались выдающіеся музыкальные таланты города и часть высшаго общества, интересовавшаяся музыкой,—пользовались заслуженной извѣстностью.

Бар. Эдита Ѳедоровна Раденъ была замѣчательная личность по своему уму и сильному характеру. Она принимала выдающееся участіе во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, возникавшихъ подъ вліяніемъ Великой Княгини, и была въ близкихъ отношеніяхъ почти ко всѣмъ выдающимся лицамъ, приходящимъ въ сношеніе съ Вел. Княгиней. Разсказываютъ, что когда она сопровождала Великую Княгиню за границу, то въ Римѣ, при Дворѣ Папы, нѣкоторые кардиналы такъ были поражены ея умомъ, что въ продолжительныхъ разговорахъ стремились побудить ее (лютеранку) къ переходу въ католицизмъ — разумѣется, безъ успѣха. Эдита Ѳедоровна была очень дружна съ Юр. Ѳед. Самаринымъ. Принадлежавшая къ балтійскому дворянству, но связанная своимъ положеніемъ со всѣми интересами Россіи, которую она горячо любила,—она желала воздѣйствовать на Юрія Ѳедоровича, чтобы вызвать съ его стороны менѣе враждебный и болѣе справедливый взглядъ на остзейскій вопросъ. По этому поводу между ними происходила въ высшей степени интересная переписка, кажется, потомъ напечатанная не въ большомъ числѣ экземпляровъ,—замѣчательная, какъ аргументація двухъ выдающихся личностей, высоко уважавшихъ другъ друга, связанныхъ тѣсной дружбой, но смотрѣвшихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ же вопросъ, и потому не могшихъ прійти къ согласительному результату.

По поводу отношеній между Эдитой Ѳедоровной и Ю. Ѳ. Самаринымъ, у меня осталась въ памяти одна замѣчательная сцена, происходившая въ Ораніенбаумѣ за интимнымъ обѣдомъ, въ которомъ я принималъ участіе. На этомъ обѣдѣ присутствовали Великая Княгиня, баронесса Раденъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и прусскій совѣтникъ посольства, кажется, Альвенслебенъ.

Какъ то вопросъ зашелъ объ отношеніяхъ между Россіей и Пруссіей; Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ enfant terrible, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ Вел. Княгини и прусскаго дипломата, сталъ

пространно развивать свою мысль, что между Россіей и Пруссіей рано или поздно должно дойти до войны, такъ какъ ихъ интересы слишкомъ противоположны. Понятно, какъ подобный разговоръ долженъ былъ всѣхъ озадачить и стѣснить. Послѣ обѣда Эдита Ѳедоровна, Самаринъ и я, мы вышли на балконъ, и Эдита Ѳедоровна стала дѣлать самымъ дружескимъ образомъ какъ бы выговоръ Юрію Ѳедоровичу, представляя ему, какъ неудобно и не политично было высказывать такія вещи въ присутствіи прусскаго дипломата и Вел. Княгини,—но, повидимому, эти представленія не убѣдили однако Самарина въ неумѣстности его замѣчаній, онъ отвѣтилъ, отшучиваясь, и не хотѣлъ согласиться съ представленными ему соображеніями.

А. А. Эйлеръ, внучка знаменитаго астронома, не была такою выдающеюся личностью, какъ баронесса Раденъ, но была чрезвычайно достойная и милая особа. Впослѣдствіи она состояла гофмейстериной при дворѣ Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны на Кавказѣ и затѣмъ вышла замужъ за князя Витгенштейна. Я былъ съ нею въ очень хорошихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ и особенно подъ конецъ ея жизни, когда, выйдя замужъ за князя Витгенштейна, она совсѣмъ поселилась въ Петербургѣ. Министромъ Финансовъ былъ тогда ея двоюродный братъ (cousin) Н. Х. Бунге, и мы часто обѣдали съ нимъ у нея въ интимномъ кружкѣ, или съ нею у него, такъ что между нами создались очень пріятныя отношенія, которыя продолжались до ея смерти. Когда она уже была опасно больною, уѣзжая осенью въ Ялту, я заѣхалъ къ ней проститься и, несмотря на ея болѣзненное состояніе, она меня приняла; послѣ того мнѣ уже не суждено было ея видѣть, потому что нѣсколько недѣль спустя я прочелъ въ газетахъ извѣстіе о ея кончинѣ.

Совершенно другой типъ, не похожій ни на баронессу Раденъ, ни на М-lle Эйлеръ, представляла фрейлина Стааль. Красивая дѣвушка, чего нельзя было сказать ни про Эдиту Ѳедоровну, ни про М-lle Эйлеръ, она тоже отличалась умомъ, но умомъ склоннымъ къ придворнымъ интригамъ, и по прямотѣ характера никакъ не могла сравниться съ ними. Несмотря на все желаніе (какъ казалось), ей не удалось составить себѣ хорошей партіи при дворѣ. Впослѣдствіи, когда графъ Киселевъ былъ посломъ въ Парижѣ, во время продолжительной его болѣзни, заботясь о старикѣ, Великая Княгиня предложила фрейлинѣ Стааль, не согласится ли она поѣхать къ Киселеву, чтобы позаботиться о бѣдномъ старикѣ, не имѣвшемъ никого около себя. Надѣясь, вѣроятно, играть нѣкоторую роль въ Парижѣ, по своему положенію въ посольствѣ, М-lle Стааль согла-

силась принять это предложеніе и отправилась въ Парижъ. Тамъ она познакомилась съ какимъ-то маркизомъ и вышла за него замужъ. Но такъ какъ ни у нея, ни у ея мужа не было состоянія, то она постоянно обращалась къ Великой Княгинѣ съ просьбами о денежномъ пособіи, и разъ, когда Великая Княгиня ей въ томъ отказала, она не посовѣстилась даже обратиться къ Великой Княгинѣ съ угрозой—распубликовать разныя интимныя корреспонденціи, бывшія у ней съ Великой Княгиней, предлагая ей пріобрѣсть эти бумаги за извѣстную сумму.

Гофмейстериной Великой Княгини была княжна Львова, добрая старушка съ большимъ тактомъ, но ничѣмъ особенно не отличавшаяся; имя ея, однако, останется въ исторіи, вслѣдствіе происходившихъ у нея вечеровъ и имѣвшихъ историческое значеніе для того времени.

Живо интересуясь всѣмъ, что происходило, въ мірѣ не только политическомъ, но и ученомъ, артистическомъ и литературномъ, Великая Княгиня Елена Павловна желала знакомиться съ выдающимися учеными, артистами и литераторами. Но такъ какъ придворный этикетъ допускалъ ко двору только извѣстныхъ титулованныхъ и чиновныхъ лицъ и при томъ требовалъ большой сдержанности въ обращеніи, то Великая Княгиня, не желая себя стѣснять въ этомъ отношеніи, придумала устроить пріемныя вечера у княжны Львовой, въ салонахъ послѣдней, куда можно было приглашать отъ имени княжны всѣхъ лицъ, которыхъ Вел. Княгиня желала видѣть и съ которыми она желала бесѣдовать совсѣмъ непринужденно. На этихъ вечерахъ присутствовалъ обыкновенно и А. Г. Рубинштейнъ, на нихъ занимались разговорами, музыкой. Великая Княгиня приходила обыкновенно послѣ начала собранія, садилась гдѣ-нибудь въ сторонѣ, и къ ней подзывались то одинъ, то другой изъ посѣтителей для интимнаго разговора. На эти вечера, которые такъ и назывались, les soirées de la Prin-sse Lwoff, и я получилъ приглашеніе. Это не мало льстило моему самолюбію, такъ какъ это служило указаніемъ, что я тоже нѣсколько выдѣляюсь изъ толпы и начинаю получать нѣкоторое значеніе въ наукѣ. Впослѣдствіи мои отношенія къ Вел. Княгинѣ сдѣлались еще болѣе близкими, и я до сихъ поръ храню небольшую записочку, которую та мнѣ написала по одному дѣлу, уже будучи больной, за два дня до своей смерти.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ-за границы я получилъ приглашеніе принять участіе въ публичныхъ лекціяхъ, которыя тогда устраивались. Иниціаторомъ этого дѣла былъ И. В. Вернадскій, бывшій профессоръ политической экономіи въ Москвѣ, и въ то время переселившійся въ Петербургъ, гдѣ онъ между прочимъ издавалъ журналъ подъ названіемъ „Экономическій Указатель“. Это былъ первый экономическій журналъ, появившійся въ Россіи. Предположено было прочесть три публичныя лекціи по политической экономіи, по статистикѣ и еще по какому то третьему предмету, который не припомню. Лекціи по Политической Экономіи взялся читать самъ Вернадскій, чтеніе лекцій по статистикѣ онъ предложилъ мнѣ,—а по третьему предмету—Чернышевскому, который уже пользовался тогда большою популярностью.

Мои лекціи я началъ слѣдующимъ вступленіемъ, которое привожу здѣсь, чтобы показать, какъ я тогда смотрѣлъ на предметъ.

„Рядъ начатыхъ преобразованій въ области экономическихъ, промышленныхъ и общественныхъ вопросовъ, коими ознаменовано настоящее время,—будетъ имѣть глубокое значеніе въ исторіи развитія русскаго общества.

Но какъ ни благодѣтельны послѣдствія, которыя мы ожидаемъ отъ этихъ необходимыхъ начинаній, нельзя не допустить, что настоящая переходная эпоха потребуетъ значительнаго напряженія всѣхъ экономическихъ и промышленныхъ силъ народа и страны.

Вѣковыя учрежденія не измѣняются безъ труда.

При такихъ обстоятельствахъ, вызывающихъ вопросъ о соразмѣрности нашихъ силъ и средствъ съ преобразованіями, понятыми въ настоящее время, намъ кажется полезнымъ подвергнуть разсмотрѣнію естественныя силы и условія производительности, коими природа надѣлила наше отечество, и обратиться къ изученію лучшихъ способовъ извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы.

Развитіе, прогрессъ требуютъ усиленной дѣятельности; это общій законъ природы.

Отъ пастуха лошади требуется гораздо меньше умственнаго и физическаго напряженія, чѣмъ отъ осѣдлаго земледѣльца; отъ простого ремесленника требуется меньше умственной дѣятельности, чѣмъ отъ искуснаго фабриканта, отъ писца менѣе, чѣмъ отъ ученаго, отъ простого чиновника менѣе, чѣмъ отъ государственнаго человѣка—наконецъ, отъ народа необразованнаго менѣе, чѣмъ отъ народа, стремящагося на пути къ совершенству. Развитіе требуетъ большой дѣятельности, также какъ каждое расширеніе круга экономической и гражданской свободы приноситъ съ собой для всѣхъ и болѣе отвѣтственности, и болѣе труда. Ребенокъ, не

имѣющій никакой самодѣятельности и вполнѣ зависящій отъ воли родителей,—живетъ спокойнѣе и беззаботнѣе взрослаго человѣка, который—дѣйствуя независимо отъ непосредственной чужой опеки, несетъ и всю отвѣтственность и всѣ заботы своей жизни;—но можно ли изъ-за этого предпочитать дѣтскій возрастъ болѣе зрѣлому; точно также сонъ спокойнѣе и беззаботнѣе житейской дѣятельности, но кто можетъ, несмотря на то, погрузиться въ вѣчный сонъ, т. е. смерть.

Многимъ однако покой или по крайней мѣрѣ обыкновенныя, ежедневныя, привычныя занятія пріятнѣй усиленнаго труда. Удивительно ли, послѣ того, что теперь, когда отъ каждаго требуется, чтобы онъ и болѣе работалъ и болѣе читалъ и болѣе размышлялъ, чѣмъ прежде, многіе находятъ это движеніе неловкимъ и сожалѣютъ о прежнемъ,—что вслѣдствіе того нерѣдко слышатся голоса, которые спрашиваютъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, не превосходимъ ли мы въ нашихъ начинаніяхъ наши силы.

На этотъ вопросъ слѣдуетъ смотрѣть отчасти какъ на естественное противодѣйствіе, возникающее изъ той нравственной неподвижности, къ которой такъ легко привыкаетъ человѣкъ—потому что при подобномъ вопросѣ теряется изъ виду, что въ каждомъ организмѣ существуетъ извѣстная гармонія, вызывающая нѣкоторую связь между главнѣйшими учрежденіями и обычаями страны—такъ что нельзя надѣяться на удовлетворительный результатъ отъ измѣненія одного учрежденія безъ измѣненія другого, близко его касающагося;—очевидно, напримѣръ, что нельзя раздѣлить крестьянскаго вопроса отъ вопроса о судопроизводствѣ и сельской полиціи,—торговаго вопроса отъ вопроса объ исскуственныхъ путяхъ сообщенія, вопроса о бумажныхъ деньгахъ отъ банковаго вопроса. Но съ другой стороны слѣдуетъ допустить, что вышеозначенный вопросъ нѣсколько оправдывается тѣмъ, что въ настоящее время глубокія преобразованія становятся необходимыми не только въ учрежденіяхъ, но даже въ экономическихъ условіяхъ и хозяйственныхъ обычаяхъ нашей жизни.

Не говоря уже о тѣхъ хозяйственно-экономическихъ привычкахъ, кои тѣсно связаны съ предстоящими реформами, какъ, напр., о бытѣ помѣщика, объ управленіи имѣніями и системѣ обработки земли, которыя съ упраздненіемъ крѣпостного права должны будутъ подвергнуться также коренному измѣненію—возьмемъ, напр., внѣшнюю торговлю.

Если отстранить вопросъ о случайномъ замѣшательствѣ ея, вслѣдствіе упадка цѣнности кредитныхъ знаковъ,—то несомнѣнно, что изъ всѣхъ проявленій нашей экономической жизни она менѣе

прочихъ зависитъ отъ тѣхъ государственныхъ учрежденій, реорганизаціею которыхъ занято въ настоящее время наше правительство. Несмотря на то и наша внѣшняя торговля требуетъ глубокой основательной переработки. Потребность эта не случайная и не временная, она не прекратится съ возстановленіемъ нормальнаго денежнаго обращенія, она лежитъ глубже въ самыхъ условіяхъ нашихъ оборотовъ съ чужими странами. Весь нашъ отпускъ состоитъ изъ сырыхъ и полуобработанныхъ, и къ тому еще худо обработанныхъ продуктовъ— въ пятьдесятъ лѣтъ онъ по качеству ни шагу не сдѣлалъ впередъ [1]). Какъ въ концѣ XVIII столѣтія, мы и теперь вывозимъ зерновой хлѣбъ вмѣсто муки, льняное сѣмя вмѣсто масла, грязную шерсть вмѣсто мытой, сало, на половину худо приготовленное, вмѣсто стеариновыхъ свѣчей, сырыя шкуры вмѣсто хорошаго дубленаго кожевеннаго товара и т. д. Такое положеніе дѣлъ, какъ мнѣ кажется, есть естественное послѣдствіе сильно охранительныхъ тарифовъ...

Мы не будемъ входить во всѣ подробности вопроса, такъ какъ придется обратиться къ нему еще впослѣдствіи. Я привелъ этотъ феноменъ только, какъ примѣръ той всеобщей необходимости возрожденія и усовершенствованія, которая высказывается по всѣмъ проявленіямъ нашей общественной жизни.

Если нельзя сомнѣваться, что народъ молодой, что страна юная не могутъ быть подавлены въ ихъ экономическомъ благосостояніи необходимостью основательнаго развитія, то съ другой стороны надо допустить, какъ я уже замѣтилъ, что подобный переходный кризисъ потребуетъ значительнаго напряженія производительной дѣятельности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и нѣкоторыхъ пожертвованій...

Народы, не имѣющіе достаточно нравственнаго характера для произведенія того напряженія силъ, котораго требуетъ прогрессъ, разоряются, впадаютъ въ бѣдность и нисходятъ со степени политическаго значенія..."

Вышеприведенныя строки показываютъ, какъ я смотрѣлъ тогда на положеніе дѣла, и кажется, во многомъ послѣдующія происшествія оправдали мое воззрѣніе.

Наши лекціи не имѣли успѣха, слушателей было мало, и даже чтеніе Чернышевскаго, несмотря на ту популярность, которою онъ тогда пользовался, не могли привлечь значительной публики. Замѣчательно,

---

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ я это публично развивалъ, прошло еще 50 лѣтъ, а характеръ нашей внѣшней торговли все еще мало измѣнился въ этомъ отношеніи.

впрочемъ, какъ читалъ Чернышевскій. Во всемъ его появленіи высказывалась какая-то самонадѣянность и какое-то пренебреженіе къ публикѣ. Онъ полустоялъ, полулежалъ на каѳедрѣ, говорилъ плавно, но, сколько помню, безъ всякой системы, казалось, какъ будто онъ относится кое-какъ къ предмету чтенія и къ публикѣ. Вслѣдствіе незначительнаго числа слушателей предпріятіе оказалось невыгоднымъ, такъ что другіе лекторы не дочитали своихъ лекцій. Что касается до меня, то я прочелъ всѣ три условленныя лекціи, но этимъ, какъ мнѣ передавала м-мъ Ламанская, вызвалъ неудовольствіе со стороны учредителей, которымъ приходилось нести расходы по неокупившемуся предпріятію, хотя прямо о томъ они мнѣ ничего не заявляли. Узнавъ это и желая удостовѣрить, что я при этомъ не руководился корыстными разсчетами, я написалъ учредителямъ лекцій, что жертвую мой гонораръ, 100 руб., въ пользу литературнаго фонда (имѣвшаго цѣлью вспомоществованіе неимущимъ литераторамъ и ихъ семействамъ), прося переслать въ фондъ слѣдуемыя мнѣ деньги—котораго я такимъ образомъ сдѣлался постояннымъ членомъ.

Мои три лекціи были однако все же напечатаны Вернадскимъ въ „Экономическомъ Указателѣ“.

Въ томъ же 1859 г. я былъ назначенъ членомъ и управляющимъ дѣлами только-что учрежденной Податной комиссіи.

Министромъ финансовъ былъ въ то время Княжевичъ, а директоромъ Кредитной канцеляріи Гагемейстеръ. Послѣдній былъ другомъ Княжевича и имѣлъ на него большое вліяніе. Княжевичъ исходатайствовалъ ему даже званіе статсъ-секретаря Е. И. В.,—которое обыкновенно давалось только личностямъ, занимавшимъ постъ выше директоровъ департаментовъ и канцелярій, такъ что назначеніе Гагемейстера статсъ-секретаремъ считалось совершенно исключительнымъ въ служебномъ мірѣ фактомъ. Гагемейстеръ былъ человѣкъ очень умный, образованный, необыкновенно добрый и благородный. Онъ много писалъ, между прочимъ имъ было составлено обширное описаніе Сибири, о которомъ я говорилъ выше, по случаю моего поступленія въ Сибирскій комитетъ. Но у него была одна странность, которая помѣшала ему сдѣлаться вліятельнымъ государственнымъ человѣкомъ, это было его крайнее пессимистическое воззрѣніе на будущность Россіи. Онъ смотрѣлъ на Россію какъ на страну бѣдную, не имѣющую большой будущности; указывая на ея неблагопріятныя климатическія условія, продолжительныя зимы, на постоянные неурожаи, на обширныя степныя пространства, на бѣдность крестьянъ и некультурность общества—нигдѣ онъ, однимъ словомъ, не видѣлъ задатковъ будущаго развитія богатства страны.

*

Мнѣ часто приходилось бесѣдовать съ нимъ по этому предмету, при чемъ онъ обыкновенно возражалъ мнѣ—„покажите мнѣ, гдѣ, гдѣ источники богатства и благосостоянія Россіи; нѣтъ, это бѣдная страна“. Въ выраженіи своего пессимистическаго воззрѣнія онъ никогда и нигдѣ не стѣснялся, что повредило даже его служебному положенію. Въ качествѣ директора Кредитной канцеляріи онъ былъ посланъ въ Парижъ для какихъ-то переговоровъ съ мѣстными банкирами. Въ теченіе этихъ переговоровъ онъ и въ ихъ средѣ не стѣснялся высказывать свое мнѣніе о бѣдности Россіи. На это обратили даже тамъ вниманіе, и кто-то изъ банкировъ написалъ въ Петербургъ, что Гагемейстеръ такими своими отзывами наноситъ вредъ кредиту Россіи. Это дошло до свѣдѣнія Государя, и Государь потребовалъ удаленія его съ должности директора Кредитной канцеляріи. Княжевичу удалось только отстоять за нимъ званіе статсъ-секретаря.

Но въ тотъ моментъ, о которомъ я теперь пишу, онъ пользовался еще большимъ вліяніемъ, и, кажется, по его настоянію Княжевичъ рѣшился учредить двѣ комиссіи для разсмотрѣнія вопросовъ: о поземельномъ кредитѣ и о преобразованіи нашей податной системы. Въ члены этихъ комиссій были назначены выдающіеся дѣятели того времени. Членомъ-управляющимъ дѣлами Поземельно-Кредитной комиссіи былъ назначенъ В. П. Безобразовъ, а въ Податную комиссію, которая состояла подъ предсѣдательствомъ Гагемейстера, членомъ-управляющимъ дѣлами былъ назначенъ директоръ мануфактурнаго департамента, Бутовскій. Отъ этихъ комиссій въ то время ожидали очень много, и нѣкоторыя лица на нихъ смотрѣли даже, какъ на зачатки будущихъ конституціонныхъ порядковъ.

Упомянувъ о Влад. Павл. Безобразовѣ, считаю нужнымъ нѣсколько ближе коснуться этой замѣчательной личности, съ которою я находился въ дружественныхъ отношеніяхъ до самой его смерти. Владиміръ Павловичъ былъ человѣкъ необыкновенно энергичный, очень умный, съ большими экономическими и финансовыми познаніями, — при такихъ условіяхъ въ эту первую эпоху возбужденія умственнаго и общественнаго движенія Россіи, онъ быстро выдвинулся впередъ и занялъ выдающееся положеніе. Несмотря на всѣ свои замѣчательныя качества, онъ не достигъ однако вліятельнаго служебнаго положенія, чему помѣшали его крайнее самомнѣніе и самолюбіе, побуждавшія его слишкомъ ярко во всѣхъ дѣлахъ выставлять свою личность. При такихъ условіяхъ ему очевидно трудно было подчиниться кому-либо изъ начальствующихъ лицъ и потому занять регулярное служебное положеніе. Онъ самъ нерѣдко говорилъ, что онъ могъ бы служить только министромъ,

исполнять же чужія порученія, которыя могутъ быть несогласны съ его воззрѣніями, онъ не способенъ. Онъ уже тогда много писалъ по финансовой и политической экономіи и былъ секретаремъ Географическаго общества. Это положеніе онъ оставилъ (предложивъ мнѣ быть его замѣстителемъ), когда былъ назначенъ Управляющимъ дѣлами комиссіи по Поземельному кредиту, — назначеніе, которымъ онъ былъ обязанъ преимущественно своему другу Гагемейстеру. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ членомъ совѣта министерства финансовъ, соединилъ съ этимъ званіемъ должность профессора политич. экономіи въ Лицеѣ и умеръ сенаторомъ. Кромѣ того, Академія Наукъ, за его финансово-экономическія работы, избрала его своимъ членомъ.

Благодаря удивительной живости его характера, его энергіи и его уму, онъ былъ постоянно центромъ, около котораго группировался кружокъ людей всякихъ направленій, такъ какъ въ этомъ отношеніи у него не было никакой исключительности, никакой тенденціозности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень близокъ съ пользовавшимся тогда такимъ вліяніемъ Катковымъ и часто помѣщалъ свои статьи въ его журналѣ. Каждое воскресенье утромъ у него были пріемы, на которыхъ всегда можно было застать массу людей, часто очень интересныхъ, какъ петербургскихъ жителей, такъ и дѣятелей, пріѣзжавшихъ изъ губерніи. Впослѣдствіи, сдѣлавшись академикомъ, онъ устраивалъ у себя по четвергамъ вечеромъ собранія, на которыхъ выдающіеся академики Бэръ, Брандъ и друг. дѣлали крайне интересныя сообщенія. На эти вечера собиралось всегда большое общество мужчинъ и дамъ, и даже великіе князья отъ времени до времени появлялись на нихъ.

По примѣру парижскихъ собраній экономистовъ Вл. П. устроилъ при Географическомъ обществѣ вечернія собранія экономистовъ. На этихъ собраніяхъ различные члены дѣлали сообщенія по разнымъ текущимъ вопросамъ. Число посѣтителей на этихъ собраніяхъ было всегда очень значительно; на нихъ бывали выдающіеся въ то время земскіе дѣятели, между прочимъ Аксеновъ и, кажется, Самаринъ и др. Пріѣзжали также послушать говорившихъ и нѣкоторые министры, напр. Валуевъ. Собранія эти происходили всегда подъ предсѣдательствомъ Ѳ. М. Литке. Посѣщеніе этихъ собраній столь выдающимися лицами и даже министрами ярко характеризуетъ умственное движеніе того времени. Можно ли себѣ представить, чтобы въ настоящее время кто-либо изъ министровъ заинтересовался подобными сообщеніями, дѣлаемыми большею частію молодыми людьми.

Экономическіе вечера превратились впослѣдствіи въ экономи-

ческіе обѣды, которые сохранились до сихъ поръ, и которые, можно сказать въ видѣ исключенія, считали нѣкоторыхъ министровъ своими членами.

Послѣ этого отступленія, посвященнаго памяти Владиміра Павловича, пора возвратиться опять къ Податной комиссіи. Хотя я не состоялъ ея членомъ, но такъ какъ я пользовался расположеніемъ Ю. А. Гагемейстера и былъ въ связи почти со всѣми ея членами, то мнѣ пришлось вскорѣ принять участіе въ ея трудахъ. Въ число подготовительныхъ для нея работъ Гагемейстеръ предложилъ мнѣ составить списаніе прямыхъ, подушныхъ налоговъ. Моя работа, около 300 печатныхъ страницъ, появилась въ трудахъ комиссіи. Нѣсколько времени спустя, такъ какъ А. И. Бутовскій, въ качествѣ директора Мануфактурнаго департамента, былъ чрезвычайно занятъ своими департаментскими дѣлами и потому не имѣлъ возможности посвящать достаточно времени управленію дѣлами Податной комиссіи, то было рѣшено назначить секретаря комиссіи. Гагемейстеръ опять предложилъ это мѣсто мнѣ. При общей тогда самонадѣянности молодыхъ людей, которой и я не былъ лишенъ, слѣдуя примѣру В. П. Безобразова, я отвѣтилъ, что я съ удовольствіемъ готовъ занять эту должность, но только въ томъ случаѣ, если меня вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаютъ членомъ комиссіи, потому что я считалъ возможнымъ работать только въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ я имѣлъ голосъ. Гагемейстеръ согласился, и то, что состоялось такимъ образомъ совершенно случайно, Бутовскому показалось какъ интрига, направленная противъ него лично. Оставаться управляющимъ дѣлами и членомъ комиссіи, когда возлѣ него являлся секретарь, тоже членъ комиссіи, онъ не считалъ умѣстнымъ и потому сложилъ съ себя званіе управляющаго дѣлами, оставаясь впрочемъ членомъ комиссіи. Тогда я прямо былъ назначенъ управляющимъ дѣлами членомъ, на его мѣсто, а къ назначенію спеціальнаго секретаря комиссіи уже не предстояло повода.

Ко мнѣ, впрочемъ, Бутовскій по случаю моего назначенія на его мѣсто никакого неудовольствія не проявилъ. Отношенія наши всегда оставались хорошими и подъ конецъ его жизни, когда мы были сенаторами, а онъ предсѣдателемъ въ IV деп. Сената, онъ какъ-то особенно подчеркивалъ свое и расположеніе и уваженіе къ моимъ мнѣніямъ. Когда происходило въ департаментѣ разногласіе между сенаторами, Бутовскій обыкновенно соглашался съ моимъ мнѣніемъ и иногда, какъ бы шутя, прямо высказывалъ: „такъ сказалъ Тернеръ, такъ должно быть правильно и справедливо“, придавая въ глазахъ всего департамента Сената моему мнѣнію какъ бы особенный авторитетъ. Относительно другихъ сенаторовъ у него выходили

иногда курьезные эпизоды. Подъ конецъ жизни онъ сталъ нехорошо слышать, при чемъ, какъ это часто бываетъ съ глуховатыми, иногда не могъ соразмѣрить своего голоса и, думая говорить тихо, высказывался довольно громко. Такимъ образомъ случалось, что когда кто-либо изъ сенаторовъ говорилъ очень долго и не въ сочувственномъ ему смыслѣ, Бутовскій, обращаясь къ сосѣду и полагая, что онъ говоритъ въ полголоса, довольно громко дѣлалъ замѣчаніе въ томъ родѣ—что скоро ли онъ кончитъ говорить, вѣдь скучно слушать такія несообразности.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній Ю. Ѳ. Абаза [1]).

Когда я была пѣвицей у Великой Княгини Елены Павловны, Рубинштейнъ приходилъ ко мнѣ почти ежедневно отъ 2-хъ до 4-хъ. Это время было для меня интересно, поучительно и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно.

Сознавая, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который его уважаетъ, такъ какъ я его уважала—Рубинштейнъ дѣлился со мной всѣми радостями и горестями своей артистической жизни. Dieser Blick in die Tiefen einer Künstlerseele mit seinem Ringen und Streben, seinen Kämpfen und seinen Enttäuschungen war erhebend, aber machte mich auch traurig.

Вѣдь онъ только-что начиналъ тогда свою карьеру композитора.

Однажды онъ пришелъ ко мнѣ въ особенно грустномъ настроеніи; я ждала грозы. На мой вопросъ: „что съ Вами сегодня“—онъ отвѣчалъ: меня преслѣдуетъ неудержимое желаніе—создать что-нибудь полезное для всей Россіи, что не умерло бы вмѣстѣ со мной, создать больше, чѣмъ лишь память о себѣ, какъ объ артистѣ. Этого же можно достигнуть только созданіемъ музыкальной школы, вродѣ Консерваторіи, которая подняла бы весь эстетическій и музыкальный уровень русскаго общества“. Я спросила его: „Могу ли я быть Вамъ полезной—

---

[1]) Вдова покойнаго министра финансовъ и предсѣдателя департамента экономіи Государственнаго Совѣта, Юлія Ѳедоровна Абаза дала намъ возможность познакомить читателей „Русской Старины“ съ отрывкомъ изъ ея воспоминаній, касающимся основанія Русскаго Музыкальнаго общества, которое въ декабрѣ настоящаго года празднуетъ свой полувѣковой юбилей.—

Ред.

и если да—то какимъ именно образомъ".—„Да вы можете помочь мнѣ, если Вы хотите in Dienst meines Willens treten".

Въ 1859 году музыкальная жизнь въ Петербургѣ была весьма мало развита. Было лишь нѣсколько музыкальныхъ кружковъ, но для большой публики—не было ни школъ,—ни концертовъ. Правда—три раза въ годъ давались симфоническіе концерты въ зданіи Пѣвческой капеллы подъ управленіемъ почтеннаго старика Маурера—да нѣсколько квартетныхъ собраній,—вотъ и все.—Первой мыслью Рубинштейна было обратиться къ содѣйствію Великой Княгини Елены Павловны. У этой выдающейся женщины былъ особый даръ отличать тѣхъ людей, которые могли бы быть чѣмъ-нибудь полезными для общаго блага. Всякій—кто обращался къ ней съ какимъ-либо серьезнымъ предложеніемъ—уходилъ отъ нея съ тѣмъ впечатлѣніемъ—что какъ-будто она была ему благодарна за то, что ей дали возможность проявить себя въ новомъ хорошемъ дѣлѣ. Никто лучше ея не представлялъ себѣ, какое благодѣтельное вліяніе на русское общество окажетъ развитіе въ немъ любви къ музыкѣ и процвѣтаніе этого искусства. Рубинштейнъ просилъ меня ѣхать тотчасъ къ Великой Княгинѣ, а самъ остался у меня ждать отвѣта. Я какъ живую вижу передъ собою Великую Княгиню въ тотъ моментъ, когда я разъясняла ей мысль Рубинштейна. Видно было, какъ вся душа ея загорѣлась желаніемъ осуществить эту идею, сколько бы жертвъ это ни стоило. И дѣйствительно—ей стоило это не мало. „Скажите ему, что я готова сдѣлать все, что въ моей власти, чтобы привести въ исполненіе его планъ, который давно уже слагался и у меня самой".

Что же еще прибавить къ этимъ словамъ.

Рубинштейнъ ожилъ. Отъ утомленія и слѣда не осталось—когда я привезла ему этотъ отвѣтъ. Первымъ дѣломъ нужно было создать хоръ, а для этого понадобилось помѣщеніе съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Великая Княгиня предоставила намъ большой залъ въ своемъ дворцѣ и приняла на себя всѣ расходы. Мнѣ пришлось исполнять нѣсколько должностей: я принимала желающихъ вступить въ хоръ,—вела списокъ имъ, принимала ихъ мѣсячные взносы,—завѣдывала нотами—наконецъ замѣняла всѣхъ недостающихъ запѣвалъ—смотря по надобности на всѣ голоса.

Кружокъ разросся—и министерство внутреннихъ дѣлъ по ходатайству Великой Княгини отвело помѣщеніе для него въ своемъ зданіи. Выработали уставъ, основали музыкальный классъ, и Рубинштейнъ пригласилъ учительницей пѣнія г-жу Ниссенъ. Меня же Великая Княгиня отправила въ Москву, чтобы подобрать голоса, достойные преподаванія Ниссенъ. Первое время всѣ переговоры между

Великой Княгиней и Рубинштейномъ велись черезъ мое посредство, почему я и имѣю возможность разсказать, какъ было положено начало созданія Консерваторіи.

Мнѣ остается только прибавить, что нравственная и матеріальная поддержка, оказанная Великой Княгиней молодому учрежденію—превзошла всѣ наши ожиданія.

Много лѣтъ спустя Рубинштейнъ, въ воспоминаніе нашихъ общихъ трудовъ и хлопотъ—предложилъ меня въ почетные члены Консерваторіи.

М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877 — 78 г.г. [1]).

(Изъ воспоминаній).

Еще въ концѣ марта 1877 года, получивъ отъ Государя Императора секретное увѣдомленіе о томъ, что днемъ объявленія войны избрано 12-ое число апрѣля,—Великій Князь Главнокомандующій отдалъ по арміи распоряженіе,—которымъ высшіе начальники частей войскъ арміи предупреждались о томъ, что подвѣдомственнымъ имъ частямъ придется передвинуться къ Румынской границѣ и на ней сосредоточиться.

Изъ полевого штаба были разосланы подробные маршруты съ конечными временными дислокаціями, при чемъ Великій Князь приказалъ—выжидать въ назначенномъ каждой части пунктѣ и переходить границу тотчасъ по полученіи оффиціальнаго увѣдомленія о состоявшемся объявленіи манифеста.

Восьмой корпусъ получилъ приказъ—передвинувшись изъ окрестностей Кишинева двумя-тремя переходами черезъ Гуру Галбину [2]) на Бештамакъ [3]) и его окрестности,—стать противъ м. Леово съ

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ май 1909 г.

[2]) Молдаванское мѣстечко верстахъ въ двадцати пяти южнѣе Кишинева.

[3]) Молдаванско-еврейская деревня на самой границѣ противъ Румынскаго мѣстечка Леово, находящагося на лѣвомъ берегу р. Прута въ тридцативерстномъ переходѣ отъ границы. Отъ этого мѣстечка одна дорога, перейдя на правый берегъ рѣки, идетъ параллельно ей черезъ Фальчи въ г. Галацъ, а другая, спускаясь на югъ лѣвымъ берегомъ, ведетъ черезъ мѣстечко Водолуй-Исакча, въ г. Рени. Оба эта города—Галацъ и Рени, лежатъ на лѣвомъ берегу Дуная въ самомъ сѣверномъ, — въ предѣлахъ восточной части Румыніи,—участкѣ его теченія. Рени лежитъ въ 25 верстахъ на востокъ отъ Галаца въ водной мѣстности, почти въ пунктѣ впаденія Прута въ Дунай.

тѣмъ, чтобы у этого мѣстечка, въ свое время, совершить переправу для дальнѣйшаго движенія по румынской территоріи правымъ берегомъ Прута на румынскій, важный въ торговомъ отношеніи городъ, Галацъ, лежащій въ 120 верстахъ отъ м. Леово, затѣмъ на Браиловъ [1]), Урзичени [2]), а далѣе на Плумбуитъ, Бенеазъ, Копачени, Бонясъ и другіе населенные пункты, составляющіе болѣе или менѣе близкія окрестности столицы Румыніи—Букареста.

Войска этого корпуса выступили изъ окрестностей Кишинева при чудной погодѣ; но все движеніе на Бештамакъ пришлось имъ продѣлать подъ проливнымъ дождемъ; при чемъ черноземная, кое-гдѣ глинистая, почва мягкихъ грунтовыхъ дорогъ, пролегающихъ въ тѣхъ краяхъ и понынѣ въ первобытномъ видѣ,—совершенно раскиселилась.

* * *

Тяжело достались частямъ войскъ эти переходы; пришлось вязнуть и шагъ за шагомъ выкарабкиваться, а для вытягиванія изъ грязи повозокъ—артиллерійскихъ и обозныхъ,—не только припрягать, въ помощь лошадямъ, воловъ, но и наряжать команды усталыхъ нижнихъ чиновъ. Словомъ, относительно этого похода можно было сказать— „первый блинъ, да комомъ“.

12-го апрѣля погода прояснилась; лицо, командированное для объявленія приказанія двигаться въ дальнѣйшій,—уже „военно-временный, заграничный“ походъ на Леово,—было встрѣчено при солнечной, ясной погодѣ [3]); однако черезъ нѣсколько часовъ,—съ началомъ перехода,—небо безнадежно заволокло,—опять началъ лить проливной дождь, и явились всѣ трудности похода по слякоти, по непролазной грязи.

Въ довершеніе всего, съ приближеніемъ къ м. Леову, началъ ясно обозначаться большой разливъ р. Прута: лѣвой стороной коекакъ, съ грѣхомъ пополамъ, можно было подойти къ руслу рѣки,

---

[1]) Въ 20-ти верстахъ южнѣе Галаца по желѣзной дорогѣ, ведущей черезъ Плоэшты и Букарестъ въ Журжево—городъ, лежащій на Дунаѣ противъ турецкой крѣпости Рущукъ.

[2]) Въ ста десяти верстахъ западнѣе Браилова и въ сорокапятиверстномъ разстояніи сѣвернѣе Букареста.

[3]) Кажется, въ VIII корпусъ былъ съ этимъ порученіемъ посланъ адъютантъ главнокомандующаго полковникъ Кирасирскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны полка Аѳиногенъ Алексѣевичъ Орловъ; онъ остался, согласно приказанія Вел. Кн., при ген. Радецкомъ на все время похода до Букареста и возвратился къ его высочеству уже въ Плоэшты—въ двадцатыхъ числахъ мая.

но, пока передовыя части переправлялись на правый берегъ, онъ болѣе и болѣе отдалялся, покрываясь водой, и, едва успѣли переправиться три отряда этой колонны Радецкаго, какъ высадка на томъ берегу сдѣлалась невозможною; пришлось не только остановить переправу, но даже нѣсколько отступить съ тѣмъ, чтобы произвести на лѣвомъ берегу самый тщательный осмотръ мѣстности, а затѣмъ, двинувшись походнымъ порядкомъ по этому берегу, совершить переправу главной части отряда не изъ Леово, а верстъ на двадцать южнѣе—противъ мѣстечка Фальчи, и лишь отъ этого пункта двигаться правымъ берегомъ согласно указаніямъ маршрута.

И въ дальнѣйшемъ походномъ движеніи черезъ Румынію до самаго Букареста войска эти были преслѣдуемы неудачами: розливы бурныхъ южныхъ рѣкъ и рѣченокъ, снося, разрушая и уничтожая мосты, вездѣ натворили столько бѣдъ, что въ общемъ прибытіе этой колонны войскъ къ столицѣ Румыніи и сосредоточеніе въ ея окрестностяхъ — запоздало почти на двѣ недѣли противъ разсчета, сдѣланнаго полевымъ штабомъ и объявленнаго къ исполненію [1]).

Гораздо счастливѣе въ совершеніи этого перваго большого военно-временнаго похода были части войскъ, совершавшія свое движеніе сѣвернѣе—черезъ пограничныя мѣстечки Унгены и Скуляны, на Яссы, Бузео, Плоэшты;—ихъ не преслѣдовали такія бѣды, каковыми представляются провалы и разрушенія мостовъ и дорожныхъ сооруженій, вслѣдствіе распутицы и разливовъ эти войска, правда, тоже запоздали, но въ конечныхъ пунктахъ назначенія своего движенія и сосредоточенія — частью южнѣе Букареста, вблизи этого города, а частью въ окрестностяхъ Александріи [2]), —они сосредоточились лишь на двое сутокъ позднѣе назначеннаго имъ маршрутами главной квартиры срока [3]).

---

[1]) Задержекъ больше всего произошло между Галацемъ и Браиловымъ, вслѣдствіе порчи парома и мостовъ на р. Серетъ у с. Сербешты;—сначала мостъ снесло, а затѣмъ дня черезъ два-три послѣ возобновленія, снова снесло и совершенно уничтожило. Послѣ постройки новаго моста черезъ Серетъ, пришлось строить еще одинъ—черезъ сильно разлившуюся рѣченку Загну, впадающую въ Серетъ противъ Сербешты. Часть подробныхъ, приводимыхъ здѣсь, главнымъ образомъ географическихъ свѣдѣній, заимствована изъ II тома „Описанія Русско-Турецкой войны“. — (Изд. Военно-Историч. коммиссіи Гл. Штаба).

[2]) Въ 75-ти-верстахъ на юго-западъ отъ Букареста, по пути къ Зимницѣ на Дунаѣ, въ 30-ти верстахъ отъ этого города, у котораго впослѣдствіи войска Радецкаго и Драгомирова совершили свою боевую переправу.

[3]) Подъ общимъ начальствомъ командира XII армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта П. С. Ванновскаго.

* * *

Въ началѣ своего совмѣстнаго съ Мих. Ивановичемъ пребыванія въ Наугеймѣ въ 1901-мъ году, я не въ одной нѣмецкой газетѣ встрѣтилъ короткое сообщеніе о томъ, что въ этотъ курортъ прибылъ знаменитый русскій генералъ (berühmter russischer General) Драгомировъ. Однажды, зайдя въ одинъ изъ павильоновъ, при которыхъ находятся ванны, я въ небольшой Гиссенской газетѣ прочелъ о генералѣ сообщеніе съ замѣткой, содержаніе которой меня немало удивило. — На-ряду съ извѣстіемъ о его прибытіи въ Наугеймъ, поставлено было, что это одинъ изъ лучшихъ, блестящихъ боевыхъ русскихъ генераловъ, военный авторитетъ, научившій русскую армію своей собственной системѣ обученія войскъ и тактическаго образованія всѣхъ родовъ оружія, представитель совершенно особой тактики и стратегіи, съ большимъ военнымъ прошлымъ,—генералъ, на котораго Россія возлагаетъ огромныя надежды.

Упомянувъ о томъ, что Мих. Ив. во время австро-прусской войны весь военный походъ продѣлалъ при главной квартирѣ прусской арміи,—что въ это время нѣмецкія власти не разъ пользовались мнѣніями, которыя онъ высказывалъ, и что во время русско-турецкой войны онъ на своихъ плечахъ съ драгомировской дивизіей (Dragomirowsche Division) совершилъ гигантскій подвигъ переправы черезъ Дунай въ такомъ мѣстѣ, которое турки тщательно и бдительно оберегали,—газетка прибавила: „въ эту кампанію онъ, пользуясь тѣмъ, что начальникамъ болѣе крупныхъ отдѣльныхъ частей была предоставлена со стороны высшей войсковой власти широкая иниціатива, сдѣлалъ одинъ переходъ, не очень строго придержавшись утвержденнаго главнокомандующимъ маршрута, вслѣдствіе чего опоздалъ въ бой и едва не явился виновникомъ потери цѣлаго дня упорныхъ стараній дравшихся съ врагомъ частей войскъ того корпуса, къ которому онъ принадлежалъ. Лишь въ виду того, что онъ вообще пользовался громаднымъ авторитететомъ, а по поводу этого случая далъ вполнѣ разумное объясненіе своимъ дѣйствіямъ,—это не было поставлено уважаемому генералу въ вину и прошло для него совершенно безслѣдно“.

Сообщеніе это было въ высшей степени нелѣпо и нисколько не вязалось ни съ чѣмъ, касавшимся боевой дѣятельности Михаила Ивановича; сообщить ему о немъ я счелъ для себя обязательнымъ; задѣть его оно никоимъ образомъ не могло; вообще онъ нерѣдко высказывалъ, съ какимъ равнодушіемъ принималъ всякія, сочинявшіяся о немъ, небылицы.

— Обстрѣлялся, обтерпѣлся и совершенно освоился, говаривалъ

онъ; „какой бы вздоръ ни измыслили про меня, я отношусь къ нему совершенно спокойно; ну, хоть бы, положимъ также, какъ къ тому, если бы мнѣ сообщилъ кто-либо, что вчера въ Берлинѣ цѣлый день лилъ проливной дождь".

Знать же объ этомъ наговорѣ ему по нѣкоторымъ обстоятельствамъ дѣла, какъ мнѣ казалось, было необходимо.

* * *

На другой же послѣ прочтенія корреспонденціи день,—во время обычной нашей утренней прогулки,—я разсказалъ Михаилу Ивановичу содержаніе нѣмецкой выдумки.

„Вотъ какъ; это занятно!" сказалъ онъ спокойно улыбнувшись; „вполнѣ одобряя порядки, заведенные въ Германіи и въ ея арміи, я вѣдь вообще не жалую господъ нѣмцевъ и далеко не симпатизирую имъ; они это твердо знаютъ, платятъ мнѣ тѣмъ же, а потому немудрено, что способны во всякое время взводить на меня все возможное и невозможное. Строго говоря, у нихъ къ сочиненію именно такой нелѣпости былъ нѣкоторый поводъ; и я долженъ сказать, что въ этомъ случаѣ, какъ бываетъ нерѣдко въ другихъ,— нѣтъ дыма безъ огня; но эпизодъ, давшій поводъ разсказать такую чепуху, былъ скорѣй потѣшный, чѣмъ серьезный, хотя и поучительный".

Вслѣдъ затѣмъ Михаилъ Ивановичъ разсказалъ вкратцѣ все, что выше сказано о выступленіи частей его дивизіи въ составѣ VIII корпуса изъ окрестностей Кишинева, о движеніи на Галацъ и на Букарестъ,—а затѣмъ продолжалъ:

„Безъ сомнѣнія, послѣ того, что общій маршрутъ, присланный изъ полевого штаба, былъ въ самомъ началѣ разстроенъ, уже не представлялось возможнымъ держаться его, поэтому Ѳ. Ѳ. Радецкій приказалъ составить въ корпусномъ штабѣ новый, частный маршрутъ сообразно условіямъ движенія, а затѣмъ, утвердивъ его, донесъ о немъ главнокомандующему и объявилъ въ приказѣ по корпусу. При свиданіи со мной и съ начальникомъ 9-й пѣхотной дивизіи княземъ Святополкъ-Мирскимъ, Ѳ. Ѳ. предложилъ намъ, не стѣсняясь ничѣмъ,—если понадобится,—измѣнить кое-гдѣ въ частностяхъ этотъ маршрутъ, ограничившись тѣмъ, чтобы объ измѣненіяхъ, кои мы признаемъ необходимыми,—сообщить ему „для свѣдѣнія". Мое совѣщаніе съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ привело къ тому, что, исходя изъ желанія вообще нагнать потерянное въ задержкахъ передвиженій время,—мы намѣтили сокращеніе маршрута въ трехъ мѣстахъ. Ѳед. Ѳед., давъ сразу согласіе на два измѣненія, о третьемъ сказалъ: „а тутъ, я думаю, какъ бы Ваше спрямленіе или сокращеніе не вышло удлиненіемъ". Князь Святополкъ-Мирскій

тотчасъ отступилъ отъ принятаго нами рѣшенія, я же находилъ, что тутъ крайне необходимо спрямить путь, уничтоживъ кружный обходъ верстъ въ десять, о чемъ и заявилъ съ нѣкоторою настойчивостью.

— Хорошо, хорошо, дѣлайте, какъ находите нужнымъ, сказалъ Ѳ. Ѳ. Радецкій, я не настаиваю на своемъ, лишь бы было лучше. Я было и самъ, обративъ вниманіе на этотъ переходъ, хотѣлъ его сократить, но, всмотрѣвшись ближе, оставилъ безъ измѣненія; ну, пусть будетъ такъ,—идите по спрямленной линіи, я же пойду по маршруту,—посмотримъ, что изъ этого выйдетъ".

* * *

Свое движеніе Ѳед. Ѳед. Радецкій съ самаго начала совершалъ со мной, при моихъ частяхъ, но въ день, назначенный для выполненія этой части маршрута, онъ со своимъ штабомъ отдѣлился отъ меня, продолжалъ свой разсказъ Мих. Ив.

Въ тотъ день намъ, т. е. мнѣ съ моими частями, пришлось въ одномъ мѣстѣ пути задержаться, въ другомъ даже отойти передовымъ частямъ версты полторы назадъ, дабы отступить передъ непроходимою, кочкообразною мѣстностью,—словомъ, вообще пришлось въ походѣ промѣшкать. Но при всемъ томъ, никакъ нельзя было ожидать того, что вышло: сильно пораженъ былъ я, когда, достигнувъ конечнаго пункта перехода того дня, узналъ, что „корпусный" со своимъ штабомъ, съ обозомъ и съ елецкимъ пѣхотнымъ полкомъ [1]) давно уже прибылъ въ мѣстечко.

— Представьте себѣ, вхожу я въ мѣстечко, встрѣчаю двухъ офицеровъ своего авангарда—квартирьеровъ.

— Здравствуйте, говорю, гдѣ же нашъ бивакъ?

— На бивакъ надо идти прямо, а квартира вамъ отведена недалеко отъ бивака въ домѣ купца Іонеско, доложилъ одинъ изъ нихъ.

— Почему же вы меня помѣщаете не на бивакѣ?

— Такъ приказалъ генералъ Радецкій; передайте, говоритъ, Мих. Ивановичу, что я его жду къ обѣду; скажите, что обѣдъ готовъ, а квартиры намъ отведены рядомъ, въ одномъ домѣ.

— Когда же корпусный командиръ прибылъ?

— Часа два уже онъ здѣсь; легъ отдыхать, велѣлъ разбудить себя, когда вы прибудете.

---

[1]) 33-й пѣх. елецкій полкъ—первый полкъ 9-й пѣх. дивизіи.

Наскоро проѣхалъ я осмотрѣть бивакъ, наладилъ тамъ, что нужно, и тороплюсь къ Ѳед. Ѳедоровичу.

Смотрю, сидитъ онъ на диванѣ, поджавши по-турецки ноги подъ себя, пьетъ крѣпкій чай съ лимономъ, покуриваетъ и преблагодушно посмѣивается. Я, разумѣется, вхожу совсѣмъ смущенный,—несу повинную.

— Ну, что, Мих. Ив., сократилъ дорогу? спрямилъ?

— Да, каюсь, не разсчиталъ, отличился!

— Э, что за бѣда...

— Какъ что за бѣда, вѣдь я совсѣмъ противнаго своему благому намѣренію добился: полкамъ-то своимъ путь, по крайней мѣрѣ, уполторилъ, а тутъ, какъ нарочно, сегодня сахарная жара подошла...

— Ничего, Мих. Ив., надо радоваться: такая ошибка свалилась на насъ въ самомъ началѣ, она насъ научитъ, впредь не попадемся; не дай Богъ случилась бы она уже подъ бокомъ у врага; пришлось бы поплатиться шкурой, да пожалуй еще проиграть бой; а тутъ что за горе: отсталыхъ нѣтъ, значитъ, люди въ походъ втянулись хорошо; два-три часа лишнихъ въ пути...

— Да, попался я, попался...

— „Ничего“, только и твердилъ добродушно Радецкій; ошибка вездѣ возможна; „это, батюшка, нашимъ кавказскимъ войскамъ, проученнымъ многими годами походовъ, исколесившимъ и горы, и броды, и болота, въ большой грѣхъ можно было бы поставить, а тутъ что?—простое невинное увлеченіе; я и видѣлъ, что не во-время у васъ спѣшка и неудачная поправка, дамъ, думаю, ему посмотрѣть, пусть научится; въ дѣлѣ любопытства молодость беретъ свое...

„Вотъ вѣдь какъ назидательно покойный пробиралъ меня. И все это спокойно, невозмутимо, съ доброй хорошей улыбкой на устахъ. Пока дошли мы до закуски, до обѣда, да до винта, съ меня старикъ согналъ десять потовъ.

„До сихъ поръ не могу себѣ простить; кой чортъ дернулъ меня на это сокращеніе натолкнуться“, съ неумолимой строгостью къ себѣ твердилъ Мих. Ив.; „молодость свое беретъ!“—не молодость, а какая-то пустая наивность нагнала меня на этотъ дьявольскій переходъ.

Вотъ вѣдь фактъ мелочной, а я его долго помнилъ, какъ обычно школьникъ помнитъ урокъ, достающійся не легко; и больно и смѣшно во всякомъ случаѣ; а ужъ писать объ этомъ, да еще въ иностранной газетѣ, черезъ столько лѣтъ и съ такимъ искаженіемъ истины—глупѣе глупаго. Поговорили мы тогда объ этомъ съ Ѳедоромъ Ѳедо-

ровичемъ, онъ тотчасъ же и забылъ, потому что видѣлъ въ этомъ самый простой промахъ, изъ котораго ничего худого не произошло и произойти не могло.

Развѣ мало было въ ту пору вообще на умѣ у насъ важнаго дѣла; а за всѣми серьезными дѣлами надвигалось самое серьезное, самое важное — переправа...

Много работы и стараній было приложено къ тому, чтобы дѣло это подготовить съ возможной чистотой; не разъ вспоминалъ Мих. Ив., Великій Князь главнокомандующій, говорилъ онъ, на виду у всѣхъ, потрудился лично надъ разработкой этого вопроса и не упускалъ ни малѣйшей подробности; ему принадлежитъ бо́льшая часть заслуги въ трудномъ дѣлѣ подготовки деталей этого перваго боевого шага...

Всѣ записки, представленныя въ видѣ отчетовъ руководителями офицерскихъ партій, разосланныхъ полевымъ штабомъ для рекогносцировки участковъ Дуная и для опредѣленія наиболѣе подходящаго пункта переправы,—великій князь самъ быстро разсмотрѣлъ, разобралъ и покрылъ своими, въ высшей степени дѣльными, замѣчаніями; они останутся навсегда образцовыми по своей поучительности.

Участокъ, въ которомъ находится Систово, достался ген. шт. полковнику Дм. Станил. Нагловскому; его талантливый отчетъ вел. кн. отличилъ и сразу намѣтилъ, какъ такой, котораго данныя въ главныхъ чертахъ подлежали исполненію; на нихъ, по волѣ его высочества, и основался совершенный войсками VIII корпуса въ ночь на 15 іюня 1877 года, подвигъ.

А. Е. К.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Грандіозный замыселъ Рыкова.

(Изъ воспоминаній акцизнаго ревизора).

Читатели „Русской Старины“ вѣроятно нѣсколько знакомы съ похожденіями скопинскаго городского головы и директора Скопинскаго банка Рыкова, извѣстнаго по громкому дѣлу о хищеніяхъ и крахѣ банка, за что присужденъ Московской судебной палатой къ ссылкѣ въ Сибирь.

Въ обвинительной рѣчи, произнесенной по этому дѣлу тогдашнимъ прокуроромъ палаты Николаемъ Валеріановичемъ Муравьевымъ (недавно скончавшимся посланникомъ въ Римѣ), было упомянуто, между прочимъ, и о другомъ преступленіи Рыкова, а именно: объ учрежденіи имъ въ началѣ 70-хъ годовъ фиктивнаго акціонернаго общества Скопинскихъ угольныхъ копей. За истеченіемъ 10-лѣтней давности, привлечь Рыкова къ отвѣтственности за это мошенничество было невозможно, и прокуроръ палаты упомянулъ объ этомъ дѣлѣ только для ознакомленія суда съ характеристикой дѣятельности Рыкова.

Полагая, что для читателей „Русской Старины“ небезъинтересно будетъ познакомиться съ подробностями этого дѣла, которымъ Рыковъ могъ бы нанести казнѣ милліонный ущербъ, я, какъ бывшій свидѣтель, дававшій подъ присягой показаніе въ судебной палатѣ, постараюсь, насколько мнѣ не измѣнитъ память, описать подробно это геніально задуманное, но, къ счастью, во-время мною предупрежденное, мошенничество.

Въ началѣ 70-хъ годовъ Рыковъ задумалъ на средства Скопинскаго банка, гдѣ онъ состоялъ директоромъ, произвести изысканія залежей каменнаго угля въ трехъ селеніяхъ Скопинскаго уѣзда (названія ихъ не упомню), сосѣднихъ съ Ряжскимъ уѣздомъ, гдѣ нахо-

*

дились Чулковскія угольныя копи. Послѣ долгихъ изысканій, въ нѣкоторыхъ шахтахъ найденъ былъ въ небольшомъ количествѣ гнѣздовый уголь, но пластовыхъ залежей не оказалось. Несмотря на это, Рыковъ учредилъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, купцовъ и мѣщанъ (имѣнія и дома которыхъ были заложены въ городскомъ банкѣ) „Акціонерное Общество Скопинскихъ угольныхъ копей Московскаго бассейна“, съ фиктивнымъ складочнымъ капиталомъ въ два милліона руб., на каковую сумму и были отпечатаны акціи. Эти фиктивныя акціи, конечно, не были въ рукахъ акціонеровъ, а хранились въ Скопинскомъ банкѣ, гдѣ Рыковъ, какъ выше сказано, былъ директоромъ, онъ же былъ избранъ и директоромъ правленія Общества угольныхъ копей. Объ эксплоатаціи означенныхъ фиктивныхъ копей правленіемъ Общества печатались въ газетахъ отчеты, выводились балансы и показывались дивиденды. Для большаго эффекта на бывшей въ 70-хъ годахъ въ Москвѣ Политехнической выставкѣ былъ Рыковымъ устроенъ образецъ шахты, въ которой былъ поставленъ манекенъ-рабочій, долбящій киркою пластъ угля. Мало того, на выставку было доставлено два вагона угля изъ будто бы эксплоатируемыхъ Скопинскихъ копей. Я самъ былъ на выставкѣ и видѣлъ эту шахту и образцы угля, послѣ я узналъ, что эти два вагона угля были Рыковымъ куплены на Чулковскихъ копяхъ Ряжскаго уѣзда. Казалось, дѣло отлично было налажено, но акцій все-таки никто не покупалъ. Тогда Рыковъ придумалъ послѣднее средство, а именно: кромѣ печатанія отчетовъ о доходности Общества, — еще котировать дутыя акціи на Московской и Петербургской биржахъ. Для этого агенты Рыкова, снабженные акціями, являлись на означенныя биржи, одни — покупателями, а другіе — продавцами и о своихъ сдѣлкахъ заявляли биржевымъ маклерамъ, которые въ газетахъ печатали курсовыя цѣны продавцовъ и покупателей. Такая фиктивная котировка на обѣихъ столичныхъ биржахъ производилась цѣлый годъ, къ концу котораго цѣны акцій были взвинчены выше al pari до 103 руб.

Доказавъ, такимъ ловкимъ маневромъ, доходность эксплоатаціи фиктивныхъ копей, Рыковъ, безъ затрудненія, добился разрѣшенія министра финансовъ Рейтерна принимать эти дутыя, гроша не стоющія, акціи въ залоги по 75 руб. за 100 по разсрочкѣ акциза за вино, выпускаемое изъ частныхъ складовъ и винокуренныхъ заводовъ въ продажу въ питейныя заведенія. Разрѣшеніе это было напечатано въ „Указателѣ Министерства Финансовъ“ за вторую половину 1874 года.

Вслѣдствіе означеннаго разрѣшенія, Рыковъ могъ бы скоро и легко лежащія въ банкѣ акціи фиктивнаго акціонернаго Общества

въ суммѣ на два милліона рублей продать по цѣнѣ хотя бы по 50 рублей за 100 въ разные заводы и склады всей Россіи и такимъ образомъ пріобрѣсти бы милліоны рублей, а казна могла бы потерять акциза на полтора милліона. Говорили, что небольшое количество акцій было уже продано, но въ залоги по разсрочкѣ акциза онѣ не попали, вслѣдствіе нижеслѣдующаго обстоятельства, разрушившаго замыслы Рыкова.

Въ это время я служилъ въ Рязанскомъ акцизномъ управленіи старшимъ ревизоромъ и за болѣзнью управляющаго акцизными сборами исправлялъ его должность. Прочитавъ въ „Указателѣ“ вышеозначенное разрѣшеніе о пріемѣ въ залоги акцій Скопинскихъ угольныхъ копей и зная по слухамъ, что въ Скопинскомъ уѣздѣ никакихъ копей не существуетъ, я счелъ долгомъ произвести объ этомъ формальное дознаніе. Пригласивъ для этой цѣли мѣстнаго помощника акцизнаго надзирателя г. Альбанова, я съ нимъ отправился на мѣста, указанныя въ объявленіи „Акціонернаго Общества“, нахожденія угольныхъ копей. На сельскихъ сходахъ, собираемыхъ мною, крестьяне показали: что дѣйствительно на ихъ поляхъ Рыковымъ были устроены шахты, но уголь былъ найденъ въ одномъ только селѣ и то въ небольшомъ количествѣ (гнѣздовой), такъ, что вскорѣ работы прекратились, и шахты, послѣ выборки изъ нихъ лѣса, были засыпаны землею. Объ этихъ показаніяхъ мною были составлены протоколы за подписями крестьянъ и сельскихъ старостъ съ приложеніемъ ихъ должностныхъ печатей. Кромѣ того мною были отобраны показанія и отъ сельскихъ приходскихъ священниковъ, которые по долгу священства дали точно такіе же письменные отзывы. Крестьяне показывали въ полѣ мѣста бывшихъ шахтъ, и я хорошо помню, что мѣста эти были подъ снѣгомъ. Убѣдившись окончательно, что угольныхъ копей въ Скопинскомъ уѣздѣ не существуетъ, я представилъ при донесеніи подлинные акты произведеннаго мною дознанія въ департаментъ неокладныхъ сборовъ, директоромъ котораго былъ тогда баронъ Розенъ. Результатомъ моего представленія была посылка департаментомъ телеграммъ во всѣ губернскія акцизныя управленія о воспрещеніи пріема въ залоги по разсрочкѣ акциза „акцій Скопинскихъ угольныхъ копей“, разрѣшенныхъ къ пріему въ такомъ-то номерѣ „Указателя“. Рыковъ же за эти подлоги и мошенничества не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Носились впрочемъ слухи, что онъ былъ вызываемъ министромъ для объясненій, — быть можетъ, это и правда, потому что съ этого времени „Акціонерное Общество Скопинскихъ копей“ перестало публиковать въ газетахъ свои отчеты и котировку акцій и какъ-то заглохло.

Дѣло же это получило гласность только черезъ 10 лѣтъ, когда московскій судебный слѣдователь по важнымъ дѣламъ былъ командированъ въ 1884 году для производства слѣдствія о крахѣ Скопинскаго банка и хищеніяхъ Рыкова. Слѣдователь при разсмотрѣніи документовъ банка нашелъ въ залогѣ акцій Скопинскихъ угольныхъ копей на 2 милліона рублей и узналъ отъ кого-то, что мною въ 1874 году было производимо дознаніе о фиктивности этихъ акцій, вызвалъ меня въ качествѣ свидѣтеля къ допросу и показаніе мое о произведенномъ мною дознаніи записалъ въ протоколъ слѣдствія, при разсмотрѣніи котораго прокуроромъ Московской судебной палаты Н. В. Муравьевымъ, я былъ вызванъ въ Москву въ судебную палату для передопроса подъ присягой. Когда пришла моя очередь, я разсказалъ подробно все мною обнаруженное при дознаніи о фиктивности Акціонернаго Общества Скопинскихъ угольныхъ копей, заключилъ свое показаніе слѣдующей фразой: „уже рука Рыкова была въ казенномъ карманѣ, но она мною была вовремя схвачена“, при этомъ я образно ударилъ рукою по своему карману. Послѣ допроса остальныхъ свидѣтелей г. прокуроръ въ своей блистательной обвинительной рѣчи (напечатанной въ „Новомъ Времени“ и др. газетахъ) упомянулъ и о моемъ показаніи, только моя заключительная фраза была нѣсколько измѣнена. Г. прокуроръ сказалъ: „Вы, господа, слышали показаніе свидѣтеля акцизнаго ревизора, г. Хросцицкаго, „что рука Рыкова была уже въ казенномъ сундукѣ, но г. Хросцицкимъ крышка была во-время прихлопнута, и этимъ казна была ограждена отъ полуторамилліоннаго убытка“.

Наконецъ, не лишнимъ считаю сказать, что обнаружившіяся на судѣ мои дѣйствія о раскрытіи злоупотребленій Рыкова, заинтересовали бывшаго тогда директора департамента неокладныхъ сборовъ А. С. Ермолова, который, узнавъ, что я за такое важное открытіе не получилъ никакой награды, представилъ меня къ чину статскаго совѣтника и въ томъ же 1885 году назначилъ ревизоромъ въ департаментъ, а черезъ годъ и управляющимъ акцизными сборами. Это мнѣ доказало, что какъ за Богомъ усердная молитва, такъ за Царемъ вѣрная служба не пропадаетъ.

А. К. Хросцицкій.

Письма Ѳ. В. Булгарина.

I.

Любезный другъ, Василій Аполлоновичь! На силу тебя надоумилъ какой-то добрый геній написать ко мнѣ дружеское письмо, которое столь же пріятно для моего сердца, какъ статьи твои для моего ума. Я десять разъ писалъ къ Карніолину-Пинскому, чтобы онъ прислалъ мнѣ твой адресъ и имя и отчество, ибо это мой камень преткновенія: я никакъ не могу упомнить именъ, а ты знаешь, что во время нашего дружескаго спознанія въ Варшавѣ, мы не величали другъ друга по имени и отчеству. Я встрѣтился здѣсь съ твоимъ братомъ въ книжной лавкѣ И. Сленина и взялъ твой адресъ, но не зналъ съ какого тона начать переписку — спасибо, что ты разсѣкъ этотъ гордіевъ узелъ.

Много воды уплыло съ 1816 года, со времени нашего знакомства! Мы сдѣлались старѣе десятью годами, можетъ быть сдѣлались умнѣе и ученѣе, но что до меня касается, то я не сдѣлался счастливѣе, въ нравственномъ отношеніи. Физика моя довольно благополучна, т. е. я такъ счастливъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, не голоденъ и не холоденъ. Но гдѣ дѣвалась моя прежняя веселость, которая оживляла меня самаго и другихъ? Гдѣ охота пѣть, хохотать, гоняться за бездѣлушками? Все это прошло, и еслибъ ты увидалъ меня, то не узналъ бы.—Не думай, что старость или болѣзни отягчаютъ меня. Кому нѣтъ сорока лѣтъ, тотъ не старъ, а кромѣ петербургской болѣзни, гемороидъ, я, слава богу, здоровъ. Но литературныя занятія и журнальное поприще убили меня. Ты знаешь и слыхалъ отъ старыхъ моихъ товарищей, что по моему откровен-

ному характеру и веселости, я никогда не зналъ, что такое *враги*. Напротивъ того, во всю жизнь я только находилъ людей, которые мнѣ дѣлали добро. Съ пріобрѣтенною извѣстностью въ свѣтѣ появились, или лучше сказать, зародились и враги, какъ черви на солнцѣ. Зависть и мщеніе истощили всѣ средства чтобы погубить меня, во что бы ни стало. Издатель Инвалида Воейковъ, дошелъ до того въ своей слѣпой злобѣ, что даже разбрасывалъ подложныя письма и разныя свои злодѣйскія заключенія на мой щетъ. Полевой съ своей стороны *вторилъ* пріятелю. Карамзинисты, за критики мои на ихъ идола, старались и стараются терзать меня. Толпа обнаруженныхъ невѣждъ, завистниковъ, что я трудясь не умираю съ голода, что я не имѣлъ чести родиться на берегу Волги или Камышевки, однимъ словомъ толпа завистниковъ по тысячамъ причинъ одна другой подлѣе и нелѣпѣе — устремлена на меня съ поднятыми кинжалами! — А за мною кто? Богъ и честные люди — но честные люди скромны, а злые неугомонны!—

Извини, милой, что я первое мое письмо къ тебѣ начинаю мрачною картиною моего положенія въ свѣтѣ. Но ты знаешь, какъ сладостно для огорченнаго сердца облегчать тяжесть, повѣряя грусть душѣ благородной! Я увѣренъ и вижу изъ письма твоего, что ты любишь меня, и потому свалилъ на тебя часть моей тяжести.

Ты, вѣрно, полюбопытствуешь знать, какую жизнь ведетъ *бывшій* весельчакъ Булгаринъ. Отъ 6 до 12 утра за письменнымъ столомъ; отъ 12 до 3 въ походѣ по дѣламъ журнальнымъ и процессу (которому нѣтъ *конца* послѣ *конца*, въ продолженіе 10 лѣтъ), тамъ обѣдъ, тамъ часикъ отдохнуть, а тамъ снова за перо. Нигдѣ не бываю, никого не вижу какъ только на улицахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ. Сижу дома, какъ черепаха. Жизнь несноснѣе болѣзни—и все это изъ чего? Изъ куска хлѣба, оспариваемой извѣстности и тьмы непріятностей!

Я теперь издаю мои мелкія сочиненія — въ работѣ у меня Похожденія Ивана Выжегина (почти кончено), и Финляндская война— издамъ это—и въ отставку изъ литературнаго ополченія. Брошу все и засяду въ какомъ-нибудь уголкѣ, гдѣ свѣтитъ солнце и много зелени, и такъ скроюсь, чтобы съ собаками не отыскали ни карамзинисты, ни воейкисты, ни вся злобная св..... Хотѣлось бы хоть годикъ пожить для себя. Надежда, которую поляки называютъ матерью глупцовъ, говоритъ мнѣ, что я не совсѣмъ былъ безполезенъ для Россіи, и что добрые люди меня вспомнятъ — вотъ и вся моя награда!.

Ты видишь, что я съ тобой откровененъ по старому — знакъ что не переставалъ любить и уважать тебя. Утѣшай меня своими

грамотками и обогащай статейками, коими я, и всѣ просвѣщенные люди дорожатъ. Теперь помощь твоя при обременительной работѣ моей, о коей сказано выше, будетъ для меня весьма благодѣтельна. Военный другъ, увѣренъ я, не дезертируетъ отъ меня ни къ Полевому ни къ Погодину. Надѣюсь на тебя какъ на каменную стѣну.

Юноша, котораго ты рекомендовалъ мнѣ въ письмѣ, не явился ко мнѣ по нынѣ. Вѣрно онъ попалъ къ Воейкову, а тамъ представили меня бѣлымъ медвѣдемъ. Итакъ будучи готовъ все для него сдѣлать по твоей рекомендаціи—я лишенъ сего удовольствія— не по моей винѣ.

Теперь имѣя твой адрессъ, могу пересылать тебѣ Журналы: получишь ихъ съ первою почтою. Я слишкомъ записался, и какъ я пишу мои статьи съ плеча, по Слански [1]), прямо на бѣло—то вотъ была бы цѣлая полоса для Пчелы; но для дружбы мнѣ писать гораздо пріятнѣе, нежели для журнала.

Прощай, будь здоровъ, помни меня, пиши и присылай прекрасныя свои произведенія. Дастъ Богъ увидимся еще въ жизни: мнѣ бы хотѣлось увидать Москву — я никогда въ ней не былъ; любопытство простительное, когда и Пошехонцы были воспламенены имъ! Увѣдомь меня какъ ты живешь, чѣмъ занимаешься и т. п. Откровенность за откровенность! — Новостей никакихъ отъ меня не ожидай, ибо я кромѣ книжнаго дѣла ничѣмъ не занимаюсь и глухъ и слѣпъ для свѣта.

Старый другъ, лучше новыхъ двухъ

Ѳ. Булгаринъ.

Февраля 21 дня
1827
Спб.

Чуръ никому не читать письма — чувства мои не для всѣхъ явны.

II.

С.-Петербургъ 6 января 1828.

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ, любезный другъ!—

Ты не повѣришь какъ я обрадовался получивъ твое письмо, отъ 29 декабря. Ну слава Богу, свалилась гора съ плечъ — ты не разлюбилъ меня. Твой Марковъ снова явился ко мнѣ и объявилъ, что ты намѣренъ быть въ Петербургѣ. Неужели это правда? Заѣзжай

[1]) Вѣроятно—„Славянски“.

прямо ко мнѣ и живи со мною въ моемъ кабинетѣ, по-братски, какъ въ квартирѣ. Въ хлѣбѣ и винѣ также не будетъ недостатка, и я воскресну душою съ тобою. Если жъ ты, холостякъ, полѣнишься ѣхать въ Петербургъ, то я лѣтомъ подхватя маленькую мою жонку, отправлюсь въ Москву, чтобъ пожить съ тобою хоть двѣ недѣли. Мнѣ стыдно, что я не видалъ Москвы; но еслибъ тебя тамъ не было, я бъ никогда не рѣшился, ибо я человѣкъ, *весь сердце и кровь*, и гдѣ нѣтъ пищи сердцу, туда нарочно не поѣду, а въ Москвѣ у меня нѣтъ никого. Литераторы ваши меня не жалуютъ, баръ я бѣгаю, а съ купцами пить не умѣю. Ergo: Москва для меня безъ тебя—пустыня.

Я познакомился съ Пушкинымъ. Другой человѣкъ какъ мнѣ его описывали, и каковымъ онъ былъ прежде въ самомъ дѣлѣ. Скроменъ въ сужденіяхъ, любезенъ въ обществѣ и дитя по душѣ. Гусары испортили его въ лицеѣ, Москва подбаловала, а несчастія и тихая здѣшняя жизнь его образумили. Онъ кажется полюбилъ меня, хотя по правиламъ Сектатора Вяземскаго, меня не должно ему любить. A propos des bottes раскажу тебѣ приключеніе со мною.

Аладьинъ, издатель Невскаго Альманаха, приставалъ ко мнѣ, чтобъ я далъ ему статью, и сообщилъ года три тому назадъ, переводную статью въ архивъ. Чтобъ отвязаться отъ него, я далъ ему стиховъ изъ журнальнаго запаса, а какъ вышелъ Альманахъ, сказалъ по совѣсти, что повѣсть его нелѣпица. Месть и злоба обуяли его сердце — онъ чтобы уколоть меня, потребовалъ 200 руб. въ уплату за переводъ статьи, надъ которою я потѣлъ двѣ недѣли, чтобъ выправить его безграмотность. Какъ хладнокровіе не есть моя добродѣтель, то я на письмо его довольно грубое, отвѣчалъ также не тонко, изорвавъ въ глазахъ его посланнаго его письмо. Что жь вышло? 4-го Января потребовали меня къ Военн. Генералъ-Губернатору гдѣ объявили, что Аладьинъ подалъ на меня жалобу *въ безчестьи*. Въ заключеніе спектакля, Аладьинъ объявилъ, что его научилъ къ сему Воейковъ—и за 200 рублей, взялъ прозьбу назадъ и просилъ у меня прощенья. Вотъ тебѣ и литература!—

Гречь писалъ къ тебѣ и другой разъ послалъ Грамматику. У насъ былъ злодѣй, а не цензоръ, Вѣтринскій; онъ всѣ твои статьи гадилъ, а мои до того, что я цѣлый годъ ничего не печаталъ въ архивѣ. Теперь данъ намъ благородный и благовоспитанный цензоръ Семеновъ. Дѣла пойдутъ лучше. Я преобразую архивъ съ 1828 года, буду издавать ежемѣсячно введу критику иностранныхъ и своихъ книгъ, картинки и займусь имъ крѣпко.

За вѣрность твою спасибо. Я увѣренъ, что тебя приглашали въ сотрудничество другіе журналисты. Смѣшно было бы еслибъ не приглашали, ибо ты въ сотеро умнѣе всѣхъ вашихъ москвичей и нашихъ. Знаешь хорошо Русскій языкъ—рѣдкость на Руси, и смотришь на вещи съ надлежащей точки зрѣнія. Твой Гастрономъ ужасно здѣсь понравился всѣмъ—а мнѣ первому.

Впрочемъ ты не деликаться, любезный другъ, а какъ деньги надобны—напиши безъ церемоніи. Получишь цидулу къ Ширяеву и возмешь деньги. Ты выдержалъ искусъ сотрудника и справедливость требуетъ, чтобъ твой трудъ и время были вознаграждены, если не по достоинству статей, то по крайней мѣрѣ, во возможности. Ожидаю отвѣта, по сему предмету.

Мы ожидаемъ новаго Цензурнаго Устава, какъ жиды Мессіи. Говорятъ, что уставъ европейскій, достойный XIX вѣка и славы Монарха.

Мы живемъ въ Питерѣ, какъ у Христа за пазухой. Тихо, смирно, взяточники и мошенники кроются во мракѣ; честнымъ и добрымъ защита. Только я рѣшительно отказался отъ свѣта и обществъ свѣтскихъ. Я счастливъ дома, въ полномъ смыслѣ слова. Нѣсколько пріятелей навѣщаютъ меня—и время проходитъ въ трудахъ и отдыхѣ. Само по себѣ разумѣется, что Сатирическій писатель, Критикъ и къ тому *Полякъ* имѣетъ враговъ — но нынѣ клевета и злоба не могутъ вредить тайно. Клянусь тебѣ честью и Богомъ что въ Петербургѣ смирному гражданину спокойное и привольное житье.

Ты видѣлъ изъ Пчелы, что я готовлю *три томика* моихъ сочиненій. Приложить портретъ я рѣшился потому, что послѣ изданія въ свѣтъ моего Жильблаза, намѣренъ оставить Литературу, которая мнѣ сдѣлалась несносною. Все горе я получаю отъ Литературы—все благо вкушаю отъ Литературы.—Климатъ также съѣдаетъ меня, грудь и глаза слабѣютъ: Dahin! Dahin! wo die Citronen blühn!

Послушай, другъ! У тебя больше времени. Пиши ко мнѣ почаще письма, какъ ты обѣщалъ. Еслибъ ты зналъ какое мнѣ удовольствіе получать ихъ.

Напрасно ты думаешь, что Гречь тебя не жалуетъ: онъ твой чтитель.

Какой чортъ дунулъ тебѣ въ уши, что я почитаю Полевого *умнѣйшимъ* и *честнѣйшимъ* человѣкомъ. Да прильпе языкъ къ гортани моей, иже произнесу сію ложь. Но я вообще не браню за глаза. О чести его не могу и не хочу судить, хотя онъ со мною поступалъ и не весьма честно; объ умѣ скажу, что онъ не такъ глупъ, какъ товарищи его винозаводчики, и даже dans les Royaumes

des aveugles, т. е. въ нашей нищей Литературѣ, не изъ дураковъ—но это еще не похвала! Я отъ роду съ нимъ не мирился: ни онъ не былъ у меня, ни я его не посѣщалъ. Видѣлись мы съ нимъ у Свиньина и Сомова, и говорили вѣжливо о постороннихъ предметахъ. Трогать его не надобно, не для него, но потому что публика скучаетъ. Впрочемъ, любезный, я слишкомъ былъ бы скроменъ, еслибъ думалъ, что я могу быть другомъ Полеваго. Ни мое образованіе, ни образъ мыслей, ни положеніе въ свѣтѣ не сближаютъ меня съ нимъ. Богъ съ нимъ—и только!—

Прости, милый, добрый другъ мой! Обнимаю тебя и цѣлую сто разъ—

другъ твой Ѳ. Булгаринъ.

Почти все то немногое, что извѣстно о другѣ и товарищѣ Булгарина В. А. Ушаковѣ, указано С. А. Венгеровымъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію сочиненій Бѣлинскаго (т. II, стр. 591—594). Ушаковъ родился въ 1788 или 1789 г., въ 1811 г. вышелъ изъ Пажескаго корпуса и до 1819 г. былъ въ военной службѣ; тогда-то онъ и познакомился съ Булгаринымъ, уже отставнымъ капитаномъ французской арміи. Литературную свою карьеру Ушаковъ началъ въ 1825 г. бытовыми картинками и сатирическими фельетонами въ журналахъ своего друга—„Сынѣ Отечества“ и „Сѣверномъ Архивѣ“; какъ видно, онъ долго выдерживалъ „искусъ“, пока добрый другъ назначилъ ему гонораръ. „Съ конца двадцатыхъ годовъ“ — разсказываетъ Венгеровъ—„онъ близко сошелся съ Полевымъ... Ушаковъ былъ человѣкъ образованный, много читалъ на иностранныхъ языкахъ и особенно интересовался теоріею сценическаго искусства, которое внимательно изучалъ за границею. Онъ былъ лично знакомъ со многими европейскими сценическими дѣятелями. Воспоминанія объ Ушаковѣ рисуютъ его какъ человѣка очень прямого и до грубости правдиваго“... Ушаковъ умеръ въ 1838 г. Одно время онъ печатался въ „Московс. Телеграфѣ“, но потомъ разошелся съ Полевымъ, вѣроятно, не безъ вліянія Булгарина. Ушаковъ писалъ много, но онъ былъ изъ тѣхъ, кого называютъ „писателями одной книги“, и все написанное имъ не выше посредственности за исключеніемъ появившагося въ 1830 г. романа „Киргизъ-Кайсакъ“, сразу давшаго автору литературное имя. Булгаринъ не особенно льстилъ ему, ставя такъ высоко его дарованье. Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій назвалъ „Киргизъ-Кайсака“—„явленіемъ удивительнымъ и неожиданнымъ: онъ отличается глубокимъ чувствомъ и другими достоинствами истинно-художественнаго произведенія“. Романъ

выдается полнымъ реализмомъ и благородствомъ духа; на-ряду съ повѣстями Н. Ф. Павлова онъ является однимъ изъ самыхъ раннихъ въ нашей литературѣ образцовъ протеста противъ сословныхъ предразсудковъ. Не таковы были другія произведенія Ушакова. Похваливъ „Киргизъ-Кайсака“, Бѣлинскій тутъ же, въ „Литерат. Мечтаніяхъ“, посмѣялся надъ статьями Ушакова съ ихъ „беззубымъ остроуміемъ и забавными претензіями на литературный талантъ и ученость“. Въ слѣдующемъ году (1835) Бѣлинскій писалъ о другой книгѣ Ушакова, отмѣчая странный поворотъ автора, прежде „отчаяннаго романтика“, къ реакціонному направленію: „ни одной свѣтлой мысли, ни одного занимательнаго положенія, ни одной хорошей картины нѣтъ въ скучномъ и вяломъ разсказѣ: все такъ обще, истерто, старо, что никакъ не можешь помириться съ мыслью, что читаешь произведеніе автора Киргизъ-Кайсака“. Это не прошло даромъ Бѣлинскому. Ушаковъ въ томъ же году помѣстилъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ разсказъ „Піюша“, пасквиль на Бѣлинскаго, котораго вывелъ подъ именемъ Кривошеина. Какъ и Бѣлинскаго, Кривошеина зовутъ Висяша, т. е. Виссаріонъ. Этотъ Висяша, какъ и Бѣлинскій, былъ выгнанъ изъ университета. Онъ „судилъ и рядилъ о Фихте и о Гегелѣ и былъ такъ убѣжденъ въ тождествѣ міровъ идеальнаго и реальнаго, что смѣло называлъ презрѣнными невѣждами тѣхъ, которые не понимали знаменитаго тождества. Въ особенности плѣнился Висяша Шеллинговымъ *Я*“. Къ тому же Висяша занимался литературною критикой; хорошія книги цѣнилъ „ниже поношенныхъ лаптей“ и бралъ деньги „за трансцендентальную и верхоглядную критику, т. е. за то, что людьми порядочными называется бранью въ печати“. Бѣлинскій безъ злобы и остроумно посмѣялся надъ пасквилемъ Ушакова. О немъ впослѣдствіи вспоминалъ Аполлонъ Григорьевъ („Мои литературныя и нравственныя скитальчества“—„Эпоха“ 1864 г., мартъ, 141), какъ о „человѣкѣ чрезвычайно многосторонне-образованномъ и остроумномъ“, который однако печально кончилъ, написавъ „вещь весьма гнусную, подъ названіемъ „Висяша“, нѣчто въ родѣ бездарнаго и совершенно безтолковаго доноса на безнравственность эстетическихъ ученій, которыхъ пламенную проповѣдь только-что начиналъ въ „Молвѣ“, подъ названіемъ „Литературныхъ Мечтаній“, великій борецъ Виссаріонъ Бѣлинскій“.

На письмахъ Булгарина къ Ушакову лежитъ обычный булгаринскій густой налетъ подлости. Очень характерно и для Булгарина, и для его эпохи его торжествующее довольство своею „извѣстностью“ и своимъ житейскимъ благополучіемъ, такъ щедро разлитое въ обоихъ письмахъ; оно смущалось только вылазками „злобной

сволочи"—карамзинистовъ, въ родѣ Вяземскаго, который вскорѣ тоже не устоялъ и покатился по наклонной плоскости. Война съ А. Ѳ. Воейковымъ, издававшимъ „Русскій Инвалидъ" и конкурировавшимъ съ Булгаринымъ, который упорно добивался журнальной монополіи, началась еще въ 1823 г., когда Воейковъ взялся за изданіе „Инвалида". Противники во многомъ стоили другъ друга. Извѣстны стихи Воейкова (въ „Домѣ сумасшедшихъ") о Булгаринѣ, котораго онъ назвалъ „Гречева собака"...

...Булгаринъ, забіяка,
Съ рыломъ мосичьимъ своимъ,
Съ саблей, въ петлѣ...—„А французской
Крестъ ужель надѣть забылъ?
Вѣдь его ты кровью русской
И предательствомъ купилъ!"...

Все своеобразно въ письмахъ Булгарина: и сердечныя изліянія, и умиленіе предъ начальственною благостью, и восхищеніе цензурнымъ уставомъ 1828 г., подчинившимъ литературу III отдѣленію, и жалобы на „завистниковъ" его славы, и слащаво-фальшивыя мечты о цинцинатовскомъ счастьѣ на лонѣ природы.

Полевого и Погодина Булгаринъ преслѣдовалъ какъ своихъ конкуррентовъ. Въ 1828 г. на Погодина, издававшаго „Московскій Вѣстникъ", былъ поданъ (можетъ быть Булгаринымъ) доносъ, что онъ только номинальный издатель, именемъ котораго прикрываются „карбонаріи" (М. К. Лемке, „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.г.", 40—41). На упоминаемаго во второмъ письмѣ цензора Вѣтринскаго Булгаринъ въ ноябрѣ 1827 г. доносилъ шефу жандармовъ А. Х. Бенкендорфу, что цензоръ „объявилъ, что не признаетъ власти Бенкендорфа"... (ibid., 261). М. К. Лемке весьма основательно приписываетъ (ibid., 255) Булгарину три доноса, поданные въ 1827 г. на Н. А. Полевого, собиравшагося издавать „Московскій Телеграфъ"; въ нихъ задѣтъ кн. П. А. Вяземскій, упоминается и Пушкинъ, котораго доносчикъ совѣтуетъ правительству „беречь какъ дитя: онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ, и его легко увлечь".

„Дитятею" называетъ Булгаринъ Пушкина и въ письмѣ къ Ушакову. Раньше они не были знакомы лично, хотя переписывались. Пушкинъ зналъ о немъ, конечно, не только какъ о литераторѣ, но и какъ о другѣ Рылѣева, Ал. Бестужева и Грибоѣдова. Когда А. А. Бестужевъ напечаталъ въ „Полярной Звѣздѣ" на 1824 г. два стихотворенія Пушкина съ ошибками, поэтъ разсердился и просилъ Булгарина перепечатать ихъ въ „Литературныхъ

Листкахъ". Пушкинъ писалъ ему (1 февраля 1824 г.): „вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы". Въ 1825 г. Булгаринъ прислалъ Пушкину свой альманахъ—„Русскую Талію" и вскорѣ (25 апрѣля) писалъ ему: „не вѣрьте, что вамъ будутъ писать враги мои, хотя близкіе къ вашему сердцу; вѣрьте образцамъ чести—Бестужеву и Рылѣеву: они знаютъ, какъ я васъ цѣню. А Жуковскаго всегда буду почитать какъ человѣка, а поэтомъ плохимъ; Вяземскаго—добрымъ, умнымъ, благороднымъ, не поэтомъ, а васъ—*Поэтомъ*". (Пушкинъ отвѣчалъ ему 25 мая; отвѣтъ не дошелъ до насъ). Уваженіе къ Жуковскому и Вяземскому, впрочемъ, не помѣшало Булгарину писать ложные доносы и на одного, и на другого. Встрѣча между Пушкинымъ и Булгаринымъ произошла только въ 1827 г., когда Пушкинъ получилъ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Въ октябрѣ или ноябрѣ 1827 г. Пушкинъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ обѣдалъ у Булгарина. „Напрасно думали вы, любезнѣйшій Ѳадцей Венедиктовичъ",—писалъ Пушкинъ—„чтобъ я могъ забыть свое обѣщаніе. Дельвигъ и я непремѣнно явимся къ вамъ съ повиннымъ желудкомъ... Голова и сердце мое давно ваши". А Вяземскій (письмо 22 ноября) бранилъ Пушкина: „не стыдно ли тебѣ, пакостнику, обѣдать у Булгарина?" Замѣчательно, что „сектаторомъ" называлъ Вяземскаго не только Булгаринъ, но и Пушкинъ, писавшій ему (въ началѣ іюня 1824 г.) по поводу нетерпимости, обнаруженной Вяземскимъ при выборѣ сотрудниковъ для задуманнаго друзьями—и не осуществившагося—журнала: „ты—Sectaire, а тутъ бы нужно много и очень много терпимости"... Въ концѣ 1827 г. Пушкинъ присутствовалъ на обѣдѣ, даннымъ Булгаринымъ М. П. Погодину (Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина", II, 166). Вскорѣ Пушкинъ помѣстилъ въ булгаринской „Сѣверной Пчелѣ" свое шуточное „Посланіе" къ И. Е. Великопольскому.

Отношенія Пушкина и Булгарина, никогда не бывшія дружескими, сначала лишь свѣтски приличныя, быстро испортились, и Булгаринъ вскорѣ почувствовалъ силу навѣки заклеймившихъ его львиныхъ когтей пушкинской сатиры. Личное знакомство съ поэтомъ было для Булгарина событіемъ, о которомъ онъ не скоро спустя не позабылъ сообщить своему другу, съ забавной увѣренностью думая, что Пушкинъ долженъ былъ его полюбить.

Но вышло иначе. Увѣренный въ своей „неотразимости", въ неразгаданности старательно носимой личины, Булгаринъ и не подозрѣвалъ, что Пушкинъ, поддерживая сносныя отношенія съ нимъ, зналъ ему цѣну уже давно. Въ началѣ 1825 г. поэтъ иронически писалъ брату: „ты спрашиваешь, зачѣмъ пишу я Булгарину? Потому

что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. Они на дняхъ меня зарѣжутъ"... Весь пушкинскій кружокъ былъ не особенно лестнаго мнѣнія о Булгаринѣ: „Вяземскій боленъ"— писалъ Пушкину П. А. Плетневъ 3 марта 1825 г.—„и не на шутку... А Булгаринъ такъ, слава Богу, жирнѣе день ото дня"... Впослѣдствіи, въ 1830 г., когда Пушкинъ и Булгаринъ были уже открытыми врагами, московское общество любителей россійской словесности выбрало Пушкина въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, какъ другимъ „корифеемъ словесности нашей". Пушкинъ былъ до того возмущенъ этой глупой и смѣшной безтактностью, что, по совѣту Вяземскаго [1]), едва не отказался отъ „постыднаго членства". Онъ не сдѣлалъ этого только потому, что не хотѣлъ нанести обиду обществу, которое, конечно, и не думало, что оскорбляетъ поэта. Но простить онъ не могъ и никакихъ дѣлъ съ обществомъ больше не хотѣлъ имѣть. Спустя четыре года онъ желчно жаловался Погодину: „общество любителей поступило со мною такъ, что никакимъ образомъ я не могу быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время, какъ онъ единогласно забаллотированъ въ Англійскомъ клубѣ какъ шпіонъ, переметчикъ и клеветникъ, въ то самое время, какъ я въ отвѣтъ на всѣ его ругательства принужденъ былъ напечатать статью о Видокѣ. Мнѣ нужно было доказать публикѣ, которая въ правѣ удивляться моему долготерпѣнію, что я имѣю полное право презирать мнѣніе Булгарина и не требовать удовлетворенія отъ ошельмованнаго негодяя, толкующаго о чести и нравственности... Воля ваша: это пощечина. Вѣрю, что Общество въ этомъ случаѣ поступило, какъ Фамусовъ, не имѣя намѣренія оскорбить меня:

Я всякому, ты знаешь, радъ!

Но долгъ мой былъ немедленно возвратить присланный дипломъ; я того не сдѣлалъ, потому что тогда мнѣ было не до дипломовъ,— но ужъ имѣть сношенія съ Обществомъ Любителей я не въ состояніи".

Переписка славнаго Ѳаддея сохранила вздохъ облегченія, вырвавшійся изъ его груди, когда его геніальнаго врага не стало, „У насъ"—писалъ отъ 4 февраля 1837 г. своему другу Андр. Як. Стороженко изъ своего имѣнія подъ Дерптомъ — „разнесся слухъ,

---

[1]) Ему принадлежатъ двѣ приписываемыя Пушкину эпиграммы на Булгарина—„Фиглярinъ, вотъ полякъ примѣрный"... и „Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь"... (см. наши „Замѣтки о Пушкинѣ" въ „Русс. Старинѣ" 1908 г., январь, 113—117).

что поэтъ Пушкинъ убитъ на дуэли барономъ Дантессомъ, кавалергардскимъ офицеромъ, за жену. Я еще не получилъ писемъ изъ Петербурга, но Воейковъ уже писалъ съ проѣзжающимъ къ своей тещѣ Протасовой. Жаль поэта—и великая,—а человѣкъ былъ дрянной. Корчилъ Байрона, а пропалъ, какъ заяцъ. Жена его право не виновата. Ты зналъ фигуру Пушкина: можно ли было любить, особенно пьянаго!“ [1])

Письма Булгарина къ Ушакову, впервые печатаемыя здѣсь [2]), пожалуй, не такъ даже интересны своимъ содержаніемъ, цѣннымъ для характеристики литературныхъ отношеній двадцатыхъ годовъ, какъ тономъ. Въ немъ слышится упоенная пѣснь торжествующей свиньи, которая съѣла правду безъ остатка. Когда Россія начинала погружаться на многіе годы въ безпросвѣтный мракъ, когда, говоря горькими словами Бѣлинскаго, „все человѣческое, сколько-нибудь умное, талантливое, было осуждено на униженіе и страданіе“, легко и вольно чувствовали себя Булгарины.

Н. Лернеръ.

---

[1]) „Стороженки. Фамильный архивъ“, т. III, Кіевъ, 1907, стр. 29.

[2]) Подлинники принадлежатъ мнѣ. *Н. Л.*

Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года[1]).

Малоярославецъ и Вязьма.

Ланники, 9/21 ноября 1812 г.

Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ о своемъ возвращеніи въ Тарутино съ войсками, такъ доблестно сражавшимися съ корпусомъ короля Неаполитанскаго; такимъ образомъ въ результатѣ этого великолѣпнаго сраженія мы не выиграли ни пяди земли, т. е. не захотѣли воспользоваться выгодами, которыя могло доставить намъ это сраженіе. Наполеонъ не повѣрилъ полученному имъ донесенію о томъ, что всѣ наши войска возвратились въ Тарутино и, желая удостовѣриться въ этомъ, онъ послалъ къ князю Кутузову парламентера съ письмомъ отъ маршала Бертье. Я имѣю право назвать день 6/18 октября великимъ днемъ, такъ какъ онъ поселилъ среди непріятеля такую тревогу, что Наполеонъ, рѣшившій уже эвакуировать Москву, получивъ въ 11 часовъ вечера отъ короля Неаполитанскаго донесеніе о постигшемъ его въ тотъ день бѣдствіи, внезапно покинулъ этотъ городъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, его войска начали съ величайшей поспѣшностью и въ величайшемъ безпорядкѣ выступать изъ русской столицы, чтобы присоединиться къ останкамъ корпуса короля Неаполитанскаго. Съ этими соединенными силами онъ двинулся къ Малоярославцу. Это смѣлое движеніе было произведено Наполеономъ единственно съ цѣлью обмануть насъ, выиграть время и провести главныя силы арміи вслѣдъ за собою на Смоленскую дорогу. По

[1]) См. „Р. Ст.“ сентябрь 1909 г.

полученіи извѣстія о появленіи непріятеля съ этой стороны, хотя мы не знали еще, гдѣ находился самъ Наполеонъ, генералъ-отъ-инфантеріи Дохтуровъ былъ посланъ къ Малоярославцу съ армейскимъ корпусомъ, который очутился бы въ безвыходномъ положеніи, если бы непріятель могъ себѣ представить, что передъ нимъ находились столь незначительныя силы. Генералъ Дохтуровъ не замедлилъ донести объ этомъ, и князь Кутузовъ былъ вынужденъ двинуться къ нему съ остальной арміей.

12/24 числа Наполеонъ подошелъ къ Малоярославцу, лежащему на р. Лушѣ, впадающей въ Протву. По единогласнымъ показаніямъ плѣнныхъ, у него было отъ 50—60.000 войска, въ томъ числѣ не болѣе 5.000 кавалеріи и около 40 орудій; все остальное войско было послано впередъ на Смоленскую дорогу или брошено въ Москвѣ за неимѣніемъ лошадей.

Вскорѣ и мы подошли къ Мало-Ярославцу и стали на противуположномъ берегу Луши, со всѣми нашими силами, занявъ напротивъ непріятеля весьма выгодную позицію. У насъ было 30.000 кавалеріи и 600 орудій, а всего было подъ ружьемъ 130.000 чел. Въ это самое время генералъ Дохтуровъ сражался съ превосходными силами непріятеля, противъ которыхъ онъ не могъ бы устоять, если бы мы не подоспѣли вовремя.

Я поспѣшилъ впередъ, чтобы убѣдиться въ истинномъ положеніи дѣлъ, и нашелъ, что наши войска, занявшія Малоярославецъ, который непріятель энергично атаковалъ, нуждались въ подкрѣпленіи; я немедленно послалъ своего адъютанта къ князю Кутузову, чтобы донести ему о положеніи дѣлъ и потребовать присылки двухъ дивизій; онъ отдалъ соотвѣтствующее приказаніе. Непріятель все еще продолжалъ свои атаки на городъ; на эту рѣзню была имъ обречена главнымъ образомъ итальянская гвардія, такъ какъ она потеряла большую часть своихъ солдатъ.

Городъ, въ теченіе дня, одиннадцать разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. На нашей сторонѣ было то огромное преимущество, что на занятой нами мѣстности могла дѣйствовать большая часть нашей артиллеріи; непріятель не пользовался подобнымъ удобствомъ и могъ стрѣлять только изъ 12 орудій, посылая намъ время отъ времени нѣсколько гранатъ. Съ наступленіемъ темноты пальба прекратилась; мною было отдано приказаніе, чтобы за ночь, на холмахъ, находившихся передъ городомъ, были сооружены двѣ батареи, одна въ 60, другая въ 40 орудій; эти батареи господствовали надъ городомъ, и ихъ перекрестный огонь могъ бы защитить доступъ въ него, если бы Наполеонъ вздумалъ продолжать на слѣдующій день свои атаки на этотъ пунктъ. Присовокупите къ этому,

*

что генералу Платову было поручено переправиться со всѣми казаками черезъ рѣчку Лушу и дѣйствовать противъ праваго фланга непріятеля; оказывается, что онъ уже находился тамъ.

Представьте себѣ, въ какомъ критическомъ положеніи очутился въ эту минуту Наполеонъ, во главѣ ослабленной и упавшей духомъ арміи, терпѣвшей недостатокъ во всемъ, не имѣвшей ни кавалеріи, ни артиллерійскихъ, ни обозныхъ лошадей, а главное, не имѣвшей средствъ къ существованію [1]). Могъ ли спастись хотя одинъ человѣкъ этой арміи, если бы мы продолжали стоять противъ нея и не выпускали бы ее изъ вида? Французская армія была въ нашихъ рукахъ. Рѣшился ли бы Наполеонъ на столь продолжительное отступленіе, и могъ ли бы онъ выполнить его на нашихъ глазахъ, имѣя въ тылу 30.000 кавалеріи, которая постоянно тревожила бы его, если бы мы имѣли возможность поддержать наши легкія войска всѣми нашими силами?

Движеніе, которое ему приходилось совершать въ столь позднее время года, было бы замедлено плохимъ состояніемъ его лошадей и всей его арміи вообще, и онъ понесъ бы огромныя потери, не дойдя до Березины, гдѣ его ожидали армія адмирала Чичагова и корпусъ графа Витгенштейна, т. е. около 40.000 чел. войска, 40 орудій и 20 казачьихъ полковъ [2]); было бы достаточно однихъ казаковъ, чтобы разсѣять послѣдніе остатки этой арміи, которая въ началѣ кампаніи была такъ многочисленна и прекрасна, а въ настоящую минуту была ослаблена и разстроена. Если бы князь Кутузовъ дѣйствовалъ энергичнѣе, то намъ безъ сомнѣнія не пришлось бы болѣе проливать крови, и эта кампанія обезпечила бы спокойствіе и счастье Европы. Но судьба и на этотъ разъ благопріятствовала Наполеону, такъ какъ мы совершили это ничѣмъ не объяснимое отступленіе [3]), которое было противно желаніямъ и духу арміи, не соотвѣтствовало даннымъ обстоятельствамъ и интересамъ народа; оно было совершено по приказанію князя Кутузова, оставившаго одну изъ выгоднѣйшихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, позицій, руководствуясь соображеніями, которыя въ то время никто не могъ понять,

---

[1]) Всего этого Кутузовъ тогда еще не зналъ. *Ред.*

[2]) 21 ноября, когда было написано это письмо, еще не было битвы при Березинѣ. Слѣдовательно, всѣ вышеприведенныя и послѣдующія размышленія, внушенныя Беннигсену исходомъ кампаніи, могли быть написаны лишь позднѣе (прим. изд.).

[3]) Вечеромъ въ день битвы подъ Малоярославцемъ, Толь предлагалъ Кутузову атаковать Наполеона на слѣдующее утро со всѣми его силами, но онъ не могъ склонить къ этому фельдмаршала, который, несмотря на численное превосходство своей арміи, боялся потерпѣть пораженіе въ рѣшительной борьбѣ и рѣшился отступить. (Прим. изд.).

но которыя будутъ объяснены мною далѣе; это отступленіе будетъ причиною всѣхъ бѣдствій, какія могутъ еще постигнуть Европу отъ руки Наполеона; оно же, какъ увидимъ далѣе, было причиною огромныхъ потерь, понесенныхъ русской арміей до того момента, когда я пишу эти строки.

Отступленіе изъ-подъ Малоярославца было однимъ изъ роковыхъ событій кампаніи; оно имѣло столь пагубныя послѣдствія, что я хотѣлъ бы не говорить о немъ, дабы оно осталось невѣдомымъ потомству, но, описывая военныя дѣйствія этой кампаніи, я обязанъ описать все подробно, чтобы не прерывать нити разсказа. Письмо, которое я счелъ долгомъ написать императору, чтобы предупредить его, показываетъ, что я предвидѣлъ всѣ послѣдствія, какія могли произойти, и предчувствовалъ, что Наполеону и главнымъ начальствующимъ лицамъ его арміи удастся ускользнуть изъ нашихъ рукъ. Не я одинъ предупреждалъ объ этомъ Его Величество; находившійся въ нашей арміи англійскій генералъ Робертъ Вильсонъ, которому было разрѣшено сообщать императору свои замѣчанія, писалъ ему тогда же и позднѣе въ томъ же смыслѣ, объясняя сдѣланныя нами многочисленныя ошибки, благодаря которымъ Наполеонъ не былъ взятъ въ плѣнъ и не остался въ Россіи, быть можетъ, до своей кончины. Я увѣренъ, что мы прочтемъ со временемъ исторію этой кампаніи въ описаніи этого генерала, который уже извѣстенъ своими сочиненіями; какъ очевидецъ этой кампаніи, онъ слѣдилъ за ней съ интересомъ истинно военнаго человѣка [1]).

13/25 октября, до разсвѣта, наша армія отступила отъ Малоярославца къ деревнѣ Аѳанасовой (10 верстъ). Можно себѣ представить, каково было изумленіе Наполеона, когда онъ узналъ о нашемъ отступленіи, событіи для него столь счастливомъ, на которое онъ не могъ разсчитывать, и какъ онъ былъ удивленъ, узнавъ, что мы продолжали наше отступленіе, несмотря на то, что онъ насъ не преслѣдовалъ!

14 (26) числа мы отступили снова до Гончарова или Гончаровки (21 верста), гдѣ наша армія имѣла 15 (27) числа дневку, а 16 (28) отошли къ Полотняному заводу (25 верстъ), въ 24 верстахъ отъ Калуги или отъ Оки. Такимъ образомъ мы отступили 50 верстъ, потерявъ четыре дня; не говоря о томъ, что непріятель отступилъ, со своей стороны, такъ что можно было подумать, что обѣ арміи боялись одна другую, хотя про нашу армію этого отнюдь нельзя было сказать. Такъ какъ казакамъ было приказано отступить одно-

[1]) Записки Вильсона о кампаніи 1812 г. изданы въ Лондонѣ въ 1860 и 1861 г.г.

временно съ прочимъ войскомъ, то мы не имѣли свѣдѣній о движеніи французской арміи; только 16 (28) числа нами было получено донесеніе, что Наполеонъ послѣдовалъ нашему примѣру и также отступилъ отъ Малоярославца.

Тутъ я долженъ остановиться и упомянуть о намѣреніяхъ, которыя приписывались Наполеону при его движеніи на Малоярославецъ, хотя эти догадки дѣлались единственно съ цѣлью извинить или объяснить наше злополучное отступленіе.—Увѣряли, будто Наполеонъ хотѣлъ пробиться сквозь нашу армію, чтобы овладѣть Калужской дорогой, перейти Оку и двинуться черезъ Малороссію, Подольскую или Волынскую губерніи—словомъ, это была страшнѣйшая чепуха. Если бросить взглядъ на карту и отмѣтить на ней положеніе, которое занимали различные французскіе корпуса, то нельзя будетъ удержаться отъ смѣха по поводу вышесказаннаго предположенія. Наполеонъ прибылъ 12 (24) въ Малоярославецъ, какъ я уже сказалъ, имѣя не болѣе 50—60.000 чел. войска и совершенно не имѣя ни кавалеріи, ни артиллеріи; можно ли думать, что онъ хотѣлъ съ этими незначительными силами пробиться сквозь грозную русскую армію, которая имѣла 30.000 чел. кавалеріи и 600 орудій.

Вся остальная армія Наполеона—т. е. незначительное количество артиллеріи, которую онъ счелъ возможнымъ увезти, госпиталя, бывшіе у него въ Москвѣ, экипажи и складъ разныхъ предметовъ,—были отправлены, подъ охраною гвардіи, на большую Смоленскую дорогу и, какъ извѣстно, все это досталось въ руки нашихъ казаковъ. Слѣдовательно, движеніе Наполеона на Малоярославецъ было вполнѣ естественнымъ и только могло имѣть цѣлью удалить насъ отъ его коммуникаціонной линіи; съ этой цѣлью имъ и дѣлались демонстраціи, чтобы лучше замаскировать свое отступленіе и прикрыть транспорты,—что̀ ему и удалось какъ нельзя лучше. Говорятъ, будто одинъ французскій генералъ, находившійся въ Медынѣ, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, увѣрялъ, что ему было приказано обезпечить передвиженіе войскъ изъ Смоленска къ Калугѣ черезъ Юхновъ; это доказываетъ справедливость моихъ словъ, такъ какъ если бы Наполеонъ имѣлъ намѣреніе пройти изъ Калуги черезъ Малороссію, то какую пользу сослужила бы ему эта вредная дорога, коль скоро онъ на первыхъ же порахъ могъ бы быть отрѣзанъ русской арміей, если бы она преслѣдовала его? Ясно, что если Наполеонъ дѣйствительно отдалъ подобное приказаніе, то онъ предполагалъ воспользоваться этой военной дорогой для отступленія къ Смоленску. Достаточно сказать, что въ одномъ изъ бюллетеней мы вскорѣ прочли, будто непріятель хвасталъ тѣмъ, что ему удалось

обмануть русскаго генерала, повѣрившаго, что, совершая это движеніе, онъ намѣревался идти на Калугу.

Убѣдясь въ томъ, что мы отступили, Наполеонъ, со своей стороны, также поспѣшилъ отступить. 14 (26) октября онъ совершилъ переходъ въ $22^1/_2$ версты и дошелъ до Боровска. 15 (27) онъ былъ въ Вереѣ и 16 (28), миновавъ Борисовъ, прибылъ въ Можайскъ, гдѣ вышелъ на большую дорогу, продолжая идти къ Смоленску.

Совершивъ свое смѣлое движеніе къ Малоярославцу (гдѣ ему угрожала окончательная гибель, если бы онъ остановился или отступилъ далѣе), Наполеонъ выигралъ бы несравненно больше, если бы онъ пошелъ оттуда на Медынь; идя деревнями, гдѣ было еще достаточно фуража и съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ французы не рѣшались появляться въ нихъ, опасаясь нашихъ крестьянъ, которые были поголовно вооружены, и далѣе кратчайшимъ путемъ на Дорогобужъ, Наполеонъ могъ быть въ Смоленскѣ дня четыре ранѣе насъ, съ той частью своей арміи, которая еще была способна къ передвиженію. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ могъ бы скорѣе стянуть свои войска, находившіяся въ окрестностяхъ Березины, и несомнѣнно, могъ бы ускользнуть отъ насъ съ довольно значительными силами. Наполеону было бы безполезно медлить, съ той цѣлью, чтобы къ нему подошли остатки его арміи, еле влачившіеся за нимъ по большой дорогѣ, такъ какъ трудно предположить, чтобы ему удалось бы спасти хотя шестую часть этихъ отсталыхъ. Матеріальная часть этихъ остатковъ великой арміи ограничивалась нѣсколькими орудіями, въ которыя были впряжены слишкомъ плохія лошади, чтобы они могли слѣдовать за арміей, и нѣсколькими повозками; а главную часть ихъ составляли больные и раненые, которыхъ не захотѣли оставить въ жертву мстительной черни въ Москвѣ и въ другихъ окрестныхъ городахъ; ихъ нагрузили на телѣги, какія удалось достать. Никогда еще не приходилось мнѣ видѣть такихъ жалкихъ людей; безъ одежды, безъ ухода, безъ пищи они тащились, утопая по колѣно въ снѣгу, при 15^0 морозѣ. Можно себѣ представить, сколько ихъ умирало ежедневно, большая дорога была усѣяна трупами, которые выбрасывали изъ телѣгъ по мѣрѣ того, какъ кто-либо испускалъ духъ.

Весь путь, по которому шла французская армія, былъ также усѣянъ павшими лошадьми, такъ что можно было подумать, что на большой Смоленской дорогѣ происходили ежедневно кровопролитныя битвы; хотя въ сраженіяхъ, какъ извѣстно, погибли весьма немногіе французы.

Утверждаютъ, будто Наполеонъ дѣйствительно приказалъ произвести рекогносцировку упомянутой дороги, но офицеры, которымъ

была поручена эта рекогносцировка, донесли ему, что плохое состояніе дороги и болота дѣлали ее непроходимой.

И такъ насталъ моментъ, когда мы были поставлены въ необходимость бѣжать за непріятелемъ, чтобы наверстать усиленными переходами все, что мы потеряли, совершая безполезное отступленіе. Къ несчастью, мы снова приняли невѣрное направленіе; это было причиною гибели нѣкоторой части нашей арміи, такъ какъ ей пришлось идти въ самое плохое время года по отвратительнымъ проселочнымъ дорогамъ, по которымъ проѣзжали раньше однѣ крестьянскія телѣги. Я поспѣшилъ предложить князю Кутузову идти немедля, изъ Полотнянаго завода въ Юхново (45 верстъ), гдѣ мы могли выйти на большую дорогу, и идти далѣе на Климово (21 вер.), Знаменское (25 верстъ), Боровское (32 версты) и Славково (30 верстъ), гдѣ мы подошли бы къ большой Смоленской дорогѣ въ 28 верстахъ отъ Дорогобужа; мы могли бы придти туда со всей арміей черезъ шесть переходовъ, слѣдовательно, ранѣе Наполеона, и если бы впереди нашей арміи шла большая часть нашихъ казаковъ, то Наполеонъ не посмѣлъ бы уѣхать впередъ одинъ, съ небольшимъ конвоемъ, какъ онъ это сдѣлалъ.

Вотъ путь, избранный Кутузовымъ; прослѣдите его по картѣ, онъ заслуживаетъ вниманія. 17 (29) октября онъ былъ въ Адамовскомъ, 18 (30) въ Кременскомъ,—19 (31) въ Спасскомъ. Васъ, конечно, удивитъ избранное имъ направленіе, и вы согласитесь съ тѣмъ, что оно было совершенно не цѣлесообразно, и что онъ не могъ бы нагнать непріятеля по той дорогѣ, по которой тотъ отступалъ; вслѣдствіе нашего отступленія, онъ успѣлъ далеко опередить насъ. Какую же цѣль имѣли эти форсированные марши, которые обошлись намъ дороже самыхъ кровопролитныхъ сраженій, такъ какъ они страшно изнуряли войска. Я думаю, ни одинъ военный не пойметъ этого. Я объясню вамъ эту загадку.

Князь Кутузовъ старъ, разбитъ, болѣзненъ, ѣздитъ верхомъ съ большимъ трудомъ. Одаренный отъ природы живымъ умомъ, онъ любезенъ въ обществѣ, въ особенности съ прекраснымъ поломъ, у котораго онъ всегда имѣлъ успѣхъ; какое бы мѣсто онъ ни занималъ, женщины всегда руководили имъ, нерѣдко къ его невыгодѣ, и это не разъ было причиною того, что онъ терялъ мѣста. Отвращеніе, которое онъ всегда питалъ къ труду и къ полезнымъ занятіямъ, заставляло его съ юныхъ лѣтъ пренебрегать ученьемъ, такъ что онъ не обладаетъ никакими серьезными знаніями. Тактика извѣстна ему только по названію. Потому, гдѣ бы онъ ни командовалъ, у него всегда былъ человѣкъ, который имъ руководилъ. Если у него былъ хорошій помощникъ, дѣла шли хорошо; если же

онъ попадалъ въ руки невѣжды, они шли дурно. При своихъ взглядахъ и при своемъ образѣ дѣйствій, у него не было иного желанія и иного честолюбія, какъ выпроводить за предѣлы Россіи непріятеля, который не могъ оставаться тутъ долѣе и былъ непрочь уйти какъ можно скорѣе. Послѣдствія, проистекавшія изъ того, что онъ нерѣдко упускалъ удобный моментъ и терпѣлъ неудачи, не тревожили Кутузова, и онъ, не обращая вниманія на негодованіе свыше 100.000 человѣкъ, бывшихъ очевидцами его робости, измышлялъ реляціи никогда не бывшихъ кровопролитныхъ сраженій. Вы спросите, какимъ образомъ онъ достигъ столь виднаго, выдающагося назначенія? Я отвѣчу на это, что народъ желалъ, вполнѣ справедливо, чтобы честь изгнанія Наполеона и его арміи изъ Россіи выпала на долю русскаго; но кн. Кутузовъ не пользуется довѣріемъ двора, арміи и той части народа, которая его знаетъ [1]).

Вернемся къ движенію нашей арміи. 20 октября (1 ноября) армія двинулась въ Силенки (28 верстъ). Я уже говорилъ, что въ этомъ направленіи шли, по большей части, однѣ проселочныя дороги, пролегавшія по болотамъ и мшистымъ лѣсамъ. Начались заморозки, порошилъ снѣгъ, быстро таявшій, такъ что даже по полямъ пять—шесть телѣгъ едва могли ѣхать гуськомъ; слѣдующимъ приходилось прокладывать себѣ новую колею, которая становилась быстро непроѣзжей. Представьте себѣ артиллерію, въ особенности тяжелую, и кавалерію, которымъ приходилось совершать ежедневно по 3, 4 и 4½ нѣмецкихъ миль; послѣ десяти такихъ переходовъ онѣ становились неузнаваемы, и можно было предсказать, что часть нашей арміи погибнетъ отъ утомленія, которому ее подвергали совершенно напрасно.

Нашъ авангардъ, подъ командою храбраго генерала Милорадовича, дойдя снова до Малоярославца, пошелъ также по проселочной дорогѣ, пролегавшей между большой Московской дорогой и той, по которой шла наша армія, а именно: черезъ деревни Георгіевскую, Губино, Покровскую. Онъ подошелъ къ большой Московской дорогѣ у Царева-Займища, но встрѣтилъ тутъ маршала Даву съ аррьергардомъ, состоявшимъ изъ его корпуса и корпуса вице-короля италіанскаго, подкрѣпленнаго войсками маршала Нея; противъ такихъ значительныхъ силъ онъ не могъ ничего предпринять, не поставивъ своего войска въ безвыходное положеніе, поэтому онъ рѣшилъ оставить большую дорогу и идти въ первоначальномъ на-

[1]) Эта пристрастная характеристика Кутузова легко объясняется личнымъ нерасположеніемъ Беннигсена къ Кутузову. Вообще къ показаніямъ Беннигсена противъ Кутузова надо относиться съ особой осторожностью.

Ред.

правленіи сперва въ Вырубово, оттуда въ Спасское, далѣе на Охотино, откуда онъ вышелъ снова на большую Московскую дорогу, близъ Вязьмы.

Наша армія прибыла 21 октября (2 ноября) въ Дубровно, а 22 октября (3 ноября) была въ Быковѣ. Тутъ я долженъ остановиться, ибо мы здѣсь въ третій разъ выпустили непріятеля! Замѣтьте, что Быково находится не болѣе какъ въ 7 верстахъ отъ Вязьмы. 21 октября (2 ноября), маршалъ Даву не дошелъ еще со своимъ аррьергардомъ до этого пункта (т. е. до Вязьмы); онъ могъ прибыть туда на другой день, къ вечеру, преслѣдуемый и тревожимый генераломъ Милорадовичемъ, который шелъ съ нашимъ авангардомъ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Быково, я отправился къ фельдмаршалу Кутузову и убѣждалъ его не упускать прекраснаго случая уничтожить большую часть французской арміи. Я сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

„Вы конечно выступите съ арміей если не въ ночь, то по крайней мѣрѣ на разсвѣтѣ, чтобы, до прихода Даву съ непріятельскимъ аррьергардомъ, занять Вязьму и большую дорогу, на которую онъ можетъ выйти только подъ вечеръ, преслѣдуемый нашимъ авангардомъ“.

Отвѣтъ: „Вы слышите орудійные выстрѣлы“.

— Да, это генералъ Милорадовичъ тревожитъ непріятельскій аррьергардъ“.

Отвѣтъ: „Но, быть можетъ, онъ разбитъ; я еще не получалъ донесенія“.

Я замѣтилъ, что по-моему это весьма мало вѣроятно, такъ какъ маршалъ Даву не могъ остановиться, не обрекая себя на гибель; присовокупивъ, что это соображеніе должно было побудить насъ тѣмъ болѣе не теряя ни минуты, отрѣзать непріятельскій аррьергардъ;—это движеніе освободило бы вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ авангардъ, на тотъ случай, если бы это оказалось нужнымъ чего впрочемъ трудно было ожидать). Всѣ мои доводы и убѣжденія не повели ни къ чему; его слишкомъ удручала мысль объ опасности, которой онъ могъ подвергнуться, отрѣзавъ корпусъ маршала Даву. Поэтому я удалился, надѣясь, что, при зрѣломъ размышленіи, его страхъ разсѣется, и онъ двинетъ армію во-время, чтобы принять непріятельскій корпусъ, который протягивалъ ему, такъ сказать, руки. Трудно будетъ повѣрить, даже послѣ того, какъ я опишу все происшедшее, какой ущербъ нанесла дѣлу, при данныхъ обстоятельствахъ, нерѣшительность князя Кутузова.

По утру, на слѣдующій день, въ тотъ моментъ, какъ я собирался сѣсть на лошадь, чтобы отправиться къ генералу Милорадовичу, отъ фельдмаршала было получено увѣдомленіе, что армія не

пойдетъ впередъ до полученія о томъ приказанія, которое однако не было получено ни въ тотъ, ни на слѣдующій день. Генералъ-лейтенантъ Уваровъ добился, около полудня, съ большимъ трудомъ, разрѣшенія подойти къ большой дорогѣ съ частью нашей кавалеріи; онъ вышелъ на большую дорогу по ту сторону Вязьмы, за нѣсколько часовъ до появленія на ней маршала Даву съ его корпусомъ; но такъ какъ у генерала Уварова не было пѣхоты, то онъ былъ вынужденъ уступить ему мѣсто и видѣлъ только, какъ непріятельскій корпусъ прошелъ въ незначительномъ разстояніи отъ него.

Я пріѣхалъ между тѣмъ къ генералу Милорадовичу, который потревожилъ аррьергардъ маршала Даву, близъ Вязьмы, куда наши войска пришли въ тотъ моментъ, тогда начало темнѣть. Маршалъ Ней, съ 3-мъ корпусомъ, остановился передъ Вязьмою, чтобы выждать тутъ 1-й и 4-й корпуса и поддержать ихъ; это лишило генерала Милорадовича возможности дѣйствовать успѣшно противъ непріятеля, если бы его не поддержали наши главныя силы. Между тѣмъ имъ было бы какъ нельзя легче не только принять атаку, на которую непріятель рѣшился бы непремѣнно, если бы фельдмаршалъ Кутузовъ занялъ позицію со всѣми своими силами, преградивъ ему путь, но и разсѣять окончательно эту часть арміи Наполеона, которая шла въ ея хвостѣ и находилась между превосходными силами нашей большой арміи и аррьергардомъ генерала Милорадовича. Вслѣдъ за Наполеономъ можно было послать одновременно въ погоню отрядъ кавалеріи, какъ я это и предлагалъ фельдмаршалу. Что бы сталось съ французской арміей, которую велъ императоръ Наполеонъ, если бы мы успѣли отрѣзать силы вышеназванныхъ трехъ маршаловъ. Смѣло можно сказать, что 22 октября (3 ноября) былъ единственный благопріятный моментъ, когда мы могли поставить французскую армію въ безвыходное положеніе и нанести ей смертельный ударъ; между тѣмъ фельдмаршалъ пропустилъ этотъ случай по тому, что онъ не захотѣлъ выполнить планъ, мною предложенный.

Непріятель хотѣлъ продержаться ночь въ Вязьмѣ, чтобы часть его войска могла найти въ домахъ защиту отъ непогоды; это была единственная выгода, которую онъ могъ извлечь изъ города, такъ какъ въ немъ не осталось ни единаго жителя, и въ большинствѣ домовъ были выломаны двери и окна. Генералъ Милорадовичъ не пожелалъ однако предоставить имъ это удобство, а приказалъ прогнать всѣхъ французовъ, которые оказались бы въ городѣ. Его приказаніе было приведено въ исполненіе Перновскимъ полкомъ (по окончаніи войны полкъ получилъ за это дѣло Георгіевскія знамена), который пошелъ въ штыки и вытѣснилъ непріятеля; при этомъ по-

гибла большая часть Вязьмы[1]), почти всѣ дома были истреблены пламенемъ. Одержанная побѣда была весьма незначительна по сравненію съ тѣмъ успѣхомъ, котораго мы могли бы достигнуть въ тотъ день.

Со времени отступленія непріятеля я очутился первый разъ на большой Смоленской дорогѣ и убѣдился въ истинѣ того, что намъ доносили, а именно, что дорога была усѣяна трупами, была завалена транспортами больныхъ, погибшихъ въ пути, павшими лошадьми, орудіями, зарядными ящиками и всякаго рода повозками. Ужасное зрѣлище представляли группы отсталыхъ, изнуренныхъ отъ усталости и голода, плохо одѣтыхъ въ это холодное время года, больныхъ и раненыхъ, которые еле могли двигаться и походили на умирающихъ. Сидя вокругъ разложенныхъ ими костровъ, они смотрѣли съ тупымъ равнодушіемъ на наши приближавшіяся войска, увѣренные въ томъ, что ничего худшаго не могло случиться съ ними; они глодали тощіе куски мяса, присохшіе къ костямъ павшихъ лошадей. Бѣдствія французской арміи возростали съ каждымъ днемъ самымъ ужасающимъ образомъ.

И такъ, 23 октября (4 ноября) наша армія провела, какъ я сказалъ, весь день въ окрестностяхъ Быкова; это спасло маршала Даву и дало ему время уйти впередъ. 24 (5) мы пошли далѣе, пройдя 22 версты до Краснаго, а 25 (6), сдѣлавъ 32 версты, мы пришли въ Гаврюково или Грюково.

Любопытно будетъ прослѣдить по картѣ сдѣланныя нами ошибки, которыхъ всякому генералу слѣдуетъ избѣгать; это очень поучительно. Вы увидите, какъ старательно мы избѣгали непріятеля; можно подумать, что мы его боялись. Мы совершали довольно усиленные переходы по проселочнымъ дорогамъ, по которымъ намъ приходилось идти не иначе какъ одной колонной, что̀ все болѣе и болѣе губило нашу армію.

26 октября (7 ноября) мы прибыли въ Бѣлый Холмъ (сдѣлавъ 26 верстъ); 27-го (8) въ Эльню (25 верстъ), гдѣ мы простояли 28 (9) число; 29 (10) мы дошли до Балтутина (28 верстъ); 30-го (11) до Ланково (24 версты), гдѣ мы простояли 31 (12) число. 1 (13) ноября мы прибыли въ Щелканово (21 верста).

Слѣдующій фактъ показываетъ, какъ удачно дѣйствовали вначалѣ наши казаки, пресѣкая непріятелю всѣ коммуникаціи. Генералъ Ожеро, выступивъ изъ Смоленска съ отрядомъ приблизительно съ 600 чел. гвардіи съ намѣреніемъ присоединиться къ арміи, на

[1]) Подъ Вязьмою у французовъ было убито и ранено 4.000 чел., 3.000 взято въ плѣнъ; у насъ убито и ранено 3.000 чел. (Богдановичъ, III. 75).

Юхновской дорогѣ, былъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ [1]); изъ этого видно, что въ Смоленскѣ плохо были освѣдомлены о томъ, что дѣлалось въ арміи.

Такъ какъ мы находились въ то время на высотѣ Смоленска, то, видя, что мы продолжаемъ совершать переходы, которые должны были въ конецъ разстроить армію, тогда какъ четвертой части войска, слѣдовавшаго за нами было бы достаточно, чтобы уничтожить остатки французской арміи, я отправился къ князю Кутузову, чтобы переговорить съ нимъ о мѣрахъ, которыя надлежало принять во избѣжаніе еще большихъ потерь по сравненію съ тѣмъ, которыя мы понесли такъ безплодно; я встрѣтилъ у него генерала Ермолова, пріѣхавшаго съ тѣмъ же намѣреніемъ. Хотя всѣ наши старанія и представленія оказались безполезны, но я все же упомяну о сдѣланномъ мною предложеніи оставить не болѣе 400 орудій изъ числа тѣхъ 600, которыя мы тащили за собою, и которыя задерживали и затрудняли наше движеніе, и дать подъ остающіяся позади 200 орудій самыхъ замореныхъ лошадей, чтобы онѣ могли оправиться въ мѣстахъ, гдѣ еще было достаточно фуража. Замѣтьте, что, при нашемъ выступленіи изъ Тарутина 11 (23) октября, всѣ лошади, безъ исключенія, были въ наилучшемъ состояніи. Я предложилъ, кромѣ того, раздѣлить регулярную кавалерію на три отряда; въ первомъ должны были находиться наиболѣе измученныя лошади, которыхъ слѣдовало послать въ Черниговскую губернію, гдѣ онѣ могли поправиться въ четыре или пять недѣль; во второй отрядъ вошли бы всѣ слабыя лошади, которыя могли слѣдовать за нами, совершая небольшіе переходы; ихъ слѣдовало послать такой дорогой, на которой онѣ легко могли бы найти себѣ фуражъ; что касается третьей части нашей кавалеріи, которая находилась еще въ прекрасномъ состояніи, то она должна была бы преслѣдовать непріятеля. Я предлагалъ принять подобныя же мѣры и относительно пѣхоты, такъ какъ въ каждомъ полку насчитывали по нѣсколько сотъ отсталыхъ, не имѣвшихъ силъ слѣдовать за арміей. Если бы князь Кутузовъ послѣдовалъ этимъ благоразумнымъ совѣтамъ, то потери, понесенныя арміей, до прибытія ея на границу были бы не столь значительны.

Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ и генералъ Платовъ съ казаками настигли на большой Можайской дорогѣ аррьергардъ не-

---

[1]) Ожеро былъ взятъ въ плѣнъ ополченцами въ Ляхово, съ 19 офицерами и 1.650 чел. солдатъ. Какъ засвидѣтельствовалъ Кутузовъ въ своемъ донесеніи императору, это былъ первый случай въ эту кампанію, что французы были вынуждены сложить оружіе. (Богдановичъ, III, 89).

пріятеля; они овладѣли орудіями и повозками, которыя непріятель бросилъ на произволъ судьбы, за неимѣніемъ лошадей; та же участь постигла и отсталыхъ, которые за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ не имѣли силъ слѣдовать за своими полками.

Генералъ Платовъ взялъ близъ Смоленска 62 орудія и много повозокъ и плѣнныхъ, брошенныхъ маршаломъ Даву. Въ Оршѣ непріятель бросилъ 16 орудій и оставилъ въ монастырѣ болѣе 1.000 больныхъ.

2 (14) ноября мы пришли съ арміей въ Юрово (19 верстъ), гдѣ пробыли до 3 (15) числа, 4 (16) мы пришли въ Шиловъ (15 верстъ), гдѣ простояли 5 (17) число, 6-го (18) были въ Добромъ (15 в.), гдѣ простояли 7 (19) ноября. Такимъ образомъ, въ шесть дней мы прошли впередъ 49 верстъ, самымъ неприличнымъ образомъ избѣгая непріятеля, какъ въ этомъ можно убѣдиться, прослѣдивъ пройденный нами путь по картѣ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я опишу нашу встрѣчу съ непріятелемъ въ окрестностяхъ Краснаго и укажу на тѣ преувеличенныя реляціи, которыя были составлены объ этомъ днѣ главнокомандующими обѣихъ армій.

Красное.

Витебскъ, 24 ноября (6 декабря) 1812 г. [1]).

Я обѣщалъ, въ предъидущемъ письмѣ, описать подробности событій, происшедшихъ 6 (18) ноября близъ Краснаго; они послужатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что фельдмаршалъ Кутузовъ твердо рѣшилъ не приближаться къ непріятелю, съ цѣлью преградить ему путь. Никакія соображенія, никакія данныя, предвѣщавшія окончательную гибель непріятельской арміи, которая была бы вынуждена бѣжать, если бы онъ захотѣлъ дать ей генеральное сраженіе,—ничто не заставило его рѣшиться нанести вѣрный ударъ, безъ большого кровопролитія. Но къ дѣлу. Я уже говорилъ, что 5 (17) ноября, мы были въ Шиловѣ, приблизительно въ 10 верстахъ отъ Краснаго, на большой дорогѣ, по которой Наполеонъ неизбѣжно долженъ былъ пройти. Наша главная квартира разослала диспозицію къ атакѣ на слѣдующій день; замѣтимъ, что она составлялась вовсе не для того, чтобы быть выполненной, а, какъ увидимъ далѣе, только для того, чтобы о ней можно было упомянуть въ

---

[1]) Фиктивная дата. Въ этомъ письмѣ, датированномъ 24 ноября (6 декабря), Беннигсенъ говоритъ о своей встрѣчѣ съ императоромъ Александромъ, состоявшейся послѣ 6 (18) декабря.

донесеніи и въ бюллетенѣ, 6 (18) ноября, рано утромъ [1]), я сѣлъ на лошадь, чтобы присутствовать при атакѣ, хотя я не могъ себѣ представить, какъ мы могли атаковать непріятеля, который бѣжалъ отъ насъ и былъ разсѣянъ на протяженіи болѣе 100 верстъ. Каково же было мое удивленіе, когда, выѣхавъ изъ деревни, въ которой помѣщалась наша главная квартира [2]), я очутился позади длинной цѣпи казаковъ, разставленныхъ ведетами; за центромъ этихъ аванпостовъ я увидѣлъ нашего фельдмаршала, въ саняхъ, окруженнаго свитою. Я спрашивалъ всѣхъ, что это значитъ, гдѣ наши войска, гдѣ армія? Мнѣ отвѣчали, что она впереди; поэтому, оставивъ цѣпь ведетовъ, я проѣхалъ верстъ десять впередъ и увидѣлъ армію, стоявшую на позиціи въ двухъ пунктахъ, которые были ей указаны и были удалены на хорошій пушечный выстрѣлъ отъ большой дороги, по которой непріятель прошелъ, не останавливаясь. Главныя силы нашей арміи, подъ начальствомъ генерала Тормасова, находились въ окрестностяхъ Краснаго; остальныя войска, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Дмитрія Голицына, стояли приблизительно въ четырехъ верстахъ вправо оттуда; я подъѣжалъ сперва къ этимъ войскамъ и въ первый моментъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, не понимая еще всей хитрости этого маневра. Я обратился къ князю Голицыну съ вопросомъ, какія ему даны приказанія. Ему было приказано оставаться на этой позиціи до полученія дальнѣйшихъ приказаній; тогда мнѣ все стало ясно. Въ самомъ дѣлѣ, было бы достаточно занять, нашими сосредоточенными силами, большую дорогу, отъ которой мы находились, какъ я уже сказалъ, на разстояніи орудійнаго выстрѣла, чтобы преградить Наполеону путь; это мы могли бы сдѣлать и два дня раньше. Наша артиллерія стрѣляла до вечера, не причинивъ непріятелю особеннаго вреда. Онъ, со своей стороны, выставилъ противъ насъ всего четыре орудія, которыя посылали намъ, время отъ времени, нѣсколько ядеръ или гранатъ.

Французы двинули два батальона молодой гвардіи, чтобы прикрыть большую дорогу, одинъ изъ нихъ сталъ передъ позиціей, за-

---

[1]) Судя по этому, можно думать, что 17 числа не было сраженія. Но, сравнивъ разсказъ Беннигсена съ реляціями Бутурлина и Богдановича, ясно, что генералъ перепуталъ событія, происшедшія 17 и 18 ноября. (*Прим. изд.*).

[2]) Главная квартира, бывшая 17 по утру въ Шиловѣ была перенесена вечеромъ въ Доброе, гдѣ она находилась и утромъ 18 числа. Изъ дальнѣйшихъ подробностей, передаваемыхъ Беннигсеномъ, ясно, что онъ говоритъ о деревнѣ Шиловѣ, и слѣдовательно, эта часть его разсказа относится къ 17, а не къ 18-му числу, какъ онъ ошибочно отмѣтилъ.

нятой генераломъ Тормасовымъ, а другой передъ позиціей князя Голицына. Перваго атаковалъ батальонъ нашихъ гвардейскихъ егерей, а второго—батальонъ нашего армейскаго Ревельскаго полка. Оба непріятельскихъ батальона, численностью самое большее въ 300 человѣкъ, слишкомъ удалились отъ своей колонны и поэтому не могли быть поддержаны ею; большая часть солдатъ были убиты; остальные разбѣжались. Я долженъ прибавить, что мы видѣли всего 400 человѣкъ непріятельской кавалеріи [1]), которые не рѣшились выйти на равнину и простояли спокойно весь день близъ Краснаго; мы видѣли, что непріятель прошелъ тутъ, въ незначительномъ разстояніи передъ фронтомъ нашей арміи. Французамъ слѣдовало низко намъ поклониться и поблагодарить насъ за любезность и за оказанное имъ снисхожденіе. Но они вѣроятно уже привыкли къ этому, такъ какъ князь Кутузовъ четвертый разъ оказывалъ имъ подобную любезность [2]).

Подъ вечеръ, генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ присоединился къ арміи; онъ преслѣдовалъ аррьергардъ непріятеля, коимъ командовалъ маршалъ Ней; генералъ Милорадовичъ отрѣзалъ его отъ большой дороги и потребовалъ, чтобы онъ сдался со своимъ корпусомъ [3]). Маршалъ не подчинился этому требованію и рѣшилъ поискать, ночью, проселочную дорогу, по которой, совершивъ обходъ, онъ спасся приблизительно съ 2.500 чел.; остальная часть его корпуса, ослабленная и частью разсѣянная, сдалась, отдѣльными бандами.

Никто не говорилъ объ этомъ, всѣ думали съ сожалѣніемъ о томъ, чего мы могли бы достигнуть въ тотъ день, какъ вдругъ мы узнали, съ величайшимъ изумленіемъ, что была сочинена реляція о кровопролитномъ сраженіи, продолжавшемся три дня подъ-рядъ, въ которомъ непріятель былъ чуть не окончательно истребленъ 5 (17) ноября, подъ Краснымъ. Въ этой реляціи фигурировали всѣ орудія, которыя были брошены непріятелемъ во время его отступленія, въ Смоленскѣ и на Днѣпрѣ, всѣ больные, взятые въ госпиталяхъ, и отсталые, взятые въ плѣнъ въ теченіе нѣсколькихъ

---

[1]) Подъ Краснымъ со стороны французовъ было 2.200 чел. кавалеріи (Богдан. III, 118).

[2]) О значеніи сраженія 17 ноября, о которомъ Беннигсенъ отзывается такъ презрительно, можно судить по потерямъ, понесеннымъ французами. Они потеряли 6.000 плѣнными, 45 орудій, 2 знамени, множество повозокъ, маршальскій жезлъ Даву и часть канцеляріи Наполеона. Русскіе потеряли не болѣе 700 чел. (Богд. III, 124).

[3]) Ср. Богдановичъ, III, 125—132.

дней, которыхъ было очень много, а равно плѣнные, взятые генераломъ Милорадовичемъ на другой день изъ корпуса маршала Нея.

Кто бы могъ подумать, что эта знаменитая реляція въ самомъ дѣлѣ была послана въ Петербургъ вмѣстѣ съ знаменами, штандартами и жезломъ маршала Даву, которые были найдены въ экипажахъ и повозкахъ, на которыхъ перевозили вещи не существовавшихъ болѣе полковъ? Князь Кутузовъ конечно могъ ожидать, что по полученіи такой реляціи будутъ отслужены благодарственные молебны какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ Имперіи и что, слѣдовательно, и въ арміи надобно было отслужить молебенъ. Тутъ его выручилъ умъ; онъ приказалъ отслужить молебенъ за всѣ выигранныя сраженія, начиная съ 6 (18) октября,—день, когда былъ застигнутъ врасплохъ и разбитъ король Неаполитанскій, по поводу чего на другой же день былъ отслуженъ молебенъ въ Тарутино,—не упоминая о Красномъ, ибо иначе, во время молебна всѣ, отъ генерала до солдата, конечно не могли бы удержаться отъ смѣха. На этотъ разъ французскіе бюллетени были скромнѣе, такъ какъ они ограничились сообщеніемъ, что французская армія пробилась, подъ Краснымъ, съ оружіемъ въ рукахъ, сквозь ряды русской арміи [1]).

Замѣтьте, что, несмотря на все наше стараніе избѣжать непріятеля, мы все-таки встрѣтились съ нимъ. Генералъ-маіоръ баронъ Розенъ, посланный впередъ съ отрядомъ, оказался такъ близко къ непріятелю, что ожидалъ получить на слѣдующее утро приказаніе идти впередъ, чтобы вступить въ бой, который долженъ былъ задержать французовъ и пріостановить ихъ отступленіе. Намъ не слѣдовало только уклоняться съ дороги, на которой мы были, чтобы подойти къ Березинѣ одновременно съ Наполеономъ, задержать его при переправѣ черезъ рѣку и тѣмъ дать адмиралу Чичагову время передвинуть свои войска къ тому пункту, гдѣ непріятель наводилъ мосты. Адмиралъ, который долженъ былъ ежедневно получать отъ насъ кружнымъ путемъ свѣдѣнія о движеніи нашихъ войскъ и войскъ Наполеона, не былъ ни о чемъ освѣдомленъ вслѣдствіе того, что мы держались все время возможно дальше отъ непріятеля.

Трудно повѣрить, что мы и этотъ разъ не остались вблизи отъ непріятельской арміи, а представили себѣ, что Наполеонъ могъ свернуть влѣво и направиться къ Игумену съ цѣлью присоединиться къ корпусу князя Шварценберга. Но онъ не могъ бы выполнить

[1]) Въ сраженіи 15—18 ноября русскіе взяли въ плѣнъ въ окрестностяхъ Краснаго 26.170 чел., въ томъ числѣ 7 генераловъ и 300 офицеровъ, нѣсколько знаменъ и 116 орудій. (Богдановичъ, III, 136).

этого движенія иначе, какъ пройдя по большой дорогѣ впереди или позади насъ; безъ сомнѣнія, не въ его интересахъ было подвергнуть себя такимъ образомъ явной опасности, которой онъ избѣгалъ всевозможными способами. Вдобавокъ, мы знали, что маршалъ Викторъ, со своимъ корпусомъ или корпусомъ Удино, поджидалъ Наполеона, чтобы подкрѣпить его и перейти вмѣстѣ съ нимъ Березину.

Это извѣстіе послужило намъ только предлогомъ, чтобы снова отдалиться отъ непріятеля, двинувшись, со всѣми нашими силами, къ Игумену, предоставивъ адмиралу Чичагову, съ его силами, удерживать Наполеона и его армію съ тѣми подкрѣпленіями, которыя онъ стягивалъ къ себѣ; войска Чичагова не были сосредоточены, и такъ какъ они были растянуты на большое пространство, то нельзя было разсчитывать, что адмиралу удастся задержать Наполеона, если бы наши главныя силы не слѣдовали за нимъ по пятамъ.

Дѣйствительно, 7/19 ноября, наша армія оставила большую дорогу и, слѣдовательно, отдалилась снова отъ непріятеля, идя влѣво проселочными дорогами до с. Добраго (15 верстъ). Это село лежало близъ большой дороги, по которой непріятель шелъ на Борисовъ; это было намъ извѣстно; тѣмъ не менѣе, мы продолжали идти въ избранномъ нами направленіи, отдаляясь отъ непріятеля, и 8/20 числа дошли до Романова, совершивъ переходъ въ 25 верстъ.

9/21 числа армія подошла къ Ланникамъ (19 верстъ), гдѣ она простояла 10/22. 11/23 она шла въ томъ же направленіи до Морозова (17 верстъ), а 12/24 до Копыся (18 в.), гдѣ имѣла, 13/25 ноября, дневку.

По картѣ можно прослѣдить, что эти послѣдніе пункты не особенно удалены отъ большой дороги, идущей на Борисовъ. Возможно ли повѣрить, чтобы князю Кутузову, у котораго было 40 казачьихъ полковъ, не было извѣстно, что непріятель не дѣлалъ даже никакихъ демонстрацій, съ цѣлью внушить намъ мысль, что онъ намѣревался оставить эту дорогу? Какъ бы то ни было, начиная съ этого дня, князь Кутузовъ отдалялся отъ нея съ каждымъ переходомъ, а именно: 14 (26) онъ былъ въ Староселье (17 верстъ); 15 (27)—въ Кругломъ (28 верстъ); 16 (28) въ Сомри (36 верстъ); 17 (29) въ Михѣевкахъ (16 верстъ), и 18 (30) дошелъ до Уши, гдѣ наша первая армія перешла Березину.

Замѣтьте, гдѣ находился князь Кутузовъ со своей арміей въ то время, когда Наполеонъ, съ остатками своей арміи, былъ въ 14 верстахъ по ту сторону отъ Борисова и въ 55 верстахъ отъ Уши, — сборнаго пункта главныхъ силъ русской арміи, которому не угрожалъ непріятель ни вблизи, ни издалека, и который князь Кутузовъ считалъ конечнымъ пунктомъ своей славной кампаніи. Что бы сталось съ Наполеономъ, если бы князь Кутузовъ послѣдовалъ за

нимъ съ 1-ой арміей, хотя бы начиная отъ Краснаго, и подошелъ одновременно съ нимъ къ Березинѣ. Какъ бы онъ переправился черезъ эту рѣку, коль скоро къ князю Кутузову, какъ увидимъ далѣе, могъ подойти на помощь еще корпусъ графа Витгенштейна.

Дойдя до Уши, князь Кутузовъ получилъ донесеніе, что Наполеонъ перешелъ 15 (27) ноября Березину и шелъ къ Вильно, и что адмиралъ Чичаговъ со своей арміей слѣдовалъ за нимъ по пятамъ; тогда онъ рѣшилъ, оставивъ армію, отправиться лично въ Вильно, гдѣ онъ разсчитывалъ пробыть довольно долго, предоставивъ генералу Тормасову вести армію въ указанномъ направленіи. Этотъ генералъ прошелъ чрезъ Смолевичи, Воложинъ, Вишневъ и прибылъ въ Ольшаны, гдѣ ему было приказано стоять шесть дней.

Я такъ много говорилъ о князѣ Кутузовѣ, что изъ всего сказаннаго всякій можетъ самъ вывести заключеніе о поведеніи этой личности, какъ генерала и патріота.

Начиная съ этого момента, я не былъ очевидцемъ того, что происходило въ арміи, которую я оставилъ 15/27 ноября, отправившись въ Петербургъ. Здоровье мое, нѣсколько пострадавшее въ эту дурную погоду, заставило меня остановиться въ Витебскѣ, откуда я пишу это письмо. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ я сообщу подробности о переходѣ Наполеона черезъ Березину, но такъ какъ это событіе входитъ въ военныя дѣйствія адмирала Чичагова, то я долженъ коснуться его предшествовавшихъ дѣйствій, что̀ я и сдѣлаю въ слѣдующемъ письмѣ.

Предварительно, я долженъ, однако, сказать нѣсколько словъ объ операціяхъ генерала Витгенштейна, котораго мы оставили на Двинѣ, въ то время какъ Великая Армія покинула Дрисскую позицію, чтобы присоединиться къ II арміи. Прежде всего скажу о движеніяхъ маршаловъ Макдональда и Удино. Первый прикрывалъ со своимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 15.000 пруссаковъ и 15.000 французовъ [1]), дорогу на Кенигсбергъ и сѣверную часть бывшей Пруссіи, угрожая въ то же время Ригѣ, которую, повидимому, ему велѣно было осадить. Второй, перешедшій нашу границу приблизительно съ 24.000 человѣкъ [2]), имѣлъ ближайшимъ назначеніемъ наблюдать за графомъ Витгенштейномъ и охранять Двину, а не идти на Петербургъ, куда ему удалось бы дойти лишь съ горстью людей.

Маршалъ Макдональдъ перешелъ Нѣманъ 24 іюня и направился къ Россіенамъ. 15 іюля онъ былъ въ Шавляхъ, а 4 августа въ Динабургѣ; отсюда онъ повернулъ влѣво и до самаго конца кампаніи занималъ со своими главными силами Самогитію, высылая

[1]) 20 іюня у Макдональда было 28.878 человѣкъ.

[2]) 1 іюня силы Удино доходили до 39.965 человѣкъ. (Прим. изд.).

*

одновременно отдѣльные отряды въ нѣкоторые пункты Курляндіи. Его приближеніе такъ напугало генерала Эссена, коменданта Риги, что, поддавшись ложной тревогѣ, онъ приказалъ поспѣшно сжечь ночью предмѣстье города, и, вслѣдствіе этой непростительной поспѣшности, часть жителей понесла огромные убытки.

Маршалъ Удино двинулся 27 іюня на Вилкоміръ. 16/28 іюня, при Девельтовѣ, онъ вступилъ въ бой съ графомъ Витгенштейномъ, который отступилъ къ Вилкоміру. Что касается подробностей этого дѣла и отдѣльныхъ стычекъ, происходившихъ по близости отъ Двины, то ихъ можно найти въ бюллетеняхъ обѣихъ армій, которые грѣшатъ одинаковыми преувеличеніями.

Вы замѣтили, вѣроятно, какую важность хотѣли придать дѣйствіямъ генерала Витгенштейна, котораго провозглашаютъ чуть не спасителемъ Петербурга. Между тѣмъ всѣ сраженія, происходившія въ раіонѣ его дѣйствій, не имѣли существеннаго значенія, вслѣдствіе слабости корпуса Удино, который подъ конецъ кампаніи имѣлъ не болѣе 18.000 человѣкъ, тогда какъ Витгенштейнъ, получившій подкрѣпленіе, располагалъ въ то время гораздо болѣе значительными силами. Дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ, если бы Макдональдъ, оставивъ 15.000 корпусъ для наблюденія за Ригой, послалъ остальныя силы для подкрѣпленія своего товарища. Тогда генералъ Витгенштейнъ, подавленный численнымъ превосходствомъ, былъ бы вынужденъ отойти къ Двинѣ, и оба маршала, идя къ Петербургу, могли бы дѣйствительно угрожать столицѣ.

Мое отношеніе къ службѣ, мои взгляды и мой образъ мыслей были слишкомъ противуположны правиламъ Кутузова, чтобы мое присутствіе могло быть пріятно ему, тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно, что я всегда доводилъ всѣ факты, вмѣстѣ съ моими замѣчаніями, до свѣдѣнія Императора. Онъ воспользовался моментомъ, когда я былъ дѣйствительно боленъ, и когда онъ былъ увѣренъ, что ему не придется болѣе имѣть дѣло съ непріятелемъ, чтобы прислать мнѣ письменно оффиціальное предложеніе оставить армію и отправиться для лѣченія. Изъ писемъ моихъ къ Императору видно, что нѣкоторое время передъ тѣмъ я уже испрашивалъ на это разрѣшеніе. Я отправился въ Петербургъ и имѣлъ счастье встрѣтить по пути Государя Императора, ѣхавшаго изъ Порхова въ Вильно [1]).

Сообщила В. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Императоръ отправился изъ Петербурга въ Вильно лишь 6 (18) декабря.

Матеріалы для Исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину [1]).

На страницахъ „Русской Старины“ 1893 г. [2]) были напечатаны, сообщенныя В. Ѳ. Боцяновскимъ, письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой (1822—1826 г.г.), несомнѣнно заслуживающія вниманія, какъ цѣнный матеріалъ для исторіи русскаго театра.

Не меньшій интересъ представляютъ и предлагаемыя теперь читателямъ письма того же Катенина къ Н. И. Бахтину, извлеченныя изъ, находящагося въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библіотеки, архива Н. Н. Селифонтова. Эти письма, обнимающія двадцатилѣтній періодъ, съ 1821 по 1842 г., заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ не только для біографіи Катенина, но и для характеристики самой эпохи, одной изъ интереснѣйшихъ въ исторіи русской литературы, эпохи борьбы романтизма съ классицизмомъ. Въ письмахъ разсѣяно множество замѣчаній о литературныхъ явленіяхъ

---

[1]) Считаю долгомъ выразить мою глубокую благодарность П. В. Дружинину, Н. К. Козмину, И. А. Кубасову, Б. Л. Модзалевскому, Д. К. Петрову, Н. К. Пиксанову, В. В. Сиповскому и въ особенности В. И. Саитову за цѣнныя указанія и любезное содѣйствіе въ моей подготовительной работѣ по изданію этихъ писемъ. Приношу также искреннюю признательность И. А. Бычкову за доброжелательное отношеніе къ моимъ занятіямъ въ, находящемся въ его вѣдѣніи, рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки, всѣмъ библіотекарямъ Академіи Наукъ и Публичной Библіотеки и особенно В. Э. Банку, И. М. Болдакову, А. И. Браудо, Э. А. Вольтеру, Н. А. Вукотичъ, А. О. Круглому, А. Б. Ламбиной, А. Д. Орлову, В. И. Срезневскому, П. Н. Шефферу и А. А. Флоридову.

[2]) Мартъ стр. 625—656, апр. 179—212.

какъ западно-европейскихъ, такъ и отечественныхъ. Особенно любопытными представляются отзывы Катенина о русскихъ писателяхъ, тѣмъ болѣе что въ его статьяхъ, напечатанныхъ въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г., подъ общимъ заглавіемъ „Размышленія и Разборы“ и въ которыхъ трактуется о поэзіи еврейской, греческой, латинской, итальянской, испанской и о театрѣ вообще, онъ касается русской литературы лишь мимоходомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бахтину Катенинъ объясняетъ и причину, побудившую его отказаться отъ сужденій о русскихъ писателяхъ въ указанныхъ статьяхъ. „Ему“ де „какъ стихотворцу de profession было неловко и неприлично говорить о русскихъ“. Имѣющіяся въ письмахъ данныя о Пушкинѣ и Грибоѣдовѣ придаютъ имъ, разумѣется, особенную цѣнность. Замѣтимъ, однако, что нѣкоторыя данныя о Пушкинѣ были уже использованы г. Миллеромъ въ статьѣ „Катенинъ и Пушкинъ“ („Пушкинскій сборникъ“, изд. проф. А. И. Кирпичниковымъ, М. 1900 г.), но, по собственному признанію автора, онъ воспользовался этими письмами лишь въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Затѣмъ, покойный П. А. Ефремовъ въ VIII т. изд. имъ сочиненій Пушкина (СПБ. 1905 стр. 404—405), въ отдѣлѣ примѣчаній, привелъ изъ переписки Катенина нѣсколько выдержекъ, касающихся великаго поэта. Думаю, однако, что эти извлеченія не лишаютъ интереса издаваемыхъ нынѣ полностью писемъ.

Въ дополненіе къ имѣющимся уже работамъ о Катенинѣ [1]), я позволю себѣ представить нѣсколько соображеній, необходимыхъ для правильной оцѣнки его литературныхъ сужденій.

Крайняя односторонность взглядовъ Катенина особенно ярко обнаруживается въ той области, въ которой онъ считалъ себя наиболѣе компетентнымъ судьею,—въ области драмы. Глубокій знатокъ французскаго классицизма, горячій и убѣжденный сторонникъ Расина, Катенинъ относился враждебно къ Шекспиру, къ испанскимъ драматургамъ, Лопе де Вега и Кальдерону, къ романтикамъ. Онъ „трепещетъ отъ гнѣва при мысли“ о томъ, что на русскомъ театрѣ „невѣжи, подъ эгидою проказника Шлегеля, объявляютъ войну здравому смыслу, Эсхилу, Софоклу и Расину“. „Прошла пора Коцебятины“, пишетъ онъ, „такъ принялись за Шиллеровщину...

---

[1]) *Е. В. Пѣтуховъ.* Біографія П. А. Катенина („Ист. Вѣстн.“ 1888 т. XXXIII); *В. Ѳ. Боцяновскій*—къ исторіи русскаго театра. Письма Катенина къ А. М. Колосовой, вступительн. статья („Русская Старина“ 1900 г. мартъ стр. 625—634); *В. Миллеръ*, „Катенинъ и Пушкинъ“ (1893 г.); *С. Л. Бертенсонъ* „П. А. Катенинъ“. Литер. матеріалы. Спб. 1909 г.

Чему дивятся въ уродливыхъ произведеніяхъ недозрѣлаго Шиллера?.. Съ какого права наши критики повадились выдавать Донъ-Карлоса, Орлеанскую Дѣву, Манфреда и т. п. за какіе-то chefs d'oeuvre“ [1]). Драма В. Гюго „Эрнани“ представляется ему „такою гилью, какой во Франціи еще и не бывало“ [2]). Въ письмахъ Катенина, а также и въ его „Размышленіяхъ“ попадаются, однако, порою заявленія, которыя какъ-будто нѣсколько смягчаютъ его односторонность. Такъ, напримѣръ, говоря о буржуазной драмѣ, возникшей въ XVIII в., онъ замѣчаетъ: „ультра-классики, основываясь на закоренѣлыхъ привычкахъ, хотѣли запретить драму, звали ее уродомъ, ублюдкомъ. Напрасно, хорошая драма есть картина, списанная съ натуры, весьма чувства увлекающая, изображеніе бѣдствій, случающихся съ людьми средняго быта, это родъ низшій выборомъ предметовъ, его не надо возносить до небесъ и изгонять не за что“ [3]). „Врагъ непримиримый всѣхъ пристрастныхъ и односторонніхъ сужденій“, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, „я старался обличить неправоту нынѣ господствующихъ, отнюдь не съ намѣреніемъ ввести, вмѣсто нихъ противныя, да и только: всѣ исключительныя системы вредны, во всѣхъ формахъ условныхъ можетъ жить красота неизмѣнная. Предметъ искусства вообще—человѣкъ; драматическаго, въ особенности, человѣкъ—въ дѣйствіи. Кто сумѣетъ пружины сего дѣйствія, нравы, чувства и страсти изобразить вѣрно, сильно и горячо, заслужитъ похвалу знающихъ, отдѣльно отъ принятаго имъ по мѣстному обычаю или произвольному выбору костюма. Симъ-то достоинствомъ равно стяжали безсмертіе и Софоклъ, и Шекспиръ, и Расинъ. Нужно прибавить, однако, что желающій творить въ благороднѣйшемъ изъ родовъ драматическихъ, въ коемъ потребны, сверхъ вѣрности и живости изображенія, еще высокость и красота самого предмета, долженъ непремѣнно не отступать отъ источниковъ, изъ коихъ единственно красота и высокость проистекаютъ: единства и простоты“ [4]). Въ pendant къ этимъ словамъ, взятымъ изъ „Размышленій и Разборовъ“, приведу выдержку изъ его писемъ: „какъ? всякая пьеса лишь бы она была на романтическій покрой, ужъ она и безподобна, и что за сужденіе о твореніяхъ искусства по наружной формѣ... Оставя уже долгій споръ о томъ, которая форма лучше, развѣ во всѣхъ равно не можетъ быть вещей прекрасныхъ, посредственныхъ и плохихъ“ [5]). Катенинъ пытается разрушить самую грань, отдѣляющую

[1]) См. ниже письмо № 48 (1829 г.).
[2]) Письмо № 65 (1830 г.).
[3]) „Разм. и Разб.“ Литер. газ. 1830 г. № 71.
[4]) Ibidem.
[5]) См. ниже письмо № 48.

классическую поэзію отъ романтической. „Съ нѣкотораго времени вошло въ обычай", говоритъ онъ, „дѣлить поэзію на двое, на классическую и романтическую, спорятъ, не понимая ни себя, ни другъ друга; со стороны примѣтно только, что на языкѣ нѣкоторыхъ классикъ-педантъ безъ дарованія, на языкѣ другихъ романтикъ-шалунъ безъ смысла и познаній... Предписывать поэту выборъ предметовъ несправедливо и вредно... Было время во Франціи, когда не почитали достойными трагедіи кромѣ грековъ и римлянъ... теперь листъ перевернулся, грековъ и римлянъ гонятъ съ бѣлаго свѣта; и то и другое предразсудокъ, недостатокъ истиннаго вкуса и поэтическаго чувства. Для знатока прекрасное во всѣхъ видахъ и всегда прекрасно... Одно исключеніе изъ сего правила извинительно и даже похвально — предпочтеніе поэзіи своей, отечественной, народной" [1]). Итакъ Катенинъ находитъ, что во всѣхъ формахъ могутъ быть вещи прекрасныя, посредственныя и плохія, но любопытно, что эти слова слѣдуютъ за осужденіемъ „уродливыхъ" произведеній „недозрѣлаго" Шиллера, къ которымъ онъ относитъ „Донъ-Карлоса" и „Орлеанскую Дѣву". Онъ полагаетъ, что Софоклъ, Шекспиръ и Расинъ равно стяжали себѣ безсмертіе вѣрнымъ, сильнымъ и горячимъ изображеніемъ нравовъ, чувствъ и страстей, но, заводя рѣчь о Шекспирѣ, Катенинъ останавливается только на недостаткахъ великаго драматурга. Отличая себя отъ ультра-классиковъ, онъ не стѣсняетъ драматическихъ писателей въ выборѣ „костюма" дѣйствующихъ лицъ. Онъ самъ однажды для пролога одной драмы кн. А. А. Шаховскаго обратился къ романтическому источнику, къ роману Вальтеръ-Скотта и дерзнулъ, вопреки своему пристрастію къ александринскому стиху, написать этотъ прологъ „вольнымъ англо-нѣмецкимъ романтическимъ размѣромъ". Но, допуская такого рода вольности, Катенинъ настоятельно требуетъ *единства* и *простоты*, другими словами *тріединства*, продиктованнаго, по его мнѣнію, самой природой драмы, „свойство формы" которой, какъ онъ говорилъ,—„круглость" [2]), и чрезвычайной простоты психологической трагедіи Расина.

Взгляды Катенина на драму заставляютъ насъ припомнить аналогичныя сужденія пользовавшагося, въ свое время, большою извѣстностью французскаго критика Жоффруа, драматическіе фельетоны котораго печатались въ „Journal des Debats" съ 1800 по

---

[1]) „Литер. Газета" 1830 г. № 4.

[2]) „Литературная Газета" 1830 г. № 67.

1814 г. [1]). Точно также какъ и Катенинъ, классикъ Жоффруа находилъ возможнымъ и даже желательнымъ обращеніе за сюжетами для трагедій къ національной исторіи, настаивая только при этомъ на необходимости соблюденія правилъ единствъ и простоты. Подобно Катенину, и Жоффруа—противникъ „англійскихъ ужасовъ“ и „чудовищнаго безумія“ нѣмцевъ, но, ставя Расина выше Шекспира, онъ негодуетъ и на французскихъ подражателей англійскаго драматурга, исказившихъ, по его словамъ „величественную и дикую красоту“ оригинала. „Я больше люблю“, замѣчаетъ Жоффруа, „Шекспира совсѣмъ безъ всякаго платья, чѣмъ принаряженнаго и связаннаго Дюсисомъ“. Вообще французскіе трагики XVIII вѣка съ Вольтеромъ во главѣ не пользовались симпатіями ни Жоффруа, ни Катенина, благодаря ихъ наклонности къ внѣшнимъ эффектамъ и ко всему тому, что приближаетъ ихъ пьесы къ мелодрамамъ.

Оставляя драму и слѣдуя за Катенинымъ въ другія области поэзіи, мы наталкиваемся сплошь и рядомъ на факты, находящіеся въ явномъ противорѣчіи съ классицизмомъ. Такъ извѣстно, что строгій классикъ-Катенинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и горячимъ поклонникомъ автора „Божественной комедіи“. „Боже! какой великій геній этотъ Данте!“ восклицаетъ онъ. „Вотъ истинно національный поэтъ... Кто, какъ я, убѣжденъ, что Гомеръ имя, а не лицо, тотъ не можетъ не признать Данте первымъ поэтомъ по всѣмъ вѣкамъ и народамъ“ [2]). Критиковъ, укорявшихъ Данте за „незнакомую имъ новость картинъ“ и за „несходство съ образцами Гомера и Виргилія“, Катенинъ обзываетъ „педантами“ [3]), забывая о своихъ педантическихъ придиркахъ къ Шекспиру. Противникъ испанской драматической системы, Катенинъ въ восторгѣ отъ поэмы о Сидѣ. „Я по крайней мѣрѣ“, замѣчаетъ онъ, „послѣ божественнаго Гомера не найду ничего лучше и привлекательнѣе“. Какъ „испанская поэма“, такъ и „романсы о Сидѣ, собранные Гердеромъ“, по его словамъ, „безподобны“ [4]).

Припомнимъ, что Катенинъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ обнаруживалъ расположеніе къ народности (таковы напр., его бал-

---

[1]) „Драматическіе Фельетоны“ Жоффруа были впослѣдствіи изданы отдѣльно въ 4-хъ частяхъ подъ заглавіемъ „Cours de littérature dramatique“. О Жоффруа см. книгу *Ch. M. Des Granges*—„Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire“. Paris 1897. См. также соч. того же автора: La Presse littéraire sous la Restauration (1815—1830). Paris 1907.

[2]) Письмо Катенина къ Бахтину № 34 (1828 г.)

[3]) „Литер. Газета“ 1830 № 40.

[4]) Ibidem № 51.

лады: „Наташа“ (1814 г.), „Убійца“ (1815 г.), „Пѣвецъ“ (1815 г.), „Лѣшій“ (1816 г.), „Ольга“ (1816 г.), „Пѣвецъ Усладъ“ (1817 г.), „Мстиславъ Мстиславичъ“ (1819 г.), „Старая быль“ (1828 г.), сказка „Княжна Милуша“ (1834 г.), быль „Инвалидъ Горевъ“ (1836 г.), и что нѣкоторые изъ его современниковъ причисляли его къ романтикамъ [1]). Кюхельбекеръ полагалъ даже, что баллады Катенина „по сіе время“ (1825 г.) „однѣ, можетъ быть, принадлежатъ къ поэзіи романтической“, отличая ихъ отъ „водяной, вялой, описательной лже-поэзіи“ „нашихъ весьма хладнокровныхъ, весьма осторожныхъ, весьма не романтическихъ самозванцевъ - романтиковъ“ [2]). Это предрасположеніе къ народности, повидимому, порою, стѣсняло самого Катенина. Однажды онъ извѣщаетъ Бахтина, что „въ бумагахъ одного умершаго дворянина нашлись волшебныя заклинанія по части любовной“; этими „цѣнными припасами“ онъ думаетъ воспользоваться „для стихотворенія ultra romantique, которое назовется „Колдунъ“. Но затѣмъ Катенинъ отказывается отъ этого намѣренія, ибо, пишетъ онъ, „романтики наши и съ Байрономъ и съ Мицкевичемъ мнѣ до того опротивѣли, что мысль сдѣлаться, хотя нѣсколько, по необходимости, на нихъ похожимъ, для меня нестерпима“ [3]).

Отмѣченныя противорѣчія не представляются, однако, какой-либо исключительною особенностью Катенинскихъ воззрѣній. Съ такого рода противорѣчіями историкамъ литературы приходится встрѣчаться не разъ. Такъ покойный проф. И. Н. Ждановъ, говоря о развитіи сентиментальнаго направленія, указывалъ на то, что „новое литературное движеніе и на Западѣ не опредѣлилось сразу, а пробивалось постепенно въ отдѣльныхъ явленіяхъ, связь которыхъ стала ясна только впослѣдствіи. Въ одномъ только пунктѣ новое движеніе и литературная старина столкнулись на первыхъ же порахъ,—во взглядѣ на драму, въ остальныхъ пунктахъ такого открытаго столкновенія не было. Можно было оставаться строгимъ классикомъ, и въ то же время зачитываться сочиненіями Стерна, Ричардсона и Макферсона. Такъ было на Западѣ, такъ же было и у насъ“ [4]). Во французской литературѣ начала XIX в. убѣжденные классики увлекаются такими поэтами, какъ Аріосто, Тассо, Данте, проявляютъ живой интересъ къ національной исторіи, къ среднимъ

---

[1]) Пушкинъ въ статьѣ о соч. Катенина (1833 г.). К. Полевой („Московскій Телеграфъ“ 1833 № 12 стр. 594—611), авторъ статьи въ „Молвѣ“ 1834 т. (ч. XX № 14—по поводу сказки Катенина „Княжна Милуша“).

[2]) „Сынъ Отечества“ 1825 г. ч. 103. № 17 стр. 70—71.

[3]) Письма №№ 34, 45 (1828).

[4]) Соч. И. Н. Жданова, изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1907 г. т. II. стр. 16.

вѣкамъ, къ рыцарству, создается особый „Genre troubadour“ (таковы, напр., баллады и романсы Мильвуа, Маршанжи, Фонтана, Крёзе-де-Лессера и др.), сюжеты которыхъ, почерпнутые изъ средневѣковья, облекаются въ старую классическую форму [1]).

При оцѣнкѣ сужденій Катенина о русскихъ писателяхъ необходимо принять въ соображеніе еще и его шишковизмъ, просмотрѣнный изслѣдователями, занимавшимися Катенинымъ, и на который обратилъ вниманіе Н. К. Пиксановъ въ статьѣ о Грибоѣдовѣ (Исторія русской литературы XIX в. изд. подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго вып. 3-й, 1908 г. стр. 209—210). „Славянофильство“ Катенина, его симпатіи къ Шишкову проявляются какъ въ письмахъ къ Бахтину, такъ и въ его журнальныхъ статьяхъ. Такъ напримѣръ, въ одной изъ своихъ статей, написанныхъ въ 1822 г. [2]) по поводу „Опыта краткой исторіи русской литературы“ Греча, Катенинъ задѣваетъ вопросъ „о старомъ и новомъ слогѣ“. „Я не смѣю спорить съ вами“, пишетъ онъ, „когда вы отдѣляете его (т. е. русскій языкъ) отъ славянскаго, а предложу вамъ только вопросъ: въ какой старинной книгѣ находите вы именно языкъ русскій?“ И далѣе: „Ломоносовъ первый его очистилъ и сдѣлалъ почти такимъ, каковъ онъ и теперь. Чѣмъ же онъ достигъ своей цѣли? Приближеніемъ къ языку славянскому и церковному. Должны ли мы сбиваться съ пути, имъ такъ счастливо проложеннаго? Не лучше ли слѣдовать на немъ, и новыми усиліями присвоивать себѣ новыя богатства, въ коренномъ языкѣ нашемъ сокрытыя“. „Знаю“, замѣчаетъ онъ, „всѣ насмѣшки новой школы надъ славянофилами—варяторассами и проч. Но охотно спрошу у самихъ насмѣшниковъ: какимъ же языкомъ писать эпопею, трагедію или даже всякую важную благородную прозу“. Аналогичную мысль проводитъ онъ и въ статьѣ, написанной имъ одиннадцать лѣтъ спустя [3]) въ отвѣтъ К. Полевому, который причислилъ Катенина, вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, Жандромъ, Кюхельбекеромъ [4]), къ партіи, вышедшей изъ нѣдръ славянофильской партіи Шишкова [5]). Катенинъ не любилъ Карамзина, какъ отца нашего сентиментализма и какъ преобразователя нашего языка. Свою непріязнь къ Карамзину Катенинъ простиралъ до того, что отказывался признать за нимъ какія-либо заслуги какъ литератора,

---

[1]) L. Bertrand. La fin du classicisme, p. 360—361, 362, 365, 368.

[2]) „Сынъ Отечества“ 1822 ч. 76-ая № 13, стр. 249—261; см. также „С. О.“ ч. 77-ая № 18 стр. 172—178.

[3]) „Моск. Телегр.“ 1833 № 11 стр. 449—459.

[4]) См. напр. его Разборъ поэмы кн. С. А. Ширинскаго-Шихматова „Петръ Великій“ („С. О.“ 1825 ч. 102-ая № 15 стр. 257—276).

[5]) „Моск. Телегр.“ 1833 № 8 стр. 562—572.

такъ и историка. „Исторія Карамзина, по его мнѣнію, „подлая и педантическая, а всѣ прочія его сочиненія—жалкое дѣтство".

Рѣзкость отзывовъ Катенина о современныхъ ему писателяхъ, которая не разъ поразитъ читателя въ печатаемыхъ ниже письмахъ, объясняется, однако, думается мнѣ, не только литературными причинами, но и чисто личными мотивами. Кн. Вяземскаго и Бестужева онъ отъ души ненавидѣлъ и за принадлежность ихъ враждебному ему направленію и за ихъ ѣдкія насмѣшки надъ его собственными произведеніями. Онъ не долюбливалъ Жуковскаго, какъ послѣдователя Карамзина и подражателя англійскимъ и нѣмецкимъ писателямъ, и какъ своего счастливаго соперника, не по заслугамъ де возвеличеннаго современниками. Мы знаемъ, что „Горе отъ ума" не понравилось Катенину, и что свое мнѣніе о знаменитой комедіи, „жестокое и несправедливое", по отзыву Грибоѣдова, онъ изложилъ въ недошедшемъ до насъ письмѣ къ ея автору [1]). Нѣкоторыя дополненія къ тому, что мы уже знаемъ изъ отвѣта Грибоѣдова, даютъ намъ и письма къ Бахтину. Мы знаемъ также курьезный отзывъ Катенина о „Борисѣ Годуновѣ" Пушкина въ письмѣ къ неизвѣстному лицу (быть можетъ, къ кн. Н. С. Голицыну), напечатанномъ въ 1892 г. въ Сборникѣ „Помощь голодающимъ". Отрицательныя сужденія о другихъ произведеніяхъ великаго поэта найдутся и въ издаваемыхъ нынѣ письмахъ. Очевидно, односторонность и педантизмъ помѣшали Катенину оцѣнить все значеніе безсмертнаго творенія Грибоѣдова, а также и разглядѣть всю мощь и широту генія Пушкина, но и въ этихъ сужденіяхъ пробиваются также и личные мотивы. Успѣхъ „Горе отъ ума" видимо раздражилъ Катенина, который въ 1825 г. успѣлъ уже охладѣть къ своему пріятелю и былъ склоненъ обвинять его даже въ измѣнѣ дружескимъ отношеніямъ [2]). Не безъ горечи и досады прислушивался неудачникъ-поэтъ и къ дружному хору похвалъ, коимъ встрѣчалось всякое появленіе въ печати Пушкина. „Правда и то", пишетъ онъ однажды Бахтину, говоря о недостаткахъ одного стихотворенія Пушкина, „что ему незачѣмъ стараться: все хвалятъ". Другой разъ, удостоивая похвалами „Полтаву", онъ указываетъ на то, что „лучшія мѣста" принадлежатъ другимъ поэтамъ, въ томъ

[1]) Любопытно сопоставить отзывъ Катенина о комедіи Грибоѣдова съ его сужденіемъ о „Недорослѣ". „Фонъ-Визинъ", замѣчаетъ онъ въ одномъ письмѣ къ Бахтину (№ 29)—„комикъ единственный, „Недоросль" есть chef d'oeuvre, какъ въ нравственномъ или гражданскомъ, такъ и въ филологическомъ отношеніи".

[2]) См. письмо Катенина къ А. М. Колосовой (1825 г.) („Русская Старина" 1893 г. апр.), а также его письмо къ Бахтину № 36 (1828 г.).

числѣ и ему. „Въ „Наташѣ“ Пушкина, оказывается, „безсовѣстно окрадены“ „Свѣтлана“ (Жуковскаго) и „Убійца“ (самого Катенина).

Катенинъ былъ очень высокаго мнѣнія о своемъ дарованіи. Неуспѣхъ своихъ произведеній онъ приписывалъ и дурному вкусу читателей, и господству въ литературѣ враждебной ему „шайки“ и надѣялся получить болѣе справедливую оцѣнку въ далекомъ будущемъ. У современниковъ же онъ „зналъ, что ему никогда не сравниться ни съ Пушкинымъ, ни съ Козловымъ“. Катенину сплошь и рядомъ приходилось слышать упреки за его жесткіе стихи. Упреки эти, по его мнѣнію, были несправедливы. „Я по совѣсти не знаю“, заявляетъ онъ въ своемъ наивномъ самомнѣніи, „кто же изъ современныхъ русскихъ стихотворцевъ болѣе занимается чистотою и отдѣлкою своихъ стиховъ . . . . . и передъ безпристрастнымъ и просвѣщеннымъ судьею, я не знаю, съ которымъ изъ нихъ, именно въ этомъ отношеніи, состязаніе мнѣ могло быть опаснымъ [1])“.

Остается еще одинъ вопросъ, вопросъ о вліяніи, оказанномъ, яко-бы, Катенинымъ на Пушкина. „Голосъ истинной критики“, читаемъ мы въ одномъ письмѣ Пушкина къ Катенину, „необходимъ у насъ; кому же какъ не тебѣ забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отъучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Еслибъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности [2])“. Припомнимъ аналогичное заявленіе Грибоѣдова. „Вообще я ни передъ кѣмъ не таился

---

[1]) Изъ поэтовъ Пушкинской плеяды нѣкоторою симпатіею Катенина пользовался Баратынскій. Въ „письмѣ къ Гречу“, напечатанномъ въ „Сынѣ Отечества“ 1822 г. (ч. 76 № 13 стр. 260—261), Катенинъ, между прочимъ, упрекаетъ автора „Опыта краткой исторіи русской литературы“ въ томъ, что онъ „изъ молодыхъ писателей“ упомянулъ только объ одномъ Пушкинѣ. „Онъ, конечно, первый изъ нихъ, но не огорчительно ли прочимъ оставаться въ неизвѣстности... Признаюсь вамъ, мнѣ особенно жаль, что Вы не упомянули о *Баратынскомъ*. Хотя, къ сожалѣнію, большая часть его стиховъ и написана въ модномъ и нѣсколько однообразномъ тонѣ мечтаній, воспоминаній, надеждъ, сѣтованій и наслажденій; но въ нихъ примѣтенъ истинный талантъ, необыкновенная легкость и чистота“.

[2]) Письмо къ Катенину (перв. полов. февр. 1826 г.), соч. Пушкина изд. Имп. Акад. Наукъ, переписка подъ ред. и съ примѣч. В. И. Сантова т. I стр. 327. Ср. письмо Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому (перв. полов. марта 1820) ibidem стр. 15, 16, а также его письмо къ тому же лицу отъ 27 мая 1826 г., ibidem стр. 351 и къ А. А. Бестужеву отъ 24 марта 1825 г. (ibidem стр. 196).

и сколько разъ повторяю . . . . , что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью моего дарованія, если оно есть во мнѣ [1])". Эти, крайне лестные для нашего писателя, отзывы не могутъ не вызвать нѣкотораго недоумѣнія. Узкій педантизмъ и крайняя односторонность Катенина выступаютъ въ его сужденіяхъ такъ рельефно, столь рѣзко противорѣчатъ широтѣ взглядовъ Пушкина и Грибоѣдова, что нельзя не усумниться въ справедливости приведенныхъ выше свидѣтельствъ, не усмотрѣть въ нихъ „дружескаго пристрастія". Слѣдуетъ ли, однако, отрицать всякую возможность хотя бы нѣкотораго вліянія Катенина на Пушкина и Грибоѣдова? Само собою ясно, что Катенинъ былъ вовсе неспособенъ „забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности истинное направленіе", но, быть можетъ, Пушкинъ былъ уже не такъ не правъ, утверждая, что Катенинъ „отъучилъ его отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ". Говоря объ односторонности Катенина, мы нѣсколько склонны закрывать глаза на односторонность его литературныхъ противниковъ, выступавшихъ подъ флагомъ романтизма. Основываясь на далеко не безпристрастныхъ сужденіяхъ нѣмецкихъ критиковъ о французскомъ классицизмѣ, „наши Шлегели" въ своихъ нападкахъ на Корнеля и Расина доходили не разъ также до крайности. За несомнѣнно устарѣвшею, но имѣвшею историческое значеніе, формою Расиновскихъ твореній, они не замѣчали живого, вѣчноюнаго содержанія, не оцѣнивали вѣрности разнообразія и художественности изображенія характеровъ. Въ подтвержденіе этого замѣчанія я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ одного письма А. И. Герцена: „Имѣвъ счастье завершить начальное образованіе подъ маранье московскаго Телеграфа и подъ теорію россійскаго романтизма, я посматривалъ свысока на человѣка трехъ Аристотелевскихъ единствъ, говорящаго Vous и Madame устами Гомеровскихъ богатырей. Нѣмецкая эстетика убѣдила меня, что во Франціи искусства никогда не было, что собственно искусство можетъ цвѣсти въ Баваріи, въ Веймарѣ,—словомъ отъ Франкфурта на Одерѣ до Франкфурта на Майнѣ... Наконецъ я увидѣлъ Расина дома, увидѣлъ Расина съ Рашелью и научился понимать его" [2]). Скажу кстати, что и до сихъ поръ у насъ какъ въ учебникахъ, такъ и въ спеціальныхъ статьяхъ, все еще держится, давно отвергнутый западно-европейскою наукою,

---

[1]) Январь 1825 г., соч. Грибоѣдова изд. подъ ред. проф. И. А. Шляпкина т. I стр. 197.

[2]) „Письма изъ Франціи и Италіи". Письмо 3-е соч. А. И. Герцена изд. Павленкова Спб. 1905 т. V стр. 28 и сл.

взглядъ на великихъ французскихъ драматурговъ XVII в., какъ на ложно-классиковъ и на ихъ искусство, какъ на нѣчто неестественное, фальшивое, ходульное. Я, разумѣется, далекъ отъ мысли односторонностью нашихъ романтиковъ оправдывать односторонность Катенина, а тѣмъ паче оправдывать уродливость его сужденій о Шекспирѣ, Пушкинѣ, Грибоѣдовѣ, но мнѣ хотѣлось только замѣтить, что въ эпоху односторонникъ нападокъ на французскую классическую драму голосъ горячаго, убѣжденнаго поклонника Расина, быть можетъ, прозвучалъ не даромъ. Пушкинъ, съ своею чуткою, всеобъемлющею душою, могъ и въ сужденіяхъ Катенина, отобравъ пшеницу отъ плевелъ, найти элементы для своей теоріи драмы, чуждой всякой односторонности, допускавшей и величіе Шекспира, „несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки“ и величіе Расина, „несмотря на узкую форму своей трагедіи“.

А. Чебышевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„Вѣчная память“.

Императрица Екатерина II любила Тверь, которую возстановила на казенный счетъ изъ пепла, послѣ громадныхъ пожаровъ 1763 и 1773 годовъ, разрушившихъ почти весь городъ.—„Городъ Тверь,—писала она Гримму,—послѣ Петербурга наиболѣе красивый городъ Имперіи“. — Во время своихъ неоднократныхъ путешествій изъ Петербурга въ Москву Екатерина II не разъ останавливалась въ нравившемся ей городѣ. Къ одному изъ этихъ пребываній въ Твери относится случай съ нею, сохраняющійся въ памяти, вѣроятно, многихъ тверитянъ, а мною впервые услышанный въ одной старинной мѣстной семьѣ.

Слѣдуя примѣру своихъ вѣнценосныхъ предшественниковъ и выставляя себя всегда ревнительницей православія, Императрица въ большинствѣ своихъ проѣздовъ черезъ Тверь заходила въ Соборъ—или слушала литургію, или выслушивала краткое молебствіе передъ мощами Благовѣрнаго Князя Михаила. До 1834 года въ Соборѣ еще существовало на стѣнѣ живописное изображеніе одного ея торжественнаго выхода въ Соборъ; шествующую во всемъ царскомъ величіи Императрицу сопровождали на картинѣ геніи и олицетворенныя добродѣтели.

Богослуженіе въ Соборѣ въ присутствіи Императрицы заключалось, конечно, каждый разъ многолѣтіемъ въ честь ея. — И вотъ однажды оробѣвшій протодіаконъ, къ ужасу собравшагося въ церкви „синклита“, высшаго духовенства и мѣстной знати, вмѣсто громогласнаго и торжественнаго: „Благоденственное и мирное житіе“ — низкой октавой началъ выводить въ минорныхъ тонахъ: „Во блаженномъ успеніи“... Прежде чѣмъ протодіаконъ опомнился, прежде чѣмъ его остановили ближайшіе къ нему священнослужители, впавшіе какъ бы въ оцѣпенѣніе отъ такой неожиданности, заупокойное возглашеніе присутствующей тутъ же Царицѣ, доведено

было почти до конца. Пѣвчіе, опомнившіеся раньше всѣхъ, поспѣшили прервать протодіакона особенно громкимъ: „Многая лѣта“... Но эффектъ былъ уже произведенъ. Всѣ присутствующіе находились въ крайнемъ смущеніи; но Императрица и виду не показала какого-нибудь волненія, какъ будто рѣшительно ничего особеннаго не произошло. Но что должны были переживать прежде всего самъ виновникъ этого инцидента — протодіаконъ, [а затѣмъ и архіерей, считавшій себя, какъ главное духовное лицо, отвѣтственнымъ за все. У всѣхъ еще въ памяти было то время, когда лица духовнаго званія, — и низшаго и высшаго положенія—лишаемы были сана и подвергались ссылкѣ по самымъ незначительнымъ причинамъ, какъ напримѣръ за то, что позабыли отслужить молебенъ въ какой-нибудь изъ многочисленныхъ высокоторжественныхъ дней.

Въ крайнемъ безпокойствѣ преосвященный тотчасъ послѣ богослуженія отправляется во дворецъ и испрашиваетъ себѣ высочайшей аудіенціи. Съ тревогой, переходившей иногда въ полное отчаяніе за себя, — о протодіаконѣ, который ни живъ, ни мертвъ вернулся къ своей протодіаконицѣ, едва ли много думалось преосвященному въ эту тяжелую для себя минуту, — предсталъ вновь владыка передъ Высочайшія очи.—Не знаемъ, въ какихъ выраженіяхъ приносилъ онъ свои робкія извиненія и оправданія, ожидая страшнаго для себя приговора Монархини. Но „мать Отечества“ поспѣшила совершенно успокоить архіерея: „Не волнуйтесь, Ваше Преосвященство, и ни мало не безпокойтесь. Я сама желаю себѣ и вѣчнаго покоя послѣ смерти и вѣчной памяти передъ Богомъ и людьми. Очень рада, если и другіе попросятъ мнѣ того же передъ Господомъ. А если вашъ протодіаконъ ошибся сегодня, то, конечно, не отъ злого умысла. Да, вѣдь и не умру же я отъ одного того, что онъ ошибкою возгласилъ мнѣ: вѣчная память!“...

Преосвященный послѣ этихъ словъ долженъ былъ почувствовать себя воскресшимъ; но, вѣроятно, протодіаконъ, которому, конечно, передали милостивое прощеніе Государыни, былъ еще болѣе внѣ себя отъ радостнаго изумленія, что весь этотъ инцидентъ закончился такъ благополучно.

Сообщ. Арсеній П.

Воспоминанія юнкера 2-го военнаго Константиновскаго училища [1]).

(Окончаніе).

Когда войска уже были въ сборѣ, по дорогѣ изъ Краснаго Села показалась группа всадниковъ. Полагая, что это Государь въ сопровожденіи свиты, войскамъ скомандовано было „смирно“. Но оказалось, что это Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Поздоровавшись, онъ объявилъ, что Государь Императоръ благодаритъ за быстрый сборъ, но что Его Величество не изволилъ приказывать бить тревоги.— Тревога оказалась ложной [2]).

Повернули баталіоны кругомъ и сконфуженные пошли обратно домой.

Пересудамъ и догадкамъ о томъ, кто первый началъ бить тревогу—не было конца. Всѣ старались свалить вину на другихъ и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ,—виноватыхъ не оказалось. Несомнѣнно выяснили лишь то, что тревогу начали бить въ авангардномъ лагерѣ, и на этомъ разслѣдованіе и закончилось.

Впослѣдствіи разсказывали, что Государь, услыхавъ тревогу,— по старой привычкѣ являться къ покойному Императору первымъ, приказалъ скорѣе подать себѣ походную форму и, уже одѣвшись,— улыбнулся и послалъ объявить, что тревога ложная.

За все царствованіе Императора Александра III вызовъ войскъ по тревогѣ былъ лишь одинъ разъ. Помнится, это было въ 1888 году. На 31-е іюля назначенъ былъ въ 11 часовъ дня общій парадъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1909 г.

[2]) Во время пребыванія въ лагерѣ Государя Императора тревога можетъ быть дана не иначе, какъ по приказанію Его Величества.

всѣмъ войскамъ Красносельскаго лагеря, поэтому съ вечера 30-го приготовили всю парадную форму перваго срока и спокойно улеглись спать. Погода стояла прекрасная, но барометръ сильно падалъ, и легко можно было опасаться, что во время парада будетъ дождь, который испортитъ и самый парадъ и новые, дорого стоющіе мундиры.

Его Величество, съ заботой всегда относившійся къ благосостоянію войскъ вообще и офицеровъ въ частности, обратилъ вниманіе на предупрежденіе барометра и приказалъ по тревогѣ, вызвать войска въ 3 часа утра. Войска, вызываемыя по тревогѣ, одѣваютъ уже не парадную, а походную форму и мундиры не новые, а 2-го и 3-го срока.

Въ 5 часовъ утра, при восходѣ солнца, Государь объѣхалъ собравшіяся около Царскаго валика войска и произвелъ имъ парадъ. Къ 8-ми часамъ мы были уже у себя, дома, а въ 11 лилъ такой дождь, что изъ палатокъ нельзя было высунуть носа.

Тревога вызываетъ всегда массу энергіи, жизни и подвижности, а поэтому юнкера, сами обладающіе именно этими качествами, присущими юности, любили ее, несмотря на сопряженныя съ нею лишенія и усталость.

Теперь же эта тревога походила скорѣе на часовую прогулку и не лишала возможности провести этотъ вечеръ дома, а это важно было, потому что именно на этотъ вечеръ былъ назначенъ второй спектакль, который, слѣдовательно, отмѣненъ не будетъ.

Второй и третій спектакли прошли, какъ и первый, съ полнымъ успѣхомъ и вѣсть о нихъ разнеслась по всему лагерю. Число желающихъ присутствовать возрастало съ каждымъ разомъ. Командиръ гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Шуваловъ, командиры гвардейскихъ полковъ и бывшіе питомцы училищъ—теперь офицеры гвардіи, заранѣе заботились получить входный билетъ. Бывшій юнкеръ Павловскаго училища поручикъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Вильяшевъ самъ принялъ участіе въ концертномъ отдѣленіи и очаровалъ всѣхъ своимъ чуднымъ голосомъ, исполнивъ нѣсколько номеровъ и соло, и съ хоромъ юнкеровъ.

За два дня до выступленія на большіе маневры, 29-го іюля, былъ назначенъ четвертый, послѣдній прощальный спектакль.

Извѣстная, обошедшая всѣ театры и любительскія сцены, теперь избитая, а тогда новая, не заигранная пьеса: „Лакомый кусочекъ“, была прослушана съ живымъ интересомъ, а дружное исполненіе все время сопровождалось веселымъ смѣхомъ. Въ заключеніе, въ дивертисментѣ, принялъ участіе хоръ юнкеровъ подъ управленіемъ капитана Агаркова.

*

При окончаніи спектакля, уже передъ тѣмъ, какъ опустить занавѣсъ, на сцену вышла депутація юнкеровъ во главѣ съ Надсономъ, неся въ рукахъ лавровый вѣнокъ, который преподнесли взволнованному и растроганному Агаркову.

Надсонъ вышелъ впередъ и, обращаясь къ капитану Агаркову, прочелъ слѣдующее:

Старинный долгъ сегодня выполняя,
Нашъ общій долгъ, нашъ неотложный долгъ,
Всѣ,—какъ одинъ, мы Вамъ рукоплеская,
Торжественно подносимъ нашъ вѣнокъ.
За что?—Отвѣтъ не нуженъ!.. Кто не знаетъ,
Что Вы—душа тѣхъ братскихъ вечеровъ,
Гдѣ такъ свѣтло, такъ мирно отдыхаетъ
Безпечный кругъ веселыхъ юнкеровъ!
Кто знаетъ Васъ—тотъ знаетъ Вамъ и цѣну,
И чтобъ въ душѣ не чувствовать упрекъ,
За нашъ оркестръ, за хоръ нашъ и за сцену
Мы отъ души подносимъ Вамъ вѣнокъ [1]).

Съ какимъ энтузіазмомъ отнеслась публика къ чествованію капитана Агаркова и Надсона—автора этого симпатичнаго, сердечнаго посвященія—говорить нечего. Апплодировали всѣ: и публика, и артисты, и хоръ, и оркестръ. Вызывали безъ конца, и занавѣсъ уже не опускали. Вызывали всѣхъ, кто принималъ хоть какое-либо участіе въ спектакляхъ. Артистовъ благодарили и начальникъ училища, и офицеры, и товарищи. Въ благодарности чувствовалась искренность, и это тѣмъ отраднѣе было сознавать, что и самъ нѣсколько способствовалъ успѣху этого общаго симпатичнаго удовольствія.

Не расходились долго. Никому не хотѣлось покидать помѣщеніе, въ которомъ проведено было столько хорошихъ, беззаботныхъ и веселыхъ вечеровъ.

Чудное незабвенное время! Воспоминаніе о немъ на всю жизнь запечатлѣлось въ сердцѣ, какъ лучшее, свѣтлое воспоминаніе счастливой, далекой юности.

На другой день капитанъ Вишняковъ любезно предложилъ снять группу артистовъ, и мы, конечно, съ благодарностью согласились, прося лишь, чтобы съ нами вмѣстѣ снялся и капитанъ Агарковъ.

Снимокъ вышелъ удачный, и каждому изъ насъ капитанъ Вишняковъ презентовалъ по экземпляру.

---

[1]) Это стихотвореніе—посвященіе, не вошло пока въ сборникъ сочиненій С. Надсона.

1-го августа сводный батальонъ военныхъ училищъ выступилъ на общіе маневры всѣхъ войскъ лагернаго расположенія, на такъ называемые большіе маневры. Нами командовалъ батальонный командиръ Павловскаго училища полковникъ Рѣпинъ, а нашъ батальонный—полковникъ Пороховщиковъ былъ въ эти лагери въ отпуску.

Начальникъ училища хотя и слѣдовалъ все время съ училищами, но въ командованіи не участвовалъ, такъ какъ назначенъ былъ военнымъ посредникомъ для разбора тѣхъ тактическихъ недоразумѣній, какія могли бы возникнуть между воюющими сторонами.

Съ пѣснями и музыкой двинулись мы въ походъ по направленію къ Петергофу, въ окрестностяхъ котораго предполагались большіе маневры.

Стройно движется батальонъ, а музыка еще болѣе подбадриваетъ шагъ. Но прошли часъ, другой и понемногу стали раскисать. Какъ ни бодрились, но пыль, жара и тяжелый, съ полной укладкой, ранецъ скоро даютъ себя чувствовать, а скатанная,—черезъ плечо надѣтая шинель и ружье Бердана № 2 такъ давятъ плечи и грудь. Жажда томитъ, но вода изъ фляжекъ уже давно выпита. Пѣніе прекратилось, музыканты почти не играютъ, лишь Левиты какъ-то сонно пищатъ. Жарко. Потъ льетъ градомъ. Во рту пересохло. Хоть бы глотокъ воды! А тутъ еще пыль, поднятая сотнями ногъ, тучей стоитъ надъ батальономъ и не даетъ продохнуть. Хоть бы вѣтерокъ! А ранецъ такъ мучительно давитъ плечи и сжимаетъ грудь, и безъ того стянутую узкимъ мундиромъ. Чулокъ сбился къ носку и третъ ногу. Еле идешь, но идешь потому, что всѣ идутъ и совѣстно отставать, а какъ хочется остановиться, выпить холодной воды и отдохнуть.

— Что это?—Жалонеры вызваны впередъ!—Неужели остановка? Слава Богу!

Первая рота заходитъ правымъ плечемъ въ сторону отъ шоссе, за ней двигается и вся колонна. Юнкера подтянулись. Отсталые догоняютъ свои роты, и батальонъ, выровнявшись, останавливается и составляетъ ружья въ козлы. Разрѣшено снять ранцы. Привалъ на полтора часа. Сбрасываешь съ себя ненавистный ранецъ и съ наслажденіемъ, разстегнувши мундиръ, растягиваешься на землѣ, разминая уставшія ноги.

Вблизи насъ останавливается на привалъ и нашъ сосѣдъ по лагерю—лейбъ-гвардіи 2-й Стрѣлковый батальонъ. Его офицеры столпились около походнаго буфета и закусываютъ à la fourchette. Ихъ адъютантъ подходитъ къ начальнику училища и очевидно приглашаетъ его и нашихъ офицеровъ къ себѣ, и они идутъ къ стрѣл-

камъ. Этотъ-же адъютантъ обходитъ наши ряды и объявляетъ, что стрѣлки просятъ господъ артистовъ пожаловать къ нимъ закусить чѣмъ Богъ послалъ. Мы въ нерѣшимости, но адъютантъ успокаиваетъ, говоря, что начальника училища спрашивали, и онъ разрѣшилъ. Смущенные, но довольные оказаннымъ вниманіемъ, мы подходимъ къ стрѣлкамъ, гдѣ насъ встрѣчаютъ аплодисментами и за неимѣніемъ букетовъ цвѣтовъ, какъ выразился ихъ командиръ, каждому вручаютъ тарелку, наполненную пирожками и закусками. Отъ водки мы скромно отказываемся, чѣмъ, видимо, остается доволенъ нашъ генералъ.

Закусивъ весьма плотно, мы поблагодарили любезныхъ стрѣлковъ и возвратились къ себѣ. Вскорѣ раздалась команда: „ранцы надѣвать“. „Въ ружье“. И батальонъ, разобравъ ружья, снова двинулся походнымъ порядкомъ.

Только къ вечеру, сдѣлавъ 25 верстъ, пришли мы наконецъ къ мѣсту бивуака и принялись за разбивку палатокъ (tenteabri). Каждая палатка полагается на 8 человѣкъ, и въ ней можно лишь сидѣть или лежать. Стоять нельзя, такъ какъ вышина ея всего около 2-хъ аршинъ и, чтобы пробраться къ своему мѣсту, нужно ползти на четверенькахъ. Тѣсно въ палаткахъ, но уютно. Въ серединѣ сложены ранцы—они замѣняютъ подушки; соломенный матъ, который мы также въ походѣ носимъ на себѣ—это тюфякъ, а шинель—одѣяло.

Дружная, веселая компанія помѣщалась въ нашей палаткѣ: старшаго курса—Мюллеръ, Ингеноль, Леонтовскій, Короткій, Фабри и младшаго—Юрловъ, Ивановъ и милѣйшій Запольскій, за свою молодцоватую выправку и любовь къ фронту прозванный ефрейторенкомъ въ отличіе отъ ефрейтора—Леонтовскаго, также страстнаго любителя строя и фронтовыхъ занятій.

Уже при огнѣ поужинали мы въ этотъ первый день маневровъ и усталые заползли подъ свои палатки-грибы и скоро крѣпко заснули. Завтра подымутъ рано: нужно хорошенько выспаться и отдохнуть.

Большіе маневры 1881 года продолжались, какъ и прошлогодніе, 9 дней: 31-го іюля вышли изъ лагеря, и 8-го августа былъ данъ отбой и окончаніе лагернаго сбора. За это время войскамъ было дано два дня отдыха-дневки, во время которыхъ военныя дѣйствія не производятся.

Никогда не забыть дневки 6-го августа — праздника 1-й роты нашего училища.

Съ утра, довольно поздно начавшагося, юнкерамъ была предоставлена полная свобода, поэтому они занялись кто чѣмъ хотѣлъ: кто отправился въ лѣсъ собирать грибы, кто запасся удочкой и ловитъ въ ручьѣ пескарей, кто чайничаетъ у Харлампія, который и здѣсь, на маневрахъ, безотлучно слѣдуетъ за училищами, едва успѣвая удовлетворять, возбуждаемый юнкерской жаждой, спросъ чая, сельтерской воды, лимонада и пива, прекрасно обдѣлывая свои дѣлишки и туго набивая и безъ того толстую мошну.

Подъ вечеръ, отдохнувъ послѣ сытнаго обѣда, которымъ на славу угостила насъ рота Его Высочества (1-я рота), артисты in corpore собрались на полянкѣ между кустовъ и, распивая чай, оживленно бесѣдуютъ, вспоминая спектакли и мечтая о скоромъ производствѣ.

Вдругъ, слышимъ въ сторонѣ, юнкера отвѣчаютъ на привѣтствіе начальника училища.

Мы вскочили и видимъ: въ коляскѣ, окруженный бѣгущими юнкерами, ѣдетъ нашъ генералъ.

Мы не видали его цѣлый день, такъ какъ съ утра онъ уѣхалъ на парадъ Преображенцевъ и только теперь возвратился домой.

Со всѣхъ сторонъ выбѣгали юнкера и, съ крикомъ ура! присоединялись къ бѣгущей толпѣ.

Коляска, со всѣхъ сторонъ окруженная юнкерами, вскорѣ должна была двигаться шагомъ.

Въ порывѣ восторга мы кричали ура! и съ какимъ-то обожаніемъ смотрѣли на дорогое, симпатичное лицо нашего генерала. Онъ снялъ фуражку и, придерживаясь за спину кучера, стоя, медленно подвигался среди ликующаго, любящаго его юношества.

Подъѣхавъ къ выстроенной ротѣ Его Высочества, генералъ вышелъ изъ коляски и, поздравивъ съ ротнымъ праздникомъ, объявилъ, что онъ узналъ за навѣрное, что производство будетъ черезъ день, 8-го августа.

Басистое ура!—верблюдовъ слилось съ общимъ ура! обоихъ училищъ. Полетѣли вверхъ юнкерскія кепи, а мощное, тысячное ура! выражало восторженное настроеніе, полное радужныхъ надеждъ на свѣтлое будущее.

Къ начальнику училища подошелъ командиръ роты Его Высочества и отъ имени роты просилъ его принять [приглашеніе на чашку чаю. Генералъ согласился и вмѣстѣ съ офицерами направился въ разукрашенное флагами и зеленью помѣщеніе, въ которомъ сервированъ чайный столъ.

Оба училища размѣстились тутъ же на травѣ, а догадливый Харлампій уже снабжалъ желающихъ кипяточкомъ, чаемъ и пирожками.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, хоръ юнкеровъ не заставилъ себя просить и, чередуясь съ оркестромъ, грянулъ свои лихія пѣсни.

Когда стемнѣло, юнкера тутъ же выстроились для вечерней зори и общимъ хоромъ пропѣли молитвы.

Послѣ команды: „на — кройсь“, — „по палаткамъ разойтись“ — юнкера, увидя начальника училища, который собирался идти къ себѣ въ палатку,—подняли его на руки и бережно понесли къ его ставкѣ.

Ясно помню часть рѣчи, съ которой онъ, прощаясь, обратился къ намъ.

— Спасибо вамъ, господа! за ваше расположеніе ко мнѣ,—сказалъ генералъ. Вы меня глубоко растрогали. Я знаю, я чувствую, что вы любите меня, но вѣдь и вы знаете, что я люблю васъ всѣхъ, люблю, какъ нѣжная мать лишь можетъ любить дѣтей своихъ.—Мнѣ скучно было сегодня, цѣлый день не видя васъ, и я стремился къ вамъ въ наше родное училище.—А скоро—черезъ два дня, продолжалъ генералъ:—мы надолго, быть можетъ навсегда, распростимся съ вами! Вы разлетитесь во всѣ стороны нашей дорогой родины, но, гдѣ бы вы ни были, — помните и любите наше училище. Храните завѣты, которые оно неуклонно стремилось привить вамъ и исполненіемъ долга службы и безпредѣльной любовью къ Царю и родинѣ докажите, что училище не напрасно хлопотало и заботилось о васъ, стремясь выработать честныхъ людей и вѣрныхъ слугъ отечеству!“

— Постараемся, Ваше Превосходительство!—искренно отвѣтили мы, и въ отвѣтѣ нашемъ звучала увѣренность и въ самихъ себя и въ свои силы, которыя мы такъ радостно, такъ беззавѣтно готовились отдать на службу и защиту Царя и родины.

Взволнованные, восторженно настроенные, разошлись мы по палаткамъ, долго еще бесѣдуя по поводу только-что слышанной рѣчи. И никто, кажется, не остановилъ тогда особеннаго вниманія на ту часть ея, гдѣ генералъ подчеркивалъ близость разлуки съ нами: — „Разлуки быть можетъ навсегда!“ А между тѣмъ, тогда, видя передъ собой юнкеровъ обоихъ училищъ, онъ вѣдь дѣйствительно прощался съ нами навсегда, предвидя свою близкую, тяжелую кончину.

7-го и 8-го августа мы мало принимали участія въ бояхъ и почти все время маневрировали, поспѣшая то къ одному, то къ другому пункту боя. Походное движеніе утомило насъ изрядно, а пыль и жара еще болѣе увеличивали усталость.

Наконецъ, желанный моментъ наступилъ. Въ 12 часовъ дня, 8-го августа, среди грохота орудій и ружейной трескотни общаго боя, прозвучалъ гдѣ-то далеко, далеко—чуть слышно радостный сигналъ отбоя: „слушайте всѣ—отбой“. Сигналъ подхватился ближайшими частями, и пальба постепенно смолкла, лишь гдѣ-то въ сторонѣ еще слышится перестрѣлка и крики ура!. Тамъ не слыхали еще сигнала, и бой ведется съ полнымъ напряженіемъ.

Наконецъ, смолкло все, и прозвучалъ сигналъ „строить колонну“ и сборъ начальниковъ.

Насъ выстроили и повели къ Царской ставкѣ, которая, какъ говорили, не далѣе 5-ти верстъ. Но мы прошли часъ, другой, и все еще блуждали по лѣснымъ дорогамъ и, наконецъ, лишь въ 3-мъ часу пришли въ какую-то деревню, гдѣ на площади двигались войска и виднѣлось много придворныхъ экипажей.

Насъ остановили, приказавъ составить ружья въ козлы. Выпускныхъ вызвали впередъ и построили въ колонну.

Съ возрастающимъ волненіемъ поджидаемъ прибытія Государя, который въ это время присутствуетъ на военномъ совѣтѣ, разбирая дѣйствія только-что закончившихся маневровъ.

„Смирно“, раздалась команда, и мы увидѣли въ сторонѣ Государя Императора, который вмѣстѣ съ Императрицей сѣлъ въ коляску и подъѣхалъ къ намъ.

Поздоровавшись, Государь поздравилъ насъ съ производствомъ и, пожелавъ счастья, добавилъ: „Помните, господа, что дисциплина—все; она важна какъ въ мирное, такъ и въ военное время!“ Еще разъ поздравляю васъ“!

Оглушительное ура! было отвѣтомъ на милостивыя слова Государя, и мы толпой, перегоняя другъ друга, бросились за отъѣзжавшей коляской, счастливые отъ привѣтливыхъ улыбокъ Императрицы и Государя, которыми они награждали насъ, изъ всѣхъ силъ старавшихся не отстать отъ быстро мчавшейся коляски.

Радостные, забывъ объ усталости и голодѣ (мы съ утра ничего не ѣли), возвратились мы къ баталіону, по пути привѣтствуемые начальникомъ училища и нашими офицерами,получая отъ нихъ отпечатанный приказъ о нашемъ производствѣ.

Отдохнувъ съ полчаса и закусивъ холодной закуской, которую утромъ намъ выдали на руки, мы двинулись въ обратный путь,

въ Красносельскій лагерь, до котораго оставалось еще добрыхъ 15 верстъ.

Нужно сознаться, что многіе изъ насъ, воспользовавшись общимъ настроеніемъ, соблазнились возможностью уѣхать и укатили на чухонскихъ вейкахъ и извозчикахъ, которые въ изобиліи съѣхались къ мѣсту производства, чуя солидный заработокъ и зная слабохарактерность вновь испеченныхъ офицеровъ.

На обратномъ пути мнѣ выпала честь нести батальонную святыню—наше старое училищное знамя. И теперь, по прошествіи уже 28 лѣтъ, я съ гордостью вспоминаю, что несъ его и не покинулъ строй родного училища, до конца выполнивъ долгъ юнкерской службы.

Уже подъ вечеръ пришли мы въ лагерь, и начальникъ училища, еще разъ поздравивъ насъ и поблагодаривъ за порядокъ на маневрахъ, распустилъ батальонъ по баракамъ.

Спѣшно приступили мы къ переодѣванію въ городскую форму, боясь опоздать къ 9-ти часовому поѣзду, отходящему въ Петербургъ, гдѣ въ училищномъ манежѣ намъ приготовлено помѣщеніе, и гдѣ собраны всѣ наши новыя, уже собственныя, офицерскія вещи и платье, которыя такъ страстно хочется поскорѣе облачить на себя.

Только-что сбросили съ себя ранцы и мундиры, какъ въ баракъ тихо, никѣмъ не сопровождаемый, вошелъ начальникъ училища и, обходя каждаго въ отдѣльности, благодарилъ за службу и желалъ счастья въ новой, начинающейся жизни. Медленно обойдя нашъ баракъ, онъ направился въ слѣдующій смежный съ нашимъ баракъ 3-ей роты.

Впослѣдствіи только догадались мы о причинѣ его неурочнаго появленія и обхода ротъ и о тѣхъ душевныхъ мукахъ, какія, безъ сомнѣнія, испытывалъ онъ въ то время. Онъ какъ будто оттягивалъ, какъ-будто не хотѣлъ разстаться съ нами и, съ цѣлью еще разъ увидѣть насъ, предпринялъ этотъ обходъ, чтобы сказать свое послѣднее, прощальное привѣтствіе.

Въ одиннадцатомъ часу вечера пріѣхали мы въ Петербургъ, въ училище и прямо въ баню, откуда черезъ полчаса выходили уже въ офицерской формѣ чистенькіе, во всемъ новомъ, съ сіяющими счастьемъ лицами.

Въ манежѣ какъ-будто оживленный маскарадъ. Въ этихъ веселыхъ блестящихъ офицерахъ съ трудомъ узнаешь своихъ юнкерскихъ товарищей. Всѣ эти 150 бывшихъ сѣрыхъ юнкеровъ теперь элегантные офицеры, которымъ предупредительно предлагаетъ чай

наша бывшая юнкерская прислуга, тутъ же присутствующая и съ восторгомъ глазѣющая на своихъ господъ.

Несмотря на поздній часъ, въ манежѣ царитъ оживленіе, но усталость все-таки даетъ себя чувствовать, и большинство господъ офицеровъ укладывается спать, рѣшивъ на завтра отложить прогулку по городу, съ тѣмъ, чтобы уже при дневномъ освѣщеніи показаться Петербургу во всемъ блескѣ и красѣ. Нѣкоторые же, въ томъ числѣ и я грѣшный, соблазнились искушеніемъ, надѣли оружіе и съ громомъ и трескомъ отправились фланировать по соннымъ, уже опустѣвшимъ, улицамъ столицы.

9-го августа, съ утреннимъ поѣздомъ долженъ былъ прибыть изъ лагеря батальонъ училищъ, такъ какъ, по росписанію, въ 11 часовъ назначенъ молебенъ въ присутствіи юнкеровъ и насъ—произведенныхъ офицеровъ. Послѣ молебна рѣшено было преподнести альбомъ, уже заполненный карточками, нашему дорогому начальнику училища.

Но только-что мы проснулись, какъ разнеслась страшная вѣсть: „начальникъ училища скончался: онъ самъ покончилъ съ собой“.

Не хотѣлось вѣрить этой ужасной, ошеломляющей вѣсти, но прибывшіе изъ лагеря юнкера и офицеры подтвердили дѣйствительность несчастія.

Въ ночь съ 8-го на 9-е августа начальникъ училища у себя въ лагерномъ баракѣ маленькимъ ножичкомъ, которымъ обрѣзалъ сигары и который, какъ брелокъ, висѣлъ у него на цѣпочкѣ часовъ, перерѣзалъ себѣ горло.

Какая причина побудила его такъ неожиданно и такъ мучительно покончить жизнь, осталось не выясненнымъ, и хоть не мало высказывалось различныхъ предположеній, но все это были лишь догадки, такъ какъ покойный не оставилъ никакихъ разъяснительныхъ записокъ и причина смерти его для всѣхъ осталась загадочной.

Даже теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, вспоминая личность покойнаго, становится грустно и обидно, что такой чудный начальникъ, такой гуманный человѣкъ такъ безвременно, такъ трагически мучительно порвалъ свою жизнь, еще полную силъ и энергіи.

Я глубоко убѣжденъ, что всѣ юнкера 2-го военнаго Константиновскаго училища выпуска 1881 года до конца жизни сохранятъ въ сердцахъ своихъ глубокую благодарность и добрую память о незабвенномъ нашемъ начальникѣ, генералъ-маіорѣ, Георгіѣ Ивановичѣ Шмидтѣ.

Нечего и говорить, какъ подѣйствовала на насъ эта неожиданная, тяжелая утрата.

То веселье, какимъ сопровождается обыкновенно производство, тѣ общія традиціонныя пирушки, какія устраиваются вновь испеченными офицерами,—все это было омрачено искреннимъ нежданнымъ горемъ.

10-го августа прахъ покойнаго былъ перевезенъ въ Петербургъ, а 11-го мы хоронили его, и какія это были необыкновенныя похороны! Исключительно одна лишь молодежь: густой тысячной толпой сопровождала до могилы останки дорогого покойника и, всю дорогу, присоединяясь къ хору пѣвчихъ, пѣла: „Святый Боже“.

Послѣ похоронъ мы передали сестрѣ покойнаго генерала — его единственной родственницѣ—нашъ серебряный вѣнокъ, прося принять его, какъ рамку для портрета нашего незабвеннаго начальника и какъ воспоминаніе о той любви и благодарности, какія мы всѣ къ нему питали.

Черезъ два дня, получивъ прогонныя деньги и отпускъ на 28 дней, мы навсегда распростились съ роднымъ училищемъ и товарищами, вмѣстѣ съ которыми пережито такъ много хорошаго и связано столько свѣтлыхъ воспоминаній далекой юности.

И. Ф.

Изъ исторіи Новгорода.

(Самоуправленіе и власть княжеская).

Расположенный на обоихъ берегахъ многоводной рѣки Волхова, Новгородъ участвуетъ въ 862 г. въ призваніи князей, при чемъ старшій изъ призванныхъ братьевъ Рюрикъ, по однимъ источникамъ, садится въ Новгородѣ, а по другимъ—въ Ладогѣ. До водворенія Рюрика, новгородцы, какъ и другіе славяне, управлялись старѣйшинами въ родѣ. Слѣды этого прежняго самоуправленія Новгорода слышатся даже и по призваніи князей, когда, по словамъ лѣтописи, нѣкоторые изъ жителей „не захотѣли пострадати отъ Рюрика и отъ раба его, а Рюрикъ изби Вадима храбраго и многихъ новгородцевъ совѣтниковъ его“. Преемникъ Рюрика Олегъ послѣ 869 г. утвердился въ Кіевѣ и отсюда съ дружинами, въ которыхъ находились и новгородцы, сдѣлалъ знаменитый походъ по Черному морю къ Византіи, или къ Константинополю, закончившійся договоромъ 911 года—первымъ источникомъ русскаго права. Въ Новгородѣ же оставленъ былъ княжескій посадникъ, что сильно новгородцамъ не нравилось: при сынѣ Игоря Святославѣ ихъ послы пришли въ Кіевъ просить себѣ князя: „если же никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ,—говорили они,—то мы сами найдемъ себѣ князя“. Тогда въ Новгородъ былъ отправленъ малолѣтній сынъ Святослава Владиміръ, рожденный отъ ключницы Малуши, и съ нимъ его дядя Добрыня; новгородцы съ охотою приняли Владиміра, надѣясь воспитать его въ своемъ обычаѣ. Послѣ убійства при Ярополкѣ Олега, Владиміръ, испугавшись злодѣяній брата, бѣжалъ за море, и Новгородъ былъ занятъ посадниками Ярополка, но черезъ три года Владиміръ съ

варягами вернулся въ Новгородъ, прогналъ намѣстниковъ брата, и съ новгородцами, варягами и кривичами пошелъ къ Кіеву; городъ сдался, Ярополкъ былъ убитъ, Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ, а новгородцы съ честью были отпущены домой.

При принятіи христіанства, въ Новгородѣ сказались тѣ отличительныя стороны характера жителей—приверженность къ старинѣ и упорная ея защита, которыми такъ сильны они были впослѣдствіи. Въ это же время встрѣчаемъ и первое извѣстіе о „вѣчѣ“, какъ о народномъ собраніи, имѣющемъ общія задачи. Когда Добрыня съ епископомъ и священниками пришли крестить народъ, то новгородцы собрали вѣче и поклялись не принимать крещенія: „лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ (идоловъ) на поруганіе“; вышли на Добрыню съ оружіемъ, а на мосту противъ него поставили два камнестрѣльныхъ порока. Новгородцы такъ разсвирѣпѣли, что разорили домъ Добрыни, убили жену его и родственниковъ. Только ночью хитростью удалось Добрынѣ переправиться на другую сторону, и здѣсь произошла страшная сѣча, для страха зажгли нѣсколько домовъ на берегу, новгородцы смирились. Они съ воплемъ и слезами хватались за идоловъ, когда ихъ бросали въ Волховъ. „Что вамъ ждать отъ нихъ и жалѣть, когда они сами себя оборонить не могутъ“,—съ усмѣшкою возражалъ имъ Добрыня. Тогда новгородцы пошли къ рѣкѣ и крестились: мужчины выше моста, а женщины—ниже. Послѣ Владиміра Святого, въ Новгородѣ княжилъ старшій сынъ его Вышеславъ, а за нимъ другой его сынъ отъ Рогнѣды Ярославъ, бывшій отъ природы хромымъ. Ярославъ, при помощи новгородцевъ, сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, „утеревъ съ дружиною потъ“, по выраженію лѣтописца. Въ благодарность же за усердіе Ярославъ далъ новгородцамъ особую льготную грамоту, которою опредѣлялись разныя денежныя пошлины и уяснялись права новгородцевъ. Достовѣрно съ этого времени и слѣдуетъ считать начало самоуправленія новгородскаго и развитіе ихъ богатства и силы. Сынъ Ярослава Владиміръ построилъ въ Новгородѣ каменный соборъ Св. Софіи, сохранившійся, какъ памятникъ искусства, до нашего времени; недавно онъ только-что реставрированъ.

Послѣ смерти Ярослава, вслѣдствіе перемѣнъ великаго князя въ Кіевѣ, въ теченіе 50 лѣтъ шесть разъ мѣнялись князья въ Новгородѣ, пока здѣсь не сѣлъ сынъ Мономаха Мстиславъ, прозванный „Великимъ“, но и послѣдній, изъ-за ссоры старшихъ братьевъ, переведенъ былъ въ Ростовъ, а въ Новгородѣ сѣлъ Давидъ, княжившій здѣсь раньше. Давидъ изъ Новгорода вскорѣ ушелъ въ Смоленскъ, думая оставить за собою оба эти города. Тогда новгородцы послали просить къ себѣ вновь Мстислава и посадили его

княземъ; Давиду же сказали: „Не ходи къ намъ“. Личность этого новгородскаго князя Мстислава, сына Мономахова, впослѣдствіи названнаго Великимъ, заслуживаетъ быть отмѣченной, потому что показываетъ, насколько новгородцы умѣли цѣнить своихъ выдающихся князей: для нихъ не только была незабвенна память этого князя, но даже потомство его, отличавшееся также личными достоинствами, всегда предпочиталось новгородцами другимъ.

Послѣ изгнанія Давида изъ Новгорода и водворенія тамъ Мстислава въ одномъ изъ сраженій съ Олегомъ Святославичемъ былъ убитъ сынъ Мономаха Изяславъ, братъ Мстислава; послѣдній пошелъ на Олега, приходившагося ему крестнымъ отцомъ, вмѣстѣ съ братомъ Вячеславомъ, и съ новгородцами пѣшими при рѣкѣ Колакчѣ разбилъ на голову Олега, но въ то же время, чтя въ немъ крестнаго отца, послалъ къ Мономаху просьбу за Олега, заканчивавшуюся такими словами: „брату моему Изяславу судъ пришелъ, не будемъ за него местниками, они сами съ Олегомъ станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы русской земли не погубимъ“. Мономахъ этотъ знаменитый князь древней Руси, оставившій въ своихъ изреченіяхъ всю глубину великой души и ума, столько же и подвиговъ мужества на защиту родины, тотчасъ же отвѣтилъ Олегу: „Увидавъ такое смиреніе сына моего, я умилился и устрашился; сынъ мой въ юности и въ безуміи (т. е. въ горячности) такъ смиряется, а я что дѣлаю?.. Я тебѣ пишу не по нуждѣ,—такъ заканчиваетъ Мономахъ свое замѣчательное по выразительности мысли посланіе,—нѣтъ мнѣ никакой бѣды, пишу для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлаго свѣта“. Оба эти посланія повліяли даже на жестокое сердце Олега, результатомъ явился съѣздъ князей въ Любичѣ, умиротворившій междуусобія.

Въ половинѣ XII вѣка Юрій Ростовскій сталъ тѣснить Новгородъ, за него вступился великій князь Кіевскій Изяславъ, сынъ Мстислава Великаго, и пришелъ съ дружиною въ Новгородъ, гдѣ княжилъ его сынъ Ярославъ. Съ честію встрѣченный, Кіевскій князь поѣхалъ къ обѣднѣ въ соборъ св. Софіи, а послѣ послалъ бирючей кликать кличъ по улицамъ къ князю на обѣдъ всѣхъ отъ мала до велика. На другой же день, когда новгородцы сошлись на Ярославовомъ дворѣ на вѣчѣ, Изяславъ произнесъ: „Братья! вы прислали ко мнѣ жаловаться, что дядя мой Юрій обижаетъ васъ, и вотъ я, оставя русскую землю, пришелъ сюда на него; гадайте, мириться ли съ нимъ или ратью покончить?“—„Ты нашъ князь, нашъ Владиміръ, нашъ Мстиславъ: пойдемъ всѣ, только духовные останутся Бога молить“, раздались крики. Мстиславъ съ новгородцами пошелъ въ

Ростовскія волости, погромилъ ихъ, взялъ много въ плѣнъ и вернулся въ Кіевъ.

Въ 1164 г. шведы осадили Новгородскій городъ Ладогу, но сюда явились новгородцы подъ предводительствомъ князя и посадника, и всѣ 55 шаекъ шведовъ были разбиты. При усиленіи Всеволода Суздальскаго, новгородцы послали звать себѣ въ князья отличавшагося своими доблестями внука любимаго ими Мстислава Великаго—Мстислава Храбраго. Послѣдній сначала не соглашался идти въ Новгородъ, но дружина уговорила его словами: „Если зовутъ тебя съ честію, то ступай, развѣ тамъ не наша же отчина". Едва водворился Мстиславъ въ Новгородѣ, какъ тотчасъ же обратился къ новгородцамъ съ рѣчью: „Братья! поганые (чудь) насъ обижаютъ, такъ намъ бы, призвавши на помощь Бога и Святую Богородицу, отомстить за себя и освободить отъ нихъ землю новгородскую".

Съ полками новгородскими онъ пожегъ всю Чудскую землю, взялъ въ плѣнъ много людей и скота и возвратился, по словамъ лѣтописи, „съ славою и честію великою". Но не долго послѣ того пришлось прожить Мстиславу: онъ скончался въ Новгородѣ въ 1180 году и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ. „Солнце наше зашло,—говорилось послѣ его смерти,—остались мы беззащитные,—говорится въ той же лѣтописи,—лучше бы намъ умереть было съ тобою, ты былъ крѣпокъ; на рати, не жалѣлъ жизни за русскую землю и христіанъ, былъ щедръ къ бѣднымъ, святительскому чину воздавалъ достойную честь,—и плакала по немъ вся русская земля, не могши забыть доблестей его".

Послѣ смерти Мстислава Храбраго, въ Новгородѣ княземъ былъ поставленъ отъ Всеволода Великаго Суздальскаго его сынъ Святославъ, но новгородцы не взлюбили и послали звать къ себѣ сына Мстислава, также Мстислава, получившаго прозвище „Удалого", бывшаго княземъ въ Торопцѣ. Удалой съ дороги, еще изъ Торжка, послалъ сказать новгородцамъ: Кланяюсь Св. Софіи, гробу отца моего и всѣмъ новгородцамъ, пришелъ я къ вамъ, услышавъ о насиліяхъ, и мнѣ стало жаль своей отчины". Новгородцы заперли князя Святослава подъ стражей, а Мстиславъ съ полками новгородскими двинулся на рать Всеволода, но послѣдній, зная, вѣроятно, хорошо душу Удалого, прислалъ ему сказать слѣдующія слова: „Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ, отпусти Святослава, я отдамъ захваченное и ты также". Мстиславъ согласился, выпустилъ Святослава, и миръ былъ заключенъ. Вскорѣ Удалой съ своими родичами согласился идти противъ Кіевскаго князя Всеволода Чермнаго, на Ярославовомъ дворѣ на вѣчѣ онъ объявилъ о томъ новгород-

цамъ.—„Куда, князь, ты посмотришь, туда и мы бросимся головами своими“,—отвѣтили они. Въ походѣ же однако заупрямились и не хотѣли уступить перваго мѣста смоленскимъ полкамъ старшаго изъ князей Мстислава Романовича.

Мстиславъ Удалой сталъ тогда звать новгородскіе полки на вѣче, но они не пошли, тогда онъ, перецѣловавъ всѣхъ, поклонился имъ и пошелъ одинъ съ дружиною при смоленской рати. Новгородцы собрались на вѣче, и здѣсь посадникъ Твердиславъ сказалъ имъ: „Какъ *трудились наши дѣды и отцы* за русскую землю, такъ, — братья, и мы пойдемъ за своимъ княземъ“. Новгородцы догнали и присоединились къ Мстиславу Мстиславовичу, разбили потомъ войска Чернаго и вмѣстѣ со своимъ княземъ вернулись домой. Но здѣсь Удалой пробылъ недолго: онъ узналъ, что въ городѣ образовалась сильная партія, тайно желавшая его изгнанія и призванія князя изъ Суздаля. Мстиславъ не сталъ дожидаться, чтобъ ему „показали путь“, какъ сказано въ лѣтописи, собралъ вѣче и, сказавъ: „У меня есть дѣла на Руси, а вы вольны въ князьяхъ“, уѣхалъ изъ Новгорода, куда княземъ тотчасъ же былъ приглашенъ сынъ Всеволода Великаго Ярославъ. Но не долго ладили и съ нимъ новгородцы: они разграбили домъ тысячскаго Якуна, убили боярина Овстрата съ сыномъ. Ярославу Всеволодовичу не понравилось такое своеволіе; онъ уѣхалъ въ сосѣдній Торжокъ и сталъ здѣсь княжить, не пропуская въ то же время хлѣба съ Юга Россіи. Въ Новгородѣ морозъ побилъ весь урожай, наступилъ голодъ — „люди ѣли сосновую кору, липовый листъ, дѣтей отдавали въ холопство, по улицамъ, торгу и полямъ валялись трупы, и собаки не успѣвали съѣдать ихъ“—говоритъ лѣтописецъ. Новгородцы неоднократно посылали просить Ярослава смилостивиться надъ ними и пропустить хлѣбъ съ Юга, но тотъ только задерживалъ ихъ пословъ. Тогда новгородцы о своемъ отчаянномъ положеніи дали знать ихъ бывшему князю Мстиславу. Удалой 11 февраля 1216 г. явился въ Новгородъ и цѣловалъ крестъ жителямъ не разставаться ни въ животѣ, ни въ смерти. Ярославъ же прислалъ 100 человѣкъ, казавшихся ему вѣрными, новгородцевъ, чтобъ они подняли городъ противъ Мстислава, но эти 100 присоединились къ послѣднему. Мстиславъ снова созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ народу: „пойдемте искать свою братью и своихъ волостей, чтобъ не былъ Торжокъ Новгородомъ, а Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ Св. Софія, тамъ и Новгородъ; и въ силѣ Богъ, и въ малѣ Богъ да правда“.

Послѣ разныхъ переходовъ полки новгородскіе Мстислава и смоленскіе его брата Владиміра вступили въ бой съ ратями Всево-

лодовичей Ярослава и Юрія. Передъ началомъ битвы Мстиславъ сказалъ новгородцамъ: „пошли мы въ землю сильную, нечего намъ озираться назадъ, забудемъ, братья, про дома, женъ и дѣтей, вѣдь надобно же будетъ когда-нибудь умереть“. —„Мы не хотимъ помирать на коняхъ, хотимъ биться пѣши, какъ наши отцы на Колакшѣ“,— и сбросивъ съ себя порты и сапоги, босые бросились на враговъ.

Мстиславъ трижды проѣхалъ по вражьимъ полкамъ, посѣкая людей топоромъ съ паворозою. Побѣда Мстислава была полная: „не 10 и не 100, но всѣхъ было избито 9,233 человѣка,—говоритъ лѣтописецъ, — и крикъ и вытье раненыхъ были слышны въ Юрьевѣ и около него“ (Владимірской губ.). Со славою вернулся Мстиславъ въ Новгородъ, но въ 1218 г. ушелъ отсюда „искать Галича“.

Новгородцы пригласили себѣ въ князья его племянника Святослава. Послѣдній не сошелся съ посадникомъ Твердиславомъ,—поднялся мятежъ, князь послалъ тысячскаго сказать на вѣчѣ: „Не могу быть съ Твердиславомъ,—отнимаю у него посадничество.—А какая ему вина?—спросили новгородцы.—Безъ вины,—отвѣтилъ посолъ князя.—Тому я радъ, братья, возразилъ тогда Твердиславъ, что вины нѣтъ на мнѣ никакой, а вы братья вольны и въ посадничествѣ и въ князьяхъ“. Новгородцы однако заступились за Твердислава, сказавъ князю: „ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности, и того мы не допустимъ, чтобы у Твердислава было отнято посадничество“. Святославъ согласился съ народомъ, и спокойствіе было возстановлено.

Въ годы русской „юдоли“, въ началѣ татарскаго ига—униженнаго рабства всей Россіи, громкая побѣда новгородцевъ со своимъ княземъ надъ шведами въ 1240 г. оживила упавшій духъ нашихъ предковъ. Шведы, подъ начальствомъ Биргера, пришли съ большими силами и стали при устьѣ рѣчки Ижоры, впадающей въ Неву верстахъ въ 20 отъ теперешняго Петербурга. Сюда явился съ небольшою новгородскою ратью ихъ князь Александръ, сынъ того Ярослава, который нѣкогда засѣлъ въ Торжкѣ и не пропускалъ къ Новгороду хлѣба. 15 іюля онъ нанесъ шведамъ страшное пораженіе, за которое получилъ названіе „Невскаго“, имена же нѣкоторыхъ новгородцевъ, особенно отличившихся въ этой битвѣ своею храбростью, сохранила даже лѣтопись на память потомству; такъ Гаврила Олексичъ пробился за бѣгущимъ Биргеромъ до самаго корабля его, былъ сброшенъ вмѣстѣ съ лошадью въ воду, но выплылъ и бился съ воеводою шведскимъ; новгородецъ Миша пѣшкомъ съ товарищами погубилъ три непріятельскихъ корабля, отрокъ Савва пробился до самаго шатра Биргера „златоверхаго“, подсѣкъ его столпъ, и паденіе его еще болѣе усилило духъ новгородцевъ.

Черезъ два года послѣ этой битвы орденъ Нѣмецкихъ рыцарей меченосцевъ, имѣвшій главнымъ городомъ Ригу, сталъ нападать на Новгородскія и Псковскія земли. Александръ съ новгородцами 5 апрѣля 1242 г. далъ рыцарямъ сраженіе на самомъ Псковскомъ озерѣ, ледъ котораго былъ достаточно крѣпокъ. Рыцари острою колонною, названною русскими „свиньею“, пробились было сквозь Новгородскую рать, но Невскій ударилъ врагамъ сзади и разбилъ нѣмцевъ на голову. Льда на озерѣ не было видно, все покрылось кровію,—говоритъ лѣтописецъ,—русскіе гнали нѣмцевъ до береговъ на разстояніи 7 верстъ и множество взяли въ плѣнъ. Сраженіе это получило названіе „Ледовитаго побоища“, а о подвигахъ князя Александра благодарные псковичи отозвались въ такихъ выраженіяхъ: „О псковичи! если забудете или отступите отъ рода князя Александра Ярославича, то будете похожи на жидовъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ, а они забыли всѣ Его благодѣянія“!

При борьбѣ Москвы съ Тверью, новгородцы принуждены были брать сторону то того, то другого изъ соперниковъ. Въ началѣ XIV вѣка Михаилъ Тверской захватилъ Новгородскіе города Торжокъ и Бѣжецкъ и прекратилъ подвозъ хлѣба. Новгородцы заключили миръ и заплатили князю 1.500 гривенъ серебра. Въ 1317 г. новгородцы съ своимъ посадникомъ ходили далеко за море и взяли Шведскій городъ Або. Въ 1337 г. Іоаннъ Калита князь Московскій спросилъ съ новгородцевъ вторую татарскую дань, или „выходъ“. Новгородцы отказали со словами: „того у насъ не бывало отъ сотворенія міра, а ты, князь, цѣловалъ намъ крестъ по старинѣ“. Вслѣдствіе этого у Новгорода произошелъ разрывъ съ Москвою, скоро впрочемъ окончившійся миромъ, хотя неизвѣстно, дали ли новгородцы князю второй выходъ.

Одновременно съ упроченіемъ единовластія на сѣверо-востокѣ въ Москвѣ при Іоаннѣ Калитѣ, въ началѣ XIV вѣка въ Новгородѣ устанавливается новый порядокъ высшей власти: князья, управлявшіе Новгородомъ при помощи посадника и вѣча, совершенно исчезаютъ, интересы же великаго князя начинаютъ представлять въ отношеніи сбора дани и другихъ фискальныхъ статей присылаемые отъ князя намѣстники, главнымъ же представителемъ власти въ Новгородѣ, распорядителемъ и внутренней и внѣшней политики при помощи вѣча является выбираемый всѣмъ народомъ посадникъ, на выборъ котораго нерѣдко оказываетъ вліяніе, какъ и прежніе Новгородскіе князья, великій князь.

Главными занятіями новгородцевъ были земледѣліе и торговля. Владѣльцами земель являлись крестьяне, или смерды, бояре, монастыри и владычня Новгородская каѳедра; размѣръ крестьянской за-

пашки на каждое отдѣльное лицо въ двухъ поляхъ на хорошей землѣ обнималъ 3 десятины, а на менѣе плодородной почвѣ до 6 десятинъ, на сѣнокосъ отводилось до 1½ десятины. У бояръ въ одномъ мѣстѣ запашка достигала до 40 десятинъ, и часто бывало, что какъ они, такъ и монастыри, владѣли запашками чуть не въ 20 мѣстахъ. Нѣкоторые крестьяне отправляли „барщину“, но не въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово стало выражаться въ послѣднее время, а будучи сами собственниками небольшихъ участковъ и имѣя досугъ отъ своей обработки, въ свободное время, изъ половиннаго урожая, воздѣлывали земли сосѣдняго боярина. Общины въ нашемъ значеніи, принадлежащей каждому селенію, не было, а права ея принадлежали цѣлому союзу селеній—волости, раздававшей пустые участки желающимъ крестьянамъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Крестьяне, захудавшіе, не имѣвшіе собственной запашки, а жившіе за другими, назывались захребетниками, окладниками, подсосѣдниками. Рыболовство, бортничество, огородничество, солевареніе, скотоводство, плотничество и звѣроловство составляли кромѣ земледѣлія дополнительныя занятія новгородцевъ. Но земледѣліе, главный источникъ существованія, оказывался недостаточнымъ. Сѣверные вѣтры, благодаря близкому присутствію моря, отзывались губительно на плодородіи, часто въ корнѣ побивая хлѣбъ. Своего хлѣба въ Новгородской волости никогда не хватало, и онъ привозился съ Юга Россіи, преимущественно изъ Кіева, который назывался „житницей Новгорода“. Но главное занятіе новгородцевъ, столько же, сколько и земледѣліе, чѣмъ они прославились, составляла торговля.

Городское населеніе Новгорода состояло изъ высшаго класса „бояръ“, затѣмъ шли гости—или старшій классъ купечества, потомъ житные люди (то есть—зажиточные), купеческія сотни и, наконецъ, разные мелкіе торговцы на мѣстахъ, у церквей и другіе разночинцы, носившіе общее названіе „черныхъ сотенъ“. Бояриномъ бывалъ обыкновенно болѣе другихъ богатый человѣкъ, имѣвшій на своей сторонѣ улицу или конецъ, отправлявшій по большей части въ своемъ приходѣ и должность церковнаго старосты. Для поддержанія положенія онъ долженъ былъ ладить со всѣми жителями своего конца или улицы, чтобы они могли при случаѣ взять его подъ свою защиту. При пріемѣ пріѣзжихъ гостей онъ, конечно, больше всѣхъ тратился изъ своихъ средствъ и отъ времени до времени дѣлалъ угощеніе жителямъ улицы.

У бояръ же и другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ находились несвободные люди,—рабы, или „челядь“, какъ говорится въ документахъ; у однихъ челяди бывало до 20 семей, а у другихъ 2—3

человѣка. Всѣ торговые классы и черныя сотни составляли изъ себя общину и на собраніи всѣхъ сотенъ выбирали „тысячскаго“, въ рукахъ котораго находился торговый судъ. Какъ тысячскій, такъ и его судъ расположены были при особо устроенномъ храмѣ Іоанна Предтечи, въ торговой сторонѣ; на содержаніе его, благолѣпіе и храмовые праздники, такъ же, какъ и на Софійскій соборъ, шла третья часть всѣхъ торговыхъ пошлинъ. Правомъ же торговли пользовалось и духовенство, и даже самъ князь, впослѣдствіи отказавшійся отъ всякихъ торговыхъ оборотовъ.

Находясь у средоточія воднаго пути отъ новгородскихъ славянъ къ западнымъ сосѣдямъ, Новгородъ издавна велъ обширную торговлю мѣхами, воскомъ, хлѣбомъ и др. припасами съ Данцигомъ, ганзейскими городами, датчанами, шведами и другими иностранцами, и сами новгородцы Невою отправлялись съ товарами въ иноземные города, иностраннымъ гостямъ для ихъ кораблей были широко открыты врата новгородскія. Въ городѣ имъ были отведены два двора готскій и нѣмецкій, и въ своей гражданской жизни между собою иностранцы пользовались автономіей, выражавшейся и въ отдѣльномъ судѣ у нихъ и въ выборныхъ чиновникахъ, называвшихся „ольдерманами“ и сносившихся по дѣламъ съ новгородскими властями. Но въ отношеніяхъ иностранцевъ къ себѣ новгородцы были строго національны: они дозволяли торговать иностраннымъ купцамъ у себя въ Новгородѣ или отъѣзжать отсюда въ другіе русскіе города не иначе, какъ черезъ свое посредство,—такъ, чтобы по оставшемуся образному выраженію, „между нѣмцами и пріѣзжавшими въ Новгородъ русскими гостями другихъ городовъ ходилъ свой братъ новгородецъ“.

Въ 1424 году два нѣмца въ Новгородѣ вздумали было самостоятельно купить у одного литвина мѣха, но новгородцы объ этомъ узнали, явились и повлекли покупщиковъ къ суду у Св. Іоанна, которымъ тѣ и были присуждены къ заключенію въ оковы. Старѣйшее и болѣе знатное новгородское купечество гордилось своимъ званіемъ и въ отличіе отъ мелкаго и другихъ сословій носило особые „золотые пояса“, подъ которыми они встрѣчаются и въ иностранныхъ извѣстіяхъ.

Преданіе народное, всегда имѣющее въ первоначальномъ своемъ возникновеніи историческую истину, воспѣло богатство Великаго Новгорода въ былинѣ о „Садко богатомъ гостѣ“, гдѣ этотъ новгородецъ, получивъ чудодѣйственнымъ образомъ несмѣтныя богатства, хочетъ скупить весь Новгородъ, но терпитъ гибель, увлекается въ подземное царство и спасается только той силой, которая была такою глубокою связью у новгородцевъ, спасается вразумленіемъ явившагося къ Садко Свя-

тителя Николая. Новгородцы издавна славились своею храбростію, мужествомъ; гдѣ-гдѣ не побывали ихъ отважные и предпріимчивые купцы: въ Любекѣ, на Готскомъ берегу и даже въ Стокгольмѣ. Болѣе рѣшительные, но менѣе разбиравшіе средства для достиженія своихъ цѣлей, новгородцы на особыхъ ладьяхъ, отъ которыхъ именовались „ушкуйниками“, отправлялись разбойничать по чужимъ городамъ; такъ въ 1371 г. они разграбили Ярославль и Кострому, въ 1374 Вятку, въ слѣдующемъ году зажгли и пограбили Нижній-Новгородъ. Удальство ихъ сохранила былинная пѣсня о Василіи Буслаевѣ, гдѣ этотъ лихой молодецъ со своими бражниками вызываетъ на бой весь Великій Новгородъ и послѣ разныхъ приключеній одолѣваетъ новгородскихъ мужиковъ, которые „ему покорилися и помирилися“.

Нами уже было сказано, что первое извѣстіе о новгородскомъ вѣчѣ встрѣчается около 988 года и, насколько можно судить по оставшимся въ лѣтописяхъ слѣдамъ, оно было двухъ видовъ: 1) сбиравшееся княземъ и 2) новгородцами—народомъ. Первое вѣче сбиралось звономъ колокола на Ярославомъ дворѣ, иногда носило совѣщательный характеръ, когда дѣло касалось начинанія войны или важныхъ государственныхъ дѣлъ; часто на такомъ же вѣчѣ князь и отказывался отъ княженія въ Новгородѣ. Второе же вѣче было настолько разнообразно, что даже трудно опредѣлить его границы; несомнѣнно, что каждый новгородецъ, обладавшій умѣніемъ дѣйствовать на толпу, могъ собрать вѣче, когда хотѣлъ, при чемъ не обращалось вниманія, всѣ ли граждане присутствовали или нѣтъ. Любая толпа народа была вѣчемъ и могла обратиться въ верховное народное собраніе, если сила была на ея сторонѣ, могла перемѣнять существующій порядокъ вещей, смѣнять князя, посадника, тысячскаго, судить и наказывать. Даже присутствіе на вѣчѣ не было обязанностію гражданина, равно какъ не было правомъ того или иного сословія: каждый новгородецъ могъ тамъ участвовать или не присутствовать.

Такое положеніе вѣча давало иногда возможность злонамѣреннымъ лицамъ съ корыстолюбивыми цѣлями дѣлать мятежи, и новгородцы отличали этихъ людей, ничего общаго не имѣвшихъ съ интересами родины. Лѣтописецъ называетъ ихъ *крамольниками* и говоритъ: „Въ 1290 г. крамольники пограбили торгъ, но на другой день жители собрались на вѣче и по приговору его сбросили двухъ крамольниковъ съ моста. Въ 1332 году встали въ Новгородѣ крамольники, смѣнили посадника, поставили другого, пограбили дома и села гражданъ“.

Первымъ представителемъ власти въ Новгородѣ послѣ князя являлся посадникъ. Въ началѣ эту должность занимали болѣе или

менѣе выдающіяся лица изъ дружины князя и назначались послѣднимъ; въ такомъ положеніи это лицо было помощникомъ князя, исполнявшимъ въ его отсутствіе всѣ обязанности князя. При непрерывной смѣнѣ князей въ Новгородѣ, постоянно мѣнялись и посадники; въ переходное же время отъ отъѣзда одного князя до прибытія новаго несомнѣнно представлялась нужда и возможность въ выборѣ, хотя временнаго правителя, отсюда стремленіе къ выбору посадника изъ своей среды, увѣнчавшееся, послѣ княженія Мстислава Великаго въ Новгородѣ послѣ 1130 г., за непоколебимую вѣрность къ Мономаховичамъ, предоставленіемъ этого права.

Въ этомъ новомъ положеніи, хотя опредѣленіе посадника и не было изъято изъ власти князя, но послѣдній избиралъ и утверждалъ его вмѣстѣ съ народомъ. Князь имѣлъ право отрѣшить посадника, но не иначе, какъ объявивши его вину на вѣчѣ. Посадникъ послѣ князя былъ полномочнымъ представителемъ власти Новгорода во всѣхъ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, онъ былъ главнымъ распорядителемъ суда и расправы, и, послѣ дарованія Новгороду права выбирать собственнаго посадника, право это все расширялось и росло и наконецъ достигаетъ того, что новгородцы начинаютъ заключать съ княземъ договорныя грамоты, въ которыхъ значеніе ихъ выборнаго представителя опредѣляется уже такъ: „А безъ посадника тебѣ, княже, суда не судити“.

Срока для исполненія посаднической должности въ источникахъ не упоминается, но лица въ этой должности мѣняются чуть не ежегодно, при томъ часто, какъ видно, безъ особо уважительныхъ причинъ, а просто по своеволію той или другой партіи, по своеволію вѣча, потому что одно и то же лицо выбиралось въ посадники два и даже три раза, чего конечно не бывало бы, если бы на этомъ лицѣ была какая-нибудь вина. Въ 1359 г. было отнято посадничество у Адріана Захарыча, но не всѣмъ городомъ, а однимъ Словенскимъ концомъ, которымъ былъ избранъ въ посадники Сильверстъ Лентѣевичъ; но другія части города не согласились на это избраніе, на Ярославовѣ дворѣ произошла жестокая сѣча, при чемъ погибло много невиноватыхъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Софійская сторона вооружилась противъ Словенцевъ и перекинули уже мостъ черезъ Волховъ, чтобы идти другъ на друга. Явились два владыки: жившій на покоѣ Моисей и новый Алексѣй и крестами стали благословлять народъ, восклицая: „Дѣти, не накликайте себѣ брани, а поганымъ похвалы, святымъ церквамъ и мѣстамъ этимъ пустоты, не сходитесь въ бой!“ Новгородцы усмирились, но въ посадники былъ избранъ не Адріанъ и не Сильверстъ, а новое лицо Никита Матвѣевичъ.

Въ 1388 г. Софійская сторона встала на посадника Осипа Захарыча, разбила его домъ, пожитки, но Торговая сторона вступилась за него, начала грабить людей противоположной стороны; цѣлую недѣлю продолжалась распря и наконецъ сговорились дать посадничество новому лицу Василію Ивановичу. Частые раздоры происходили также между лучшими и меньшими людьми. Такъ въ 1418 г. простолюдинъ Степанъ схватилъ боярина Данилу Ивановича съ крикомъ: „помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ“. Прохожіе бросились и стали бить боярина и наконецъ полумертваго бросили съ моста въ Волховъ, но рыбакъ скрылъ Данилу въ лодкѣ; тогда народъ разграбилъ домъ рыбака. Данила, вернувшись домой, ради мести, схватилъ съ своими единомышленниками своего врага Степана и сталъ его мучить. Когда толпа узнала объ этомъ, то развернула знамя и въ доспѣхахъ бросилась къ дому Данилы, разграбила его и стала грабить сосѣдніе дома. Данила по просьбѣ архіепископа выпустилъ на свободу Степана; здѣсь распря кончилась, но толпа грянула на Чудинцеву улицу, разграбила дома боярина Іевлевича и много другихъ боярскихъ дворовъ, разграбила Никольскій монастырь, считая его боярскою житницею, двинулась на Прусскую улицу, но здѣсь бунтующіе встрѣчены были жителями съ оружіемъ и послѣ битвы принуждены были отступить. Тогда они начали звонить по всему городу; жители Торговой и Софійской стороны вооруженные повалили въ доспѣхахъ, какъ на рать, на Большой мостъ; началась перестрѣлка, люди стали падать мертвые отъ стрѣлъ, сваливаться съ лошадей, въ то же время гроза разразилась надъ городомъ съ молніею, дождемъ и градомъ. Тогда архіепископъ Симеонъ изъ церкви Св. Софіи съ крестомъ и образомъ Богородицы, не взирая на перестрѣлку и тѣсноту, съ священниками крестнымъ ходомъ достигъ середины моста, остановился и началъ благословлять народъ на обѣ стороны. Нѣкоторые изъ толпы начали креститься и падать ницъ, другіе плакать, и наконецъ всѣ разошлись по домамъ.

Но бывали и такіе рѣдкіе случаи, когда посаднику силою своего вліянія, силою убѣжденія удавалось прекращать начинавшіяся вспышки между „лучшими“ и „меньшими“ людьми, водворяя миръ между обоими классами. Эти посадники принадлежали къ разряду тѣхъ, которые выбирались въ санъ не однажды; очевидно, за ними былъ большой опытъ въ знаніи человѣческаго сердца и въ средствахъ успокоить накипѣвшія людскія страсти. Выборное начало примѣнялось новгородцами и при назначеніи новаго архіепископа: на вѣчѣ, гдѣ было и духовенство, и народъ, выбиралось 3 лица, и записки съ ихъ именами клались на

престолъ собора св. Софіи. Послѣ обѣдни протопопъ выносилъ вынутыя по жребію записки, и архіепископомъ провозглашался тотъ, чей жребій выносился послѣднимъ.

Историкъ Соловьевъ пересчиталъ общее число мятежей, бывшихъ въ Новгородѣ въ теченіе 4-хъ столѣтій съ 1054 г., показанныхъ въ лѣтописяхъ; ихъ оказалось 33, или среднимъ числомъ на каждыя 13 лѣтъ въ Новгородѣ приходился 1 мятежъ. Изъ всего числа 33 смутъ только 6 находились въ связи съ перемѣнами и отношеніями къ князьямъ, остальныя или были вызваны выборами посадниковъ, тысячскихъ, неудовольствіями на нихъ народа, рознью между лучшими и меньшими людьми, или по инымъ причинамъ.

Въ то время, когда въ Новгородѣ крѣпло и расширялось самоуправленіе, въ Москвѣ при сынѣ Василія Темнаго утверждался новый порядокъ—самодержавіе. Новгородцы стали чувствовать его могущество и, изъ боязни попасть рано или поздно подъ его силу, стали пересылаться съ литовскимъ княземъ Казимиромъ, въ сторону, котораго особенно тянула извѣстная и богатая въ Новгородѣ семья Борецкихъ. Великій князь Московскій послалъ предупредить новгородцевъ, чтобъ они держали его имя „честно и грозно“, но новгородцы не послушались и, заключивши съ Литовскимъ княземъ договоръ, что „онъ держитъ Великій Новгородъ по старинѣ въ волѣ мужей вольныхъ и цѣлуетъ крестъ ко всему Великому Новгороду“, отправили къ Казимиру пословъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Іоаннъ Великій выслалъ противъ новгородцевъ отрядъ москвичей до 4.000 человѣкъ подъ начальствомъ князя Холмскаго; около рѣки Шелони этотъ отрядъ встрѣтилъ Новгородскую рать до 40.000 и, несмотря на такое превосходство, Холмскій напалъ на новгородцевъ и разбилъ ихъ на голову; они потеряли 12.000 убитыми, 1.700 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ взятъ и посадникъ Борецкій, захвачена была также и договорная грамота Новгорода съ Казимиромъ. Іоаннъ взялъ съ Новгорода откупъ 15.000 руб. и, подтвердивъ свои права на него, возвратился въ Москву. Но въ концѣ 1477 г., узнавъ о неисполненіи его условій и свергнувъ татарское иго, онъ вновь пришелъ съ полками наказать Новгородъ. Когда посланные владыки и бояре прислали Іоанну повинную, онъ имъ сказалъ: „хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ“. Послы просили объявить имъ, какъ онъ желаетъ государствовать въ Новгородѣ, потому что они московскаго обычая не знаютъ.

—„Для того, чтобы Новгородъ уподобился Москвѣ,—отвѣтилъ великій князь,—въ немъ не должно быть ни вѣча, ни посадника, ни вѣчевого колокола, должна быть одна власть государева“.

6 дней думали новгородцы и наконецъ покорились Іоанну. Сторонники Казимира Литовскаго Марѳа Борецкая со внукомъ были отосланы на заключеніе въ Москву, туда же отправили и древній вѣчевой колоколъ, повѣшенный для звона вмѣстѣ съ другими колоколами на Ивановской колокольнѣ. Послѣ того 50 семей лучшихъ купцовъ переведено было во Владиміръ, 100 крамольниковъ было казнено, а до 7.000 купцовъ и семей черныхъ людей разведено по разнымъ посадамъ, на ихъ мѣсто высланы въ Новгородъ изъ Москвы и другихъ городовъ дѣти боярскіе и купцы.

„И тако конечне укроти Великій Новгородъ“, — говоритъ лѣтописецъ.

Въ царствованіе Грознаго, послѣ учрежденія опричнины, царь по слухамъ, что новгородцы хотятъ отдаться польскому королю, въ началѣ января 1570 г. явился въ Новгородѣ, и вотъ въ продолженіе пяти недѣль начались жестокія казни: обвиненныхъ бросали въ Волховъ, связавши руки и ноги, а младенцевъ привязывали къ матерямъ; чтобъ никто не могъ спастись, стрѣльцы на лодкахъ ѣздили по Волхову и баграми, и рогатинами всплывавшихъ погружали въ глубину (Волховъ у моста не замерзаетъ и зимою). Царь уѣхалъ 13 февраля, но наведенный имъ ужасъ былъ такъ великъ, что когда 15 мая 1571 г. послѣ службы въ одной изъ церквей стали звонить въ колокола, на народъ напалъ таинственный страхъ: всѣ побѣжали въ разныя стороны, толкая другъ друга, не зная, куда бѣгутъ, а купцы собственными руками отдавали безденежно товары первому попавшемуся.

Послѣднимъ блескомъ минувшей славы озарился Новгородъ при взятіи его шведами въ Смутное время, показавъ примѣръ преданности православію и родинѣ. Софійскій протопопъ Аммосъ съ нѣсколькими новгородцами заперся въ своемъ дворѣ, долго бился съ шведами, избивая ихъ множество. Аммосъ былъ подъ запрещеніемъ у митрополита Исидора; тотъ въ это время служилъ молебенъ на городской стѣнѣ, видѣлъ подвигъ Аммоса, заочно простилъ и благословилъ его. Озлобленные шведы зажгли домъ, и Аммосъ съ товарищами погибли въ пламени, продолжая убивать шведовъ, ни одинъ не отдавшись живымъ.

Послѣ Столбовскаго мира Новгородъ былъ возвращенъ Россіи и съ тѣхъ поръ въ титулѣ русскихъ государей читается на третьемъ мѣстѣ.

И. С. Бѣляевъ.

Семь лѣтъ неурожайныхъ [1]).

(Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ).

(Окончаніе).

IV.

Несмотря на точныя данныя о положеніи губерніи, извѣстномъ министерству и засвидѣтельствованномъ не одними только сухими оффиціальными отчетами, губернаторъ Климовъ въ своемъ представленіи увѣрилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, что Самарскій край только на половину пострадалъ отъ недорода, а въ Ставропольскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ совсѣмъ нѣтъ нуждающихся. Вслѣдствіе этого, по постановленію Комитета Министровъ, 30 ноября, Высочайше было разрѣшено отпустить Самарскому земству изъ Имперскаго продовольственнаго капитала (сверхъ ранѣе выданныхъ 50 т. р.), лишь 1 милл. р., изъ коихъ 350 т. р. на продовольствіе [1]), а 650 т. р. на обсѣмененіе полей для жителей уѣздовъ Бузулукскаго, Бугурусланскаго, Бугульминскаго, Николаевскаго и Самарскаго. При этомъ было поставлено непремѣнное условіе, чтобы пособія выдавались не деньгами, а хлѣбомъ, закупка котораго возлагалась на губернскую и уѣздныя земскія управы. Было, впрочемъ, дозволено производить закупку и сельскимъ обществамъ, но при условіи уплаты денегъ за купленный хлѣбъ земскими управами „по удостовѣреніи въ его доброкачественности и доставкѣ на мѣсто“. Сѣмянной же хлѣбъ велѣно ссыпать въ общественные амбары, дабы онъ „хранился тамъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1909 г.

[2]) А между тѣмъ, губернская управа до 1 декабря успѣла израсходовать на продовольствіе голодающихъ, кромѣ министерскихъ 50 т. р., свыше 97 т. р. поступившихъ пожертвованій и 80 т. р. изъ остатковъ губернскаго земскаго сбора, и все-таки не могла удовлетворить и половины требованій нуждающихся, „число коихъ все увеличивалось“ („Самар. Губ. Вѣд“. 1873 г. № 73).

до времени посѣва, подъ отвѣтственность волостного и сельскаго начальства и подъ наблюденіемъ мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ управъ“ съ тѣмъ, чтобы „заблаговременно до начала сѣва была удостовѣрена земскими управами „при участіи выборныхъ крестьянъ“ его доброкачественность и пригодность“.

Правительство согласилось разсрочить земству на 15 лѣтъ только продовольственную ссуду, начавъ уплату ея по истеченіи 3-хъ лѣтъ, съ начетомъ послѣ этого срока 3%. Ссуду же на обсѣмененіе полей было указано возвратить непремѣнно изъ урожая 1874 года.

Комитетъ Министровъ разрѣшилъ также выдачу безплатныхъ паспортовъ и пріостановку по всей губерніи принудительныхъ мѣръ къ взысканію податей и недоимокъ до снятія урожая 1874 г., но отклонилъ ходатайство объ освобожденіи отъ рекрутскаго набора жителей болѣе пострадавшихъ уѣздовъ Бузулукскаго, Бугурусланскаго и Николаевскаго, въ виду какихъ-то „особыхъ соображеній“. (Можетъ быть для того, чтобы избавить часть взрослыхъ ѣдоковъ отъ дарового прокорма). Не было дано со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ никакого толчка по возбужденныхъ имъ же вопросамъ о пониженіи размѣра податей, расширеніи крестьянскаго землепользованія и проч. Только немного позднѣе, (29 декабря), должно быть, въ заботѣ о народной нравственности и подъемѣ экономическаго упадка населенія, было издано повелѣніе „о прекращеніи раздробительной продажи питей въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая“.

Сообщая (3 декабря) самарскому губернатору о такомъ постановленіи Комитета Министровъ, ген.-адъютантъ Тимашевъ одновременно сдѣлалъ сношеніе съ министромъ финансовъ о переводѣ по телеграфу милліона руб. въ Самарскую казенную палату для отпуска губернской земской управѣ [1]).

Губернатору Климову было поручено наблюденіе за правильностью дѣйствій земскихъ управъ по заготовкѣ хлѣба, „съ предоставленіемъ ему права, въ случаяхъ мѣръ, несоотвѣтствующихъ предписаннымъ условіямъ, приступать къ исполнительнымъ распоряженіямъ собственной властью, примѣнительно къ предоставленному губернатору по закону праву при неисполненіи земскими учрежденіями обязательныхъ постановленій“.

Мало этого. Давая широкія полномочія губернатору, правительство, однако, видимо, не вполнѣ было увѣрено въ его компетенціи

---

[1]) „Правительств. Вѣстникъ“, 1873 г., № 254.

въ этомъ дѣлѣ, что чрезъ недѣлю (7 декабря) издало новое повелѣніе объ учрежденіи въ Самарѣ особаго центральнаго совѣщательнаго комитета „для наиболѣе правильнаго и точнаго исполненія возложенныхъ на губернатора обязанностей по наблюденію какъ за дѣйствіями земскихъ управъ, такъ и за расходами поступающихъ въ земство и дамскій комитетъ Краснаго Креста пожертвованій“.

Въ составъ комитета вошли (кромѣ губернатора) губернскій предводитель дворянства Д. А. Мордвиновъ, вице-губернаторъ В. В. Лукошковъ, управляющіе мѣстными государственными имуществами П. В. Алабинъ (извѣстный самарскій исторіографъ) и удѣльной конторой П. А. Рихтеръ, предсѣдатель губернской земской управы П. С. Крыловъ, самарскій уѣздный предводитель дворянства Н. А. Путиловъ, помѣщики: С. В. Бороздинъ, Г. А. Городецкій и В. Г. Пустошкинъ, городской голова М. И. Назаровъ и купцы: М. И. Гладковъ, Андрей и Иванъ Θед. бр. Духиновы, И. В. Константиновъ и С. У. Субботинъ.

Открывая 26 декабря свои дѣйствія, комитетъ призналъ необходимымъ „для приданія дѣлу вспомоществованія болѣе правильной организаціи“, прежде всего собрать самыя точныя свѣдѣнія о голодовкѣ и числѣ нуждающихся, такъ какъ, по мнѣнію губернатора, въ спискахъ, „составленныхъ присяжными отъ сельскихъ обществъ и доставленныхъ волостными правленіями въ земскія управы, было включено много людей состоятельныхъ и въ пособіи не нуждающихся“.

Провѣрка списковъ была поручена уѣзднымъ управамъ съ тѣмъ, чтобы для опредѣленія размѣровъ дѣйствія они пригласили участвовать въ этомъ дѣлѣ „всѣхъ мѣстныхъ жителей, близко знакомыхъ съ положеніемъ и нуждами населенія“. Списки указано составить такъ, чтобы въ 1-й разрядъ были включены всѣ тѣ, кто нуждается въ продовольствіи и сѣмянномъ хлѣбѣ, во 2-мъ—нуждающихся лишь въ продовольствіи и въ 3-хъ — имѣющихъ нужду въ зернѣ для посѣва.

За норму было принято выдавать на каждаго ѣдока по 1 пуду ржи въ мѣсяцъ; для обсѣмененія же полей—по 3 п. зерна (безъ различія сорта хлѣба) на каждую ревизскую душу, дабы можно было засѣять полдесятины земли. При этомъ на первыхъ порахъ Совѣщательный Комитетъ опредѣлилъ выдавать пособіе на прочихъ ѣдоковъ семьи, кромѣ взрослыхъ работниковъ. Исключеніе допускалось лишь въ болѣе пострадавшихъ мѣстностяхъ, но не иначе, какъ по указанію земскихъ управъ и только на тѣхъ взрослыхъ членовъ, если у нихъ не было никакого скота и если на каждаго работника приходилось не менѣе двухъ ѣдоковъ. При наличности скота, посо-

біе соизмѣрялось такъ, если на каждаго ѣдока приходилось двѣ или болѣе головы мелкаго скота, то пособіе не выдавалось совсѣмъ, и такія семьи исключались изъ списковъ нуждающихся; если же на душу приходилось „болѣе одной, но менѣе двухъ головъ", то вспомоществованіе разрѣшалось въ половинномъ размѣрѣ. При одной головѣ скота пособіе сокращалось на одну четверть, а при количествѣ менѣе 1-й головы на ѣдока,—выдавалось въ нормальномъ размѣрѣ. Крупный скотъ не свыше 3-хъ головъ на каждаго въ семьѣ работника въ разсчетъ не принимался; свыше же этого числа каждая крупная скотина, при опредѣленіи пособій,считалась за 6 головъ мелкаго скота.

Опытъ показалъ однако, что такія правила, красивыя на бумагѣ, были совсѣмъ неудовлетворительными на практикѣ. Отказывая въ выдачѣ пособій семьямъ, имѣющимъ въ большемъ противъ опредѣленной нормѣ количествѣ скота, Совѣщательный Комитетъ вынуждалъ тѣмъ голодающихъ продавать за безцѣнокъ какъ будто лишнюю худобу для прокормленія себя и тѣмъ окончательно подрывать свое немудрое хозяйство. Можно смѣло сказать, что если бы не была въ тотъ годъ широко организована частная благотворительность и плодотворная дѣятельность комитета Краснаго Креста, разсыпавшаго щедрой рукой подаянія неимущимъ, зная, что взрослый человѣкъ безъ заработка безпомощнѣе дитяти, и невзирая на то, имѣетъ онъ скотину или нѣтъ,—то при подобныхъ условіяхъ добрая половина пострадавшихъ семей разорилась бы и не могла начать весеннюю пахоту.

Въ февралѣ Совѣщательный Комитетъ впрочемъ отказался отъ этой своей „экономической" мѣры и сталъ выдавать пособіе безъ различія пола и возраста и на имѣющихъ скотъ, но только по 20 ф. на ѣдока, „дабы у земскихъ управъ всегда оставалась въ запасѣ нѣкоторая часть хлѣба на случай крайней необходимости въ увеличеніи этой пропорціи какимъ-либо отдѣльнымъ лицамъ, особенно нуждающимся" [1]).

Послѣднее распоряженіе было вызвано отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Комитетъ надѣется въ теченіе мѣсячнаго срока получить отъ земскихъ управъ обратно исправленные списки голодающихъ. И поэтому губернаторъ распорядился выдать пособіе на ранѣе зарегистрованныхъ 729.511 душъ нуждающихся только на мѣсяцъ. Но уѣздныя управы доставили списки лишь по прошествіи трехъ мѣсяцевъ и съ тѣми же недостатками, какъ и прежніе.

Между прочимъ, губернская управа, разсчитывая на уменьше-

[1]) Журналъ Совѣщ. Комитета 5 февраля 1874 г.

ніе голодающихъ, не заготовила достаточнаго количества хлѣба, чтобы удовлетворить всѣхъ нуждающихся. До 26 декабря она отправила въ Бузулукскій уѣздъ 156.833 р., Бугурусланской управѣ 231.389 р., Бугульминской 67.965 р., Николаевской 74.680 р. и Самарской 17.547 р. Кромѣ того ею было куплено на счетъ правительственной ссуды 199.235 п. сѣмянной ржи и заподряжено у саратовскаго купца Плотникова 450 т. п. по 80 к. пудъ съ доставкой на мѣста и съ тѣмъ условіемъ, что, если хлѣбъ обойдется дешевле этой цѣны, то комиссіонеръ обязывался возвратить остатокъ въ управу, если же дороже, то происшедшую отъ повышенія цѣны разницу Плотниковъ принималъ на себя. Изъ этого количества управа успѣла отправить въ декабрѣ лишь 3 т. п. въ Николаевскій уѣздъ и 30 т. п. по требованію Бузулукской управы. Остальныя 166 тыс. пуд. ржи „находились на лицо въ разныхъ мѣстахъ около Самары“ безъ движенія, ибо не на чемъ было перевезти ихъ, такъ какъ у большинства населенія не имѣлось лошадей, а состоятельные крестьяне требовали за свозъ непомѣрныя цѣны.

Тогда губернаторъ Климовъ возбудилъ (28 декабря) ходатайство „о предоставленіи ему и земскимъ управамъ права требовать, чрезъ волостныя правленія, обязательнаго, въ видѣ общественной повинности, наряда подводъ въ предѣлахъ уѣзда на разстояніи, 40 верстъ безплатно, а свыше этого разстоянія по 7 коп. съ пуда за каждыя сто верстъ“. И только благодаря этой, Высочайше одобренной, мѣрѣ, заготовленный хлѣбъ могъ быть доставленъ на мѣста продовольствія въ декабрѣ и январѣ.

Въ то время дѣло продовольствія населенія для многихъ было новое и при томъ очень кропотливое, требовавшее большой опытности, энергіи и распорядительности. Нѣкоторыя земскія управы, благодаря обширности своихъ уѣздовъ и при недостаткѣ наличныхъ силъ своихъ служащихъ, не могли справиться съ возложенной на нихъ задачей, а пригласить въ помощь себѣ заслуживающихъ довѣрія мѣстныхъ дѣятелей онѣ почему-то не хотѣли. Вслѣдствіе этого происходило не мало недоразумѣній. Напримѣръ, Бузулукская и Николаевская управы, въ противность Высочайшему повелѣнію, производили раздачу пособій частію деньгами, были случаи, что нѣкоторые крайне нуждающіеся не получали никакого пособія, тогда какъ многія состоятельныя семьи въ теченіе января получали два пособія, разъ деньгами и другой разъ хлѣбомъ. Наконецъ, происходили такіе курьезы: жившимъ въ селахъ мѣщанамъ и мастеровымъ выдавалась безвозвратная ссуда, тогда какъ безсрочно отпускныхъ и отставныхъ солдатъ земскія управы не признавали членами крестьянскихъ обществъ и въ пособіяхъ имъ отказывали, хотя, по закону,

они „имѣли съ крестьянами одинаковыя права на попеченіе правительства и земства о ихъ благосостояніи“ [1]).

Въ началѣ января Бузулукская управа писала губернатору, что „при отсутствіи точныхъ данныхъ о размѣрахъ дѣйствительной нужды населенія“ и недостаточности состава управы для нея „организація этого сложнаго дѣла на правильныхъ основаніяхъ представляетъ весьма серьезный и разнообразный трудъ, требовавшій особенно внимательнаго отношенія къ дѣлу“. Климовъ командировалъ въ Бузулукъ члена Совѣщательнаго Комитета П. В. Алабина, но одинъ онъ уже не могъ исправить управскихъ счетовъ. Тогда по Высочайшему повелѣнію, управа была отстранена отъ дѣла, а „исполненіе дѣйствій по обезпеченію продовольствіями уѣзда“ было возложено на особую комиссію въ составѣ старшаго совѣтника губернскаго правленія Капачинскаго, двухъ мировыхъ посредниковъ, исправника, лѣсничаго, нѣсколькихъ помѣщиковъ и одного члена той же управы [2]).

Исполняя на первыхъ порахъ функціи распорядительнаго органа, Совѣщательный Комитетъ, къ сожалѣнію, мало обращалъ вниманія на внутреннюю организацію продовольственнаго дѣла по уѣздамъ и не вѣдалъ, какія суммы поступаютъ въ земскія управы, и какъ ими расходуются. Благодаря этому и происходила несвоевременная раздача пособій. „Уѣздныя управы распоряжались медленно, нѣкоторые мировые посредники не исполняли точно своихъ обязанностей“. Послѣдствіемъ того была „поздняя выдача вспомоществованій, заставившая многихъ крестьянъ для прокормленія своихъ семействъ распродать за безцѣнокъ рабочій скотъ, лишивъ ихъ средствъ сдѣлать весенній посѣвъ“ [3]). Лишь спустя два мѣсяца, по указанію прибывшаго въ Самару по Высочайшему повелѣнію ген.-адъютанта Н. М. Яфимовича, „для болѣе удобнаго наблюденія за правильнымъ употребленіемъ и распредѣленіемъ поступающихъ въ пособіе ссудъ и пожертвованій, Совѣщательнымъ Комитетомъ была избрана особая комиссія, въ составѣ д. с. совѣтниковъ Рихтера и Алабина и купца Гладкова, которая къ 29 января выработала правила, чтобы по каждому уѣзду были заведены отдѣльныя книги, куда, по мѣрѣ поступленія, заносились всѣ свѣдѣнія о порядкѣ повѣрки списковъ нуждающимся. На каждое селеніе отводилась особая страница. „По соображеніи означеннаго въ спискахъ срока, на который требовалось пособіе и установленнаго Центральнымъ Комитетомъ размѣра,

---

[1]) „Самарскія Губернск. Вѣд.“ 1874 г., № 7.

[2]) Тамъ же, № 16.

[3]) Изъ доклада ген.-адъютанта Яфимовича Государю Императору.

въ книгу вносилась общая цифра потребнаго для населенія количества хлѣба какъ на продовольствіе, такъ и на обсѣмененіе полей, и потомъ отмѣчалось, сколько по каждому селенію выдано пособія отъ земства, сколько изъ другихъ источниковъ. Для этого требовалось отъ волостныхъ правленій, чтобы два раза въ мѣсяцъ къ 1 и 15 числамъ они представляли въ комитетъ краткія о томъ свѣдѣнія. А чтобы провѣрить правильность доставленныхъ свѣдѣній и правильность распредѣленія пособій, обязали и уѣздныя земскія управы доставлять къ тѣмъ же числамъ подробныя данныя о высланномъ въ селенія количествѣ хлѣба за тотъ же періодъ. Канцелярія комитета по этимъ свѣдѣніямъ два раза въ мѣсяцъ составляла отчеты, которые печатались въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Прибывшій въ Самару съ спеціальной цѣлью на мѣстѣ провѣрить степень нужды населенія и ознакомиться съ дѣятельностью земскихъ управъ въ отношеніи облегченія участи голодающаго люда, ген.-адъют. Яфимовичъ, въ сопровожденіи адъютанта, объѣхалъ большую часть пострадавшихъ селеній Бузулукскаго, Бугурусланскаго и Николаевскаго уѣздовъ, помогая особенно нуждающимся деньгами изъ суммъ, лично переданныхъ ему Государемъ Императоромъ. Многія сельскія общества прислали ему потомъ благодарственные адресы. И въ церквахъ тѣхъ селеній, гдѣ онъ раздавалъ пособія, были отслужены молебны о здравіи Царя и Августѣйшаго Дома. Крестьяне выразили чувства благоговѣйной признательности обожаемому монарху за его милости [1]).

Ознакомившись подробно съ размѣрами крестьянской нужды, г.-а. Яфимовичъ вынесъ убѣжденіе, что только дружными усиліями самихъ крестьянъ „для снабженія общими средствами такъ называемыхъ сборныхъ плуговъ“ и при своевременной не позднѣе 15 марта доставкѣ ярового зерна на мѣста, „дабы во время распутицы и полевыхъ работъ, продолжающихся до 10—15 мая, крестьяне не были отвлекаемы отъ обязательной перевозки хлѣба“, они могли „сохранить силы рабочаго скота“ и засѣять свои поля, если ссуда на обсѣмененіе будетъ дана въ достаточномъ количествѣ.

Къ сожалѣнію, Совѣщательный Комитетъ, сокращая до minimum'а безъ всякаго видимаго основанія и точныхъ цифровыхъ данныхъ, по измышленной имъ самимъ вышеуказанной нормѣ, число голодающихъ, понизилъ количество нуждающихся съ 729 т. до 626.400 душъ. Но и несмотря на такое произвольное уменьшеніе дѣйствительнаго числа неимущихъ даже по приблизительнымъ подсчетамъ оказалось, что разрѣшенной правительствомъ ссуды не

[1]) „Самар. Губерн. Вѣдом.“. 1874 г., № 10.

достанетъ для удовлетворенія большой части поселянъ, особенно на обсѣмененіе полей.

Губернская управа успѣла (въ декабрѣ) обезпечить зерномъ для посѣва лишь уѣзды Бугурусланскій и Бугульминскій. На остальные же три уѣзда (Бузулукскій, Николаевскій и Самарскій) требовалось еще не менѣе 600 т. п. зерна, тогда какъ въ земской кассѣ изъ выданной на этотъ предметъ ссуды осталось денегъ едва на покупку 500 т. п. (по 1 р. 60 к. пудъ). Недоставало, слѣдовательно, больше 160 т. р. Да нужно было купить свыше 250 т. п. соли на потребность какъ людей, такъ и скота для сдабриванія скудной пищи, о чемъ, видимо, и не сообразилъ въ своихъ представленіяхъ самарскій губернаторъ. Это количество соли съ платежомъ въ казну акциза 23 коп. и 4 коп. попудныхъ за выработку денегъ и доставкой изъ Илецкой защиты (въ 62 верс. отъ Оренбурга) въ Самару обошлось бы въ 85 т. р. Совѣщательный Комитетъ однако сумѣлъ найти выходъ изъ такого тяжелаго положенія. Сначала возбудилъ ходатайство о сложеніи акциза съ соли, а затѣмъ обратился къ арендатору Илецкихъ соляныхъ копей Первушину о возможномъ уменьшеніи цѣны на нее. Послѣдній согласился „для общаго блага“ уступить требуемое количество по 5 к. за пудъ, такъ что соль съ доставкой до мѣстъ потребленія обошлась въ 17.330 р. и была роздана крестьянамъ безплатно, ибо израсходованную на покупку ея сумму комитетъ отнесъ на счетъ частныхъ пожертвованій [1]).

Что же касается недостачи денегъ на покупку зерна для обсѣмененія полей, то губернаторъ Климовъ, помня, какое заключеніе далъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ о самарскомъ недородѣ, никакъ не рѣшался самъ хлопотать о новой ссудѣ. Только по настоянію Совѣщательнаго Комитета и ген.-адъютанта Н. М. Яфимовича, 29 декабря было возбуждено ходатайство объ отпускѣ заимообразно еще 250 т. руб.

Но ссуда эта была разрѣшена правительствомъ только 11 марта (съ непремѣннымъ условіемъ расходовать ее съ вѣдома и по указанію Совѣщательнаго Комитета). А время не ждало. Ген.-адъютантъ Яфимовичъ, отъ имени Государя Императора, настойчиво понуждалъ произвести заготовку сѣмяннаго хлѣба возможно скорѣе. Совѣщательный Комитетъ былъ поставленъ такимъ образомъ въ затрудненіе, откуда взять недостающую сумму, чтобы исполнить Высочайшую волю.

Единственной солидной хлѣбной фирмой въ Самарѣ, пользовавшейся громаднымъ довѣріемъ по всему поволжью и въ обѣихъ сто-

[1]) „Журналъ Совѣщ. Комит.“ 8 января 1874 г.

лицахъ, которая могла бы взяться за 200 тысячный подрядъ съ обожданьемъ уплаты денегъ, были братья Духиновы. 2 января Климовъ пригласилъ старшаго представителя этой фирмы Андрея Ѳедоровича Духинова на засѣданіе Совѣщательнаго Комитета. Узнавъ о грустномъ положеніи земства по заготовкѣ сѣмяннаго хлѣба, Духиновъ заявилъ (приводимъ подлинныя слова, какъ они занесены въ протоколъ совѣщанія):

— Я берусь за дѣло лишь въ виду всенародно выраженнаго всемилостивѣйшаго монаршаго участія къ положенію пострадавшаго отъ неурожая населенія Самарской губерніи, не ради коммерческихъ выгодъ и наживы, но движимый чувствомъ вѣрноподданническаго задушевнаго желанія исполнить священную волю Его Величества и успокоить скорбящее о судьбахъ своего народа материнское сердце Государыни Императрицы.

Сначала Духинову было предложено доставить 200 т. п. сѣмянной пшеницы менѣе цѣнныхъ сортовъ—русской, саксонки или перерода, смотря по тому, какъ это, по наличному состоянію рынка, окажется удобнымъ въ отношеніи доброкачественности сѣмянъ и выгодности покупной цѣны. Условія были поставлены такія:

По мѣрѣ заготовленія зерна, хлѣбъ принимается уѣздными управами съ участіемъ выборныхъ крестьянъ, по испытаніи всхожести его, если на 100 посѣянныхъ зеренъ невсхожихъ окажется менѣе 20-ти. Въ противномъ случаѣ хлѣбъ оставался за подрядчикомъ безъ всякаго со стороны земства вознагражденія за убытки.

При заключеніи условія Совѣщательный Комитетъ согласился выдать ему авансомъ 100 т. р. Но когда Духиновъ явился въ губернскую управу подписать контрактъ, то послѣдняя потребовала отъ него въ обезпеченіе выдаваемыхъ денегъ, въ видѣ залога, торговый вексель за поручительствомъ нѣсколькихъ лицъ. Отъ такого требованія Духиновъ отказался, настаивая на выдачѣ аванса подъ личную его росписку, иначе-де „не возможно съ успѣхомъ исполнить предложенную операцію, основанную на довѣріи, а не на коммерческомъ разсчетѣ на барышъ“.

Дѣло такимъ образомъ затягивалось. Духиновъ обратился съ жалобой въ Комитетъ. На засѣданіи 8 января, въ присутствіи ген.-адъютанта Яфимовича, Комитетъ призналъ опасенія управы основательными, но въ то же время, „принимая во вниманіе выраженныя Духиновымъ нравственныя основанія, побудившія его принять на себя поставку хлѣба, извѣстную солидность этой фирмы, общее къ ней довѣріе въ торговомъ мірѣ и личныя качества Андрея Ѳедоровича: его опытность въ дѣлахъ коммерческихъ и полное знакомство со всѣми условіями приволжскихъ хлѣбныхъ рынковъ, на-

*

шелъ, что требованіе обезпеченія „столь незначительнаго по размѣрамъ операціи аванса“ имѣло бы видъ, какъ бы недовѣрія къ дѣйствіямъ Духинова въ самомъ началѣ ихъ, что̀ несомнѣнно повредило бы успѣху операціи и совершенно измѣнило бы ея характеръ“. Комитетъ поэтому „единогласно“ рѣшилъ выдать ему ассигнованныя деньги безъ залога, съ чѣмъ согласился и ген.-адъютантъ Яфимовичъ.

15 января Духиновъ сообщилъ комитету, что имъ произведена закупка 400 т. п. сѣмянъ, и часть уже доставлена въ Самару. Но губернская управа медлила пріемкой и стѣсняла его „своевременной выдачей“ суммъ, необходимыхъ для успѣшной закупки остального количества хлѣба. Оказалось, что управа поздно сдѣлала распоряженіе о вызовѣ выборныхъ отъ крестьянъ для испытанія всхожести сѣмянъ, которыя должны быть приняты по истеченіи опредѣленнаго срока [1]), и отказывала въ выдачѣ денегъ Духинову потому, что онъ не представилъ ей письменнаго заявленія „съ указаніемъ, какое количество, какого сорта хлѣба и гдѣ имъ закуплено“, безъ чего управа не могла-де опредѣлить размѣра подлежащей къ выдачѣ суммы, хотя на самомъ дѣлѣ Духиновъ еще нѣсколько дней раньше далъ знать Совѣщательному Комитету, что имъ закуплено пшеницы русской или саксонки 100 т. п., перерода 50 т. п., проса 75 т. п., овса и ячменя 175 т. п. Объявлять же цѣны, за которыя подряженъ имъ хлѣбъ, по коммерческимъ соображеніямъ, онъ считалъ неудобнымъ до полнаго окончанія всей операціи по заготовкѣ сѣмянъ.

Прижимка управы и на этотъ разъ не удалась. Комитетъ категорически потребовалъ ускорить пріемку зерна и, „по мѣрѣ закупки его, немедленно развозить въ нуждающіеся уѣзды, дабы заранѣе отстранить неминуемыя затрудненія при одновременной разсылкѣ всего количества закупленнаго хлѣба изъ главныхъ складовъ на мѣста назначенія, и при томъ по послѣднему зимнему пути, когда одинъ или два дня оттепели могутъ совершенно испортить дорогу [2])“.

По контракту съ управой Духинову было указано, чтобы покупная цѣна пшеницы не превышала 1 р. 85 коп. и остальныхъ хлѣбовъ 95 коп., съ тѣмъ, чтобы было куплено 100 т. п. саксонки или русской и только 50 т. п. перерода, съ доставкой на мѣста обязательно къ 15 марта, при чемъ за перевозку въ уѣздные склады была обусловлена особая плата по дѣйствительной стоимости. Но Духиновъ произвелъ эту операцію гораздо успѣшнѣе, купивъ перерода

---

[1]) На испытаніе всхожести зерна было положено отъ 3 до 7 дней.

[2]) Журналъ Совѣщательнаго Комитета 18 января 1874 г.

103.142 п. по 1 р. 75 коп., русской 9.719 п.—по 1 р. 23 коп., саксонки 50 т. п. по 1 р. 20 к., овесъ съ провозомъ и кулями 101.842 п. обошелся около 76 к. пудъ, ячмень 12.295 п.—83 1/5 к. пудъ, просо 53.588 п. по 89 к. и греча—5.686 п. около 85 к. пудъ, такъ что противъ назначенныхъ цѣнъ получилось экономіи 74.939 р., которые цѣликомъ остались у земства.

Вся партія этого хлѣба была доставлена въ Самару ранѣе срока, при чемъ изъ 100 зеренъ, вмѣсто обусловленныхъ 20, въ среднемъ оказалось не болѣе 6 невсхожихъ. Совѣщательный Комитетъ въ засѣданіи 26 апрѣля выразилъ Духинову свою благодарность, постановивъ опубликовать о томъ „во всеобщее свѣдѣніе".

Остальные 100 т. п. сѣмянной пшеницы для Николаевскаго уѣзда были закуплены мѣстнымъ исправникомъ у саратовскихъ купцовъ Либиха и Рено по 1 р. 25 коп. пудъ.

Такимъ образомъ сѣмянный хлѣбъ весь былъ доставленъ на мѣста ранѣе назначеннаго срока и розданъ посѣвщикамъ.

Къ 1 апрѣля 1874 г. Совѣщательный Комитетъ закончилъ всѣ работы по распредѣленію пособій и удовлетворенію нуждъ голодающихъ.

На обсѣмененіе полей было выдано земствамъ на 228.050 ревизскихъ душъ 718.840 пуд. зерна, на продовольствіе хлѣбомъ 1.106.560 п. и деньгами 162.519 р. на 452.826 челов., кромѣ того осталось къ 1 апрѣля не роздано посѣвного проса 14.756 п. и продовольственнаго хлѣба 208.218 п.

За это время, помимо продовольственной ссуды въ 1.450 руб., было собрано земскими управами пожертвованій 950.840 р. 60 1/2 к. [1]). Израсходовано изъ суммъ правительственной ссуды на продовольствіе 592.812 р. 11 3/4 к., за сѣмена 715.782 р. 10 к. и на соль 17.330 р., изъ частныхъ пожертвованій на продовольствіе 362.243 р. 87 1/4 к., за сѣмянной хлѣбъ 68.859 р. 93 к., роздано денежныхъ вспомоществованій 239.967 р. 59 1/4 к. [2]), перевозка хлѣба, почтовые и проч. расходы 173.447 р. 46 к. Такимъ образомъ отъ ссуды осталось 114.975 р. 78 1/4 к. и отъ пожертвованій 1.954 р. 52 к. Кромѣ того, было собрано непосредственно губернаторомъ 137.631 р.

---

[1]) Пожертвованія поступали и послѣ этого времени: до 25 сентября собрано еще 57.131 р. 63 1/2 к.

[2]) Изъ этого числа духовн. консисторіи на пособіе духовенству и крестьянскимъ сиротамъ 7.113 р. 90 1/2 к., въ земскія управы (до 18 декабря) Бузулукскую—133.761 р. 19 к., Николаевскую 52.408 р., Бугурусланскую 21.472 р. 70 к., Ставропольск. и Новоузенск. 25.212 р. 78 к.

27¼ к. [1]), изъ коихъ остались неизрасходованными 19.147 р. 27½ к.

Если сюда прибавить суммы, собранныя дамскимъ комитетомъ, епархіальнымъ начальствомъ, дворянствомъ и частными лицами, то Самарская голодовка 1873 г. стоила болѣе 3-хъ милл. р.

Хотя многіе крестьяне не имѣли лошадей, а у другихъ рабочій скотъ былъ сильно истощенъ голодовкой, однако кое-какъ, по нѣсколько семей въ складчину, засѣяли сельчане свои убогія поля. Весна благопріятствовала сѣву. Перепадали дожди. Теплый май ускорилъ всходы. Отовсюду изъ уѣздовъ шли самыя утѣшительныя вѣсти о ростѣ хлѣбовъ и травъ. Народъ воспрянулъ духомъ. Послѣ ниспосланныхъ тяжелыхъ испытаній, первой мыслью обрадованныхъ самарцевъ было желаніе возблагодарить Творца Вселенной „довершить въ благополучіи все, ниспосланное Господомъ“.

По постановленію Самарской Думы, въ воскресенье 23 іюня, въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи мѣстныхъ властей и громадномъ стеченіи горожанъ, преосвященнымъ Герасимомъ въ сослуженіи всего городского духовенства была совершена торжественная литургія, послѣ которой состоялся крестный, кругъ города, ходъ съ колѣнопреклоненными молебнами на Хлѣбной площади, на большой дорогѣ (въ трехъ верстахъ отъ города) у часовни Николаевскаго монастыря и на Алексѣевской (городской) площади.

Всѣ лавки, магазины, питейные дома въ этотъ день были закрыты. На улицахъ царила благоговѣйная тишина, нарушаемая только перезвономъ колоколовъ и пѣніемъ молящихся.

Урожай вышелъ небывалый. Мужички вздохнули. Не менѣе ихъ съ облегченнымъ сердцемъ радовались концу бѣдствіямъ и другія сословія. Состоявшееся 29 сентября 1874 г. очередное Губернское Земское Собраніе прежде всего рѣшило повергнуть чувства искренней признательности Государю, Государынѣ и Цесаревичу съ Супругой за оказанную населенію помощь. Выражая Его Величеству „безпредѣльныя чувства любви и благодарности за милости, изліянныя на самарскій край“, земцы говорили въ телеграфномъ адресѣ:

„Пройдутъ вѣка и съ памятью о бѣдствіи, насъ постигшемъ, будетъ связано въ благодарныхъ сердцахъ нашихъ потомковъ благословеніе Великому имени Того, Кто не только обновилъ русскую землю, но

---

[1]) Изъ нихъ передано въ губернск. управу 65.763 р. 14 к., дамск. комитету 3.888 р. 49 к., преосв. Герасиму 1.323 р., губернск. предводителю дворянства 11 т. р., Алабину 200 р., самарск. городск. головѣ 3.320 р., исправникамъ, мировымъ посредникамъ и различнымъ благотворительнымъ обществамъ 31.244 р. 37 к. и непосредственно отъ себя роздано 1.845 р.

чье сердце сочувственно откликается на каждое проявленіе нужды народной.

„Прими, Государь, отъ представителей Самарскаго земства новое безпредѣльное выраженіе его всецѣлой любви и безграничной преданности“.

Въ посланномъ чрезъ министра Двора адресѣ Императрицѣ, земцы особенно подчеркивали то обстоятельство, „что материнское сердце Вашего Императорскаго Величества всецѣло отдалось святому дѣлу помощи пострадавшему населенію нашего края и что Самарскій дамскій комитетъ попеченія о раненыхъ воинахъ, состоящій подъ Высокимъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ поданіи помощи бѣдствовавшему населенію нашего края.

„Ваше Императорское Величество своею живою помощью, вовремя поданною, своимъ дѣйствительнымъ участіемъ, неоднократно выраженнымъ, дали силу нашему краю перенесть испытаніе, ему ниспосланное свыше.

„Государыня! мы, пользуясь нашимъ здѣсь собраніемъ, осмѣливаемся заявить Вашему Императорскому Величеству, что не только все земство, котораго представителями мы имѣемъ счастіе быть предъ Вами, не только весь нашъ край, но и все отечество наше, выразившее намъ свое полное сочувствіе въ годину нашего бѣдствія, не престанемъ благословлять Ваше великое имя и молить Господа за благоденствіе Ваше и Вашего Августѣйшаго Дома“.

Государь повелѣлъ благодарить земцевъ за выраженныя чувства. Всѣ дѣятели по продовольствію потомъ удостоились Высочайшихъ наградъ и отличій.

Весной слѣдующаго 1875 г., въ память видимаго проявленія милости Божіей и избавленія края отъ бѣдствій голода, противъ вокзала строившейся въ то время Оренбургской желѣзной дороги, жители Самары соорудили каменную часовню во имя Иверской иконы Божьей Матери, куда ежегодно совершается крестный ходъ.

П. Юдинъ.

Андрей Денисьевичъ Виніусъ.

(Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ) [1]).

Отецъ перваго русскаго почтмейстера Андрей Денисьевичъ Виніусъ упоминается въ числѣ лицъ, пожалованныхъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ:

1629 г.

Въ прошломъ во 137 году, пожалованъ гостинымъ именемъ, за прибыль хлѣбныя покупки, Галанецъ торговый иноземецъ Андрей Денисовъ сынъ Виніусъ [2]).

1631 г.

Во 139 (1631) году при Голландскихъ послахъ договорился (я) принять у Архангельскаго города сто тысячъ чети ржи самою большою цѣною безъ всякой хитрости и безъ прибыли, а за всякую четь въ Московскую мѣру платилъ я въ приказъ Государевы большіе казны по сороку по шести алтынъ по четыре деньги, а платилъ тѣ деньги всѣ ефимками, и въ той хлѣбной покупкѣ и въ ефимкахъ учинилъ я Государю прибыль больше ста тысячъ рублей [3]).

1631 г.

Виніусъ Андрей Денисовъ, голландскій купецъ. Получилъ въ 1631 г. право свободной торговли. Проситъ дозволенія имѣть въ Псковѣ дворъ и выписывать для Тульскихъ заводовъ мастеровъ. Посланъ въ Голландію за товарами. Его отношенія къ Марселису [4]).

[1]) Въ этихъ матеріалахъ разсматриваются данныя, касающіяся Андрея Денисьевича Виніуса, отца перваго русскаго почмейстера. Изслѣдованіе о сынѣ его Андреѣ Андреевичѣ Виніусѣ, сотрудникѣ Петра Великаго, составляетъ задачу послѣдующей статьи И. П. Козловскаго. *Ред.*

[2]) Дополн. Акт. Ист. т. V. с. 212.

[3]) „Москвитянинъ“ 1855 г. т. III. с. 154.

[4]) Бантышъ-Каменскій. Обз. Вн. Торг. Рос. IV. с. 299 Указ.

1632 г.

Съ 1632 года Виніусъ, отецъ бывшаго впослѣдствіи перваго Русскаго почтмейстера, съ братомъ своимъ Абрамомъ и Англичаниномъ Вилькенсономъ, занимался добываніемъ желѣза въ окрестностяхъ Тулы, и построилъ первый въ Россіи вододѣйствующій заводъ для производства изъ желѣзной руды чугуна, желѣза и литья ядеръ, пушекъ и другихъ предметовъ. Во время основанія *Почтоваго Вѣдомства* эти желѣзные заводы принадлежали Петру Марселіусу, который послѣ Ивана фонъ-Сведена управлялъ почтовой администраціей [1]).

1632 г.

Виніусъ занимался разными коммерческими оборотами, а потомъ онъ приступилъ, какъ мы видимъ, къ желѣзному промыслу, по собственному его выраженію: для того „чтобы государю служить и себѣ вѣчную славу учинить“, при чемъ „выискалъ своею головою въ Россійскомъ Государствѣ всякое угодье и самую добрую желѣзную руду, и заводилъ заводы своимъ умомъ“ [2]).

1632 г.

При рѣкѣ Тулицѣ устроенъ былъ Голландцемъ Виніусомъ первый въ Россіи заводъ для литья чугунныхъ пушекъ и ядеръ, равно какъ и для передѣлки чугуна въ желѣзо, изъ котораго различныя, нужныя въ общежитіи вещи работались [3]).

1632 г.

Во время бытности Андрея Денисовича Виніуса въ 1632 г. въ Голландіи былъ вырѣзанъ на стали его портретъ. Гравюра эта нынѣ весьма рѣдка и извѣстна подъ названіемъ „Homme au pistolet“ [4]).

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ нужное для Россіи Свицкое желѣзо, ружейные стволы, чугунныя пушки и разные артиллерійскіе припасы привозились почти исключительно голландскими купцами, производившими въ то время главный иностранный торгъ въ Россіи чрезъ Архангельскій портъ. Легко понять, что сіи вещи обходились въ Москвѣ весьма дорого. Чугунныя пушки стоили пудъ по полтора рубля и болѣе, а за Свицкое желѣзо платили до

---

[1]) Фабриціусъ. с. 56.
[2]) Пекарскій. Наука и Литература въ Россіи I.
[3]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 1.
[4]) Фабриціусъ.

семидесяти копѣекъ за пудъ. Высокія сіи цѣны по тогдашнему времени заставили одного изъ самыхъ предпріимчивыхъ Голландскихъ купцовъ, по имени Андрея Денисьевича Виніуса думать о построеніи въ Россіи вододѣйствующаго завода для отливанія разныхъ чугунныхъ вещей и для дѣланія по иностранному способу изъ чугуна. Учинивъ нужныя розысканія, онъ (обще съ братомъ своимъ Аврамомъ и съ купцомъ же Елисеемъ Юльевичемъ Вилькенсономъ) подалъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу челобитную о томъ, чтобы позволено было имъ построить въ окрестности Тулы таковой заводъ. На сіе воспослѣдовала 29 февраля 1632 года Государева Грамота, которою, согласно съ ихъ прошеніемъ, позволялось имъ между Серпуховымъ и Тулою на трехъ рѣчкахъ [1]).

Имѣя въ виду руду, находимую съ давнихъ временъ за Тулою въ Дедиловскомъ уѣздѣ, Виніусъ хотѣлъ, вѣроятно, построить домну для плавленія оной на упомянутой имъ въ своей челобитной рѣчкѣ Воронѣ, впадающей близъ города Тулы въ Упу; но послѣ того выбралъ онъ для сего въ Тульскомъ уѣздѣ рѣчку Тулицу, и именно тотъ изъ двухъ начальныхъ протоковъ оной, который нынѣ называется большею Тулицею [2]).

1632 (7140) г.

ГРАМОТА.

Пожалованная въ 1632 (7140) году Февраля 29, Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ Голландской земли гостю, Андрею Денисьевичу Виніусу и тороговымъ людямъ: брату его Авраму, и Елисею Ульянову Выкенсу (Вилькенсону), на устройство перваго въ Россіи вододѣйствующаго желѣзнаго завода, на которомъ отливались и первыя чугунныя пушки и ядра.

Божіею милостію Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и Отецъ Нашъ Великій Государь Святѣйшій Филаретъ Никитичъ, Божіею милостію Патріархъ Московскій и всеа Русіи, пожаловали есмя Галанскіе земли гостя Ондрѣя Денисьева сына Виниюса, да торговыхъ людей Аврама Денисьева сына Виниюса, да Елисѣя Ульянова сына Выкенса, что били Намъ челомъ и Отцу Нашему Великому Государю Святѣйшему Филарету Никитичу, Патріарху Московскому и всеа Русіи, они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй, чтобъ Намъ ихъ пожаловать велѣть имъ дѣлать изъ желѣзной руды межъ Серпухова и Тулы на трехъ рѣкахъ и впредь гдѣ они мѣста пріищутъ, которыя

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 5.
[2]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 8.

къ желѣзному дѣлу будутъ годны, всякое желѣзо *мелнишнымъ заводомъ* и Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и Отецъ Нашъ Великій Государь Святѣйшій Филаретъ Никитичъ Божіею милостію Патріархъ Московскій и всеа Русіи пожаловали ихъ Ондрѣя и Аврама Виниюса и Елисѣя Вылкенса, велѣли имъ изъ желѣзныя руды дать дѣлать всякое желѣзо на десять лѣтъ безоброчно, а дѣлать имъ велѣли противъ ихъ Ондрѣева и Аврамова и Елисѣева челобитья межъ Серпухова и Тулы на трехъ рѣкахъ: на рѣчкѣ Вошанѣ, да на рѣчкѣ на Скнигѣ, да на рѣчкѣ на Воронѣ и впередъ гдѣ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй мѣста пріищутъ, которыя къ тому желѣзному дѣлу будутъ годны, опричь монастырскихъ и боярскихъ и дворянскихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, на нашихъ на порозжихъ земляхъ и мелницы на тѣхъ мѣстахъ ставить и желѣзо на всякіе статьи плавить и лить и ковать пушки и ядра и котлы и доски и разное прутье и всякое желѣзное дѣло дѣлать поволили, а тѣ мелницы и всякое желѣзное дѣло указали имъ Ондрѣю и Авраму и Елисѣю заводить своимъ заводомъ, а покамѣста они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй на тѣхъ угожихъ мѣстехъ мелницъ не поставятъ и желѣзнаго дѣла дѣлать не учнутъ или въ тѣ урочные лѣта будетъ Наша служба и за службою тово желѣзново дѣло будетъ имъ дѣлать въ урочные въ десять лѣтъ зачитать имъ не велѣли. А какъ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй на тѣхъ рѣкахъ мелницы и всякіе заводы заведутъ и учнутъ дѣлать и какъ желѣзо пойдетъ изъ дѣла, а про Нашъ обиходъ изъ того желѣза что будетъ годно, и у нихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя велѣли взять на четыре года всякое желѣзо по цѣнѣ: прутовое и въ ядрахъ пудъ по тринадцати алтынъ по двѣ денги, а досчатое по двадцати по шести алтынъ по четыре денги, а въ пушкахъ по двадцати по три алтына по двѣ денги пудъ, и то желѣзо, которое пригодится про Нашъ обиходъ, имать у него велѣли гдѣ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй учнутъ желѣзо дѣлать, и съ того желѣза, которое мы укажемъ имати про свой обиходъ Нашихъ Государевыхъ пошлинъ у него Ондрѣя имать не велѣли, а будетъ послѣ тѣхъ четырехъ лѣтъ до тѣхъ урочныхъ десяти лѣтъ будетъ желѣзо въ торгу дешевлѣ той ихъ Ондрѣевы и Аврамовы и Елисѣевы уговорной цѣны и у нихъ въ Нашу казну всякое желѣзо велѣли имать пудъ передъ торговою цѣною съ убавкою какъ мочно, а на то всякое желѣзо, которое на Нашъ обиходъ возьмутъ, пожаловали ихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя, велѣли имъ дать на задатокъ изъ Нашіе большіе казны три тысячи рублевъ и впередъ имъ въ тѣ урочные десять лѣтъ велѣли давать ежегодъ по томужъ по три тысячи руб-

левъ, а въ которой годъ желѣзо про Нашъ обиходъ не пригодитца и у него у Ондрѣя и Аврама и Елисѣя за тѣ задаточны деньги велѣли въ свою Государеву большую казну имать ефимками по цѣнѣ по чему тово году учнутъ покупать ефимки у Архангельскаго города, а что у нихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя въ тѣ урочные десять лѣтъ всякаго желѣза за Нашимъ расходомъ будетъ влишкѣ и имъ то желѣзо поволили продавать на сторону всякимъ людемъ и возить въ свою Галанскую землю и въ тѣ десять лѣтъ какъ они мельницы на рѣкахъ поставятъ и желѣзо учнутъ плавить и всякое желѣзное дѣло дѣлать и той желѣзной руды иноземцамъ и рускимъ людямъ ни гдѣ никому на откупъ и безъ откупу отдавать и мельницъ ставить и всякаго желѣзнаго дѣла мельнишнымъ заводомъ дѣлать и за море возить никому не велѣли, а какъ тѣ урочные десять лѣтъ выдутъ и тѣ мѣста гдѣ у нихъ желѣзныхъ рудъ дѣло будетъ, и которые мѣста они впредъ пріищутъ въ Нашихъ порожжихъ земляхъ пожаловали ихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя велѣли дать изъ оброку имъ же Ондрѣю, Авраму и Елисѣю, а оброкъ на нихъ велимъ положить по Нашему разсмотрѣнію какъ мочно, а желѣзо въ свою Государеву казну велѣли у нихъ имать вновь по уговорной цѣнѣ какъ мочно, а будетъ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй на Нашихъ на порожжихъ мѣстахъ нигдѣ мѣста на желѣзное дѣло не обыщутъ, а обыщутъ гдѣ на монастырскихъ на вотчинныхъ земляхъ или на боярскихъ и на дворянскихъ и у всякихъ чиновъ людей и тѣ имъ земли поволили у нихъ съ кѣмъ заговоръ будетъ, а тѣмъ мельнишнымъ заводамъ гдѣ у нихъ будетъ желѣзное дѣло, въ тѣ урочные десять лѣтъ или послѣ урочныхъ лѣтъ гдѣ они возмутъ на оброкъ, владѣти имъ Ондрѣю и Аврамъ и Елисѣю самимъ, а на сторону безъ Нашего Указу не продать и не заложить и никому не отдать.

Подпись у Грамоты Дьяка Степана Кудрявскова [1]).

1632 г.

Выборъ Царя (оказавшійся весьма удачнымъ) палъ на торговаго иноземца Андрея Виннiуса, переселившагося въ Россію изъ Голландіи, принявшаго русское подданство и совершенно въ ней акклиматизировавшагося (сынъ этого Виннiуса думный дьякъ временъ Петра I, былъ впослѣдствіи однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ своего царя).

Допущенный Царемъ къ производству изысканій и выбору удобнаго мѣста для постановки желѣзодѣлательнаго завода по иностран-

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. Прилож. стр. 4.

ному способу (то есть доменнаго и передѣлочнаго), приспособленнаго для отливки пушекъ, снарядовъ и домашней утвари, Виніусъ удачно закончилъ свои изысканія и, пригласивъ въ компаньоны брата своего Авраама Винніуса и купца Елисея Вилькенса, обратился къ Царю съ челобитной о разрѣшеніи ему устроить плотины и поставить желѣзный заводъ на рѣчкѣ Тулицѣ, въ окрестностяхъ гор. Тулы. Ходатайство было уважено и компаньонамъ выдана (1632 г.) Царская грамота [1]).

1632 г.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ нужное для Россіи Свицкое желѣзо, ружейные стволы, чугунныя пушки и разные артиллерійскіе припасы привозились почти исключительно Голландскими купцами, производившими исключительно въ то время главный торгъ въ Россіи чрезъ Архангельскій портъ. Легко понять можно, что сіи вещи обходились въ Москвѣ весьма дорого.

Чугунныя пушки стоили пудъ по полтора рубля и болѣе, а за Свицкое желѣзо платили до семидесяти копѣекъ за пудъ. Высокія сіи по тогдашнему времени цѣны заставили одного изъ самыхъ предпріимчивыхъ голландскихъ купцовъ, по имени Андрея Денисовича Виніуса (отецъ его, Денисъ Терксенъ Виніусъ, жилъ въ Амстердамѣ. Самъ же онъ производилъ значительный торгъ хлѣбомъ; въ 1631 году, напримѣръ, вывезъ онъ чрезъ Архангельскій портъ сто тысячъ четвертей ржи въ Голландію. Въ 1632 году пожалована была ему на свободную въ Россіи торговлю Царская Грамота) думать о построеніи въ Россіи вододѣйствующаго завода для отливанія разныхъ чугунныхъ вещей и для дѣланія желѣза по иностранному способу изъ чугуна. Учинивъ нужныя изысканія, онъ (обще съ братомъ своимъ Аврамомъ и съ купцомъ же Елисеемъ Юльевичемъ Вилькенсономъ) подалъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу челобитную о томъ, чтобы позволено было имъ построить въ окрестностяхъ Тулы таковой заводъ. На сіе воспослѣдовала 29 февраля 1632 года Государева грамота, которою, согласно съ ихъ прошеніемъ, позволялось имъ между Серпуховымъ и Тулою на трехъ рѣчкахъ: на Воронѣ, на Вашанѣ, на Скнигѣ и впредь, гдѣ годныя мѣста пріищутъ, построить мельнишные заводы „для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, для литья изъ перваго пушекъ, ядеръ и котловъ и для ковки изъ послѣдняго разныхъ досокъ и прутьевъ“, дабы впередъ то желѣзное дѣло было Государю прочно и Госуда-

[1]) Кнаббе В. Чугун. Лит. Дѣло I. с. 187.

ревой казнѣ прибыльно, а людей Государевыхъ имъ всякому желѣзному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать.

Заводчики могли остающееся по удовлетвореніи потребностей казны количество желѣза и прочихъ вещей, даже пушекъ, продавать на сторону и вывозить въ Голландію.

Имѣя въ виду руду, находившуюся съ давнишнихъ временъ за Тулою въ Дедиловскомъ уѣздѣ, Виніусъ хотѣлъ вѣроятно построить домну для плавленія оной на упомянутой имъ въ своей челобитной рѣчкѣ Воронѣ, впадающей близъ города Тулы въ Упу; но послѣ того выбралъ онъ для сего въ Тульскомъ уѣздѣ рѣчку Тулицу, и именно этотъ изъ двухъ начальныхъ притоковъ оной, который нынѣ называется большею Тулицею [1]).

1632 г.

Положеніе иноземцевъ въ Россіи:

Голландскій купецъ Андрей Виніусъ устроилъ на рѣкѣ Тулицѣ Городищенскіе желѣзные заводы въ 1632 г. [2]).

1632 г.

Древнѣйшая Тула была не на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась впослѣдствіи и гдѣ стоитъ нынѣ. 1632 г. устроенъ былъ голландцемъ Андреемъ Виніусомъ чугуннолитейный вододѣлательный желѣзный заводъ, который тогда назывался Городищенскимъ [3]).

1633 г.

Въ 1633 чугунно-литейный и вододѣйствующіе заводы Городищенскіе, близъ стараго Тульскаго городища, устроенные голландцемъ Андреемъ Виніусомъ учредители выписали до 600 челов. литейщиковъ и др. мастеровъ [4]).

1636 г.

ЧЕЛОБИТНАЯ.

Поданная Андреемъ Виніусомъ въ 7144 (1636) году, о дачѣ проѣзжихъ Грамотъ иностраннымъ мастерамъ, выписаннымъ имъ для чугуно-желѣзнаго завода своего въ Тульскомъ уѣздѣ.

Царю Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи бьетъ челомъ Галанской земли гость Ондрюшка Виниюсъ съ

---

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. с. 6, 7.
[2]) Устряловъ. Царст. Пет. Вел. т. II с. 103.
[3]) Городскія поселенія т. V. с. 239.
[4]) Городскія поселенія т. V. с. 239.

товарыщи. По твоему Государеву указу велѣно намъ дѣлать въ Тульскомъ уѣздѣ всякого желѣзного заводу, и нынѣ Государь ѣдутъ изъ Галанскіе земли Французкене желѣзново дѣла заводные мастеры человѣкъ съ двадцать съ прикащикомъ нашимъ съ Янкомъ Дани. Милосердный Государь, Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, пожалуй вели, Государь, намъ дать свою Государеву проѣзжую грамоту, а тѣмъ Государь людемъ ѣхать черезъ Новгородъ и Псковъ. Царь Государь смилуйся пожалуй.

На челобитной сей помѣта: Государь пожаловалъ велѣлъ дать свою Государеву Грамоту проѣзжую.

По сей челобитной къ Новгородскому Воеводѣ Князю Петру Александровичу Репнину послано было слѣдующее повелѣніе.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи въ нашу отчину въ Великій Новгородъ Боярину нашему и воеводѣ Князю Петру Александровичу Рѣпнину, да Дьяку нашему Богдану Обобурову. Били намъ челомъ Галанской земли гость Ондрей Виниюсъ съ товарыщи. По нашему де указу велѣно имъ дѣлать въ Тульскомъ уѣздѣ всякой желѣзной заводъ и нынѣ де ѣдутъ изъ Галанской земли Французкене желѣзнаго дѣла мастеры, человѣкъ съ дватцать съ прикащикомъ ево съ Янкомъ Дани, и намъ бы ихъ пожаловати велѣти тѣхъ мастеровыхъ людей пропустить къ Москвѣ, и какъ къ вамъ ся наша Грамота придетъ, а изъ Галанскіе земли Французкене желѣзного заводнаго дѣла мастеры дватцать человѣкъ Голанскаго гостя Ондрея Виниюса съ прикащикомъ съ янкомъ Дани въ Великій Новгородъ пріѣдутъ, и вы бъ ихъ отпустили къ намъ къ Москвѣ и проѣзжую Грамоту имъ дали, а пріѣхавъ къ Москвѣ велѣли имъ явитца въ посольскомъ приказѣ Дьякомъ нашимъ Думному Федору Лихачеву, да Максиму Матюшкину. Писанъ на Москвѣ лѣта 7144 февраля въ 9 день [1]).

1636 г.

Въ февралѣ 7144 (1636) года подалъ Виніусъ челобитье о проѣзжей Грамотѣ для посылаемаго имъ человѣка своего желѣзнаго дѣла мастера, Еноя Брюсена, черезъ Великій Новгородъ въ свою землю, а въ 7146 (1638) году, для служившаго у него на желѣзномъ заводѣ его, Французской земли угольника, Янки Сеава, который ѣхалъ за море потому, что по записи срокъ его отшелъ. Съ нимъ отправились жена его и трое дѣтей.

---

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 16.

1637 г.

Въ 7141 (1637) году получено было слѣдующее донесеніе: Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи холопи твои Петрушка Репнинъ, Богдашко Обобуровъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 145 году, августа въ 28 день писалъ къ намъ холопамъ твоимъ съ заставы Истесова заставной Голова Уваръ Борковъ, что де Государь пріѣхали изъ за рубежа съ Ивана города Нѣмцы Голанскіе земли и тѣхъ Государь Нѣмецъ, прислалъ намъ холопемъ твоимъ въ Великій Новгородъ и мы Государь, холопи твои велѣли объѣзжему головѣ Осипу Ушакову, да переводчику Ондрѣю Ніенборху, тѣхъ Нѣмецъ распросить, для какова дѣла они въ Великій Новгородъ пріѣхали, и есть ли съ ними къ тебѣ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи листы и Осипъ Ушаковъ, да переводчикъ Ондрѣй Ніенборхъ въ роспросѣ намъ холопемъ твоимъ сказали, что они тѣхъ Нѣмецъ распрашивали, а въ роспросѣ де, Государь, имъ сказались Голанскіе земли Янъ (Іоаннъ) фанъ Гиндерталенъ, Янъ Кузве, Янъ Лутунгъ, Берентъ Янсонъ съ женами и съ дѣтьми десять человѣкъ, а ѣдутъ де Государь, къ тебѣ Государю къ Москвѣ по договору Голанскова гостя Ондрѣя Виниюса для желѣзного заводного дѣла и по твоему Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи указу, мы холопи твои тѣхъ Нѣмецъ отпустили къ тебѣ Государю къ Москвѣ и роспросные ихъ рѣчи послали подъ сею отпискою сентября 1 день и велѣли, Государь, имъ явитися въ посольскомъ приказѣ твоимъ Государевымъ Дьякомъ, Думному Федору Лихачеву, да Максиму Матюшкину [1]).

1637 г.

145 августа въ 28 день пріѣхали въ Великій Новгородъ изъ Ругодива Нѣмцы Галанскіе земли четыре человѣки Янъ фанъ Гиндерталенъ, Янъ Кузве, Янъ Лутунгъ, Берентъ Янсонъ съ женами и съ дѣтьми десять человѣкъ, а въ роспросѣ сказали, что хозяинъ ихъ Голанскій гость Ондрѣй Денисовъ Виниюсъ на Москвѣ, и Государь де ево Ондрѣя пожаловалъ въ Тульскомъ уѣздѣ поволилъ дѣлать всякой желѣзной заводъ и къ тому де желѣзному дѣлу всякихъ мастеровъ на своихъ проторѣхъ изъ Нѣмеціи на Русь ему де Ондрѣю вывесть поволено и онѣ де нынѣ ѣдутъ по письму хозяина своего къ нему къ Москвѣ и бьютъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи, чтобъ Государь ихъ

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 17.

пожаловалъ велѣлъ бы ихъ изъ Новагорода пропустить къ Москвѣ безъ задержанья [1]).

1638 г.

Марселіусъ Петръ Гавриловичъ прибылъ въ Москву въ 1629 г., чтобы вести торговлю отца. Въ 1638 году за разныя службы, былъ пожалованъ гостинымъ именемъ и въ томъ же 1638 г., вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Филимономъ Акемою присталъ къ Тульскимъ заводамъ, которые устраивали Андрей Виніусъ и Елисей Вилькенсъ, но которыхъ они въ совершеніе не привели [2]).

1639 г.

Первоначальное устройство Городищенскихъ заводовъ стоило Виніусу большихъ суммъ. Онъ вошелъ въ долги и началъ уже отчаиваться въ успѣхѣ, какъ въ семъ затруднительномъ положеніи ссудилъ его деньгами комисаръ Датскаго короля Петръ Гавриловъ Марселисъ и Голландскій гость Филимонъ Филимоновъ Акема, которыхъ взялъ онъ обоихъ въ 1639 году къ себѣ въ товарищи. По челобитью ихъ приписана къ симъ заводамъ для достройки оныхъ и для производства на оныхъ работъ дворцовая Соломенская волость, состоявшая тогда изъ двухсотъ пятидесяти дворовъ, въ коихъ было триста сорокъ семь душъ крестьянъ [3]).

1640 г.

Въ декабрѣ 7148 (1640) года изъ Новгорода писали, что прибыли Нѣмцы, которые объѣзжему головѣ и переводчику въ роспросѣ сказали: одново зовутъ Яганъ Кушотъ съ женою, да Филипъ Боде, да Павелъ Масонъ, да Яганъ Генневари, а ѣдутъ де, Государь, они изъ Галанскіе земли по уговору иноземца Ондрѣя Денисова Виниюса къ Москвѣ къ тому Ондрѣю Денисову для ради желѣзнаго дѣла подъ Тулу [4]).

1641 г.

Въ февралѣ 7149 (1641) года послалъ Виніусъ, съ товарищами „для желѣзнаго дѣла мастеровъ два человѣка, Крестьяна Скиллера (Шиллеръ), да Яна Кусота въ Нѣмецкое Государство“ [5]).

---

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 17—18.
[2]) Чарыковъ Н. Посол. въ Римъ с. 146.
[3]) Гамель. Опис. Тул. Ор. Зав. с. 12—13.
[4]) Гамель. Опис. Тул. Ор. Зав. с. 18.
[5]) Гамель. Опис. Тул. Ор. Зав. с. 18.

1641 г. (7149).

Память изъ Стрѣлецкаго приказа въ Пушкарскій приказъ окольничему кн. Андрею Ѳедоровичу Литвинову-Мосальскому о присылкѣ въ Стрѣлецкій приказъ 1 пуда зелья и 30 гривенокъ свинцу: „прострѣливать тѣмъ зельемъ и свинцомъ 345 стволовъ нѣмецкихъ Ондреева дѣла Виніюса". Подобная же память изъ Стрѣлецкаго приказа въ Пушкарскій 149, февраля [1]).

1641 г. (7149) апрѣля 28.

Память изъ Пушкарскаго приказа, за приписью дьяка Посника Задонскаго, головѣ Герасиму Никифорову—принять у гостя „галанскія земли", Андрея Виніуса, 1853 пушечныхъ ядра; а каковы кружала тѣхъ ядеръ и сколько въ нихъ вѣсу, запись о томъ прислать въ Пушкарскій приказъ.

Память изъ приказа Большой казны въ Пушкарскій приказъ того же числа—о томъ же.

1641 (7149) г.

Роспись 149 г.; май, ядрамъ принятымъ отъ Андрея Виніуса.

О томъ же—память изъ Пушкарскаго приказа въ Приказъ Большой казны 149 г. мая.

Память 149 г. мая 5 головѣ Герасиму Никифорову о томъ, чтобъ онъ, по памяти изъ приказа Большой Казны за приписью дьяка Назара Чистаго, купилъ у „гостя голанскія земли Андрея Виніуса съ товарищи" желѣзныхъ ядеръ 684. Взвѣсивъ ихъ, роспись и ядра—прислать въ Пушкарскій приказъ.

Память того же числа о томъ же изъ Приказа Большой Казны въ Пушкарскій приказъ [2]).

1643 г.

Въ 1643 году Акема и Марселіусъ просили, мимо Виніуса позволеніе построить новые желѣзные заводы въ отдаленныхъ отъ Тулы мѣстахъ, а именно на Шекснѣ, Вагѣ, на Костромѣ и вообще гдѣ только удобныя мѣста приищутъ [3]).

1644 г.

Въ 1644 году далъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ (Акемѣ и Марселіусу) Грамоту на владѣніе таковыми новыми заводами безъ платежа оброку и пошлины на двадцать лѣтъ, считая со времени пу-

---

[1]) Опис. Акт. Собр. гр. Уварова, с. 540, ч. III.

[2]) Опис. Акт. Собр. гр. А. С. Уварова, ч. III с. 548.

[3]) Гамель. Оп. Тул. Ор. Зав. с. 13.

щенія оныхъ въ ходъ съ тѣмъ, чтобы на сихъ заводахъ не только лить пушки, ядра и котлы и дѣлать дощатое и прутовое желѣзо, но и ружейные стволы, проволоку и бѣлую жесть и чтобъ Русскихъ людей дѣланію всѣхъ вещей обучать и никакого искуства не скрывать отъ нихъ. Не нужное казнѣ количество вещей позволено было продавать на сторону въ чужіе краи.

Сія привиллегія причинила Акемѣ и Марселіусу многія съ Виніусомъ непріятности, и сей сдѣлалъ вскорѣ по вступленіи въ 1645 году на престолъ Царя Алексѣя Михайловича, на товарищей доносъ, въ слѣдствіе котораго отправленному тогда въ Голландію посломъ Ильѣ Даниловичу Милославскому поручено было объявить Нидерландскимъ Генеральнымъ Штатамъ „о многихъ неправдахъ“ Акемы и Марселіуса, что они не дѣйствовали по силѣ жалованной имъ Грамоты и между прочимъ велѣли иностраннымъ мастерамъ плавильное искуство отъ Русскихъ людей скрывать; ружейныхъ же стволовъ, проволоки и бѣлой жести совсѣмъ не дѣлали, а представленныя ими въ казну пушки были не такъ хороши, какъ тѣ, которыя они отправляютъ въ Голландію [1]).

Е. Вильчинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поправки: Въ октябрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1909 г. въ статьѣ „Воспоминанія И. И. Янжула“ напечатано: стр. 37, 10-я строка сверху—74 г., слѣдуетъ читать—65 г.; стр. 47, 3-я строка снизу—Новгородскій, слѣдуетъ читать—Новоторжскій; стр. 52, 10-я строка снизу—по тому, слѣдуетъ читать—потому.

[1]) Гамель. Оп. Тул. Ор. Зав. с. 14—15.

Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго.

Введеніе.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ сотрудниковъ Петра В., Андрей Андреевичъ Виніусъ, до сихъ поръ не получилъ должной оцѣнки въ русской исторической литературѣ. Всѣ историки, интересовавшіеся его личностью, оцѣнивали ее обыкновенно съ одной какой-нибудь стороны и не заботились о полнотѣ приводимыхъ ими біографическихъ свѣдѣній; поэтому полной біографіи Виніуса до сихъ поръ не имѣется въ русской литературѣ. Предлагаемый очеркъ имѣетъ цѣлью собрать всѣ данныя о жизни этого замѣчательнаго лица, которыя можно найти въ изданныхъ памятникахъ и исторической литературѣ и исправить многочисленныя ошибки біографическихъ свѣдѣній о Виніусѣ, возникшія по большей части отъ того, что историки, упоминавшіе объ этой личности въ своихъ трудахъ, слишкомъ односторонне изучали его біографію.

Число біографовъ Виніуса невелико. Въ строгомъ смыслѣ этого слова такимъ біографомъ можетъ быть названъ одинъ лишь Пекарскій, посвятившій Виніусу 10 страницъ своей почтенной книги „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., ч. 1-я, Спб. 1862“. Но біографія Виніуса значительно раньше начала интересовать изслѣдователей. Первый историкъ Петра В., Голиковъ, еще не зналъ Виніуса. Ему пришлось привести въ одномъ мѣстѣ своего труда стихи, читанные во время тріумфальнаго въѣзда арміи въ Москву въ 1696 году; ссылаясь на записки Желябужскаго [1]), онъ говоритъ, что эти стихи говорилъ Веніусъ, но тутъ же считаетъ нужнымъ

[1]) Изданы Д. Языковымъ въ 1840 г.

оговориться, что, вѣроятно, надо говорить Геніусъ, а не Веніусъ. Впрочемъ, уже современное Голикову изданіе—Древняя Россійская Вивліоѳика — въ XX томѣ даетъ указанія на нѣкоторые моменты службы Виніуса. Первымъ, кто коснулся біографіи Виніуса, былъ академикъ Іосифъ Гамель.

Гамель, въ своемъ сочиненіи „Описаніе тульскаго оружейнаго завода въ истор. и технич. отношеніи, М. 1826“ отмѣчаетъ главнѣйшія стороны дѣятельности Андрея Андреевича Виніуса, особенно внимательно останавливаясь на его дѣятельности въ Сибирскомъ приказѣ. Но Гамеля занималъ больше не Андрей Андреевичъ, а его отецъ, Андрей Денисовичъ. Для біографіи Виніуса—отца сочиненіе Гамеля до сихъ поръ является первостепеннымъ источникомъ. Гамель знаетъ даже Виніуса—внука, Матвѣя Андреевича; но относительно сына и внука свѣдѣнія Гамеля недостаточны и иногда сбивчивы. Онъ, напр., говоритъ про Андрея Андреевича: „сынъ или внукъ Андрея Денисовича“.

Полную путаницу въ дѣло разработки біографіи Виніуса внесъ г. Андреевъ своей статьей „Біографическія справки о Виніусѣ“ („Москвитянинъ“ за 1855 г., № 9). Онъ самымъ страннымъ образомъ смѣшалъ біографическія данныя обо всѣхъ трехъ Виніусахъ, приписавъ ихъ просто „Андрею Виніусу“ и отрицательно отнесясь къ имени Матвѣя. Къ счастію, статья эта осталась незамѣченною послѣдующими историками.

Устряловъ, Соловьевъ и Пекарскій почти одновременно заинтересовались жизнью и дѣятельностью Андрея Андреевича Виніуса. Первые два обратили большое вниманіе на обильную переписку царя Петра I съ Виніусомъ; Пекарскій заинтересовался главнымъ образомъ литературной дѣятельностью А. А. Виніуса и открылъ цѣлый рядъ его сочиненій частію въ рукописяхъ, частію уже въ напечатанномъ видѣ въ старыхъ періодическихъ изданіяхъ (съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка). Для Устрялова и Соловьева А. А. Виніусъ былъ интересенъ, главнымъ образомъ, какъ корреспондентъ Петра, поэтому ни надъ одной стороной его дѣятельности они подробно не останавливались, хотя уже признавали А. А. Виніуса очень крупною личностью. Многія частности его біографіи ускользнули отъ ихъ вниманія; а между тѣмъ если бы они обратили вниманіе на тѣ мѣста дневника Корба (имъ, безъ сомнѣнія, извѣстнаго [1]), гдѣ онъ говоритъ о Виніусѣ, то несомнѣнно отнеслись бы къ біографіи Виніуса внимательнѣе. Пекарскій въ своемъ вышепоименованномъ сочиненіи

[1]) Первый русскій переводъ „Дневника поѣздки въ Московское государство“ Корба явился въ Чтеніяхъ М. Общества ист. и древ. за 1866—67 г.г.

посвятилъ біографіи Виніуса цѣлыхъ десять страницъ; но и у него мы не найдемъ многаго; напр., онъ ничего не говоритъ о дипломатической поѣздкѣ А. А. Виніуса за границу, о проектѣ галернаго флота, имъ составленномъ, объ образцовомъ завѣдываніи его аптеками, объ его участіи въ малороссійскихъ дѣлахъ, не считаетъ нужнымъ даже разсказать о его почтовой дѣятельности. Всѣ три историка пользовались дневникомъ Корба, но о Виніусѣ взяли у него далеко не весь даваемый имъ матеріалъ. Роль, которую игралъ Виніусъ въ обществѣ иностранцевъ и среди вліятельнаго класса тогдашняго общества осталась невыясненною даже послѣ этихъ трехъ крупныхъ историческихъ трудовъ, не говоря уже о массѣ иногда очень характерныхъ мелочей, ускользнувшихъ совсѣмъ и отъ Устрялова съ Соловьевымъ, и отъ Пекарскаго. Къ этому надо еще прибавить, что почтенные авторы не избѣжали и явныхъ ошибокъ. Составители указателей къ Исторіи Россіи С. М. Соловьева приписали посольскую роль въ 1672—74 г.г. Андрею Денисовичу Виніусу—отцу; эту ошибку С. М. Соловьевъ могъ замѣтить, ибо указатель Шипова былъ составленъ еще при жизни великаго историка. Пекарскій сдѣлалъ столь же грубую ошибку: письмо, писанное около 1712 г. отнесъ къ 1702 г., а такъ какъ письмо это имѣетъ важное значеніе въ біографіи Виніуса, то конецъ біографіи явился у Пекарскаго значительно искаженнымъ. Эту ошибку Пекарскій тоже легко могъ бы замѣтить, ибо въ письмѣ этомъ Виніусъ говоритъ, что ему около 70 лѣтъ, а въ письмѣ 1706 г., которое также цитируетъ Пекарскій, тотъ же Виніусъ заявляетъ, что ему 65 лѣтъ. Большая часть біографіи Виніуса, составленной Пекарскимъ, вошла въ нѣмецкомъ переводѣ въ соч. „Zur Geschichte des russischen Postwesens, von A. v. Fabricius, Riga, 1865“; г. Фабриціусъ повторилъ ошибку Пекарскаго.

М. Д. Хмыровъ, авторъ соч. „Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи, Спб., 1875“, приводя немногія свѣдѣнія объ участіи А. А. Виніуса въ горномъ дѣлѣ, отозвался о Виніусѣ, какъ объ „одномъ изъ дѣятельнѣйшихъ, но до сихъ поръ мало оцѣненныхъ, сотрудниковъ Петра“. Тѣмъ не менѣе послѣ Пекарскаго никто не брался за новое составленіе біографіи А. А. Виніуса [1]), пока С. А. Бѣлокуровъ въ своей работѣ „О Посольскомъ

[1]) Намъ не удалось достать „Горный журналъ“ за 1865 г., гдѣ въ № 11 напечатана статья о Виніусѣ; но такъ какъ эта статья написана по поводу ст. „Исторія основанія рус. горныхъ заводовъ“ (въ Памятной книжкѣ для рус. горныхъ людей за 1862 г.) и занимаетъ всего лишь 3 страницы журнала, то не думаемъ, чтобы она могла существенно измѣнить что-нибудь въ біографіи Виніуса.

приказѣ“ (Чтенія Моск. Общ. ист. и древн. за 1906 г., кн. 3) снова не воспроизвелъ біографію Виніуса въ видѣ его формулярнаго списка[1]). А между тѣмъ остались неиспользованными свѣдѣнія первоисточниковъ, появившіяся въ такихъ изданіяхъ, какъ „Списокъ выписокъ изъ архив. бумагъ о Петрѣ В., т. I, Спб., 1872“, „Доклады и приговоры, составл. въ Правит. Сенатѣ въ ц—ніе Петра В., Спб., 1880 и слѣдд.“, матеріалы по исторіи Сибирскаго приказа, надъ которыми много работалъ Н. Н. Оглоблинъ (Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 г.г.) въ Чтеніяхъ Моск. Общества ист. и древн. за 1895 г., кн. II, 1898 г., кн. I, 1900 г., кн. III и 1902 г., кн. I; Бытовыя черты начала XVIII в. въ томъ же изданіи за 1904 г., кн. I и др.) и мног. другихъ[2]). Затѣмъ, нѣкоторые историческіе труды, мало обращавшіе вниманія на личность Виніуса, дали богатый матеріалъ для характеристики дѣятельности тѣхъ учрежденій, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, или гдѣ онъ принималъ живѣйшее участіе; таковы, напр., „Очеркъ русской морской исторіи“, т. I, Спб., 1875; Бранденбургъ, „Матеріалы для исторіи артиллерійскаго управленія въ Россіи“, Спб. 1876; И. Хрущовъ, „Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до ц. Екатерины II“, Спб., 1884; Н. Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“ (по 1800 годъ), ч. 1—4, М., 1894—1902 г. и др.

Наконецъ, самая переписка Петра Великаго съ Виніусомъ, воспроизведенная въ капитальномъ трудѣ „Письма и бумаги Петра Великаго“, Спб., 1887 и слѣд., въ значительной степени также осталась неиспользованною. Въ данное время, думаемъ, пора уже подвести итоги исторической литературѣ о Виніусѣ, указать многочисленныя ошибки писателей, касавшихся его біографіи[3]); это

---

[1]) Въ Моск. Архивѣ М. Юст. есть „Дѣло о службѣ дьяка Посольскаго приказа Андрея Виніуса“, но оно доведено только до 1692—3 г. (Описаніе документовъ и бумагъ М. Архива М. Юст., т. XI, стр. 392).

[2]) Мелкія, но весьма цѣнныя свидѣтельства первоисточниковъ есть также въ слѣд. изданіяхъ: „Библіотека Моск. Общества исторіи и древн.“, М., 1845; „Древности“. Труды Моск. Археол. Общества, т. IV, М. 1874; Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, т. 1, Спб., 1891; Записки Юста Юля, датскаго послан. ника при Петрѣ В. (Чт. М. Общ. ист. и др. за 1899 г., кн. III). Издатели записокъ Юста Юля сдѣлали также ошибку, приписавъ сыну Андрея Андреевича Виніуса, Матвѣю, то участіе въ малоросс. дѣлахъ въ 1711 г., которое принималъ отецъ.

[3]) Таковыя есть, какъ мы видѣли, у Андреева, Соловьева, Пекарскаго; есть онѣ также у г. Бѣлокурова, Хрущова и въ другихъ сочиненіяхъ. Всѣ ошибки и неточности будутъ въ своемъ мѣстѣ указаны въ примѣчаніяхъ.

является тѣмъ болѣе необходимымъ, что самая полная біографія А. А. Виніуса—у Пекарскаго—является уже значительно устарѣвшей и, какъ мы видѣли, имѣетъ очень много пробѣловъ.

Кончимъ тѣмъ, съ чего начали. Настоящій очеркъ представляетъ изъ себя попытку собрать воедино все, что можно найти въ изданныхъ памятникахъ и исторической литературѣ о Виніусѣ, дать общую оцѣнку его дѣятельности и указать на его мѣсто среди дѣятелей Петровскаго времени. Смѣло можемъ сказать, что матеріалы для біографіи Виніуса появились въ печати уже въ такомъ количествѣ, что дальнѣйшія архивныя изысканія могутъ дать только отдѣльныя детали его біографіи. Темныхъ мѣстъ въ ней и чувствительныхъ пробѣловъ въ настоящее время почти не имѣется, если не считать семейной жизни Виніуса, которая остается очень мало извѣстною.

I.

Андрей Денисовичъ Виніусъ—отецъ.

Фамилія Виніусовъ впервые встрѣчается въ исторіи русской торговли и промышленности. Андрей Виніусъ, сынъ Амстердамскаго купца Дениса Терксена Виніуса, выѣхалъ изъ Голландіи въ 1627 г. [1]) и прибылъ въ Россію во второй половинѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Здѣсь онъ занялся прежде всего въ Архангельскѣ хлѣбною торговлей [2]). Въ 1631 году онъ купилъ государевы хлѣбные запасы „большою прямою цѣною безъ хитрости и безъ корысти“. За это онъ подвергся нареканіямъ со стороны своихъ соотечественниковъ, а отъ московскаго правительства получилъ жалованную грамоту (26 янв. 1631 г.) на право свободной торговли; по всѣмъ дѣламъ его долженъ былъ вѣдать Посольскій приказъ [3]). Въ 1632 году онъ подалъ царю челобитную, въ которой, сообщая, что ему удалось розыскать въ Московскомъ государствѣ „самую добрую“ желѣзную руду, просилъ разрѣшенія завести желѣзные заводы. 31 марта 1633 г. онъ получилъ новую грамоту, въ силу которой онъ получилъ, сверхъ права свободной торговли во всѣхъ городахъ,—право строить дома, гдѣ ему понадобится, а также ему дано было разрѣшеніе безоброчно въ теченіе 10 лѣтъ заниматься желѣзнымъ промысломъ при казенной

---

[1]) Бѣлокуровъ, 127.

[2]) Гамель, 7.

[3]) В. А. Кордтъ, Очеркъ сношеній Московскаго государства съ республикой Соед. Нидерландовъ по 1631 г. (Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества, т. CXVI, Спб., 1902 г.), стр. CCCXLIII.

субсидіи и обѣщаніи правительства не разрѣшать желѣзнаго промысла другимъ иноземцамъ [1]). Виніусъ, вступивъ въ компанію со своимъ братомъ Авраамомъ и англичаниномъ Вилькенсономъ, открылъ вододѣйствующій заводъ для производства изъ желѣзной руды чугуна и желѣза и литья ядеръ, пушекъ и другихъ предметовъ [2]). Мѣсто для завода онъ выбралъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тулы, на р. Тулицѣ; руда копалась въ 40 верстахъ отъ завода [3]). Въ 1634 г. онъ просилъ у царя разрѣшенія выписывать мастеровъ изъ-за границы [4]). Первоначальное устройство заводовъ стоило Виніусу большихъ денегъ. Несмотря на то, что онъ получалъ отъ правительства заимообразно по 3.000 р. ежегодно [5]), онъ сильно задолжалъ и нѣсколько лѣтъ спустя принужденъ былъ вступить въ новое товарищество—съ Петромъ Марселисомъ и Тилеманомъ Акемою. Правительство вмѣняло въ обязанность заводчикамъ не скрывать своего ремесла отъ русскихъ. Лишнее, сверхъ потребностей казны, количество желѣза и другихъ вещей Виніусъ могъ продавать и вывозить въ Голландію. Новое товарищество обратилось снова къ правительству съ просьбой приписать къ ихъ заводамъ крестьянъ; правительство разрѣшило приписать къ тульскимъ заводамъ дворцовую Соломенскую волость съ 347 крестьянами. Впослѣдствіи Виніусъ поссорился и даже судился со своими товарищами [6]).

Это не помѣшало имъ снова вмѣстѣ работать въ Шенкурскомъ уѣздѣ на р. Вагѣ, гдѣ Виніусъ поставилъ свой дворъ для пушечнаго желѣзнаго дѣла [7]). Въ 1646 г. онъ принялъ православіе, былъ записанъ въ московскіе дворяне [8]) и въ этомъ же году представилъ правительству проектъ укрѣпленія Архангельска [9]). Тогдашніе руководители новаго царя Алексѣя Михайловича, Морозовъ съ товари-

---

[1]) Д. Цвѣтаевъ, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. М., 1890. Стр. 395.

[2]) Гамель, 7. Грамоту царя см. въ приложеніи къ соч. Гамеля.

[3]) Подробное описаніе мѣста см. у Гамеля. стр. 9 и 77—82 (въ приложеніи есть планъ заводовъ) и Андреева („Москвитянинъ“, 1855 г., № 9).

[4]) Бантышъ-Каменскій, 179.

[5]) Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, стр. 433.

[6]) Онъ дѣйствовалъ по отношенію къ нимъ не совсѣмъ честно и они честили его „бездушникомъ, бездѣльникомъ и шельмомъ“. По отношенію къ правительственнымъ заказамъ онъ, очевидно, также не всегда былъ аккуратенъ (см. Описаніе документовъ и бумагъ М. Архива М. Юст., т. XI, стр. 457).

[7]) „Москвитянинъ“, 1843 г. № 11, стр. 144 (изъ писцовой книги). Гамель, 15.

[8]) Цвѣтаевъ, 403.

[9]) Сборникъ Рус. Истор. Общества, т. 60. Цвѣтаевъ, 396.

щами, пользовались совѣтами Виніуса въ государственныхъ дѣлахъ; современники прямо заявляли, что Виніусъ „преданъ болѣе русскимъ, чѣмъ нѣмцамъ“ [1]). Соловьевъ говоритъ, что это—первый примѣръ иностранца, имѣвшаго вліяніе на русскія государственныя дѣла [2]).

1 марта 1648 г. монополія желѣзнаго промысла перешла къ Марселису и Акемѣ. Къ челобитной, поданной въ это время Виніусомъ, послѣдній приложилъ записку о своихъ заслугахъ передъ Московскимъ правительствомъ. Здѣсь онъ указываетъ на слѣдующее: онъ дѣйствовалъ въ интересахъ Московскаго правительства въ хлѣбной торговлѣ [3]); онъ предоставилъ корабль послу Григорію Алабьеву изъ Голландіи, что стоило ему болѣе 300 рублей; онъ купилъ для царя 4 изумруда за умѣренную цѣну (съ царя продавцы хотѣли взять очень дорого); онъ открылъ руду и завелъ заводы; онъ нашелъ въ Варшавѣ каменную хоромину, съ надписью золотыми буквами на латинскомъ языкѣ, гласившею о томъ, что тамъ хранятся мощи царя Шуйскаго и его брата (по требованію Московскаго правительства камень съ этою надписью послѣ этого былъ присланъ въ Москву); онъ, наконецъ, принялъ русское подданство и православную вѣру [4]). Виніусъ получилъ право безпошлинной торговли на 6 лѣтъ [5]).

Московское правительство часто давало дѣятельнымъ и способнымъ иностранцамъ дипломатическія и коммерческія порученія. Не избѣжалъ такого порученія и Андрей Денисовичъ. Въ 1652 г. онъ былъ, по порученію русскаго правительства, съ Иваномъ Морсовымъ въ Голландіи для покупки про дворцовый обиходъ разныхъ заморскихъ товаровъ [6]). Сохранился весьма интересный портретъ его, гравированный въ Гагѣ извѣстнымъ въ то время граверомъ Корнеліемъ Фишеромъ. На этомъ портретѣ выгравированъ титулъ Виніуса: „его царскаго величества россійскаго государства комиссаръ и московскій гость Андрей Денисовъ сынъ Виніусъ“ [7]).

---

[1]) „Сѣв. Архивъ“ за 1822 г., № 2 (письмо одного современника—шведа).

[2]) Соловьевъ въ изд. „Общ. Пользы“, кн. II, 1491.

[3]) См. выше.

[4]) См. въ прилож. къ соч. Гамеля.

[5]) Цвѣтаевъ, 402.

[6]) Бант.-Каменскій, I, 184.

[7]) Портретъ этотъ рѣдчайшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый красивый и самый цѣнный листъ въ собраніи русскихъ портретовъ (Ровинскій). Онъ извѣстенъ подъ именемъ l'homme au pistolet. Снимокъ съ него см. въ соч. Хрущова. Здѣсь умѣстно сказать, что г. Хрущовъ допустилъ грубую ошибку, приписавъ Андрею Денисовичу управленіе почтами и Сибирью. Эту же ошибку повторилъ проф. Цвѣтаевъ въ ст. „Обрусѣніе иноземцевъ-протестантовъ въ Москов. государствѣ“ („Русск. Вѣстникъ“ 1886 г., X).

Женою А. Д. Виніуса была Гертруда Мейеръ [1]).

Дальнѣйшія свѣдѣнія объ Андреѣ Денисовичѣ отсутствуютъ [2]). Ровинскій полагаетъ, что онъ скончался около 1696 года. Если вспомнимъ, что онъ выѣхалъ изъ Голландіи въ 1627 году, то такая поздняя дата смерти представляется сомнительною. Странно также было бы то обстоятельство, что до 1652 г. Андрей Денисовичъ былъ очень крупнымъ дѣятелемъ, а съ этого года и до 1696 г. онъ ничѣмъ не обнаруживалъ своей дѣятельности. Гораздо правдоподобнѣе, что онъ скончался вскорѣ послѣ 1652 г., достигши приблизительно 50-лѣтняго возраста.

Въ лицѣ Андрея Денисовича Виніуса мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ предпріимчивымъ, умнымъ и ловкимъ. Онъ умѣлъ акклиматизоваться въ Россіи, проложить себѣ путь къ обогащенію и карьерѣ. Такой человѣкъ могъ дать хорошее образованіе своему сыну и въ свою очередь создать для него возможность хорошей карьеры въ будущемъ. Принятіе русской вѣры отцомъ и крещеніе въ эту же вѣру сына уничтожило для послѣдняго тѣ преграды, которыя могли мѣшать иностранцу дѣлать успѣхи на русской государственной службѣ, и этотъ сынъ, знаменитый Андрей Андреевичъ, своею дѣятельностью далеко превзошелъ отца и пріобрѣлъ право на значительно болѣе важное мѣсто въ русской исторіи.

II.

Андрей Андреевичъ Виніусъ—сынъ.—Его дѣятельность до знакомства съ Петромъ В.—Посольство за границу.—Почта.—Аптекарскій приказъ.—Мелкія порученія.

Андрей Андреевичъ Виніусъ родился въ 1641 году [3]). 14 лѣтъ отъ роду (въ 1655 г.) онъ былъ крещенъ по православному обряду [4]) и потому рано могъ поступить на службу. Имя его впервые стано-

---

[1]) Цвѣтаевъ (стр. 402) указываетъ годъ ихъ свадьбы—1648. Но въ такомъ случаѣ придется предположить, что это была вторая жена Андрея Денисовича, потому что знаменитый сынъ его, Андрей Андреевичъ, родился въ 1641 г.

[2]) Намъ не удалось достать „Тульскія губернскія вѣдомости" за 1872 г. № 85, гдѣ есть статья объ А. Д. Виніусѣ.

[3]) Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества, кн. LX. Эта дата подтверждается письмомъ Виніуса Петру В. отъ 16 ноября 1706 г. (см. ниже).

[4]) Въ „Книгѣ крояльной приказному платью" Казеннаго приказа 1655 г. подъ 22 августа указано жалованное платье гостю Андрею Виніусу по случаю его крещенія (А. Викторовъ, Описаніе записн. книгъ и бумагъ старин. дворц. приказовъ. Вып. 1. М., 1877. Стр. 148).

вится извѣстнымъ въ 1664 году, когда онъ, бывши до того „гостинной сотни торговымъ человѣкомъ", былъ взятъ 20 марта въ Посольскій приказъ переводчикомъ голландскаго языка[1]). Въ этомъ званіи онъ состоялъ при голландскомъ посланникѣ Борелѣ; затѣмъ, въ томъ же званіи, онъ былъ въ с. Дѣдиновѣ при постройкѣ флота. Въ то же время онъ становится извѣстенъ, какъ литературный дѣятель. Въ званіи переводчика Посольскаго приказа, который имѣлъ отношеніе къ постройкѣ флота и къ путямъ сообщенія, Виніусъ заинтересовался и тѣмъ, и другимъ: писалъ сочиненія по географіи, чертилъ карты, выступивъ съ проектомъ галернаго флота. Когда ему пришлось, по порученію правительства, переводить съ нѣмецкаго языка на русскій проектъ Ботлера[2]) объ учрежденіи флота, то ему пришли въ голову нѣкоторыя предположенія, которыя онъ рѣшился изложить въ статьяхъ, поданныхъ имъ 5 дек. 1668 г. въ приказъ[3]).

Въ 1672 году, оставаясь въ томъ же званіи, Андрей Виніусъ былъ посланъ во Францію, Испанію и Англію съ предложеніемъ союза противъ турокъ, которые въ то время напали на польскую Украину. Въ наказѣ, данномъ Виніусу, упомянуто, что съ нимъ были посланы подъячій Петръ Виніусъ и толмачъ Ѳедотъ Ѳедоровъ. Маршрутъ былъ данъ ему слѣдующій. Изъ Москвы онъ долженъ былъ направиться черезъ Великій Новгородъ и Псковъ въ Ригу, оттуда моремъ въ Англію, изъ Англіи—во Францію и, наконецъ, Испанію. Вышеупомянутый наказъ заключаетъ въ себѣ также подробныя указанія насчетъ поведенія посла въ тѣхъ странахъ, гдѣ ему придется быть. Такъ, напр., въ Ригѣ онъ долженъ былъ, опираясь на условія Кардисскаго трактата, просить губернатора предоставить ему корабль „со всякимъ вспомогательствомъ" для переѣзда въ Англію; если же губернаторъ заявитъ, что въ Кардисскомъ договорѣ насчетъ этого ничего не сказано, то Виніусъ долженъ просить губернатора позволить ему нанять корабль (на этотъ случай Виніусу дано было 200 ефимковъ). Прежде, чѣмъ отправиться изъ Риги въ дальнѣйшій

---

[1]) Бѣлокуровъ, 127. Въ 1666 г. онъ подалъ челобитье объ оставленіи за нимъ московскаго двора, купленнаго за 400 руб. у гостя Петра Микляева; дворъ этотъ былъ отписанъ въ казну за долги Микляева Сибирскому приказу. (Н Оглобинъ, Описаніе... Сиб. приказа, Чт., 1900 г. кн. III, стр. 132).

[2]) Иностранецъ фонъ-Сведенъ, основатель почты въ Россіи, по порученію правительства, приглашалъ изъ-за границы знатоковъ корабельнаго дѣла. Ботлеръ, его племянникъ, былъ приглашенъ имъ для командованія будущимъ кораблемъ.

[3]) Содержаніе этого проекта, равно какъ и другихъ, литературныхъ и научныхъ, трудовъ Виніуса составитъ предметъ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего очерка.

путь, Виніусъ долженъ былъ разузнать всѣ новости и подробно описать все это въ донесеніи Царю, которое отправить съ тѣми провожатыми, которые даны будутъ ему изъ Пскова. Когда посолъ пріѣдетъ въ Англію, онъ долженъ требовать, чтобы королю дали знать о его пріѣздѣ; когда король пожелаетъ принять его у себя, Виніусъ долженъ поставить непремѣннымъ условіемъ, чтобы во время его пріема никакихъ другихъ иностранныхъ пословъ не было. Во время аудіенціи надо было слѣдить за тѣмъ, чтобы король, спрашивая о здоровьѣ Царя, вставалъ и снималъ шляпу. Грамоту надо было подать въ тафтѣ, и, если король пожалуетъ къ рукѣ—надо цѣловать руку. Если бы король пригласилъ посла къ столу—надо согласиться, но опять съ условіемъ—чтобы иныхъ пословъ за столомъ не было. Побывавъ на обѣдѣ, посолъ долженъ былъ хорошо запомнить все—и какъ его будутъ встрѣчать, и кто будетъ присутствовать на обѣдѣ, и кто его будетъ потчивать, и что будетъ сказано за столомъ; все это надо будетъ впослѣдствіи записать. Самому послу слѣдуетъ „противъ королевскихъ и ближнихъ словъ держать отвѣтъ остерегательно, чтобы Государеву имени было къ чести и повышенью; а за столомъ сидѣть ему „отъ короля вѣжливо и остерегательно“. Что за люди давались тогда нашимъ посламъ въ качествѣ свиты, видно изъ слѣдующихъ наставленій наказа: „подъячему приказать накрѣпко, чтобъ онъ сидѣлъ за столомъ чинно и остерегательно, и не упивался, и словъ дурныхъ не говорилъ; а своихъ людей въ палату съ собою не имать для того, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было, а велѣть имъ сидѣть въ другой палатѣ потому жъ стройно, а бражниковъ и дураковъ на королевскій дворъ не имать“.

Такія же наставленія даются въ наказѣ и относительно поведенія посла при французскомъ и испанскомъ дворахъ. Наказъ предвидитъ также, что во время пріема при испанскомъ дворѣ возможно присутствіе королевы-матери; тогда посолъ долженъ привѣтствовать и эту послѣднюю отъ имени Царя и Царицы Наталіи Кирилловны. На тотъ случай, если въ Испаніи отзовутся незнаніемъ русскаго языка, и попросятъ дать латинскій или нѣмецкій переводъ Царской грамоты, то Виніусъ долженъ былъ дать таковой (оба перевода даны были ему изъ Москвы). Прежде прощальной аудіенціи вездѣ Виніусъ долженъ былъ требовать, чтобы ему дали списокъ съ той грамоты, которую король намѣренъ ему вручить, и если по этому списку окажется, что титулъ Царя написанъ неправильно или не сполна—требовать исправленія.

Предвидя возможность частныхъ бесѣдъ между вельможами разныхъ странъ и русскимъ посломъ, наказъ считаетъ нужнымъ и здѣсь

регламентировать его образъ дѣйствій и рѣчей. Если бы былъ заданъ послу вопросъ объ отношеніяхъ московскаго Царя къ папѣ, императору, королю датскому или шведскому, или къ голландскимъ штатамъ—надо отвѣчать, что между Царемъ и вышеупомянутыми государями сношенія мирныя; а если зададутъ какой-нибудь непредвидѣнный вопросъ, надо отвѣтъ держать, смотря по дѣлу, чтобъ Государеву имени было къ чести и къ повышенью, а лишнихъ рѣчей не говорить. Съ принятыхъ грамотъ Виніусъ долженъ былъ просить списки и копіи этихъ списковъ посылать немедленно Царю по почтѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ во всѣхъ странахъ Виніусъ долженъ былъ узнавать объ ихъ отношеніяхъ къ папѣ, императору, Голландіи, Венеціи и другимъ государствамъ и о томъ, „нынѣшняя его, Андреева, отъ Великаго Государя посылка надобна-ль“; всѣ добытыя имъ свѣдѣнія посолъ долженъ былъ занести въ статейный списокъ и предъявить по пріѣздѣ въ Посольскій приказъ.

Передъ отправленіемъ за границу Виніусъ, какъ переводчикъ Посольскаго приказа, получалъ жалованья 50 рублей въ годъ (850 р. на наши деньги). Командировочныхъ ему было дано 250 р. (=4.250 р.) деньгами, соболей на 50 рублей, да на наемъ корабля 200 ефимковъ. По челобитной Виніуса, выдача запасовъ на дорогу ему была сдѣлана въ Москвѣ, изъ Большого прихода, въ слѣдующемъ размѣрѣ: двѣ четьи съ осьминою ржаной муки, столько же сухарей, полъосмины крупъ, столько же толокна, два полтя ветчины. Въ то же время изъ Новой Чети было выдано Виніусу два ведра вина. Предписаніе было по дорогѣ до границы и обратно давать посламъ по 10 подводъ человѣку.

Виніусъ со своею свитою прибылъ на шведскую границу 14 ноября. Немедленно онъ обратился къ коменданту Новагородка шведскаго съ просьбой дать ему провожатаго до Риги. Комендантъ заявилъ, что, безъ согласія коменданта Юрьева Ливонскаго и до полученія отъ послѣдняго паспортовъ, онъ не можетъ пропустить русскихъ пословъ. Пришлось ждать цѣлыхъ 4 дня. Наконецъ желаемое разрѣшеніе пришло даже съ разъясненіемъ—впредь не задерживать московскихъ пословъ и пропускать безъ всякихъ запросовъ. Пріѣхавъ въ Ригу, Виніусъ обратился къ губернатору съ просьбой о дачѣ корабля и содѣйствіи путешествію. Губернаторъ отказалъ. Послу не сдѣлали никакой встрѣчи въ Ригѣ, и ему пришлось стать на гостинномъ дворѣ, гдѣ становятся торговцы и извощики; ему со свитою отвели одну избенку и въ другомъ мѣстѣ нанять двора не позволили. Когда Виніусъ навелъ справки относительно корабля, то оказалось, что корабль есть, но отойти ему нельзя по причинѣ

льдовъ въ морѣ, и придется ждать 2—3 мѣсяца. Тогда Виніусъ послалъ къ Курляндскому князю, прося пропустить его черезъ его землю. Въ ожиданіи отвѣта, Виніусъ собралъ кое-какія новости и 28 ноября послалъ въ Москву свою первую „отписку“ по почтѣ.

Его замедленіе въ Ригѣ произвело неблагопріятное впечатлѣніе. 16 декабря была послана ему изъ Посольскаго приказа память „съ великимъ осудомъ“: „и ты то, что къ Курлянскому князю о пропускѣ своемъ писалъ, чего тебѣ безъ указу Великаго Государя дѣлать не довелось, учинилъ глупо и тою своею глупостью дѣлаешь ты Великаго Государя дѣлу мотчанье... и ты бъ... ѣхалъ со всякимъ поспѣшеніемъ, а такой себѣ простоты, какъ нынѣ въ Ригѣ... впредь не чинилъ и во всѣхъ мѣстѣхъ ѣхалъ со всякимъ поспѣшеніемъ“. Зная причины перемѣны маршрута, допущенной Виніусомъ, мы не станемъ обвинять его: разумѣется, лучше было измѣнить маршрутъ, чѣмъ 2—3 мѣсяца ждать въ Ригѣ, пока море очистится ото льда. Виніусъ виноватъ былъ въ глазахъ правительства только потому, что сдѣлалъ это „не спросясь“, между тѣмъ на эти пересылки также ушло бы много времени. Если бы въ это время стоялъ во главѣ Посольскаго приказа знаменитый Ординъ-Нащокинъ, постоянно твердившій, что немыслимо во всякомъ дѣлѣ послу ждать Государева указа, то онъ не допустилъ бы обидѣть Виніуса; но его въ это время уже не было въ Москвѣ, а на его мѣстѣ былъ А. С. Матвѣевъ, который, очевидно, смотрѣлъ на дѣло иначе.

Слѣдующую отписку Виніусъ послалъ, повидимому, изъ Кенигсберга, 20 декабря; затѣмъ послѣдовала отписка изъ Данцига, отъ 3 января 1673 года; здѣсь онъ задержался по случаю распутицы. Путь отъ Данцига черезъ Эльбингъ, Маріенбургъ, Дершовъ—онъ совершилъ на подводахъ, данныхъ ему мѣстными властями.

Изъ Данцига Виніусъ прибылъ въ Гамбургъ, но и отсюда оказалось невозможнымъ отправиться въ Лондонъ, потому что на Эльбѣ было много льду. Пришлось ему ѣхать въ Голландію и сѣсть тамъ на англійскій почтовый корабль. 26 февраля онъ прибылъ въ Гарвичъ, гдѣ былъ задержанъ до 3 марта. Въ Лондонъ пришлось ему ѣхать на нанятыхъ подводахъ. Не доѣзжая Лондона, онъ послалъ извѣщеніе о своемъ прибытіи „мастеру церемоній“, который выѣхалъ къ нему навстрѣчу и отвелъ мѣсто для остановки въ городѣ. Здѣсь Виніусъ узналъ, что разсчитывать на скорый пріемъ ему нельзя, потому что въ это время происходили бурныя засѣданія парламента. Пришлось ему ждать около недѣли. Наконецъ, пріемъ состоялся; но „король пришелъ изъ парламенту и былъ зѣло смутенъ“, спросилъ о здоровьѣ царя сидя, такъ что пришлось напомнить ему о необходимости встать и снять шляпу. Послѣ пріема послу пришлось ждать

отвѣта и отпуска почти мѣсяцъ. Въ ожиданіи отпуска Виніусъ вступилъ въ сношенія съ французскимъ посломъ въ Лондонѣ, и тотъ извѣстилъ о немъ свой дворъ, такъ что въ Калэ уже готовы были принять русскаго посла и проводить его въ Парижъ на счетъ правительства. Здѣсь же въ Лондонѣ Виніусъ разузнавалъ, нѣтъ ли какихъ-либо листовъ отъ Польскаго короля по поводу Андрусовскаго перемирія; никакихъ листовъ не оказалось. Хотѣлъ онъ также нанять трубачей, но и этого ему не удалось.

Въ своей отвѣтной грамотѣ Карлъ II, уклоняясь отъ союза противъ Турціи, обѣщаетъ сдѣлать попытку примиренія съ Голландіей и проситъ возвратить англійскимъ купцамъ въ Россіи ихъ прежнія права и привилегіи. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорится: „послѣди же, яко мы всякимъ пріятствомъ и должнымъ склоненіемъ поволили и приняти велѣли . . . посланника Андрея Виніуса, тако не можемъ вотще его отпустити безъ достойной славы и ходатайства, занеже его благоуміе и прилежаніе то заслужило отъ рукъ вашихъ воспріяти, которое довольно будетъ къ пользѣ и къ милости ко всякимъ явнымъ службамъ сотворити, къ которымъ ваше царское величество его избрати благоизволиши“ [1]).

18 апрѣля Виніусъ прибылъ въ Калэ и ожидалъ встрѣчи, но напрасно. Онъ собирался уже писать по почтѣ королю, но 28 апрѣля прибылъ дворянинъ, посланный королемъ ему навстрѣчу, и сообщилъ, что 1 мая можно будетъ имъ ѣхать къ королю въ тотъ городъ, въ которомъ король будетъ. Оказалось, что король былъ не въ Парижѣ, а во Фландріи, гдѣ собраны были его войска для войны съ Голландіей и Бранденбургомъ. 29 апрѣля Виніусъ послалъ новую отписку царю черезъ Англію и Гамбургъ.

Отбывъ изъ Калэ, Виніусъ достигъ мѣстечка Менеина, недалеко отъ Куртрэ. Дальнѣйшія подробности пути намъ неизвѣстны; извѣстенъ только результатъ посольства. Людовикъ XIV, въ письмѣ къ царю отъ 22 мая 1673 г., отказался принять участіе въ войнѣ съ турками, ссылаясь на войну съ Голландіей. 14 іюня 1673 г. Виніусъ отбылъ изъ Парижа въ Мадритъ, куда прибылъ 6 іюля и 20 іюля имѣлъ аудіенцію у короля. Испанскій король Карлъ II отвѣтилъ, что, по свойству съ королемъ польскимъ, намѣренъ помочь ему деньгами, войскомъ же помочь неудобно по причинѣ дальняго разстоянія. 15 августа Виніусъ выѣхалъ изъ Мадрита въ Англію [2]), а въ

[1]) Б.-Каменскій, I, 120, прим.: „Сего благоразумнаго мужа посольство можетъ служить примѣромъ и на нынѣшнее время“.

[2]) Свѣдѣнія о посольствѣ Виніуса см. въ Памятникахъ Диплом. Сношеній, т. IV, стр. 803—946 и у Б.-Каменскаго, I, 120 и 163 и IV, 82. См. также Соловьевъ, Исг. Россіи, кн. III, 537.

январѣ 1674 г. вернулся въ Москву и въ этомъ же году былъ пожалованъ въ Московскіе дворяне [1]).

Въ 1675 году Виніусъ получилъ проѣзжую жалованную грамоту для поисковъ серебряной, золотой и иныхъ рудъ на всѣхъ безъ различія земляхъ, въ чемъ мѣстныя власти должны были оказывать полное содѣйствіе—давать подводы, людей, конвой, не взимать пошлинъ [2]). Онъ хотѣлъ, повидимому, по примѣру отца, посвятить себя горному дѣлу; но въ это время на него была возложена совсѣмъ иного рода обязанность—завѣдываніе почтовымъ дѣломъ.

Первыя почты между Москвою съ одной стороны, Швеціей и Польшей съ другой стороны появились у насъ около 1665 г. Первымъ лицомъ, державшимъ почту съ подряда, былъ иноземецъ фанъ-Сведенъ. Его смѣнилъ протеже Ордина-Нащокина—Леонтій Марселисъ, а этого послѣдняго—его отецъ, Петръ Марселисъ, извѣстный намъ компаньонъ Андрея Денисовича Виніуса по заводскому дѣлу. Правительство было недовольно этими почтмейстерами, главнымъ образомъ, потому, что письма сильно запаздывали. Рѣшено было взять у старика Марселиса почту и передать ее въ вѣдѣніе Посольскаго приказа, поставивъ ко главѣ почтоваго дѣла Андрея Андреевича Виніуса, бывшаго уже въ чинѣ дьяка [3]). Въ указѣ по этому поводу (4 дек. 1675 г.) значится, что Виніусъ, принявъ почты въ свое завѣдываніе, долженъ „смотрѣть съ великимъ радѣніемъ, чтобы та почта приходила къ Москвѣ въ недѣлю, въ указное число, а въ числѣ въ часъ указный, противъ постановленія Леонтія Марселиса, какъ онъ, будучи въ Вильнѣ и въ Ригѣ, съ почтари постановилъ, и объ отпускѣ той почты писать... отъ себя въ Вильну и въ Ригу къ почтарямъ, чтобъ той почтѣ въ отпускѣ замедленія и въ дорогѣ нигдѣ задержанія никакого не было и становилась бы на указныхъ мѣстахъ въ указный часъ, какъ довлѣетъ быть почтѣ“; велѣно было также „изъ Посольскаго приказа въ Ямской приказъ послать память, чтобы ямщики съ почтовыми сумками впредь пріѣзжали на дворъ къ дьяку Андрею Виніусу и объявили ему тѣ почтовыя сумки въ цѣлости за печатью“ [4]).

Во главѣ почтоваго дѣла Виніусъ стоялъ при четырехъ прави-

---

[1]) Бѣлокуровъ, 128. Къ этому времени относятся и свѣдѣнія о придачѣ жалованья Виніусу въ документахъ Разряд. приказа (столбцы Моск. Стола). См. Описаніе докум. и бумагъ М. Архива М. Юст. XI, 240.

[2]) Доп. къ А. И. VII, № 10. П. Хмыровъ, 177—178.

[3]) Нижеприведенный текстъ служитъ доказательствомъ того, что Виніусъ былъ дьякомъ уже въ 1675 г., а не въ 1677 г., какъ это сказано у г. Бѣлокурова (стр. 127).

[4]) Полн. Собр. Зак., III, № 1402.

тельствахъ, немного болѣе четверти вѣка (1675—1701 г.). Во время его управленія въ исторіи русскихъ почтъ произошло много перемѣнъ; новое учрежденіе принесло много пользы государству; не безвыгодно оно было и для самого Виніуса, принеся ему значительные доходы. Ограничимся пока перечисленіемъ всего, сдѣланнаго по почтовой части Виніусомъ за первыя 20 лѣтъ управленія его почтою (до 1695 г.)

Первыя 8 лѣтъ дѣло улучшалось медленно.

20 дек. 1675 г. была введена форма для ямщиковъ: цвѣтные суконные кафтаны съ орлами изъ краснаго сукна; для отправляемыхъ за границу грамотъ велѣно было изготовить пять ящиковъ изъ бѣлаго желѣза [1]).

Въ 1682 г. во главѣ Посольскаго приказа становится знаменитый князь В. В. Голицынъ, который очень интересовался почтовымъ дѣломъ и сношеніями вообще. Виніусъ получилъ возможность приступить къ крупнымъ улучшеніямъ въ почтовомъ дѣлѣ.

16 дек. 1683 г. былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось ямщикамъ возить почту какъ можно быстрѣе и не посылать съ почтою вмѣсто себя работниковъ или наемныхъ людей; въ случаѣ, если ямщики съ почтою будутъ запаздывать, они должны подвергаться наказанію—нещадному битью батогами.

Вслѣдствіе жалобы Виніуса на медленность Рижской почты (изъ Пскова и Новгорода въ Москву) была послана 3 іюня 1684 года грамота новгородскому воеводѣ о наказаніи ямщиковъ и о принятіи мѣръ къ улучшенію постановки этой почты [2]). Въ концѣ того же года вышло недоразумѣніе у Виніуса съ рижскимъ почтмейстеромъ Штейномъ. По жалобѣ московскаго правительства шведскій король распорядился назначить комиссію для разбора дѣла [3]).

24 авг. 1685 г. Виніусъ заключилъ новый почтовый договоръ съ виленскимъ почтмейстеромъ Бисингомъ взамѣнъ прежнихъ. По этому договору: 1) почта чрезъ Польшу отъ прусской до московской границы должна доходить на 8 день, приходя въ опредѣленные дни; 2) такса съ каждаго письма между Кенигсбергомъ и Москвою въ пользу Бисинга—18 грошей; замедленіе почты въ осеннюю или весеннюю распутицу въ вину не ставится; 3) со всѣми почтами понедѣльно Бисингъ долженъ присылать по двое адвизовъ, за что Виніусъ долженъ посылать ему по парѣ соболей въ 25 ефимковъ; 4) грамоты государей московскаго и польскаго пересылаются безплатно; 5) гра-

---

[1]) Памятникъ законовъ Имперіи Россійской, ч. 1, Спб., 1825. Стр. XXXVI.
[2]) П. С. З., т. II, № 1082.
[3]) Б.-Каменскій, IV, 201.

моты и листы другихъ государей или ихъ пословъ, находящихся въ Москвѣ, оплачиваются по 2 ефимка; 6) съ ящиковъ и посылокъ Бисингъ получаетъ по 90 грошей съ фунта; 7) утерянныя письма, связки и посылки обѣими договаривающимися сторонами должны быть розысканы во что бы то ни стало; 8) если будетъ возможно, слѣдуетъ принимать грамотки и отъ торговыхъ людей; 9) необходимо внимательно слѣдить за правильнымъ обозначеніемъ вѣса на посылкахъ и связкахъ [1]).

Въ договорѣ о „вѣчномъ мирѣ“ съ Польшею (26 апр. 1686 г.), (который считается крупнѣйшимъ дипломатическимъ успѣхомъ кн. Голицына) также находятся статьи о почтѣ, въ которыхъ упоминается не только о грамотахъ и письмахъ, но и о курантахъ, т. е. газетахъ [2]). Этотъ послѣдній видъ почтовыхъ полученій заслуживаетъ особаго вниманія, тѣмъ болѣе, что Виніусъ, какъ знатокъ языковъ, игралъ видную роль въ пересмотрѣ, переводѣ и сообщеніи царскому двору свѣдѣній изъ этихъ газетъ; познакомимся съ исторіей ихъ появленія въ Россіи.

Едва закончилось тяжелое смутное время, какъ возродились и стали быстро развиваться наши сношенія съ Западною Европою. Правительство первыхъ Романовыхъ, Михаила и Филарета, озабочено было установленіемъ дипломатическихъ сношеній и потому крайне нуждалось въ полученіи свѣдѣній о заграничныхъ государствахъ, ихъ правительствахъ и порядкахъ. Въ Россіи не были извѣстны даже имена царствовавшихъ государей; вѣрющія грамоты нашимъ посланникамъ нерѣдко писались на имя такихъ владѣтелей, которыхъ давно уже не было въ живыхъ. Какъ разъ въ это время появляются за границей газеты [3]), заключавшія въ себѣ всевозможныя свѣдѣнія о всѣхъ странахъ. Узнавъ объ этомъ, наше правительство позаботилось о томъ, чтобы добыть такіе листки. До этого наши немногочисленные заграничные агенты, особенно бывшіе въ Польшѣ, сообщали по мѣрѣ возможности всякаго рода извѣстія о заграничныхъ новостяхъ; изъ этихъ извѣстій составлялись въ Посольскомъ приказѣ „вѣстовыя письма“ для прочтенія царю и его ближайшимъ совѣтникамъ. До заведенія правильныхъ почтовыхъ сношеній вѣсти изъ-за границы получались чрезвычайно медленно— черезъ 2, 3, а иногда 6 мѣсяцевъ. Съ присылкой заграничныхъ газетъ это дѣло пошло быстрѣе и оживленнѣе. „Вѣстовыя письма“

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1402

[2]) П. С. З., т. II, № 1186 и т. III, № 1402.

[3]) Нейкамъ (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, VII, 931) считаетъ первою газетою ту, которая появилась въ Страсбургѣ въ 1609 году.

получаютъ названіе „курантовъ“ отъ одной заграничной газеты „Courante vigt Italien“. Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія о полученіи выписокъ изъ заграничныхъ газетъ съ 1621 г.; а самыя эти газеты сохранились съ 1631 г. [1]). По хронологіи имѣющихся экземпляровъ этихъ газетъ видно, что до 1663 года газеты эти получались въ очень небольшомъ количествѣ: сохранилось 9 экземпляровъ за это время, т. е. за 32 года; за время съ 1665 до 1695 г., т. е. тоже за 30 лѣтъ, сохранилось уже 27 экземпляровъ, т. е. втрое больше. Газеты присылались нѣмецкія, французскія, голландскія, польскія и др. Содержатели почтъ (особенно Леонтій Марселисъ) зачастую распечатывали газеты и прочитывали ихъ раньше передачи въ Посольскій приказъ; это вызвало жалобы со стороны приказа [2]). При Виніусѣ такихъ недоразумѣній возникать уже не могло, потому что онъ распечатывалъ газеты не какъ содержатель почтъ, а какъ дьякъ того самого Посольскаго приказа. Изъ писемъ и газетъ, получавшихся въ Посольскомъ приказѣ, дѣлались выборки и переводы и составлялись „куранты“ для чтенія царю и его ближайшимъ совѣтникамъ. Въ эти куранты вносились свѣдѣнія: 1) о военныхъ событіяхъ въ разныхъ европейскихъ государствахъ, иногда даже съ критическими замѣчаніями; 2) о придворныхъ событіяхъ при разныхъ дворахъ; 3) о дѣйствіяхъ государственныхъ сеймовъ; 4) о дипломатическихъ сношеніяхъ между различными правительствами; 5) о рѣдкихъ случаяхъ въ научной области; 6) о положеніи торговли въ различныхъ государствахъ; 7) о церковныхъ событіяхъ и суевѣріяхъ; 8) о народныхъ волненіяхъ [3]).

Въ 1690 году впервые встрѣчаемся въ исторіи русской почты съ перлюстраціей: предписано было вскрывать въ Смоленскѣ всѣ письма, идущія за границу [4]). Брикнеръ видитъ въ этомъ распоряженіи проявленіе реакціонной политики патріарха и др. лицъ, захватившихъ временно власть въ свои руки послѣ сверженія Софіи [5]); по нашему мнѣнію, поводомъ къ этому распоряженію послужилъ болѣе опредѣленный фактъ; событія 1689 г. въ перепискѣ ино-

---

[1]) А. Булгаковъ, Отвѣтъ на библіографическій вопросъ („Моск. Телеграфъ“ за 1827 г., ч. XVI).

[2]) Хрущовъ, 15—16.

[3]) Куранты отъ 28 іюня 1655 г. и 20 іюля 1665 г. напеч. въ Чт. М. Общ. ист. и древ. 1880 г., кн. II; отрывокъ изъ курантовъ за 1665 г.—въ Историч. хрестоматіи Ѳ. Буслаева, М., 1861, стр. 1143; куранты отъ 12 сент. 1683 г.—въ Лѣтописяхъ занятій Археогр. Комиссіи 1865—66 г., вып. 4.

[4]) Хрущовъ, 20.

[5]) A. Brückner. Russisches Postwesen im 17 u. 18 Jahrh. (Zeitschrift für allgem. Geschichte, 1884 г., Heft. XII), стр. 897.

странцевъ могли получить нежелательное для правительства освѣщеніе.

Въ это время Виніусъ жаловался, что въ Мемелѣ увеличена вѣсовая плата за письма. Въ отвѣтъ на представленіе московскаго правительства по этому поводу, бранденбургскій курфирстъ заявилъ, что жалобы эти неосновательны, что повышенія платы не было и не будетъ. Но тутъ же курфирстъ проситъ запретить русскимъ „почтовымъ служителямъ“ взиманіе „приватнаго прибытку“, что̀ онъ намѣренъ запретить и у себя [1]).

По должности почтмейстера Виніусъ не получалъ жалованья (чѣмъ онъ отличается отъ прежнихъ содержателей почтъ); за то, подобно своимъ предшественникамъ, онъ употреблялъ въ свою пользу сборы съ отправителей писемъ и даже съ казны. Ямщики за доставку почты получали жалованье изъ Посольскаго приказа [2]) (предшественники Виніуса держали людей и лошадей на свой счетъ). Были случаи, что иногда правительство заставляло Виніуса платить ямщикамъ; но за то считалось непремѣннымъ условіемъ—въ случаѣ превышенія расходовъ почтмейстера надъ его доходами, правительство должно возмѣстить ему убытки [3]). Въ виду повторявшихся случаевъ неаккуратности ямщиковъ, въ маѣ 1691 года еще разъ сдѣлано было имъ внушеніе „подъ жестокимъ страхомъ“: ѣздить не медленно, возить письма лично, почтами среди дороги не мѣняться; Приказнымъ избамъ велѣно было при отсылкѣ писемъ писать на оберткѣ число мѣсяца и часъ отпуска почты, а равно имя ямщика, съ которымъ отправляется или получается почта.

По ходатайству англійскихъ и голландскихъ купцовъ, 8 іюня 1693 г. была учреждена новая почта—отъ Москвы до Архангельска, черезъ Переяславль Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Вологду и Вагу. Изъ указа, даннаго по этому поводу, узнаемъ, что почта должна была поспѣвать изъ Москвы въ Архангельскъ лѣтомъ и зимою на 8—9 день, а въ иное время года—на 10—11 день; отправка почты должна была производиться разъ въ недѣлю или даже въ 2 недѣли; почтари должны были дѣлать 9—10 верстъ въ часъ, письма везти бережно въ мѣшкахъ подъ пазухою—„а буде подмочатъ или потеряютъ, и имъ въ потерѣ тѣхъ писемъ быть пытаннымъ“; по всѣмъ ямамъ надо завести записныя тетради для записи отправки и полученія почты и именъ ямщиковъ. Одновременно съ этимъ было при-

---

[1]) Бант.-Каменскій, VI, 22.
[2]) П. С. З., т. III, № 1402.
[3]) Brückner, 903.

казано мѣстнымъ жителямъ исправить дороги и сдѣлать мосты черезъ болота [1]). Изъ дневника знаменитаго Патрика Гордона видно, что письма изъ Тобольска въ Архангельскъ доходили въ 2 мѣс. 20 дн.; московскую же почту въ Архангельскѣ Гордону удавалось получать на 7-й день.

Надо вообще сказать, что врядъ-ли кто-либо изъ русскихъ или иностранцевъ того времени пользовался молодою русскою почтою такъ энергично, какъ Гордонъ (бывшій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Виніусомъ). Изъ дневника его узнаемъ, что послать въ день 14—16 писемъ было для него не рѣдкостью [2]). Вслѣдствіе этого ему точно были извѣстны многія подробности о Виніусовскихъ почтахъ. Онъ зналъ, напр., что письмо изъ Данцига въ Москву идетъ 4 недѣли, а обратно—3 недѣли, что плата берется съ золотника писемъ, что такса за золотникъ отъ границы до Москвы—8 коп., отъ Новгорода до Москвы—4 коп., отъ Риги до Пскова—6 коп. [3]), такса за пересылку денегъ—3% изъ суммы.

Такъ разросталось мало-по-малу почтовое дѣло. Виніусъ нашелъ себѣ помощника въ лицѣ своего сына Матвѣя, который и начинаетъ работать вмѣстѣ съ отцомъ, завѣдуя различными почтовыми путями съ 1695 г. [4]).

Работой въ Посольскомъ приказѣ и завѣдываніемъ почтовымъ дѣломъ не ограничивались служебныя обязанности Виніуса. Съ 30 декабря 1677 г. мы видимъ его также въ званіи дьяка Аптекарскаго приказа [5]). Въ исторіи русской медицины имя Виніуса также не осталось безызвѣстнымъ. Уже въ 1677 г. послѣдовало важное распоряженіе: продавать изъ царской новой аптеки разныя лѣкарства для всякаго, кому будетъ нужно. Относительно дѣятельности Виніуса въ Аптекарскомъ приказѣ мы имѣемъ также свѣдѣнія отъ иностранцевъ. Корбъ слышалъ отъ аптекарей, что царскія аптеки при Виніусѣ были хорошо снабжены всѣмъ необходимымъ. Виніусъ отлично понималъ это дѣло и внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы лѣкаря и аптекари имѣли все по первому требованію у себя подъ руками [6]). Въ это же время состоялось распоряженіе

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1470.

[2]) Онъ получалъ черезъ Виніуса также заграничныя газеты.

[3]) По интересному подсчету Брикнера, плата эта была столь высока, что, напр., за пересылку письма изъ-за границы въ Москву приходилось платить въ 60 разъ больше, чѣмъ теперь за пересылку письма изъ Австраліи въ Москву (Brückner, 900).

[4]) Хрущовъ, 21.

[5]) Бѣлокуровъ, 127.

[6]) Корбъ, 253.

принимать „въ аптекарское наученіе“ учениковъ изъ русскихъ или хоть и не русскаго происхожденія, но подданныхъ московскаго правительства. Есть свѣдѣнія, что царь Ѳедоръ Алексѣевичъ внимательно относился къ Аптекарскому приказу и его начальнику. По указу царя изъ Тайнаго приказа были переданы въ Аптекарскій медицинскія книги [1]); тотъ же царь, въ знакъ особой милости, пожаловалъ дьяка Аптекарскаго приказа Андрея Виніуса цѣнною и старинною иконою Нерукотвореннаго Спаса [2]).

О другихъ обязанностяхъ Виніуса имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія. 28 дек. 1681 г. постельничему Лихачеву и дьяку Виніусу велѣно было вѣдать „дѣло бархатнаго мастера Захарія Павлова съ его мастеровыми“; при этомъ дѣлѣ Виніусъ упоминается до 1684 г. включительно [3]). Въ 1683 г. онъ дѣлалъ покупки у иноземцевъ для царской мастерской палаты; 26 апр. 1687 г. ему было дано въ подарокъ съ казеннаго двора 6 арш. объяри соломенной [4]). 1 дек. 1691 г. и 29 февр. 1692 г. онъ упоминается въ Новгородскомъ приказѣ; въ 1691 г. встрѣчаемъ его скрѣпу на приходо-расходныхъ книгахъ Устюжской четверти [5]).

Въ началѣ 1693 года Виніусъ былъ посланъ въ Малороссію для наблюденія за состояніемъ умовъ по поводу попытки нѣкоего Петрика съ помощью татаръ замутить Малороссію. Онъ доносилъ, что всюду населеніе остается вѣрнымъ православной церкви и московскому царю и не думаетъ о союзѣ ни съ Польшею, ни съ татарами [6]).

18 іюня 1693 г. Виніусъ выигралъ въ Посольскомъ приказѣ мѣстническое дѣло: велѣно имя его писать выше именъ дьяковъ Посникова и Михайлова [7]).

Андрею Андреевичу было уже болѣе 50 лѣтъ, когда онъ былъ замѣченъ молодымъ царемъ Петромъ и сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ его сотрудниковъ.

И. П. Козловскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Рус. Ист. Библ., т. XXI. Дѣла Тайнаго Приказа, кн. I. Спб., 1907, стр. 383—4.

[2]) Древности. Труды Моск. Археол. Общества, т. IV, стр. 146—147. Этотъ образъ былъ списанъ по просьбѣ ц. Іоанна IV съ подлинной чудотворной иконы въ Римѣ въ 1583 году.

[3]) Бѣлокуровъ, 128.

[4]) Сборникъ выписокъ изъ арх. бум. о П. В. т. I, стр. 36 и 278.

[5]) Бѣлокуровъ, 128.

[6]) Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. III, 1133—1134.

[7]) Бѣлокуровъ, 128.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1909 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА
(отъ 5 до 9 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: большая стѣнная картина „НИЧЬЯ" акад. Харламова; 12 новѣйш. ИГРЪ и ЗАНЯТІЙ на раскраш. и черн. листахъ; 12 илл. книженъ РАЗСКАЗОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и СКАЗОКЪ; 12 вып. „ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ"; „МАЛЕНЬКІЙ РУССКІЙ НАТУРАЛИСТЪ"; игра „СТЕПКА-РАСТРЕПКА" и мн. др

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА
(отъ 9 до 14 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: акварельная картина — „ПОДАЙТЕ СЛѢПОМУ"; 12 иллюстр. кн. ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ПЬЕСЪ для юношества, 8 вып. „КНИГИ ЗНАМЕНИТ. ЛЮДЕЙ"; 6 вып. „ГОЛУБАЯ ВОЛНА", — Л. А. Чарской; „БИБЛ. ЮНАГО НАТУРАЛИСТА"; „КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ" съ записной книж. и мн. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ" и „ДѢТСКІЯ МОДЫ".

Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ ШЕСТЬ рублей. Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по **2 р.**

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

1—3

скаго раскола, покойный магистръ Н. С. Соколовъ, съ дикимъ вандализмомъ сжегъ массу копій съ документовъ. Онъ былъ членомъ мѣстной архивной комиссіи". Очень интересны „Матеріалы для исторіи саратовской 1-й гимназіи", съ которою связаны имена Пыпина, Чернышевскаго, Мордовцева. *Н. Л.*

Н. А. Римскій-Корсаковъ. (Лѣтопись моей музыкальной жизни. 1844—1906). Подъ редакціей Н. Н. Римской-Корсаковой.

Большое оживленіе, вызванное въ музыкальномъ обществѣ этой книгой, объясняется не только славнымъ именемъ композитора, но и тѣми неожиданными переоцѣнками, которымъ подверглись въ ней нѣкоторые наши выдающіеся музыкальные дѣятели. Возникли споры о жесткости, иногда несправедливости корсаковскихъ мнѣній, о преждевременности напечатанія его рукописи. Такъ ли? Лѣтопись не дневникъ, гдѣ авторъ оставляетъ за собой право разсказывать какъ угодно и о чемъ угодно, а болѣе всего о своихъ душевныхъ явленіяхъ по разнообразнымъ поводамъ. Корсаковъ строго себя ограничилъ. Онъ говоритъ лишь о томъ, что само касалось его жизни, при томъ не личной, а музыкальной. Слѣдовательно, мнѣнія о другихъ современникахъ представляются лишь настолько важными и справедливыми, поскольку они способствовали, обезцѣнивали или вредили той общественной задачѣ и направленію, которое принялъ покойный композиторъ. Напр., онъ очень мало касается дѣятельности Чайковскаго; они шли разными путями, и точекъ встрѣчи у нихъ, какъ у композиторовъ, почти не было. Предисловіе, предпосланное супругой покойнаго, ясно указываетъ на недостатокъ автобіографическаго матеріала въ этихъ воспоминаніяхъ, но для исторіи русской музыки, какъ намъ кажется, книга Корсакова въ смыслѣ субъективной правды драгоцѣнна и потому преждевременной быть не можетъ.

Вас. Яковлевъ.

Письма А. П. Чехова. Собраны Б. Н. Бочкаревымъ.

Интимный талантъ покойнаго писателя не могъ конечно не сказаться самымъ привлекательнымъ образомъ въ частной перепискѣ,—простота и сердечность чередуются здѣсь съ нѣжнымъ юморомъ и мѣткостью характеристикъ. Иныя письма Чехова такъ хороши, что заставляютъ вспомнить о письмахъ Пушкина. Картина литературнаго круга восьмидесятыхъ годовъ пріобрѣла нѣсколько новыхъ красокъ и штриховъ. Составитель придерживался однако не совсѣмъ удобной системы, вѣроятно, вслѣдствіе того, что осталось еще много неопубликованныхъ писемъ; хронологическій порядокъ былъ бы болѣе умѣстенъ. Ждемъ обѣщаннаго продолженія изданія.

Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями изъ Русской исторіи XV вѣка. Краткій иллюстрированный очеркъ, составленный Гр. Хрептовичемъ Бутеневымъ. Москва. 1909.

Справка, сдѣланная Гр. Хрептовичемъ Бутеневымъ о Флорентійскомъ Соборѣ 1439 г. и о бракѣ Софіи Палеологъ съ Іоанномъ III, имѣетъ цѣлью описать тѣ историческіе и художественные памятники, которые сохранились въ двухъ итальянскихъ городахъ, завязавшихъ въ XV вѣкѣ сношенія съ Московской Русью. Попутно авторъ даетъ небольшія характеристики главныхъ итальянскихъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ указанныхъ событіяхъ. Очеркъ сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно, а большое число отчетливыхъ снимковъ даетъ наглядное представленіе о разбираемыхъ памятникахъ, часто весьма крупныхъ образцахъ ранняго Ренессанса. Работъ по исторіи искусства до сихъ поръ на русскомъ языкѣ еще не такъ много, и всякая старательная попытка въ этой области заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о немногочисленныхъ слѣдахъ отношеній Западной Европы къ старой Москвѣ. Сборъ отъ продажи книгъ предназначенъ въ пользу общества вспомоществованія недостаточнымъ учащимся Московскаго Училища Живописи, Ваянія и Зодчества.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ. („Изъ дальнихъ лѣтъ"). Въ трехъ томахъ. Второе изданіе.

Чтобы вызвать изъ памяти далекіе образы своего прошлаго, связать ихъ въ одну цѣльную картину и дать œuvre, нужно особенное дарованіе. Оттого мемуарная литература хотя и велика, но не слишкомъ богата образцовыми произведеніями. Воспоминанія Т. П. Пассекъ, печатавшіяся въ свое время въ „Русской Старинѣ", принадлежатъ къ лучшимъ сочиненіямъ этого рода, а кругъ лицъ, въ которомъ вращался ихъ авторъ, дѣлалъ ихъ еще интереснѣе. Въ настоящее время для средняго русскаго читателя явилась возможность имѣть въ своихъ рукахъ „Былое и Думы" Герцена, и фактическая сторона книги „Изъ дальнихъ лѣтъ" уже не представляется столь значительною, но главы о личной жизни автора останутся навсегда полными свѣжей прелести и тонкаго, еле уловимаго аромата русской женской души 30—40-хъ годовъ. Кромѣ того книга любопытна боковымъ освѣщеніемъ жизни Герценовскаго кружка, знакомой намъ отъ самихъ его членовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ общимъ отпечаткомъ насыщеннаго лиризма и постояннаго стремленія соединять личные интересы съ общественными, качествами, присущими большинству воспоминаній того времени. „Жизнь—произведеніе искусства", вотъ что всегда думается, когда перелистываешь эти, уже пожелтѣлыя страницы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ,** т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1908 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XL-й. ДЕКАБРЬ. 1909 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Житейскія встрѣчи.** (Изъ воспоминаній судебнаго дѣятеля). Александръ Ивановичъ Чупровъ. А. Ѳ. Кони. 461—485

II. **Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.** Казиміръ Васильевичъ Левицкій. А. Витмера. 487—494

III. **Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.).** Ивана Янжула. 495—518

IV. **Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1886.** Сообщ. М. В. Безобразова. 519—527

V. **На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.** Д. А. Скалона. 529—545

VI. **Воспоминанія о началѣ развитія каменноугольной промышленности въ Россіи.** А. Аурбаха. 546—562

VII. **Изъ прошлаго.** Эпизодъ изъ жизни „Военнаго Сборника". Сообщ. П. Паренсовъ. 563—566

VIII. **Англійская эскадра въ Бѣломъ морѣ въ 1854 г.** А. Н. Сергѣева. 567—575

IX. **Въ старомъ, радушномъ дворянскомъ гнѣздѣ на Арбатѣ.** Марины. 577—587

X. **Темное Царство.** (Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій. 588—594

XI. **Депутатъ отъ Россіи** (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 595—616

XII. **Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года.** Сообщила В. Тимощукъ. 619—642

XIII. **М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877—78 г.г.** (Изъ воспоминаній). А. Е. К. 643—650

XIV. **Матеріалы для Исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.** Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. А. Чебышева. 651—658

XV. **Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго.** И. П. Козловскаго. 659—666

XVI. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 сентября по 15 октября 1909 г.** 667—670

XVII. **По поводу статьи „Киньчжоускій бой".** А. фонъ-Шварца. 671—686

XVIII. **Изъ записной книжки „Русской Старины":**

а) **Александръ I, Ермоловъ и Наполеонъ I.** Сообщ. А-й. 486

б) **1. Письмо Великаго Князя Николая Павловича А. А. Закревскому о поручикѣ Дюклу;**
2. Къ біографіи декабриста Лунина. Сообщилъ Михаилъ Соколовскій. 528

в) **Шамиль полвѣка назадъ въ Петербургѣ.** Сообщ. с к і й. 576

г) **Изъ монастырской жизни XVII в.** (Какъ постригались въ монашество. 1667 г.). Сообщ. Ив. Суворовъ. 617—618

XIX. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія: 1) Портретъ Александра Ивановича Чупрова.
2) Объявл. о под. на „Ниву" 1910 г. и друг. издан. т-ва Марксъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

XII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го декабря 1909 года.

Библіографическій листокъ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. V. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій, Горькій. Изданіе т-ва „Общественная Польза“ и книгоиздат. „Прометей“. Спб. 1909.

Когда за выдающагося писателя берется талантливый критикъ, то изъ такого соприкосновенія умовъ всегда возникаетъ нѣчто прекрасное и цѣнное. Въ современной нашей критикѣ профессоръ Овсянико-Куликовскій занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Высокообразованный ученый, вдумчивый мыслитель, психологъ и эстетикъ, изящный стилистъ, онъ соединяетъ въ себѣ тѣ вообще рѣдкія данныя, сочетаніе которыхъ встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Поэтому ему удается не только выявить каждаго изъ разбираемыхъ имъ писателей съ удивительной тонкостью и отчетливостью, но и сказать многое свое, личное, пользуясь ими какъ отправными точками для развитія своихъ идей, эстетическихъ, общественныхъ, научныхъ. Подъ перомъ этого блестящаго таланта критика по истинѣ является самостоятельной, благородной отраслью творчества,—Овсянико-Куликовскій умѣетъ показать справедливость этого положенія особенно краснорѣчиво.

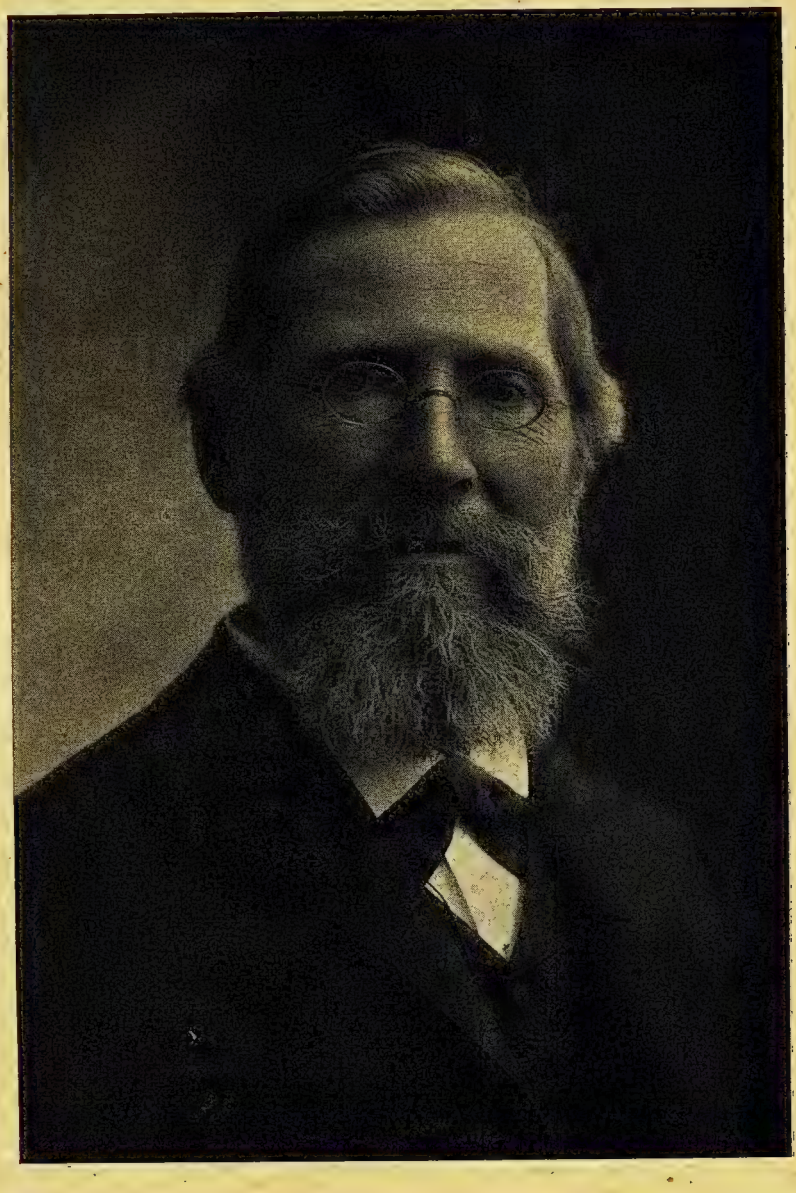
Западники сороковыхъ годовъ. Н. В. Станкевичъ, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій и др. Составилъ Ѳ. Ѳ. Нелидовъ. М. 1910.

Эта книга принадлежитъ къ составу редактируемой А. Е. Грузинскимъ „Историко-литературной библіотеки“, ближайшая цѣль которой облегчить занимающимся исторіей литературы XIX вѣка изученіе какъ отдѣльныхъ писателей, такъ и цѣлыхъ періодовъ, отмѣченныхъ выдающимися умственными движеніями. Составители знакомятъ читающихъ не съ тѣми или иными взглядами біографовъ и критиковъ, а съ самими дѣятелями литературы и мысли. „Старый способъ изучать литературу заочно; по историческимъ очеркамъ и характеристикамъ, вполнѣ заслуженно отходитъ въ область преданій, и безъ хорошаго знакомства съ подлиннымъ литературнымъ матеріаломъ теперь трудно себѣ представить преподаваніе даже въ заурядной средней школѣ. Между тѣмъ въ нашей педагогической и популярно-научной литературѣ далеко не все сдѣлано для облегченія такого знакомства. По исторіи литературы до XIX вѣка существуетъ рядъ хрестоматій, но для XIX столѣтія такихъ трудовъ почти нѣтъ. Всѣ главныя литературныя направленія этого времени уже сдѣлались достояніемъ науки и могутъ изучаться въ историческомъ освѣщеніи, такъ же, какъ и лучшіе наши писатели, почти всѣ включенные уже въ программу средней школы. Конечно, существуютъ полныя собранія сочиненій классиковъ, но при историко-литературномъ изученіи очень важно бываетъ обращаться и къ другимъ источникамъ, напримѣръ къ письмамъ, къ воспоминаніямъ современниковъ, а это часто трудно и громоздко (переписка Гоголя, напримѣръ, отдѣлена отъ его сочиненій, и одна занимаетъ четыре тома). При изученіи же литературныхъ направленій и общественныхъ теченій необходимо привлекать обширный и разнообразный матеріалъ, разбросанный и малодоступный, такъ что волей-неволей приходится прибѣгать къ общимъ обзорамъ чаще, чѣмъ желательно, т. е. возвращаться къ старой методѣ заочнаго знакомства изъ вторыхъ рукъ. Относительно исторіи западничества сороковыхъ годовъ эта задача въ разсматриваемомъ выпускѣ исполнена очень удовлетворительно. Выдержки изъ писемъ и статей Герцена, Бѣлинскаго, Станкевича, Боткина, Бакунина, умѣло подобранныя, кратко и вѣрно рисуютъ начальное западничество, а небольшая хронологическая таблица болѣе или менѣе крупныхъ событій литературной жизни 40-хъ годовъ, руководящая статья г. Нелидова и сжатая библіографія очень помогутъ читателю. (Небольшое замѣчаніе: Герценъ въ своей книгѣ о Чаадаевѣ, вопреки мнѣнію г. Нелидова, и не думаетъ зачислять его въ „консерваторы“, а только выясняетъ, что это былъ не политическій дѣятель по духу, но религіозный мыслитель и раскрываетъ его историко-философскую идею). Въ pendant сборнику о западникахъ слѣдуетъ ожидать отъ составителя такой же книжки о славянофилахъ,—гдѣ бы было показано другое лицо „Януса“ русской умственной жизни сороковыхъ годовъ.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1909 г., выпуски I—III.

Съ нынѣшняго года нашъ лучшій театральный органъ является въ преобразованномъ видѣ. Его названіе осталось только „фирмой“, такъ какъ изданіе выходитъ уже не одинъ разъ въ годъ, какъ прежде, а семь—восемь разъ. Давая лѣтопись жизни Императорскихъ театровъ, преобразованный „Ежегодникъ“ не оставляетъ безъ вниманія и дѣятельность другихъ театровъ, какъ частныхъ, такъ и заграничныхъ. Самое видное и большое мѣсто программы „Ежегодника“ отводитъ „неоффиціальному“ матеріалу, который и дѣлаетъ это изданіе журналомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Театральная исторія въ лежащихъ передъ нами трехъ выпускахъ представлена очень интересными статьями и замѣтками. А. В. Приселковъ вспоминаетъ о первой постановкѣ „Власти тьмы“ Л. Н. Толстого на любительской сценѣ въ 1890 г. О „настоящемъ“ спектаклѣ, для всѣхъ, нечего было и думать, да и любительская постановка могла состояться только благодаря поддержкѣ одной исключительно вліятельной особы; на публичныхъ сценахъ „Власть тьмы“ была запрещена. Полиція добивалась запрещенія и этого спектакля и за нѣсколько часовъ до его начала „дружески совѣтовала“ оставить эту затѣю. Конецъ всякимъ переговорамъ и сомнѣніямъ положилъ пріѣздъ особъ Императорской Фамиліи,—и пьеса была сыграна, трехмѣсячная работа исполнителей не пропала даромъ. Самъ авторъ благодарилъ устро-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Александръ Ивановичъ
Чупровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, **„Русская Старина“**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга.** — „Переписка Карла IX съ самозванцами“.—„Поѣздка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова. П. М. Ковалевскаго.**—„Встрѣча на жизненномъ пути.—„Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Записки основателя „Русской Старины“ **М. И. Семевскаго. Д. А. Скалонъ**—„Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула.** „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ѳ. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой. М. В. Безобразовой**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга**—„Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова**—„Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ**—„Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская**—„Къ біографіи Л. А. Мея.“—„Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева**—„Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкрина“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1805—1810 гг. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ—** „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій**—„Записки гр. Ланжерона 1812 г.—Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій**—„Драгомировъ въ Прусской Главной Квартирѣ въ 1866 году“. **В. Ф. Рудневъ**—„На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій**—„Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ“. „Воспоминанія Д. Санглена, Веселовскаго, Левашовскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Житейскія встрѣчи.

(Изъ воспоминаній судебнаго дѣятеля).

Александръ Ивановичъ Чупровъ.

Недавно минетъ два года со дня неожиданной и отозвавшейся неподдѣльною скорбью въ разныхъ уголкахъ Россіи кончины Александра Ивановича Чупрова. Въ его лицѣ ушелъ изъ жизни одинъ изъ немногихъ остававшихся въ живыхъ „шестидесятниковъ“,—изъ тѣхъ людей, которые воспитались на началахъ, вложенныхъ въ великія реформы Александра II, и явились въ своей дѣятельности ихъ истолкователями, поборниками и защитниками въ то печальное время, когда невѣжественная самоувѣренность однихъ и услужливое предательство другихъ стремились вывѣтрить изъ этихъ началъ „духъ живъ“. Талантливый работникъ, безстрашная мысль котораго умѣла облекаться въ изящную и всѣмъ доступную форму, какъ результатъ глубокихъ и многосторонніхъ знаній, Чупровъ явилъ собою олицетвореніе профессора лучшихъ временъ Московскаго университета.

Неизмѣнное благородство взглядовъ и убѣжденій и нравственное вліяніе на слушателей давали основаніе сравнивать его съ Грановскимъ и торжественно поднести ему въ подтвержденіе этого сравненія—портретъ Тимоѳея Николаевича съ соотвѣтствующей надписью. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже превосходилъ послѣдняго: число находившихся подъ его обаяніемъ слушателей, по условіямъ времени, было несравненно многочисленнѣе,—его

[1]) См. „Русскую Старину“ 1908 г. — I.

печатные труды, составившіе ему почетное имя среди европейскихъ ученыхъ, были значительно богаче качественно и количественно, а область дѣятельности разнообразнѣе. Онъ былъ не только профессоромъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики и предсѣдателемъ статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества, дѣятельнымъ членомъ московскаго общества сельскаго хозяйства и комиссіи для организаціи домашнихъ чтеній при техническомъ обществѣ, но и учителемъ, организаторомъ и насадителемъ такого сложнаго и обширнаго дѣла, какъ русская земская сельско-хозяйственная статистика, отцомъ которой его по справедливости можно считать. Наконецъ,—возникала ли государственная потребность, гдѣ были нужны его знанія и опытъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, объ упорядоченіи тарифовъ и въ изслѣдованіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, или при переписи московскаго населенія—его приходилось призывать на плодотворную работу; постигало ли родину какое-либо общественное бѣдствіе или являлась неотложная нужда въ средствахъ для просвѣщенія,—онъ приходилъ на помощь со своимъ спокойнымъ по внѣшности, горячимъ по существу, краснорѣчивымъ словомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, вездѣ, гдѣ можно было дѣлать дѣло и быть cheville ouvrière, оставаясь въ тѣни, неся трудъ и отдавая *оказательство* его другимъ,—онъ это дѣлалъ со скромностью, ему свойственною.

Судя по воспоминаніямъ учениковъ, онъ напоминалъ и другого выдающагося московскаго профессора, незабвеннаго Никиту Ивановича Крылова. Такъ же, какъ послѣдній, онъ умѣлъ вносить жизнь въ преподаваемые имъ предметы и съ тонкостью психолога и искусствомъ художника устанавливать между слушателями и собой духовную связь,изъ которой быстро вырастало благодарное съ ихъ стороны уваженіе. Подобно тому, какъ Крыловъ, разбирая и разъясняя институты римскаго права, дѣлалъ изъ нихъ выводы для критическаго освѣщенія окружавшей дѣйствительности—такъ и Чупровъ, несмотря на строго-ученое изложеніе своего предмета, умѣлъ отзываться въ немъ на жизненные, жгучіе и наболѣвшіе вопросы современности. Въ его преподаваніи такая по внѣшности сухая наука, какъ статистика, оживала и являлась своего рода объединеніемъ не только соціальныхъ, но и естественно-историческихъ знаній и пріобрѣтала тотъ строгій характеръ, который дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшій услужливый подборъ цыфровыхъ выводовъ, благодаря которому къ статистикѣ въ рукахъ новѣйшихъ законодательныхъ дѣльцовъ примѣнимо названіе Шекспировской комедіи: „какъ кому угодно“. И это все дѣлалось имъ со спокойнымъ достоинствомъ, безъ всякаго исканія популярности, которая тѣмъ не менѣе все росла въ кругу чуткой молодежи. Въ

эпоху поверхностнаго хватанія верховъ—онъ ее *училъ учиться*; въ періоды явнаго эготизма и плохо прикрытаго карьеризма, ждавшихъ ее за порогомъ университета, онъ внушалъ ей сознаніе ея отвѣтственности передъ родиной за тѣ свѣдѣнія и умѣніе полезно приложить ихъ къ дѣлу, которыя она *обязана* вынести изъ высшей школы. То же въ свое время своеобразно и въ болѣе тѣсной обстановкѣ дѣлалъ и Крыловъ. Поэтому лучи ума и сердца ихъ обоихъ долгіе, долгіе годы по оставленіи ихъ слушателями „alma mater“ свѣтили имъ и побуждали ихъ, говоря словами Шиллера „für die Träume seiner Jugend Achtung zu haben“. При введеніи судебной реформы въ провинціи мнѣ приходилось ревизовать судебныхъ слѣдователей при судахъ стараго устройства и встрѣчать среди нихъ людей достаточно опустившихся, увязнувшихъ въ бытовой тинѣ уѣзднаго городка или большого села и тянувшихъ свою служебную лямку лишь для того, чтобы имѣть средства для безцвѣтнаго и безпросвѣтнаго существованія съ многочисленной семьей. Но стоило такому человѣку, если только онъ былъ воспитанникомъ Московскаго университета, напомнить про Крылова, и онъ преображался и въ благодарныхъ воспоминаніяхъ о Никитѣ (такъ звали студенты Крылова) поднимался хоть на время надъ прозой и пошлостью окружающей среды. Такое же впечатлѣніе, повидимому, производило на бывшихъ слушателей Чупрова воспоминаніе о немъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ разсказъ учительницы народнаго училища Болдыревой о томъ, что, уѣзжая въ захолустье, она взяла рекомендательное письмо отъ Чупрова и съ нимъ пришла къ инспектору народныхъ училищъ—старому и обрюзгшему человѣку. Холодно взявъ письменную рекомендацію, старикъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ: „Господи! Александръ Ивановичъ Чупровъ! да вѣдь я былъ его слушателемъ!“ И онъ заходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, погрузившись весь въ прошлое и забывъ о присутствующихъ. Имя Чупрова и нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукою, очевидно всколыхнули все, что было лучшаго въ человѣкѣ, и озарили его тѣмъ свѣтомъ, который былъ такъ присущъ его старому профессору. Послѣ долгаго молчанія онъ вспомнилъ о пришедшей и, быстро подойдя къ ней, сказалъ взволнованно: „я сдѣлаю для васъ все, что могу“.

Вотъ почему, вспоминая преподавательскую дѣятельность Чупрова, приходится признать, что онъ имѣлъ бы основаніе обратиться къ своимъ слушателямъ съ тѣми же словами, которыя высказалъ своимъ ученикамъ въ Болоньѣ знаменитый Кардуччи: „не мнѣ судить, многому ли научилъ я васъ, но я всегда старался воспитать въ васъ два принципа: сбросивъ испорченные лох-

мотья, въ которые часто облекается общество, умѣть видѣть къ жизни не то, что кажется, а что есть въ дѣйствительности,—ставить на первое мѣсто долгъ, а не удовольствіе, а въ наукѣ и искусствѣ любить простоту, а не придуманность, предпочитая силу помпѣ и ставя—на первое мѣсто правду и справедливость, а не славу. Принимая отъ науки все то хорошее, что она даетъ, я всегда старался поднять васъ къ идеалу и возбуждать любовь къ свѣтлымъ традиціямъ".

Чупрова часто упрекали въ безполезной тратѣ силъ и времени, указывая на утомительные для него и часто разорительные матеріально пріемы посѣтителей. Въ опредѣленные дни и часы недѣли къ нему могъ придти всякій, имѣвшій до него нужду: магистрантъ за указаніями,—студентъ за совѣтомъ,—труждающійся и обремененный за матеріальной и нравственной помощью,—соскочившій съ житейскихъ рельсовъ человѣкъ и даже нищій за милостыней и вообще всякій, кому казалось, что Александръ Ивановичъ непремѣнно ему сумѣетъ пособить въ бѣдѣ, горѣ, недоумѣніи или недостаткѣ. Со всѣми равно привѣтливый, несмотря на усталость, внимательный и участливый, несмотря на массу собственной работы, терпѣливый въ отвѣтѣ на назойливость и благодушный предъ наивными вымогательствами, онъ отдавалъ себя въ распоряженіе пришедшихъ самымъ широкимъ и великодушнымъ образомъ съ неизмѣнной доброй улыбкой на прекрасномъ свѣтломъ чисто-русскомъ лицѣ. Сохранились разсказы, какъ во дни его пріемовъ на дворѣ у крыльца его скромной квартиры, его поджидали „бывшіе люди" и никогда не уходили отъ него съ пустыми руками. Особенно сказывалась его доброта въ нѣжномъ отношеніи его къ дѣтямъ вообще. „Гдѣ же искать душевнаго покоя,—писалъ онъ мнѣ въ 1903 г.—какъ не въ Италіи, гдѣ все ласкаетъ глазъ впечатлительнаго человѣка—отъ свѣтлыхъ милыхъ ангельскихъ дѣтскихъ лицъ на улицахъ до ангельчиковъ у ногъ Рафаелевскихъ мадоннъ!"

Я не помню Александра Ивановича студентомъ университета, такъ какъ окончилъ курсъ въ 1865 году, гораздо ранѣе, чѣмъ онъ. Въ первый разъ мы встрѣтились въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ у его товарища по профессурѣ И. И. Янжула, и я посѣщалъ его съ тѣхъ поръ каждый мой пріѣздъ въ Москву—довольно частый, такъ какъ въ ней жила и впослѣдствіи скончалась моя мать. Ея преданнымъ другомъ былъ извѣстный въ Москвѣ протоіерей *Валентинъ Николаевичъ Амфитеатровъ*, одинъ изъ лучшихъ людей, встрѣченныхъ мною въ жизни. Близкимъ родственникомъ ему приходился А. И. Чупровъ, и долгое время живымъ связующимъ между мною и

Чупровымъ звеномъ былъ именно отецъ Валентинъ. Его сердечное участіе къ намъ обоимъ скрѣпляло нашу взаимную симпатію, покоившуюся на единствѣ взглядовъ на многое въ общественной жизни Россіи и на одинаковой оцѣнкѣ ея внутренняго положенія въ періодъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. „Я остался бы за границею и еще долѣе,—писалъ мнѣ Чупровъ въ 1900 году,—но сильно начиналъ тосковать, не видя долго Валентина Николаевича. Мнѣ отрадно, что вы не упускаете случая его повидать и доставить старику эту радость". Упомянувъ объ Амфитеатровѣ, я не могу воздержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ благодарнаго воспоминанія, тѣмъ болѣе, что въ очень трудныя минуты моей жизни я нашелъ у него то глубокое пониманіе душевной скорби и умѣніе отнестись къ ней съ бережнымъ врачеваніемъ, которыя, къ несчастію, рѣдко встрѣчаются у людей, облеченныхъ одинаковымъ съ нимъ саномъ, замѣняясь банальными утѣшеніями богословскаго характера, за которыми слышится пресыщенное равнодушіе или умышленная узкость взгляда и видится то, что Мопассанъ охарактеризовалъ словами: „la tristesse fausse d'un prêtre pour qui le cadavre est bienfaisant". Все, что такъ украшало наше общественное самосознаніе въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, нашло себѣ отраженіе въ пылкомъ сердцѣ и восторженной душѣ Амфитеатрова. Онъ раздѣлялъ вполнѣ мнѣніе объ этихъ годахъ Чупрова, сказавшаго въ 1888 году, въ рѣчи въ московскомъ юридическомъ обществѣ: „все, чѣмъ красна наша жизнь, идетъ оттуда, изъ шестидесятыхъ годовъ". Онъ съ умиленіемъ вспоминалъ ту благородную борьбу, которую велъ въ качествѣ калужскаго губернатора съ нехотѣвшимъ сдаваться крѣпостнымъ правомъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, за всѣми перипетіями которой онъ—въ то время молодой священникъ въ Калугѣ—слѣдилъ съ неослабѣвающимъ сочувствіемъ и вѣрою въ будущность Россіи. Изъ этого времени вынесъ онъ отзывчивость на нужды народа, скорбь о невѣжествѣ, въ которомъ послѣдній неповиненъ, и чуткую радость по поводу каждаго явленія, такъ или иначе связаннаго съ общественнымъ благомъ. Въ своей дѣятельности въ качествѣ духовнаго писателя, на котораго подозрительнымъ окомъ глядѣла духовная цензура, въ качествѣ пастыря и проповѣдника, онъ стремился осуществить прекрасныя слова пастора Тальмеджа, привезшаго въ 1893 году пожертвованный американцами нашимъ голодающимъ хлѣбъ и сказавшаго въ рѣчи, обращенной въ Либавѣ къ морякамъ русской эскадры: „религія, которая не печется о благосостояніи народа *въ семъ мірѣ* наравнѣ съ его благомъ *въ будущей жизни*, недостойна

называться религіей". Высокій ростомъ, съ добрыми горящими темными глазами, съ прерывистой при волненіи рѣчью, онъ былъ настоящимъ служителемъ дѣятельной любви по отношенію къ ближнимъ и дальнимъ, къ алчущимъ духовно и нищимъ матеріально. Глядя на него, зная его, можно было усомниться хоть на время въ печальной справедливости мнѣнія, утверждающаго, что у Христа много *слугъ*, но мало *послѣдователей*. Общее уваженіе окружало его въ Москвѣ и слушать его поученія, приходить къ нему для покаянія было потребностью весьма многихъ. Такого человѣка слѣдовало цѣнить и беречь, но, къ несчастью, свободное собраніе вѣрующихъ замѣнилось у насъ *вѣдомствомъ*, въ которомъ культъ формы и подчиненности часто мѣшаетъ живому и чуткому распознаванію высокихъ душевныхъ качествъ тѣхъ, кто входитъ въ его оффиціальную область.

Когда въ Москву былъ назначенъ митрополитомъ стяжавшій себѣ незавидную извѣстность гоненіемъ уніатовъ варшавскій архіепископъ Леонтій, начались преслѣдованія противъ отца Валентина, и размѣры прежней благотворной дѣятельности его должны были сократиться. „Со мной поступили,—писалъ онъ мнѣ 30 сентября 1892 года,—какъ если бы поступили съ работникомъ, который нашелъ болото, осушилъ его, очистилъ, культивировалъ и началъ видѣть результаты своихъ восемнадцатилѣтнихъ заботъ,—и вдругъ у этого работника взяли бы его ниву и прогнали съ нея. И это съ грубостью жестокой, въ присутствіи постороннихъ, съ рѣзкими жестами. Въ отвѣтъ на мою просьбу оставить меня при старомъ дѣлѣ мнѣ было сказано: „безповоротно! если отказываешься, отчислю! мнѣ недосугъ много говорить". Окружающіе насмѣшливо смотрѣли на меня и были довольны, что неожиданно пріобрѣли анекдотъ, а на оскорблявшаго меня устремили свои глаза подобострастно, льстиво и можетъ быть даже благоговѣйно. До сихъ поръ мнѣ слышатся эти слова, произнесенныя звучнымъ голосомъ и въ повелительномъ тонѣ, обычномъ въ обращеніи съ уличными нарушителями порядка. Но Ваше письмо закалило меня противъ огня. Теперь буду искать дверей для своего выхода тверже и спокойнѣй, но несомнѣнно, что ближайшей дверью будетъ вѣчность". Дверь послѣ многихъ испытаній нашлась въ средѣ придворнаго духовенства,—и въ Архангельскомъ соборѣ Московскаго Кремля отецъ Валентинъ могъ продолжать дѣло своей жизни. Однако пережитое оставило на немъ слѣдъ, его силы надломились, и для нихъ пришлось искать отдыха, который могъ бы быть пополненъ кабинетнымъ трудомъ... Но судьба заставила его претерпѣть до конца и мало-по-малу отняла у него зрѣніе. „Я очень тронутъ былъ привѣ-

томъ, который передалъ мнѣ отъ Вашего имени Валентинъ Николаевичъ, — писалъ мнѣ Чупровъ изъ Италіи въ 1909 г. Какъ хорошо, что Вы помните и посѣщаете больного старца, доставляя тѣмъ ему великое утѣшеніе. У меня слезы навертываются при мысли о тяжкихъ недугахъ, которые приходится переносить ему. Всего болѣе достойна жалости потеря зрѣнія. Чтеніе, и во всю жизнь, и особенно въ послѣдніе скорбные годы, составляло единственную его радость. И вдругъ лишиться этого рессурса! Послѣднее письмо, полученное мною отъ него, уже написано не имъ самимъ, а его дочерью, подъ его диктовку, и какимъ горемъ проникнуто оно! Невыразимо тяжко, что я лишенъ пока возможности попасть въ Москву, чтобы повидаться съ этимъ лучшимъ моимъ другомъ и наставникомъ отъ юныхъ дней“.—„Давно уже,—пишетъ Чупровъ изъ Дрездена въ 1903 году—къ моимъ чувствамъ примѣшанъ элементъ глубочайшей скорби о судьбѣ несчастнаго Валентина Николаевича. Онъ окончательно лишился зрѣнія. Мнѣ страшно будетъ увидѣть его! Письма его — сплошной вопль скорби“... Но и слѣпой,—чутко и жадно прислушивался Амфитеатровъ къ шуму житейскаго прилива и отлива, и въ тревожные года, пережитые нами, его благородное сердце,—о чемъ мнѣ не разъ писалъ и говорилъ Чупровъ и какъ я самъ видѣлъ изъ его писемъ, лишь подписанныхъ дрожащимъ почеркомъ слѣпца,—билось въ согласіи съ сердцами людей, желавшихъ многострадальной родинѣ мирнаго и коренного обновленія. Лѣтомъ 1908 года оно перестало биться... навсегда...

Личныя свиданія мои съ Александромъ Ивановичемъ были, къ сожалѣнію моему, не часты, но съ половины девяностыхъ годовъ между нами возникла довольно оживленная переписка. Въ любовно хранимой мною пачкѣ писемъ его за послѣднія десять лѣтъ его жизни, сказываются всѣ милыя черты его личности—сердечное отношеніе къ людямъ, — свойственное ему „въ человѣцѣхъ благоволеніе“,— стремленіе ободрить и украсить теплымъ словомъ чужой трудъ и дѣятельность;—сказываются его любовь къ искусству и его неустанная работа,—звучитъ то чувство гражданина, которымъ была проникнута и эта работа и отношеніе его къ родинѣ. Конечно, на первомъ планѣ у него стоитъ молодое учащееся поколѣніе и родной университетъ.

Первое его письмо ко мнѣ отъ 10 ноября 1896 года начинается съ просьбы прочесть въ Москвѣ публичную лекцію въ пользу общества вспомоществованія московскимъ студентамъ, „чтобы доставить нашей молодежи нравственный подъемъ и матеріальную поддержку“.—„Искренно благодарю за новости—пишетъ онъ въ слѣ-

дующемъ затѣмъ письмѣ—мало въ нихъ утѣшительнаго. О нашей жизни нечего сказать: идетъ тихимъ ходомъ. Одно нѣсколько радуетъ: наша молодежь въ нынѣшнемъ году по какой-то причинѣ больше одушевлена рвеніемъ къ наукамъ. Я не запомню года, когда аудиторіи были бы такъ полны, и когда находилось бы такъ много охотниковъ работать на семинаріяхъ. У меня не хватаетъ времени выслушать рефераты и разсмотрѣть работы, заявленныя слушателями. Какъ-то отрадно на старости лѣтъ видѣть такое одушевленіе". Уже больной и слабый, до крайности утомляемый каждой двухчасовою лекціей, онъ сообщаетъ мнѣ, что пріѣхалъ въ Парижъ изъ Дрездена, чтобы исполнить свое обѣщаніе прочесть нѣсколько лекцій въ парижской русской школѣ общественныхъ наукъ. „Цѣлый мѣсяцъ—пишетъ онъ—передъ отъѣздомъ я былъ занятъ выборкой изъ моихъ матеріаловъ того, что подходитъ къ курсу, и приведеніемъ выбраннаго въ удобный для лекцій видъ. Къ сожалѣнію, не успѣлъ кончить на мѣстѣ всей подготовки, и потому вынужденъ здѣсь въ Парижѣ напряженно работать въ промежуткахъ лекцій. Я уже прочелъ четыре лекціи на тему „Мелкое земледѣліе и его основныя нужды" и разсчитываю еще на восемь лекцій. Аудиторія, повидимому, интеллигентная и интересующаяся курсомъ, но, быть можетъ, мой спокойный и объективно-научный тонъ и не вполнѣ придется, въ концѣ концовъ, ей по вкусу. Вижу, къ сожалѣнію, что для меня прошло время говорить передъ публикой".

Когда, съ началомъ лекцій осенью 1905 года, Московскій университетъ сдѣлался театромъ печальнѣйшихъ безпорядковъ, онъ писалъ мнѣ 26 сентября: „Съ глубокой скорбью и болью слѣжу я за роковою драмой, разыгрывающейся въ моей родной Москвѣ и близкомъ сердцу насъ обоихъ Московскомъ университетѣ. Невыразимо жаль мнѣ новаго ректора и его помощника, рѣшившихся принять на себя тяжкое бремя отвѣтственности въ такую смутную пору. Что-то будетъ изъ нашихъ разсадниковъ просвѣщенія послѣ тѣхъ тяжкихъ испытаній, какія выпали на ихъ долю?"

Убѣдившись въ безплодности и непосильности противудѣйствія тѣмъ разнороднымъ вліяніямъ, которыя отражались на нашей судебной по существу и на кассаціонной дѣятельности, искажая роль Сената, какъ хранителя „нелицемѣрнаго правосудія", я оставилъ въ 1900 году уголовный кассаціонный департаментъ, въ составѣ котораго пробылъ пятнадцать лѣтъ въ качествѣ оберъ-прокурора и сенатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ намѣреніе, пользуясь званіемъ доктора уголовнаго права, начать читать курсъ *судебной этики*.

Буква закона, опредѣляя положительныя обязанности судьи и

установляя рядъ правилъ для техники уголовнаго изслѣдованія, касается только въ исключительныхъ случаяхъ нравственнаго долга судьи и тѣхъ общихъ началъ, безъ соблюденія которыхъ техническая дѣятельность органовъ уголовнаго правосудія можетъ притти въ противорѣчіе съ кореннымъ началами нравственности. Поэтому изученіе этихъ началъ и случаевъ примѣненія ихъ въ различныхъ процессуальныхъ дѣйствіяхъ и пріемахъ имѣетъ особое значеніе, тѣмъ болѣе важное, что личные интересы и разныя „злобы дня“ обладаютъ свойствомъ заслонять въ глазахъ практическихъ дѣятелей тѣ путеводныя указанія, которыя коренятся въ глубинѣ человѣческой совѣсти и должны имѣть въ виду примиреніе общественнаго блага съ правами и достоинствомъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Этическія начала судопроизводства даютъ возможность опредѣлить духъ закона и указываютъ необходимыя условія дѣятельности органовъ правосудія. Особенно важна въ нравственномъ отношеніи область изученія *поведенія судьи*, ибо исполненіе судьею своего служебнаго долга—охраненіе независимости своихъ рѣшеній и стремленіе вложить въ нихъ всю доступную ему справедливость—не исчерпываютъ еще всей полноты его задачи. Современный процессъ ставитъ судью лицомъ къ лицу съ живымъ человѣкомъ. Гласность и устность внесли въ судебное производство начало непосредственнаго воспріятія матеріала для сужденія. Онѣ расшевелили и разметали по сторонамъ тотъ ворохъ бумагъ, докладовъ, протоколовъ, проектовъ, резолюцій и т. п., подъ которымъ былъ прежде погребенъ живой человѣкъ, становившійся лишь *номеромъ дѣла*. Онъ всталъ изъ-подъ этого нагроможденія письменной работы, стиравшей его личныя краски, и предсталъ предъ судьею вмѣстѣ со своими фактическими обличителями и заступниками—свидѣтелями. Отсюда возникъ новый элементъ судебной дѣятельности—поведеніе судьи по отношенію къ людямъ, съ которыми онъ призванъ имѣть дѣло. Это поведеніе не есть простая совокупность поступковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ порядкѣ времени,—это есть систематическій и послѣдовательный родъ дѣяній, связанныхъ между собою однимъ и тѣмъ же побужденіемъ и одною и тою же цѣлью. Иными словами—это есть сознательный образъ дѣйствій, одинаково примѣнимый ко всѣмъ разнообразнымъ случаямъ судебной и судебно-бытовой жизни, предусмотрѣть и предустановить которые заранѣе невозможно. Поэтому положительный законъ, говорящій объ отправленіи уголовнаго правосудія, не въ силахъ начертать образъ дѣйствій судьи во всѣхъ его проявленіяхъ. Да это и не входитъ въ его задачу. Онъ можетъ и долженъ говорить лишь о порядкѣ, внѣшнемъ характерѣ и содержаніи отдѣльныхъ судебныхъ

обрядовъ и процедуръ, распоряженій и постановленій. Онъ намѣчаетъ *служебныя* обязанности органовъ правосудія по отношенію къ изслѣдованію преступленія и къ соблюденію законныхъ условій, при которыхъ совершается постепенный переходъ нарушителя общественнаго правопорядка изъ заподозрѣннаго въ обвиняемаго, изъ обвиняемаго въ подсудимаго и изъ подсудимаго въ осужденнаго. Въ дѣятельности судьи, однако, должны сливаться правовыя и нравственныя требованія. Правила для внѣшнихъ дѣяній, въ своемъ практическомъ осуществленіи, неминуемо отражаютъ на себѣ и внутренній строй души того, кто ихъ осуществляетъ, ибо въ каждомъ судебномъ дѣйствіи, на-ряду съ вопросомъ, *что* слѣдуетъ произвести, возникаетъ не менѣе важный вопросъ о томъ, *какъ* это произвести. Чтобы не быть простымъ орудіемъ внѣшнихъ правилъ, дѣйствующимъ съ безучастною регулярностью часового механизма, судья долженъ вносить въ творимое имъ дѣло свою душу и, на-ряду съ предписаніями положительнаго закона, руководиться безусловными и вѣчными требованіями человѣческаго духа.

Изъ нихъ вытекаетъ справедливое отношеніе къ человѣку, выражающееся въ сознательномъ и безпристрастномъ поставленіи себя на его мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ и воздержаніи отъ того, чтобы дѣлать разумное существо не цѣлью, а средствомъ для достиженія постороннихъ и своихъ личныхъ цѣлей. Въ осуществленіи справедливости, въ связи съ *дѣятельною* любовью, нравственный долгъ сливается съ руководящимъ началомъ христіанства, предписывающаго возлюбить ближняго, какъ самого себя. Вотъ почему, на-ряду со служебнымъ долгомъ судебнаго дѣятеля, вырастаетъ его нравственный долгъ. Онъ предписываетъ никогда не забывать, что объектомъ дѣйствій этого дѣятеля является прежде всего *человѣкъ*. Правосудіе не можетъ быть отрѣшено отъ справедливости, а послѣдняя состоитъ вовсе не въ одномъ правомѣрномъ примѣненіи къ доказанному дѣянію карательныхъ опредѣленій закона. Судебный дѣятель всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій относительно людей, къ дѣяніямъ которыхъ онъ призванъ приложить свой умъ, трудъ и власть, долженъ стремиться къ осуществленію нравственнаго закона.

Забвеніе про живого человѣка, про брата во Христѣ, про товарища въ общемъ міровомъ существованіи, способнаго на чувство страданія,—вмѣняетъ въ ничто и умъ, и талантъ судебнаго дѣятеля, и *внѣшнюю*, предполагаемую полезность его работы! Какъ бы ни было различно его общественное положеніе сравнительно съ положеніемъ тѣхъ, кого онъ призываетъ предъ свой судъ, какъ бы ни считалъ онъ себя безупречнымъ не только въ формальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, въ его душѣ должно, какъ живое на-

поминаніе о связи со всѣмъ окружающимъ міромъ, звучать прекрасное выраженіе браминовъ „tat twam asi“—*это тоже ты*, — ты въ паденіи, ты въ несчастіи, ты въ невѣжествѣ, нищетѣ и заблужденіи, ты въ рукахъ страсти! Такимъ образомъ складывается рядъ *этическихъ правилъ*, образовывающихъ необходимую нравственную сторону въ дѣятельности судьи и его ближайшихъ помощниковъ. Поэтому слѣдуетъ изучать не только судебную технику и судебную практику, но и *судебную этику*, какъ ученіе о приложеніи общихъ понятій о нравственности къ той или другой отрасли спеціальной судебной дѣятельности.

Я написалъ обо всемъ этомъ Чупрову, и онъ отвѣчалъ мнѣ изъ Женевы въ ноябрѣ 1900 года: „Не могу вмѣстѣ со всѣми русскими людьми не пожалѣть, что Вы оставляете *судебное* поприще, гдѣ такъ ярко горѣлъ Вашъ свѣтильникъ. Но мотивы Вашего рѣшенія настолько законны и серьезны, что ни у кого не можетъ явиться мысль возражать имъ. Нужно только благодарить судьбу и Васъ, что Вы такъ долго оставались въ этой сферѣ. Нѣтъ худа безъ добра: если бы Ваше время и силы были по-прежнему поглощены текущимъ дѣломъ, нашей молодежи совсѣмъ не дождаться бы Вашего курса. Дай Богъ Вамъ совсѣмъ укрѣпиться на новое благое дѣло, которое Вы затѣяли. Я отъ всей души привѣтствую Ваше намѣреніе осуществить давно жданный и давно желанный курсъ судебной этики. Кому же и говорить объ этомъ деликатномъ предметѣ, какъ не Вамъ, посвященному въ сокровенныя тайны судебнаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣвшему при всѣхъ жизненныхъ перипетіяхъ всегда неуклонно держаться на высотѣ нравственнаго идеала. Я увѣренъ, что Ваши лекціи не только будутъ представлять величайшій интересъ, но, что еще важнѣе, окажутъ благотворное вліяніе на молодежь. Мнѣ горько, что пребываніе въ далекой странѣ лишитъ меня возможности попасть хотя бы на нѣсколько Вашихъ лекцій. Уповаю только на то, что Вы, быть можетъ, соберетесь издать ихъ. Горячо желаю, чтобы никакая случайность не помѣшала Вамъ исполнить благородную миссію, которую Вы рѣшились принять на себя“.

Это доброе желаніе осуществилось, однако, лишь отчасти, чему помѣшала одна изъ тѣхъ почти невѣроятныхъ случайностей, которыми богата была еще такъ недавно наша общественная жизнь. Въ 1901 году я занялъ каѳедру уголовнаго судопроизводства въ Александровскомъ Лицеѣ въ Петербургѣ, заступивъ мѣсто профессора Фойницкаго. Весь свой курсъ я построилъ на разработкѣ началъ судебной этики, подробный обзоръ которыхъ изложилъ въ моей вступительной лекціи. Эта лекція была напечатана въ возобновленномъ по почину министра юстиціи Н. В. Муравьева „Журналѣ министерства юстиціи“.

Черезъ годъ затѣмъ я рѣшился существенныя части читаемаго въ Лицеѣ курса изложить въ видѣ двѣнадцати лекцій публично, въ пользу разнорсдныхъ благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, представители которыхъ часто обращались ко мнѣ объ оказаніи помощи именно въ этой формѣ. Мною руководило двоякое желаніе. Съ одной стороны въ это время завершились засѣданія Высочайше учрежденной при министерствѣ юстиціи комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ. При этомъ пересмотрѣ многія возвышенныя начала второй изъ великихъ реформъ Царя-Освободителя—реформы судебной—были услужливо обезцвѣчены, искажены или вовсе упразднены. Участковые судьи съ обширной подсудностью, которыми предполагалось замѣнить не только мировыхъ судей, но и въ значительной степени окружные суды, сохранивъ на-ряду съ ними земскихъ начальниковъ, облеченныхъ судебною властью, были лишены судейской несмѣняемости и отданы почти въ полное распоряженіе министра юстиціи; судъ присяжныхъ засѣдателей едва не былъ упраздненъ; единство кассаціонной дѣятельности уничтожено; слѣдственная часть отдавалась въ руки рядовой полиціи, и судьи насильственно втискивались въ узкія общія рамки устава о службѣ гражданской безъ обращенія вниманія на особыя свойства ихъ высокой и вмѣстѣ тяжелой дѣятельности и т. д.

Подъ вліяніемъ „особыхъ соображеній“ предсѣдателя комиссіи Муравьева и въ обществѣ поддерживался неустойчивый взглядъ на коренныя учрежденія новаго судоустройства. Передавая обсужденіе вопроса о положеніи въ Россіи суда присяжныхъ съѣзду старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, который подъ моимъ предсѣдательствомъ высказался за безусловное преимущество этой формы суда—что привело въ восторгъ Чупрова—Н. В. Муравьевъ въ то же время открывалъ страницы своего оффиціальнаго журнала для ожесточенныхъ нападокъ на этотъ самый судъ и для недостойныхъ инсинуацій противъ его защитниковъ, нападокъ, вызвавшихъ, наконецъ, суровый и справедливый протестъ со стороны Джаншіева въ его брошюрѣ „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“. Все это создавало необходимость возстановить предъ многочисленными, какъ я имѣлъ основаніе надѣяться, слушателями истинный смыслъ и нравственное содержаніе тѣхъ правилъ и условій, которыми составители Судебныхъ Уставовъ. обставили положеніе и дѣятельность служителей правосудія.

Съ другой стороны, судебной молодежи—кандидатамъ на судебныя должности и молодымъ адвокатамъ—было, казалось мнѣ, полезно послушать стараго судебнаго дѣятеля, повѣствующаго имъ по личному опыту о тѣхъ ошибкахъ, увлеченіяхъ и злоупотребленіяхъ,

въ которыя—особенно въ послѣднее время—впадаютъ судебные дѣятели, когда они забываютъ о нравственныхъ началахъ, вложенныхъ въ ихъ дѣло, и, увлекаясь самолюбованіемъ, исканіемъ отличій или популярности, пренебрегаютъ великимъ завѣтомъ Гоголя: обращаться со словомъ честно.

По установленному порядку я обратился къ петербургскому градоначальнику съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ этихъ лекцій, представивъ при этомъ въ видѣ программы оттискъ изъ журнала М. Ю., содержащій мою вступительную лекцію въ Лицеѣ. Носимыя мною званія сенатора и члена Академіи Наукъ, моя ученая докторская степень, тридцатипятилѣтняя служба по судебному вѣдомству, преподавательская дѣятельность въ Лицеѣ и, наконецъ, самое содержаніе предположенныхъ лекцій не допускали никакого сомнѣнія въ томъ, что разрѣшеніе послѣдуетъ немедленно подобно тому, какъ оно получалось, безъ всякаго замедленія, начиная съ 1892 года, на цѣлый рядъ неоднократныхъ лекцій съ благотворительною цѣлью о докторѣ Гаазѣ, князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ, о задачахъ общества защиты женщинъ, о В. С. Соловьевѣ и объ И. Ѳ. Горбуновѣ, при чемъ послѣдняя лекція была мною въ 1898 г. прочитана и въ залѣ министра юстиціи по его просьбѣ, въ пользу благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства.

Но еще старикъ Кюнеръ учитъ насъ, что spes est incerta et dubia. Разрѣшенія градоначальника не послѣдовало, а чрезъ мѣсяцъ послѣ моего ходатайства я получилъ слѣдующее письмо министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 13 іюня 1902 года: „М. Г. А. Ѳ. Ваше Превосходительство обратились къ петербургскому градоначальнику съ просьбою о разрѣшеніи на прочтеніе въ С.-Петербургѣ въ теченіе 1902 и 1903 годовъ двѣнадцати публичныхъ лекцій о *нравственныхъ началахъ въ уголовномъ процессѣ*. Имѣя въ виду, что намѣченный Вами предметъ чтеній ближе всего касается дѣятельности министерства юстиціи и разрабатываемыхъ имъ вопросовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ просило по этому дѣлу заключенія министра юстиціи. Нынѣ статсъ-секретарь Муравьевъ увѣдомилъ меня, что въ виду носимаго Вами званія сенатора испрашиваемое Вами разрѣшеніе могло бы послѣдовать лишь по его всеподданнѣйшему докладу, представленіемъ котораго онъ однако затруднился бы, находя предположенное чтеніе публичныхъ лекцій на упомянутую тему *едва-ли, по обстоятельствамъ настоящаго времени, удобнымъ*. Сообщая о семъ Вашему Превосходительству, прошу Васъ принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности—В. Плеве“.

Когда я разсказалъ, при ближайшемъ свиданіи, Александру Ива-

новичу о такой конечно непредвидѣнной имъ „случайности“, онъ былъ глубоко возмущенъ и, вопреки своему обычному внѣшнему спокойствію, очень взволнованъ, такъ что въ теченіе цѣлаго вечера часто возвращался къ этому „поразительному проявленію произвола“. Въ немъ вызывало чувство негодованія развязное и вмѣстѣ лукавое ограниченіе Муравьевымъ такихъ правъ сенатора, которыя имѣетъ всякій неопороченный обыватель, предпринятое ad hoc съ цѣлью зажать ротъ „несогласно мыслящему“ и при томъ въ самой беззастѣнчивой формѣ,— его удивляло, что министръ внутреннихъ дѣлъ такъ охотно и необычно сдѣлался для этого послушнымъ орудіемъ,—въ немъ возбуждало глубокую грусть сознаніе, что по признанію двухъ министровъ въ Россіи наступили такія времена, когда говорить предъ молодымъ поколѣніемъ о *нравственныхъ началахъ—едва-ли удобно!* Послѣднее выраженіе онъ не разъ повторялъ со смѣхомъ, находя, что отказъ, *такъ* мотивированный, проникнутъ столь узкимъ скудоуміемъ, что даже оскорбить не можетъ. Онъ радостно привѣтствовалъ меня, когда, послѣ настойчиваго домогательства моего о возстановленіи моихъ правъ на чтеніе публичныхъ лекцій и на возможность, такимъ путемъ, оказывать посильную помощь нуждающимся, Н. В. Муравьевъ увидѣлъ себя вынужденнымъ 13 мая 1903 г. увѣдомить меня о послѣдовавшемъ по его докладу Высочайшемъ разрѣшеніи на чтеніе такихъ лекцій въ общеустановленномъ порядкѣ.—Но однако тѣмъ временемъ прошелъ годъ, здоровье мое было сильно подорвано сердечными припадками, особенно усилившимися лѣтомъ и осенью 1903 года, и чтеніе *двѣнадцати публичныхъ лекцій* мнѣ стало не подъ силу, да и наступившая Японская война и послѣдующія событія, безъ сомнѣнія, ослабили бы къ нимъ интересъ, и онѣ не достигли бы своей цѣли. Это признавалъ и самъ Чупровъ, писавшій мнѣ изъ Дрездена, въ мартѣ 1904 года: „послѣ того состоянія здоровья, въ которомъ мнѣ случилось видѣть Васъ прошлымъ лѣтомъ въ Берлинѣ, Вамъ слѣдовало бы запереться въ кабинетѣ и ограничить свои внѣшнія сношенія лишь предѣлами крайней необходимости, а Вы себѣ прибавили еще новую, невыразимо тяжелую, требующую большого нервнаго напряженія обязанность—участіе въ засѣданіяхъ городской Думы“...

Нужно ли говорить, что мысль о родинѣ вѣчно сопутствовала ему и въ его странствованіяхъ, и въ его вынужденномъ, вслѣдствіе болѣзни, пребываніи за границей.

„Я до сихъ поръ живу съ ближайшей семьей въ Дрезденѣ,— пишетъ онъ мнѣ въ мартѣ 1904 года.—Жизнь шла тихо, однообразно,

въ постоянной кабинетной работѣ; но въ послѣдніе два мѣсяца это мирное житіе совершенно нарушено войной. Какъ неожиданно подкралось къ Россіи это бѣдствіе и какъ много горя грозитъ оно навлечь на нашу злополучную страну! Много болѣзненныхъ впечатлѣній приходится испытывать вамъ, петербургскимъ жителямъ, благодаря постояннымъ встрѣчамъ съ людьми, такъ или иначе прикосновенными къ войнѣ, но пожалуй еще тяжелѣе положеніе нашего брата, отрѣзаннаго отъ міра. Намъ приходится довольствоваться по части войны газетнымъ враньемъ, которое для наболѣвшей души становится по временамъ невыносимымъ. Человѣку чужой націи, для котораго война—лишь интересное зрѣлище, отъ этого вздора горя мало, а у нашего брата сердце кровью обливается, и, какъ сплошь и рядомъ оказывается, совершенно понапрасну".

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова возвращается къ наболѣвшему вопросу.

„Эта война—точно крупное несчастье въ семьѣ: стараешься чѣмъ-нибудь отвлечь мысль, заглушить воспоминаніе о происшедшемъ; но не тутъ-то было: оно господствуетъ надъ всѣмъ твоимъ настроеніемъ и не даетъ думать ни о чемъ другомъ. Какъ-то пропадаетъ охота работать надъ внутренними вопросами, которыми вчера еще такъ живо увлекалась мысль. Полнѣйшее уединеніе, на которое я обрекъ себя въ интересахъ работы, составляетъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ истинное благополучіе. Отъ людей, бывающихъ здѣсь въ обществѣ, я не разъ слышалъ въ послѣднее время жалобы на трудность сношеній съ иностранцами, которые не могутъ взять въ толкъ, какъ болѣзненъ для русскаго человѣка безучастный или высокомѣрный тонъ разговоровъ о войнѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время замѣчается какъ будто нѣкоторая перемѣна въ настроеніи относительно Россіи".

Его мучила мысль о необходимости—и для здоровья и для окончанія предпринятыхъ трудовъ—жить вдали отъ родины, вѣсти съ которой такъ часто терзали его любящее сердце.

„Ко мнѣ опять пришла прежняя болѣзнь сердца (грудная жаба),—пишетъ онъ изъ Мюнхена подъ новый 1908 годъ,—изъ-за которой я въ свое время уѣхалъ изъ Россіи. Въ послѣднее время мнѣ пришлось пробыть два мѣсяца въ санаторіи подъ Мюнхеномъ. Около мѣсяца тому назадъ я вышелъ оттуда, но до сихъ поръ еще не совсѣмъ поправился, не выхожу изъ дому и вынужденъ соблюдать всяческую осторожность въ движеніяхъ, въ разговорахъ, въ занятіяхъ. Существованіе было бы совсѣмъ унылымъ, если бы за мною не было оставлено право читать и писать, чѣмъ я усердно и пользуюсь въ своемъ вынужденномъ уединеніи. Главнымъ источникомъ нервнаго разстройства служатъ наши русскія дѣла. Сколько пере-

жито съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ видѣлись въ Берлинѣ, и сколько еще придется пережить, прежде нежели наше отечество дождется свободы и хоть сколько-нибудь сноснаго существованія! Кажется, нигдѣ еще трагедія всемірной исторіи не была такъ печальна, какъ у насъ. И все-таки, думается мнѣ, каждому, кто за завтрашнимъ днемъ умѣетъ видѣть послѣзавтрашній, не слѣдуетъ терять голову: среди великихъ мукъ, лучшія времена въ концѣ концовъ наступятъ".

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ говоритъ: „Особенно удручаетъ меня мысль о голодѣ. Шутка сказать, третій годъ четверть Россіи собираетъ меньше десятка пудовъ на десятину. У насъ, конечно, все валятъ на стихіи: но отчего же въ томъ же Самарскомъ уѣздѣ, гдѣ мужики собрали по 3 пуда съ десятины, мѣстный агрономъ Жуковъ на опытномъ полѣ въ оба года получалъ больше 100 пудовъ съ десятины? Ясно, что пріемы хозяйства изжили свой вѣкъ и должны быть замѣнены новыми. Такіе пріемы уже выработаны и провѣрены; нужно только распространить ихъ. А кто же будетъ распространять, когда агрономовъ отовсюду гонятъ въ шею частію администрація, частію же черносотенные элементы въ земствахъ. На-ряду съ организаціей продовольственной помощи, слѣдовало бы подумать объ организаціи распространенія общихъ и сельско-хозяйственныхъ знаній въ голодномъ краѣ".

Вся жизнь Александра Ивановича была наполнена трудомъ. Онъ и о здоровьи своемъ заботился, главнымъ образомъ, для исполненія своего трудового долга предъ родиной. Въ каждомъ письмѣ своемъ, на-ряду съ глубоко трогавшею меня просьбою поберечь мое здоровье и не растрачивать силы въ работѣ, онъ сообщалъ о своихъ непрерывныхъ, усидчивыхъ и постоянно выступающихъ изъ первоначально намѣченныхъ рамокъ научныхъ трудахъ. Въ апрѣлѣ 1903 года онъ пишетъ: „Я провожу Пасху въ Дрезденѣ, гдѣ, вѣроятно, останусь до наступленія жаркаго времени. Всю зиму я работалъ усердно, но къ сожалѣнію ничего не привелъ пока къ концу. Постоянно забываешь изреченіе, которое попалось мнѣ на-дняхъ въ только-что вышедшей книгѣ Зомбарта: „Wer aengstlich abwaegt, sagt gar nichts". Все хочется захватить новые матеріалы, но въ отдѣлѣ, которымъ я занимаюсь, каждый день даетъ такъ много, что ограниченная сила духа подавляется этимъ неустаннымъ творчествомъ жизни. Какъ бы то ни было, теперь я сказалъ себѣ: „довольно", стараюсь быть слѣпъ и глухъ къ тому, что совершается въ великомъ Божьемъ мірѣ, и забочусь только о томъ, чтобы свести концы съ концами ранѣе „тризны, уже недалекой". Удастся ли это, нельзя сказать, можетъ быть столь же неожиданно придется прослѣдовать „туда

далече", какъ отошли Кавелинъ, Соловьевъ, Джаншіевъ и еще на дняхъ Духовской, словомъ, цѣлый сонмъ знакомыхъ и друзей".

При этомъ, кромѣ печальныхъ личныхъ предчувствій, къ несчастію, вполнѣ осуществившихся, его смущала по временамъ мысль о несоотвѣтствіи его трудовъ „злобѣ дня". Онъ пишетъ въ іюлѣ 1905 г.: „я живу въ нынѣшнемъ году совсѣмъ по-стариковски,— хотя много работалъ въ Мюнхенскихъ библіотекахъ, но печаталъ я мало. Мнѣ чувствуется, что тѣ темы, которыми я съ особой любовью занимался въ послѣдніе годы — совсѣмъ не по времени въ настоящую пору. Кому охота читать объ интенсификаціи земледѣлія, о сельско-хозяйственныхъ кооперацiяхъ, о мелкомъ кредитѣ и т. п., когда всѣ умы заняты пересмотромъ основъ нашего государственнаго существованія?.." — Мысль о работѣ сопровождала его и во время отдыха и переплеталась съ восхищеніемъ природой и изученіемъ искусства. Онъ былъ великій поклонникъ Италіи. „Не соберетесь ли для возстановленія душевнаго равновѣсія за границу и въ частности въ Италію?—пишетъ онъ весною 1906 года.—Ничто такъ не бодритъ человѣка, какъ созерцаніе этихъ дивныхъ памятниковъ вѣчной красоты, остающихся во всей неприкосновенности на развалинахъ всѣхъ прочихъ человѣческихъ созданій. Погибла Флорентинская синьорія, заказавшая Риберти его знаменитыя двери, исчезли цехи, украшавшіе церковь Орсанмикеле, сошли съ лица земли Медичисы, для которыхъ работалъ Микель-Анджело, и, однако-жъ, бронзовыя „райскія врата" Баптистерія, Георгій Побѣдоносецъ Донателло и скульптуры Медицейской капеллы вызываютъ и до сихъ поръ такое же восхищеніе и благоговѣніе, какое возбуждали они въ сердцахъ современниковъ. Только трудъ, направленный на возвышеніе человѣческой культуры, трудъ Галилеевъ, Данте, Рафаелей переживаетъ вѣка,—вся же эта шумиха внѣшней и внутренней политики, такъ поглощающая вниманіе, — проходитъ, какъ дымъ. Я благодаренъ судьбѣ, что она занесла меня еще разъ во Флоренцію. Здѣсь столько поучительнаго и интереснаго, что не пересмотришь въ цѣлые года. При томъ же мнѣ приходится дѣлить время между осмотрами и собственными работами, которыя подвигаются медленнѣе, нежели я надѣялся. Не мало уходитъ времени и на чтеніе по исторіи эпохи Возрожденія и особенно по тогдашней исторіи искусства. Величайшее удовольствіе доставляетъ изученіе этой исторіи въ виду тѣхъ самыхъ памятниковъ, которыхъ она касается".— „Самою интересною частью моихъ странствованій въ 1900 году—пишетъ онъ въ другой разъ—была поѣздка въ маѣ по Сѣверной Италіи, которою я воспользовался для изученія сельскаго кредита, сельско-хозяйственныхъ ассоціацій и тамошнихъ пріемовъ распространенія въ

*

народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній, но никакъ не ожидалъ, что встрѣчу такъ много любопытнаго и получу столько живыхъ впечатлѣній. Въ лицѣ профессоровъ, такъ называемыхъ „странствующихъ каѳедръ земледѣлія“, я встрѣтилъ въ Падуѣ, въ Пармѣ, въ Веронѣ истинныхъ подвижниковъ, святыхъ людей, которые всѣхъ себя цѣликомъ отдали на служеніе народу. Это—нѣчто въ родѣ нашихъ земскихъ агрономовъ, но только съ гораздо болѣе широкой и болѣе активной ролью. Ихъ цѣль—распространить въ небольшомъ районѣ, гдѣ они дѣйствуютъ, между мелкими земледѣльцами раціональные сельско-хозяйственные пріемы, и они достигаютъ этого съ такимъ успѣхомъ, что, несмотря на недавнее начало ихъ дѣятельности, ихъ районовъ узнать нельзя. Но чего это стоитъ? Эти люди не имѣютъ покоя ни днемъ, ни ночью. Все ихъ время занято лекціями въ деревняхъ, курсами въ городахъ, веденіемъ популярнаго журнала, а главное, безчисленными совѣтами, устными и письменными, за которыми обращается къ нимъ вся округа. Мнѣ сколько разъ пришлось видѣть, что творится у нихъ въ рыночные дни. Это картина, которая напоминаетъ пріемъ у любимаго народомъ земскаго врача. Несмотря на недосугъ, почтенные профессоры были рады показать иностранцу все, что есть интереснаго въ ихъ мѣстности и въ ихъ дѣятельности. Меня возили по деревнямъ и дали возможность познакомиться со всякаго рода ассоціаціями, земледѣльческими школами, съ имѣніями разныхъ размѣровъ и разныхъ культуръ, со всякими слоями населенія. Въ одинъ мѣсяцъ мнѣ пришлось пересмотрѣть столько, сколько я одинъ, безъ посторонней помощи, не увидѣлъ бы и въ полгода. Я вывезъ изъ этой поѣздки нѣсколько ящиковъ матеріаловъ, писанныхъ и печатныхъ. Теперь я занимаюсь ихъ обработкой для статей въ „Русскія Вѣдомости“, а потомъ для отдѣльной книги. Когда кончу этотъ трудъ, еще самъ не знаю, потому что мудрено справиться съ массой фактовъ. Очень хочется привести къ концу эту работу и кое-что подготовить для другихъ, безъ исполненія которыхъ не хочется сойти въ могилу, вѣроятно уже недалекую“.

Любовь къ Италіи однако не ослѣпляла его и не мѣшала справедливо отнестись къ Германіи. „Она конечно кажется какъ-то блѣдновата послѣ долгаго пребыванія въ Италіи, — пишетъ онъ— и небо ея сѣрѣе, и люди скучнѣе, угловатѣе, грубѣе, и всѣ ихъ продукты не имѣютъ того изящества, но есть въ этой жизни что-то покойное, удобное, сильное. Попавъ въ тѣ же мѣста послѣ семнадцати лѣтъ, я вижу прогрессъ удивительный и не показной только, а вошедшій въ бытъ, такъ сказать, переваренный народомъ. Что это такъ, въ томъ убѣждаетъ уже одно замѣчательное, до роскоши

доходящее, изобиліе средствъ къ образованію,—эти дивныя библіотеки, въ родѣ, напримѣръ, Дрезденской Гештифтунгъ, гдѣ выложено 350 журналовъ по однимъ общественнымъ наукамъ, эти дворцы-читальни, въ родѣ только-что открытыхъ Дрезденской и Іенской, гдѣ къ услугамъ публики до 1.000 періодическихъ изданій по всѣмъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія, всевозможныя справочныя пособія и снабженныя всяческимъ комфортомъ комнаты для отдыха и бесѣды. Германія не умомъ только, а сердцемъ поняла, что все ея богатство основано на знаніи, и не щадитъ ничего для накопленія и распространенія этого знанія. Я недавно живу въ Германіи, а могъ бы привести десятокъ фактовъ въ подтвержденіе этого изъ моихъ личныхъ наблюденій". Но въ послѣднемъ своемъ письмѣ, уже не задолго до смерти, онъ снова возвращается къ своей милой Италіи и пишетъ: „Поѣздка въ Италію дала мнѣ массу пріятнѣйшихъ впечатлѣній и точно помолодила меня. Я очень люблю эту страну и живо интересуюсь ея судьбами. Въ Римѣ, кромѣ осмотра галлерей, музеевъ и церквей, я употреблялъ время на ознакомленіе съ новѣйшими успѣхами Италіи по части земледѣлія и аграрнаго законодательства, въ спеціальныхъ библіотекахъ, которыя любезно были для меня открыты, и путемъ бесѣдъ со свѣдущими лицами. Привезъ я съ собой изъ Рима цѣлыхъ три пуда разнообразныхъ матеріаловъ и даже не знаю, смогу ли я воспользоваться всѣми этими благами. Очень многому можно было бы поучиться и нашимъ законодателямъ у этой страны съ ея богатымъ историческимъ прошлымъ. Самъ Римъ въ осенніе дни прекрасенъ, а особенно симпатичны въ эту пору его окрестности. Помните у Тургенева въ его „Литературныхъ воспоминаніяхъ" поѣздку съ Ивановымъ въ Альбано и Фраскати? Такіе точно „удивительные дни, недоступные ни перу, ни кисти", „съ праздничнымъ осеннимъ блескомъ" выпали и на мою долю. Съ Яникульскаго холма, съ Via Appia, съ Via Nomentana, приходилось любоваться закатами, какихъ я не запомню въ своей жизни. Сама улица Римская въ это время года полна живыхъ и разнообразныхъ красокъ: не насмотришься на эти старыя развалины, на эти дворцы, на эту пеструю, живую народную толпу. Къ сожалѣнію, мнѣ было запрещено ходить пѣшкомъ по Риму съ его семью холмами, и я долженъ былъ пользоваться удовольствіемъ прогулокъ и осмотровъ лишь съ большой осторожностью; но я и за то благодаренъ судьбѣ, что удалось повидать",

Безупречный, кристально-чистый человѣкъ, преданный наукѣ и родинѣ, Чупровъ имѣлъ безусловное право надѣяться на правильную оцѣнку своей личности и побужденій. Но ему пришлось именно съ этой стороны пережить тяжелыя испытанія.

„Сейчасъ посылаю Вамъ — писалъ онъ мнѣ въ 1897 г.—только-что полученные оттиски моихъ статей въ вышедшемъ недавно изданіи департамента торговли и мануфактуръ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства". Это изданіе исполнено по программѣ, выработанной при моемъ непосредственномъ участіи, и все сплошь проредактировано мною. Я знаю, что на него послѣдуютъ самыя рѣзкія нападки особенно со стороны аграріевъ, но при оцѣнкѣ ихъ я прошу вѣрить одному: изданіе предпринято участниками единственно съ цѣлью посильно разъяснить истину въ сложномъ и важномъ вопросѣ; авторы не щадили труда и переработали массу матеріаловъ".—Ожиданія его сбылись, и недостойныя, почерпнутыя нѣкоторыми со дна собственной низменной души, нападки—и при томъ со стороны не однихъ „аграріевъ",—посыпались на него, „пустивъ шипъ по змѣиному", какъ говорилось въ старину.—Все это, къ счастію, скоро позабылось, и тщетныя попытки поколебать уваженіе къ Чупрову, представивъ его податливымъ ученымъ, пишущимъ „на заказъ" свои сомнительныя изслѣдованія—обратились въ ничто, но на него все это подѣйствовало очень сильно, хотя, по внѣшности, и мало замѣтно, подъ вліяніемъ законной гордости внутренняго сознанія по отношенію къ чужимъ, подъ вліяніемъ нѣжнаго и бережливаго участія къ своимъ.—Оно и понятно. Легче сказать общественному дѣятелю „не обращайте вниманія!", чѣмъ ему это выполнить въ тайникѣ души. „N'est ce rien pour un noble coeur, pour un esprit elévé, de se sentir haï, tandis qu'il à le droit d'être aimé comme il sent qu'il le merite—сказалъ въ одной изъ своихъ замѣчательныхъ рѣчей, приведенной въ „Revue Britannique", знаменитый Брайтъ--d'entendre autour de lui les sifflements aïgus de la calomnie, qui rampe dans l'ômbre, comme un serpent, sans qu'on puisse la saisir.?!—Чрезъ полгода послѣ появленія „Вліяніе урожаевъ и т. д.", во время моего пріѣзда въ Москву для чтенія публичной лекціи объ Одоевскомъ, съ цѣлью увеличенія средствъ на изданіе „Вѣстника философіи и психологіи", мы проходили и просидѣли съ Чупровымъ болѣе двухъ часовъ на Пречистенскомъ бульварѣ въ бесѣдѣ объ этихъ нападкахъ—и я видѣлъ, какъ волновали онѣ его, и какіе болѣзненные рубцы оставили онѣ на его нѣжной и воспріимчивой душѣ. Увы! судьба плохой хирургъ, а не слѣдуетъ нѣмецкому правилу: „man soll die Wunden heilen ohne die Narben zu lassen".—

Всегда строгій къ себѣ и снисходительный къ людямъ,—свыше мѣры цѣнившій ихъ, если дѣятельность ихъ казалась ему направленною на общую пользу и если они, въ его глазахъ, не измѣняли себѣ и своимъ убѣжденіямъ съ приближеніемъ старости—что, по

его мнѣнію, было также постыдно, какъ красить въ преклонные годы въ другой цвѣтъ свои волосы,—онъ былъ оптимистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Но этотъ оптимизмъ и широкая снисходительность—простирались, несмотря на всѣ житейскія разочарованія, лишь на людей. Къ условіямъ жизни, къ складу общественныхъ отношеній, къ соотвѣтствію учрежденій вложенной въ нихъ идеѣ—онъ относился гораздо строже и признавалъ, что въ этомъ отношеніи благодушный оптимизмъ и примирительная приспособляемость часто граничатъ съ попустительствомъ.. Съ теплымъ чувствомъ умѣлъ онъ вспоминать встрѣченныхъ имъ въ жизни людей, которымъ судьба дала оставить по себѣ болѣе или менѣе яркій слѣдъ. Въ этомъ отношеніи у него былъ,—столь рѣдкій у насъ, забывчивыхъ и неблагодарныхъ,—культъ „вчерашняго дня“ въ томъ смыслѣ, что всѣ, кто скрашивалъ этотъ день, кто дѣлалъ его болѣе сноснымъ для людей мыслящихъ и страдающихъ,—кто старался озарить его закатъ бодрой вѣрой въ лучшій завтрашній день—были ему дороги и душевно близки. Въ его письмахъ ко мнѣ, въ его горячихъ отзывахъ о тѣхъ характеристикахъ, которыя я посвящалъ въ рядѣ очерковъ свѣтлымъ „людямъ вчерашняго дня“—постоянно встрѣчаются теплые и прочувствованные отзывы о многихъ изъ послѣднихъ, которыхъ онъ зналъ лично. Такъ онъ сообщилъ мнѣ весьма цѣнныя данныя о художественныхъ наклонностяхъ извѣстнаго адвоката князя А. И. Урусова и въ сердечныхъ словахъ помянулъ К. К. Грота и В. С. Соловьева, „котораго глубоко уважалъ и очень любилъ со всѣми особенностями его тѣлеснаго и духовнаго облика,—передать сущность котораго въ одухотворенномъ изображеніи не удалось ни одному изъ русскихъ живописцевъ, бравшихся за его фигуру“.

Съ искренней благодарностью, со справедливой гордостью вспоминаю я доброе дружеское отношеніе Чупрова ко мнѣ,—его тревогу о моемъ очень пошатнувшемся въ послѣднее десятилѣтіе здоровьи,—его настойчивые, идущіе изъ сердца совѣты „щадить себя“ и пожить подольше въ Италіи или хорошемъ уголкѣ Германіи,—его лестные, проникнутые теплымъ сочувствіемъ, отзывы о каждомъ моемъ трудѣ, появлявшемся въ печати. Особенно нравилась ему—старому москвичу—книга о московскомъ филантропѣ докторѣ Гаазѣ, „являющаяся—какъ писалъ онъ мнѣ—самою сильною проповѣдью дѣятельной любви къ ближнему изъ всего, съ чѣмъ мнѣ пришлось познакомиться, въ теченіе долгой моей жизни“;—затѣмъ ему очень нравился очеркъ жизни и произведеній И. Ѳ. Горбунова. Онъ писалъ мнѣ, что перечитывалъ его нѣсколько разъ, также какъ и рѣчь о Н. И. Стояновскомъ, которая „даетъ характеристику не только замѣчательной личности, но и эпохи, и при томъ

такой эпохи, которой не скоро дождется въ другой разъ наша страна".

Еще за мѣсяцъ до кончины, онъ писалъ мнѣ: „съ великимъ удовольствіемъ прочелъ я Ваши „Воспоминанія и замѣтки судьи". Какой глубокій интересъ въ этихъ отрывкахъ житейской драмы, какая живость изложенія! Какъ будто самъ переживаешь съ Вами это дерганье двери слѣдователемъ, это ожиданіе въ подвалѣ анатомическаго театра, этотъ арестъ Овсянникова. А мѣста объ офицерѣ, взявшемъ назадъ жалобу на отца,—о котятахъ и писарѣ Нечаевѣ—мѣста, свидѣтельствующія, что у самыхъ жестокихъ натуръ остается что-то мягкое и человѣческое—они перевернули мнѣ душу, какъ въ давно прошедшее время разсказъ Бретъ-Гарта о вліяніи подкинутаго младенца на шумный лагерь бездомныхъ бродягъ. Я самъ не знаю—отчего подобныя черты такъ сильно захватываютъ насъ".

И въ трудные дни моей служебной жизни онъ поддерживалъ меня своимъ словомъ привѣта и ободренія. Давая въ Сенатѣ заключенія по дѣламъ, связаннымъ съ вопросомъ о свободѣ совѣсти и религіозныхъ убѣжденій, мнѣ приходилось работать среди довольно неблагопріятныхъ условій и обстановки. Объ этомъ подробно разсказано мною въ помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ" нынѣшняго года, въ номерахъ II, X и XI „Воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебнаго дѣятеля"—относящихся до дѣлъ объ уніатахъ, штундистахъ, пасторахъ и старообрядцахъ. Когда путемъ печати или устно, о посильной защитѣ мною священныхъ правъ человѣческаго духа доходило до Александра Ивановича,—я немедленно получалъ отъ него письмо съ выраженіемъ цѣннаго въ нравственномъ отношеніи сочувствія. То же было и по дѣлу о нарушеніи тайны исповѣди, очень его встревожившему, въ виду довольно сильнаго стремленія нѣкоторыхъ вліятельныхъ сенаторовъ принести въ жертву преходящимъ интересамъ уголовнаго правосудія—вѣковѣчные, идеальные интересы безбоязненнаго и свободнаго покаянія. Онъ горячо привѣтствовалъ защиту мною неприкосновенности тайны исповѣди, какъ „охрану святыни нравственныхъ побужденій человѣка". Также отнесся онъ и къ разработкѣ мною вопроса о врачебной тайнѣ на Пироговскомъ Съѣздѣ и въ лекціи земскимъ врачамъ въ Клиническомъ Еленинскомъ Институтѣ. Въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ онъ писалъ: „мнѣ было отрадно прочесть Вашу рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу попечительствъ (о народной трезвости). Вы отстаивали правое дѣло и совершенную истину—и сила аргументовъ Вашихъ лишь увеличилась отъ формы, въ которую они были облечены. За то какой реторикой и фальшью звучатъ нѣкоторыя возраженія Вамъ и между

прочимъ елейныя слова о церковномъ пѣніи, водворяемомъ на счетъ пьянства народнаго"...

Зная правдивость и душевный складъ Чупрова—я не могъ сомнѣваться въ искренности его одобренія и тѣмъ дороже и цѣлительнѣе бывало оно для меня. По понятнымъ соображеніямъ я не считаю возможнымъ привести здѣсь длиннаго письма изъ Берлина, отъ 26 сентября 1905 г., присланнаго мнѣ имъ по случаю сорокалѣтія моей служебной дѣятельности. Скажу одно—оно было одною изъ лучшихъ нравственныхъ наградъ за эти сорокъ лѣтъ и своими возвышенными строками заставляло забыть о многихъ камняхъ и терніяхъ жизненнаго пути за эти годы...

Послѣднее свиданіе наше произошло въ сентябрѣ 1903 года въ Берлинѣ, куда онъ нарочно пріѣхалъ изъ Дрездена, чтобы провести со мною день. Къ сожалѣнію, наша встрѣча была для меня отравлена сильнѣйшимъ сердечнымъ припадкомъ, хотя и обезсилившимъ меня на много часовъ, но давшимъ въ то же время мнѣ испытать на себѣ участливую заботу Александра Ивановича. Онъ остался, въ виду моего нездоровья, и на слѣдующій день, который мы провели неразлучно вмѣстѣ, а вечеромъ отправились въ Deutsches Theater, на первое представленіе „Воскресенія" (Auferstehung) Толстого, передѣланнаго довольно талантливо и умѣло для сцены. Тщательное изображеніе русской обстановки, почти полное отсутствіе неточностей въ бытовомъ отношеніи, правдивая и горячая игра артистовъ заставили насъ почти позабыть, что мы видимъ русскую драму на нѣмецкомъ языкѣ, исполняемую иностранцами, а захватывающая возвышенность содержанія сильно на насъ подѣйствовала. Въ концѣ пьесы, когда Неклюдовъ привозитъ въ Сибири, въ пасхальную ночь, помилованіе Катюшѣ, и она великодушно отказывается слѣдовать за нимъ,—когда происходитъ трогательная сцена ихъ прощанія подъ звуки пасхальнаго звона, а въ небѣ широко загорается сѣверное сіяніе, весь театръ былъ взволнованъ, многіе не могли удержать слезъ, да и у насъ глаза были „на мокромъ мѣстѣ". Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы и разстались. Въ бесѣдѣ въ маленькомъ скверѣ передъ зданіемъ театра, Чупровъ высказывалъ горячее желаніе поскорѣе вернуться въ Россію. Онъ предчувствовалъ, что въ ея внутреннемъ строѣ наступаетъ своего рода Auferstehung, но, конечно, не могъ предвидѣть, путемъ какихъ тяжкихъ испытаній нашей родины онъ придетъ къ этому... Но прежде всего его удерживала за границей начатая работа. „Дивныя дѣла совершаются въ Россіи,—писалъ онъ мнѣ уже въ январѣ 1905 года — невыразимо тяжело оставаться въ такую пору внѣ родины, но меня удерживаетъ сознаніе нравственной обязанности кончить работу, на которую я уже потратилъ столько

силъ. Я выбралъ для зимняго житья Мюнхенъ съ его старыми достопочтенными библіотеками, съ его славнымъ университетомъ. Здѣсь интересный кругъ профессоровъ, бойкая научная жизнь, масса художественныхъ сокровищъ, отличная опера, изобиліе всякой музыки, хотя мнѣ мало приходится пользоваться всѣми этими источниками развлеченія, потому что вѣчно приходится сидѣть за книгой и за письменнымъ столомъ. Но уже одна мысль о возможности отдохнуть на симфоніи Гайдна или на драмѣ Шекспира ободряетъ духъ. Климатъ Мюнхенскій, вопреки своей репутаціи, пока по мягкости не оставляетъ ничего желать, оттого и здоровье мое пока держится въ удовлетворительномъ состояніи. Работалъ я въ нынѣшнемъ году много и часть своихъ писаній подготовилъ къ печати, а въ послѣдніе мѣсяцы даже нѣсколько отвлекся отъ прямого дѣла ради газетныхъ статей: захотѣлось тряхнуть стариной, пользуясь фактически водворившейся на нѣкоторое время свободой слова".

Къ несчастью, удовлетворительное состояніе здоровья Александра Ивановича было призрачнымъ и представляло лишь краткій отдыхъ со стороны неуклонно надвигавшагося съ 1898 года тяжелаго недуга. Еще тогда писалъ онъ мнѣ: „Ваши теплыя строки были для меня какъ бы лучемъ свѣта въ окружающую меня въ послѣднее время тьму. Вы представить себѣ не можете, какъ худо жилось мнѣ въ послѣдніе мѣсяцы. Возвратившись изъ превосходнаго четырехнедѣльнаго путешествія въ Закавказье въ послѣднихъ числахъ сентября, я засталъ моего брата въ непоправимо плохомъ состояніи. Отчасти печаль, отчасти безсонныя ночи при больномъ вызвали у меня, черезъ недѣлю по пріѣздѣ, тяжелую болѣзнь сердца, о которой я раньше не имѣлъ никакого представленія. Мучительный припадокъ длился у меня около двадцати часовъ сряду и такъ истомилъ меня, что мнѣ потребовалось около двухъ недѣль лежать въ постели, а потомъ столько же времени оправляться, не выходя изъ комнаты. Едва я оправился и началъ выходить, какъ снова погрузился въ заботы объ умирающемъ братѣ, но несмотря на всѣ усилія онъ въ концѣ ноября скончался. Вы хорошо понимаете, какъ тяжело въ наши годы терять близкихъ людей, но лишиться человѣка, который былъ спутникомъ всей моей жизни, былъ товарищемъ всѣхъ дѣлъ и помышленій съ первыхъ проблесковъ сознательнаго существованія,—это испытаніе превыше силъ! Я едва начинаю нѣсколько отходить въ послѣдніе дни и то, главнымъ образомъ, благодаря непрерывнымъ текущимъ дѣламъ. Простите, что я такъ распространился о своемъ горѣ, но, къ сожалѣнію, оно составляетъ пока такую мою принадлежность, отъ которой никакъ не могу отрѣшиться".

Чрезъ десять лѣтъ недугъ, упоминаемый въ этомъ письмѣ, сломилъ свою жертву внезапно и неожиданно для близкихъ. Чупровъ чувствовалъ себя къ концу февраля 1908 года новаго стиля нѣсколько слабымъ, но раціональный образъ жизни, предписанный врачами и строго имъ соблюдаемый, казалось, устранялъ всякую непосредственную опасность. 23 февраля вечеромъ, онъ былъ въ концертѣ и наслаждался возможностью слышать хорошую музыку—не въ мысляхъ только, но и въ дѣйствительности,—а на другой день, по чудной погодѣ пошелъ къ своему другу, профессору Лотцу. Здѣсь во время бесѣды, его сразила смерть. Благородное сердце сразу перестало биться... За пятнадцать лѣтъ предъ этимъ онъ написалъ въ альбомъ своей дочери стихотвореніе, въ которомъ указываетъ ей, что въ жизни „къ счастью прочному открыты три дороги:—любить природы красоту,—трудъ имѣть любимый и умѣть любить людей и въ радости, и въ горѣ,—съ участьемъ дружескимъ невзгоды ихъ дѣлить,—въ привѣтѣ, въ дѣйствіяхъ или въ братскомъ разговорѣ умѣть себя всегда съ другой душою слить“... Тотъ, кто лично былъ знакомъ съ нимъ, кто слышалъ и читалъ его, тотъ знаетъ, что всю жизнь онъ шелъ этими тремя путями, не зарывая въ землю даровъ своего ума и сердца... И судьба лично къ нему была милостива: когда онъ много и благотворно прошелъ этими путями, не сходя въ сторону, она дала ему—любителю природы и поклоннику искусства—въ предсмертные часы полюбоваться первою и насладиться вторымъ—и сразу пресѣкла его чистую, любвеобильную жизнь.

А. Ѳ. Кони.

Александръ I, Ермоловъ и Наполеонъ I.

Извѣстно, что кончина Императора Павла I-го застала знаменитаго генерала Алексѣя Петровича Ермолова заключеннымъ въ Петропавловской крѣпости; въ день восшествія на престолъ Императора Александра I-го, генералъ былъ освобожденъ и, разставаясь съ „пріютившимъ“ его казематомъ, написалъ надъ входомъ въ него: „свободенъ отъ постоя“. — Государь узналъ объ этомъ и, печально, съ глубокимъ вздохомъ сказалъ:—„Хотѣлось бы, чтобы навсегда“.

Впослѣдствіи Наполеонъ I, — придававшій вообще большую цѣну Ермолову, какъ человѣку, какъ генералу и какъ государственному дѣятелю, узнавъ объ этомъ случаѣ, — высказалъ Императору Александру между прочимъ: „Ермоловъ у васъ одинъ; не знаю, какую оцѣнку дать тому, что онъ оказался въ числѣ заключенныхъ, но во всякомъ случаѣ, большая честь государямъ и націямъ, у которыхъ подобные люди, имѣя въ прошломъ тюрьму, попадаютъ послѣ нее на путь несенія высшей государственной службы и успѣваютъ въ теченіи своей жизни принести отечеству пользу, отвѣчающую ихъ изобильной талантливости.

Сообщ. А-й.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій [1]).

IV.

У насъ была знакомая семья С—выхъ, состоявшая изъ матери и трехъ дочерей—дѣвушекъ. Семья очень милая; старшая и младшая дочери были очень хорошенькія, а средняя—положительно красавица. Не скажу, чтобы мнѣ не случалось видѣть такихъ же удивительныхъ глазъ, какіе сіяли изъ ея прелестнаго личика, но лучшихъ глазъ я не встрѣчалъ.

Левицкій до того, какъ сталъ моимъ постояннымъ гостемъ, усердно посѣщалъ домъ офицера генеральнаго штаба Любовицкаго, моего товарища по выпуску, очень умнаго, дѣльнаго и тактичнаго поляка, окончившаго свою карьеру членомъ Государственнаго Совѣта. Служа на русской службѣ, онъ очень осторожно проявлялъ свои польскія тенденціи, но жена его, прекрасная музыкантша и заядлая полька, была центромъ кружка петербургской польской молодежи. Умная и образованная, она имѣла большое вліяніе и на Левицкаго.

Мнѣ удалось парализовать это вліяніе и окончательно отвлечь его отъ польщизны, которая царствовала въ домѣ жены Любовицкаго и уже начинала захватывать Левицкаго, по отцу, все-таки, поляка.

Часто бывая у меня, онъ встрѣтился съ красавицей Маріей и сразу же очаровался ею. Жена моя, склонная, какъ почти всѣ женщины, налаживать браки, видя въ Левицкомъ очень хорошую партію,

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1909 г.

рѣшила, что дѣло должно кончиться свадьбой и, приглашая трехъ сестеръ, устраивала такъ, чтобы въ это время былъ и Казиміръ.

И дѣло, казалось, должно было наладиться: дѣвушка была не богатая, Казиміръ представлялъ собою прекрасную партію и, повидимому, не былъ непріятенъ красавицѣ, хотя поражалъ, подчасъ, своею наивностью.

Такъ, когда разъ жена замѣтила при красавицѣ, что у Казиміра прекрасные зубы, онъ съ большою искренностью, которую лучше было бы не проявлять, началъ утверждать, что только передніе зубы хороши, а коренные совсѣмъ гнилые и даже показалъ ихъ, запустивъ палецъ въ ротъ.

О, святая простота! О, наивность! О, незнаніе сердца дѣвушекъ, къ чести ихъ, всегда готовыхъ дѣлать иллюзіи, разбивать которыя, по меньшей мѣрѣ, безтактно, думалось мнѣ! Но меня лично эта наивная выходка искренности и правдивости подкупила еще болѣе въ пользу Казиміра.

Семья С—выхъ переѣхала на дачу въ Шувалово.

Пріѣзжаетъ вскорѣ ко мнѣ Казиміръ.

— Знаешь что? — говоритъ онъ. — Будь другомъ, ѣдемъ сейчасъ въ Шувалово верхомъ.

— Ну! — Вѣдь это верстъ 18—20 отсюда.

— Что жъ такое? — отвѣчаетъ онъ.—20 верстъ туда, 20 обратно, всего только 40.

— А на какихъ лошадяхъ?

— Да на моихъ. Выбирай любую. Хочешь Машку (полукровная кобыла), хочешь степняка.

Левицкій былъ тогда начальникомъ Штаба Гвардейской кавалерійской дивизіи и обязанъ былъ имѣть верховыхъ лошадей. Ѣздокъ онъ былъ неутомимый, хотя, съ кавалерійской точки зрѣнія, ѣздилъ не важно — какъ пѣхотинецъ.

Мы собрались въ 10 минутъ, и черезъ полтора-два часа уже разыскивали дачу въ Шуваловѣ, при чемъ, во все время пути, мнѣ приходилось сдерживать стремительность Казиміра, чтобы онъ явился передъ красавицей не слишкомъ потнымъ и запыленнымъ.

Разыскали. Но—разочарованіе: всѣ сестры уѣхали съ компаніей верхомъ на мѣстныхъ лошадкахъ.

— Куда?

— Вѣроятно, въ паркъ, и уѣхали съ полчаса тому назадъ.

Тутъ ужь нечего было думать о пыли и потѣ, и, растяжнымъ галопомъ, мы понеслись по парку.

Кони были добрые: вскорѣ догнали. Но тутъ опять неудача: моя кобыла спокойно шла подлѣ амазонки, степнякъ же, по необразова-

нію своему, горячился, рвалъ и бочилъ до того, что Левицкому приходилось ѣхать лишь поодаль, чтобы не сбить амазонки.

Началъ онъ меня просить пересѣсть на его лошадь и, разумѣется, подразнивъ немного, я исполнилъ его желаніе.

Былъ чудный, свѣтлый сѣверный вечеръ. Мнѣ стало почему-то грустно. Я почувствовалъ себя одинокимъ и, не желая никому мѣшать, поѣхалъ одинъ прямо къ старушкѣ-матери. Черезъ часъ подъѣхала кавалькада, а еще черезъ часъ, мечтательно настроенные, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ чудныхъ глазъ, мы съ Левицкимъ возвращались почти молча перемѣннымъ аллюромъ въ Петербургъ.

Этотъ вечеръ былъ апогеемъ влюбленности Казиміра.

Вскорѣ войска гвардіи выступили въ лагеръ, и Казиміру стало не до ухаживанія, а зимой по всему стало замѣтно, что матримоніальные планы моей жены не поведутъ ни къ чему.

О чемъ говорилъ Казиміръ съ красавицей въ тотъ чудный вечеръ? что она ему отвѣчала? — я не разспрашивалъ изъ деликатности, а онъ также молчалъ.

Вообще Казиміръ, несомнѣнно относившійся въ ту пору ко мнѣ, какъ къ самому близкому себѣ человѣку (болѣе короткаго пріятеля у него не было), несмотря на то, что, какъ мнѣ казалось, у него не было отъ меня затаенныхъ мыслей,—никогда не говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ, которыя, какъ у человѣка здороваго, должны были, конечно, имѣть мѣсто, хотя бы въ формѣ грубой, чисто животной, исключающей всякую иллюзію. И это въ немъ мнѣ очень нравилось, какъ и то, что онъ, вообще, не былъ циникомъ, хотя выказывалъ большое удовольствіе и хохоталъ до упаду, слушая анекдоты, посыпанные перцемъ, разсказывать которые, когда-то, я былъ большимъ мастеромъ.

Не желая вторгаться въ его интимную жизнь и не позволяя себѣ даже спросить—отчего онъ такъ рѣзко оборвалъ съ красавицей, я, однако, сказалъ ему однажды:

— „А что, Казиміръ, пора бы тебѣ подумать и о женитьбѣ, смотри, не опоздай“.

— „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ грустью. У меня семья на рукахъ. Мнѣ о ней надо думать. Женитьба поведетъ къ осложненіямъ, съ которыми, пожалуй, не справишься“.

Года черезъ два, красавица вышла замужъ за очень умнаго, образованнаго и состоятельнаго человѣка, который сумѣлъ себѣ составить крупную военную карьеру. Я не встрѣчалъ ее уже лѣтъ 15, но, говорятъ, она хороша еще до сихъ поръ, несмотря на свои 50 лѣтъ съ большимъ, большимъ хвостикомъ.

V.

Я сказалъ, что Левицкій былъ узкимъ педантомъ въ своей спеціальности. На этой почвѣ у насъ были частыя ссоры, кончавшіяся, однако, вполнѣ благополучно.

Мнѣ никогда не случалось присутствовать на его лекціяхъ, ни на практическихъ занятіяхъ съ офицерами, но послѣдніе меня увѣряли, что онъ былъ на практическихъ занятіяхъ невыносимъ и что бывали нерѣдкіе случаи, когда, поставивъ, напримѣръ, батарею на планѣ по его указанію, офицеръ черезъ недѣлю, представляя ту же задачу, выслушивалъ отъ Левицкаго, отличавшагося забывчивостью, рѣзкія замѣчанія за расположеніе именно этой самой батареи.

И, зная забывчивость и разсѣянность Левицкаго, допускаю, что въ разсказахъ офицеровъ была доля правды.

Что касается экзаменовъ, то здѣсь онъ дѣйствительно былъ придирчивъ и педантиченъ до невозможности.

Въ то старое время, извѣстныя руководства, какъ напримѣръ книга Карцера о тактикѣ, также грѣшили пунктиками. Напримѣръ, подъ рубрикой — выгоды и недостатки развернутаго строя, значилось: „недостатки развернутаго строя состоятъ въ слѣдующемъ: 1) пальба его, по причинѣ тѣснаго размѣщенія людей, не имѣетъ большой мѣткости, 2) по значительному протяженію фронта, строй этотъ трудно укрывать отъ непріятеля за мѣстными предметами, 3) движеніе въ немъ безъ вздваиванія взводовъ затруднительно, въ особенности на мѣстности сколько-нибудь неровной и т. д., цѣлыхъ шесть пунктовъ.

И вотъ Левицкій требуетъ на экзаменѣ, чтобы офицеръ изложилъ ему выгоды и недостатки развернутаго строя. Офицеръ докладываетъ; сказалъ одинъ, два пункта.

— „А еще?“ говоритъ Левицкій.

Офицеръ, подумавъ, еще добавляетъ одну невыгоду.

— „А еще? продолжаетъ Левицкій. А еще?“

Смущенный офицеръ еще добавилъ что-то.

— „А еще? А еще?“ горячо наступаетъ Левицкій.

Я толкаю его ногой и, прикрываясь программой, говорю: „Да перестань ты приставать къ нему“.

Но Казиміръ не обращаетъ на это вниманія и пытаетъ несчастнаго своими „еще и еще“.

Послѣ окончанія экзаменовъ, въ профессорской—ссора.

— „Послушай, Казиміръ“, говорю я, „охота тебѣ приставать съ своими пунктами“.

— „А ты лучше не мѣшай экзаменовать офицеровъ“, отвѣчаетъ онъ. „Не мѣшай убѣдиться въ степени ихъ знаній“.

— „Да какое же тутъ знаніе—перечислить всѣ пункты, которые значатся въ руководствѣ и сидятъ у насъ съ тобой въ головахъ? При полномъ знаніи предмета, офицеру можетъ на экзаменѣ не придти въ голову тотъ или другой пунктъ, и неужели это будетъ признакомъ незнанія? Нельзя же предположить въ офицерѣ незнанія того, что въ разсыпномъ строѣ можно стрѣлять болѣе мѣтко, чѣмъ въ развернутомъ, или что развернутый строй менѣе удобно укрывать отъ непріятеля за мѣстными предметами, чѣмъ разсыпанныхъ стрѣлковъ, или колонну. Вѣдь это не кадеты, не гимназисты“.

Но Левицкій не соглашался и увѣрялъ, что я отношусь къ дѣлу недостаточно серьезно, что покровительствую незнанію.

Одинъ случай особенно остался у меня въ памяти, п. ч. ссора выходила изъ ряда обыкновенныхъ.

Въ одномъ курсѣ съ Куропаткинымъ, Щербо-Нефедовичемъ, Максимовичемъ и покойнымъ, лѣнивымъ, но даровитымъ Кублицкимъ, былъ молодой гвардейскій уланъ, живой, бойкій, съ симпатичнымъ и умнымъ лицомъ. Поступилъ онъ въ Академію въ числѣ первыхъ. Прекрасно занимался въ году; но во время переходныхъ экзаменовъ, заболѣлъ воспаленіемъ мозга, не сдавъ экзамена изъ тактики. Молодость и здоровая натура побѣдили болѣзнь, но періодъ экзаменовъ уже миновалъ, а перевести въ слѣдующій курсъ, безъ экзамена офицера, хотя и способнаго, выходило изъ общепринятыхъ правилъ; поэтому, когда юноша оправился, начальникъ Академіи назначилъ ему экзаменъ изъ тактики отдѣльно отъ другихъ.

— „Вотъ что, Александръ Николаевичъ, говорилъ мнѣ правитель дѣлъ Академіи Н. П. Глиноецкій, сегодня надо проэкзаменовать С—а, проэкзаменуйте его съ Казиміромъ Васильевичемъ. Только онъ совсѣмъ еще боленъ, едва оправился отъ воспаленія мозга.

— „Какъ же мы будемъ экзаменовать больного, да еще послѣ мозговой болѣзни“, отвѣчалъ я. „Отложите лучше экзаменъ; проэкзаменуемъ, когда онъ оправится“.

— „Невозможно. И то мы откладывали до послѣдняго дня; сегодня именно послѣдній день. Сегодня надо представить списки офицеровъ, перешедшихъ въ старшій курсъ“.

— „А какъ онъ поступилъ въ Академію“?

— „Да въ числѣ первыхъ“.

— „А какъ сдалъ переходный экзаменъ по другимъ предметамъ“?

— „Да тоже прекрасно, пока не заболѣлъ“.

— „Ну что же, Казиміръ, пойдемъ“.

И черезъ нѣсколько минутъ предъ нами предсталъ юноша въ уланскомъ мундирѣ, но съ растерянным лицомъ и мутнымъ взглядомъ, совсѣмъ не похожій на того бойкаго улана, лицо котораго, бывало, такъ и искрилось веселостью и сметкой.

Молодой человѣкъ, очевидно, былъ еще боленъ и вышелъ на экзаменъ потому, что былъ послѣдній день.

Ему предложили билетъ.

Онъ началъ говорить что-то очень путанное и несвязное.

Казиміръ нетерпѣливо сталъ ерзать на стулѣ.

Видя, что дѣло плохо, я предложилъ офицеру оставить билетъ и задалъ ему нѣсколько самыхъ простыхъ вопросовъ. Но и на эти вопросы не послѣдовало отвѣта мало мальски удовлетворительнаго.

Тогда горячо началъ приставать къ нему Левицкій.

Юноша совсѣмъ растерялся.

Я воспользовался небольшимъ перерывомъ въ допросахъ Казиміра и, какъ старшій въ чинѣ, прекратилъ экзаменъ, отпустивъ несчастнаго мученика.

— „Позволь“, вскипѣлъ Левицкій. „Ты мнѣ не далъ его проэкзаменовать“.

— „Да что же мы будемъ его мучить? Вѣдь ты видишь, что онъ совсѣмъ больной, что онъ не вполнѣ соображаетъ даже значеніе задаваемыхъ ему вопросовъ“, и, вставъ, отправился въ профессорскую.

— „Полное незнаніе“, крикнулъ Левицкій на вопросъ Николая Павловича Глиноецкаго, уже приготовившаго экзаменаціонный списокъ.

— „Полное незнаніе, повторилъ Казиміръ. Два балла“.

— „Господь съ тобою, Казиміръ, вѣдь ты же видишь, что человѣкъ совсѣмъ еще боленъ, что у него мозги не пришли еще въ порядокъ.

— „Мнѣ какое дѣло, отвѣчалъ онъ. Мы сюда призваны, чтобы оцѣнивать знаніе, и только знаніе. Мнѣ нѣтъ дѣла до постороннихъ причинъ: у того бабушка заболѣла, у другого тетушка умерла, у этого голова болитъ. Намъ до всего этого нѣтъ дѣла. Насъ пригласили оцѣнить знаніе и только знаніе. Два балла“!

— „Ну зачѣмъ же быть такимъ педантомъ? старался я усовѣстить Казиміра. Офицеръ, несомнѣнно, способный, прекрасно выдержалъ вступительный экзаменъ, такъ же, какъ и всѣ, кромѣ тактики—переводнаго. Чѣмъ онъ виноватъ, что заболѣлъ? Зачѣмъ ты хочешь лишать Генеральный Штабъ способнаго офицера? Поставь ему 8, дай возможность перейти въ старшій курсъ. Окажется плохимъ, забракуемъ его при выпускѣ“.

Надо пояснить, что въ Академіи была принята двѣнадцатибалльная система, при чемъ восемь считалось предѣльнымъ балломъ по главнымъ предметамъ.

— „Полное незнаніе. Два балла, два балла", отвѣчалъ Левицкій.

— „Да, что же ты, какъ сорока затвердилъ—два балла, два балла? разсердился я, не шутя. Отчего не ноль, не единицу, не 3, не 4? Ну, прошу тебя, поставь, хоть 6".

— „Шесть! шесть!—Ни въ какомъ случаѣ. Тебѣ не нравится, что я ставлю два, изволь, я тебя потѣшу, поставлю четыре и больше не прибавлю, что бы ты ни говорилъ. Николай Павловичъ, пишите мой баллъ—четыре".

— „Ну, полно же, Казиміръ, ну, поставь 6".

— „Ни за что. Николай Павловичъ, пишите 4".

— „Извольте, написалъ, говорилъ Глиноецкій. А вашъ баллъ, Александръ Николаевичъ?"

— „Двѣнадцать", отвѣчалъ я твердо и совершенно спокойно.

— „Какъ? вспрыгнулъ Левицкій, что ты изъ экзамена шутки хочешь дѣлать? Это недобросовѣстно. Николай Павловичъ, въ такомъ случаѣ, я ставлю ему ноль".

— „Извини, пожалуйста, но,—разъ поставивъ баллъ, ты не имѣешь права его перемѣнить, примѣняясь къ баллу другого. Это дѣйствительно не шутки. По твоему убѣжденію офицеръ заслуживаетъ четыре, а по моему 12".

— „Такъ какъ же?" вопрошалъ Глиноецкій.

— „Двѣнадцать, двѣнадцать, отвѣчалъ я. Выводите средній баллъ".

— „Двѣнадцать, плюсъ четыре, равно 16". Средній баллъ оказался 8; офицеръ былъ переведенъ въ старшій курсъ.

Ну, и ругалъ же меня Казиміръ! Потащилъ я его къ себѣ обѣдать. Ругался всю дорогу. Пришли домой. Жаловался женѣ моей и только къ концу обѣда, послѣ стакана хорошаго вина и видя мое неизмѣнно веселое, добродушное настроеніе, которымъ отвѣчалъ на его упреки—смягчился и внялъ, наконецъ, моему доводу—„окажется плохимъ, забракуемъ въ будущемъ году".

„Однако не попалъ бы бѣдный юноша для практическихъ занятій къ Казиміру, думалось мнѣ. Заклюетъ, вѣдь". Пришлось на слѣдующій день придти въ Академію пораньше и, взявъ списокъ офицеровъ, отчеркнуть себѣ въ партію шесть человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и бѣдный больной. Затѣмъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не давалъ этому офицеру работать, а черезъ мѣсяцъ увидѣлъ въ немъ опять бойкаго, веселаго, сообразительнаго человѣка, который окончилъ курсъ вторымъ и въ турецкой войнѣ показалъ себя неустрашимымъ и блестящимъ офицеромъ Генеральнаго Штаба, по

*

праву заслужившимъ бѣлый крестикъ—мечту всякаго хорошаго молодого военнаго.

Въ настоящее время этотъ офицеръ состоитъ командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа. Это Владиміръ Александровичъ Сухомлиновъ, всѣми уважаемый и любимый за свой умъ, тактъ, доброжелательность, отзывчивость и прекрасный характеръ [1]).

Я долго не говорилъ ему, до самой смерти Левицкаго, о сценѣ, сопровождавшей его экзаменъ, но, служа одно время правителемъ дѣлъ Академіи, В. А. Сухомлиновъ самъ имѣлъ случай видѣть оригинальный экзаменаціонный списокъ, въ которомъ средній баллъ былъ выведенъ изъ двухъ, поставленныхъ двумя экзаменаторами: одинъ баллъ—4, другой—12. Списокъ этотъ, вѣроятно, хранится до настоящаго времени въ архивѣ Академіи.

Но я убѣжденъ, что, если бы Казиміръ жилъ до сего времени, онъ все-таки продолжалъ бы утверждать, что я былъ не правъ, что отнесся къ дѣлу „не серьезно“. Такой ужъ былъ человѣкъ.

А. Витмеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Писано въ началѣ 1908 года.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864—1909 г. г.) [1]).

ГЛАВА II.

Оставленіе при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію.—Выборъ предмета и главнѣйшія занятія.—Уроки.—Писаніе въ газетахъ.—„Всеобщая Газета“ и „Русскія Вѣдомости“.—Описаніе характерныхъ чертъ А. И. Чупрова.—Магистерскій экзаменъ.—Первоначальная неудача съ поѣздкой за границу.—„Бесѣда“.—С. А. Юрьевъ, А. И. Кошелевъ, А. Н. Островскій, А. Ѳ. Писемскій, Н. М. Богомоловъ и другія встрѣчи и знакомства.—Преподаваніе статистики въ Имп. Техническомъ Училищѣ.—Командировка за границу на два года.—Дрезденъ.—Лейпцигъ и слушаніе лекцій въ тамошнемъ университетѣ.—Сближеніе съ А. И. Чупровымъ.—Мой романъ въ Дрезденѣ и благополучное окончаніе его женитьбой.

Такимъ образомъ опредѣлилась моя будущая жизнь и рѣшился вопросъ о моемъ оставленіи при университетѣ и выборѣ мной педагогической, вмѣсто чисто-юридической профессіи.

Я явился въ нашемъ университетѣ въ нѣкоторомъ родѣ послѣднимъ изъ могиканъ по размѣру вознагражденія. Мнѣ назначена была университетомъ стипендія по старому, 400 рублей въ годъ, что было уже въ послѣдній разъ, ибо позднѣе она была повышена до 600 рублей, и всѣ остальные профессорскіе стипендіаты начали получать эту послѣднюю цифру. Но скажу откровенно, что и 400 рублей для меня казались прекраснымъ пособіемъ для существованія, ибо ничего близкаго къ этому я до тѣхъ поръ безъ особеннаго труда или заработка не получалъ. Отъ университета, какъ говорилъ раньше, я имѣлъ ничтожную стипендію, сначала около шести, затѣмъ около восьми рублей въ мѣсяцъ и, по совѣту пріятелей, находилъ болѣе удобнымъ въ началѣ года писать довѣренность закладчику на полученіе за меня этой стипендіи; разумѣется, со значительной скидкой, но получаемой единовременно отъ него суммы было достаточно, чтобы, напримѣръ,

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1909 г.

хорошо въ началѣ года обмундироваться, на что она чаще всего и употреблялась. Тридцать два руб. съ коп., которые я началъ получать ежемѣсячно послѣ своего оставленія, дали мнѣ возможность оплачивать квартиру и столъ; предстояло, слѣдовательно, добывать деньги только на потребности второго разряда и на прихоти.

Вообще, я держусь того мнѣнія въ вопросѣ о стипендіяхъ, что если малый размѣръ ихъ является нежелательнымъ явленіемъ, ибо на нихъ существовать нельзя, то въ свою очередь крупный размѣръ стипендіи, къ чему теперь такъ стремятся, является даже большимъ зломъ, такъ какъ лишаетъ стипендіатовъ необходимой энергіи для обезпеченія себѣ болѣе комфортабельнаго существованія. Знаменитый Робертъ Моль совершенно справедливо, мнѣ кажется, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, рекомендуетъ умѣренность даже въ назначеніи вознагражденія всѣмъ университетскимъ преподавателямъ.

По существу дѣла мое новое положеніе оставленнаго при университетѣ, для „усовершенствованія въ наукахъ“, какъ объ этомъ оффиціально выражались, весьма мало разнилось отъ стараго студенческаго положенія. Оно означало собственно новыя занятія при старой обстановкѣ. Вмѣсто заботъ объ ежегодномъ писаніи сочиненія, какъ прежде, и приготовленія къ ежегоднымъ экзаменамъ, я долженъ былъ за два года сразу сдать свой магистерскій экзаменъ изъ двухъ предметовъ, финансоваго права и политической экономіи со статистикой вмѣсто того, чтобы разбрасываться по множеству наукъ, изъ которыхъ прежде готовился къ экзамену. Кстати я объясню здѣсь, какимъ образомъ и почему я избралъ финансы моимъ главнымъ и спеціальнымъ предметомъ занятій. Собственно, какъ я говорилъ раньше и, какъ это даже видно изъ воспоминаній моего дѣтства и отрочества, напечатанныхъ нѣкогда въ „Вѣстникѣ Воспитанія“, у меня очень рано развились вкусы экономиста. Я съ одинаковымъ почти жаромъ читалъ и интересовался сочиненіями по аграрному вопросу, по свободной торговлѣ и по налогамъ, и по вопросу о рождаемости въ какомъ-нибудь городѣ или странѣ. Скорѣе всего и ближе было бы мнѣ избрать своимъ главнымъ предметомъ политическую экономію и статистику, а не одинъ лишь отдѣлъ первой науки, который у насъ помѣщенъ въ университетской программѣ особо, подъ отдѣльнымъ наименованіемъ финансоваго права или науки о финансахъ. Когда Ф. Б. Мильгаузенъ второй разъ, по подачѣ мной кандидатскаго разсужденія, повторилъ свое предложеніе, не желалъ ли бы я избрать себѣ профессуру и быть оставленнымъ при университетѣ, то я прямо заявилъ ему, послѣ тѣхъ колебаній, которыя выше были описаны, что желаю и готовъ это

сдѣлать, по предмету политической экономіи и статистикѣ. На это получилъ отъ него отвѣтъ, что, къ сожалѣнію, такъ какъ онъ этихъ наукъ въ университетѣ не представляетъ, а финансовое право, то и не можетъ меня предлагать по нимъ. „Ранѣе сдѣланное предложеніе относится-де исключительно къ финансовому праву и финансовымъ наукамъ, но что мнѣ нѣтъ никакого основанія по этому поводу колебаться или измѣнять свое рѣшеніе, ибо финансовая наука въ сущности представляетъ лишь одинъ отдѣлъ политической экономіи и, за исключеніемъ нѣмцевъ, у большинства образованныхъ народовъ входитъ непосредственно, какъ часть цѣлаго въ общую науку политической экономіи и народнаго хозяйства; наконецъ, если мой предметъ будетъ оффиціально ограниченъ финансовымъ правомъ, то второй по важности предметъ, изъ котораго потребуются также экзаменъ и обязательныя занятія, будетъ также политическая экономія и, Богъ вѣсть, въ будущемъ, не придется ли мнѣ, можетъ быть, даже ее читать по той или иной причинѣ. Кромѣ того не надо упускать изъ виду, что онъ-де, Мильгаузенъ, уже старъ, ему остается только 2 года до пенсіи, за которой непремѣнно по слабости здоровья ему придется уйти въ отставку. Напротивъ, Бабстъ, относительно человѣкъ молодой, пробудетъ еще въ университетѣ долго и о преемникахъ для себя вовсе не думаетъ“. Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о выборѣ предмета, и я сдѣлался оффиціальнымъ финансистомъ, питая всегда больше симпатіи къ занятіямъ и чтенію, въ широкомъ размѣрѣ, по наукѣ народнаго хозяйства и особенно ея прикладной части (Volkswirtschaftspolitik).

Главный вопросъ, который впрочемъ мнѣ предстоялъ, это трудъ по изученію иностранныхъ языковъ, ибо, какъ мнѣ было хорошо извѣстно, согласно установившемуся обычаю въ нашемъ университетѣ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ я обязанъ былъ приготовиться къ магистерскому экзамену, а затѣмъ, по успѣшной сдачѣ его, университетъ начиналъ обыкновенно, если не было своихъ личныхъ средствъ, хлопотать передъ Министерствомъ о командированіи за границу, съ большимъ, относительно, содержаніемъ въ полторы тысячи рублей, также на два года—для приготовленія диссертаціи и полученія профессуры. Разумѣется, для этого путешествія и окончательной промоціи необходимо было знакомство съ иностранными языками, особенно съ нѣмецкимъ, такъ какъ мы всѣ ѣздили по преимуществу, если не исключительно, учиться къ нѣмцамъ въ Германскіе университеты, представляя полугодично, а сначала даже по 3 или 4 мѣсяца, отчетъ о своихъ занятіяхъ,—крайне убійственная и обременительная формальность, не достигавшая никакой цѣли, кромѣ отнятія дорогого времени. Еще въ Рязанской гимназіи,

раньше всѣхъ другихъ иностранныхъ языковъ, тринадцати съ небольшимъ лѣтъ, я имѣлъ довольно странный поводъ и случай испытать себя, въ нѣсколько мѣсяцевъ выучившись довольно бойко читать по-англійски, не зная еще ни одного иностраннаго языка, какъ это подробно объяснено въ моихъ дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаніяхъ. Это произошло слѣдующимъ образомъ. На мое дѣтское воображеніе сильно повліялъ въ Шекспировскихъ пьесахъ заѣзжій американскій актеръ негръ Айра Ольриджъ, который игралъ главнѣйшія пьесы Шекспира во многихъ русскихъ городахъ, въ томъ числѣ, кромѣ столицъ, также и въ городѣ Рязани, гдѣ я учился въ гимназіи. Посѣщая его въ Москвѣ во время вакацій и очарованный донельзя его игрой, я сокрушался тѣмъ, что ничего, конечно, изъ его игры не понимаю, и зная хорошо черезъ знакомыхъ, что тотъ же Ольриджъ приглашенъ играть въ рязанскомъ городскомъ театрѣ черезъ три или четыре мѣсяца, рѣшился за это сравнительно короткое время направить всѣ усилія и изучить англійскій языкъ, хотя бы настолько, чтобы понимать большую часть его рѣчи, съ помощью книги въ рукахъ. Упорнымъ трудомъ и настояніями и къ моему великому удовольствію достигъ этой цѣли и черезъ три мѣсяца, съ книжкой Шекспира въ миніатюрномъ изданіи, отъ слова до слова почти понималъ, что говорилъ Ольриджъ. Поэтому, естественно, и выборъ мой для чтенія помимо русской литературы преимущественно тяготѣлъ къ англійской; но какъ разъ, какъ всѣмъ извѣстно, наша наука „финансы“ преимущественно германскаго происхожденія, и нуженъ былъ нѣмецкій языкъ, болѣе трудный, чѣмъ англійскій и который я зналъ сравнительно слабо. По-французски я выучился въ гимназіи относительно недурно, обмѣниваясь съ товарищемъ, съ которымъ вмѣстѣ уговорился брать уроки у нашего француза, а за это состоялъ его репетиторомъ по другимъ предметамъ; но по-нѣмецки я ничего не сдѣлалъ въ этомъ родѣ и, поступивши въ университетъ, могъ читать развѣ самыя элементарныя нѣмецкія книжки; вотъ поэтому и было преимущественно направлено на этотъ языкъ мое вниманіе. Я постарался завести у себя главнѣйшіе учебники по финансовой наукѣ и политической экономіи и старательно читалъ ихъ съ лексикономъ, измѣняя иногда чтеніе на романы, которые, по правдѣ сказать, не исключая Шиллера и особенно Гёте, я читалъ не слишкомъ охотно, несмотря на все мое желаніе поскорѣе изучить языкъ. Всѣ нѣмецкіе классики мнѣ представлялись слишкомъ тяжеловѣсными и отвлеченными сравнительно съ любимыми мной англійскими поэтами и романистами, начиная съ Шекспира и оканчивая моими любимѣйшими писателями, Дик-

кенсомъ, Томасъ Муромъ и Бёрнсомъ; изъ послѣдняго я зналъ очень много наизусть. Хорошей практикой въ нѣмецкомъ языкѣ для меня былъ довольно легковѣсный нѣмецкій экономистъ, Максъ Виртъ, котораго я перечиталъ нѣсколько разъ за хорошій языкъ, и извѣстный учебникъ Рау, который я штудировалъ, постоянно конспектируя, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ положеніи и въ каждой отдѣльной мысли. По-французски я читалъ отрывочно, что придется, но языкъ этотъ всегда какъ-то давался особенно легко. Латинскій языкъ, въ которомъ я оказывалъ значительные успѣхи въ гимназіи, къ сожалѣнію, постепенно забывался, но тѣмъ не менѣе на своихъ экзаменахъ при отвѣтахъ по средневѣковой исторіи, гдѣ нерѣдко встрѣчались латинскія сентенціи, мнѣ приходилось поправлять ошибки студентовъ-классиковъ. Такимъ образомъ цѣль достигалась, и къ окончанію университетскаго курса я уже довольно свободно читалъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, что и требовалось для занятій.

Какъ нарочно, во время моего оставленія при университетѣ, можетъ быть, даже благодаря самому званію магистранта, шли предложенія тѣхъ или иныхъ очень выгодныхъ и хорошо оплачиваемыхъ уроковъ, хотя въ финансовомъ отношеніи они даже для меня не играли теперь большой роли при полученіи хорошей стипендіи, но важны были лишь потому, что расширяли кругъ моихъ знакомствъ и доставляли пищу для моей житейской опытности и развитія. Такимъ урокомъ, напримѣръ, были весьма продолжительныя и хорошо оплачиваемыя занятія съ сыномъ извѣстной въ Москвѣ Минодоры Карловны Мухановой, имѣвшей обширную родню въ аристократическомъ мірѣ, съ которой мнѣ пришлось тогда сблизиться. Ея мужъ нѣкогда, если не ошибаюсь, былъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а братъ губернаторомъ. Въ домѣ послѣдняго (гр. Сиверсъ), между прочимъ (противъ Англійскаго Клуба на Тверской), мнѣ пришлось въ качествѣ учителя его племянника, временно почему-то у него проживавшаго, участвовать въ одномъ интересномъ по какому-то поводу завтракѣ, на который былъ приглашенъ знаменитый тогда артистъ Малаго театра Провъ Садовскій, который безподобно разсказывалъ свой извѣстный юмористическій разсказъ объ англичанинѣ и русской „смѣкалкѣ“, вызывавшій непрерывный хохотъ присутствовавшихъ и памятный мнѣ до сихъ поръ. Урокъ этотъ былъ для меня очень труденъ, несмотря на всѣ его привлекательныя стороны, потому что ученикъ Я. Мухановъ, уже довольно великовозрастный, былъ малый не глупый, но очень лѣнивый и избалованный, и мнѣ нужно было очень сдерживаться и бороться съ собой, чтобы избѣжать вспышекъ гнѣва и заставить себя ува-

жать. Любящая мать была слишкомъ слаба, чтобы съ нимъ справиться, и откровенно мнѣ заявляла, что Яшенька все-таки меня болѣе слушаетъ, потому что боится моей физической силы, очевидно, большей, чѣмъ его собственная!!..

Изъ другихъ родственниковъ г-жи Мухановой мнѣ пришлось такъ же познакомиться съ вдовой ея умершаго сына, урожденной, если не ошибаюсь, княжной Голицыной, которая вышла второй разъ замужъ за извѣстнаго свѣтлѣйшаго князя Ливенъ, имѣя двухъ мальчиковъ отъ покойнаго Муханова, которыхъ мнѣ пришлось нѣсколько мѣсяцевъ обучать. Въ ея лицѣ я въ первый разъ увидѣлъ красивую и дѣйствительно свѣтскую даму, весьма умную и занимательную, которая умѣла очень интересно бесѣдовать. Двое ея мальчиковъ, имена которыхъ я забылъ, но помню—въ семьѣ были извѣстны подъ греческими именами, или точнѣе прозвищами въ воспоминаніе о Константинополѣ, гдѣ ея покойный мужъ служилъ въ посольствѣ,—Микро и Макро. Одинъ изъ нихъ умеръ отъ какой-то дѣтской болѣзни, и это положило конецъ моему уроку. Другой же выросъ и сдѣлался, если не ошибаюсь, черниговскимъ предводителемъ дворянства, который недавно сравнительно надѣлалъ столько шуму, сначала своими столкновеніями съ Плеве, а затѣмъ дѣятельностью въ политической партіи кадетъ. Вмѣстѣ съ ними принималъ участіе въ обученіи маленькій Ливенъ, сынъ второго супруга бывшей г-жи Мухановой, если не ошибаюсь, впослѣдствіи управлявшій крестьянскимъ и дворянскимъ земельными банками. Теперь всѣ они уже умерли и съ дѣтства мнѣ не пришлось больше никого изъ нихъ видѣть. Этотъ же случай далъ мнѣ возможность видѣть, хотя и мелькомъ, всю семью Ливенъ въ ихъ домѣ въ Москвѣ, гдѣ двое мальчиковъ изъ трехъ, по поводу какой-то эпидеміи, были отдѣлены и помѣщены у своего дѣдушки. Въ числѣ другихъ, я припоминаю, имѣлъ удовольствіе видѣть еще маленькую дѣвицу, одну изъ княженъ Ливенъ, Екатерину Александровну, впослѣдствіи супругу моего несчастнаго товарища Николая Павловича Боголѣпова, такъ фатально и рано кончившаго свою жизнь отъ руки убійцы.

Въ началѣ 70-хъ годовъ немаловажнымъ факторомъ въ моей жизни можетъ считаться сближеніе съ Игнатіемъ Игнатіевичемъ Родзевичемъ, младшимъ братомъ уже вышеупомянутаго товарища и друга Николая Игнатіевича. Большой несчастливецъ въ своей жизни, Игнатій Игнатіевичъ былъ прирожденнымъ литераторомъ и видимо предназначенъ былъ рано сдѣлаться имъ, владѣя хорошо перомъ и даже стихомъ. Но всѣ попытки его въ этомъ отношеніи, встрѣчая китайскую стѣну цензурныхъ запрещеній и стѣсненій,

терпѣли фіаско и кончились ничѣмъ. Ему пришлось относительно недавно скончаться, гдѣ-то подъ Петербургомъ, по слухамъ въ значительной бѣдности и съ разбитымъ отъ неудачъ сердцемъ. Между тѣмъ, я мало зналъ въ жизни столь веселыхъ, жизнерадостныхъ людей въ ихъ молодости, какъ сравнительно былъ Игнатій Игнатіевичъ. Мы съ нимъ сошлись и сблизились въ началѣ 70-хъ годовъ, именно на литературномъ поприщѣ. Я сдѣлалъ попытку пописывать статейки въ газетахъ; у меня начинался по временамъ какъ бы зудъ въ рукахъ попробовать, попытать свои силы. Какъ разъ въ это время я встрѣтился съ нимъ и настолько сблизился, что одно время, даже мы жили вмѣстѣ на Тверской въ большомъ домѣ надъ кондитерской Альбера. Онъ меня, между прочимъ, притянулъ впервые къ постоянному участію въ ежедневной, такъ называемой „Всеобщей Газетѣ“, издаваемой редакторомъ Иваномъ Николаевичемъ Кушнеревымъ, который не пріобрѣлъ ни особенной славы, ни денегъ газетной дѣятельностью и обратно имѣлъ значительный успѣхъ впослѣдствіи въ качествѣ одного изъ крупныхъ нашихъ типографщиковъ, основателя извѣстной книгопечатни, до сихъ поръ существующей въ Москвѣ.

Для меня имѣетъ интересъ воспоминаніе о Кушнеревской газетѣ потому именно, что я здѣсь познакомился впервые съ большимъ числомъ представителей литературной богемы, съ ихъ нравами и обычаями и образомъ жизни, которую пришлось бокъ о бокъ съ ними вести. Очень скоро по вступленіи въ редакцію этой газеты, гдѣ самъ почтенный Иванъ Николаевичъ Кушнеревъ ничего не писалъ, а Игнатій Игнатіевичъ писалъ наоборотъ очень много по литературнымъ вопросамъ и фельетону; мнѣ былъ предоставленъ экономическій отдѣлъ и статьи по разнымъ предметамъ, гдѣ я преимущественно и спеціализировался. Смѣшно теперь вспомнить, на какихъ условіяхъ мы тогда работали въ газетѣ, и какъ Иванъ Николаевичъ безцеремонно насъ прижималъ. Обоимъ, главнымъ одно время сотрудникамъ, Родзевичу и мнѣ, онъ платилъ, несмотря на довольно значительное распространеніе его газеты, по 20 рублей въ мѣсяцъ и сверхъ того, впрочемъ, отъ $1^1/_2$ до коп. за строчку съ обязательствомъ въ теченіе недѣли поставить, если память не измѣняетъ, по четыре большихъ статьи. Я помню, какъ моя фантазія очутилась первый разъ въ сильныхъ тискахъ выжать изъ себя тему для будущей статьи, и какъ я такую тему разыскивалъ вездѣ, бросаясь съ газеты на газету и отъ одного лица къ другому. Это было тѣмъ труднѣе, что Иванъ Николаевичъ очень скупился и кромѣ русскихъ газетъ, въ обмѣнъ, не выписывалось въ редакціи ни одной иностранной. Слѣдовательно, и кругъ заимствованій и компиляцій у насъ былъ съ Игнатіемъ Игнатіеви-

чемъ весьма урѣзанъ и ограниченъ. Я помню, съ какой жадностью мы бросались на разрозненные №№ иностранныхъ газетъ, которые какъ-либо случайно къ намъ попадали въ руки отъ постороннихъ лицъ.

Газета Кушнерева издавалась съ перемѣннымъ счастьемъ, въ началѣ шла довольно бойко, но затѣмъ подписка и розничная продажа, которая давала хорошій доходъ, упали, можетъ быть отъ нашего неумѣлаго участія, а громовыя статьи по нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ по университетскому, которыми отличался особенно Игнатій Игнатіевичъ, вызывали нѣсколько разъ административныя кары и предостереженія. Тогда Кушнеревъ, вмѣсто закрытой газеты, довольно быстро и ловко являлся на свѣтъ съ новой газетой и, помнится мнѣ, раза два просилъ Игнатія Игнатіевича и меня, когда дѣла болѣе и болѣе запутывались, писать прямо на предостереженіе!!

„Всеобщая Газета“ Кушнерева, и подъ другимъ названіемъ, которое она нѣсколько разъ мѣняла, несомнѣнно относительно была газетой честной, т. е. непродажной. Никакой умышленной лжи отъ насъ, молодыхъ сотрудниковъ, не могло выйти. Изъ другихъ сотрудниковъ припоминаю такихъ, напримѣръ, какъ покойный статистикъ Василій Ивановичъ Орловъ, московскій городской статистикъ Бочаровъ, мой рязанскій товарищъ Кочергинъ и другіе. Если газеты Кушнерева не были впрочемъ прямо не честны, то въ нихъ много было школьничества и молодого дурачества. Такъ во время франко-прусской войны, какъ и во всей почти русской печати, за исключеніемъ, кажется „Московскихъ Вѣдомостей“, общія симпатіи газетъ вторили голосу публики и были на сторонѣ французовъ. Съ нѣмцами мы поступали довольно безцеремонно. Такъ припоминаю я, напримѣръ, слѣдующій случай: разъ отъ г-жи Мухановой я принесъ послѣдній № Journal de St.-Pétersbourg. Не помню кто, Игнатій Родзевичъ или другой сотрудникъ, съ любопытствомъ набросились на него, нельзя ли что-нибудь извлечь изъ извѣстій помимо наскучившихъ русскихъ газетъ. И вотъ, какъ разъ, отыскивается тамъ мелкимъ шрифтомъ напечатанное сенсаціонное извѣстіе, заимствованное изъ какой-то маленькой мѣстной французской газеты, что при занятіи прусскими войсками такой-то французской крѣпости, и вступленіи въ нее войскъ, послѣдовалъ страшный взрывъ. „Прусскія потери исчисляются до ста тысячъ человѣкъ“... Мы сами сомнѣвались въ точности этого извѣстія, разумѣется, но одинъ изъ сотрудниковъ довольно резонно замѣтилъ: „что же намъ жалѣть пруссаковъ, въ особенности на бумагѣ“. На другой день московскіе бульвары и улицы оглашались громкими криками: крѣпость такая-то занята

пруссаками, сто тысячъ пруссаковъ взлетѣли на воздухъ!" Газета раскупалась на расхватъ, и къ 12-и часамъ продано было все изданіе!

Наконецъ „Всеобщая Газета", подъ тѣмъ или инымъ названіемъ, я не помню, была пріостановлена уже на довольно продолжительное время, и мы съ Родзевичемъ остались такимъ образомъ вновь безъ литературной работы, къ которой привыкли. Я не помню, какъ поступилъ въ данномъ случаѣ Игнатій Игнатіевичъ, кажется, уѣхалъ въ Рязань, для меня же, до прекращенія моей магистрантской стипендіи, этотъ фактъ составлялъ еще полъ-бѣды. Я отнесся къ нему довольно легко, тѣмъ болѣе, что въ это время, черезъ посредство своего товарища Александра Сергѣевича Посникова (нынѣ профессора и директора Политехническаго Института въ Петербургѣ), я завелъ знакомство съ „Русскими Вѣдомостями" въ лицѣ ихъ редактора Николая Семеновича Скворцова. Многіе сторожилы въ Москвѣ, вѣроятно, еще помнятъ этого извѣстнаго общественнаго дѣятеля, несомнѣнно обладавшаго значительными достоинствами и набившаго руку на газетномъ дѣлѣ. Изъ маленькой незначительной газеты, какими были прежде, во времена Павлова, „Русскія Вѣдомости", онъ сумѣлъ первый сдѣлать весьма распространенный органъ съ извѣстной физіономіей, несмотря на всю трудность, благодаря цензурѣ, въ тогдашнемъ литературномъ дѣлѣ, и для его изданія была уже въ нѣкоторомъ смыслѣ проложена дорога для будущаго и навербованы привычные читатели. Но не отрицая этого достоинства почтеннаго редактора, нельзя не вспомнить также объ его извѣстныхъ всей Москвѣ недостаткахъ, какъ разсѣянность и безалаберность, вслѣдствіе которыхъ серьезно участвовать, какъ я слышалъ въ свое время, въ его газетѣ было дѣломъ весьма труднымъ. Онъ, какъ правило, напримѣръ, на письма никогда не отвѣчалъ, что я испыталъ на собственной своей шкурѣ въ бытность впослѣдствіи за границей сотрудникомъ этой газеты. Николай Семеновичъ, несомнѣнно, былъ человѣкъ честный, но что же толку въ этой добродѣтели, когда нельзя было, напримѣръ, вырвать изъ его кассы, часто впрочемъ, пустующей и помимо его вины, своего долга иначе, какъ явившись къ нему по этому поводу нѣсколько разъ лично (я вернусь къ этому вопросу позднѣе еще разъ)!!?.

„Русскія Вѣдомости", въ то время, когда я ихъ узналъ, уже вращались въ рукахъ приличной публики и издавались довольно порядочно, хотя еще очень скудно, по недостатку часто денегъ въ кассѣ. Къ постояннымъ сотрудникамъ принадлежалъ Александръ Петровичъ Лукинъ, которому впрочемъ редакторъ почему-то ходу не давалъ. Одно время, близкое участіе принималъ извѣстный экономистъ Митрофанъ Пав-

ловичъ Щепкинъ; довольно рано въ нихъ начали участвовать такіе сотрудники, какъ А. С. Посниковъ и Александръ Ивановичъ Чупровъ, хотя они пописывали лишь изрѣдка. Въ это время, именно привлеченъ также и я былъ ими къ сотрудничеству въ газетѣ. Не набивши еще руку, не умѣя схватить живыхъ темъ изъ хода современной жизни, я болѣе впрочемъ ограничивался разными компиляціями и статейками по личному указанію самого редактора. Обыкновенно я обращался къ самому Николаю Семеновичу съ просьбой, не будетъ ли какой-нибудь работы, и получалъ отъ него одинъ изъ многочисленныхъ отчетовъ, присланныхъ въ редакцію для разбора. Такъ первое время я написалъ, напримѣръ, тамъ нѣсколько извлеченій изъ извѣстнаго Военно-Статистическаго Сборника (т. V) и разныхъ отчетовъ Святѣйшаго Сунода и иныхъ правительственныхъ и особенно благотворительныхъ учрежденій. Собственно говоря лишь послѣ моего отбытія за границу я началъ присылать въ „Русскія Вѣдомости“ самостоятельныя статьи по моему личному выбору; между прочимъ довольно много статеекъ по рабочему вопросу и государственному вмѣшательству—изъ Германіи и очерковъ по модному позднѣе вопросу о спиритизмѣ—изъ Лондона.

Къ этому же времени, къ началу 70-хъ годовъ, относится мое знакомство съ моимъ почтеннымъ товарищемъ Василіемъ Михайловичемъ Соболевскимъ, нынѣ редакторомъ этихъ самыхъ „Русскихъ Вѣдомостей“, а тогда онъ еще въ нихъ участія не принималъ, хотя знакомъ со Скворцовымъ, кажется, уже былъ, вѣроятно, черезъ того же Посникова. Василій Михайловичъ былъ моимъ однокашникомъ по курсу и факультету, но знакомы мы съ нимъ въ стѣнахъ университета не были, а только познакомились въ это время, т. е. скоро по окончаніи курса и оставленіи моемъ для приготовленія къ магистерскому испытанію. Къ этому же, примѣрно, времени, или нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, относится и начало моего знакомства съ моимъ будущимъ тогда уважаемымъ другомъ и сотоварищемъ по профессурѣ Александромъ Ивановичемъ Чупровымъ.

А. И. Чупровъ такая крупная личность въ жизни русскаго образованнаго общества и спеціально Московскаго университета и моей личной, что, конечно, заслуживаетъ описанія и сообщенія всего, что я о немъ помню. Мы съ нимъ переписывались при томъ вплоть до его кончины (послѣднее письмо отъ него ко мнѣ изъ Мюнхена пришло за недѣлю до его смерти), и мнѣ придется нѣсколько разъ о немъ говорить, конечно, чтобы исчерпать все то, что я считаю заслуживающимъ вниманія въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. О немъ столько писали и говорили послѣ его внезапной кончины, что трудно, конечно, сказать что-либо новое или неизвѣстное. По

неволѣ приходится повторять многое раньше сказанное, добавляя обратно съ некрологами, указаніями рядомъ съ его высокими достоинствами и на тѣ маленькіе недостатки, которые и ему были не чужды, какъ всякому человѣку, хотя бы и самому совершенному.

Странно сознаться, но я долженъ при всей моей искренней, глубокой любви и уваженіи къ покойному, заявить, что первое мое впечатлѣніе при первой нашей встрѣчѣ и знакомствѣ съ Александромъ Ивановичемъ было, обратно съ большинствомъ о немъ мнѣній, далеко и не всецѣло въ его пользу. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ или даже лѣтъ, прежде чѣмъ онъ завоевалъ прочно мою симпатію и затѣмъ, завладѣвая ею все болѣе и болѣе, сдѣлался мнѣ близкимъ и дорогимъ человѣкомъ, смерть котораго я оплакивалъ самымъ искреннимъ образомъ. Изложу вкратцѣ эти противорѣчія моихъ впечатлѣній. Александръ Ивановичъ, своимъ огромнымъ умомъ и умѣніемъ схватить каждый вопросъ съ его надлежащей и болѣе выгодной стороны, поражалъ, вѣроятно, всѣхъ рѣшительно. Для оцѣнки этого качества достаточно было самой небольшой бесѣды съ нимъ. Въ то уже время, благодаря своей опытности и наблюдательности, онъ умѣлъ, какъ самъ, помню, не однажды мнѣ сознавался, изъ каждаго своего собесѣдника обнаружить и извлечь его наиболѣе выгодныя стороны и свѣдѣнія. Этимъ онъ сразу, такъ сказать, по русской поговоркѣ, однимъ выстрѣломъ умѣлъ убивать двухъ зайцевъ и извлекалъ все наиболѣе интересное отъ лица, съ нимъ бесѣдующаго, въ то же время невольно этимъ привлекалъ къ себѣ симпатіи говорившаго, который, поощряемый интересной встрѣчей, выкладывалъ обыкновенно болѣе или менѣе быстро все, что имѣлъ за душой, и съ большой симпатіей начиналъ уже въ свою очередь ухаживать за Александромъ Ивановичемъ.

При множествѣ встрѣчъ Александра Ивановича съ различными людьми на моихъ глазахъ въ теченіе нашего продолжительнаго (почти 40-лѣтняго) знакомства и дружественной близости, я всегда замѣчалъ у него какъ бы одну и ту же тактику: для каждой особы былъ у него и особый разговоръ, и въ результатѣ онъ завоевывалъ вполнѣ чужое расположеніе. Приведу конкретный случай нашего послѣдняго съ нимъ свиданія въ 1906 году и прогулки (по моему приглашенію) изъ Висбадена на извѣстный Нидервальдъ, гдѣ находится знаменитая статуя „Германіи“ на берегу Рейна. Въ прекрасный лѣтній день мы доѣхали съ нимъ изъ Висбадена до вершины Нидервальда, пообѣдали хорошо въ извѣстномъ Jagdschlosshotel и оттуда пѣшкомъ старчески-неторопливо, останавливаясь на всѣхъ лучшихъ видахъ и пунктахъ надъ Рейномъ, дошли (версты 3) до знаменитой статуи „Германіи“, прослушали тамъ, подпѣвая извѣстный гимнъ „Die Wacht

am Rhein“ и спустились внизъ въ Рюдесгеймъ по зубчатой дорогѣ. При этой послѣдней пріятнѣйшей прогулкѣ съ моимъ покойнымъ другомъ, я имѣлъ случай сотый разъ наблюдать рельефно выдававшіяся особенности характера милаго Александра Ивановича. Во время обѣда, на террассѣ въ Jagdschlosshotel онъ такъ восторженно расхваливалъ знаменитый красный рейнвейнъ этой мѣстности „Асмансгейзеръ“, что хозяинъ гостинницы, оказавшійся однимъ изъ крупныхъ владѣльцевъ виноградниковъ въ Асмансгаузенѣ, не могъ удержаться, чтобы не подойти къ нашему столу и почтительно представиться профессору Чупрову изъ благодарности за лестное мнѣніе, которое онъ понялъ безъ языка, по однимъ его жестамъ съ рюмкой въ рукахъ. Александръ Ивановичъ Чупровъ видимо обрадовался случаю побесѣдовать по этому вопросу и немедленно перевелъ свой разговоръ на нѣмецкій языкъ, расхвалилъ до небесъ вино, почему вынудилъ взять для пробы еще нѣсколько бутылокъ краснаго рейнвейна и началъ подробно выпытывать и разспрашивать хозяина, какъ онъ въ своемъ огромномъ, какъ оказалось скоро, виноградномъ хозяйствѣ, оборачивается, какъ поддерживаетъ культуру этихъ прекрасныхъ Бургундскихъ лозъ, не вырождаются ли онѣ, не приходится ли въ борьбѣ съ филлоксерой совсѣмъ ихъ уничтожать, замѣняя чужими лозами, какъ онъ выдерживаетъ вино, какъ вообще великъ весь оборотъ рѣдкаго краснаго рейнвейна, и т. д., и т. д. Хозяинъ былъ совершенно очарованъ и все время непрестанно около насъ вертѣлся и занималъ Александра Ивановича сообщеніемъ свѣдѣній, обѣщалъ ему выслать письменные и печатанные матеріалы по винодѣлію, спеціально Рейнгау и т. д., и долго провожалъ насъ по дорогѣ отъ гостинницы къ статуѣ „Германіи“ съ снабженіемъ разныхъ свѣдѣній и указаній, поклонами и просьбами не оставить и еще разъ когда-нибудь оказать честь посѣтить его погреба внизу въ Асменсгаузенѣ, гдѣ торжественно обѣщался самымъ наилучшимъ образомъ познакомить Александра Ивановича со всѣмъ своимъ дѣломъ и сдѣлать также распоряженіе на случай своего отсутствія.

Слѣдующая наша остановка была въ башнѣ, въ искусственной руинѣ, недалеко отъ отеля, съ хорошимъ видомъ на Рюдесгеймъ и Рейнъ. И вотъ Александръ Ивановичъ немедленно, какъ пчела отыскиваетъ цвѣтокъ, находитъ себѣ интереснаго собесѣдника въ лицѣ сторожа этой башни, который оказался тоже владѣльцемъ маленькаго виноградника, какъ бы представляя собою другой полюсъ въ сравненіи съ хозяиномъ Jagdschlosshotel'я. И затѣмъ вновь сыплятся разспросы Александра Ивановича и охотная рѣчь расположеннаго уже къ нему нѣмца-крестьянина. Онъ подробно передалъ

Александру Ивановичу свои радости и горе, сколько онъ получаетъ и въ чемъ опасность его занятія, какъ ихъ, мелкихъ виноградарей, притѣсняютъ при скупкѣ вина такіе крупные господа, какъ хозяинъ Jagdschlosshotel'я, какъ ему приходилось бѣдствовать, когда посѣтила его филлоксера, какъ онъ распредѣляетъ силы своей семьи единовременно на разработку виноградника и для пріема посѣтителей башни, которая тоже доставляетъ ему небольшой доходъ, и т. д. и т. д. Оба до такой степени дружественно погрузились въ обмѣнъ своихъ мыслей и интересовъ, что стоило мнѣ большихъ усилій, а нашимъ дамамъ—смѣха, сдвинуть наконецъ Александра Ивановича съ мѣста, оторвать отъ собесѣдника, чтобы идти дальше...

Скоро мы дошли до знаменитой статуи „Германіи“ съ ея очаровательнымъ Aussichtspunkt'омъ, полюбовались видомъ, пропѣли своими старческими фальшивыми голосами, по возможности въ унисонъ съ большой толпой нѣмцевъ-нѣвцовъ, рейнскій гимнъ; говорить Александру Ивановичу не пришлось ни съ кѣмъ, но вотъ, прошли мы нѣсколько шаговъ до станціи зубчатой дороги, гдѣ пришлось нѣсколько минутъ дожидаться отхода поѣзда, и Чупровъ уже поймалъ сторожа, обходившаго свой участокъ линіи и, провожая его, сталъ съ нимъ горячо объясняться; затѣмъ, подойдя къ дамамъ, онъ привлекъ вниманіе передачей сообщеній дорожнаго сторожа. Оказалось, что сторожъ получаетъ какое-то самое скудное вознагражденіе за много часовъ службы, требующей большой внимательности. На зиму движеніе этой горной линіи для туристовъ прекращается, а съ нимъ и заработокъ сторожа, а тѣмъ не менѣе онъ мечтаетъ съ удовольствіемъ, если бы на будущій годъ ему пришлось поступить на эту же самую дорогу. Александръ Ивановичъ усердно взвѣшиваетъ и обсуждаетъ, какимъ образомъ можетъ существовать такая аномалія, такой ничтожный заработокъ, едва-ли не ниже нашего русскаго, который постоянно осуждается, какъ ничтожный, что заставляетъ примиряться съ его размѣрами, и можетъ ли этотъ требующій большой осторожности трудъ, отъ котораго зависитъ жизнь многихъ пассажировъ, оплачиваться такъ низко?.. Сторожъ нѣсколько разъ кивалъ Александру Ивановичу, а тотъ привѣтливо ему что-то крикнулъ, когда мы усѣлись, наконецъ, въ открытые вагоны, и поѣздъ двинулся.

Вотъ реальный образчикъ отношенія Александра Ивановича Чупрова къ каждому лицу, съ которымъ онъ только встрѣчался. Онъ какъ-то умѣлъ сразу выбрать истинный штандпунктъ и завоевать вниманіе и симпатіи слушателя. Такимъ онъ былъ со студентами, такимъ со своими друзьями и товарищами, такимъ онъ былъ и съ лицами, совсѣмъ незнакомыми, при случайныхъ встрѣчахъ.

Эта черта характера Чупрова составляла его великую выгодную сторону въ отношеніи людей, а также и слабую; отыскивая въ обращеніи къ человѣку, что̀ для него лично особенно важно и пріятно, Александръ Ивановичъ несомнѣнно проглядывалъ отрицательныя стороны своихъ слушателей и относился съ своей гуманной, неотразимо привлекательной искренностью и любовностью иногда къ людямъ, не стоющимъ такого довѣрія и искренности, а это въ свою очередь вызывало у другихъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями и наблюдателями и недостаточно его знавшихъ, естественное сомнѣніе: „да полно, искренній ли Чупровъ человѣкъ, думаетъ ли онъ, дѣйствительно, то, что говоритъ“?!

По этимъ именно причинамъ первое время знакомства съ Александромъ Ивановичемъ я не могъ его такъ цѣнить и любить, какъ впослѣдствіи, когда постепенно и вполнѣ убѣдился и увѣровалъ въ каждое его слово и полное благородство его души. Меня невольно смущали въ то время одинаковые почти восторженные отзывы о немъ отъ лицъ самаго разнаго нравственнаго калибра и сложенія. Александра Ивановича хвалилъ и восторгался имъ Николай Семеновичъ Скворцовъ, человѣкъ несомнѣнно порядочный, но довольно легкомысленный, Александра Ивановича хвалилъ восторженно милый, добрый, А. П. Лукинъ, Александра Ивановича одинаково хвалилъ практически-неглупый, но подозрительный Иванъ Николаевичъ Кушнеревъ, его восхвалялъ мнѣ также умный и благородный Василій Юрьевичъ Скалонъ, его наконецъ хвалилъ, постоянно о немъ разспрашивая и видимо къ нему расположенный, Вячеславъ Константиновичъ *Плеве*, въ дни своего величія!... Спрашивается, какъ могутъ столь различныя и разнохарактерныя лица пѣть такъ согласно вмѣстѣ одинъ и тотъ же гимнъ похвалы? Это невольно возбуждало нѣкоторое сомнѣніе, и потребовалось нѣсколько лѣтъ близкой, бокъ о бокъ жизни совмѣстной работы, напримѣръ для меня, чтобы убѣдиться въ истинѣ и правдѣ этого общаго наблюденія и такого отношенія къ незабвенному Александру Ивановичу,—онъ умѣлъ побѣждать сердца всѣхъ людей!!...

Кромѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ въ началѣ 70-хъ годовъ началось мое участіе и въ другомъ органѣ журналистики, къ сожалѣнію, скоро окончившееся съ моимъ отъѣздомъ за границу. Я разумѣю прекрасный народный журналъ того времени „Грамотей“, Николая Ивановича Алябьева, который смогъ, при всѣхъ въ то время трудныхъ условіяхъ цензурнаго существованія журналовъ, издавать порядочное чтеніе для народа, давая въ журналѣ интересное и поучительное чтеніе и для большой публики. Въ этомъ журналѣ я

познакомился со своимъ бывшимъ, какъ оказалось, по году поступленія въ университетъ, товарищемъ, вышеупомянутымъ В. Ю. Скалономъ, съ которымъ продолжалъ добрыя отношенія до самой его рановременной кончины. До какой степени были тогда трудны условія для печати, можетъ представлять примѣръ именно одна изъ первыхъ работъ Василія Юрьевича для „Грамотея“. По порученію Алябьева онъ составилъ хорошую и вполнѣ невинную компилятивную статью объ артеляхъ, но, увы, несмотря на всѣ старанія почтеннаго редактора, статья эта никогда не появилась на свѣтъ и была по распоряженію начальства сожжена какъ вредная, хотя я бы затруднился въ настоящее время указать подобную ей по полной своей невинности въ литературѣ по этому предмету!?..

Какъ разъ въ описываемое время мнѣ пришлось, уже собственно не имѣя никакой надобности въ заработкѣ, воспользоваться однако чьей-то вѣской рекомендаціей и занять мѣсто учителя съ отличнымъ вознагражденіемъ у брата моего товарища по университету, графа Камаровскаго. Этотъ урокъ, продолжавшійся что-то около года, памятенъ мнѣ тѣмъ, что онъ доставилъ возможность близко сойтись съ почтенной зажиточной и образованной семьей Камаровскихъ и ближе сдружиться и оцѣнить моего добрѣйшаго коллегу по университету Леонида Алексѣевича Камаровскаго. Это было первое семейство изъ знакомыхъ мнѣ, которое бывало нерѣдко за границей и своими разсказами о тамошней жизни и обычаяхъ поддерживало и косвенно развивало во мнѣ страстное желаніе поскорѣй попасть за границу родины и посмотрѣть иныхъ людей, иные порядки, иную природу: Dahin, dahin, wo die Citronen blühen, что вскорѣ, какъ мы увидимъ, и удалось.

Какъ разъ въ это время имѣлъ мѣсто извѣстный Нечаевскій политическій процессъ объ убійствѣ студента Иванова въ гротѣ Петровской Академіи и тайной организаціи. Этотъ самый крупный политическій процессъ того времени на моей памяти замѣчателенъ былъ для меня еще тѣмъ, что въ него попало много моихъ знакомыхъ, о занятіи которыхъ политикой я не малѣйше не подозрѣвалъ, между прочимъ большинство служащихъ въ библіотекѣ Черкесова, начиная съ Успенскаго, Волховскаго и Прыжова. Мнѣ оставалось только благословлять судьбу, что я сравнительно задолго уже прекратилъ съ этой компаніей знакомство, и кое-что непонятное прежде изъ ихъ разговоровъ и дѣйствій явилось для меня уже теперь въ другомъ освѣщеніи, напримѣръ, видимое желаніе привлечь мои симпатіи къ ихъ кружку, что̀ совершенно не удалось. За то, къ сожалѣнію, имъ удалось испортить судьбу все-таки многихъ изъ лицъ зеленой молодежи, совершенно случайно попавшихъ въ ихъ компа-

нію. Помимо политической подкладки дѣло это было весьма гнусное само по себѣ: убійство молодого человѣка Иванова самымъ измѣннические образомъ вслѣдствіе опасенія за его вѣрность тайному обществу. Я бы никогда не могъ счесть пригоднымъ для такого дѣла добраго Успенскаго и полагаю, что его воля въ этомъ случаѣ была совершенно атрофирована и поглощена политическимъ фанатизмомъ. Въ нашемъ обществѣ еще не привыкли тогда къ политическимъ дѣламъ, и господствовало убѣжденіе, что чистыя дѣла надо дѣлать чистыми средствами, а потому это убійство вызвало всеобщее отвращеніе и негодованіе противъ смѣшенія съ политикой обычной преступности, къ чему, обратно съ нынѣшнимъ, тогдашнее общество еще не привыкло.

Между тѣмъ два года оставленія моего при университетѣ со стипендіей приближались къ окончанію. Осенью 1871 года я обязанъ былъ по обычаю держать экзаменъ на магистра. Первымъ предстояло испытаніе по финансовому праву, главному предмету, а вторымъ—по политической экономіи и статистикѣ. Въ виду того, что все время я усердно занимался, прочелъ, дѣлая конспекты, самые главнѣйшіе, напримѣръ, учебники по финансамъ, и тоже самое продѣлывая по Рошеру, Рау и Джону Стюарту Миллю для политической экономіи, я нашелъ, что зналъ уже общія начала науки достаточно и былъ въ себѣ увѣренъ, такъ что прежней иногда трусливости и нервности передъ экзаменомъ, какъ во времена студенчества, у меня теперь совсѣмъ не было. Я явился на первый экзаменъ изъ финансовъ, который по обычаю происходилъ въ общемъ засѣданіи юридическаго факультета, совершенно спокойный. Мнѣ предложено было три вопроса, которые я, къ сожалѣнію, теперь забылъ. Помню только, что сюда входило положеніе бюджета главнѣйшихъ государствъ Европы, при чемъ я видимо импонировалъ и поразилъ, какъ они это откровенно заявили, членовъ факультета своей обширной памятью на цифры. Я приводилъ цѣлыя колонны сравнительныхъ цифръ по разнымъ источникамъ дохода и расхода въ разныхъ государствахъ и въ случаяхъ сомнѣнія давалъ нужныя объясненія. Ту же самую игру въ цифры, которая мнѣ давалась легко, благодаря тогда хорошей памяти, мнѣ пришлось до нѣкоторой степени повторить на экзаменѣ у Бабста по политической экономіи, по поводу, кажется, данныхъ о сравнительномъ населеніи по разнымъ державамъ. Въ обоихъ случаяхъ экзамены мои были признаны вполнѣ удовлетворительными, и я дождался наконецъ давно желаннаго вопроса, который формально въ этомъ случаѣ всегда повторяется: „Не желаю ли я для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и писанія диссертаціи отправиться за границу въ та-

мошніе университеты и библіотеки?". Само собою разумѣется, что я немедленно самымъ радостнымъ и, помню даже, отъ волненія дрожащимъ голосомъ заявилъ факультету, что именно этого я и желаю и возможно скорѣе, и получилъ тотчасъ отъ факультета обѣщаніе, въ виду отсутствія своихъ спеціальныхъ средствъ, хлопотать немедленно объ этомъ передъ Министромъ. Но, увы, я убѣдился скоро, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не надо забывать мудрой русской поговорки: „на всякое хотѣніе есть терпѣніе"!

Черезъ два или три мѣсяца послѣ послѣдняго экзамена, секретарь факультета Соколовъ, съ которымъ я началъ часто видѣться по поводу печатанія своего кандидатскаго „разсужденія о незаконнорожденныхъ", сообщилъ мнѣ съ огорченіемъ неудовлетворительный отвѣтъ Министра Народнаго Просвѣщенія, что по неимѣнію и расходованію-де всѣхъ средствъ по смѣтѣ текущаго года ни одинъ кандидатъ изъ оставленныхъ университетомъ, по финансамъ (Янжулъ) и политической экономіи (Чупровъ) командированы въ будущемъ году за границу быть не могутъ. Излишне при этомъ описывать всю степень моего огорченія, достаточно напомнить, что отрицательный отвѣтъ Министерства былъ невыгоденъ для меня и даже опасенъ вдвойнѣ. Во-первыхъ, онъ задерживалъ мою дальнѣйшую, такъ сказать, промоцію въ профессорскомъ званіи и писаніи диссертаціи, необходимой для полученія ученой степени, и во-вторыхъ, съ прекращеніемъ содержанія, которое было во время оставленія назначено мнѣ лишь на 2 года, я остался неопредѣленное время безъ всякаго содержанія... Когда я толковалъ по этому вопросу съ профессорами и съ лицами изъ университетской канцеляріи, то мнѣ для утѣшенія сообщали, что мой случай не первый, и что на будущій годъ могутъ опять отказать, что вообще при тогдашнихъ порядкахъ никто не слѣдилъ за тѣмъ, чтобы профессорскіе кандидаты были непремѣнно обезпечены въ содержаніи, и всегда они могутъ разсчитывать на сюрпризъ подобно моему, т. е. выдержать экзаменъ, въ срокъ исполнить свою обязанность и остаться безъ всякихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію; почему мнѣ назвали тогда, помнится, цѣлый рядъ очень почтенныхъ именъ изъ членовъ суда и адвокатовъ, которые подѣлались вполнѣ удачными магистрантами, оставленными при университетѣ, и лишились затѣмъ содержанія! Измѣна въ нѣкоторомъ родѣ наукѣ и университету была для нихъ необходимымъ средствомъ спастись отъ голодной смерти. Мнѣ тоже въ это время обѣщали протекцію для поступленія въ какой-то банкъ. Чупровъ, къ счастью для университета, лишь временно занялъ мѣсто секретаря отдѣленія мануфактурнаго совѣта...

Между тѣмъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, отказъ мнѣ и Чупрову къ командировкѣ проистекалъ изъ чисто формальнаго, лишеннаго смысла основанія. Когда именно я пріѣхалъ черезъ годъ въ Петербургъ для полученія денегъ на командировку послѣ того, когда она состоялась, то одинъ изъ чиновъ, завѣдующихъ этимъ дѣломъ (г-нъ Икорниковъ), крайне любезный съ молодыми людьми, объяснилъ мнѣ запросто, что Министерство въ то время назначало командировки за границу для усовершенствованія молодыхъ людей, будущихъ профессоровъ, вовсе не по соображенію необходимости и нуждамъ отдѣльныхъ университетовъ, а по общему числу каждой спеціальности для всѣхъ русскихъ университетовъ вмѣстѣ взятыхъ. На мое несчастье, какъ разъ по такому странному подсчету, оказалось, что экономистовъ и финансистовъ въ Россіи было достаточно, хотя Московскій университетъ, въ виду престарѣлости профессоровъ, и нуждался въ таковыхъ вскорѣ, и вотъ деньги, которыя должны были быть отпущены на содержаніе экономистовъ, пошли на усиленіе цивилистовъ, а мы съ Чупровымъ должны были съ голоду едва не перемѣнить свою спеціальность и назначеніе!!

И вотъ, съ прекращеніемъ стипендіи и отказомъ въ командировкѣ, начинается новая и, къ счастью, послѣдняя моя голодовка. Въ погонѣ за наукой и профессурой, какъ-то случайно, всѣ уроки отошли, можетъ быть, потому, что въ предшествующее время, въ виду экзаменовъ, я отъ нихъ отказывался, чтобы сосредоточиться на приготовленіи. Нѣсколько мѣсяцевъ всѣ мои поиски за оплачиваемымъ дѣломъ и занятіемъ были тщетны. Съ газетами, этимъ новымъ занятіемъ, тоже почему-то не ладилось и пришлось около полъ-года, вспоминая старину, заниматься лишь по-прежнему обученіемъ „закладному праву“, т. е. спускать закладчику все то, что было пріобрѣтено въ эпоху прежняго благополучія, и доводить свой туалетъ и прихоти до возможнаго минимума. Помню какъ разъ въ это тяжелое время, мой новый знакомецъ, милый А. И. Чупровъ, нанесшій мнѣ визитъ, вѣроятно чутьемъ догадался о моемъ невзрачномъ тогда положеніи и потащилъ къ себѣ „ѣсть пирогъ съ морковью“. По всей вѣроятности, я очень поразилъ тогда его почтенную супругу Ольгу Егоровну, меня усердно угощавшую, своимъ огромнымъ аппетитомъ!!.

Неожиданно тогда меня выручилъ добрѣйшій профессоръ Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ. Онъ слышалъ, вѣроятно, отъ товарищей о моемъ безденежномъ положеніи, или я ему сказалъ, какъ бы то ни было, самъ лично сдѣлалъ мнѣ предложеніе, не хочу ли я съ нимъ отправиться къ извѣстному редактору новаго журнала „Бесѣда“,

Сергѣю Андреевичу Юрьеву, который его давно зазывалъ къ себѣ въ одну изъ его пятницъ,—извѣстные всей Москвѣ журфиксы Юрьева; можетъ быть, тамъ найдется для меня какое-нибудь дѣло, добавлялъ Иванъ Дмитріевичъ. Само собою разумѣется, что я съ радостью ухватился за это предложеніе, во всѣхъ отношеніяхъ для меня выгодное и интересное, которое мнѣ доставляло, кстати, большое знакомство въ тогдашнемъ московскомъ литературномъ кружкѣ. Въ ближайшую пятницу я явился къ Ивану Дмитріевичу. Мы усѣлись съ нимъ на „Ваньку“ и съ одного конца Москвы—Новинскаго бульвара, потащились медленно на другой конецъ, на Мѣщанскую, близъ Сухаревой. Поэтому, вѣроятно, мы ѣхали довольно долго и опоздали, гостепріимные хоромы почтеннаго Сергѣя Андреевича были уже наполнены народомъ при нашемъ прибытіи, и мнѣ сразу пришлось познакомиться съ десятками мнѣ неизвѣстныхъ, но болѣе или менѣе интересныхъ лицъ. Хозяинъ съ лобызаніями принялъ профессора Бѣляева, съ радушной улыбкой протянулъ мнѣ руку и далъ сейчасъ же обѣщаніе, что постарается непремѣнно найти подходящее дѣло для молодого человѣка. Такимъ образомъ судьба моя, по крайней мѣрѣ на словахъ, была обезпечена, и я началъ каждую пятницу аккуратно посѣщать интереснѣйшіе для меня вечера Юрьева.

С. А. Юрьевъ лицо столь извѣстное въ нашей литературѣ и спеціально въ Московской жизни, кончая еще существующимъ изданіемъ „Русской Мысли“, что едва-ли предстоитъ надобность его много описывать. Истинный человѣкъ 40-хъ годовъ, съ довольно широкимъ, хотя несвязнымъ образованіемъ и съ гуманной душой, Сергѣй Андреевичъ былъ болѣе или менѣе знакомъ, а иногда даже и близокъ со многими изъ лучшихъ людей—своихъ современниковъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и симпатіей. Великій защитникъ мира и гармоніи въ народѣ, или какъ онъ выражался, „хорового начала“, дѣятельности общими объединенными силами, Сергѣй Андреевичъ даже у своихъ противниковъ вызывалъ симпатію, хотя бы и съ видомъ снисходительной улыбки, но любопытно было послушать и посмотрѣть, какъ онъ любовно бесѣдовалъ и таялъ съ натурами однородными съ нимъ, вродѣ Александра Ивановича Чупрова!!.. Всѣ свидѣтели ихъ, напримѣръ, встрѣчъ вспоминаютъ о нихъ одинаково растроганные, хотя всегда и подсмѣиваются надъ ихъ чрезвычайной у обоихъ разсѣянностью и отрѣшеніемъ отъ окружающихъ интересовъ. Этой послѣдней чертой, какъ извѣстно, разсѣянностью, славился Сергѣй Андреевичъ въ Москвѣ, какъ никто, и давалъ обильную пищу всѣмъ сатирическимъ листкамъ многочисленными анекдотами о своемъ недостаткѣ, какъ, напримѣръ, онъ искалъ

въ своемъ письменномъ столѣ присланную статью рукопись, имъ же давно уже напечатанную; какъ онъ въ гостяхъ у Писемскаго въ кабинетѣ, вмѣсто своей мохнатой безобразной шапки, схватилъ мирно лежавшую на диванѣ кошку и хотѣлъ надѣть ее на голову, и т. д., и т. д.!!! Онъ былъ очень близокъ и товарищъ по университету Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго, преслѣдовавшаго всегда его за разсѣянность, а также съ А. Н. Островскимъ, Александромъ Ив. Кошелевымъ и множествомъ разнообразныхъ лицъ изъ ученой и пишущей братіи.

Когда Бѣляевъ познакомилъ меня съ Сергѣемъ Андреевичемъ, тотъ состоялъ редакторомъ ежемѣсячнаго журнала „Бесѣда“, незадолго основаннаго на средства бывшаго откупщика, а позднѣе министра Царства Польскаго, извѣстнаго Александра Ивановича Кошелева. Журналъ былъ либеральный, отчасти съ славянофильскимъ оттѣнкомъ. Въ числѣ сотрудниковъ состоялъ Л. Н. Толстой, Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій, Воропоновъ, Чаевъ, Веселовскій, одинъ изъ Майковыхъ и многіе другіе. Первоначально „Бесѣда“ шла довольно гладко и пользовалась значительнымъ успѣхомъ, но столкновенія съ цензурой съ одной стороны и несогласованность мнѣній лицъ, составлявшихъ редакціонное бюро между собой, приводили къ частымъ препирательствамъ и подготовляли будущій крахъ журнала.

У Юрьева началось у меня знакомство, во-первыхъ съ Кошелевымъ, который немедленно пригласилъ меня на свои вторники, гдѣ чинно собирались разные литературныя силы того времени, и познакомилъ также съ Писемскимъ, чему, впрочемъ, впослѣдствіи былъ другой поводъ въ лицѣ его второго сына юриста, нѣсколькими годами моложе меня. Тамъ же я познакомился съ Алексѣемъ Николаевичемъ Веселовскимъ, будущимъ моимъ хорошимъ пріятелемъ, А. А. Майковымъ, С. И. Миропольскимъ, съ Николаемъ Владиміровичемъ Лысцевымъ и наконецъ съ столь извѣстнымъ нынѣ въ Петербургѣ, какъ предсѣдатель Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, Николаемъ Яковлевичемъ Сонинымъ, тогда подобно мнѣ молодымъ магистрантомъ, математикомъ, годомъ, кажется, кончившимъ раньше меня, и впослѣдствіи продолжительное время состоявшимъ профессоромъ Варшавскаго университета, изъ котораго очень желалъ уйти. Изъ всѣхъ этихъ лицъ особенно важно для меня было знакомство съ Писемскимъ, котораго я съ тѣхъ поръ началъ регулярно посѣщать и охотно съ нимъ бесѣдовалъ о разныхъ литературныхъ вопросахъ и его воспоминаніяхъ. У него же я нѣсколько разъ обѣдалъ съ А. Н. Островскимъ, познакомился съ историкомъ Н. И. Костомаровымъ и извѣстной нашей дѣятельницей въ Лондонѣ г-жей Новиковой, которая, узнавши, что

я навѣщаю часто Лондонъ, усердно къ себѣ зазывала, хотя я, къ сожалѣнію, этимъ приглашеніемъ не воспользовался.

Какъ оказалось вскорѣ, во время Герцоговинскаго возстанія и сербской войны съ Турціей, у насъ явился довольно неожиданно съ Писемскимъ пунктъ сближенія. Обратно съ С. А. Юрьевымъ и съ компаніей Кошелева, Алексѣй Ѳеофилактовичъ очень усердно говорилъ противъ всякаго русскаго вмѣшательства въ славянскія дѣла, доказывая, что таковое составляетъ грубую опасную ошибку и можетъ привести Россію, какъ это впослѣдствіи и подтвердилось, лишь къ невыгоднымъ для нея войнѣ и большимъ потерямъ. Я горячо всю свою жизнь стоялъ за такое же „laisser faire—laisser aller“ въ славянскихъ дѣлахъ и очень обрадовался, найдя въ сравнительно старомъ представителѣ литературы единомышленника. Но, какъ извѣстно, старыя ошибки не только очень часто имѣютъ свойство повторяться, но и приносятъ долго самые вредные плоды. Въ настоящее время на нашихъ глазахъ произошло присоединеніе Босніи и Герцоговины къ Австрійской Имперіи, т. е. одинъ изъ самыхъ для насъ постыдныхъ результатовъ ошибокъ нашего вмѣшательства въ чужія дѣла въ 70-хъ годахъ; и тѣмъ не менѣе въ прошломъ только году это не помѣшало забавному славянскому съѣзду въ Прагѣ съ братаніями и фантастическими, крайне опасными для насъ, ни на чемъ не обоснованными завѣреніями фиктивной славянской взаимности и несуществующей любви, которая ссоритъ насъ съ сосѣдями и вредитъ многимъ нашимъ существеннымъ интересамъ!!. Изъ-за славянъ до сихъ поръ мы ничего, кромѣ крупныхъ расходовъ деньгами и кровью, не имѣли, никакой же выгоды или пользы рѣшительно не получили!!. А. Ѳ. Писемскій въ то время, утверждаю я, былъ со мной солидаренъ, и это очень тѣшило молодого человѣка.

Помимо моихъ знакомствъ, я получилъ также въ „Бесѣдѣ“ работу и интересное знакомство съ самимъ С. А. Юрьевымъ, отъ котораго я узналъ и услышалъ весьма многое. Особенно памятны его собесѣдованія о Шекспирѣ, всегда близкомъ моему сердцу, и о игрѣ въ Шекспировскихъ пьесахъ особенно знаменитаго нѣкогда артиста Московскаго театра Мочалова. Здѣсь С. А. былъ незамѣнимымъ безцѣннымъ разсказчикомъ, трогалъ своими вспоминаніями до слезъ и хотя никакой фальши или ломки онъ себѣ не позволялъ, но описаніе его игры Мочалова въ „Гамлетѣ“ глубоко потрясало слушателей.

Кромѣ „Бесѣды“ у меня какъ разъ въ это время образовалось весьма тѣсное знакомство съ однимъ интереснымъ человѣкомъ, именно Николаемъ Михайловичемъ Богомоловымъ, литераторомъ, замѣчательно способнымъ и энциклопедически образованнымъ. Мы

съ нимъ сошлись, вѣроятно, черезъ Лысцева, сотрудника „Бесѣды“ или черезъ извѣстнаго народника и разсказчика Нефедова, впослѣдствіи редактора „Русскаго Курьера“. Знакомство съ Николаемъ Михайловичемъ изъ всѣхъ моихъ сближеній того времени едва-ли не являлось наиболѣе удачнымъ (не говоря о Чупровѣ, съ которымъ я сближался очень медленно). Н. М. былъ человѣкъ въ высшей степени интересный по своей наблюдательности и знанію жизни и всякихъ житейскихъ отношеній вмѣстѣ съ хорошей научной подготовкой въ своей молодости. Происходя изъ богатой купеческой семьи, онъ отлично былъ подготовленъ въ смыслѣ знанія языковъ и велъ довольно широкій образъ жизни, пока не постигла катастрофа его родителей. Они внезапно обанкротились, и онъ явился уже скромнымъ студентомъ Харьковскаго университета, но и тутъ горячая вспыльчивая натура, а можетъ быть и раннія привычки помѣшали покойной жизни; за какой-то скандалъ противъ попечителя онъ былъ изгнанъ изъ университета, а затѣмъ, какъ бывшій стипендіатъ, назначенъ въ маленькій захолустный городокъ Тамбовской губерніи уѣзднымъ учителемъ. Нѣсколько лѣтъ пробывши въ этой должности, онъ возненавидѣлъ провинцію и свое занятіе и едва отъ него былъ освобожденъ, какъ отправился въ столицу и перемѣнилъ тамъ цѣлый рядъ профессій самыхъ разнообразныхъ, пока въ концѣ концовъ сосредоточился на одномъ, на журналистикѣ.

Сдѣлавшись газетчикомъ, Богомоловъ скоро пріобрѣлъ въ этомъ званіи значительный успѣхъ и извѣстность. Онъ создалъ и долго велъ, напримѣръ, въ извѣстномъ „Голосѣ“ спеціальный земскій отдѣлъ, для чего постоянно читалъ массу провиціальныхъ газетъ и поражалъ знаніемъ всякихъ безобразій, происходящихъ по широкому лицу Россіи. Въ общемъ онъ перемѣнилъ много редакцій и много газетъ, уже въ короткое время нѣсколькихъ немногихъ лѣтъ знакомства со мной, и умеръ относительно рано, оставивши по себѣ всеобщее сожалѣніе и хорошую память. Во время такъ называемой Политехнической выставки въ Москвѣ въ 1872 году Н. М. Богомоловъ состоялъ въ созданной по его иниціативѣ первой народной читальнѣ на Лубянской площади около перваго народнаго театра покойнаго Ѳедотова. Разумѣется, теперь иниціатива и обязанности такого рода въ народной читальнѣ не представляютъ ровно ничего особеннаго, но тогда, въ то мрачное вообще время, которое Россія переживала, всеобщей боязни въ правительственныхъ кругахъ народнаго образованія, дѣятельность Н. М. по народной читальнѣ, стремленіе ее создать, улучшить, если возможно, превратить въ постоянную,—несомнѣнно подтвердятъ всѣ знавшіе его,—являлось до нѣкоторой степени подвигомъ.

Участіе мое въ „Бесѣдѣ“ Юрьева продолжалось всего только

нѣсколько мѣсяцевъ, преимущественно весной 1872 года, такъ какъ я скоро нашелъ подходящій заработокъ и не могъ много посвящать времени на писаніе статей. Главный мой трудъ въ „Бесѣдѣ“ имѣлъ до нѣкоторой степени образовательное значеніе для меня самого; приводя нѣсколько въ порядокъ изложеніе и содержаніе очень солидной вышедшей тогда книги, „Прусскіе финансы“ Заблоцкаго-Десятовскаго параллельно съ русскими финансами, при полномъ въ тѣ времена молчаніи большей частью обо всѣхъ серьезныхъ финансовыхъ и экономическихъ вопросахъ въ Россіи, мои экскурсіи по этому поводу были не безъ значенія и обращали въ свое время вниманіе, хотя большинство не знаетъ до сихъ поръ автора ихъ. Всѣ мои статьи въ „Бесѣдѣ“ подписывались вмѣсто псевдонима именемъ „*Всеволодъ Юргановъ*“, имя и фамилія мужа младшей сестры моей Маріи, въ это время только что вышедшей замужъ за лицо, съ которымъ я очень подружился и искренно полюбилъ. Это собственно и было моей наибольшей работой въ журналѣ; сверхъ того были помѣщены, помнится, нѣсколько статей по статистикѣ и по разнымъ вопросамъ болѣе мелкимъ.

Но помимо развившихся литературныхъ связей и литературной работы, послѣдніе годы моего пребыванія въ Москвѣ передъ командировкой за границу, у меня неожиданно явилось чисто педагогическое дѣло, очень полезное для моей будущей дѣятельности въ качествѣ университетскаго профессора. Однажды въ началѣ 70-хъ годовъ, зашелъ ко мнѣ внезапно одинъ изъ моихъ пріятелей, студентъ естественнаго факультета Прокудинъ, хорошо знакомый съ проф. Архиповымъ, и передалъ мнѣ отъ него приглашеніе посѣтить его для бесѣды по одному дѣлу. Именно, слыша обо мнѣ съ разныхъ сторонъ, какъ объ юномъ начинающемъ экономистѣ, недурно знакомомъ съ статистикой, Архиповъ хотѣлъ предложить мнѣ отъ имени Московскаго Техническаго училища занять временно каѳедру по статистикѣ. Каѳедра эта хотя и существовала, но въ штатъ не входила, а лишь по вольному найму и оплачивалась очень умѣренно, что-то 300 или 400 рублей, что̀ могло быть достаточно лишь для молодого человѣка, вродѣ меня.

Я немедленно явился на приглашеніе и, видимо, понравился Архипову и посѣтилъ съ нимъ тотчасъ директора тогдашняго училища Де-ла-Воза, извѣстнаго ученаго техника. Оказалось, дѣла у меня тамъ предстояло собственно не много, лишь 2 часа въ недѣлю и при томъ на одинъ день, но надо было составить курсъ статистики, по возможности промышленной, и два раза, кажется не менѣе, въ годъ посвящать нѣсколько часовъ на репетиціи. Я принялъ предложенныя мнѣ условія вознагражденія и вскорѣ же открылъ свой

курсъ въ послѣднемъ классѣ передъ маленькой сравнительно ауди-торіей въ 10—15 человѣкъ, совершенно взрослыхъ юношей вродѣ меня самого, если не старше.

Я оставался преподавателемъ, или, какъ для пышности называли, профессоромъ Техническаго училища вплоть до самой командировки во второй половинѣ 1872 года, что-то около 2-хъ лѣтъ. Я считаю, что принятіе на себя этихъ занятій въ Императорскомъ Техническомъ училищѣ оказалось въ высшей степени плодотворнымъ и полезнымъ для моей будущей роли университетскаго профессора и даже до нѣкоторой степени предопредѣлило характеръ моей спеціализаціи. Во-первыхъ, я выучился нѣсколько говорить и держать себя передъ публикой, что было очень удобно въ виду малаго количества въ училищѣ слушателей; во-вторыхъ, я научился вдумчиво относиться къ слушателямъ; по ихъ лицамъ и изъ бесѣдъ съ ними въ антрактахъ и на репетиціяхъ, я скоро и быстро узнавалъ, что для нихъ полезно и интересно и что нѣтъ, и сообразно съ этимъ передѣлывалъ, добавлялъ или измѣнялъ свое изложеніе и направленіе курса. Въ виду спеціальной цѣли Техническаго училища выпускать дѣятелей промышленности, за необходимымъ лишь сокращеннымъ изложеніемъ популиціонистики, преимущественно обратилъ вниманіе на промышленность въ строгомъ смыслѣ слова, сопровождая свое изложеніе изрѣдка картами и діаграммами. Въ цѣломъ, казалось мнѣ, мой курсъ имѣлъ у молодежи нѣкоторый успѣхъ, вызывая ихъ интересъ къ бесѣдамъ и объясненіямъ.

Кромѣ того чтеніе лекцій статистики заставило меня для скудной тогда библіотеки училища покупать довольно много книгъ и самому читать ихъ, а черезъ это расширялась моя собственная спеціальность и общая подготовка и знаніе. Я болѣе и болѣе заинтересовывался вопросами промышленности и торговли и въ этомъ смыслѣ удержалъ соотвѣтствующіе вкусы въ области финансовъ и экономіи на цѣлую мою жизнь.

Наконецъ, занятія мои въ Техническомъ училищѣ принесли мнѣ неожиданно извѣстную пользу въ моемъ будущемъ дѣлѣ, о которомъ я не могъ предвидѣть тогда, а именно, когда впослѣдствіи я сдѣлался московскимъ фабричнымъ инспекторомъ, то мнѣ пришлось нѣсколько разъ встрѣчать на разныхъ фабрикахъ своихъ бывшихъ учениковъ, которые добро ко мнѣ относились и тѣмъ облегчали исполненіе моихъ инспекторскихъ обязанностей и расширяли знакомство съ фабричнымъ бытомъ.

Иванъ Янжулъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Дневникъ академика В. П. Безобразова[1]).

1886.

28 марта. За все это время, что не писалъ, всего болѣе остался въ памяти обѣдъ у Бунге. Очень грустныя впечатлѣнія я вынесъ съ него. Была самая маленькая компанія. Всѣмъ и Бунге это нравилось подшучивать надъ таможеннымъ протекціонизмомъ и говорили, какая это нелѣпость. Бунге самъ участвовалъ въ глумленіяхъ. И это у него всегда такъ! Что за безнравственность! Что за пустота! Бунге довелъ протекціонизмъ донельзя и самъ же надъ этимъ смѣется. И всѣ наши государственные люди таковы (хотя Бунге въ этомъ отношеніи циничнѣе другихъ): они дѣлаютъ одно, а говорятъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, совсѣмъ противуположное. Вотъ это-то различіе слова и дѣла и разлучаетъ меня всего болѣе съ петербургскимъ оффиціальнымъ міромъ.

30 марта. Вчера вмѣсто субботняго вечера въ Мраморномъ дворцѣ всѣ отправились къ В. К. Георгію Мих., который былъ дежурнымъ въ своей артиллеріи и угостилъ насъ ужиномъ.

Меня поразило, что мнѣ разсказалъ баронъ Ш., вполнѣ знающій и правдивый!..

Вотъ такъ мы и вкушаемъ горькіе плоды во время войнъ... И потомъ они говорятъ о нигилистахъ и бунтаряхъ. Кто вреднѣе для монархіи?

1 апрѣля. Вчера провелъ вечеръ у Мерказина въ Измайловскомъ полку. Было много измайловскихъ офицеровъ, полковой командиръ, полковыя дамы и В. К. Константинъ Конст. Наблюдалъ, какое ухаживанье всѣхъ за Конст. Конст., и какъ имъ трудно, и даже невозможно посреди такого ѳиміама не испортиться.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1908 г.

Сегодня рожденіе и совершеннолѣтіе В. К. Александра Мих., и я былъ въ первый разъ за завтракомъ и даже въ домашней компаніи у В. Кн. Михаила Ник. Родители были довольно любезны. Сыновья Михаилъ, Георгій и Александръ показывали мнѣ много любви. Прочіе члены Императорской фамиліи довольно хороши ко мнѣ, но ничего особеннаго...

21 апрѣля. Опять перерывъ. Рѣшительно нѣтъ времени записывать,—былъ лихорадочно занятъ работой надъ рѣчью о Татищевѣ [1]). Впрочемъ, если что было это время, то только лично до меня касающееся. А я всего менѣе записываю мое личное, неинтересное въ будущемъ.

19 апрѣля было публичное собраніе Академіи въ честь Татищева — собраніе, по моему мнѣнію, печальное и неудачное, какъ все, что предпринимаетъ Академія.

Говорятъ, моя рѣчь имѣла успѣхъ, но я былъ собой недоволенъ. Въ газетахъ не было еще брани, которую я ожидалъ. Я доволенъ только тѣмъ, что закончилъ рѣчь религіознымъ воззрѣніемъ и даже молитвой, давно не раздававшейся на каѳедрѣ науки въ Россіи.

22 апрѣля. Моя рѣчь о Татищевѣ сообщена въ „Правительств. Вѣстникѣ“ въ такомъ видѣ, что о ней не дается публикѣ и отдаленное понятіе. Все самое существенное выпущено. Редакція „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ предложила мнѣ напечатать у нея, т. к. рѣчь Попова будетъ тамъ, и я изъявилъ черезъ него свое согласіе. Я зналъ, что мою рѣчь признаютъ политически вредной, т. е. непріятной для нынѣшнихъ верховниковъ. А страшные личные скандалы (полемика Смирнова противъ Бунге) и самыя гадкія нападки на министра въ „Гражданинѣ“ не только дозволяются, но похваляются. Новый памфлетъ Смирнова подъ покровительствомъ Побѣдоносцева противъ Бунге напечатанъ въ нарушеніе всѣхъ цензурныхъ и типографскихъ законовъ. Мой Никитинъ [2]) (главный инспекторъ типографій) не знаетъ, что ему дѣлать. Онъ обязанъ преслѣдовать, и если будетъ, то погибнетъ. Беззаконіе и интрига никогда такъ нагло не дѣйствовали. А между тѣмъ Государь самый честный и благонамѣренный человѣкъ.

Въ связи съ этимъ назначеніе Вышнеградскаго protégé Побѣдоносцева, человѣка съ дурной репутаціей, прямо въ члены Государственнаго Совѣта. Всѣ порядочные люди возмущены, но если бы у

---

[1]) Рѣчь эта произнесена въ торжественномъ публичномъ засѣданіи Имп. Академіи Наукъ 19 апр. по случаю двухсотлѣтней годовщины рожденія В. Н. Татищева.

[2]) Николай Васильевичъ † 1903.

насъ было общественное мнѣніе, это было бы невозможно. Жаль Государя, какъ его подводятъ.

29 апрѣля. Вчера обѣдалъ у В. Княгини Александры Іосифовны. Она очень жаловалась, что ей не сообщаютъ политическихъ извѣстій о тревожномъ положеніи Греціи.

Много хохотали о всякомъ вздорѣ.

Любопытно, что никто не знаетъ и не понимаетъ, что хочетъ творить наше правительство въ Греціи, да и вообще нельзя понять нашу иностранную политику.

Великая Княгиня Александра Іосифовна говорила мнѣ, какъ плохи совѣтники Государя. И это уже вездѣ и высоко говорятъ.

1 мая. Вчера свезъ Манасеину письмо, въ которомъ прошу Высочайшаго отпуска на 3 мѣсяца для ученыхъ работъ. Манасеинъ, мнѣ очень понравился своей простотой. Самъ отворяетъ двери (не было человѣка),—это уже простота, излишняя для министра.

3 мая. Сегодня былъ у Николаева (товарища министра финансовъ), чтобъ говорить о пособіи мин. ф. моему путешествію. Онъ сказалъ мнѣ, и это вѣрно, что не Побѣдоносцевъ, а Катковъ, говорившій лично о томъ съ Государемъ, сдѣлалъ N. членомъ Государственнаго Совѣта. Что за чудовищная сила! Поддерживалъ также Островскій. N. имѣетъ вообще настолько мерзкую репутацію (какъ гешефтмахеръ и совмѣститель службы съ аферами), что Бунге отказалъ ему недавно сдѣлать его членомъ Совѣта министра финансовъ.

Сегодня въ Академіи гр. Толстой былъ особенно со мной любезенъ. Онъ чувствуетъ, что не можетъ безъ посторонней помощи ничего создать и ничего провести.

5 мая. Былъ сегодня у Н. Х. Бунге просить о денежномъ пособіи на мое путешествіе. Принялъ очень хорошо, даже дружески. Сказалъ, что для успѣха нужно доложить лично Государю, по его пріѣздѣ сюда. Ему плохо—очень разстроенъ нападками Катковъ—Побѣдоносцевъ — Смирновской интриги. Жаловался и на Толстого. Говоритъ, что интриги однихъ министровъ противъ другихъ дискредитируютъ власть въ обществѣ (это думаютъ всѣ и безъ Бунге).

Я сказалъ Бунге откровенно, что онъ слишкомъ уступаетъ Каткову и К° и, какъ всегда бываетъ, онъ сталъ требовать больше. Сдѣлаться ихъ послушнымъ агентомъ онъ не захотѣлъ, и вотъ положеніе.

13 мая. Былъ сегодня съ Олей у С. П. Боткина на дачѣ. Слава Богу, онъ меня успокоилъ насчетъ Оли. Милѣйшій человѣкъ Боткинъ. Онъ былъ мнѣ всегда очень симпатиченъ. Въ этомъ человѣкѣ соединяются умъ съ сердцемъ, что такъ рѣдко. Его любез-

ность и добродушіе не притворныя, а искреннія. Всего болѣе мнѣ нравится простота его обращенія и образа жизни. Никакой роскоши въ домашней обстановкѣ. Всѣ дѣйствительно замѣчательные люди живутъ просто.

15 мая. Вчерашній экономическій обѣдъ былъ изъ самыхъ для меня непріятныхъ, хотя и пили за мое здоровье, чтобы уговорить меня не покидать мою должность распорядителя, какъ я хотѣлъ послѣ всѣхъ скандаловъ,—каррикатурныхъ сообщеній самихъ членовъ въ газетахъ объ обѣдахъ. Я согласился остаться до будущей зимы, —до тѣхъ поръ утечетъ много воды. Впрочемъ, моя тактика заключалась въ томъ, чтобы съ одной стороны напугать моимъ выходомъ и заставить и членовъ быть внимательнѣе къ обѣдамъ, а съ другой стороны, заставить дорожить обѣдами и не обращать вниманіе на печать. Я къ ней равнодушенъ, но мнѣ же многіе члены жаловались на печать и говорили, что при своемъ положеніи, они должны будутъ оставить обѣды. Теперь, испугавшись исчезновенія обѣдовъ съ моимъ выходомъ,—они же стали говорить противное. Это и было мнѣ нужно. При этомъ предсѣдатель экономическихъ обѣдовъ показываетъ свое обычное легкомысліе, вслѣдствіе котораго онъ потерялъ мѣсто министра финансовъ. Я не могъ добиться видѣть его до обѣда на $^1/_2$ часа, чтобы переговорить объ обѣдахъ. Ведя самую пустую свѣтскую жизнь и ничего не дѣлая, онъ никогда не имѣетъ ни на что времени.

Вчера обѣдалъ и оставался съ нимъ до 2 ч. ночи. Вышнеградскій герой дня (?). Въ интимномъ разговорѣ о финансахъ и его спорѣ съ Ламанскимъ я убѣдился, что онъ не много понимаетъ задачу регулированія нашего денежнаго обращенія. Онъ понимаетъ главное—зло шаткой бумажной денежной единицы.

17 мая. Вчера обѣдалъ у насъ запросто В. К. Дмитрій Константиновичъ съ Лееромъ и Степановымъ. Бесѣда была очень интимная и пріятная. Много говорили о статьѣ Basile'a въ „Nouvelle Revue", которая производитъ сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ (характеристика Императорской фамиліи).

Въ противность мнѣнію высшаго нашего общества я нахожу, что эта пустая статья есть скорѣе идеализація лицъ, о которыхъ пишетъ авторъ. Но имъ страшно читать даже это, такъ они всѣ привыкли къ лести. Всего болѣе идеализированъ Побѣдоносцевъ (а авторъ еще разсуждаетъ съ либеральной точки зрѣнія)? Ему дѣлается упрекъ только въ томъ, что онъ фанатикъ. Но кажется, это еще самое невинное обвиненіе этого человѣка, положительно вреднаго своими совѣтами.

19 мая. Вчера вернулись изъ путешествія съ Государемъ Вел. Кн. Сергѣй и Павелъ Александровичи, и я ихъ встрѣчалъ на Балтійской жел. дорогѣ.

Потомъ была свадьба Куломзина съ Шидловской. Сейчасъ отъ В. К. Павла Александровича, съ которымъ ѣздилъ завтракать къ В. К. Сергѣю Александровичу (его не было дома, а мы завтракали съ В. К. Елизаветой Ѳедоровной). Я особенно люблю В. К. Павла Александровича за его искренность и откровенность. То, что онъ знаетъ, онъ мнѣ все сообщаетъ. В. К. П. А. говоритъ (и кажется, совсѣмъ вѣрно), что никакихъ недоумѣній со спускомъ броненосца (Екатерины II) не было, а всѣ здѣшніе слухи вздоръ.

А эти слухи распускали знающіе люди; еще разъ приходится убѣдиться, какъ въ Петербургѣ врутъ. Всѣмъ путешествіемъ очень доволенъ—и Крымомъ, и Москвой. На статью въ „Nouvelle Revue“ не обращаютъ особеннаго вниманія. Находятъ, что все это гадость, въ родѣ фельетоновъ „Фигаро“. Со мною очень нѣжны. Отношенія, кажется, прочныя. В. К. Елизавета Ѳедоровна холодна, но она такъ со всѣми.

20 мая. Вчера довольно пріятно провелъ время. Обѣдалъ у В. К. Дмитрія Константиновича, ѣздилъ съ нимъ кататься, а потомъ вечеръ у В. К. Павла Александровича. Удивительная свадьба Балянаго съ кн. Лобановой-Ростовской.

22 мая. Сейчасъ разсказывалъ мнѣ очевидецъ московскихъ событій (рѣчи гор. головы Алексѣева) о водруженіи креста на Софіи на выходѣ Государя, графъ Стенбокъ, управляющій дворцомъ В. К. Сергѣя Александровича. Алексѣевъ сказалъ наканунѣ кн. Долгорукову, что скажетъ нѣсколько словъ привѣтствія, не умѣя де говорить. А самъ только въ тотъ день, просыпаясь, вздумалъ это сказать. Всѣ были недовольны. Гирсъ въ отчаяніи; это почти объявленіе войны Турціи было вслѣдъ за теплѣйшимъ пріемомъ турецкаго посла въ Крыму. Гирсъ просилъ Государя опустить рѣчь въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Государь не согласился по своей прямотѣ (?), зачѣмъ скрывать (но уже дѣйствовать совсѣмъ прямо, такъ надо объявить дезапробацію этой рѣчи).

Вотъ наша неурядица, которая не можетъ внушать къ намъ довѣріе въ Европѣ. Если дѣйствительно рѣчи Алексѣева не сочувствуютъ (въ этомъ всегда является сомнѣніе послѣ теплаго обращенія Государя съ Дурново и Аксаковымъ въ такихъ же случаяхъ), то какже это такъ легко у насъ происходитъ, когда нельзя оправдываться даже и свободой (?), которой и тѣни у насъ нѣтъ. Въ свободныхъ государствахъ неизмѣримо болѣе дисциплины въ

оффиціальной жизни, чѣмъ въ нашемъ самодержавномъ государствѣ.

Въ Павловскѣ, на станціи жел. дороги, встрѣтилъ Великую Княгиню Александру Іосифовну съ принцессой Альтенбургской, матерью Великой Княгини Елизаветы Маврикіевны. Она жаловалась мнѣ на Государя, что онъ даетъ ей извлеченія изъ записокъ Литке о ней. Отшучивался. Она просила меня заѣхать послѣ обѣда къ В. К. Константину Константиновичу. Заѣзжалъ. Сердечнѣйшій онъ человѣкъ. Ждетъ съ часа на часъ разрѣшенія жены.

Я ѣхалъ вчера до Царскаго съ В. К. Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ.

24 мая. Вчера обѣдалъ у В. К. Павла Александровича. Онъ получилъ письмо отъ королевы греческой. Она въ восхищеніи, что русскій флотъ не принималъ участія въ демонтраціи противъ Греціи. Павелъ Александровичъ говоритъ, что такъ было устроено, чтобы нашъ флотъ не принималъ участія. Но тогда затѣмъ же Россія стала во главѣ воздѣйствія на Грецію? Трудно понять эту политику.

26 мая. Былъ вчера въ Пулковѣ на годовомъ собраніи.

Получилъ сегодня извѣстіе о назначеніи мнѣ мин. финан. по Высоч. повелѣнію 1.500 р. на разъѣзды для III тома „Народнаго Хозяйства“. Не много, но и то хорошо.

28 мая. Былъ вчера у Боткина на дачѣ (за Мустамяками въ Финляндіи для консультаціи о Володѣ Ганенфельдѣ [1]). Опять убѣдился, какъ любезенъ и добродушенъ онъ самъ и какъ обаятельно все семейство,—какъ мило выдержаны всѣ дѣти. Рѣдко помню семейство, особенно знаменитости (къ несчастію знаменитости рѣдко имѣютъ благоустроенное семейство),—оставляющее такое пріятное впечатлѣніе. Нигилизма нѣтъ слѣда, а сколько было на этотъ счетъ клеветъ на Боткина и его жену (урожд. кн. Оболенскую). Она образцовая мать семейства. Въ семействѣ господствуетъ подчиненіе старшимъ и при всемъ просвѣщеніи видимо патріархальные нравы.

У Боткина я видѣлъ Салтыкова (Щедрина), котораго давно не видѣлъ и съ которымъ прежде былъ такъ близокъ. Онъ былъ радъ меня видѣть (по словамъ Боткина), хотя по обыкновенію не показалъ этого. Это теперь развалина, Боткинъ говоритъ, что нельзя ручаться ни за одинъ день, ни за одинъ часъ его жизни.

Дикій невозможный характеръ Салтыкова, дошедшій до послѣдней степени въ старости и болѣзни, отдалилъ отъ него всѣхъ; ему остались вѣрны и близки только А. Унковскій и В. Гаевскій,

---

[1]) Крестникъ покойнаго.

люди неслыханной доброты. Домашній хаосъ (безобразныя отношенія къ женѣ) продолжается съ крайнимъ ожесточеніемъ.

Вотъ иронія жизни: самый замѣчательный и злой до безпощадности сатирикъ нашего времени заслуживаетъ своимъ характеромъ и жизнью самаго строгаго осужденія въ нравственномъ отношеніи. Почти нѣтъ порока, который онъ клеймитъ и который бы не былъ развитъ въ немъ самомъ.

Москва, 3 іюня. Вчера выѣхалъ изъ Петербурга съ почтовымъ и сегодня прибылъ въ Москву. Какъ только оставилъ Петербургъ, такъ чувствую внезапное успокоеніе, какъ всегда. Суматоха, меня окружающая въ Петербургѣ, крайне меня утомляетъ, а утомленіе раздражаетъ, а раздраженіе дѣлаетъ меня и всѣхъ мною недовольными. Опять нѣсколько дней и интереснѣйшихъ не записывалъ, посреди кутерьмы. Сдѣлаю по возможности перечень бывшаго.

28 мая, среда. Былъ въ Царскомъ на Кузьминскомъ кладбищѣ и служилъ панихиду; люблю быть здѣсь одинъ. Всегда много думъ о миломъ быломъ (отдаленномъ). Вечеръ провелъ очень пріятно съ В. К. Павломъ Александровичемъ у Арсеньева.

29 мая. Былъ у В. К. Сергѣя Александровича въ Красносельскомъ лагерѣ. Было самое сердечное дружеское обращеніе В. К. Сергѣя Александровича со мной.

30 мая. Представлялся Государю. Представленіе подтвердило мой взглядъ на мои отношенія.—Онъ не дурно ко мнѣ расположенъ, но и нельзя сказать, чтобы былъ положительно ко мнѣ расположенъ. Скорѣе такъ: братья любятъ, нельзя и Ему не быть ко мнѣ внимательнымъ.

Разговоръ Государя со мной (вообще очень благосклонный, сравнительно съ другими, тутъ бывшими).

— Куда вы ѣдете и чѣмъ теперь будете заняты?

— Въ губерніи Московскую, Владимірскую, Костромскую для продолженія моихъ изслѣдованій промышленности, для III тома моего путешествія, и потомъ за границу для изученія промышленнаго застоя, находящагося въ связи съ нашимъ.

— Вы, однако, очень надолго уѣзжаете (5½ мѣсяцевъ)? Это развѣ необходимо для вашихъ работъ (тутъ улыбка, скорѣе любезная, чѣмъ ироническая)?

— Необходимо, Ваше Величество.

— Желаю вамъ успѣха (очень любезнымъ тономъ).

Съ другими былъ гораздо менѣе любезенъ, напр., подлѣ меня стоявшаго товарища министра юстиціи Маркова (управлявшаго неоднократно мин. юстиціи) Государь спрашивалъ, когда онъ вступилъ на службу, и проч., дѣлалъ вопросы, для всѣхъ изобличав-

шіе, что онъ не имѣетъ о немъ никакого понятія (а можно бы было поговорить съ нимъ въ кабинетѣ, чтобы ближе вникнуть въ человѣка, который можетъ понадобиться). Императрица приняла меня очень ласково, говорила семейно и интимно.

Былъ у В. К. Елизаветы Ѳедоровны, жившей у императрицы. Привезъ ей порученіе отъ В. К. Сергѣя Александровича. Она со мной очень любезна. Звала въ Ильинское.

Вечеромъ обѣдалъ въ Павловскѣ у В. К. Александры Іосифовны (страшное утомленіе,—только что вернулся изъ Петергофа, переодѣлся и въ Павловскъ).

Александра Іосифовна была, какъ всегда. Обѣдали Константинъ Константиновичъ, Елизавета Маврикіевна, принцесса Альтенбургская (кажется, свита не довольна, что кромѣ меня никто не допускается на семейные обѣды).

Придворнымъ всего болѣе досадна моя независимость. Они на жалованьѣ. Я добровольно служу Императорской фамиліи, пока мнѣ это нравится (хотя я и бѣднякъ). Эту силу чувствуютъ и всѣ члены Императорской фамиліи (всѣ они отлично знаютъ, что я всякую минуту могу ихъ бросить и могу отлично жить и безъ нихъ).

Я глубоко благодаренъ Вел. Кн. Александрѣ Іосифовнѣ за ея неизмѣнно доброе ко мнѣ расположеніе...

Принцесса Альтенбургская милая, образованная женщина. Съ ней говорили о политикѣ и обо всѣхъ серьезныхъ вопросахъ дня.

Изъ Петербурга возвращался съ Бунге наединѣ и много говорилъ о его положеніи. Печальное производитъ онъ на меня впечатлѣніе, какъ министръ! Какой же это министръ! Для Россіи, для славы экономической науки истинное бѣдствіе, что она компрометтирована черезъ него, извѣстнаго Россіи только, какъ ученаго экономиста, между тѣмъ Бунге безусловно ничего не дѣлаетъ на основаніи науки, но все-таки онъ честный человѣкъ, и нельзя не возмущаться интригой противъ него людей, неизмѣримо худшихъ нравственно, чѣмъ онъ (Побѣдоносцева, Островскаго, Каткова, главное—Вышнеградскаго).

Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе, что Государь его успокоилъ, т. е. насколько ему нужно, чтобъ остаться нѣкоторое время министромъ. Между тѣмъ я убѣжденъ, что дни его сочтены. Когда мы получимъ министра qui ne se cramponnera pas au portefeuille? Между тѣмъ Бунге выразилъ мнѣ желаніе, чтобы я не писалъ противъ Смирнова!? Онъ желаетъ, чтобы эта гнусная полемика заглохла. Онъ боится говора и шума. Онъ сказалъ Государю, что не будетъ отвѣчать на 2-й памфлетъ Смирнова. Еще бы, но этого мало, чтобы возстановить свое положеніе и достоинство. Относи-

тельно моего предположенія написать критику записки Смирнова, Бунге сказалъ, что въ интересахъ дѣла было бы полезнѣе не полемизировать (т. е. желаетъ, чтобы все это замерло и какъ-нибудь втихомолку продержаться, пока не прогонятъ). Затѣмъ отказалъ мнѣ прислать свой отвѣтъ на первую записку Смирнова подъ предлогомъ, что всѣ экземпляры разошлись. Можно ли что-нибудь сдѣлать, находясь въ такомъ жалкомъ положеніи?

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Великаго Князя Николая Павловича А. А. Закревскому о поручикѣ Дюклу.

Милостивый Государь мой
Арсеній Андреевичъ.

Извѣщая васъ о совершенномъ согласіи моемъ на испрашиваемое вами назначеніе л.-гв. Измайловскаго полка поручика Дюклу къ Вашему Превосходительству въ адъютанты, долгомъ считаю присовокупить, что г. Дюклу дѣйствительно имѣетъ весьма хорошія способности и знаетъ французскій и нѣмецкій языки, но по молодости лѣтъ еще не довольно остепенился и немного вѣтренъ,— порокъ, отъ котораго онъ однако лѣтами и особенно подъ руководствомъ вашимъ вскорѣ можетъ исправиться.

Вашъ искренно доброжелательный
25-го марта 1824 г.
Въ С.-Петербургѣ. Николай.

Приведенное письмо являлось отвѣтомъ на письмо А. А. Закревскаго, который обратился къ Николаю Павловичу, какъ къ бригадному командиру той гвардейской бригады, куда входили полки л.-гв. Измайловскій и Егерскій, т. е. какъ къ начальнику поручика Дюклу.

Къ біографіи декабриста Лунина.

Отношеніе
Цесаревича Константина Павловича графу М. А. Милорадовичу.
(13 іюня 1815 г., № 3643).

Получивъ при рапортѣ Вашего Сіятельства № 1161 прошеніе, поданное на Высочайшее имя Кавалергардскаго полка отъ ротмистра Лунина о переводѣ его, по недостаточному состоянію содержать себя въ гвардіи, въ армію, я, находя причину сію недостаточною, ибо онъ когда служилъ до сего времени, слѣдовательно, могъ содержать себя, то и теперь долженъ служить въ семъ полку и потому я не согласенъ на переводъ его и въ семъ ему поручаю отказать.

Внизу бумаги имѣется помѣтка: „кажется, есть другая причина“.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Глава IV [1]).

Сѣрныя бани.—Постъ.—Вечера у Великаго Князя-Намѣстника.—Игра на віолончели.—Музыкальный вечеръ у А. Н. Муравьева.—Катанья въ окрестностяхъ.—Жизнь на улицахъ.—Кура.—Карабахскій табунъ.—Циркъ Сура. Театръ.—Подарокъ Великой Княгини.—Пикникъ въ ботаническомъ саду.—Танцы. — Лезгинка. — Обратный путь. — Владикавказъ. — Дагестанскій полкъ.—Смотръ Тверцовъ, Сѣверцовъ и Переяславцевъ.—Кабардинскіе табуны.—Лихорадка.—Черноморскіе табуны.—Смотръ запасныхъ эскадроновъ.—Егорлыкъ.—Задонскіе табуны.—Калмыки табунщики.

Въ одинъ изъ вечеровъ мы поѣхали съ Вел. Княземъ въ восточныя бани съ сѣрными ключами. Банщики—все персіяне, моютъ удивительно искусно. Хозяинъ бани, въ ожиданіи Вел. Князя, убралъ комнаты коврами и цвѣтами, съ улицы зажегъ иллюминацію и смоляныя бочки, такъ что народу собралось не мало. Кромѣ меня взятъ былъ еще Ростовцевъ.

Рядомъ съ комнатой, въ коей раздѣваются, находилась продолговатая, со сводами и куполомъ комната съ мраморнымъ бассейномъ и сѣрнымъ ключемъ.

Запахъ тухлыми яйцами очень силенъ, но къ нему скоро привыкаешь. Сначала надо сѣсть въ сѣрную ванну, что не легко, т. к. температура натуральнаго ключа доходитъ до 36°; духъ захватываетъ. Посидѣвъ въ ваннѣ минутъ десять, начинаешь усиленно потѣть; ложишься на скамью, а банщикъ садится на корточки и принимается тереть васъ, вѣрнѣе полировать волосяною перчаткою, потомъ массируетъ: руки, ноги, грудь, спину, такъ что кости хрустятъ. Въ заключеніе, беретъ шелковый мѣшокъ, натираетъ его мыломъ, мочитъ водою, надуваетъ и, выдавливая воздухъ, покрываетъ тѣло пѣной, затѣмъ окачиваетъ водой, сажаетъ минуты на двѣ въ ванну и, снова окативши свѣжей струей, выпускаетъ одѣваться.

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1909 года.

Вел. Князь наслаждался, я тоже, Ростовцевъ пыхтѣлъ и смѣшилъ.

Дни нашего пребыванія въ Тифлисѣ совпадали съ постомъ: постоянный звонъ въ церквахъ, по временамъ хорошая погода, катанье за-городъ верхомъ, или въ коляскѣ, завтраки и обѣды у Вел. Князя-Намѣстника.

Иногда на вечера приглашалась по очереди мѣстная знать; пили чай; на нѣсколькихъ столахъ играли въ карты. Великая Княгиня сидѣла обыкновенно въ гостиной съ двумя—тремя дамами.

На этихъ однообразныхъ вечерахъ царила скука; за то въ другіе дни я нѣсколько разъ игралъ на віолончели, и Ея Высочество аккомпанировала мнѣ на роялѣ; при этомъ я всегда долженъ былъ являться въ мундирѣ, хотя, кромѣ Вел. Князя, въ сосѣднемъ кабинетѣ никого не было.

Его Высочество читалъ вороха докладовъ, послѣ музыки пили чай, я совершенно непринужденно болталъ съ Вел. Княгиней понѣмецки, что̀ невольно смягчало обыкновенно царившій этикетъ. Однажды утромъ мой Вел. Князь спрашиваетъ меня:

— „Ты вчера игралъ?“

— „Игралъ, Ваше Высочество“.

— „Великая Княгиня хорошо играетъ?“

— „Очень хорошо и замѣчательно свободно читаетъ ноты“.

— „А братъ что̀ дѣлалъ?“

— „Читалъ доклады весь вечеръ“.

Въ одинъ изъ свободныхъ дней я принялъ участіе на музыкальныхъ вечерахъ у А. Н. Муравьева.

Играли артисты опернаго театра; я игралъ съ ними секстетъ „Шпора“ и квинтетъ „Шумана“ съ фортепіано. По утрамъ Его Высочество приходилъ (по корридору) къ намъ, сѣвъ однажды съ нами въ коляску, такъ чтобы его не видѣли, онъ поѣхалъ со своей свитой кататься по окрестностямъ, высматривая по базарамъ и караванъ-сараямъ лошадей.

Разъ послѣ обѣда, подъ вечеръ, Его Высочество приказалъ осѣдлать кабардинскихъ лошадей дворцовой конюшни и со Струковымъ и мною поѣхалъ куда глаза глядятъ по городу и окрестностямъ.

Улицы тянулись передъ нами въ угловатыхъ выступахъ, домахъ съ балконами, съ навѣсами и узорчатыми перилами, изъ которыхъ выглядывали однообразныя лица старыхъ грузинокъ съ горбатыми носами, большими темнокарими глазами, дугообразными бровями, вдавшимся ртомъ и острымъ подбородкомъ; къ этому — ввидѣ рамки—неизмѣнныхъ два локона.

Проѣхавъ рядъ улицъ съ подъемомъ и спускомъ, мы очутились въ лощинѣ, превратившейся въ улицу, съ рядомъ домовъ, за кото-

рыми высились горы. Слѣдуя впечатлѣнію глаза, мы поднялись на лѣвый кряжекъ, увѣнчанный во всю длину развалинами персидской крѣпости, во время оно громившей столицу Грузіи. Въ послѣдній разъ, кажется, въ 1799 г.

Дорога, сначала шоссированная, по мѣрѣ приближенія къ цитадели замка, превратилась въ каменную тропу съ лѣвой и крѣпостными стѣнами съ правой стороны, за которыми расположенъ Ботаническій садъ.

Начало вечерѣть; солнце, склоняясь къ западу, стало золотить прозрачныя тучки и румянить вдали вершину Казбека и его почтенныхъ, увѣнчанныхъ сѣдиною, сосѣдей. Предгорія, по мѣрѣ приближенія къ намъ, окрашивались все въ болѣе темные тона. Воздухъ изъ прозрачной, но густой синевы, отдаляясь къ горизонту, переходилъ въ фіолетовый, розовый и наконецъ ярко-золотистый цвѣтъ.

На сѣверѣ наши цвѣта тоже ярки, но холодны, здѣсь же удивляешься сочности и теплотѣ красокъ.

Любуясь закатомъ солнца, мы не замѣтили, какъ быстро стемнѣло въ долинѣ; въ городѣ засверкали огоньки, а на небѣ заблестѣли звѣздочки.

Карабкаясь подъ стѣнами башенъ, мы обогнули замокъ и стали спускаться въ, такъ называемый, Татарскій кварталъ, съ узкими улицами, плоскими крышами, съ мусульманскимъ населеніемъ. Грязь, вонь, все другъ на другѣ нагромождено, но живописно.

Вся жизнь наружу: вотъ персіянинъ укладывается спать на балконѣ, татары оканчиваютъ вечернюю молитву, а дальше у порога сидятъ женщины въ бѣлыхъ чадрахъ и, освѣщенныя краснымъ отблескомъ жаровни, рисуются въ моемъ воображеніи, какъ вѣдьмы Макбета. Мы незамѣтно спустились на торговую площадь; несмотря на поздній часъ, торговцы и покупатели все еще копошились при красновато-желтомъ свѣтѣ сальныхъ свѣчей.

Кого тутъ, только не было: продавцы зелени, шапочники, кузнецы, оружейники, слесаря, кухни, хлѣбопеки, все другъ противъ друга въ рядахъ лавокъ безъ оконъ и дверей, отдѣленныхъ одна отъ другой простѣнками.

На площади самая разнообразная смѣсь оборванныхъ костюмовъ и разнородныхъ лицъ; женщинъ мало, а которыя есть, такъ все больше старухи. Изъ животныхъ — толстокожія имѣютъ наибольше представителей: ослы скромно и покорно тащатъ уголь, понукаемые крикомъ мальчиковъ-погонщиковъ; катера, или мулы проходятъ караванами съ колокольчиками, навьюченные съѣстными припасами, или тюками фуража; вотъ тащится тяжелая, двухколесная арба,

влекомая четверкою съ уносомъ буйволовъ. Въ арбѣ цѣлое грузинское семейство съ огромнымъ грузомъ сырыхъ сельскихъ продуктовъ или нераспиленными дровами. Но вотъ гордо съ сознаніемъ собственнаго достоинства выступаетъ житель пустыни верблюдъ; онъ, такъ сказать, заканчиваетъ картину востока и обрисовываетъ азіатскій характеръ города.

Всмотрѣвшись въ малѣйшія подробности и наглядѣвшись вполнѣ, мы повернули въ темный переулокъ, ведущій на мостъ черезъ Куру.

Разъѣзжая по улицамъ и базарамъ, глаза наши приглядѣлись къ красноватому освѣщенію и, выѣзжая на мостъ, мы вдругъ были поражены совершенною противоположностью—серебрянымъ потокомъ яростно мчавшейся Куры.

Луна фантастически освѣщала рѣку, обрывы скалъ и зданій.

Кура въ этомъ мѣстѣ течетъ между двумя крутыми обрывами, дѣлая небольшой поворотъ и образуя нѣсколько, какъ бы декоративныхъ плановъ.

На вершинахъ обрывовъ гнѣздятся въ живописномъ безпорядкѣ: дома съ балконами, замокъ, церковь, мечеть. Рѣзко освѣщенные луной выступы, увеличивая черноту погруженныхъ въ тѣнь предметовъ, дѣлали чисто Рембрантовскій эффектъ свѣта-тѣни. Картина была до того хороша, что Великій Князь невольно воскликнулъ: „смотри, ребята, что за чудесная картина!“ И дѣйствительно было чему подивиться!

Тѣмъ временемъ на сосѣдней башнѣ пробило 10 часовъ. Его Высочество поспѣшилъ домой, вдоволь насладившись вмѣстѣ съ нами дивной прогулкой.

Выѣхавъ къ театру, мы встрѣтили Великаго Князя-Намѣстника съ Вел. Княгиней. Они ѣхали въ коляскѣ въ сопровожденіи взвода конвоя, при чемъ у передовыхъ казаковъ были смоляные факела. Такой выѣздъ очень красивъ, но нашъ Вел. Князь былъ врагомъ всякой помпы и въ душѣ любилъ простоту, особенно въ дѣлахъ и докладахъ, не терпѣлъ, если кто-либо придавалъ преувеличенное значеніе своей работѣ, или дѣйствіямъ и называлъ это „wichtigtuerei“ и высмѣивалъ.

Между тѣмъ настала страстная суббота; мы отстояли заутреню въ Сіонскомъ соборѣ, построенномъ въ V вѣкѣ, при грузинскомъ царѣ Вахтангѣ. Это былъ самый древній изъ видѣнныхъ мною храмовъ. Стѣны въ немъ вновь расписаны кн. Гагаринымъ пестро, узорно, фигурно, вообще хорошо.

Послѣ заутрени, въ $2^1/_2$ ч. ночи вернулись во дворецъ, чтобы встрѣтить и похристосоваться съ Ихъ Высочествами.

Подходили къ ручкѣ Вел. Княгини, а затѣмъ сѣли за столъ и разговѣлись. На первый день не было конца поздравленіямъ и всякимъ оффиціальнымъ церемоніямъ. Забавно было, когда пришло городское населеніе съ зурною, огромными дайрами и знаменами поздравлять Ихъ Высочества.

Вечеромъ мы пошли съ Ростовцовымъ и сопровождавшимъ насъ художникомъ Дмитріевымъ Оренбургскимъ въ циркъ „Сура“. Я не скучалъ, а подъ конецъ совсѣмъ развеселился, когда кто-то въ заднихъ рядахъ закричалъ „пожаръ“, и всѣ съ крикомъ и гамомъ бросились на арену. Ковардакъ вышелъ страшный, и публика долго не могла успокоиться.

На другой день, 17 апрѣля, праздновалось рожденіе Государя обѣднею въ Сіонскомъ соборѣ, разводомъ на Театральной площади и параднымъ обѣдомъ на триста человѣкъ съ музыкой.

Вечеромъ мы были въ театрѣ, гдѣ давали „Свекровь и Теща“. Театръ выстроенъ при Воронцовѣ, внутренность отдѣлана въ персидскомъ вкусѣ.

На дняхъ пригнали Карабахскій табунъ изъ 30 кобылъ съ 8-ью жеребятами. Его Высочество былъ очень доволенъ этому подарку отъ Карабахской Ханши-Уцміевой.

Мы нѣсколько разъ часами проводили время въ созерцаніи красоты этихъ дикихъ дамъ. Это былъ первый косякъ, который мнѣ довелось видѣть.

Струковъ, зная слабость Вел. Князя къ лошадямъ, безъ устали восторгался, поддакивалъ и вывинчивалъ на всѣ лады. Видя это, и мы съ Ростовцовымъ не отставали. Вниманіе мое было поражено, когда пущенный въ косякъ золотистый жеребецъ, подарокъ Его Высочества-Намѣстника, сосредоточилъ всю свою страсть на одной кокетливой кобыленкѣ.

Какъ ни странно, но въ отношеніяхъ между полами у лошадей, за продолжительный срокъ моихъ наблюденій, я замѣтилъ много общихъ, основныхъ чертъ съ людьми. У нихъ темпераментъ и личность имѣютъ такое же значеніе. Имѣя цѣлый гаремъ, обладатель его остается равнодушнымъ къ красотѣ своихъ законныхъ женъ, и если появится особа страстная, то все его вниманіе сосредоточивается исключительно на ней; онъ забываетъ гаремъ и занятъ исключительнымъ ухаживаньемъ за ней одной.

22-го утромъ проводили табунъ и завтракали у Ихъ Высочествъ.

Послѣ завтрака Вел. Княгиня позвала меня въ кабинетъ и подарила на память серебряную кружку мѣстной работы, съ изображеніемъ играющихъ музыкантовъ, затѣмъ свою фотографію съ

собственноручной подписью, выразивъ при этомъ увѣренность, что мы будемъ видѣться въ Петербургѣ.

Всѣ товарищи получили по различному подарку.

Къ обѣду мы поѣхали на пикникъ мѣстнаго дворянства, устроенный въ Ботаническомъ саду.

Столы были накрыты подъ сѣнью вѣковыхъ орѣховыхъ деревьевъ. Выбранъ былъ тулумбашъ — одинъ изъ старшихъ генераловъ—грузинъ; стали подавать яства изъ мѣстной кухни, при чемъ пилавъ и шашлыкъ принесены были торжественнымъ шествіемъ на серебряныхъ блюдахъ подъ колпаками, предшествуемые зурною и ритмическимъ перебоемъ дайръ.

Пилавъ былъ приготовленъ на славу.

Во время обѣда, кромѣ хора музыки, пѣли еще персидскіе пѣвцы. Пѣніе ихъ оригинально, имѣетъ опредѣленный размѣръ, больше въ $^6/_8$, больше всего мотивъ схожъ съ баркаролами, но изукрашенъ чрезмѣрно фіоритурами, которыя пѣвцы выдѣлываютъ горловыми звуками.

Сидѣли мы среди дамъ, что не мѣшало однако, черезъ посредство тулумбаша, вливать въ насъ изрядное количество вина.

Послѣ обѣда, когда стало смеркаться, зажгли иллюминацію и начались танцы.

Пріѣхали Ихъ Высочества.

Я танцовалъ кадриль съ Великой Княгиней; затѣмъ начались мѣстные танцы, и меня заставили съ какой-то красавицей протанцовать лезгинку.

Мы очень веселились: весенняя ночь, воздухъ, вино, музыка, возбуждающій ритмъ, выбиваемый на дайрахъ, упоительная лезгинка съ красавицей княгиней,—всѣ эти чары востока ядомъ разлились по жиламъ и отравили меня жгучею страстью, отъ которой я исцѣлился только исподволь, когда виды Кавказа скрылись изъ глазъ, и мы покатили по необозримымъ южнымъ степямъ.

На утро назначены были скачки, гдѣ я еще разъ увидѣлъ, любовался и могъ поцѣловать ручку красавицы княгини, съ которой танцовалъ вчера, и которая погрузила меня въ рой неосуществимыхъ мечтаній; затѣмъ, откланявшись Ея Высочеству, мы поѣхали въ Владикавказъ по Военно-Грузинской дорогѣ.

Въ это время года, по этому пути бываютъ обвалы. Передъ нами только-что раскопали огромный, снѣжный обвалъ, длиною версты на 3 или 4.

Мы ѣхали среди снѣжныхъ стѣнъ до ст. Казбекъ. Поѣздъ нашъ состоялъ изъ цѣлой вереницы экипажей; впереди ѣхали Ихъ Высочества, сопровождаемые конвоемъ.

За ст. Казбекъ, въ Дарьялскомъ ущельѣ, за два часа до нашего проѣзда произошелъ каменный обвалъ: нѣсколько громадныхъ глыбъ и цѣлая масса мелкихъ камней завалили шоссе.

Чтобы не задержать нашъ проѣздъ, были собраны рабочіе осетины, которые на рукахъ перетащили экипажи, лошадей запрягли съ другой станціи.

Во Владикавказѣ Ихъ Высочества были встрѣчены наказнымъ атаманомъ Терскаго войска Михаиломъ Таріэловичемъ Лорисъ-Меликовымъ.

Великія Князья остановились во дворцѣ. Оффиціальныя представленія, парадный обѣдъ съ очень хорошимъ струннымъ оркестромъ Терскихъ казаковъ, сердечныя изліянія (сопровождаемыя кахетинскими возліяніями) знакомыхъ намъ по конвою Терцевъ,—все это заключилось крѣпкимъ сномъ.

Хорошее кахетинское вино отличается тѣмъ, что не оставляетъ непріятныхъ послѣдствій.

На другой день утромъ Его Высочество смотрѣлъ и всѣ любовались Дагестанскимъ коннорегулярнымъ полкомъ, который былъ весь составленъ изъ мюридовъ и наибовъ Шамиля; командовалъ имъ полковникъ князь Чавчавадзе.

Люди замѣчательно типичны, характерны и красивы, въ особенности поражаютъ ихъ профили и выраженіе гордаго сознанія собственнаго достоинства.

На всадникахъ были коричневыя черкески и синіе башлыки.

Его Высочество самъ продѣлалъ съ ними полковое ученіе на сигналахъ. Сотни щеголяли стройностью перестроеній и движеній.

На слѣдующій день былъ парадъ Владикавказскому гарнизону. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ парадировалъ. Дагестанцы были въ бѣлыхъ черкескахъ и красныхъ башлыкахъ; полкъ—выдающейся красоты. Послѣ парада и завтрака мы поѣхали въ станицу „Прохладную“ и 26 апрѣля смотрѣли 15 Драгунскій, Тверской Его Высочества полкъ, 17 Сѣверскій, Короля Датскаго и 18 Переяславскій Наслѣдника Цесаревича, Сводно-Казачій и № 1 батарею Терскаго войска.

Переяславцами командовалъ въ будущемъ мой большой пріятель красавецъ Степанъ Степановичъ Леоновъ.

Смотръ былъ блестящій. Его Высочество остался очень доволенъ ѣздой офицеровъ и нижнихъ чиновъ, сомкнутостью построеній и правильностью движеній.

Конскій составъ оказался очень хорошъ и соотвѣтствовалъ своему назначенію. Лошади хорошо содержаны и выдержаны въ такомъ тѣлѣ, какъ должны быть кавалерійскіе полки.

Затѣмъ Великому Князю были представлены кабардинскіе табуны.

Въ то время кабардинцы еще были законодателями модъ.

Коневоды показывали свои табуны и косяки въ числѣ до 6.000 головъ.

Въ то время кабардинскіе и горскіе табуны процвѣтали, т. к. не были стѣснены попасами.

Кабардинскія лошади поздно складываются, а потому взятыя только на седьмомъ году подъ верхъ отличаются качествами необыкновенно крѣпкихъ и выносливыхъ лошадей; а взятыя въ трехъ, или четырехъ лѣтнемъ возрастѣ, какъ наши ремонтныя лошади, легко безножатъ.

Коневоды подвели нѣсколько матокъ. Великій Князь былъ въ восторгѣ: онъ прежде всего любилъ лошадь, какъ лошадь, а потомъ уже породу; былъ замѣчательный знатокъ лошадей, но, видя недостатки, иногда закрывалъ на нихъ глаза и смягчалъ ихъ значеніе, если находилъ какое-либо выдающееся достоинство. Въ особенности это относится къ лошадямъ завода Его Высочества, которыя поэтому, имѣя опредѣленный типъ, поражали иногда своими отклоненіями.

Во время ѣзды отъ станицы до станицы Великихъ Князей конвоировали второочередныя казачьи сотни со своими сотенными значками.

Казаки на ровныхъ мѣстахъ съ пальбою отчаянно джигитовали.

Заглядѣвшись на табуны до самыхъ сумерокъ, я ничего на себя не накинулъ во время солнечнаго заката и схватилъ лихорадку. Всю ночь я провелъ, почти, безъ памяти, сидя въ коляскѣ въ сильнѣйшемъ жару. На утро, при остановкѣ въ Моздочкѣ, Великіе Князья уже отпили чай, когда мы подъѣзжали съ опозданіемъ на четверть часа.

При поѣздкѣ въ экипажѣ первое правило, которое слѣдовало соблюдать — это ни въ какомъ случаѣ не отставать отъ экипажа Его Высочества, иначе мы рисковали легко запоздать на нѣсколько часовъ.

Томимый жаждой, я торопился напиться чаю и сталъ пить съ блюдечка.

Великій Князь-Намѣстникъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „so trinken nur unwolerzogene Ünglinge!“

„Und schpudende Reisende, Kaiserliche Hochheit!“ отвѣтилъ я. „Меня всю ночь била лихорадка, Ваше Высочество“.

„Такъ тебѣ надо сейчасъ же принять хину“,—сказалъ Великій Князь и приказалъ всыпать въ меня порошокъ.

Припадокъ не повторился.

Проѣздомъ по Кубанскому войску нашему Вел. Князю были показаны черноморскіе табуны. На степномъ раздольѣ, въ то время ихъ насчитывалось свыше 100.000 головъ.

Въ 1895 г. я былъ командированъ Воен. Министромъ на Кубань; число черноморскихъ лошадей сократилось до 1.500 головъ: ихъ, равно, какъ и горскихъ табуновъ, вытѣснили овцы и плугъ.

Въ станицѣ Усть-Медвѣдицкой, на границѣ Донскаго и Кубанскаго войска Ихъ Высочества разстались, и мы поѣхали въ с. Медвѣжье, гдѣ Вел. Князь осмотрѣлъ резервные эскадроны Кавказской кавалерійской дивизіи, а затѣмъ уже по Задонскимъ степямъ направились въ Егорлыкскую станицу, куда, на показъ Его Высочеству, были согнаны табуны Задонскихъ коневодовъ, въ числѣ до 30.000 головъ.

Табуны эти въ теченіе двухъ сутокъ прогонялись передъ Вел. Княземъ.

Послѣ сокращенія нашей кавалеріи къ 1862 году, со штата восьмидесяти до тридцати шести тысячъ или на сорокъ четыре тысячи лошадей,—отечественное верховое коннозаводство сразу было подорвано, чему не мало способствовало также и уничтоженіе крѣпостного труда.

Для ремонтированія кавалеріи пришлось искать другихъ источниковъ, и Вел. Князь обратился къ Задонскому коневодству, кот. съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени поставляетъ большинство ремонта.

Поѣздка весною по степямъ Задонскимъ и сѣвернаго Кавказа представляла необыкновенную прелесть: степь была въ цвѣту, мѣстами, казалось, мы ѣдемъ по волнующемуся морю,—это былъ ковыль, который въ настоящее время обширными пространствами нигдѣ не встрѣчается.

Осмотръ Задонскаго коневодства въ Егорлыкской станицѣ имѣлъ большое значеніе для главнаго источника ремонтовъ нашей кавалеріи, который снабжалъ и снабжаетъ насъ крѣпкою, выносливою, пріученною къ суровымъ невзгодамъ лошадью. Въ продолженіе двухъ дней передъ нами коневоды по очереди прогоняли по косякамъ свои табуны.

Табунщиками служатъ калмыки и калмычки.

Его Высочество приказалъ показать себѣ выѣздку неуковъ; калмыки съ необычайною ловкостью набрасывали арканъ на избранную изъ табуна лошадь; табунъ, какъ вихрь, проносился передъ нами, а пойманный неукъ бился и упирался съ петлею на шеѣ.

Калмыкъ-арканщикъ удерживалъ арканъ ногою и наклоненіемъ своего и лошади корпуса въ противоположную сторону. Другіе, спѣ-

пившіеся калмыки бросались къ неуку, ловили его за уши, на губу надѣвали лещетки и быстро сѣдлали. Одинъ изъ калмыковъ садился верхомъ, затѣмъ снимали арканъ, отпускали уши и лещетку.

Неукъ, почуявъ свободу, начиналъ дѣлать невѣроятные скачки, горбилъ спину, а, сросшійся съ нимъ, калмыкъ спокойно награждалъ его ударами плети; другіе калмыки били неука сзади, чтобы заставить идти впередъ; тогда неукъ искалъ избавленія въ бѣгствѣ и вскорѣ скрывался въ даль.

Минутъ черезъ десять калмыкъ возвращался, а неукъ бѣжалъ подъ нимъ рысью, исполняя повороты вправо и влѣво. Среди калмычекъ находятся такія лихія наѣздницы, которыя укрощаютъ неуковъ тѣмъ же способомъ.

Кто желаетъ видѣть артистически исполненное, рельефное изображеніе описаннаго, можетъ видѣть это на знаменитой вазѣ, составляющей драгоцѣнное сокровище нашего Эрмитажа. Массы дикихъ лошадей, руководимыя калмыками, представляли не только интересное, но и необыкновенно живописное зрѣлище.

Вокругъ насъ, при крикахъ и понуканіяхъ табунщиковъ, вращалась вся эта (выражаясь образно) тьма лошадей и заставляла радостно биться кавалерійское сердце. Вел. Князь блаженствовалъ и за завтракомъ, вопреки своему обыкновенію, изволилъ пить Донское шипучее вино.

Я въ первый разъ видѣлъ Его Высочество въ такомъ настроеніи и, пользуясь его необычайной добротой и снисходительностью, сказалъ ему: „видно, что сегодня кавалерійскій праздникъ, если Ваше Высочество разрѣшило себѣ вино и елей. Я еще такимъ Васъ не видалъ“.

„Чучело, отвѣтилъ Вел. Князь, развѣ ты не радуешься при видѣ этихъ тысячъ лошадей“.

„Какъ мнѣ не радоваться, я тоже захмѣлѣлъ, но еще не могу разобрать глазами или горломъ“.

„А чтобъ было то и другое—выпей это“. Вел. Князь далъ мнѣ большой стаканъ вина, который я осушилъ залпомъ.

Его Высочество благодарилъ коневодовъ и Наказнаго Атамана—Краснокутскаго за доставленное ему наслажденіе и выразилъ надежду, что коневоды, съ своей стороны употребятъ всѣ усилія къ достиженію въ ихъ богатомъ матеріалѣ вывода доброй ремонтной лошади, столь необходимой для нашей кавалеріи.

Вел. Князь обѣщалъ принять дѣятельное участіе и оказать имъ во всемъ поддержку.

Его Высочество сдержалъ свое слово и постоянно былъ ревностнымъ покровителемъ Задонскаго коневодства.

Глава V.

Новочеркасскъ. — Провальскій конный заводъ.—Бѣловодскіе заводы. — Пастуховъ.—Заводскій хоръ въ Ново-Александровскѣ.—Хохлушки.—Чары весны.—Осмотръ резервныхъ кавалерійскихъ бригадъ.—Переѣзды.—Временный постовый трактъ.—Чесменка.—Конный заводъ Великаго Князя.—Василій Петровичъ Воейковъ.—Осмотръ завода.—Возвращеніе.

Простившись съ коневодами, Вел. Князь проѣхалъ въ Новочеркасскъ, гдѣ мы провели день у атамана, отдохнули и поѣхали въ Провальскій войсковой конный заводъ.

Его Высочество осмотрѣлъ по одиночкѣ, на выводкѣ всѣхъ жеребцовъ и матокъ съ приплодомъ, а затѣмъ косяки годовичковъ 2-хъ и 3-хъ лѣтокъ; въ заключеніе табунъ жеребцовъ, которые поступаютъ съ Задонскихъ зимовниковъ и предназначаются производителями въ станичные табуны.

Вел. Князь остался очень доволенъ составомъ завода, среди производителей котораго было много стрѣлецкихъ, чистокровныхъ арабовъ.

Во время пребыванія на заводахъ обыкновенно за завтраками и обѣдами между любителями и коневодами шли оживленные разговоры, высказывались всевозможные взгляды на подборъ лошадей, на содержаніе, качество породъ; обсуждались отдѣльные, только-что видѣнные экземпляры, выводились ихъ породы и проч.

Будучи новичкомъ въ этомъ дѣлѣ, я слушалъ внимательно, старался запомнить типичныя выраженія, но и тогда уже замѣтилъ, что у этихъ господъ много увлеченія, или рисовки. Со временемъ я настолько прислушался къ подобнымъ разговорамъ, что уже впередъ зналъ мнѣніе каждаго.

Вел. Князь страшно любилъ все, что только касалось лошади и съ необыкновеннымъ усердіемъ работалъ надъ этимъ дѣломъ, ведя собственноручно книги своего коннаго завода въ Чесменкѣ, а потомъ и коневодства на Дону.

Онъ вывелъ родословыя таблицы орловскихъ лошадей—работа, потребовавшая усидчиваго вниманія и еще большаго терпѣнія.

Что касается меня лично, я потомъ не выдерживалъ этихъ безконечныхъ разговоровъ о достоинствахъ и недостаткахъ лошадей и ихъ родословной.

Впослѣдствіи, чѣмъ я становился старше, тѣмъ больше позволялъ себѣ дѣлать замѣчанія и насмѣхаться надъ приторно страстными любителями.

Во время весеннихъ объѣздовъ зимовниковъ и осмотровъ бри-

гадъ кавалерійскаго запаса, мы нѣсколько разъ заѣзжали въ Провальскій заводъ, но, къ сожалѣнію, съ каждымъ пріѣздомъ убѣждались въ его упадкѣ, который происходилъ главное отъ недостатка въ подходящихъ производителяхъ.

Съ Провальскаго завода мы переѣхали на Бѣловодскіе государственные заводы; начали съ Деркульскаго, въ составъ котораго входили: тяжеловозы, першероны, ардены и битюги.

Въ числѣ тяжеловозовъ находился въ то время знаменитый Энгляндсъ-глори, подковы котораго закрывали край тарелки; это былъ какой-то слонъ гнѣдой масти.

Съ Деркульскаго завода мы проѣхали въ Ново-Александровскій заводъ, начальникомъ котораго былъ ветеринаръ Пастуховъ,—милѣйшій хохолъ.

Впослѣдствіи намъ часто пришлось съ нимъ встрѣчаться, т. к. Вел. Князь взялъ его къ себѣ управляющимъ Чесменскаго завода.

Въ Ново-Александровскѣ заводъ состоялъ изъ шорныхъ лошадей, большинство которыхъ поступало въ придворную конюшню, а болѣе верховаго типа покупались на верховые заводы и подъ сѣдло офицеровъ.

Весь день мы проводили тѣмъ же порядкомъ, какъ въ Провальскомъ заводѣ, то есть—съ ранняго утра и до поздняго вечера смотрѣли лошадей.

Вел. Князь сидѣлъ обыкновенно за столомъ, среди манежа и дѣлалъ отмѣтки на лежащемъ передъ нимъ спискѣ; начальникъ Канцеляріи Его Высочества—почтеннѣйшій Ѳедоръ Степановичъ Джунковскій сидѣлъ по лѣвую сторону и записывалъ замѣчанія Вел. Князя, мы же остальные сидѣли по обѣ стороны, а за нами стояли служащіе на заводѣ чиновники.

Его Высочество иногда вставалъ и обходилъ выведенныхъ лошадей; въ этомъ случаѣ любители высказывали свои мнѣнія, стараясь угодить Вел. Князю.

Насъ сопровождалъ адъютантъ атамана Краснокутскаго—Валеріанъ Мартыновъ, который въ запуски со Струковымъ рисовались знатоками и страстными любителями.

— „Какъ жаль, говорилъ Его Высочество, что такая прекрасная по статьямъ лошадь немного вислоуха!“

— „Ничего, Ваше Высочество, перебиваетъ Струковъ, она поѣстъ хорошенько овса, и уши встанутъ“.

— „Ѳедоръ Степановичъ, обращался Его Высочество, посмотрите, въ вѣдомости, отъ кого эта лошадь“.

— „Отъ Озаиса и Цигарки“.

Ѳедоръ Степановичъ былъ немного косноязыченъ и трудно вы-

говаривалъ иностранныя имена; „Оазисъ“ передѣлывался въ Озаиса“, а Сигарка всегда выговаривалась какъ „Цигарка“.

Мы, мальчишки, не пропускали этихъ оговорокъ и подымали ихъ на смѣшки.

Вечеромъ Пастуховъ, какъ любитель пѣнія, угостилъ насъ хоромъ заводскихъ служителей и крестьянокъ изъ сосѣдняго села.

Заводскій хоръ пѣлъ очень красивыя малороссійскія пѣсни, но меня гораздо болѣе заинтересовалъ хоръ малороссіанокъ.

Хохлушки были въ національныхъ костюмахъ, съ цвѣтами на головѣ и въ красныхъ сапожкахъ. Между ними три или четыре были очень миловидны и граціозны.

Его Высочество выходилъ къ нимъ и благодарилъ за пѣніе и пляску, а одну стройную хохлушку потрепалъ по щекѣ.

Вечеръ былъ чудный, весенній; зацвѣтала сирень и бѣлая акація съ ихъ дивнымъ ароматомъ, который жадно вдыхается вмѣстѣ съ теплымъ дуновеніемъ вѣтерка. Вотъ когда дышишь полной грудью! Вотъ когда наслаждаешься природой, которая захватываетъ тебя и наполняетъ довольствомъ!

Его Высочество страшно любилъ это время и, среди людей, къ которымъ онъ былъ расположенъ, а также возлюбленныхъ лошадей всѣхъ возрастовъ и типовъ, Великій Князь забывалъ тягости своей жизненной обстановки и былъ, хотя кратковременно, но вполнѣ счастливъ.

Отъ этого зимою съ приближеніемъ весны у насъ развивалось чувство, должно быть испытываемое птицами, когда ихъ тянетъ на весну, и они летятъ на сѣверъ; а насъ тянуло на югъ, чтобы встрѣтить въ полѣ, въ степяхъ Задонскихъ весну, вмѣстѣ съ ней шествовать на сѣверъ, растягивая по возможности ея продолжительность.

Въ особенности это было замѣтно на цвѣтеніи сирени, акацій и плодовыхъ деревьевъ, обыкновенно двухнедѣльный срокъ которыхъ для насъ обращался въ пяти-шести недѣльный.

Изъ Ново-Александровскаго завода мы переѣхали въ Стрѣлецкій, которымъ управлялъ генералъ Звалянскій.

Стрѣлецкій заводъ состоялъ изъ англійскихъ производителей и матокъ и чистокровнаго арабскаго разсадника. Затѣмъ въ Стрѣлецкомъ заводѣ собиралась продажная ставка.

Въ числѣ англійскихъ производителей мнѣ очень понравился свѣтло-рыжій жеребецъ „Серъ-Татенъ-Сайксъ“, къ нему тянуло отчасти уланское сердце, а также его прекрасныя качества.

Его Высочество, какъ страстный любитель, въ особенности верховыхъ лошадей, смотрѣлъ и пересматривалъ понравившихся ему чѣмъ-либо особеннымъ по нѣсколько разъ.

*

Будучи въ такомъ настроеніи, Великій Князь требовалъ сосредоточеннаго вниманія и отъ своей свиты.

— „Митька, ты не смотришь! Ты чѣмъ-то занимаешься посторонним, значитъ, не любишь лошадей!“

— „Никакъ нѣтъ, Ваше Высочество, очень люблю, но уже въ глазахъ отъ любви рябитъ“.

Услыша такое замѣчаніе, чтобы не огорчать Великаго Князя, да и себя не выдать передъ усердствующими любителями, поневолѣ начинаешь вставлять также и свои замѣчанія и дѣлать вопросы по родословію, или производить восклицанія по выдающимся достоинствамъ, въ которыхъ не чаешь ошибиться.

Великій Князь это любилъ.

Завтраки, обѣды и вечера мы проводили въ семействѣ Звалянскаго.

Изъ Стрѣлецкаго завода Его Высочество поѣхалъ по всѣмъ семи резервнымъ кавалерійскимъ бригадамъ и осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Кавказскими—46 резервныхъ армейскихъ кавалерійскихъ эскадроновъ.

Въ то время резервныя бригады выѣзжали ремонты и обучали новобранцевъ, а потому представлялись Великому Князю сначала въ конномъ строю, въ полной парадной формѣ, затѣмъ на выводкѣ.

Его Высочество остался очень доволенъ обученіемъ молодыхъ солдатъ, выѣздкою ремонтовъ и вообще работою резервной кавалеріи, такъ что въ приказѣ изъявилъ свою особенную благодарность всѣмъ безъ исключенія командирамъ резервныхъ армейскихъ эскадроновъ, вообще за ихъ отлично усердную службу и хорошее веденіе своего дѣла. По окончаніи смотровъ мы проѣхали въ Чесменку—имѣніе Его Высочества съ коннымъ заводомъ.

Переѣзды отъ одного мѣста смотра до другого совершались безостановочно; смотръ производился тотчасъ по пріѣздѣ, выходя изъ экипажей. Послѣ смотра Великій Князь приглашалъ всѣхъ начальствующихъ лицъ къ своему столу.

Въ Богучарахъ смотръ начался въ шесть утра и окончился въ 9 часовъ. Вслѣдъ затѣмъ мы сѣли обѣдать.

Ростовцева подобное распредѣленіе питанія приводило въ отчаяніе: „что же, говорилъ онъ, вѣдь этакъ мы скоро и наканунѣ будемъ обѣдать“.

Дѣйствительно, случались переѣзды въ 800 верстъ, и Великій Князь по своему обыкновенію не пилъ и не ѣлъ отъ мѣста до мѣста.

Обыкновенно въ экипажѣ Его Высочество сидѣлъ протянувши ноги и почти не шевелился, только посматривалъ по сторонамъ и отдавалъ рукою честь на поклоны. Въ колясѣ съ Великимъ Кня-

земъ всегда сидѣлъ походный гофмаршалъ, въ то время А. А. Галлъ. Ему было не мало хлопотъ; приходилось все предвидѣть, все предусмотрѣть, все впередъ заказать; о проѣздѣ предварительно списаться съ губернаторомъ, указывая пункты остановокъ, и впередъ заказывать завтраки и обѣды на насъ и на все число приглашенныхъ.

Между пунктами остановокъ губернаторы устанавливали временный почтовый трактъ: дорога исправлялась, мосты чинились, почтовыя лошади сгонялись съ разныхъ станцій. Ночью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, посыпали дорогу мѣломъ, а на мостахъ стояли люди съ фонарями, мѣстами же дорога освѣщалась смоляными бочками. Импровизованная станція иногда случалась посреди поля; ямскія лошади были выстроены на открытыхъ мѣстахъ, имѣя передъ собою палки съ номеромъ, соотвѣтствующимъ экипажу, у котораго и ямщикъ имѣлъ тотъ же номеръ на шляпѣ.

Экипажъ останавливался, люди быстро отпрягали и отводили лошадей, другіе впрягали свѣжихъ, въ то же время ямщикъ садился на козлы, разбиралъ возжи, и мы мчались дальше.

Если станція оказывалась среди села, то народъ окружалъ Великаго Князя, подносилъ хлѣбъ-соль при крикахъ „ура!“.

Его Высочество благодарилъ, разговаривалъ съ отставными солдатами, шутилъ и, кланяясь, среди новыхъ восторженныхъ криковъ „ура!“ ѣхалъ дальше.

Наконецъ мы прибыли въ Чесменку, въ которой сохранились великолѣпныя конюшни временъ графа Алексѣя Орлова Чесменскаго.

Великій Князь только-что устраивалъ свой конный заводъ, основаніемъ которому послужилъ подарокъ короля Виртембергскаго изъ его чистокровнаго арабскаго разсадника. Его Высочество увлекался верховымъ сортомъ лошадей, рысистыя же выводились только для собственной конюшни и были на второмъ планѣ.

Какъ типъ рысистой лошади, Его Высочество признавалъ идеаломъ Орловскую лошадь: сильную съ правильными формами и выносливую; бѣговую лошадь не любилъ и на бѣга почти не ѣздилъ, потому что считалъ ошибкою преслѣдованіе въ производствѣ лошадей исключительно быстроты въ ущербъ другимъ качествамъ и, главное, выносливости и силы.

Въ Чесменкѣ по сторонамъ неглубокаго оврага съ запрудами—съ одной стороны были заводскія конюшни, съ другой стоялъ домикъ управляющаго и небольшое помѣщеніе для пріѣзда Великаго Князя, которое со временемъ было увеличено рядомъ пристроекъ.

Въ Чесменку пріѣхалъ навѣстить Великаго Князя бывшій управляющій Хрѣновскимъ заводомъ Василій Петровичъ Воейковъ.

Это былъ необыкновенно оригинальный типъ, разсказы о которомъ граничатъ съ сказочнымъ характеромъ.

Василій Петровичъ былъ уже старикъ съ длинною сѣдою бородой, подслѣповатыми глазами, одѣтый въ бархатный подрясникъ, съ широкимъ кожанымъ кушакомъ.

Онъ былъ средняго роста, отличался необычайною силою и пристрастіемъ къ женскому полу.

Василій Петровичъ гнулъ подковы, вязалъ въ молодости въ узлы кочергу, останавливалъ рысака въ бѣговыхъ дрожкахъ.—При насъ, будучи почти 80-ти лѣтнимъ старикомъ, онъ рвалъ пополамъ двѣ сложенныя колоды картъ. Однажды онъ обвязалъ полотенцемъ Кузьму Ивановича Березкина, вѣсившаго не менѣе 4-хъ пудовъ, положилъ его на столъ, взялъ зубами полотенце и, заложивши руки за спину, обошелъ столъ.

Другой разъ, держась руками за колонну, загнулъ въ колѣнѣ правую ногу назадъ и просилъ Его Высочество встать на щиколодку. Великій Князь всталъ и присѣдалъ нѣсколько разъ, а тотъ даже не шелохнулся.

Василій Петровичъ былъ циникъ и съ удовольствіемъ разсказывалъ свои продѣлки, въ которыхъ онъ ни передъ чѣмъ не останавливался.

Великій князь цѣнилъ Воейкова, какъ большого знатока лошади и коннозаводства. У него было между прочимъ отдѣленіе пѣгихъ лошадей, которыхъ онъ цѣликомъ подарилъ Его Высочеству.

Воейковъ зря не хвалилъ лошадь, а потому его одобрительное слово очень цѣнилось Великимъ Княземъ.

Послѣ утренняго чая Его Высочество отправлялся на заводъ, садился за столикъ въ манежѣ, или на выводной площадкѣ передъ заводомъ, и начиналась безконечная выводка.

Жеребцы показывались отдѣльно, а потомъ слѣдовали, въ подборѣ, ихъ кобылы съ приплодомъ. Приплодъ для хора любителей представлялъ благодарнѣйшую тему: изрекались пророчества и розовыя надежды на развитіе и сформированіе необыкновенныхъ лошадей.

Такъ какъ мнѣ доводилось часто ѣздить съ Его Высочествомъ по заводамъ и зимовникамъ, то я убѣдился, какъ эти надежды бываютъ неосновательны и ошибочны.

Замѣчательно, что жеребенокъ въ первый и второй годъ обѣщаетъ прекрасное сложеніе, а по третьему и четвертому году совершенно измѣняется къ худшему, такъ что его не узнаешь.

Послѣ вышеописаннаго осмотра, продолжавшагося три—четыре дня,—другіе дни мы съ утра уѣзжали по кашарамъ—родъ крытыхъ дво-

ровъ, въ которыхъ осматривали 2-хъ и 3-хъ лѣтокъ. Въ заключеніе Его Высочество любилъ пропускать передъ балкономъ своего домика всю ставку и производителей въ парадныхъ выводныхъ недоуздкахъ.

Подъ вечеръ, когда спадала жара, все общество переселялось на бѣгъ, гдѣ дѣлалась проѣздка и новыя ставки жеребцамъ и рысакамъ.

Въ Чесменку къ Его Высочеству въ числѣ гостей пріѣхалъ мой другъ Асташевъ и привезъ съ собой фотографа, который составилъ альбомъ изъ выдающагося состава завода.

Въ настоящій мой первый пріѣздъ со мной случился необыкновенный казусъ: у меня была палка—чаканъ нѣчто въ родѣ фляжолета, я на ней наигрывалъ всевозможные мотивы.

Возвращась съ одной изъ выводокъ, я шелъ впереди и наигрывалъ, за мной слѣдовали товарищи. Войдя въ домикъ и направляясь по темной передней къ своей двери, я вдругъ провалился въ подполье и повисъ на локтяхъ. Оказалось, что передъ нашею входной дверью былъ погребъ, изъ котораго брали вино для стола—и забыли закрыть люкъ; я былъ крайне счастливъ, что не ушибся.

Къ слѣдующему нашему пріѣзду погребъ былъ перенесенъ въ новыя пристройки. Изъ Чесменки Его Высочество отпустилъ меня къ женѣ въ Тамбовскую губернію, куда я проѣхалъ на перекладной 150 верстъ. Желѣзная дорога начиналась только отъ Козлова. За эту поѣздку съ 22 апрѣля по конецъ мая Великій Князь, не пропуская ни одного дня, производилъ либо смотры, либо осмотры лошадей.

Передъ нашими глазами прошли тысячи въ табунахъ, косякахъ и до шести тысячъ лошадей по одиночкѣ на выводкѣ.

Д. А. Скалонъ.

Воспоминанія о началѣ развитія каменноугольной промышленности въ Россіи[1]).

(Окончаніе).

7.

Окончивъ развѣдки у Карпова, я осенью 1876 г. переселился въ Петербургъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ консультантомъ при разныхъ горнопромышленныхъ предпріятіяхъ, и хотя непосредственнаго дѣла на югѣ не имѣлъ, я за это время все-таки ѣздилъ на съѣзды горнопромышленниковъ юга Россіи, въ качествѣ представителя П. А. Карпова, которому продолжалъ давать совѣты по его угольному руднику; ѣздилъ же я на съѣзды, откровенно говоря, главнымъ образомъ ради того, чтобы составлять оппозицію моему пріятелю П. Н. Горлову, который продолжалъ быть всесильнымъ человѣкомъ въ угольныхъ дѣлахъ юга Россіи и которому никто оппонировать на съѣздахъ не смѣлъ. Принявъ же на себя въ 1881 году управленіе Богословскимъ горнымъ округомъ на Уралѣ, я долженъ былъ прекратить мои поѣздки на южные съѣзды и сталъ вновь принимать дѣятельное участіе на нихъ въ девяностыхъ годахъ, когда началъ на югѣ свое угольное дѣло, рядомъ, съ принадлежавшимъ учрежденному мною товариществу, ртутнымъ дѣломъ. Когда я опять явился, послѣ долгаго антракта, на съѣздъ, то насущнѣйшимъ вопросомъ на съѣздѣ оставался все тотъ же вопросъ, ради котораго былъ созванъ и первый съѣздъ, т. е. неудовлетворительное состояніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, и этотъ вопросъ остается главнымъ на съѣздахъ и по настоящее время; да врядъ ли когда-нибудь и сойдетъ съ программы съѣзда, такъ какъ горная промышленность

[1]) См. „Русская Старина“ іюнь 1909 г.

въ своемъ развитіи постоянно опережаетъ желѣзныя дороги; не успѣетъ правительство удовлетворить одни ходатайства съѣзда относительно увеличенія провозоспособности нашихъ дорогъ, какъ это является недостаточнымъ, и съѣздъ вынужденъ выступать съ новыми ходатайствами, и такъ это пойдетъ вѣроятно безъ конца; но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно сказать правду, что сдѣлано за 35 лѣтъ, прошедшіе послѣ перваго съѣзда, все-таки очень много, такъ какъ на первомъ съѣздѣ былъ вопросъ о томъ, какъ достигнуть своевременнаго вывоза за годъ 30 милліоновъ пудовъ угля, а на послѣднемъ съѣздѣ рѣчь шла уже о вывозѣ 900 милліоновъ пудовъ, т. е. желѣзныя дороги должны были за это время въ 30 разъ увеличить свою провозную способность.

8.

Описавъ въ короткихъ словахъ, какъ развивалась у насъ каменноугольная промышленность, считаю не безъинтереснымъ ознакомить читателя съ бытовою стороною на каменноугольныхъ рудникахъ юга Россіи.

Съ началомъ развитія каменноугольнаго дѣла на югѣ Россіи, тамъ появился особый классъ людей, такъ называемыхъ „шахтеровъ“, т. е. работающихъ на шахтахъ. Мѣстные крестьяне хохлы неохотно шли на работу въ шахты, куда ихъ загоняла, въ видѣ исключенія, только крайняя нужда, и контингентъ рабочихъ на шахтахъ, въ то время, когда я приступилъ къ работамъ въ Кураховкѣ и въ Рутченковѣ, состоялъ почти исключительно изъ безпаспортныхъ бродягъ, изъ коихъ большинство было изъ крестьянъ среднихъ губерній: Смоленской, Тульской, Орловской, Курской, Рязанской; крестьяне эти были большею частью совершенно неповинны въ какихъ-либо преступленіяхъ, и если сдѣлались безпаспортными бродягами, то только благодаря нашей паспортной системѣ, и свободѣ жительства безъ всякаго вида въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, каковая свобода прекратилась лишь съ началомъ революціоннаго движенія. Насколько въ тѣ времена не требовалось никакого письменнаго вида для проживанія не только въ деревняхъ, но и въ городахъ, могу указать на инцидентъ со мною: когда я поселился въ 1872 году въ Таганрогѣ, то устроившись на квартирѣ послалъ въ полицію мой паспортъ для прописки; не успѣлъ еще посланный мною вернуться изъ полиціи, какъ мнѣ докладываютъ, что пришелъ частный приставъ и желаетъ меня видѣть; на мой вопросъ: что ему угодно, онъ отвѣтилъ мнѣ вопросомъ же: — Вы изволили прислать къ намъ въ полицію Вашъ паспортъ, такъ собственно зачѣмъ Вы его прислали? Какъ—говорю—зачѣмъ, я посе-

лился въ Таганрогѣ на жительство, такъ чтобы Вы знали, кто я такой и гдѣ живу, я послалъ Вамъ для прописки мой паспортъ. На это любезный приставъ мнѣ отвѣтилъ:

— Да намъ-то что за дѣло, живите себѣ на здоровіе, а мы думали, что Вамъ что-нибудь нужно отъ насъ, а Вашъ посланный не умѣетъ объяснить, такъ я и побезпокоилъ Васъ, чтобы узнать, что Вамъ собственно отъ насъ нужно; такъ Вамъ, значитъ, ничего не нужно, ну, такъ имѣю честь кланяться, живите себѣ на здоровіе, а когда что-нибудь понадобится отъ насъ, благоволите сообщить.

На этомъ мы съ приставомъ дружелюбно разстались, и мнѣ къ его услугамъ прибѣгать не приходилось.

Теперь порядки уже не тѣ, и не успѣешь пріѣхать въ гостиницу, какъ являются требовать паспортъ, и на заявленіе, что не стоитъ прописывать паспорта, такъ какъ пріѣхалъ молъ всего на одинъ день, отвѣчаютъ: нельзя-съ не прописать, у насъ строго, сейчасъ оштрафуютъ, если въ тотъ же день не представимъ въ полицію паспорта пріѣзжаго.

Въ семидесятыхъ же годахъ такъ же нетребовательно относились и къ простому люду и паспорта ни у кого не требовали, пока не попадетъ къ мировому судьѣ, почему безпаспортные и избѣгали всячески имѣть дѣло съ послѣдними и сами ни къ кому исковъ не предъявляли, а въ случаѣ предъявленія иска къ нимъ утекали изъ той мѣстности, въ которой ихъ привлекли къ суду. Большинство этихъ безпаспортныхъ попали въ разрядъ бродягъ самымъ невиннымъ образомъ: какой-нибудь Тулякъ или Рязанецъ, сидя дома безъ хлѣба и не находя работы, выправитъ себѣ въ волостномъ правленіи паспортъ и отправляется искать заработка на югъ, на угольныхъ рудникахъ; кончится срокъ его паспорта, онъ посылаетъ старый въ свое волостное правленіе съ просьбой выслать ему новый, но такового ему не высылаютъ по разнымъ причинамъ: то подати, оказывается, не уплатилъ, то роднымъ мало денегъ высылаетъ, и потому требуютъ его домой, а то такъ изъ-за того, что не ублаготворилъ волостного старшину или писаря; получивъ отказъ въ присылкѣ паспорта, начнетъ несчастный Тулякъ или Рязанецъ печаловаться товарищамъ на свою бѣду, что паспорта не высылаютъ, и надо возвращаться домой на голодовку, тогда какъ тутъ заработки хорошіе и живешь себѣ припѣваючи, да и сожительница завелась, съ которой разставаться не охота; а товарищи ему въ отвѣтъ:

— Да зачѣмъ тебѣ, дураку, паспортъ, развѣ кто требуетъ съ тебя паспорта здѣсь? живи себѣ такъ, а домой и не пиши, чтобы

не знали, гдѣ ты, и много тебѣ превосходнѣе будетъ: ни податей не платить, ни посылать денегъ никому не надо, а все, что заработаешь, самъ и проживешь; ты думаешь, у насъ у всѣхъ паспорта есть, да почитай ни у кого; такъ же, какъ и съ тобой было: послали домой денегъ и просили выслать новый паспортъ, оказывается, денегъ послали мало, и новаго паспорта не высылаютъ, ну, и остались жить такъ, безъ паспорта, да вотъ уже который годъ такъ живемъ, и горя мало.

Послушавъ такихъ рѣчей, успокаивается парень и остается жить, какъ другіе, безъ паспорта, и такихъ между шахтерами было большинство; но были между ними и форменные бродяги изъ бѣглыхъ каторжниковъ; а были и такіе, которые хотя и имѣли паспорта, но выдавали себя за безпаспортныхъ, совѣстясь открыть свое настоящее званіе и попавшіе въ шахтеры изъ-за общей всѣмъ имъ слабости къ водочкѣ. Между бывшими у меня рабочими было нѣсколько такихъ типовъ, такъ напримѣръ былъ у меня рабочій Лаптевъ, горькій пьяница, но хорошій рабочій, когда не пьетъ, и который меня удивлялъ своей интеллигентностью; у этого Лаптева прогуловъ изъ-за пьянства бывало столько, что штрафовъ съ него приходилось каждый мѣсяцъ больше, чѣмъ онъ заработаетъ, но онъ пользовался моей большой симпатіей за его честность и добрый нравъ, а потому, принимая въ немъ участіе, я его не гналъ, а такъ какъ существовать ему на что-нибудь все-таки надо было, то я вносилъ за него 6 р. въ мѣсяцъ харчевыхъ въ артель, справлялъ ему, когда нужно, кое-что изъ одежи и отъ времени до времени давалъ ему по рублику. Разъ какъ-то, послѣ безуспѣшной просьбы у меня денегъ, онъ поймалъ мою жену, которая тоже его знала и принимала въ немъ участіе, и присталъ къ ней, чтобы она упросила меня дать ему хоть одинъ рубликъ, при чемъ откровенно признается, что этотъ рубликъ нуженъ ему на пропой, но что такъ его душа стосковалась по водочкѣ, что ему не въ терпежъ; жена стала его усовѣщевать и говоритъ ему:

— Какъ это вы, Лаптевъ, такой неглупый и довольно развитой человѣкъ, находите удовольствіе въ томъ, чтобы напиться до безчувствія этой отвратительной водкой.

— Эхъ, матушка, Софья Павловна, кабы Вы мою жизнь знали, такъ не удивлялись бы, вѣдь и я былъ человѣкомъ, по кабакамъ не ходилъ, а на рысакахъ по клубамъ и ресторанамъ разъѣзжалъ да шампанское распивалъ, ну а отъ ресторановъ и шампанскаго не далекъ переходъ къ кабакамъ и водочкѣ.

Когда жена передала мнѣ свой разговоръ съ Лаптевымъ, я при первой же встрѣчѣ съ нимъ и спрашиваю его:

— Разскажи-ка, Лаптевъ, когда это ты на рысакахъ разъѣзжалъ да по клубамъ шампанское распивалъ.

— Вы, можетъ быть, думаете, Александръ Андреевичъ, что я это вралъ Софьѣ Павловнѣ, такъ не думайте такъ пожалуйста, и говорилъ я правду; ужь проболтался, такъ скажу Вамъ, кто я и какъ попалъ въ шахтеры: я потомственный почетный гражданинъ, получилъ порядочное образованіе, отецъ мой былъ богатый московскій купецъ, только фамилія его была не Лаптевъ, какъ меня зовутъ, а настоящей фамиліи позвольте не называть; папенька держалъ меня строго, да къ сожалѣнію рано померъ, оставивъ мнѣ въ наслѣдство болѣе милліона рублей однѣми наличными деньгами, не считая торговли; такъ вотъ, послѣ строгой папенькиной опеки, оказался я на полной свободѣ, да еще съ милліоннымъ капиталомъ, и пошелъ я чертить во всю; какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, оказалось у меня пріятелей чуть ли не полъ-Москвы, и не было того трактира или ресторана, гдѣ бы меня не знали, и гдѣ бы меня не встрѣчали съ почетомъ, и папенькины денежки текли рѣкой, и дурманъ изъ головы не выходилъ; спохватился я только тогда, когда отъ папенькинаго наслѣдства не осталось ни копѣечки. Оставаться послѣ этого въ Москвѣ было невозможно и я, продавъ изъ вещей, что было можно, отправился въ провинцію искать себѣ мѣста по торговой части, да нигдѣ ничего получить не могъ, ужь очень я прославился моими кутежами, и всякій боялся принять на службу промотавшагося купеческаго сынка; да и правду сказать, привыкши къ винному дурману, я, и ничего не имѣя, продолжалъ пошивать, продавая съ себя все, что только могъ, и въ концѣ концовъ добрался до сихъ злополучныхъ мѣстъ въ посконной рубахѣ, рваныхъ портахъ и въ лаптяхъ и сталъ именовать себя Лаптевымъ, благо здѣсь паспорта не требуется; но вѣдь питаться чѣмъ-нибудь надо, а на подлыя дѣла какія-нибудь, хоть и павшій я человѣкъ, не способенъ, ну, и нанялся къ подрядчику въ шахтѣ работать; тяжело было первое время, страсть какъ тяжело, только водочка и поддерживала, ну, а теперь втянулся, всѣ шахтерскія работы превзошелъ и считаюсь хорошимъ забойщикомъ, но безъ водочки не могу, а потому явите Божескую милость и дайте рубликъ.

Рубликъ я ему, разумѣется, далъ и какъ-то еще жальче стало мнѣ бѣднаго Лаптева; настоящей же фамиліи его такъ и не знаю, такъ какъ чувство деликатности по отношенію этого несчастнаго человѣка не позволило мнѣ допытываться до его настоящей фамиліи, которую ему называть не хотѣлось, но которую онъ назвалъ бы, если бы я этого потребовалъ.

Затѣмъ былъ у меня рабочій, фамилію котораго не помню, въ

пьяномъ видѣ устраивавшій всегда драки; разъ какъ-то послѣ такой драки я пристращалъ его, что отправлю его для вразумленія къ становому, который всыплетъ ему 25 горячихъ, что въ то время свободно практиковалось для вразумленія буянившихъ шахтеровъ; когда я ему пообѣщался отправить его къ становому, онъ мнѣ съ азартомъ заявляетъ:

— Меня къ становому, да что мнѣ становой? я самъ становой, ничего онъ мнѣ сдѣлать не можетъ.

— Вотъ онъ тебѣ покажетъ, какой ты становой, какъ всполосуетъ тебя какъ слѣдуетъ за твои безчинства и драки, говорю я ему, будучи увѣренъ, что онъ съпьяна мелетъ вздоръ. Каково же было мое удивленіе, когда я узнаю, что этотъ пропойца и буянъ дѣйствительно бывшій становой, выгнанный за пьянство со службы и, чтобы не умереть съ голоду, пошедшій въ шахтеры. Насколько Лаптевъ, несмотря на всѣ свои пороки, былъ человѣкъ симпатичный, настолько этотъ бывшій становой былъ субъектъ противный, и я его скоро прогналъ.

Затѣмъ были у меня еще среди шахтеровъ саперный поручикъ и попъ-разстрига; послѣдній, въ пьяномъ видѣ, всегда называлъ меня „папаша“, хотя по годамъ былъ гораздо старше меня и скорѣе годился мнѣ въ папаши, чѣмъ я ему. Оба эти субъекта были тихіе, хорошіе рабочіе, но пьяницы горькіе, и какъ я ни старался поддержать ихъ и вытянуть изъ простыхъ шахтеровъ, ничего подѣлать не могъ; а попъ спился до того, что наконецъ и работать не могъ, а жилъ у меня на кухнѣ, гдѣ его кормили и давали пріютъ на ночь, а днемъ, если былъ въ состояніи, ходилъ ловить рыбу или раковъ, и все, что ему за рыбу или раковъ давали, пропивалъ. Что съ нимъ сталось послѣ моего отъѣзда изъ Кураховки, не знаю; онъ при моемъ отъѣздѣ горько плакалъ.

Какая масса безпаспортныхъ была въ то время на югѣ Россіи, можно судить по тому, что на 2.000 рабочихъ приблизительно, работавшихъ у меня въ Кураховкѣ и въ Рутченковѣ, съ паспортами бывало не болѣе 150—200 человѣкъ, а всѣ остальные были безъ паспортовъ. Приходитъ наниматься рабочій, спросишь его:

— А паспортъ есть у тебя? а онъ въ отвѣтъ:

— Зачѣмъ мнѣ паспортъ, самъ на лицо; или:—жена померла, съ собой унесла.

На большинствѣ рудниковъ работы производились черезъ подрядчиковъ, которые пользовались беззащитностью безпаспортныхъ и жестоко эксплоатировали ихъ, обсчитывали, заставляли брать у нихъ изъ лавки разный товаръ, необходимый рабочему, взимая двойную, а то и тройную цѣну. Я избѣгалъ подрядчиковъ, а если

и приходилось иногда сдавать работы съ подряда, то не давалъ подрядчикамъ обижать рабочихъ, удовлетворяя ихъ за счетъ подрядчика, если претензіи ихъ бывали справедливы. У меня при рудникахъ тоже были лавки, въ которыхъ имѣлось рѣшительно все, что можетъ понадобиться рабочему, до готоваго платья включительно, но въ этой лавкѣ рабочіе получали всякій товаръ по такой дешевой цѣнѣ, по какой не могли бы получить его ни у мѣстныхъ торговцевъ, ни въ городѣ, такъ какъ лавка эта держалась не съ цѣлью извлеченія прибыли, а для удешевленія жизни рабочихъ, и товаръ закупался оптомъ изъ первыхъ рукъ, при чемъ къ цѣнѣ его прибавлялись лишь расходы по доставкѣ товара на рудники и небольшой процентъ на покрытіе торговыхъ расходовъ. Это попеченіе о нуждахъ рабочихъ давало значительную прибыль предпріятію косвеннымъ путемъ; платя рабочимъ процентовъ на двадцать дешевле существовавшихъ платъ на другихъ рудникахъ, я никогда не зналъ недостатка въ рабочихъ, тогда какъ вообще большинство рудниковъ страдало отъ недостатка рабочихъ, и приходилось посылать за наймомъ рабочихъ въ среднія губерніи, что̀ обходилось всегда очень дорого, такъ какъ пропадала масса выданныхъ при наймѣ задатковъ. Насколько въ интересахъ самого нанимателя относиться добросовѣстно и съ заботливостью къ своимъ рабочимъ, я могу привести еще другой примѣръ по отношенію селько-хозяйственныхъ рабочихъ. Въ южныхъ губерніяхъ мѣстное крестьянское населеніе не въ состояніи убрать всего засѣваемаго тамъ хлѣба, особенно въ урожайные годы, и на время покоса травъ, а затѣмъ и хлѣба, приходитъ масса косарей, изъ среднихъ губерній, преимущественно изъ Курской и Орловской; эти пришлые косари собираются въ извѣстныхъ селахъ, около которыхъ и располагаются лагеремъ, въ ожиданіи пріѣзда нанимателей, пріѣзжавшихъ въ воскресеніе и нанимавшихъ рабочихъ по установившемуся обычаю на недѣлю: на большій срокъ наемка не производилась въ виду большого колебанія цѣнъ за косьбу, мѣнявшихся въ зависимости отъ наплыва рабочихъ и состоянія хлѣбовъ, при чемъ нерѣдко на одну и ту же недѣлю въ разныхъ сборныхъ пунктахъ рабочихъ устанавливались очень различныя цѣны, въ зависимости отъ количества собравшихся рабочихъ и числа съѣхавшихся нанимателей. Около Кураховки, гдѣ помимо горныхъ работъ мнѣ приходилось заниматься и сельскимъ хозяйствомъ, такъ какъ общество владѣло тамъ 2.500 десятинами прекраснаго чернозема, было три такихъ сборныхъ пункта рабочихъ, въ которыхъ я могъ нанимать косарей: Селидово, Марьино и Кременная, отстоящихъ другъ отъ друга верстъ на 20; рабочіе, идущіе изъ разныхъ мѣстъ, не могутъ, ра-

зумѣется, сговориться, кому въ какое село идти, и идутъ на удачу, а потому случалось, что въ одинъ сборный пунктъ нахлынетъ рабочихъ масса, а въ другой мало, наниматели же, смотришь, поѣхали какъ разъ наоборотъ, т. е. больше туда, гдѣ мало скопилось рабочихъ, и меньше туда, гдѣ ихъ много; очевидно, въ послѣднемъ мѣстѣ установятся цѣны на рабочихъ гораздо ниже, чѣмъ въ первыхъ. Когда рабочихъ много, а нанимателей мало, послѣдніе очень согласно держатся цѣной и нанимаютъ всѣ по одной и той же болѣе или менѣе низкой цѣнѣ; если же рабочихъ мало, а нанимателей много, то послѣдніе сами начинаютъ набивать цѣну и отбивать другъ у друга рабочихъ. При такихъ условіяхъ цѣны на косарей были очень разнообразны, не только въ различные годы, но и въ одномъ и томъ же году. Установленіе различныхъ цѣнъ, за одну и ту же недѣлю на разныхъ сборныхъ пунктахъ рабочихъ, вызывало недобросовѣстное исполненіе взаимныхъ обязательствъ, т. е. и со стороны нанимателей, и со стороны рабочихъ; если рабочіе наняты дорого, да при этомъ хлѣбъ не перезрѣлъ и можетъ постоять еще нѣкоторое время, то наниматель заявляетъ рабочимъ, когда они явятся къ нему въ имѣніе на косьбу, что онъ не согласенъ платить уговоренную вчера цѣну, а если хотятъ, то пускай становятся на работу по болѣе низкой такой-то цѣнѣ; рабочіе помнутся, помнутся, поворчатъ, а въ концѣ концовъ становятся на работу по удешевленной цѣнѣ, такъ какъ иначе имъ до слѣдующей недѣли некуда дѣваться, но такимъ нанимателямъ и рабочіе платятъ той же монетой, т. е. если, придя на косьбу, видятъ, что хлѣбъ начинаетъ сыпаться, и если перестоитъ недѣлю, то большая часть его пропадетъ, заявляютъ, что они не согласны косить по уговоренной цѣнѣ, а требуютъ прибавки; тогда въ свою очередь и помѣщикъ помнется, помнется, да и согласится на прибавку, такъ какъ видитъ, что если будетъ упорствовать и препираться съ косарями, то хлѣбъ у него высыплется, и онъ не соберетъ и половину урожая. За время моего управленія Кураховкой цѣны на косарей мѣнялись: поденныя отъ 1 до 3 рублей въ день, на готовыхъ харчахъ, а по десятинно отъ 3 до 15 рублей за покосъ одной десятины, тоже на готовыхъ харчахъ, каковые отпускались большинствомъ помѣщиковъ очень скудно, что̀ вызывало не мало неудовольствій рабочихъ, нерѣдко отказывавшихся работать изъ-за дурныхъ харчей. Сознавая, что отъ голоднаго рабочаго нельзя и требовать хорошей работы, я старался кормить рабочихъ возможно лучше, отпуская на каждаго рабочаго по фунту мяса въ день и давая въ обѣдъ по чаркѣ водки; борщъ и каша моихъ косарей были настолько хороши, что мой братъ, завѣдывавшій сельскимъ хозяйствомъ въ Кураховкѣ, ежедневно обѣдалъ

вмѣстѣ съ рабочими изъ общаго котла: особенно довольны были мои рабочіе тѣмъ, что имъ отпускали свѣжее мясо, а не сало, какъ это заведено на югѣ, и къ которому мѣстные крестьяне, хохлы, привыкли, а крестьяне среднихъ губерній, къ каковымъ принадлежатъ пришлые косари, сала не любятъ, а предпочитаютъ мясо, котораго южные помѣщики имъ не даютъ. Первый же годъ моего управленія Кураховкой, урожай былъ хорошій, и цѣны на рабочихъ высокія, и особенно высоки были цѣны, установившіяся на первую же недѣлю въ Селидовѣ, куда ѣздилъ нанимать косарей мой братъ для Кураховки; когда же недѣля кончилась, и рабочіе получили разсчетъ полностью, по уговоренной цѣнѣ, рабочіе обратились къ моему брату съ заявленіемъ, что они желаютъ остаться въ Кураховкѣ и на слѣдующую недѣлю, такъ какъ очень довольны и расчетомъ и харчами; на это имъ братъ отвѣтилъ, что и онъ ими былъ доволенъ, но только оставить ихъ на той же платѣ не можетъ, такъ какъ цѣна очень высокая, и весьма вѣроятно, что ему удастся нанять на слѣдующую недѣлю дешевле; тогда рабочіе предложили ему слѣдующую комбинацію:—ты, говорятъ, Иванъ Андреевичъ, поѣзжай завтра въ Селидово, и мы пошлемъ человѣка два и противъ той цѣны, какая завтра будетъ установлена въ Селидовѣ, мы будемъ у тебя косить на четвертакъ въ день дешевле, потому ужь очень у васъ харчъ хорошъ, да и обиды никакой не видѣли; такъ на этомъ и порѣшили, а когда кончили косьбу, рабочіе явились ко мнѣ съ предложеніемъ, что на будущій годъ они уже придутъ прямо въ Кураховку и будутъ у меня работать на четвертакъ въ день дешевле противъ цѣнъ, устанавливаемыхъ еженедѣльно въ Селидовѣ, и у меня изъ года въ годъ убирала хлѣбъ одна и та же артель, никогда никакихъ неудовольствій съ рабочими не было, и я платилъ по четвертаку въ день дешевле другихъ помѣщиковъ, а расходовалъ противъ нихъ на продовольствіе рабочихъ лишнихъ копѣекъ десять всего, такъ что и я былъ въ барышахъ, и рабочіе были довольны; недовольны были только мои сосѣди, которые чуть не въ революціонеры меня произвели изъ-за фунта мяса, который я отпускалъ на каждаго рабочаго, и на который имъ указывали ихъ рабочіе, жалуясь на то, что ихъ кормятъ однимъ кандеромъ, такъ называли рабочіе жидкую пшенную кашицу на салѣ.

9.

Я уже выше говорилъ, что такъ какъ большинство шахтеровъ принадлежали къ числу безпаспортныхъ, то они всячески старались избѣгать камеры мировыхъ судей, а потому, какъ для разбора разныхъ споровъ между собою, такъ и для взысканія съ провинившагося въ

чемъ-либо передъ рудничной администраціей, мои шахтеры, съ моего согласія, устроили свой артельный судъ, который предпочитали даже и имѣвшіе паспорта и которымъ, слѣдовательно, не угрожала такой опасностью явка къ мировому судьѣ. За разныя проказы и буйства артельный судъ въ большинствѣ случаевъ приговаривалъ къ телѣсному наказанію, но бывали очень оригинальные приговоры чисто нравственнаго воздѣйствія; одинъ изъ такихъ приговоровъ опишу ниже. Несмотря на свою безшабашность, между шахтерами того времени воровство было явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ; если и воровали, то исключительно только у мѣстныхъ хохловъ, съ которыми шахтеры постоянно враждовали, преимущественно изъ-за бабъ, и то не ради присвоенія себѣ украденной вещи, а просто изъ озорства, чтобы насолить ненавистному хохлу; стащитъ что-нибудь у мужика да въ рѣчку броситъ; кражъ же другъ у друга, или у кого-нибудь изъ рудничной администраціи, или рудничнаго имущества, почти не бывало; по крайней мѣрѣ, на управляемыхъ мною рудникахъ я зналъ только одинъ случай кражи, который сейчасъ и опишу: привезли на постройку шахтнаго зданія новый кругъ веревокъ, для связки лѣсовъ, который и былъ сваленъ около постройки и до обѣда оставался нетронутымъ; послѣ же обѣда, когда веревки эти понадобились, круга, привезеннаго передъ обѣдомъ, не оказалось; какъ разъ въ это время я подъѣзжаю къ шахтѣ, и плотничный десятникъ докладываетъ мнѣ о пропажѣ веревокъ. Я велѣлъ собрать всѣхъ рабочихъ и говорю имъ:

— Ребята, вы видѣли, что передъ обѣдомъ былъ привезенъ кругъ веревокъ и сложенъ вотъ здѣсь.

— Видѣли.

— Гдѣ же онъ теперь? значитъ, во время обѣда, когда плотники ушли, кто-нибудь изъ васъ утащилъ его. Это позоръ, никогда у насъ воровства не было и вдругъ середь бѣлаго дня стянули цѣлый кругъ веревокъ; если виновнаго не найдутъ, такъ этотъ позоръ падетъ на всѣхъ васъ, а потому сегодня же отыщите и веревку и виновнаго въ кражѣ ея.

— Будьте покойны, Александръ Андреевичъ, сегодня же разыщемъ; и дѣйствительно, вечеромъ приводятъ мнѣ виновнаго и приносятъ и веревку. Шахтеры очень быстро произвели слѣдствіе; сообразивъ совершенно основательно, что никто изъ настоящихъ шахтеровъ, т. е. изъ бродячихъ, этой кражи произвести не могъ, такъ какъ на что ему веревка, ни на что не нужна, а потому украсть веревку могъ только такой-то, какъ единственный изъ мѣстныхъ мужиковъ, которому веревки въ домашнемъ хозяйствѣ нужны. Сдѣлавъ такое предположеніе, одинъ изъ шахтеровъ отправился къ

подозрѣваемому вору въ хату, пока тотъ еще не возвращался домой, и говоритъ его женѣ:—твой мужъ въ обѣдъ принесъ цѣлый кругъ веревокъ, который онъ уперъ съ постройки, да теперь, какъ этого круга хватились, и боится, какъ бы у него обыска не сдѣлали и не нашли веревки, такъ вотъ онъ просилъ меня, такъ какъ самому съ работы уйти нельзя, а я работаю въ ночной смѣнѣ, а землянка наша рядомъ съ шахтой, чтобы я взялъ у тебя принесенную имъ веревку и спряталъ ее хорошенько въ лѣсу въ балкѣ, такъ вотъ давай ее скорѣе, я и тачку припасъ, чтобы увезти ее. Баба повѣрила ему и указала, гдѣ веревка спрятана; присланный шахтеръ выволокъ ее, взвалилъ на тачку, да вмѣсто лѣсочка въ балкѣ отвезъ ее прямо на шахту, гдѣ виновникъ, увидавъ украденную имъ веревку и узнавъ, какъ она оказалась опять на шахтѣ, не сталъ и запираться въ въ произведенной имъ кражѣ. Когда его привели ко мнѣ и я послѣ допроса хотѣлъ составить протоколъ, чтобы отправить его затѣмъ къ мировому судьѣ, то виновный въ кражѣ сталъ меня просить не подавать жалобы мировому, а чтобы я его наказалъ по своему усмотрѣнію; я ему отвѣтилъ, что самъ никакому наказанію, кромѣ штрафа, подвергать его не могу, а что даже крупный денежный штрафа слишкомъ слабое наказаніе за кражу, но что если онъ согласенъ на артельный судъ, то пускай проситъ товарищей, чтобы судили его артельнымъ судомъ и въ такомъ случаѣ я жалобы мировому судьѣ подавать не буду. Мужиченка, будучи увѣренъ, что артельнымъ судомъ его выпорютъ, а мировой посадитъ его въ тюрьму, предпочелъ первое и сталъ просить, чтобы его судили артельнымъ судомъ, каковой судъ и состоялся надъ нимъ въ тотъ же день; только артельный судъ присудилъ его не къ поркѣ, какъ онъ предполагалъ, а къ болѣе суровому наказанію, а именно: въ ближайшее воскресеніе водить его по базарной площади привязаннымъ къ украденной имъ веревкѣ, повѣсивъ ему на груди и на спинѣ плакаты съ надписью „не воруй“. Когда наступило злополучное для осужденнаго воскресеніе, привели его раба Божьяго на площадь, распустили веревку въ нѣсколько десятокъ саженъ, однимъ концомъ завязали ее кругомъ шеи осужденнаго, а всю веревку растянули по рукамъ исполнителей приговора и стали его таскать по площади на глазахъ массы собравшагося на базаръ народа, припѣвая хоромъ: „не воруй, не воруй“. Это наказаніе показалось осужденному куда хуже розогъ и когда его повели и запѣли при общемъ смѣхѣ „не воруй“, онъ упалъ на колѣни и сталъ умолять, чтобы его лучше отодрали, какъ хотятъ, но только бы избавили отъ такого срама, а ему въ отвѣтъ: „воровалъ, сраму не боялся, такъ теперь потерпи, другой разъ умнѣе будешь и воровать не станешь“.

10.

Помѣщенія, въ которыхъ въ то время жили шахтеры, были по истинѣ ужасны; у хорошаго помѣщика скотъ помѣщался лучше, чѣмъ несчастные шахтеры, жившіе въ землянкахъ. Землянки эти представляли изъ себя вырытыя въ землѣ ямы, покрытыя двускатной земляной же крышей, если находятся на ровномъ мѣстѣ, и односкатной такой же крышей, опирающейся одной стороной на землю, а другой на сложенную изъ камня на глинѣ стѣнку, когда землянка выкопана по склону балочки; не только пола въ этихъ землянкахъ не было, но даже не было деревянныхъ наръ, а просто вдоль стѣнъ земля оставлялась нѣсколько выше, чѣмъ по серединѣ, гдѣ образовался такимъ образомъ проходъ, бока котораго были закрѣплены обаполами (горбылями), чтобы не обваливалась земля отъ уступа, замѣнявшаго нары; отапливались же землянки чугунными печами, служившими вмѣстѣ съ тѣмъ и очагами для варки пищи; но и этихъ отвратительныхъ помѣщеній, несмотря на то, что они стоили грошъ, бывало недостаточно и зачастую на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ ночью спала денная смѣна рабочихъ, а днемъ ночная. Когда я принялъ въ свое вѣдѣніе Кураховскій и Рутченковскій рудники, то нашелъ тамъ такія же землянки, отъ которыхъ пришелъ прямо въ ужасъ, а потому первымъ дѣломъ приступилъ къ постройкѣ небольшихъ домиковъ, для семейныхъ рабочихъ, и казармъ, для одинокихъ, каковыхъ было огромное большинство; но такъ какъ для постройки хорошихъ домовъ требуется время, то до окончанія ихъ постройки пришлось пользоваться землянками, сдѣлавъ послѣднія болѣе удобными для жилья, и благо ихъ можно выстроить чуть не въ 24 часа, то землянокъ было добавлено столько, чтобы каждый рабочій имѣлъ свой опредѣленный уголъ; когда же осенью казармы были готовы и рабочіе переведены въ нихъ, то землянки были уничтожены; но каково же было мое удивленіе, когда рабочіе рѣшительно отказывались переходить изъ землянокъ въ казармы, такъ что я вынужденъ былъ принять крутыя мѣры, чтобы понудить рабочихъ къ переходу въ казармы, т. е. категорически заявилъ, что или переходите въ казармы, или кто не хочетъ, получай разсчетъ и уходи совсѣмъ. Привыкшихъ жить свиньями въ грязныхъ, полутемныхъ землянкахъ, ихъ словно пугало переселеніе въ чистыя, просторныя и свѣтлыя казармы. Причину ихъ отказа отъ перехода въ лучшее помѣщеніе объяснилъ мнѣ тотъ же Лаптевъ, о которомъ я писалъ выше,— привыкли мы, говоритъ онъ, жить свиньями, такъ намъ и землянка не противна, а поживешь у васъ въ хоромахъ, какихъ ни на одномъ рудникѣ нѣтъ, отъ грязи то и смраду отвыкнешь, такъ и тяжело

будетъ опять въ землянку-то попасть, если вы за что-нибудь уволите, а такъ какъ всѣ мы народъ такой, что сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ, то лучше не пріобрѣтать привычки жить по-человѣчески, ну вотъ и бѣгутъ отъ хорошаго помѣщенія. А казармы были построены дѣйствительно прекрасныя; онѣ представляли двухэтажныя каменныя зданія, въ которыхъ въ первомъ этажѣ помѣщались: квартира штейгера, въ вѣдѣніе котораго отдавалась казарма, кухня и столовая; а во второмъ этажѣ спальни, хорошо вентилируемыя; каждый рабочій имѣлъ свою койку, подъ которой была устроена укладка съ замкомъ, въ которой рабочіе могли хранить свои вещи. Пока шахтеры жили въ землянкахъ, они не только не имѣли ничего, кромѣ того что на нихъ надѣто, но и не могли ничего имѣть, такъ какъ имъ негдѣ было хранить своего даже самаго маленькаго имущества; а потому все, что они зарабатывали, они пропивали. Когда же каждый изъ нихъ получилъ свой собственный уголъ, въ чистомъ хорошемъ помѣщеніи, то, какъ они сами говорили, зазорно стало ходить грязнымъ оборванцемъ, и стали заводить себѣ праздничную одежду, а у многихъ появились даже и часы и другія вещи и вмѣстѣ съ тѣмъ и пьянства стало меньше, такъ какъ не весь заработокъ тратился уже на вино. Сказать не могу, какое удовольствіе мнѣ доставляло встрѣчать по праздникамъ шахтеровъ, которыхъ раньше не видалъ иначе, какъ въ посконной грязной рубахѣ, никогда не стиравшейся, а теперь одѣтыхъ въ кумачевую рубаху, плисовые шаровары, сапоги съ бураками и суконную поддёвку. Разумѣется, далеко не со всѣми случилась такая метаморфоза, а большинство, принадлежащихъ къ завзятымъ пьяницамъ, не имѣли ничего, кромѣ того, что на нихъ, въ томъ числѣ и мой протеже Лаптевъ, но и эти, поживши въ чистомъ помѣщеніи, чувствовали себя въ немъ все-таки лучше и съ ужасомъ подумывали о возможности возвратиться опять въ вонючую землянку.

Какъ я уже сказалъ выше, кромѣ казармъ мною были построены и небольшіе домики, преимущественно о двухъ квартирахъ въ каждомъ, для семейныхъ рабочихъ; но первое время послѣднихъ было мало, почти исключительно изъ разныхъ мастеровыхъ, такъ какъ шахтеры, составлявшіе главный контигентъ рабочихъ на рудникахъ, все были птицы перелетныя и потому одинокіе и заводили лишь временныхъ любовницъ на сторонѣ, а никакой семьи при себѣ не имѣли, тѣмъ болѣе, что и дѣвать-то эту семью было бы некуда; когда же явилась возможность имѣть отдѣльную, семейную квартиру, то и шахтеры стали обзаводиться семьями, нѣкоторые, болѣе солидные, имѣвшіе паспорта, повыписывали своихъ законныхъ женъ, остававшихся дома, а многіе, изъ прервавшихъ всякія сношенія съ

домомъ, завели себѣ гражданскихъ женъ, или мадамовъ, какъ ихъ окрестили шахтеры, и стали жить совершенно семейнымъ образомъ. Такъ какъ семейный рабочій, хотя бы и живущій съ мадамой, а не съ законной женой, гораздо исправнѣе и болѣе дорожитъ мѣстомъ, то я не только не отказывалъ желавшимъ получить отдѣльную квартиру, чтобы жить съ женой или мадамой, а напротивъ поощрялъ это, и потому колонія семейныхъ рабочихъ съ каждымъ годомъ все росла. Прозваніе „мадамъ“ сохранилось за незаконными женами и по настоящее время и вошло въ такое употребленіе, что сами мадамы величаютъ себя этимъ прозвищемъ; когда на ртутномъ заводѣ производилась перепись населенія и переписчикъ, войдя въ хату для переписи, обратится къ бабѣ съ вопросомъ: жена ли она хозяину квартиры? то нерѣдко получался отвѣтъ:—жена, да не совсѣмъ, а въ мадамахъ состою.

Многое измѣнилось въ условіяхъ жизни горнорабочихъ на югѣ Россіи, и, разумѣется, къ лучшему для рабочихъ, а нравы остались тѣ же и шахтеры предпочитаютъ жить съ мадамами, или совсѣмъ не заводя законныхъ женъ, или, если таковыя и имѣются, то оставляя ихъ у себя дома на родинѣ. Съ тѣхъ поръ, что пошла усиленная пропаганда въ народѣ, пошли строгости съ паспортами и на югѣ, и теперь на рудникахъ не встрѣтишь ни одного безпаспортнаго. Точно такъ же перешли въ область преданія и пресловутыя землянки, а на всѣхъ рудникахъ имѣются весьма хорошія квартиры для рабочихъ; даже казармъ почти нѣтъ, такъ какъ и одинокіе рабочіе предпочитаютъ соединяться въ маленькія артели и жить въ отдѣльной квартирѣ, имѣя свою стряпку, которая на нихъ и готовитъ и бѣлье имъ стираетъ, и квартиру убираетъ. Всюду имѣются хорошія больницы и школы, а при большихъ рудникахъ построены и свои церкви. Казалось бы, что все это должно было бы повліять и на поднятіе нравственнаго уровня рабочихъ, но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что нравственный уровень извѣстной части рабочихъ нетолько не повысился, а скорѣе понизился; прежніе безпаспортные шахтеры были пьяницы, но, какъ я уже говорилъ выше, воровство среди шахтеровъ было явленіемъ исключительнымъ, теперь же оно стало явленіемъ обыденнымъ; пьянствуютъ шахтеры и теперь не меньше прежнихъ безпаспортныхъ, а безчинствъ и всякаго рода безобразій чинятъ куда больше, такъ что справляться теперь съ рабочими стало куда труднѣе и для поддержанія порядка на рудникахъ приходится держать не мало разныхъ полицейскихъ чиновъ, тогда какъ раньше никакой полиціи на рудникахъ не требовалось и мы отлично сами управлялись съ нашими рабочими, а въ случаѣ кто въ пьяномъ видѣ забезобразничаетъ, то свои же шахтеры скру-

тятъ буяна и сволокутъ въ каталажку на вытрезвленіе, тѣмъ дѣло и кончится. Раньше отношенія между рабочими и нанимателями были болѣе патріархальными и рабочіе относились къ своимъ хозяевамъ и вообще къ поставленнымъ надъ ними лицамъ съ уваженіемъ и съ сознаніемъ необходимости ихъ слушаться и если при томъ видѣли справедливое къ нимъ отношеніе, то и сами относились къ своимъ начальникамъ съ любовью и преданностью; теперь же, особенно со времени такъ называемаго освободительнаго движенія, отношеніе рабочихъ къ промышленникамъ значительно измѣнилось къ худшему, вслѣдствіе того, что, подъ вліяніемъ разныхъ пропагандистовъ, стали смотрѣть на промышленниковъ не какъ на работодателей, а какъ на эксплоататоровъ рабочихъ, внушая послѣднимъ, что промышленники, получая на трудѣ рабочихъ громадныя барыши, платятъ за этотъ трудъ гроши. Надо правду сказать, что вліянію пропагандистовъ поддавалось лишь меньшинство рабочихъ, состоящее по преимуществу изъ развращенной молодежи, потерявшей вѣру въ Бога, утратившей всякое сознаніе долга, желающей работать возможно меньше, а получать какъ можно больше, понимающей свободу только, какъ личную свободу чинить всякое безчинство и безобразіе, и отвѣчающей на всякое сопротивленіе ихъ безчинствамъ и безобразіямъ ножомъ или револьверомъ и такими дѣйствіями настолько терроризировавшіе остальныхъ рабочихъ, что и желавшіе мирно работать примыкали и къ забастовкамъ и къ предъявленію различныхъ требованій, часто совершенно неисполнимыхъ. Но конечно жизнь подъ гнетомъ террористовъ долго продолжаться не могла и мирные рабочіе стали объединяться и давать отпоръ террористамъ, такъ что за послѣднее время замѣтно стало усиливаться вліяніе болѣе благоразумныхъ мирныхъ рабочихъ.

Дѣйствительно, желающіе добра рабочимъ должны были бы прежде всего развивать въ нихъ сознаніе долга, безъ чего никакой прогрессъ не мыслимъ, такъ какъ при отсутствіи сознанія долга не можетъ быть и настоящей свободы, а будетъ всегда царить произволъ и насиліе, одинаково возмутительные, откуда бы они ни исходили, т. е. сверху ли, снизу ли. Интересы рабочихъ и промышленниковъ такъ тѣсно связаны, что имъ слѣдовало бы работать руку объ руку, а не вести какую-то ожесточенную борьбу между собою, какъ это мы видимъ въ дѣйствительности. Еще промышленники, принадлежа къ людямъ болѣе просвѣщеннымъ и развитымъ, сознаютъ необходимость, въ собственныхъ же интересахъ, заботиться о нуждахъ своихъ рабочихъ и по мѣрѣ возможности удовлетворять эти нужды; рабочіе же, какъ люди мало развитые, подъ вліяніемъ своихъ непрошенныхъ учителей, не сознаютъ, что

требованія ихъ не должны выходить за предѣлы возможности, такъ какъ исполненіе этихъ чрезмѣрныхъ требованій можетъ повлечь за собою закрытіе предпріятія, которое ихъ кормитъ и съ закрытіемъ котораго они останутся совсѣмъ безъ заработка и средствъ къ существованію. Да кромѣ того мы видимъ, что хотя путемъ забастовокъ рабочіе и добиваются увеличенія заработной платы, пользы же имъ это не приноситъ, такъ какъ увеличеніе заработной платы вызываетъ увеличеніе стоимости всѣхъ предметовъ производства, а это въ свою очередь удорожило жизнь въ большей степени, чѣмъ увеличеніе заработной платы. Но нынѣшніе просвѣтители-то рабочихъ совсѣмъ и не добиваются улучшенія ихъ положенія, а хотятъ только возможно большаго озлобленія рабочихъ противъ ихъ работодателей, чего до нѣкоторой степени и достигаютъ. Какъ прежде нѣкоторые борцы за уничтоженіе рабства находили, что самые вредные рабовладѣльцы это относящіеся къ своимъ рабамъ хорошо, потому что если рабамъ живется хорошо, то они мирятся со своимъ рабствомъ, такъ и теперешніе просвѣтители рабочихъ находятъ, что самые вредные изъ промышленниковъ это тѣ, которые заботятся о своихъ рабочихъ и у которыхъ послѣднимъ живется хорошо, такъ какъ это примиряетъ рабочихъ съ капитализмомъ и не вызываетъ ихъ на кровавую борьбу съ капиталомъ; исходя изъ такихъ взглядовъ, и пришли къ тому убѣжденію, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, т. е. чѣмъ хуже будетъ рабочимъ, тѣмъ сильнѣе они озлобятся противъ капиталистовъ и тѣмъ скорѣе всѣхъ ихъ передушатъ, послѣ чего и установится желаемый соціальный строй, основанный на равенствѣ всѣхъ гражданъ. Горячо сочувствуя полному равенству всѣхъ гражданъ, какъ въ правовомъ, такъ и въ имущественномъ отношеніи, но будучи вмѣстѣ съ тѣмъ противникомъ всякаго насилія и глубоко убѣжденнымъ въ томъ, что путемъ насилія и злобы никакихъ положительныхъ результатовъ получить нельзя, а что напротивъ прогрессъ въ улучшеніи человѣческой жизни возможенъ только путемъ мирной работы, въ основѣ которой должна быть любовь къ ближнему своему, какъ насъ училъ Христосъ, путемъ нравственнаго развитія народныхъ массъ, а не озлобленіемъ ихъ, путемъ внѣдренія въ народныя массы сознанія долга, а не классовой борьбой, ведущей къ насиліямъ однихъ надъ другими, я не могу относиться иначе, какъ съ возмущеніемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Бывъ свидѣтелемъ освобожденія у насъ на Руси крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, т. е. освобожденія отъ рабства, и зная, что это освобожденіе достигнуто у насъ не путемъ возмущенія крѣпостныхъ крестьянъ, а стара-

ніями именно тѣхъ рабовладѣльцевъ, у которыхъ рабамъ жилось хорошо, и освобожденіе это даровано доброю волею Императора Александра II-го, внявшаго голосу сторонниковъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сознававшихъ всю безнравственность рабства, а не защитниковъ крѣпостничества, я заканчиваю мои записки горячимъ пожеланіемъ, чтобы на Руси было побольше промышленниковъ, заботящихся о нуждахъ рабочихъ, которые мирнымъ путемъ, при содѣйствіи своихъ хозяевъ, достигнутъ несомнѣнно гораздо бо̀льшаго, въ смыслѣ улучшенія своей жизни, чѣмъ слѣдуя совѣтамъ своихъ непрошенныхъ учителей, изъ пропагандистовъ.

А. Ауэрбахъ.

Изъ прошлаго.

Эпизодъ изъ жизни «Военнаго Сборника» [1]).

Вторая записка заключаетъ въ себѣ мнѣніе г. цензора о томъ, что современная литература и „Военный Сборникъ“, въ особенности, стремятся къ униженію чести русской арміи, что они оскорбляютъ ее.

Мнѣніе это цензоръ основываетъ на томъ, что въ 1-ой книжкѣ „Сборника“ помѣщены статьи, которыя слишкомъ рѣзко выставляютъ различныя злоупотребленія, существующія въ нашей арміи. Онъ полагаетъ, что это оскорбительно для каждаго русскаго офицера, и принимаетъ на себя защиту чести нашихъ офицеровъ.

Но противъ кого же защищаетъ полковникъ Штюрмеръ нашихъ офицеровъ? Развѣ есть въ разбираемыхъ имъ книжкахъ „Сборника“ хотя одна статья, написанная не офицеромъ?

Направленіе этому журналу придано не редакціей его, не однимъ какимъ-либо лицомъ, а самими офицерами русской арміи. Редакція, изъ множества полученныхъ ею статей, выбирала къ напечатанію тѣ или другія, не по различію ихъ направленія, а единственно по занимательности. Относительно направленія выборъ былъ невозможенъ. Полковникъ Штюрмеръ говоритъ самъ, что четыре статьи, написанныя—одна пѣхотнымъ армейскимъ офицеромъ, другая артиллерійскимъ, третья стрѣлковымъ, четвертая казакомъ, и помѣщенныя въ первой книжкѣ „Сборника“, заслуживаютъ особеннаго вниманія по важности разсматриваемыхъ предметовъ и видимому сходству, почти тождественности взгляда на оные. Къ этому должно прибавить, что эти офицеры живутъ въ различныхъ концахъ Россіи:

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1908 г.

одинъ въ Петербургѣ, другой въ деревнѣ на Сѣверѣ Россіи, третій въ Оренбургскомъ краѣ, четвертый въ Царствѣ Польскомъ, и что они никогда не видѣли другъ друга въ лицо. Если бы мысли, ими изложенныя, были ихъ частными мнѣніями, они разошлись бы между собою хотя въ чемъ-нибудь. Но они говорятъ совершенно одно и то же; сходство простирается до того, что полковникъ Штюрмеръ самъ не можетъ раздѣлить этихъ четырехъ статей и въ запискѣ своей разбираетъ ихъ всѣ вмѣстѣ, какъ бы одну статью. Не служитъ ли это доказательствомъ, что статьи эти представляютъ мнѣніе большинства офицеровъ нашей арміи.

Что же было дѣлать редакціи? Не принимать такихъ статей? Но если другихъ нѣтъ, если она помѣстила только самыя умѣренныя? Да при томъ, полезно ли было бы запрещать высказаться офицерамъ, полезно ли было бы писать о томъ, что все идетъ въ арміи прекрасно, тогда какъ каждый прапорщикъ знаетъ истинное положеніе дѣлъ?

Многіе возстаютъ противъ откровеннаго выраженія общественныхъ недостатковъ, говоря, что „Ревизора“ даютъ 30 лѣтъ, а взяточничество не уменьшилось, что книга не сдѣлаетъ плута честнымъ, и что поэтому не слѣдуетъ изображать злоупотребленій и возбуждать общественнаго мнѣнія противъ существующаго порядка. Какъ странны эти сужденія! Говорить, что возставая противъ зла, выставляя зло на показъ, литература безсильна измѣнить и исправить общественное мнѣніе, а въ то же время запрещать такія или иныя статьи, потому, что онѣ возбуждаютъ общественное мнѣніе. Что-нибудь одно: или литература имѣетъ вліяніе на общество и тогда ей должно дать право и даже помочь ей дѣйствовать противъ зла, или она безсильна и тогда не стоитъ на нее обращать вниманія, не стоитъ ни поощрять въ ней то или другое направленіе, ни учреждать цензуру для ея обузданія.

Такой книги, прочтеніе которой могло бы исправить плута, дѣйствительно, не существуетъ; но совокупность книгъ и статей не безсильна противъ зла. Отвергать это, значитъ отвергать пользу, проповѣди, пользу книгъ религіозныхъ. Одна проповѣдь, какъ бы назидательна она ни была, не обратитъ грѣшника; но рядъ поученій, ежедневное напоминаніе можетъ сдѣлать многое. Выставляя злоупотребленіе общественному суду, называя ихъ по имени, литература и не думаетъ привести на путь истинный закоренѣлыхъ взяточниковъ, ускользнувшихъ отъ зоркости закона, или, по недостатку уликъ, оставленныхъ подъ подозрѣніемъ. Нѣтъ, это выше силъ ея. Но она можетъ, по крайней мѣрѣ, ускромнить этихъ людей, она можетъ ихъ преступный промыселъ опозорить въ общемъ

мнѣніи и предохранить отъ паденія тѣхъ людей, которые еще не вступили въ сдѣлки съ своею совѣстью.

Что же касается охраненія чести военнаго сословія, то прежде чѣмъ обвинять „Сборникъ“ въ оскорбленіи ея, полковнику Штюрмеру слѣдовало бы основательнѣе обдумать, въ чемъ состоитъ эта честь.

Честь арміи, какъ и каждаго сословія, состоитъ не въ бретерствѣ, не въ томъ, чтобы не позволять никому пошутить надъ собою, и не въ томъ, чтобы терпѣть среди себя недостойныхъ сочленовъ; терпѣть зло, но не говорить о немъ. Честь арміи требуетъ, чтобы всѣ чины ея, а особенно офицеры гнушались зломъ, старались искоренить его и не потворствовать ему молчаніемъ. Съ этой точки зрѣнія смотрѣла редакція на честь арміи и потому считала непозволительнымъ передѣлывать статьи съ цѣлію искажать и скрывать мнѣнія самихъ офицеровъ о существующихъ злоупотребленіяхъ. Она думала, что голоса, со всѣхъ сторонъ раздавшіеся противъ зла, обрадуютъ тѣхъ, кому близка честь русской арміи, послужатъ доказательствомъ того, что большинство нашихъ офицеровъ еще не привыкло равнодушно смотрѣть на злоупотребленія, еще не потеряло вѣры въ возможность служить честно!

Что нашелъ полковникъ Штюрмеръ въ этомъ оскорбительнаго для чести русской арміи? Какимъ образомъ безчестное убійство де-Пэна показалось ему достойнымъ подражанія? Какимъ образомъ французскую армію, въ теченіе полустолѣтія семь разъ измѣнившую своей присягѣ, онъ рѣшился представить намъ образцомъ военной чести? Почему, наконецъ, онъ не дозволяетъ литературѣ возставать противъ взятокъ, самоуправства и другихъ беззаконій, а отдаетъ ея суду только злодѣянія, закономъ не воспрещаемыя? Этихъ вопросовъ мы разбирать не будемъ. Объ нихъ каждый можетъ имѣть свое мнѣніе.

Но есть предметы, о которыхъ различія мнѣній быть не можетъ. Если мы кого обвиняемъ въ чемъ-нибудь передъ Высшею властью, то должны представить доказательства обвиненій, или пожалуй, за недостаткомъ ихъ, сказать—*намъ такъ кажется.* Въ послѣднемъ случаѣ отъ воли Высшаго будетъ зависѣть: повѣрить обвиненію или отвергнуть его.

Но приводя доказательства обвиненій, нужно быть очень осторожнымъ, чтобы не ввести ими въ невольное заблужденіе Высшее лицо и вмѣсто блюстителя правды и закона, самому не сдѣлаться первымъ его нарушителемъ. Эта осторожность особенно важна въ обвиненіяхъ литературныхъ, гдѣ пропускъ одной буквы, перестановка запятой, можетъ дать совершенно иной смыслъ рѣчи; можетъ автора самаго благонамѣреннаго представить злоумышленникомъ.

Соблюлъ ли это полковникъ Штюрмеръ, составляя свои обвиненія и приводя доказательство этихъ обвиненій? Нѣтъ. Онъ нарушилъ эту прямую и положительную обязанность обвинителя и нарушеніе это довелъ до непонятной степени.

Чтобы доказать свои обвиненія, полковникъ Штюрмеръ составляетъ выписки совершенно произвольно: въ одномъ мѣстѣ онъ выпускаетъ начало періода, въ другомъ конецъ, не только выпускаетъ слова, но сводитъ въ одно цѣлое фразы, раздѣленныя нѣсколькими страницами, измѣняетъ окончанія словъ—все для того, чтобы дать рѣчи тотъ смыслъ, который ему былъ нуженъ.

Не довольствуясь всѣмъ этимъ, не довольствуясь произвольными толкованіями искаженныхъ имъ выписокъ, цензоръ дозволилъ себѣ сказать слѣдующее: въ іюньской книжкѣ „Военнаго Сборника“ помѣщено весьма неутѣшительное для военныхъ людей открытіе *„что служба офицеровъ безцвѣтна, скучна, не представляетъ никакой пищи для ума и потому приводитъ нѣкоторыхъ къ пьянству“*. (Слова подчеркнутыя означены въ запискѣ г. Штюрмера знакомъ („ “) т. е. принадлежащими „Сборнику“).

На какихъ страницахъ „Военнаго Сборника“ полковникъ Штюрмеръ нашелъ эти слова? Ихъ нѣтъ въ „Сборникѣ“. Если онъ самъ сдѣлалъ подобный выводъ, то откуда? и какое право онъ имѣлъ свой выводъ представить въ видѣ выписки, свои слова приписать другимъ? Неужели одно желаніе защитить честь офицеровъ русской арміи могло довести г. цензора до подобнаго поступка!

Сообщ. П. Паренсовъ.

Англійская эскадра въ Бѣломъ морѣ въ 1854 г.

1.

Крымская война (1853—1856) сопровождалась, какъ извѣстно, попыткою непріятеля овладѣть, между прочимъ, берегами Бѣлаго моря въ архангельской губерніи. Въ это время военнымъ архангельскимъ губернаторомъ былъ вице-адмиралъ Бойль [1]), а архангельскимъ епископомъ Варлаамъ Успенскій [2]).

17 марта 1854 г. преосвященный Варлаамъ донесъ Св. Синоду слѣдующее: „Архангельскій военный губернаторъ, вице-адмиралъ Бойль, отношеніемъ отъ 28 февраля, увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ по Всеподданнѣйшему докладу предположеній Высочайше утвержденнаго комитета о мѣрахъ къ усиленію обороны прибрежныхъ пунктовъ сѣвера Россіи, 14 февраля Высочайше повелѣлъ объявить весь приморскій край Архангельской губерніи на военномъ положеніи“.

---

[1]) Романъ Платоновичъ Бойль, англичанинъ, состоявшій въ русской службѣ, родился въ 1794 г. Въ 1813 и 14 гг. участвовалъ въ блокадѣ голландскихъ береговъ, съ 1819 по 1822 г. принималъ участіе въ экспедиціи Васильева, изслѣдовавшей Ледовитый океанъ. Въ 1853 г. назначенъ архангельскимъ губернаторомъ. Умеръ въ 1854 г.

[2]) Варлаамъ Успенскій въ 1843 г., изъ ректоровъ Курской семинаріи, былъ возведенъ въ санъ епископа чигиринскаго и въ 1845 г. былъ назначенъ епископомъ архангельскимъ, въ 1854 г. епископомъ пензенскимъ и въ 1860 г. возведенъ въ санъ архіепископа; въ 1862 г. переведенъ на Тобольскую каѳедру. Въ 1872 г. архіепископъ Варлаамъ ушелъ на покой и скончался 31 марта 1876 г. въ Бѣлгородскомъ Троицкомъ монастырѣ.

Вслѣдствіе такого Высочайшаго повелѣнія, военный губернаторъ г. Архангельска просилъ преосвященнаго Варлаама сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе къ сохраненію въ Архангельской губерніи церковныхъ имуществъ на случай непріятельскаго нападенія. Преосвященный Варлаамъ, съ своей стороны, потребовалъ отъ Архангельской духовной консисторіи немедленно заслушать отношеніе военнаго губернатора и представить на усмотрѣніе епархіальнаго начальства свое мнѣніе о сохраненіи церковныхъ имуществъ, вынеся на справку свѣдѣнія о томъ, какія были сдѣланы распоряженія отъ мѣстнаго духовенства и отъ Св. Синода при прежнихъ двухъ политическихъ разрывахъ нашего отечества съ Англіей, касательно церковной собственности.

Исполнивъ предложеніе преосвященнаго, консисторія донесла владыкѣ, что на счетъ распоряженія о сохраненіи церковныхъ имуществъ въ 1806 г. никакихъ распоряженій не было, а въ 1812 г. было одно только распоряженіе отъ С.-Петербургскаго главнокомандующаго губернаторамъ, чтобы людей престарѣлыхъ, немощныхъ, а также и дѣтей изъ мѣстъ, занятыхъ непріятелемъ, отправить въ монастыри, которые должны принять ихъ на свое попеченіе, а также и о томъ, чтобы при церквахъ были устроены кружки для добровольныхъ подаяній. На основаніи этого, консисторія полагаетъ, что „такъ какъ предстоящія военныя обстоятельства не сходны съ военными обстоятельствами 1812 г., то принять прежнія распоряженія не возможно. Если бы, прибавляетъ консисторія, имущество церквей и монастырей состояло только въ деньгахъ и драгоцѣнностяхъ, то слѣдовало бы предписать по епархіи, чтобы причты вмѣстѣ съ церковными старостами, подъ наблюденіемъ благочинныхъ, изыскали удобныя по отдаленности, или по другимъ удобствамъ, мѣста для сбереженія церковнаго имущества, и когда будетъ настоять необходимость, то вывезли бы ихъ съ разрѣшенія епархіальнаго епископа,—но такъ какъ церковное имущество состоитъ и изъ недвижимостей, зданій, иконостасовъ, въ украшеніяхъ на св. иконахъ, въ колоколахъ, уборку которыхъ скоро исполнить нельзя безъ большой гласности передъ народомъ, то дѣло предохраненія такихъ частей имущества затруднительно, потому что сбереженіе всего вышеуказаннаго составляетъ огромный процессъ, могущій сопровождаться непріятными послѣдствіями для народнаго духа, неблаговидный, неблаговременный и напрасный, главнымъ образомъ, и потому еще, что мы всѣ должны уповать на помощь Божію въ борьбѣ съ непріятелемъ, всегда намъ являемую по Его къ намъ милосердію. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно надѣяться на военную и на народную силу, возбужденную правительствомъ“.

Затѣмъ консисторія предполагаетъ, что монастырямъ Онежскому и Пертоминскому, а также и благочиннымъ уѣздовъ необходимо послать указы о томъ, чтобы настоятели монастырей и благочинные каждой близкой къ морю церкви и, слѣдовательно, удобной для непріятельскаго нападенія, устроили между собою предварительное совѣщаніе о томъ, какъ сохранить церковныя сокровища отъ вражескаго расхищенія и о результатѣ своихъ совѣщаній донесли бы епархіальному начальству.

Епископъ Варлаамъ, утвердивъ означенное постановленіе консисторіи, приказалъ, сверхъ того, чтобы монастыри Крестный и Никольскій, соборы—Онежскій, Кольскій и Кемскій, а также и всѣ поморскія церкви имѣли у себя въ запасѣ крѣпкіе сундуки, въ кои могли бы, въ случаѣ слуховъ о приближеніи непріятеля, при почетныхъ гражданахъ и причтѣ, сложить болѣе цѣнную ризницу, серебряные сосуды, кресты, евангелія и вообще все цѣнное, опечатать общими печатями и, если нельзя спрятать сундуки на мѣстѣ, то донесли бы начальству о томъ, гдѣ бы они могли быть безопасно скрыты.

2.

Разсмотрѣвъ донесеніе преосвященнаго Варлаама, Св. Синодъ, 29 марта 1854 года, предписалъ ему во все время, пока Архангельская губернія находится на военномъ положеніи, состоять въ непрерывныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ главнымъ начальникомъ края и дѣйствовать по его указаніямъ, какъ въ отношеніи сохраненія церковнаго имущества, такъ и во внушеніи духовенству и паствѣ, чтобы они уповали на помощь Божію и исполняли бы въ точности всѣ распоряженія начальства.

19 іюня 1854 г. епископъ Варлаамъ снова донесъ Синоду слѣдующее:

„Архангельскій военный губернаторъ, вице-адмиралъ Бойль, отъ 16 іюня, сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что за боромъ (верстъ за 70) стоятъ на якорѣ три англійскихъ фрегата, и что военный губернаторъ будетъ и впредь сообщать епархіальному начальству о томъ, о чемъ сочтетъ нужнымъ извѣщать его“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, преосвященный Варлаамъ, въ своемъ донесеніи Св. Синоду, прибавляетъ, что „со времени появленія непріятеля около береговъ Архангельской губерніи и его враждебныхъ дѣйствій относительно бѣдныхъ поморовъ, о чемъ уже не мало доходитъ слуховъ, усилены, хотя частью только, постъ и молитвы тѣми, кои знаютъ силу этихъ средствъ и что, вѣроятно, вслѣдствіе исполненія и поста и молитвы, уже четверо сутокъ дуетъ сильный и бурный Сѣверо-Западный вѣтеръ, который, какъ полагаютъ, не могъ указать

борющимся съ Промысломъ Божіимъ добраго пристанища при берегахъ Архангельской епархіи и понудилъ ихъ, какъ доходятъ позднѣйшія извѣстія, открейсировать въ море подальше, дабы фрегаты ихъ не сѣли на мель". Получивъ это донесеніе, Св. Синодъ еще разъ предписалъ епископу Варлааму всегда сообразоваться съ тѣми мѣрами, какія будутъ приняты главнымъ начальствомъ края по случаю появленія на водахъ Бѣлаго моря непріятельскихъ судовъ, и чаще доносить Св. Синоду, съ должною подробностью, о всѣхъ распоряженіяхъ по этому предмету въ отношеніи духовенства, паствы и церковныхъ имуществъ, какъ по Архангельской епархіи, такъ и по Соловецкому монастырю [1]), а въ особыхъ случаяхъ, если представятся таковыя и окажется нужнымъ,—испрашивать разрѣшенія Синода.

Имѣя въ виду такое распоряженіе, преосвященный Варлаамъ донесъ, что имъ, въ это тяжелое для Архангельской губерніи время, предписано причтамъ всѣхъ церквей и монастырей, по соглашенію съ церковными старостами и мѣстными должностными лицами, съ общаго согласія, заблаговременно испросить разрѣшеніе епархіальнаго начальства относительно тѣхъ мѣръ, которыя выработаны ими для сохраненія церковныхъ имуществъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено военному губернатору объ этомъ, съ просьбою увѣдомить, не нужно-ли что-либо видоизмѣнить въ этихъ мѣрахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщать о всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, которые могутъ неожиданно и непредвидѣнно явиться при состояніи края на военномъ положеніи.

Начальникъ края, отъ 15 октября, отвѣтилъ, между прочимъ, что для избѣжанія могущаго произойти въ народѣ уныній и безпокойства, онъ полагалъ бы перевезти изъ приморскихъ мѣстъ только манускрипты и такіе предметы, хранимые въ храмахъ, которые по древности и цѣнности, или по другимъ какимъ-либо причинамъ заслуживаютъ названія предметовъ драгоцѣнныхъ, а такъ какъ такихъ храмовъ въ Архангельской епархіи не много, то перевозъ предметовъ драгоцѣнныхъ, т. е. манускриптовъ и пр. должно произвести негласно, съ крайней осторожностью, не возбуждая въ народѣ волненія.

Получивъ такой отвѣтъ вице-адмирала Бойля, во многомъ ослабляющій прежде принятыя мѣры, епископъ Варлаамъ передалъ его

---

[1]) Соловецкій монастырь не состоялъ и не состоитъ въ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея, а какъ ставропигіальный, зависитъ непосредственно отъ Синода; въ особыхъ же случаяхъ только испрашиваетъ разрѣшенія мѣстнаго епископа.

для обсужденія въ духовную консисторію, которая, съ своей стороны, разослана вновь по монастырямъ, духовнымъ правленіямъ и благочиніямъ указы, о томъ, чтобы при исполненіи епархіальнаго распоряженія, утвержденнаго Синодомъ, они сообразовались бы и съ мнѣніемъ военнаго губернатора и о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ доносили бы въ консисторію.

Вслѣдствіе такого распоряженія, монастыри и благочинные, донося консисторіи по дѣлу о сохраненіи церковныхъ имуществъ, указывали преимущественно на лѣса, куда можно вывезти имущество, но не иначе, какъ подъ охраной представленной къ нему стражи. Относительно колоколовъ предлагались другія мѣры: нѣкоторые изъ благочинныхъ предлагали опустить ихъ временно въ близъ лежащія озера.

Болѣе цѣнныя имущества монастырей Карельскаго, Никольскаго и Крестнаго епископъ Варлаамъ предписалъ отправить въ Архангельскъ, но, за небытностью въ Крестномъ монастырѣ настоятеля, казначей монастыря съ братіей не успѣли во-время доставить монастырское имущество по назначенію, поэтому казначею было предписано отправить его воднымъ путемъ вверхъ по Онегѣ, въ с. Подпорожское.

3.

26 іюня преосвященный Варлаамъ получилъ рапортъ отъ настоятеля Никольскаго монастыря о томъ, что вблизи его, въ заливѣ и въ устьѣ рѣки Малокурьи, появился непріятельскій фрегатъ и сталъ въ двухъ верстахъ отъ монастыря. Представивъ это рапортъ военному губернатору, епископъ Варлаамъ просилъ его оказать монастырю всевозможную помощь и защиту, но вице-адмиралъ Бойль отвѣтилъ, что никакой помощи монастырю онъ оказать не можетъ, такъ какъ нужно защищать болѣе важные пункты побережья, и что онъ не думаетъ „дабы непріятель повредилъ монастырю; непріятель посмотритъ монастырь, нальется водой, заберетъ скотъ—и этимъ ограничится все дѣло“. Получивъ подобный отвѣтъ, епископъ Варлаамъ 26 мая, прямо изъ собора, послѣ благодарственнаго молебна, отправился къ гражданскому губернатору—съ просьбою принять мѣры къ защитѣ монастыря, но губернаторъ отклонилъ отъ себя это дѣло, посовѣтовавъ преосвященному обратиться къ управляющему палатой государственныхъ имуществъ—Зубову. Архіерей послѣдовалъ этому совѣту и въ тотъ же день былъ у Зубова, который, не отвергая нужды въ помощи монастырю, заявилъ, что онъ можетъ послать на помощь вооруженныхъ крестьянъ, если на это послѣдуетъ согласіе военнаго губернатора, и что онъ лично будетъ говорить съ нимъ по поводу этого дѣла. Но пока шли эти пере-

говоры, непріятель, какъ стало потомъ извѣстнымъ, сдѣлавъ промѣры моря и осмотрѣвъ берега, удалился въ открытое море.

Между тѣмъ управляющій палатой государственныхъ имуществъ, послѣ свиданія съ вице-адмираломъ Бойлемъ, вмѣстѣ съ крестьянами, отправился лично къ монастырю, но прибылъ туда тогда, когда непріятель уже удалился. Онъ приказалъ братіи монастыря, въ случаѣ появленія непріятельскихъ кораблей, зажигать смоляныя бочки и тѣмъ подавать сигналъ крестьянамъ собираться на защиту монастыря, и въ то же время отнесся къ преосвященному Варлааму съ предложеніемъ о томъ, чтобы онъ дозволилъ по селамъ, прилегающимъ къ морю, производить набатный звонъ въ случаѣ появленія непріятеля.

4.

Отношеніемъ отъ 13 іюля Архангельская казенная палата увѣдомила епископа Варлаама, что губернское казначейство въ случаѣ крайней опасности отъ непріятеля будетъ перенесено въ Чиму (14 верстъ отъ Архангельска), и что всѣ учрежденія, хранящія свои суммы въ казначействѣ, должны или взять ихъ въ свое завѣдываніе, или же сдать ихъ при отношеніи губернскому казначею. Пригласивъ членовъ консисторіи для совѣщанія, преосвященный Варлаамъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы деньги и имущество Архангельскихъ монастырей и церквей были отправлены въ Холмогорскій соборъ, какъ мѣсто удобное для храненія, и что на это предпріятіе имъ испрошено согласіе военнаго губернатора, котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ нарядить стражу къ собору для охраны имущества.

Въ то же самое время преосвященный Варлаамъ донесъ Синоду, что въ дополненіе къ прежнимъ мѣрамъ, ранѣе имъ объявленнымъ по епархіи, сдѣлано еще слѣдующее распоряженіе:

„Духовенство и пасомые всегда и во всемъ должны уповать на милость и помощь Божію и просить оныхъ теплой молитвой. Всѣмъ и всегда находиться при своихъ обязанностяхъ и при нападеніи врага исполнять въ точности распоряженія начальства; принимать различныя мѣры благоразумія къ сбереженію Св. мѣстъ и Святыни, руководя въ этомъ и своихъ прихожанъ. При началѣ военныхъ дѣйствій всѣ—и духовенство и пасомые должны быть кротки, молчаливы и не сварливы, прося непріятеля о пощадѣ святыхъ мѣстъ и святынь, не входя ни въ какія сдѣлки съ непріятелемъ и въ другія съ нимъ сношенія, а въ случаѣ возженія церковныхъ имуществъ отъ огнестрѣльныхъ орудій — стараться гасить ихъ при помощи народа и для этой цѣли имѣть наготовѣ бочки съ налитой водой, лѣстницы и другія принадлежности“.

„Въ пасомыхъ, особенно при приближеніи врага, духовенство должно усилить молитву чрезъ крестные ходы и постъ, но такъ какъ эти мѣры, по указу Св. Синода, могутъ быть исполнены только по соглашенію съ военнымъ губернаторомъ, который, постоянно держась своей главной мысли, объявилъ, что не нужно ничѣмъ возбуждать спокойствіе города и отсовѣтовалъ употребленіе этихъ мѣръ, то поэтому пасомые не были созываемы нарочито для молитвы, и духовенство ограничивалось только раздачею народу книжекъ о происхожденіи брани, а постъ былъ оставленъ на соизволеніе каждаго".

Въ заключеніе, преосвященный Варлаамъ доноситъ, что относительно Соловецкаго моря онъ принялъ всѣ мѣры и что въ Страсную субботу, несмотря на сильное изнеможеніе, онъ отправился къ военному губернатору просить его отправить настоятелю Соловецкаго монастыря указъ Св. Синода и дать отъ себя нужные документы на безостановочную перевозку имущества монастыря. „Это имѣло успѣхъ. На второй день Св. Пасхи все было приготовлено къ отсылкѣ Соловецкаго имущества въ Холмогоры, и въ то же время дано предписаніе консисторіи и благочиннымъ принимать и сопровождать монастырское имущество".

5.

Причтъ Кольскаго собора донесъ епископу Варлааму, а этотъ послѣдній—Синоду, что 20 августа, вечеромъ, въ Кандалакскую губу, мимо Ковдской деревни, прошелъ непріятельскій пароходъ, а 22 числа, на обратномъ пути, подошелъ къ самой Ковдѣ. Крестьяне почти всѣ убѣжали съ своимъ имуществомъ въ лѣсъ, а священно и церковно-служители убрали все церковное имущество, сняли съ колокольни два колокола, а самый большой, въ 9 пуд., не успѣли и не могли снять при маломъ числѣ крестьянъ.

Высадившись, англичане сняли этотъ колоколъ и взяли его къ себѣ на пароходъ; обиды никакой для церкви не сдѣлали, не взяли ни одной иконы, ни одной ризы съ иконъ, а когда ходили осматривать церковь, то только отодрали у двери замокъ, сломали замокъ у кружки, прибитой у стѣны, и вынули деньги. Деревнѣ также никакой обиды не сдѣлали и того же, 22 августа, поздно вечеромъ, отплыли отъ берега.

Въ это же самое время причтъ Кандалажской церкви донесъ, что 20 августа былъ виденъ англійскій флотъ, и тогда причтъ принялъ мѣры вынести церковное имущество.

21 числа англичане явились въ Кандалажку на пяти катерахъ, были въ Рождество-Богородицкой и Іоанно-Предтеченской церквахъ

и изъ трапезы второй церкви взяли небольшой мѣдный крестъ цѣною въ 70 копѣекъ и болѣе никакого вреда церкви не причинили.

Затѣмъ прислалъ рапортъ настоятель Крестнаго монастыря, состоящій въ то же время и ректоромъ Архангельской духовной семинаріи. Въ своемъ рапортѣ о. настоятель говоритъ, что 16 августа къ Кій острову прибылъ англійскій пароходъ и привезъ на буксирѣ Онежскую ладью, отправлявшуюся въ Норвегію съ тесомъ. Пароходъ остановился въ 5 верстахъ отъ монастыря, 17-го числа освободилъ ладью и спустилъ шлюпку съ 11 человѣками, которые подплыли къ монастырю; въ числѣ 11 человѣкъ былъ одинъ офицеръ съ двумя вооруженными матросами и однимъ, несшимъ бѣлый флагъ. Всѣ они заходили въ монастырь и настоятельскія кельи и осмотрѣли колодезь; офицеръ, кромѣ того, осмотрѣлъ строеніе на баржѣ и, показывая въ сторону города Онеги, говорилъ: „Онегъ-ни!“. Потомъ всѣ отправились на пароходъ, который 18-го числа, въ 5 часовъ утра, снялся съ якоря.

Въ донесеніи своемъ объ этомъ Синоду, епископъ Варлаамъ добавляетъ, что „прибрежныя мѣста Архангельской губерніи совершенно открыты непріятелю, и что если бы около моря, около каждаго пункта, было поставлено хотя бы по пяти солдатъ, то непріятель такъ отважно и дерзостно не расхаживалъ бы по храмамъ и монастырскимъ кельямъ“.

И дѣйствительно, во время Восточной войны берега Бѣлаго моря были охраняемы только $2^1/_2$ баталіонами, но, несмотря на это, дѣйствія на Бѣломъ морѣ союзной эскадры подъ начальствомъ капитана Омонея не сопровождались успѣхами, а ограничивались только захватомъ мелкихъ купеческихъ судовъ, грабежомъ прибрежныхъ жителей и двукратной безплодной бомбардировкой Соловецкаго монастыря, въ которомъ было только 50 человѣкъ воинской команды, на стѣнахъ его находилось только 8 небольшихъ орудій и, сверхъ того, два 3-хъ фунтовыя полевыя орудія. На отказъ сдать монастырь [1]), англичане открыли огонь изъ 35 орудій, находящихся на двухъ пароходахъ. Бомбардировка продолжалась въ теченіе 9 часовъ, съ утра 7 августа (1854 г.); въ 6 ч. вечера

---

[1]) Настоятелемъ монастыря былъ въ это время архимандритъ Александръ (Павловичъ). Онъ родился въ Кіевской губерніи и былъ сельскимъ священникомъ, овдовѣвъ, принялъ монашество. Въ 1857 г. онъ былъ возведенъ въ санъ епископа архангельскаго, въ 1860 г. переведенъ на Полтавскую каѳедру; въ 1862 г. ушелъ на покой и скончался 8 ноября 1874 года, 80-ти лѣтъ, въ Кіево-Печерской лаврѣ.

англичане отплыли, разрушивъ гостиницу на берегу и нѣсколько повредивъ стѣны Спасо-Преображенскаго собора. Убитыхъ и раненыхъ въ монастырѣ не было.

Никакихъ враждебныхъ попытокъ въ приморскихъ частяхъ Архангельской губерніи въ послѣдующее время Крымской войны непріятель не предпринималъ.

А. Н. Сергѣевъ.

Шамиль полвѣка назадъ въ Петербургѣ.

Въ сѣверной столицѣ Шамиль прежде всего, послѣ представленія Государю Императору Александру II, попросилъ провезти его въ 1-й кад. корпусъ, въ которомъ еще раньше старшій сынъ его, находясь въ Россіи въ качествѣ заложника за нашихъ плѣнныхъ,—воспитывался по милости Императора Николая I.

Тамъ имамъ захотѣлъ повидать всѣхъ бывшихъ учителей и воспитателей своего любимаго сына, не выдержавшаго кавказскаго климата послѣ Петербурга и, вскорѣ послѣ возвращенія на родину, скончавшагося незадолго до паденія отца. Выслушивая разсказы о сынѣ, онъ нѣсколько разъ разрыдался.

При производствѣ опытовъ съ электрическою машиною, подвергаясь дѣйствію тока, Шамиль сказалъ: обо всемъ этомъ я слышалъ разсказы отъ бѣднаго моего сына и изъ его словъ тогда выводилъ заключеніе, что ему приходилось имѣть дѣло съ сумасшедшими, а вотъ что было на самомъ дѣлѣ.

Осматривая корпусный музей, онъ пришелъ въ восторгъ отъ вида небольшой „конно-горной“ пушки. Завѣдывавшій музеемъ, слѣдуя кавказскому обычаю,—дарить то, что нравится собесѣднику и что онъ хвалитъ,—предложилъ имаму принять ее въ подарокъ.

— О нѣтъ, сказалъ съ грустнымъ видомъ предводитель мюридовъ, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ это, почти игрушечное орудіе могло быть мною употреблено съ пользой для моихъ въ большой вредъ вашимъ; но теперь,—слава Аллаху, въ этомъ надобность миновала, нужно надѣяться, навсегда и безвозвратно; мой долгъ теперь, — не переставая мечтать о пользахъ земляковъ моихъ, — молить также о благоденствіи вашего Царя, ставшаго, по волѣ Аллаха, моимъ благодѣтелемъ и повелителемъ...

Сообщ. . . . скій.

Въ старомъ, радушномъ дворянскомъ гнѣздѣ на Арбатѣ.

Москва—Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ—сыскать.
Дмитріевъ.

Къ представленіемъ о сгорѣвшей чуть не до тла въ 1812 году и возродившейся изъ пепла старой Москвѣ—въ памяти моей возникаетъ воспоминаніе объ одномъ изъ тѣхъ маленькихъ, извилистыхъ, узкихъ переулковъ (прилегающихъ къ Арбату), въ которомъ находился домъ моей бабушки М. Р. Кикиной (крестницы Императора Александра I и вдовствовавшей Императрицы Маріи Ѳеодоровны — единственной дочери сэра Р. Керъ Портеръ [1]) и жены его М. Ѳ., рожденной княжны Щербатовой) [2]).

Хотя на воротахъ этого дома не видно было величавыхъ львовъ, украшавшихъ въѣздъ въ барскія хоромы того времени—отсутствовали у подъѣзда со двора—традиціонныя колонны, замѣненныя почему-то двумя массивными гранитными тумбами, но весь онъ: съ подвальнымъ помѣщеніемъ для многочисленной челяди, съ высокимъ бельэтажемъ—для владѣльцевъ и уютнымъ мезониномъ для гостей—былъ выстроенъ въ томъ типично барскомъ стилѣ, въ какомъ воздвигались, какъ по шаблону, господскіе дома начала прошлаго столѣтія въ прилегающихъ къ большимъ улицамъ—маленькихъ переулкахъ. Тамъ же нерѣдко за каменными стѣнами или тесовыми заборами виднѣлись сады, со старыми липами, доставлявшими госте-

[1]) Бывшаго впослѣдствіи министромъ-резидентомъ въ Венецуэлѣ.

[2]) Современницы отечественной войны, пережившей въ Москвѣ всѣ ея ужасы (какъ-то пожаръ, Бородинскій бой т. д.) и послужившей родинѣ—достояніемъ своимъ.

пріимный пріютъ стаямъ галокъ и воронъ, свивавшихъ на толстыхъ сучьяхъ просторныя гнѣзда, тѣмъ болѣе безпрепятственно, что движенья, ѣзды было такъ мало, что совершенно забывалась близость ихъ къ шумнымъ и моднымъ улицамъ.

Это былъ тотъ особенный, исключительный, замкнутый тѣсный мірокъ, центромъ котораго служила церковь, такъ объединявшая, не особенно многочисленныхъ прихожанъ, что они, если оффиціально не были всѣ знакомы между собой, то во всякомъ случаѣ были хорошо извѣстны другъ другу. Каждый прихожанинъ имѣлъ свое опредѣленное мѣсто, въ извѣстномъ порядкѣ обходилъ иконы для поклоненія и бралъ такое опредѣленное количество свѣчей, что церковный староста, завидѣвъ его еще издали, спѣшилъ отложить заранѣе на прилавкѣ потребное количество ихъ.

Внутренность дома бабушки вполнѣ гармонировала съ внѣшнимъ видомъ его. Вся обстановка, начиная съ маленькихъ дубовыхъ ларей большой прихожей—была старинная, выдержанная, стильная.

На стѣнахъ гостиной симметрично развѣшены были большіе въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ—портреты предковъ. Особенное вниманіе привлекало изображеніе одного изъ Кикиныхъ: въ напудренномъ парикѣ и парадномъ мундирѣ временъ Императрицы Елисаветы и красивой еще молодой женщины, жены его—съ вычурной прической въ выѣздномъ парадномъ туалетѣ [1]).

Еще нравился мнѣ въ дѣдушкиномъ кабинетѣ чудный портретъ его крестной матери и благодѣтельницы Маріи Савишны Перекусихиной [2]). Изображена была она въ черномъ платьѣ, плотно облегавшемъ ея красивую фигуру; съ квадратнымъ вырѣзомъ на груди—съ бѣлымъ чепцомъ (genre Шарлоты Кордэ) на пышныхъ волосахъ. Дѣдушка особенно благоговѣйно чтилъ память ея; онъ говорилъ, что, опредѣливъ его въ Пажескій корпусъ, она всю жизнь заботилась о немъ какъ о своемъ крестникѣ. Бывая въ Петербургѣ, онъ всегда навѣщалъ могилу ея на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Служилъ по ней панихиды и ежедневно поминалъ имя ея на молитвѣ. Былъ, помнится мнѣ, и другой портретъ ея, но его я совсѣмъ забыла.

Въ томъ же кабинетѣ, на большомъ письменномъ столѣ стоялъ превосходный портретъ-гравюра сестры дѣдушки свѣтлѣйшей княгини

---

[1]) Степень родства, какъ и имена ихъ, къ сожалѣнью, не сохранились у меня въ памяти—хотя я неоднократно разспрашивала о нихъ дѣдушку.

[2]) Любимой камеръ-юнгферы Императрицы Екатерины, пользовавшейся ея благосклонностью въ теченіе всей своей жизни (1740—1824).

Маріи Петровны Волконской [1]) (рожденной Кикиной), величественной, красивой, въ дорогомъ придворномъ туалетѣ, съ жемчужнымъ ожерельемъ на шеѣ и украшеннымъ драгоцѣнными каменьями — кокошникомъ. Съ нею и дѣтьми [2]) ея находился всегда дѣдушка въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Въ спальнѣ и кабинетѣ бабушки было много такихъ портретовъ, которые въ видѣ копій, двойныхъ экземпляровъ украшали стѣны ея родовой усадьбы [3]).

Кромѣ портретовъ была цѣлая коллекція другихъ, служившихъ иллюстраціей къ воспоминаніямъ бабушки о ея многочисленныхъ друзьяхъ и знакомыхъ.

Среди нихъ особенно памятенъ мнѣ: небольшой, чудной работы портретъ масляными красками, митрополита московскаго Филарета, котораго особенно глубоко почитала мать бабушки лэди Портеръ, неоднократно обращавшаяся лично и письменно къ мудрому Владыкѣ за наставленіемъ и совѣтомъ. Помнится мнѣ выразительное лицо одного изъ друзей ея дѣтства князя В. Ѳ. Одоевскаго, котораго вспоминала она какъ идеалиста и рѣдкой души—человѣка. Были портреты контуженнаго въ голову въ севастопольской кампаніи, съ черной повязкой на лбу—храбраго генерала А. Ѳ. Багговута [4]), графа Модеста Андреевича [5]) Корфа, въ парадномъ мундирѣ (фракѣ) съ курчавой, густой шевелюрой, Маріи Васильевны Ланской (жены министра внутреннихъ дѣлъ), почтенной старушки, въ большомъ бѣломъ съ оборкой чепцѣ и многихъ другихъ, которыхъ знала бабушка во время своего пребыванія въ Петербургѣ (съ конца 30 по конецъ 40 годовъ). Всѣ они какъ бы поясняли, дополняли интересную семейную хронику.

Домъ бабушки заключалъ въ себѣ кромѣ портретовъ, какъ памятниковъ старины, еще множество цѣнныхъ вещей: тѣхъ дорогихъ бездѣлушекъ, которыя имѣли историческое, знаменательное отношеніе къ жизни ихъ обладательницы.

Среди чудныхъ чашекъ, дорогихъ табакерокъ [6]), тѣхъ изящныхъ

---

[1]) Жены министра двора царствованія Императора Николая I.

[2]) Е. Д. Всеволожская (жена директора Имп. театровъ), С. Д. княгиня Рѣпнина и свѣтлѣйшій князь Д. Волконскій.

[3]) Селѣ Мещерѣ (Раненбургскаго уѣзда Ряз. губ.).

[4]) Братъ бывшаго въ Гатчинѣ коменданта К. Ѳ. Багговута.

[5]) Графъ Модестъ Андреевичъ былъ въ 1849 г. директоромъ публичной библіотеки, написалъ біографію Сперанскаго—историческій очеркъ восшествія на престолъ Николая I.

[6]) Бабушка нюхала чудный табакъ-смѣсь, составъ которой составлялъ ея секретъ.

маленькихъ флакончиковъ, которые когда-то на цѣпочкахъ носились свѣтскими дамами на мизинцѣ лѣвой руки; художественныхъ carnet (для записей ангажементовъ на танцы), миніатюрныхъ съ акварельными рисунками,—вѣеровъ слоновой кости, бронзовыхъ курилень разныхъ формъ, хрустальныхъ, узкихъ съ густой позолотой кубковъ для цвѣтовъ и букетовъ и др. предметовъ (представлявшихъ большой интересъ для коллекціонеровъ и антикваріевъ), было много Царскихъ подарковъ и подношеній лицъ, занимавшихъ нѣкогда высокое положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ. Всѣ эти лица, находившія когда-то радушный пріемъ въ домѣ бабушки, считали долгомъ оказывать ей знаки своего почтительнаго вниманія.

Много протекло лѣтъ съ того времени, о которомъ любила вспоминать бабушка, за вязаньемъ изящныхъ одѣялъ изъ мягкой берлинской шерсти,сидя въ глубокомъ покойномъ вольтеровскомъ креслѣ своей Московской гостиной.

Вся обстановка, начиная съ портретовъ, мебели, любимыхъ бездѣлушекъ, до почтенной старой прислуги [1]) включительно—была тождественна съ тѣми условіями, при которыхъ всегда и раньше жила бабушка, что все матеріальное, внѣшнее (какъ отмѣна крѣпостного права [2]), перемѣны въ государственномъ строѣ, реформы и т. д.) за продолжительный періодъ многихъ десятилѣтій — ничѣмъ не отразились на средствахъ, образѣ жизни, привычкахъ бабушки.

Отошедшіе въ вѣчность близкіе, дорогіе люди, записанные за упокой въ ея синодикѣ, продолжали жить въ ея воспоминаніи.

Она такъ часто, такъ увлекательно говорила о нихъ мнѣ, тогда подростку, любившему сидѣть на низенькой вышитой скамейкѣ у ея ногъ, что они и мнѣ казались не только знакомыми, но и близкими; отъ того, вѣроятно, что мнѣ особенно легко было представить ихъ себѣ по ихъ портретамъ, а также и потому, что обстановка петербургскихъ пріемовъ бабушки была точь въ точь такая, какъ теперь въ этой старинной Московской гостиной. Весело жилось тогда бабушкѣ въ Петербургѣ...

---

[1]) Молодое поколѣніе допускалось только въ видѣ подручныхъ.

[2]) Какъ бездѣтная и обладавшая большими средствами, бабушка М. Р. имѣла возможность, отпуская крестьянъ на волю, дать имъ высшій въ уѣздѣ душевой надѣлъ и предоставить въ собственность безземельнымъ дворовымъ правый берегъ пруда противъ сада. Отношенія между бывшими крѣпостными и „матушкой-барыней“ были самыя хорошія, сердечныя; такъ она не переставала благотворить: надѣлять хлѣбомъ и топливомъ неимущихъ, строительнымъ матеріаломъ погорѣльцевъ, деньгами и лѣкарствами—больныхъ, крестить и благословлять у всѣхъ, кто являлся въ барскій домъ съ усердною просьбою.

Я отъ души завидовала ей, любившей выѣзды, свѣтъ, поклоненіе!..

Высокая, стройная (съ классическими—сохранившими до глубокой старости красивыя формы—маленькими ручками и ножками), граціозная, съ изящными манерами, живымъ характеромъ, гибкимъ умомъ, Мэри (какъ звали ее кромѣ дѣдушки—друзья ея дѣтства) была, по словамъ знакомыхъ мнѣ московскихъ старичковъ и старушекъ, такъ неотразимо привлекательна, что заслуженно пользовалась громаднымъ успѣхомъ въ Петербургскомъ beau monde.

Въ числѣ ея поклонниковъ были: мечтательный князь Одоевскій, извѣстный своей отвагой адмиралъ Дюгамель и А. С. Пушкинъ (къ кот. не особенно благоволила бабушка за его безосновательную ревность къ очаровательной женѣ Н. Н., принужденной иногда среди фигуры lancier покидать балъ—по капризу мужа [1]).

Храбрый ген. Багговутъ и др., бывая у нея въ домѣ,—въ то же время искали случая встрѣчаться съ нею на балахъ, маскарадахъ и въ Итальянской оперѣ, гдѣ тогда пѣла „несравненная“ Бозіо [2]) и гдѣ дебютировалъ тогда же „незамѣнимый“ Тамберликъ. Кромѣ Бозіо и Тамберлика подвизались на подмосткахъ Императорскихъ театровъ того времени поэтичная Рашель, богиня граціи Марія Тальони, а среди прочихъ артистовъ Асенкова, незамѣнимый комикъ П. А. Каратыгинъ [3]) и пр. Кромѣ Императорскихъ театровъ, гдѣ абонированные въ извѣстные дни въ ложахъ бельэтажа, на Итальянскую оперу—еженедѣльно имѣли возможность встрѣчаться, какъ на раутахъ — со своими знакомыми, процвѣтали въ то же время въ Петербургѣ и любительскіе спектакли. Особеннымъ любителемъ ихъ былъ бывшій въ то время петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Кокошкинъ. У него въ домѣ, на Сергіевской, часто собиралось высшее общество для распредѣленія ролей, репетицій и спектаклей. Бабушка была очень консервативна и, переѣхавъ въ Москву, не пожелала бывать въ театрахъ, чтобы не портить хорошаго впечатлѣнія. И я понимала ее... Сравненіе настоящаго съ прошлымъ для нея, не выдержавъ критики, разрушило бы ту иллюзію, которую ей пріятно было сохранить навсегда!

Любимыя оперы свои „Lucia di Lamermoor“ (по чудной фа-

---

[1]) Мнѣ передавали, что бабушкѣ будто бы было посвящено Пушкинымъ стих. *„Пью за здравіе Мэри“*. Это представляется мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что она дружна была съ сестрами М. О. и Н. О. Смирновыми, І. Кернъ и др., кому были посвящены Пушкинымъ его стихи.

[2]) Анжіолина, скончавшаяся въ Петербургѣ (на 35 г. жизни) въ 1859 г.

[3]) Елиза Рашель, трагическая актриса, выступавшая въ Петербургѣ въ 40-хъ годахъ.

булѣ ея отчасти соотечественника Шекспира)[1]) „Linda di Chamouni“, „Travator“ и др. она съ особеннымъ удовольствіемъ слушала, въ исполненіи шарманщика, приходившаго обязательно 2 раза въ недѣлю играть подъ окномъ выходившей во дворъ маленькой столовой.

Это было давно... но мнѣ какъ-то особенно живо представляется и теперь коренастая фигура итальянца, съ загорѣлымъ энергичнымъ лицомъ; съ большой шарманкой, украшенной рѣзьбой, сквозь которую просвѣчивала полоса алаго атласа. Необыкновенно мягокъ, пріятенъ, мелодиченъ былъ тонъ этого маленькаго органа. Мнѣ кажется, что никогда въ жизни я не слышала ему подобнаго.

Только отчасти напомнилъ мнѣ его другой слышанный однажды въ Египтѣ на улицахъ Александріи, во время карнавала.

Бабушка вообще очень любила музыку—сама играла на клавикордахъ (такихъ названій, какъ рояль и піанино, она признавать не желала) и была по ея словамъ одною изъ любимыхъ ученицъ Джона Фильда[2]) (автора 17 извѣстныхъ классическихъ ноктюрнъ). Относясь недоброжелательно, предубѣжденно къ произведеніямъ молодыхъ современныхъ композиторовъ, бабушка постоянно заставляла меня играть различныя сонаты, пасторали, менуэты, заключавшіеся въ толстой переплетенной тетради съ сафьяннымъ краснымъ ярлыкомъ и надписью „M-lle Porter“.

Мнѣ самой казалось бы страннымъ играть для нея модные вальсы, романсы или попурри изъ оперетокъ.

Не рисуя сама, она была большой, компетентной цѣнительницей произведеній живописи и скульптуры. Въ Петербургѣ она знавала К. П. Брюлова[3]) и Бруни[4]). Часто посѣщала ихъ студіи въ Академіи Художествъ, гдѣ въ то время производились художественныя мозаичныя работы по внутренней отдѣлкѣ Исаакіевскаго собора. Бывалъ у нея въ домѣ и А. Ѳ. Монферранъ[5]) и архитекторы

---

[1]) Петра Андреевича Каратыгина, комическаго артиста, одареннаго неподражаемымъ юморомъ, автора многихъ театральныхъ пьесъ я встрѣчала не задолго до его смерти (1879) въ домѣ дяди своего ген.-адъютанта Слѣпцова, въ Петербургѣ. Онъ вспоминалъ съ увлеченіемъ рауты бабушки.

[2]) Джонъ Фильдъ, англійскій піанистъ и композиторъ (1782—1836), долго жившій въ Россіи и имѣвшій много талантливыхъ учениковъ.

[3]) Карлъ Павловичъ Брюлловъ, извѣстный картиной „Послѣдній день Помпеи“ (1799—1852).

[4]) Бруни Ѳ. Ант., профессоръ и ректоръ академіи по живописи и ваянію. Лучшее его произведеніе „Мѣдный змій“—въ Эрмитажѣ.

[5]) А. Ѳ. Монферранъ, строитель Исаакіевскаго собора и Александровской колонны.

по сооруженію въ 1842 году Николаевскаго моста. Катаясь на лодкѣ по Невѣ, она любила слѣдить за успѣхомъ работъ по постройкѣ этого грандіознаго, несокрушимаго памятника царствованія Императора Николая I.

Несмотря на то, что съ представленіемъ о Петербургѣ было связано много лучшихъ воспоминаній: объ Екатерининскомъ институтѣ, выѣздахъ, балахъ, успѣхахъ въ свѣтѣ, бабушка М. Р., признавая Москву своей родиной—очень любила ее.

Изъ окна мезонина виднѣлся куполъ той церкви, на Арбатѣ, въ которой въ 1835 году происходило вѣнчанье ея съ дѣдушкой [1]), тогда еще молодымъ поручикомъ Лейбъ-Гв. Семеновскаго полка. Изъ того же окна можно было разсмотрѣть крышу красиваго, барскаго дома, нѣкогда принадлежавшаго его женатому на княжнѣ Голицыной, двоюродному брату П. А. Кикину. Завсегдатай Англійскаго клуба, знакомый со всей Москвой, П. А., носившій постоянно николаевскую шинель и фуражку съ краснымъ околышемъ и пріѣзжавшій въ большихъ саняхъ на сильной, рослой, старой лошади—живой и общительный, вносилъ всегда такое оживленіе, что былъ вездѣ желаннымъ гостемъ.

Съ дѣдушкой, любившимъ геральдику, знавшимъ наизусть атрибуты, эмблемы каждаго Россійскаго дворянскаго герба, обладавшимъ необыкновенною памятью на хронологію и историческія событія—у него было много общаго.

Оба они почитали Леонтьева и Каткова, увлекались передовыми статьями „Московскихъ Вѣдомостей“, зачитывались „Русскимъ Вѣстникомъ“ и проповѣдями на страницахъ „Душеполезнаго чтенія“.

П. А., сохранившій до глубокой старости веселый нравъ и необыкновенно свѣжую память, былъ извѣстенъ своимъ остроуміемъ и неисчерпаемымъ юморомъ. Я любила его разсказы изъ далекаго прошлаго—они были такъ живы, такъ образны, что слушателямъ не трудно было представить себя какъ бы присутствующими при описываемомъ имъ событіи.

Я помню, съ какимъ увлеченіемъ разсказывалъ онъ, что, пригласивъ однажды на „lancier“ очаровательную Нат. Ник. Пушкину (кот. зналъ еще дѣвицей), находилъ удовольствіе изводить бросавшаго на него негодующіе взгляды стоявшаго неподалеку—ревниваго поэта. Нат. Ник. въ изящномъ туалетѣ, съ классическою прическою, необыкновенно граціозная—была въ этотъ вечеръ особенно привлекательна. А. Пушкинъ на этотъ разъ былъ такъ благодушно

---

[1]) Впослѣдствіи адъютантомъ гр. Клейнмихель.

настроенъ, что не увезъ жену съ вечера и очень благосклонно отнесся къ веселому ловеласу (какъ себя часто именовалъ самъ П. А.).

Я всегда съ нетерпѣніемъ ожидала его пріѣзда. Завзятый москвичъ—онъ ненавидѣлъ Петербургъ и, относясь ко мнѣ всегда особенно хорошо — ставилъ мнѣ въ укоръ мое пристрастіе къ Петербургу—какъ родинѣ. Знакомый съ профессоромъ К. А. Тонъ [1]), художниками и архитекторами, онъ доставилъ мнѣ возможность осмотрѣть строившійся въ то время храмъ Спасителя, въ которомъ производилась внутренняя отдѣлка. Поднеся мнѣ обломокъ краснваго лабрадора, какъ память посѣщенія храма, онъ обратилъ мое вниманіе, на изображаемую въ куполѣ руку Бога Саваоѳа—казавшуюся натуральной величины и имѣвшую въ дѣйствительности 9 ар. длины. Я такъ была поражена этой величиной, что спѣшила домой, чтобы на паркетѣ бабушкина зала отмѣрить тѣ 9 арш., которые такъ поразили меня.

Совершенную противоположность П. А. К., эстетику, цѣнителю красоты, поклоннику женщинъ, представлялъ ровесникъ его, одинъ изъ пріятелей бабушки — С. М. Каренинъ. Владѣлецъ двухъ домовъ на Мѣщанской и отличнаго выѣзда, онъ былъ одинокъ, слылъ богатымъ человѣкомъ и врагомъ женщинъ, которыхъ всегда избѣгалъ и сторонился. Высокій, худощавый, съ зачесанными вверхъ густыми сѣдыми волосами, съ большимъ чернымъ галстухомъ (косынкой) на шеѣ—онъ былъ извѣстенъ своимъ пристрастіемъ къ рысистымъ лошадямъ и церковному пѣнію. Старожилъ Москвы, онъ зналъ регентовъ положительно всѣхъ московскихъ хоровъ. Самой излюбленной темой для него служилъ разговоръ о басахъ, теноракъ и лучшихъ церковныхъ напѣвахъ. Подшучивавшіе надъ нимъ собесѣдники нерѣдко упрашивали его пропѣть имъ тропарь на гласъ 8-ой. Онъ не соглашался, заявляя, что, при своемъ удивительномъ слухѣ и тонкомъ пониманіи, пѣть „онъ не гораздъ“, а у себя на дому можетъ предоставить желающимъ возможность послушать—„удивительныхъ“ пѣвчихъ.

Изъ завсегдатаевъ бабушкиныхъ интимныхъ обѣдовъ по четвергамъ въ маленькой столовой и по воскресеньямъ болѣе парадныхъ—въ залѣ особенно симпатична была мнѣ одна изъ тётокъ моей матери, княгиня Н. Д. Шаховская (жена декабриста Ѳ. П., за которымъ она послѣдовала въ ссылку, гдѣ и похоронила его въ 1835 г.). Ей, урожденной княжнѣ Щербатовой, принадлежалъ нѣкогда роскош-

---

[1]) К. А. Тонъ (1794—1881), архитекторъ, профессоръ Академіи; строитель храма Спасителя, Введенія, Благовѣщенія въ Петербургѣ и т. д.

ный домъ въ Газетномъ переулкѣ, занятый извѣстной когда-то въ Москвѣ модисткой „M-me Annette“. Мнѣ тогда не разъ показывали этотъ домъ, но я не нашла бы его теперь, какъ не могла отыскать на Никитской (близъ Трубнаго переулка) хорошенькій маленькій особнякъ, принадлежавшій сестрѣ ея, княжнѣ Е. Д. Щербатовой. Переходившіе изъ рукъ въ руки, перестроенные сообразно съ духомъ времени—они совершенно утратили видъ барскихъ хоромъ—стали неузнаваемыми.

Нравилась мнѣ очень и подруга дѣтства бабушки (вдова московскаго оберъ-полицеймейстера) Н. С. Перфильева (рожденная Ланская) [1]). Высокая, представительная, съ виду гордая и неприступная, Наст. Сер. была чрезвычайно добра и отзывчива. Бывала часто сестра дѣдушки вдова—графиня М. Е. Толстая, энергичная, величественная Е. А. Свербѣева (рожденная княжна Щербатова) и мн. другія.

Всѣ онѣ были хорошо знакомы между собой и имѣли много общаго; такъ какъ доживали свой вѣкъ, какъ и бабушка въ своихъ особнякахъ, имѣли старинную, сходную съ бабушкиной обстановку съ портретами предковъ и антикварными бездѣлушками въ горкахъ краснаго дерева и держали при себѣ (нѣкогда крѣпостныхъ) старыхъ преданныхъ слугъ.

Онѣ, какъ бабушка М. Р., носили поверхъ темныхъ шелковыхъ платьевъ, длинныя черныя отдѣланныя кружевомъ или бахромой—мантильи, отложные бѣлые воротнички, заколотые большими брошками-камнями—и имѣли при себѣ изящныя маленькія табакерки. Оставаясь относительно прически вѣрными модѣ 30-хъ годовъ, онѣ надѣвали при выѣздахъ большія (въ видѣ капоровъ) шляпы, подбитыя черною или бѣлою густою рюшью, неодобрительно относились къ тѣмъ современнымъ модамъ, какихъ придерживались юныя внучки, которыя привозились ими для представленія — почтительными друзьями.

Молодыя барышни, дѣлавшія глубокіе реверансы бабушкѣ, жившія въ другой современной, обновленной, многолюдной и шумной Москвѣ, попадая въ непривычно патріархальную обстановку 30-хъ

---

[1]) Матери ея принадлежалъ, какъ видно изъ контракта 1808 г., сданный въ наймы княжнѣ М. Ѳ. Щербатовой (впослѣдствіи Портеръ) домъ въ Петербургѣ въ Мошковомъ переулкѣ.

Ей же, женѣ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ видно изъ отношенія министра Двора князя Голицына за № 423 отъ 22 декабря 1830 г., была, по соизволенію Императрицы Александры Ѳеодоровны, поручена лишенная по болѣзни возможности продолжать курсъ Miss Porter. Въ домѣ Ланскихъ какъ въ родномъ чувствовала себя бабушка.

годовъ прошлаго столѣтія, чувствовали себя, какъ бы въ другомъ мірѣ—отдѣленномъ китайской стѣной отъ того иного, современнаго, въ которомъ жили, выѣзжали, веселились.

Имъ могло казаться, что стрѣлки на большихъ часахъ съ башеннымъ боемъ замерли еще лѣтъ 50 тому назадъ на одной изъ крупныхъ римскихъ цифръ металлическаго циферблата, такъ какъ весь жизненный строй не подвергся тѣмъ измѣненіямъ, которыя печать времени налагаетъ на все живущее.

Мнѣ всегда казалось, что какое-то мирное, благочестивое настроеніе должно было испытываться лицами, посѣщавшими этотъ патріархально радушный домъ, на которомъ почивала „благодать Божія“, такъ какъ оба—бабушка М. Р. и дѣдушка П. Е.—были людьми религіозными, глубоко вѣрующими, и было такъ много въ ихъ отношеніяхъ къ людямъ, различнымъ по образованію, средствамъ, положенію, христіанской любви, искренности и доброты.

Одинаковый съ лицами, принадлежащими къ Московскому high' life, оказывался радушный пріемъ различнымъ protégé, многочисленнымъ крестникамъ, бѣднымъ вдовамъ, сыновьямъ сельскаго священника и дѣтямъ старыхъ преданныхъ слугъ. Не желая своимъ присутствіемъ стѣснять своихъ благодѣтелей при пріемахъ гостей, они обыкновенно являлись днемъ или утромъ, откровенно наединѣ говорили о своихъ нуждахъ, выражали просьбы и благодарность и никогда не уходили безъ угощенья, субсидіи, ласки и привѣта!

Завѣтной мечтой бабушки, еще относительно молодой, свѣтской, любившей выѣзды и пріемы — была постройка каменной церкви въ саду родовой усадьбы с. Мещерѣ (Раненб. уѣзда, Ряз. губ.).

Освященіе храма этого, во имя Святителя и Чудотворца Николая, совпало съ знаменательной годовщиной тысячелѣтія Россіи. Подъ алтаремъ [1]) его былъ устроенъ склепъ — усыпальница для нея самой, какъ создательницы и строительницы храма [2]), и близкихъ ей.

---

[1]) Было погребено, скончавшейся въ Москвѣ 31 іюля 1884 г., тѣло бабушки—завѣщавшей положить бѣлую мраморную плиту и оставившей капиталъ на вѣчное поминовеніе и благодарную память въ сердцахъ прихожанъ своего храма. Съ небольшимъ годъ пережилъ ее дѣдушка П. Е., скончавшійся 24 ноября 1885 г. и погребенный въ склепѣ — подъ одинаковой плитой бѣлаго мрамора.

[2]) Всѣ образа были завѣщаны бабушкой въ церковь, гдѣ сохраняются понынѣ въ большихъ кіотахъ неподалеку отъ клиросовъ, изъ которыхъ передъ однимъ, въ иконостасѣ образъ Николая Чудотворца, а передъ другимъ изображены святые, имена которыхъ носили самые дорогіе, близкіе ей люди (Маріи Магдалины, Апостола Петра, Александра, Царицы Ольги и преподобной Софіи).

Меня всегда умиляла продолжительная, усердная, горячая молитва бабушки передъ большимъ кіотомъ, заставленнымъ старинными иконами въ цѣнныхъ серебряныхъ и позолоченныхъ ризахъ, озаренныхъ свѣтомъ неугасаемой лампады, за изящнымъ фарфоровымъ транспарантомъ, изображавшимъ Спасителя благословляющимъ дѣтей.

И когда тяжкій, сердечный, недугъ, выразившійся отекомъ ногъ, лишилъ ее возможности простаивать подолгу на молитвѣ, она, отпустивъ двухъ горничныхъ (неотлучно почти состоявшихъ при ней), опустившись на кресло, усердно молилась до самой полночи.

Прежде всего молилась она горячо, за упокой тѣхъ, отошедшихъ въ лучшій міръ, имена которыхъ были ею самой записаны въ черный синодикъ. Затѣмъ поминала она близкихъ, находящихся въ живыхъ и, сама страждущая, — съ особеннымъ усердіемъ молилась за немощныхъ и больныхъ! Заученныя на память молитвы смѣнялись у нея прошеніями, своими словами — хвалѣ и благодаренію Богу, за оказанныя Имъ милости, за всю благополучно прожитую, безъ тяжелыхъ испытаній, безъ матерьяльныхъ невзгодъ — продолжительно счастливую жизнь!

Прошло не мало лѣтъ.

Свершивъ долгій, утомительно трудный, жизненный путь, одинъ за другимъ, послѣ бабушки, уступая мѣсто новому, молодому поколѣнію—сошли въ могилу милые, почтенные старички и старушки, посѣтители ея воскресеній и четвероговъ.

Время наложило свою неизгладимую, неизбѣжную печать на завѣщанные внукамъ и перепроданные въ чужія руки — барскіе особняки. Съ приспособленнымъ подъ столярныя, слесарныя мастерскія, торговыя заведенія подвальнымъ помѣщеніемъ, съ передѣланными на нѣсколько квартиръ, бельэтажемъ и мезониномъ, они до неузнаваемости утратили свой прежній, солидный, внушительный видъ.

Шумными и людными стали прилегающіе къ большимъ улицамъ, нѣкогда такіе узкіе, маленькіе переулки, съ тѣхъ поръ, какъ на мѣстѣ каменныхъ стѣнъ, тесовыхъ заборовъ, за которыми виднѣлись старыя липы съ вороньими гнѣздами, появились — большіе дома, красивой архитектуры, удовлетворяющіе всѣмъ требованіямъ комфорта современной, иной жизни.

Марина.

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

V [1]).

Береженье отъ всякаго воровства.

Воровство не обозначало въ древней Руси кражи, которая тогда называлась „татьбой“. „Воровствомъ“ называлось всякое нарушеніе государственныхъ законовъ: „воромъ“ былъ и Тушинскій самозванецъ, и бунтовщикъ Стенька Разинъ, и „зажигальщикъ“, и человѣкъ, „пившій табакъ“ и игрокъ „въ зернь“ [2]). Для объѣзжаго головы „воровствомъ“ было всякое нарушеніе общеобязательныхъ постановленій; всякое безчинство, всякій безпорядокъ.

Объѣзжіе головы должны были поддерживать чистоту въ ихъ объѣздахъ. Санитарныя правила того времени не были особенно строги; требовалось только „въ улицахъ и въ переулкахъ все вычистить, чтобъ изъ поваренъ и изъ заходовъ (или отходовъ) выпусковъ на улицу отнюдь не было“ [3]); „навозъ и скаредный пометъ и мертвечину“ указано было „свозить за Земляной городъ отъ слободъ въ дальнія мѣста (ниже Спасскаго монастыря Новаго) и засыпать землею“.

Строго слѣдили затѣмъ, чтобы въ рядахъ „мертвечины не держали“ на кормъ рядскимъ собакамъ, и Нижняго Желѣзнаго ряда торговый человѣкъ Сергѣй Ловушкинъ въ 1693 году былъ „битъ батоги“ за то, что привезъ въ рядъ мертвую корову и положилъ

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1909 г.

[2]) Кости.

[3]) Въ 1688 году въ Страстномъ монастырѣ были выпуски изъ отходовъ на улицу, „а изъ бойни за Тверскими воротами плылъ всякій скаредъ“ на Дмитровку (Пр. 1116, 130).

ее у своей лавки. Но всѣ эти благія начинанія оставались лишь на бумагѣ, особенно въ Китаѣ-городѣ съ его вѣками загрязненной почвой, переполненномъ торговцами и покупателями, которые за всѣми своими нуждами отлучались „на сторону“ куда-нибудь „позади“ рядовъ.

Въ 1692 году торговые люди Кичнаго, Холщеваго и Шубнаго рядовъ жаловались на то, что „промежду Овчиннаго и Холщевого рядовъ у лавокъ ихъ Лапотнаго ряда торговые люди ходятъ и к....ся и лавки ихъ заскаредили пометомъ, и отъ того помету и отъ духу сидѣть имъ въ лавкахъ невозможно“.

Объѣзжимъ приходилось только разбирать столкновенія, возникавшія на этой почвѣ: такъ, въ 1687 году къ плотнику Ѳедору, „рубившему погребъ дубовый“ въ Свѣчномъ ряду, явился какой-то стрѣлецкій сынъ и безцеремонно расположился „у того погреба на бревнѣ“; плотникъ сначала говорилъ „пойди ты отъ погреба подалѣ“, но потомъ пустилъ въ ходъ кулаки и былъ привлеченъ къ отвѣту на съѣзжій дворъ.

Объѣзжіе должны были преслѣдовать все, что нарушало общественную тишину и оскорбляло общественную нравственность, при чемъ оказывались запрещенными и нѣкоторые старинные русскіе обычаи и удовольствія. Они обязаны были „смотрѣть накрѣпко, чтобы „во дворѣхъ корчмы и б.....и зерни (азартная игра въ кости), въ улицахъ и въ переулкахъ грабежу и иного воровства не было“, чтобы „во дворѣхъ люди безвременно не пили, а табаку у нихъ однолично не было“, чтобы „съ медвѣди, съ кобылки и съ домрами и гудками по улицамъ не ходили и на дворѣхъ не играли и на кулачки не билися“. Особенное вниманіе объѣзжихъ обращали на себя извозчики, которые и до сихъ поръ не отличаются въ Москвѣ особою деликатностью и любовью къ порядку. Объѣзжіе наблюдали, чтобъ извозчики „на возжахъ не ѣздили [1]) и съ лошадьми и телѣгами въ улицахъ и въ переулкахъ не ставились, а ставились бы на просторныхъ мѣстахъ“. Извозчики не слушались исполнявшихъ полицейскія обязанности стрѣльцовъ, „били ихъ и грабили и имать себя не давали“. Съ обывателями у нихъ выходили частыя столкновенія: такъ, въ сентябрѣ 1687 г. ямщикъ Кондратьевъ жаловался на Соляного ряда торговаго человѣка Никифора Ѳедорова, который будто бы напалъ на его работника Ивана, стоявшаго съ роспусками у Соляного ряда, и „у роспусковъ веревки всѣ перерѣзалъ“, а работника „убилъ [2]), невѣдомо за что, и мѣшокъ съ овсомъ, невѣдомо гдѣ, дѣлъ“; Ѳедоровъ показалъ, что онъ „только отпихнулъ отъ своей лавки роспуски“, а Иванъ самъ „учалъ его бить и за голову давить“;

[1]) Т. е. должны были сидѣть не на козлахъ, а верхомъ на лошадяхъ.
[2]) Т. е. зашибъ, нанесъ побои.

по осмотру оказалось, что правда была на сторонѣ Ѳедорова, у котораго была „шея передавлена, носъ разбитъ до крови, у лѣвой руки перстъ средній зашибленъ до крови“ [1]).

Для поддержанія благочинія прежде всего считалось нужнымъ, чтобы „всякихъ чиновъ люди на Москвѣ были въ вѣдомости“. Никакіе пришлые люди не могли селиться въ Москвѣ безъ поручныхъ записей, т. е. безъ того, чтобы за нихъ не поручились нѣсколько осѣдлыхъ москвичей; незаписанныхъ пришлыхъ людей, „смотря по винѣ“, били батогами или кнутомъ. Объѣзжій голова долженъ былъ знать все населеніе своего объѣзда и составлялъ особыя переписныя книги дворовъ въ объѣздѣ и жившихъ въ нихъ людей. Въ Китайскомъ объѣздѣ нужно было быть особенно бдительнымъ, такъ какъ Китай-городъ былъ переполненъ пришлымъ бездомнымъ населеніемъ, ютившимся „изъ оброку“ въ горницахъ и подклѣтахъ или въ особыхъ избушкахъ и „кельяхъ“; были и тогда жильцы, нанимавшіе „углы“. На одномъ, напримѣръ Іосифовскомъ подворьѣ на Ильинкѣ въ 1638 году жили, каждый въ особой избѣ, торговые люди, одинъ Скорняжнаго ряда, одинъ Золотного, два Вандышнаго, Шапочнаго ряда сторожъ, Печатнаго Двора разборщикъ, истопникъ, плотникъ, свѣчникъ, портной, сапожникъ, извозчикъ и денежный мастеръ, при которомъ жилъ „сусѣдъ работной человѣкъ“.

На дворѣ Абакума Іевлева въ одной избѣ жили Помѣстнаго приказа подьячій Гаврила Лихачонковъ съ женою, дѣтьми и мальчикомъ Максимкой, который „пилъ и ѣлъ его, Гаврилово“, подьячій того же приказа Миронъ Кошкаровъ и какая-то вдова съ дѣтьми; ихъ соединяло, повидимому, землячество, такъ какъ Кошкаровъ и Максимка были сыновья „днѣпровыхъ казаковъ“, а фамилія Лихачонкова также указываетъ на его южно-русское происхожденіе.

Не у всѣхъ были такіе солидные жильцы, какъ у Николомоскворѣцкаго попа, у котораго „Суздаля города иноземецъ“ Гришка Матвѣевъ жилъ „года съ четыре“, а Ордынской сотни тяглецъ Левка Ивановъ даже „лѣтъ съ десять“; большею частью дворы Китая-города были набиты часто мѣнявшимся, никому не извѣстнымъ, темнымъ, по-современному безпаспортнымъ людомъ, привлеченнымъ жаждою наживы къ всемосковскому торжищу.

Для предупрежденія „воровства“ и особенно „зажигательства“ объѣзжіе должны были, „гдѣ станутъ въ переулкахъ и въ глухихъ мѣстѣхъ нищіе съ сумами приваливаться, и ихъ ловить и осматривать и съ такихъ мѣстъ выбивать, чтобы ихъ отнюдь въ такихъ глухихъ мѣстѣхъ и, гдѣ люди мало ходятъ, не было. Иногда органи-

[1]) Пр. 1512, 190, 220; Пр. 1250, 87; Пр. 1061, 68, 186; М. 765, Ст. 3, 1—21.

зовывалась ловля подозрительныхъ людей, и „по указу Великаго Государя“ назначались торговые люди, которые, напримѣръ, на Красной Площади въ шалашахъ, въ которыхъ не было торговли, „осматривали, пришлыхъ и гулящихъ людей въ тѣхъ шалашахъ нѣтъ ли“. Но пришлые люди ускользали отъ бдительности объѣзжихъ, и въ 1683 году нѣсколько бродягъ „жили у Троицы на Рву въ палатѣ, а та палата сдѣлана была подъ землею, и ходили они въ ту палату отъ Кремля-города изо Рву“.

Среди пришлыхъ людей, толпившихся въ рядахъ и на площади, можно было встрѣтить бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ; владѣльцы тутъ же ловили ихъ и приводили на съѣзжій дворъ. 7 іюля 1687 г. Помѣстнаго приказа подьячій Кузьма Захарьинъ, возвращаясь со службы, зашелъ на Красную Площадь „для покупки харчу“ и „противъ харчевыхъ шалашей“ увидѣлъ крестьянскаго сына Ганку Китаева, бѣжавшаго отъ отца Захарьина изъ Костромского уѣзда; на съѣзжемъ дворѣ Китаевъ показалъ, что онъ „пришелъ къ Москвѣ съ полгода и живетъ у двороваго человѣка безъ поруки, а животовъ отъ помѣщиковъ своихъ никакихъ не сносилъ и съ воровскими людьми ни съ какими не знается и нигдѣ не женился, а что онъ, Ганка, сбѣжалъ отъ помѣщиковъ своихъ, и въ той его винѣ вольны Великіе Государи“; Китаевъ былъ отданъ Захарьину, обязавшемуся ставить его на съѣзжій дворъ, „какъ его, Ганку, спросятъ“. Иногда бѣглые люди оказывали сопротивленіе; такъ, стряпчаго Шартоминскаго монастыря Сназина бѣглые монастырскіе крестьяне „били и увѣчили“ сначала въ маѣ 1693 года, а потомъ въ сентябрѣ того же года [1]).

Съѣзжій дворъ долженъ былъ оказывать содѣйствіе и мужьямъ, отыскивавшимъ бѣглыхъ женъ. Въ 1693 году Ордынской сотни тяглецъ портной Самошка Лебедевъ заявилъ, что жена его, которая и ранѣе бѣгала отъ него, и которую приходилось „вынимать выемкою“, тому года съ два сбѣжала изъ Нижняго-Новгорода въ Москву, „покрадчи животы“, а теперь онъ „провѣдалъ тое свою жену въ Китаѣ-городѣ, а живетъ на дворѣ у Зачатейскаго дьякона“. За бѣглою женою были посланы стрѣльцы, которые привели ее на съѣзжій дворъ. Анница Лебедева оказалась не совсѣмъ ровней портному, дочерью попа с. Пуреха, что, можетъ быть, и было отчасти причиной семейныхъ несогласій. Поповна аттестовала мужа съ очень нехорошей стороны, показавъ, что онъ „за неистовство и за кражу у дяди ея“ былъ битъ батоги и кромѣ того лѣтъ 10 назадъ по ея извѣту „въ неистовствѣ его и нестерпимыхъ побояхъ“ въ Патріаршѣ приказѣ „былъ битъ плетьми и принесъ повинную, чтобы

[1]) Пр. 1512, 120, 225, 237; Пр. 1638, 20; Пр. 2513, 102; Пр. 677, 17; Пр. 1716, 550; Пр. 1061, 194, 195; Пр. 1181, 387.

жить съ нею по-прежнему, какъ добрые люди живутъ". Анница утверждала, что она отъ мужа „не бѣгивала", что онъ самъ отпустилъ ее изъ Нижняго-Новгорода „къ сродникамъ для свиданья", а что напротивъ самъ Самошка „пропадалъ года съ четыре", и она, Анница, „увѣдавъ его на Москвѣ", пріѣхала „сыскивать его на Москвѣ". Особенно Анница настаивала на томъ, что она „сносныхъ никакихъ животовъ не снашивала", утверждая весьма правдоподобно, что „и сносить было нечего, потому что, что было ея приданаго, платья и кузни [1]), и онъ, Самошка, испродалъ и пропилъ". Къ сожалѣнію, мы не знаемъ конца этой житейской драмы, весьма обычной и въ наши дни.

Особенно подозрительными казались „раскольщики". Людей, завѣдомо державшихъ „раскольщиковъ", указано было бить кнутомъ и ссылать, а на поручителяхъ брать пени по 50 рублей.

Сами обыватели большею частью заботились о томъ, чтобы въ ихъ околодкѣ не было подозрительныхъ людей, занимавшихся, напримѣръ, развратомъ или сводничествомъ. На одинъ съѣзжій дворъ, напримѣръ, однажды „пришли сосѣдніе многіе люди и звали на выемку на дворъ. Григорія Спѣшнева къ дворнику, сводничаетъ де онъ, и въ то время пошли къ нему на дворъ два мужика да двѣ женки"; когда объѣзжіе пришли ко двору Спѣшнева, „у того двора стояли многіе люди, а иные на дворѣ", живо заинтересованные въ успѣхѣ выемки и „искавшіе тѣхъ пришлыхъ мужиковъ и женокъ". Точно также въ 1693 г. на одномъ дворѣ по извѣту дворника былъ „вынятъ" человѣкъ съ табакомъ, оказавшійся старцемъ Высокопетровскаго монастыря.

Приходилось дѣлать и выемки „корчемнаго питья" [2]). При казенной продажѣ питей, равно какъ и при откупной системѣ, курить вино и варить пиво и медъ могли только привилегированные люди, „помѣщики и вотчинники, да и то „про себя на своихъ поварняхъ"; „лучшіе" посадскіе люди могли курить по праздникамъ ведра по два вина, а „середніе и молодчіе" только пиво и медъ, но „съ явкою", т. е. съ платежомъ пошлинъ; стрѣльцамъ дозволялось къ праздникамъ курить вино и варить пиво безпошлинно. Всякая безъявочная продажа или заготовка вина составляли „корчемство". Корчемникомъ считался даже тотъ, кто „вино давалъ безденежно за работу или мастерство больше ведра". Какъ неопредѣленно было понятіе „корчемства", видно изъ случая, бывшаго съ патріаршимъ псаломщикомъ Аѳанасіемъ Ѳеофановымъ.

[1]) Драгоцѣнности.

[2]) Питейное дѣло вѣдалось въ приказахъ Большія Казны и Новыя Чети, но и разрядные объѣзжіе головы оказывали содѣйствіе этимъ приказамъ.

2 мая 1691 года на память Аѳанасія Александрійскаго Ѳеофановъ былъ именинникъ, и „дому Святѣйшаго Патріарха дворецкій Дмитрій Ивановичъ Сурминъ далъ ему на именины „шлянку винца“. Какой вмѣстимости была эта „шлянка“, неизвѣстно, но она причинила Ѳеофанову много непріятностей. Когда именинникъ, довольный милостью начальства, съ гордостью несъ „шлянку“ черезъ Китай-городъ, на него наѣхалъ объѣзжій голова и, какъ корчемника, повелъ на съѣзжій дворъ; „и со двора не спущалъ многое время, жаловался псаломщикъ, для своей бездѣльной корысти и взялъ у меня изъ-за мученья два рубли съ полтиной, которыя деньги взялъ съ собою для именинъ своихъ на всякую покупку“.

Какой переполохъ производило появленіе объѣзчиковъ для винной выемки, показываетъ слѣдующій примѣръ.

На Знаменкѣ во дворѣ кадашевца Ивана Кузьмина 5 сентября 1693 года передъ праздникомъ Рождества Богородицы у жильца „топилась изба, да въ котлѣ мѣдномъ хмель варился въ суслѣ“; когда объѣзжій сталъ „про тотъ хмѣль спрашивать“, того двора хозяйка Офимья Еремѣева не нашла ничего лучшаго, какъ, „взявъ тотъ мѣдникъ съ хмѣлемъ, понести въ заходъ и изъ того мѣдника тотъ хмель въ заходъ выкинуть“; несмотря на это, объѣзжій какъ-то ухитрился „взявъ съ того двора работника съ тѣмъ варенымъ хмелемъ привести на съѣзжій дворъ“ [1]).

Объѣзжіе имѣли дѣло и съ ворами въ современномъ значеніи этого слова. Среди толкотни въ рядахъ и на площади было легко обдѣлывать свои дѣла любителямъ поживиться на чужой счетъ. Особенно это было удобно въ дни крестныхъ ходовъ, когда ряды были заперты „до тѣхъ мѣстъ, какъ изъ ходу со кресты прійдутъ въ соборную церковь“, и когда на Красную Площадь высыпала вся богомольная Москва. 1 октября 1692 года, въ день крестнаго хода, который совершается и теперь изъ Кремля въ Покровскій соборъ Василія Блаженнаго, два разрядныхъ подьячихъ Вас. Юдинъ и Ром. Артемьевъ почти въ одно время заявили, что у нихъ у Лобнаго мѣста „въ тѣснотѣ воришки вынели изъ ноженъ“ по ножику и по вилкѣ, которые они по русскому обычаю того времени носили у пояса. У Юдина ножикъ и вилки отличались по тому времени богатствомъ и изяществомъ: черенки у нихъ были „финифть лазоревая, по финифти серебромъ наложено жуки серебряные, вызолочены, турецкаго дѣла“; они стоили 5 рублей, что тогда было дорого; ножъ и вилка Артемьева стоили 3 рубля. Юдинъ поймалъ „у ноженъ подъ полою вора“, который, по его словамъ, „вынявъ

[1]) Пр. 1512, 113; Пр. 2513, 44; Пр. 1689, 8—11; Б. 1360, 186; Пр. 1716, 596.

ножъ и вилку, отдалъ товарищу своему, который ушолъ". Пойманный мальчикъ Гараска, жившій въ работникахъ у кадашевца Ив. Герасимова и посланный хозяиномъ „продавать дегтю", утверждалъ, что онъ, поставивъ деготь въ шалашѣ у кисельника Елисеева, „пошелъ по площади гулять и смотрить крестовъ"; Юдинъ же поймалъ его „для того, что онъ, Гараска, подлѣ его стоялъ, и, какъ у него, Василья, пола завернулась, того онъ не видалъ, и товарищей съ нимъ никого въ то число не было". Гараска былъ отданъ подъ росписку кадашевцу Осипову.

На Красной Площади, гдѣ шла торговля всевозможными вещами, въ томъ числѣ и краденными, можно было иногда „опознать" свою пропажу. Хозяинъ обычно „имался" за свою „опознанную" вещь и тащилъ продававшаго ее человѣка на съѣзжій дворъ. 1 октября 1687 года ночью на возвращавшагося изъ гостей домой кадашевца Ив. Дмитріева на Тверской у церкви Иліи Пророка [1]) „набѣжали воровскіе люди и стали его бить и грабить и грабежу взяли шапку, да оторвали отъ опояски ножикъ и мѣшечекъ козлиный, денегъ 7 рублевъ да лавочные ключи"; уже на другой день Дмитріевъ „опозналъ" свои ключи на Красной Площади, гдѣ „торгуютъ желѣзомъ", и представилъ на съѣзжій дворъ продавца—Бронной слободы тяглеца Ивана Иванова. 16 іюля того же года ночью у крестьянина кн. Мих. Яковл. Черкасскаго, Михайлы Тихонова со двора были украдены разныя вещи и вмѣстѣ съ ними—черная курица. Не надѣясь найти свою пропажу, Тихоновъ на другой день пошелъ „для покупки харчу" на Красную Площадь и былъ очень удивленъ, увидавъ свою курицу у Казенной слободы тяглеца Андрея Аникѣева. Тихоновъ тотчасъ „поимался" за курицу и повелъ Аникѣева на съѣзжій дворъ. Но дорогою Аникѣевъ „не знамо съ какими людьми учали его бить и тое курицу отбили", да кстати „сбили съ него шапку по цѣнѣ въ $1^1/_2$ рубли". Дѣло кончилось совершенно неожиданно тѣмъ, что Аникѣевъ, желая избавиться отъ поличнаго, „оторвалъ у той курицы голову". На съѣзжемъ дворѣ Аникѣевъ утверждалъ, что самъ Тихоновъ съ товарищи билъ его, что курицу онъ купилъ въ Охотномъ ряду, а ночью не крадывалъ, и „его, Мишки, не бивывалъ и у курицы головы не отрывывалъ, а гдѣ тое курицу онъ, Мишка, кинулъ, того не вѣдаетъ". Впрочемъ, стороны предпочли кончить дѣло миромъ [2]).

Сообщ. В. Шереметевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Эта, упраздненная послѣ пожара 1812 года, церковь находилась на мѣстѣ дома Филиппова рядомъ съ Національной Гостиницей.

[2]) Пр. 1534, 189—194; Пр. 1061, 149—151, 226—233.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА IX [1]).

Г-нъ Кинглекъ.

Если въ спискѣ друзей г-жи Новиковой графъ Кайзерлингъ, по порядку времени, былъ первымъ философомъ, графъ Бейстъ первымъ государственнымъ человѣкомъ, профессоръ Фрошаммеръ первымъ богословомъ, профессоръ Тиндаль первымъ ученымъ, то г-нъ Кинглекъ, историкъ Крымской войны, былъ первымъ литераторомъ, оставшимся ея вѣрнымъ другомъ до конца своей жизни. Г-жа Новикова въ своихъ французскихъ воспоминаніяхъ и Канонъ Токвиль въ своемъ сочиненіи „жизнь Кинглека“ (Blackwood) дали такія подробности по этому предмету, что можно ограничиться приведеніемъ написаннаго съ нѣкоторыми разъясненіями.

Вотъ выдержка изъ описанія г-жою Новиковой ея первой встрѣчи съ Кинглекомъ въ Голландъ-Гаусъ въ 1873 г.

„Я думаю, что мало кто не согласится со мной, если я скажу, что лэди Голландъ, вдова четвертаго лорда Голландъ изъ Голландъ-Гаусъ, была олицетвореніемъ свѣтской женщины, полной такта и умѣнія, съ легкимъ оттѣнкомъ скептицизма и надменности. Въ сущности я всегда вспоминала съ удовольствіемъ ея воскресные обѣды. Она, казалось, предпочитала этотъ день для всѣхъ своихъ пріемовъ,

---

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1909 г.

не обращая вниманія на справедливый гнѣвъ строгихъ блюстителей воскреснаго дня.

„Эти воскресные обѣды имѣли еще одну особенность: мужчинамъ не разрѣшалось оставаться въ столовой послѣ обѣда за виномъ и сигарами и разговаривать будто бы о политикѣ, что, какъ мнѣ говорили, сводится къ сплетнямъ на счетъ ихъ друзей прекраснаго пола. Обѣдающія пары, соединенныя хозяйкой дома, могли разстаться только въ той гостиной, откуда онѣ вышли: правило это не допускало исключеній. Первый разъ, что я присутствовала на такомъ обѣдѣ, мнѣ посчастливилось имѣть сосѣдомъ лорда Гоутана (Lord Houhton né Monktton-Milnes), поэта и литератора, автора монографіи и пр. По правую сторону возлѣ меня сидѣлъ авторъ Крымской войны, болѣе извѣстный въ кругу читателей, какъ прелестный писатель „Эотенъ“ [1]).

„Я замѣтила своимъ сосѣдямъ, какъ я счастлива быть вблизи такихъ прекрасныхъ источникомъ историческихъ знаній.

„Вы очень добры, отвѣтилъ Кинглекъ тихимъ, почти неслышнымъ голосомъ: что касается историковъ, съ ними иногда дурно обходятся.

„Что вы хотите сказать? спросила я нѣсколько смущенно.

„Вотъ, продолжалъ спокойно Кинглекъ, какъ бы разсуждая о важномъ предметѣ, возьмите меня въ примѣръ. Я, какъ вы знаете, считаюсь историкомъ. На-дняхъ я получилъ письмо, очень меня тронувшее, окаймленное широкими черными краями и подписанное двумя лицами, мужемъ и женой. Пришло оно изъ одной изъ нашихъ колоній. Они описываютъ свое горе. Единственный сынъ ихъ, повидимому, убитъ былъ въ Крыму. По какой-то непонятной причинѣ они страстно желали, чтобы я упомянулъ о ихъ любимцѣ въ моей исторіи Крымской войны. Удивленный, но и польщенный, я имъ отвѣтилъ съ первой отходящей почтой—чего я не дѣлалъ много лѣтъ, что я буду счастливъ все сдѣлать для ихъ спокойствія, какъ только получу отъ нихъ необходимыя подробности. Получаю опять письмо съ черными краями, также подписанное отцомъ и матерью, но съ такой ужасной прибавкой: „мы не можемъ дать вамъ никакихъ подробностей. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ, какъ многіе другіе, но будемъ благодарны за все, что вы можете придумать, предоставляя это вполнѣ вашему воображенію“.

Только-что кончилъ Кинглекъ свой разсказъ, какъ мы услышали громкій голосъ на другомъ концѣ стола, гдѣ сидѣлъ quasi-поэтъ и

---

[1]) Эотенъ греческое слово: съ востока.

критикъ Гейуардъ (Hayward) [1]), разсказывающій какіе-то анекдоты, по обыкновенію пикантные, но, къ сожалѣнію, не всегда приличные. Лэди Голландъ это забавляло, а также многихъ другихъ ея гостей. Меня это стѣсняло, но я старалась не показать этого моимъ сосѣдямъ. Чтобы что-нибудь сказать, я замѣтила Кинглеку, упомянувшему о своей дружбѣ съ шаловливымъ Гейуардомъ, что манерами они отличаются другъ отъ друга. Кинглекъ улыбнулся: я думаю, что отличаемся. Но на-дняхъ я зашелъ къ нему, и его старая служанка говоритъ: войдите, сударь, г-нъ Гейуардъ всегда радъ васъ видѣть, и не мудрено, вы такъ похожи другъ на друга, точно дѣти одной матери.

„Да, сказалъ я, не сравнилъ ли гдѣ-то Дизраэли тихія таинственныя гондолы Венеціи съ вашими гремящими hansoms?

„Совершенно вѣрно, отвѣчалъ Кинглекъ, но мы оба сходимся въ одномъ: я также желаю, какъ и онъ, быть у васъ, если позволите.

„Такъ началась моя дружба съ Кинглекомъ".

Канонъ Токвиль говоритъ: „простая пріязнь обратилась въ тѣсную дружбу. Во время пребыванія Ольги Алексѣевны въ Лондонѣ, рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы Кинглекъ не явился въ ея гостиной въ Клариджъ Отелѣ: когда она уѣзжала въ Россію, или на континентъ, она получала каждую недѣлю письма отъ него, хотя онъ говорилъ, что писать дамѣ poste restante все равно, что стараться поцѣловать монахиню сквозь двойную рѣшетку".

Опять привожу воспоминанія Ольги Алексѣевны:

„Первое его посѣщеніе должно прервать, казалось, наше знакомство въ зародышѣ. Это было полное фіаско въ нѣкоторомъ смыслѣ. Только-что вошелъ Кинглекъ и началъ говорить мнѣ о лордѣ Страдфордъ Редклифъ, котораго онъ называлъ великимъ Елтчи, вошла лэди А. Я познакомила моихъ посѣтителей по нашему русскому обычаю.

„Г-нъ Кинглекъ, воскликнула она, извѣстный авторъ, какъ я рада васъ встрѣтить. Я хочу, чтобы вы были у меня на балу. Навѣрное будутъ нѣкоторыя Высочайшія особы. Какой же балъ можетъ быть хорошъ безъ нихъ, прибавила она. Но въ наше демократическое время я рада также знаменитостямъ. Я большая поклонница вашихъ сочиненій, г-нъ Кинглекъ. Но скажите мнѣ, вы стоите за Людовика Наполеона или противъ него? Почитатель ли вы его?

„Бѣдный Кинглекъ, ошеломленный и похожій на умирающаго голубя, медленно отвѣчалъ:

---

[1]) Вольность Гейуарда за обѣдомъ, позабавившая лэди Голландъ, настолько смутила Ольгу Алексѣевну, что Кинглекъ, впослѣдствіи обращаясь къ ней, называлъ ее „Mydion Miss".

„Боюсь, что не могу называться его почитателемъ.

„Неужели? Но это не особенно важно въ концѣ концовъ. Теперь я ухожу: я никогда не дѣлаю продолжительныхъ визитовъ, сказала она, уходя.

„Милая старушка должна чувствовать платоническую любовь къ вашимъ книгамъ, но не знакома съ ихъ содержаніемъ, иначе она бы помнила ваше вѣрное изображеніе Наполеона, какъ человѣка, пишущаго обѣими руками въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ, и другія строгія замѣчанія объ императорѣ, сказала я, улыбаясь.

„Я вообще внушаю только платоническую любовь, замѣтилъ Кинглекъ, и мы разсмѣялись.

„Мнѣ однако было очень досадно, что доставила ему такое неподходящее общество. Если онъ раздѣляетъ мнѣніе французовъ: dis moi qui tu hants, je dirai qui tu es, думала я, онъ никогда больше ко мнѣ не придетъ. Къ счастью, онъ не только пришелъ, но въ теченіе зимы сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ. Къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, кого онъ встрѣчалъ, онъ не чувствовалъ симпатіи, въ числѣ такихъ былъ одинъ епископъ. Его Преосвященство съ торжественнымъ видомъ дворецкаго, но необыкновенно слащавый, раздражалъ его нервы. Заставая меня одну, Кинглекъ непремѣнно спрашивалъ, скоро ли придетъ Петръ-Павелъ епископъ Клареджскій.

„Это была постоянная шутка, которая меня забавляла.

„Другая его антипатія былъ старый дипломатъ, европейская знаменитость, который сдѣлалъ кое-что полезное въ своей жизни, но къ несчастью у него былъ такой необыкновенно высокій пронзительный голосъ, и онъ говорилъ такъ быстро, въ особенности, когда старался говорить по-англійски, что бѣдный Кинглекъ, бывши уже немного глухъ, никогда не могъ слѣдить за нимъ: этотъ милый дипломатъ назывался всегда „копеечной трубочкой“, и его появленіе было сигналомъ исчезновенія Кинглека изъ моей гостиной.

„Онъ засталъ меня однажды, окруженную дѣтскими книгами, которыя я хотѣла посылать какъ Рождественскіе подарки. Онъ разсмѣшилъ меня, взявъ одну изъ нихъ The book of nonsence (Книга пустяковъ) и сказалъ: это въ мою пользу. Я буду писать въ ней мои вдохновенія, если вы ничего не имѣете противъ этого. Я охотно согласилась и въ продолженіе всей зимы, какъ только мы были одни, онъ писалъ какой-нибудь вздоръ въ стихахъ. Самые милые и нелѣпые тѣ, въ которыхъ онъ описывалъ меня и подписывалъ Петръ-Павелъ епископъ Клареджскій. Послѣ имени красовалась митра“.

Я прерываю разсказъ Ольги Алексѣевны, чтобы сдѣлать нѣсколько извлеченій изъ записной книги пустяковъ стихотвореній, въ которыхъ далеко не одинъ Кинглекъ былъ участникомъ. Кинглекъ однако написалъ больше всѣхъ, я помню одно, которое нѣсколько напоминаетъ область Гейварда.

There is a young lady of Claridge's
Whoses mile is more pleasing to me
Than the raptures of ninety nine marriages
Could possibly, possibly be.

Петръ-Павелъ, епископъ Клареджскій.

Есть молодая дама въ Клареджѣ,
Улыбка которой мнѣ милѣе,
Чѣмъ могли бы быть
Упоенія девяносто девяти браковъ.

Въ числѣ участниковъ въ альбомѣ былъ лордъ B. Bourke, служившій одно время младшимъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ написалъ:

We've heard enough of Panslavism
A word J can't admire
Change, it o Tzar, to Olgarism
Of that—J ne'er will tire.

Robert Bourke.

August за 1882.

Другое стихотвореніе написано такъ:

Devotion to her Faith is her lif's work
Her praises all her country to the Volga fill
And not the only Englishman is Mr. Bourke
Proud to profess himself an ardent Olga—phil.

Довольно слышать панславизмъ
Не нравится мнѣ слово,
Измѣни, о Царь, его на Ольгаризмъ,
Оно будетъ вѣчно ново.

Вѣра—дѣло ея жизни;
Россія вся прославляетъ ее
И далеко не одинъ г-нъ Бурке
Гордится тѣмъ, что онъ Ольга-филъ.

Оставляя эти забавныя бездѣлушки въ сторонѣ, я возвращаюсь къ воспоминаніямъ Ольги Алексѣевны.

„У меня иногда бывали музыкальные вечера, одинъ изъ которыхъ Кинглекъ удостоилъ своимъ присутствіемъ. Онъ вошелъ не замѣченнымъ, взялъ стулъ въ углу и безмолвно, какъ мышь, просидѣлъ тамъ все время. Я выразила мое удовольствіе его видѣть. Вы, кажется, любите музыку, сказала я, какую Вы предпочитаете? чисто классическую или Вагнера или Шопена? Я боюсь, что Вы не знаете нашего великаго Глинку.

„Въ извѣстномъ смыслѣ я музыкантъ, отвѣчалъ онъ, но только въ одномъ смыслѣ“.

„Скажите, что Вы любите, продолжала я, и на слѣдующій разъ я предоставлю Вамъ слышать Бетховена или кого-нибудь другого. Вы меня понимаете?“

„Отчасти, отвѣчалъ Кинглекъ съ серьезнымъ лицомъ и смѣющимися глазами. Я нахожу музыку очень полезнымъ элементомъ въ жизни, она конечно имѣетъ воспитательное, очень драгоцѣнное вліяніе.“

„Конечно имѣетъ, воскликнула я, это несомнѣнно благодѣтельный элементъ и одно изъ нашихъ преимуществъ надъ четвероногими“, добавила я шутя.

„Нѣтъ, извините. На этомъ я не подпишусь, замѣтилъ Кинглекъ, съ своимъ характернымъ его подмигиваніемъ однимъ глазомъ, собаки воютъ иногда очень громко. Вы знаете, говоря откровенно, я только люблю барабанъ“.

„О, отвѣтила я, если Вы не лучше Шаха Персидскаго, который предпочитаетъ настраиванье инструментовъ ихъ гармоническому исполненію, я сочту это объясненіе окончательнымъ и буду предупреждать Васъ всякій разъ, что у меня музыка, чтобъ Вы не приходили“.

„Но, если это такъ, о какомъ воспитательномъ вліяніи Вы говорили, прибавила я.

„Ну, отвѣтилъ онъ, насмѣшливо улыбаясь, она всего болѣе пріучаетъ меня къ терпѣнію“.

Вскорѣ послѣ этого объясненія былъ музыкальный вечеръ въ Harrington House. Нѣсколько любителей пѣли, моя очередь пришла, сначала я отказалась, но уступила просьбамъ. Я выбрала самый короткій романсъ и скоро кончила. Къ моему удивленію, Кинглекъ сталъ восхвалять мое исполненіе. Надѣюсь, воскликнула я, что мой голосъ не напоминалъ Вамъ Вашъ любимый барабанъ.

„Нѣтъ, но видите ли, другіе начнутъ, и это длится безъ конца, тогда какъ Ваша пѣсня всегда имѣетъ конецъ“.

„Кинглекъ былъ добрѣйшій другъ, и ему первому всегда сообщались всѣ радости и горести. Я обѣдала у графа Бейстъ наканунѣ, Кинглекъ или, какъ я и другіе его друзья называли его „Еотенъ", явился въ свой опредѣленный часъ и спросилъ, хорошо ли я провела время въ посольствѣ? О, очень хорошо, я отвѣчала. Гладстонъ велъ меня къ столу, и мы много бесѣдовали, прежде о старо-католикахъ, которыми онъ восхищается, потомъ о Деллингерѣ. Гладстонъ проявилъ большое знаніе Восточной церкви и ея превосходства надъ Римской, говорили потомъ о Васъ и о Вашихъ книгахъ".

„Не успѣла я произнести эти слова, какъ Кинглекъ вскочилъ со стула. Онъ, такой увалень, какъ онъ себя называлъ, онъ, обыкновенно такой тихій, воспитанный—сталъ раздраженно шагать по комнатѣ взадъ и впередъ.

„Зачѣмъ Вы это сдѣлали? воскликнулъ онъ. Зачѣмъ Вы меня назвали? Не было у Васъ лучшаго предмета для разговора?

„Я была поражена. Почему же нѣтъ? спросила я. Я никогда не скрываю своихъ друзей или свою дружбу".

„Но Вамъ не слѣдовало называть меня Гладстону. Онъ не любитъ меня, и это можетъ повредить Вамъ въ его мнѣніи".

„Если это не доказательство доброты Кинглека, то я не знаю, что значитъ доброта".

Изъ безчисленныхъ своихъ разговоровъ съ Кинглекомъ Ольга Алексѣевна сохранила не мало отрывковъ. Она говоритъ:

„Не всѣмъ извѣстно вообще, что его исторія Крымской войны, его работа 26-ти лѣтъ, его magnus opus не что иное въ дѣйствительности, какъ знакъ признательности его лорду Раглану. Бывъ штатскимъ, Кинглекъ, выразившій желаніе сопутствовать экспедицію въ Крымъ, встрѣтилъ большое сопротивленіе со стороны военныхъ властей; несмотря на это, лордъ Рагланъ взялъ его съ собой.

„Въ благодарность за этотъ дружескій поступокъ Кинглекъ рѣшился изучить военное искусство и написать исторію лорда Раглана. Когда эта исторія дошла до смерти его друга, Кинглекъ счелъ свой трудъ оконченнымъ.

„Нашъ великій инженеръ—Тотлебенъ, имя котораго на вѣки будетъ связано съ геройской защитой Севастополя, посѣтилъ Кинглека въ Лондонѣ и принималъ его въ Крыму нѣсколько лѣтъ спустя послѣ заключенія мира. Генералъ очень любилъ милаго Кинглека. Могъ ли кто-нибудь, знавшій Кинглека, не любить его?

„Тѣмъ не менѣе Тотлебенъ никогда не смотрѣлъ на исторію Крымской войны, какъ на образецъ научнаго и авторитетнаго труда. Онъ коснулся этого какъ-то у меня въ домѣ. „Но развѣ его исто-

рія не интересна", прервала я нѣсколько нетерпѣливо. Не читается ли она съ захватывающимъ любопытствомъ, какъ чудный романъ?

„Именно такъ, отвѣтилъ Тотлебенъ, улыбаясь моему нетерпѣнію, какъ романъ, но не какъ военная исторія.

„Не было ни іоты мелкаго тщеславія въ нашемъ Тотлебенѣ, иначе онъ не уменьшалъ бы историческаго достоинства сочиненія, въ которомъ описываютъ его въ такихъ блестящихъ выраженіяхъ.

„Характерный и совершенно достовѣрный анекдотъ подтверждаетъ мою точку зрѣнія".

„Нѣмецъ, путешествовавшій изъ Берлина въ Петербургъ, встрѣтилъ русскаго, который оказался очень свѣдущимъ въ военныхъ вопросахъ.

„Будучи самъ военнымъ, нѣмецъ, восхищенный своимъ спутникомъ, сталъ очень откровененъ и разговорчивъ. Я большой поклонникъ русской арміи, сказалъ онъ, но у Васъ, русскихъ, есть одна черта, которую я не выношу".

„Какая? спросилъ тотъ, видимо, заинтересованный.

„У Васъ нѣтъ поклоненія военнымъ героямъ, нѣтъ у Васъ Карлайля, чтобы научить Васъ этому. Вы восхищаетесь только иностранными героями. Къ своимъ Вы совершенно равнодушны. Я Вамъ приведу примѣръ. Но прежде скажите мнѣ, что Вы сами думаете о генералѣ Тотлебенѣ?

„Онъ, отвѣчалъ русскій безъ всякаго энтузіазма, исполнялъ, конечно, свой долгъ не хуже другихъ. Въ Россіи много такихъ, какъ онъ, если не лучше.

„Вотъ, воскликнулъ торжественно нѣмецъ, не правъ ли я былъ? Человѣкъ, который всюду составлялъ бы славу своего отечества, котораго статуи стояли бы во всѣхъ городахъ, котораго портретъ долженъ бы украшать каждую военную школу, Вы о немъ говорите, какъ о простой посредственности.

„Русскому удалось перемѣнить разговоръ. Во многихъ вопросахъ они были совершенно согласны, настолько, что они обѣщали продолжать встрѣчаться. Пріѣхавъ въ Петербургъ, нѣмецъ далъ свою карточку, русскому пришлось сдѣлать то же самое. Тогда только стало извѣстно его имя. Это былъ генералъ Тотлебенъ.

„Но возвратимся къ Кинглеку. Мы съ нимъ часто были несогласны или, лучше сказать, соглашались быть разнаго мнѣнія. Я хвалила отсутствіе дуэли въ Англіи, этотъ обычай, по которому вопросы чести иногда рѣшаются просто случайностью, иногда механическимъ умѣніемъ въ стрѣльбѣ или фехтованіи. Къ тому же наши лучшіе два поэта Пушкинъ и Лермонтовъ лишились жизни этимъ сумасшедшимъ способомъ, и теперь самая вздорная причина можетъ по-

губить самую драгоцѣнную жизнь въ Россіи, въ Германіи и во Франціи.

„Кинглекъ, напротивъ, обвинялъ желѣзнаго герцога, запретившаго дуэли, которыя, по его мнѣнію, поддерживаютъ лучшій тонъ въ обществѣ.

„Я слышала отъ одного изъ друзей Эотена, что когда онъ былъ сравнительно молодъ, около времени Крымской войны, онъ послалъ вызовъ и поѣхалъ въ Булонь ожидать противника. Недѣля прошла, и противникъ не явился. Кинглекъ, возмущенный, возвратился въ Лондонъ. Я никогда не знала подробностей этого случая.

„Кинглекъ былъ приверженецъ войны. Онъ говорилъ, что идти навстрѣчу смерти имѣетъ облагораживающее вліяніе на человѣчество; что миръ изнѣживаетъ людей. Вдобавокъ, продолжалъ онъ, слишкомъ густое народонаселеніе—не самое лучшее.

„Но въ Россіи, возразила я, у насъ недостаточное народонаселеніе. Это извѣстный фактъ, что, если у насъ нѣтъ пролетаріата, то потому, что есть больше работы, чѣмъ работниковъ. Это можетъ быть преимущество Россіи надъ другими европейскими странами.

„Жаль, что Вы не пріѣхали раньше, сказала я ему однажды. Вы бы встрѣтили Джона Брайтъ (John Bright). Онъ вначалѣ говорилъ о фритредерствѣ, которое несомнѣнно лучшая система, какую можно ввести на островѣ, какъ Англія, но онъ также говорилъ о войнѣ. Я сказала ему, что, глядя на Pall-Mall Crimea статую, я не могла не почувствовать, что эта статуя единственный результатъ въ пользу Англіи изъ нашей страшной борьбы.

„Да, сказалъ Джонъ Брайтъ, но надо бы надпись измѣнить: букву надо поставить впереди слова crime, а не въ концѣ. Я думаю, сказалъ Брайтъ своимъ поразительно мелодичнымъ голосомъ и съ особеннымъ удареніемъ, что половина тѣхъ, кто разсуждаетъ о войнѣ, объ этомъ страшномъ предметѣ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что говорятъ. Это эссенція всѣхъ страданій, ужасовъ, преступленій, на какія способенъ человѣкъ.

„Кинглекъ прерываетъ. Да, но Брайтъ квакеръ.

„Я ненавижу Ваше квакерство, говорю я, но квакеры достойны довѣрія, удивленія. Въ нихъ нѣтъ лицемѣрія, притворства. Они вѣрны самимъ себѣ и своему ученію“.

„Нѣтъ сомнѣнія, что эти взгляды необходимо требуются христіанскимъ просвѣщеніемъ. Но милый Кинглекъ любилъ выдавать себя за язычника, и это прекращало многіе наши споры.

„Воинственный духъ въ немъ самомъ проявился во время его послѣдней болѣзни, которую онъ переносилъ съ непоколебимымъ мужествомъ. Кинглеку было восемьдесятъ одинъ годъ, когда онъ

умеръ 2-го января 1891 г., но разсудокъ его былъ ясенъ и силенъ до послѣдняго дня.

„Я часто навѣщала его въ тяжелое время этой болѣзни, и когда онъ скончался, почувствовала потерю моего стараго и необыкновенно добраго друга".

О письмахъ Кинглека Канонъ Токвиль даетъ прелестный перечень въ его Life [1]), на которую я такъ часто ссылался и беру смѣлость сослаться опять.

Переписка Кинглека съ г-жей Новиковой, говоритъ Канонъ Токвиль, начавшаяся въ 1874 г., продолжалась безъ перерыва до его смерти въ 1891 г. Дружба эта вносила прелесть, интересъ, ароматъ въ его жизнь, вызывала все, что было геніальнаго, игриваго, остроумнаго въ немъ.

„Чаще всего письма серьезны, въ своемъ восхищеніи они говорятъ о ея прекрасномъ организмѣ, ея здоровьи, жизнерадостности, силѣ и веселости, о чудномъ солнечномъ сіяніи ея присутствія, о ея рѣшимости и силѣ воли, о ея высокихъ качествахъ. „Вдали отъ Васъ міръ кажется пустымъ". Онъ доволенъ, что она познакомилась съ его великимъ Ельтчи. Она, конечно, произведетъ впечатлѣніе на стараго государственнаго человѣка своею жизнерадостностью, своей привѣтливостью и изяществомъ, своимъ умомъ, бережно скрытымъ, музыкальнымъ голосомъ въ разговорѣ, съ такимъ небеснымъ даромъ доходить до глубины души. Онъ передаетъ шутливыя любезныя порученія отъ другихъ членовъ Gerontation, какъ онъ называетъ группу преклоннаго возраста поклонниковъ, составлявшихъ ея дворъ, повторяя ихъ жалобы на то, что она всегда окружена

---

[1]) Канонъ Токвиль, описывая эти послѣдніе дни, говоритъ: „онъ борется съ наступающей слабостью, ѣдетъ въ Сидмутъ (Sidmouth) съ больнымъ горломъ, но беретъ съ собой бумаги и книги. Это, опъ говоритъ, пустынное мѣстечко на морскомъ берегу. M-n Gremdy имѣетъ домикъ тамъ, но она меня не знаетъ въ лицо. Если бы пріѣхала г-жа Новикова, удивленный городокъ, прежде всего ослѣпленный ею, сталъ бы наводняться теологами, епископами, послами умершихъ императоровъ и бывшими премьерами. Но черезъ нѣкоторое время онъ чаще говорилъ о боли горла, о подагрѣ, объ увеличивающейся глухотѣ, о томъ, что говоритъ въ полголоса.

Его послѣднее письмо къ Ольгѣ Алексѣевнѣ написано въ іюлѣ 1890 г. съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю смерти мужа его друга. Въ октябрѣ пишетъ его сидѣлка. Ольга Алексѣевна спѣшитъ изъ Шотландіи къ нему. „Я очень радъ увидѣть милую M-me Новикову, говоритъ онъ сидѣлкѣ, но я такъ быстро опускаюсь, что не надѣюсь быть въ состояніи много ее видѣть. Это былъ ноябрь 1890 г.; наканунѣ новаго года явилась неумолимая смерть и разъединила друзей.

громаднымъ обществомъ. „Гейуардъ можетъ простить, когда одинъ или два посла у Вашихъ ногъ, но видѣть путь къ Вашему сердцу засореннымъ толпой астрономовъ, русскихъ изобрѣтателей, метафизиковъ, богослововъ, переводчиковъ, историковъ, поэтовъ—это больше, чѣмъ онъ можетъ перенести. Толпа приводитъ его, какъ говорилъ Ampère о M-me Recamier, къ ограниченному наслажденію быть только chez Vous, вмѣсто блаженства быть avec Vous“. Онъ привѣтствуетъ и отмѣчаетъ прибавленія къ списку ея поклонниковъ. Приводитъ восторженныя похвалы ей Стансфильда, Чарльсъ Виллерсъ, искреннюю оцѣнку Маріера и сэра Роберта Пиль, Вайолетъ Фенъ. Онъ подшучиваетъ надъ ея жертвами, надъ преданностью этого веселаго Тиндаля, приближающійся бракъ котораго подрѣжетъ ему крылья, какъ онъ думаетъ. Онъ говоритъ, что сынъ ея скажетъ ей, что Цезарь подводитъ итогъ своимъ побѣдамъ словами: Veni, vidi, vici, ей дано сказать. Veni, videbar, vici [1]).

Ольга Алексѣевна, какъ мы видѣли, страстно увлекалась двумя предметами: богословіемъ и политикой. Кинглекъ, одновременно казуистъ и послѣдовательный отрицатель, слѣдилъ за ея религіозными доводами подобно тому, какъ лордъ Стейне (Lord Steyne) слушалъ пререканія между Эотемъ Моле и Reverent M-r Trail (Трейль). Онъ выражаетъ серьезное удивленіе тому, что фарисеи, культурное и мыслящее собраніе людей, единственные изъ евреевъ, вѣрившіе въ будущую жизнь, были именно тѣ, къ которымъ Спаситель нашъ всегда относился отрицательно. Онъ касается болѣе часто бѣсѣдъ о нашихъ церквахъ и богословіи, не углубляясь въ нихъ. Изъ существующихъ церквей онъ отдавалъ предпочтеніе Англійской, какъ самой безвредной, не любилъ Латинскую, въ особенности за ея интриги на востокѣ, считалъ ее притѣсняющей и схизматической, слѣдовательно, вовсе не церковью. Римско-католики приходятъ въ ужасъ, когда ихъ называютъ схизматиками, и это именно лучшая причина, чтобъ ихъ такъ называть. Онъ не позволялъ употребленія слова Orthodox (правовѣрный), потому что, какъ пасторъ на каѳедрѣ, оно всегда проситъ отвѣта. Къ спорамъ о Filioque, нѣкогда дорогихъ Лиддону и Гладстону, теперь я думаю, устарѣлымъ для англійскихъ умовъ, и которые относятся къ главному разъединительному догмату востока отъ запада, онъ оказывалъ болѣе юмористичный, чѣмъ благоговѣйный интересъ. Знакомился съ взглядами на этотъ предметъ Деллингера и старо-католиковъ. Издѣвался надъ недоумѣніемъ лондонскихъ дамъ надъ значеніемъ этого слова, когда

---

[1]) Переводъ. Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.
Пришла, была увидѣна (или меня увидѣли), побѣдила.

*

оно появлялось въ статьяхъ столь распространеннаго „Quarterly“, онъ увѣрялъ, что онѣ думаютъ, что это слово означаетъ младенецъ священника, рожденный внѣ брака.

Къ политическому вліянію Ольги Алексѣевны [1]), которое онъ вполнѣ признавалъ, относился въ томъ же насмѣшливомъ тонѣ. Она въ Берлинѣ и навѣрное увидитъ Бисмарка, онъ надѣется, что хотя великій человѣкъ не можетъ вырвать съ корнемъ ея славянофильскую ересь, но можетъ поссорить народы на чисто этнологическихъ основаніяхъ. Неужели такъ дороги ближайшіе родственники? Перейдете ли вы улицу для троюроднаго или въ четвертой степени брата? Такъ зачѣмъ же за брата въ милліонной степени?

Ольга Алексѣевна отсутствуетъ во время внезапнаго распущенія парламента въ 1874 г. „Лондонъ проснулся вчера утромъ и узналъ, что вашъ другъ Гладстонъ совершилъ coup d'état. Онъ распустилъ парламентъ въ ту минуту, когда никто этого не ожидалъ; мое впечатлѣніе таково, что ударъ удаченъ, и что обновленный парла-

---

[1]) По поводу вліянія Ольги Алексѣевны Новиковой на политику въ Англіи. Канонъ Токвиль говоритъ въ своей Life of Kingleke.

„Крестница царя, г-жа Новикова преданная имперіалистка и не менѣе всей своей семьи патріотка. Послѣ смерти брата въ Сербіи, 6-го іюля 1876 г., она стала еще болѣе пылкой славянофилкой. Она говоритъ, что три черты славянофильства принадлежатъ ея родинѣ: православіе, самодержавіе и національнизмъ. Ея политическія стремленія были внушены ей тактомъ и сердечной добротой. Цѣль ея жизни была создать добрыя отношенія между Англіей и ея родиной. Нѣтъ сомнѣнія, что ея вліяніе на лидеровъ либеральной политики и сильное участіе въ прессѣ много содѣйствовало энтузіазму англичанъ къ освобожденію Дунайскихъ княжествъ. Ольгу Алексѣевну обвиняли въ 1876 г. въ томъ, что, подмѣтивъ въ Гладстонѣ слабую струнку къ религіознымъ вопросамъ, она ею пользовалась, чтобъ пріобрѣсти его вниманіе къ Дунайскимъ жителямъ, какъ членамъ православной церкви, тогда какъ людей не религіозныхъ она также искусно привлекала политическою стороною вопроса, дѣйствуя въ то же время на недружелюбныхъ къ Англіи русскихъ своими статьями въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Англійскій „Standart“ съ негодованіемъ приписывалъ г-жѣ Новиковой умѣніе склонить Гладстона въ пользу Черногоріи. Серьезный человѣкъ не долженъ бы поддаваться бурному энтузіазму русскаго апостола, заключаетъ Токвиль.

„Благодаря своимъ врожденнымъ качествамъ и привычкамъ частаго посѣщенія дворовъ, она пріобрѣла способность соединять, управлять и принимать свѣтскіе кружки, напоминавшіе les salons d'autrefois. Живя въ Европейскихъ столицахъ, она въ каждой окружаетъ себя людьми выдающагося ума; въ Англіи, гдѣ она долго проводила зиму, Гладстонъ, Карлейль и Фрудъ Карлъ Виллерсъ, Берналь, Осборнъ, сэръ Робергъ Моріеръ, лордъ Гаутанъ, сэръ Альфредъ Лаяль и много другихъ того же высокаго значенія людей составляли ея дворъ и признавали ея вліяніе надъ собою.

ментъ дастъ ему огромное большинство". Впечатлѣніе было ошибочное, и онъ находитъ причину консервативнаго большинства въ трусливой внѣшней политикѣ Гладстона и въ особенности въ малодушіи, выказанномъ его правительствомъ, когда оно было оскорблено Горчаковымъ. Онъ всегда отдаетъ справедливость ея вліянію на Гладстона. Громадное количество голосовъ за него въ 1880 г., ея побѣда и торжество, его ненависть къ туркамъ также дѣло ея рукъ. „Англія поражена неспособностью, потому что вы возмутили кипящій котелъ надъ черепомъ Гладстона, вливъ въ него діавольскія чары и ядъ теологіи, чтобъ перевернуть строй англійской политики; она можетъ сказать своему правительству, что Гладстонъ изо всѣхъ силъ старается разрушить Британскую имперію".

Такъ идутъ письма въ перемѣшку съ новостями, критикой на замѣчательныхъ людей, съ комментаріями на происходящія политическія событія, изрѣдка только съ личными интересами, такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о потерѣ своихъ двухъ сестеръ, съ необыкновеннымъ чувствомъ описываетъ смерть своего старшаго племянника отъ чахотки. Соболѣзнуетъ ей по случаю болѣзни ея мужа, даетъ совѣты умные и шуточные на счетъ воспитанія ея сына. Я съ удовольствіемъ слышу, что онъ силенъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ и въ математикѣ, такъ какъ это доказываетъ, что онъ уменъ. Радъ тоже тому, что онъ шаловливъ, такъ какъ это доказываетъ, что онъ силенъ. Я совѣтую вамъ имѣть возможно большее наблюденіе надъ нимъ, потому что я увѣренъ въ томъ, что женщина, а въ особенности такая одаренная, какъ вы, лучше знаетъ или скорѣе лучше чувствуетъ, какъ правильно воспитать мальчика, нежели любой мужчина".

О двухъ большихъ услугахъ, оказанныхъ Кинглекомъ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ двѣ критическія минуты ея дѣятельности, будетъ сказано въ надлежащемъ мѣстѣ.

Я могу здѣсь привести ссылку самой Ольги Алексѣевны на вторую изъ этихъ услугъ, это его статья въ „Quarterly Review" о ея книгѣ „Россія и Англія" (Russia and England).

„Моя книга о Россіи и Англіи отъ 1876-го на 1880 г., благодаря главнымъ образомъ предисловію Фруда и Гладстона, милой рецензіи о ней въ „Nineteenth Century" (XIX вѣкъ) вмѣстѣ съ статьей „Revue de deux mondes" (Emile de Laveley) Эмиля де Лавеле и въ другихъ изданіяхъ,—произвела неожиданное впечатлѣніе; джингоистская партія обрушилась на меня горькими нападками, которыя я принимала съ благодарностью, какъ единственно возможную любезность изъ такого источника. Нѣкоторыя изъ нихъ были просто нелѣпы и смѣшили меня, но Кинглекъ былъ раздосадованъ и рѣ-

шилъ противодѣйствовать атакѣ. Для того, чтобы исполнить это намѣреніе, онъ прервалъ свою обыкновенную работу, послѣдніе томы Крымской войны, и написалъ статью о Восточномъ вопросѣ въ „Quarterly Review“, началомъ которой былъ блестящій панегирикъ моему сочиненію. Никто въ то время, кромѣ издателя, не зналъ, кто авторъ этой неожиданной демонстраціи пристрастія и сочувствія въ самомъ центрѣ торизма и, конечно, будь это написано человѣкомъ менѣе извѣстнымъ и уважаемымъ въ литературномъ или ученомъ мірѣ, ничего подобнаго не могло бы появиться въ этой сферѣ. Вторая часть, относящаяся къ политическому положенію, прибавлена кѣмъ-то другимъ съ цѣлью смягчить точку зрѣнія Кинглека, но я лично все же продолжала пользоваться его защитой. Этотъ № „Quarterly Review“ озадачилъ всѣхъ и произвелъ волненіе. Для Кинглека и меня это былъ поводъ для многихъ веселыхъ споровъ. Нѣкоторые приписывали его лорду Сользберри, другіе русскому канцлеру князю Горчакову.

Канонъ Токвиль прибавляетъ слѣдующія подробности въ его „Жизнь Кинглека“ (Life of Kinglake):

„Узнавъ о предполагаемомъ нападеніи на г-жу Новикову въ „Quarterly“, Кинглекъ предложилъ редактору д-ру Смитъ доставить ему матеріалъ, могущій уничтожить личное нападеніе, но О. К. Смитъ упрашивалъ его написать всю статью. „Я могъ бы обѣщать вамъ, что имя автора сохранится въ глубокой тайнѣ. Это обѣщаніе было строго соблюдено редакторомъ, авторомъ и Ольгой Алексѣевной. За исключеніемъ этихъ трехъ лицъ, никто не зналъ объ участіи Кинглека въ дѣлѣ. Редакторъ, повидимому, удержалъ тайну даже отъ издателей. Кинглекъ написалъ первую часть, но онъ не зналъ автора второй части. Не довольствуясь этимъ успѣхомъ въ Англіи, онъ просилъ г-жу Новикову сообщить своимъ друзьямъ въ Москвѣ о томъ, какой важный органъ „Quarterly“, какъ, слѣдовательно, вѣски его восхваленія ей.

Канонъ Токвиль продолжаетъ: „г-жа Новикова вспоминаетъ, что онъ вскорѣ послѣ этого принесъ ей статью о ней, написанную Лавеле въ „Revue de deux mondes“, какъ онъ сказалъ, въ благоговѣйномъ тонѣ, и указалъ ей на статью г-жи Полины Ирби, друга славянъ и г-жи Новиковой. Онъ приводитъ съ восторгомъ одобреніе Chenery ея статьи „Жизнь Скобелева“. Онъ говорилъ о васъ съ проблескомъ доброты въ глазахъ, котораго я, дѣйствительно, никогда прежде не замѣчалъ. „Times“ называетъ ее краснорѣчивымъ авторомъ Россіи и Англіи. Представьте себѣ, это говоритъ врагъ. Вы даже „Times“ забираете въ свои сѣти, прибавилъ онъ“.

Позднѣйшая статья объ О. К. содержитъ нѣкоторыя похвалы, но больше брани. Гейувардъ сердится за нее. Кинглекъ находитъ ее „болѣе дружелюбной, чѣмъ можно было ожидать относительно Васъ, друга моего, а я ихъ открытый врагъ. Въ вамъ относятся сладкія сливы, ко мнѣ брызги сажи".

ГЛАВА X.

До конца 1875 года.

Ольга Алексѣевна Новикова первый разъ посѣтила Англію въ 1868 году. До 1873 года она не принимала никакого участія въ англійской политикѣ. Въ этомъ году, пробывъ короткое время въ Брайтонѣ, она пріѣхала въ Лондонъ и поселилась въ Клариджъ Отель (Glaridge's Notel), бывшемъ въ то время обычнымъ мѣстопребываніемъ извѣстныхъ инстранцевъ.

Г-жа Новикова была любезно принята въ русскомъ посольствѣ и приглашена на всѣ торжества въ Чешамъ-Плесъ (Chesham Place). Баронъ Брунновъ, другъ ея матери, г-жи Кирѣевой, заканчивалъ въ то время свою длинную и знаменитую карьеру русскаго посла въ Лондонѣ. Онъ былъ посломъ до начала Крымской войны и, какъ только миръ былъ заключенъ, онъ возвратился на свой прежній постъ, на которомъ оставался до своей смерти въ 1875 г. Благодаря его старшинству, его высокимъ качествамъ и общей популярности, онъ пользовался исключительнымъ положеніемъ въ дипломатическомъ корпусѣ того времени. Г-нъ Сталь былъ единственный русскій посолъ при С-тъ Джемскомъ дворѣ, котораго можно сравнить съ барономъ Брунновымъ, какъ по продолжительности своей службы, такъ по личному уваженію къ нему англійскаго общества.

Когда умеръ герцогъ Веллингтонъ, королева Викторія изъявила желаніе, чтобы на похоронахъ его присутствовалъ весь дипломатическій корпусъ. Французскій посолъ, получивъ это увѣдомленіе, былъ очень озадаченъ. Онъ поспѣшилъ къ своему коллегѣ, русскому послу, чтобъ разсказать ему о трудности своего положенія.

„Королева, говоритъ онъ, ожидаетъ, что всѣ мы отправимся въ соборъ Св. Павла на похороны герцога. Какъ могу я быть тамъ, когда герцогъ нанесъ такое оскорбленіе моей странѣ. Что мнѣ дѣлать? Баронъ выслушалъ его серьезно и отвѣтилъ: такъ какъ герцогъ умеръ, то вамъ вполнѣ безопасно присутствовать на его по-

хоронахъ. Будь вы приглашены на его воскрешеніе, я бы сказалъ: откажитесь".

Такъ какъ герцогъ Веллингтонъ умеръ дѣйствительно, то мѣсто французскаго посла не осталось пустымъ.

Въ январѣ 1873 года баронъ Брунновъ дѣлалъ пріемъ въ Русскомъ посольствѣ королю Эдуарду, тогда еще принцу Валлійскому, на который были приглашены многіе члены обѣихъ палатъ. На этомъ пріемѣ присутствовала г-жа Новикова и въ теченіе вечера посолъ познакомилъ ее съ Дизраели и Гладстономъ, которыхъ она въ первый разъ встрѣтила. Она стояла между лидеромъ оппозиціи и англійскимъ премьеромъ, разговаривая съ обоими. Интересную группу составляли они: престарѣлый посолъ, окруженный почетомъ, такъ долго представлявшій съ достоинствомъ свое правительство, русская дама, впослѣдствіи не оффиціальная представительница русскаго народа, г-нъ Гладстонъ и г-нъ Дизраели. Всѣ четверо нѣсколько времени болтали между собою, нисколько не думая о томъ, что ждетъ ихъ впереди. Ольга Алексѣевна спросила у Дизраели, когда соберется парламентъ. Дизраели отвѣтилъ: вы спросите объ этомъ Гладстона, онъ можетъ вамъ отвѣтить лучше меня. Она обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ Гладстону, и такъ завязался разговоръ, длившійся довольно долго. Гладстонъ умѣлъ блестяще разговаривать, онъ нашелъ въ г-жѣ Новиковой симпатичную собесѣдницу, и вскорѣ они убѣдились, что имѣютъ много общихъ интересовъ.

Когда разговоръ ихъ окончился, г-нъ Виллерсъ подошелъ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ и сказалъ, улыбаясь: „Пари держу, что вы говорили о богословіи; Гладстонъ могъ бы, кажется, жить безъ хлѣба, но онъ умеръ бы навѣрное, если бъ его лишить теологіи". И вы не правы, отвѣчала Ольга Алексѣевна. Вы проиграли пари. О богословіи не было рѣчи. Тѣмъ не менѣе разговоръ былъ очень интересенъ.

Нѣсколько дней спустя, вспомнивъ замѣчаніе Виллерса, г-жа Новикова послала Гладстону свой переводъ статьи ея брата на старо-католическій конгрессъ. Гладстонъ отвѣтилъ съ свойственной ему всегдашней аккуратностью, что получилъ статью; такъ началась переписка, продолжавшаяся до его смерти въ 1896 г. Въ общемъ Ольга Алексѣевна получила онъ него сто пятьдесятъ писемъ. Почеркъ послѣднихъ дрожащій и слабый. Глаза и силы ему измѣняли, но писалъ онъ съ такой же нравственной энергіей въ послѣдніе свои дни, какъ и въ началѣ переписки.

23-го февраля Гладстонъ въ первый разъ посѣтилъ ее, это было въ Клариджъ Отелѣ. Когда доложили о пріѣздѣ Гладстона, у нея

были Гейуардъ, Кинглекъ и Виллерсъ. Виллерсъ удалился, какъ только вошелъ Гладстонъ. Гейуардъ и Кинглекъ остались. Этотъ квартетъ можно назвать началомъ политическаго салона, ставшаго впослѣдствіи такимъ знаменитымъ.

Парламентъ собрался 6-го февраля, ему было суждено быть послѣднимъ засѣданіемъ перваго министерства Гладстона. Замѣчательно было, что рѣчь королевы при открытіи парламента содержала слѣдующія слова по Восточному вопросу:

„Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ правительствами Россіи и Соединеннаго королевства чувствовалось, что для спокойствія Средней Азіи было бы весьма полезно, если бы оба правительства пришли къ единодушному соглашенію о проведеніи линіи, составляющей сѣверную границу владѣній Афганистана. По этому предмету велась переписка. Содержаніе ея, равно какъ и самый предметъ, будутъ, я надѣюсь, одобрены общественнымъ мнѣніемъ обѣихъ націй“.

За мѣсяцъ до этого получены были извѣстія, что въ Петербургѣ рѣшенъ походъ на Хиву, что произвело волненіе въ лагерѣ распространителей тревожныхъ слуховъ, которые смотрѣли тогда на каждый шагъ Россіи въ Средней Азіи, какъ на прямую угрозу нашей Индійской имперіи. Какъ всѣ русскіе, Ольга Алексѣевна принимала близко къ сердцу эту раздражительность англійскихъ руссофобовъ; въ спорахъ по этому предмету она и была увлечена въ водоворотъ англо-русской борьбы. Она настаивала тогда, какъ и теперь, что не существуетъ антагонизма между интересами Англіи и Россіи въ Азіи, и такимъ образомъ началась 25 лѣтъ тому назадъ пропаганда въ пользу англо-русскаго соглашенія 1908 года. Сохранилось одно письмо лорда Непира-Этрикъ той эпохи, которое можно привести, какъ первое скрещиваніе мечей длиннаго фехтовальнаго упражненія, поддерживаемаго обѣими сторонами много лѣтъ. Г-жа Новикова писала лорду Непиру въ саркастическомъ тонѣ, что, если онъ хочетъ имѣть успѣхъ, онъ долженъ воспользоваться теперешнимъ случаемъ сдѣлать доносъ на Россію съ своего мѣста въ палатѣ лордовъ. Онъ отвѣтилъ:

„Вы, мнѣ кажется, совершенно ошибаетесь въ характерѣ и идеяхъ, съ которыми я отношусь къ этому предмету. Я не противникъ Россіи. Я не намѣренъ сказать ни одного неучтиваго, несправедливаго, оскорбительнаго слова для Россіи. Вы говорите, чтобы я бранилъ Россію для пріобрѣтенія популярности здѣсь. Вы не понимаете нашего общества или народа. Другой могъ бы сдѣлаться популярнымъ такимъ путемъ. Я не могу. Англичане слишкомъ хорошо понимаютъ значеніе приличія и разсудка, чтобы одобрить

бывшаго посла и губернатора, который принималъ бы участіе въ общемъ политическомъ движеніи. Да я и не способенъ слова сказать ради популярности. Если я буду говорить, то съ большей увѣренностью, указывая на опѣнку и опасность для насъ русскаго расширенія, но допуская нѣкоторыя смягченія".

Это была предварительная схватка. 13 февраля Гладстонъ представилъ свой Ирландскій университетскій билль, встрѣченный съ единодушнымъ восторгомъ обѣими палатами, но римско-католическая іерархія, на поддержку которой Гладстонъ разсчитывалъ, оказалась противъ билля, и 12-го марта рано утромъ билль былъ отмѣненъ большинствомъ трехъ голосовъ при второмъ чтеніи. Гладстонъ подалъ въ отставку. Дизраели отказался вступить въ должность, и 20-го марта г-нъ Гладстонъ возвратился въ парламентъ до конца сессіи.

Къ превратностямъ политическихъ партій г-жа Новикова въ то время питала весьма случайный интересъ. Большинство ея знакомыхъ были изъ ряда виговъ: лордъ Кларендонъ, Виллерсъ, лордъ Деферинъ, Берналь, Осборнъ, Гейуардъ, лордъ Непиръ-Этрикъ принадлежали къ либеральной партіи. Лордъ Стангопъ былъ консерваторъ, и такими же были многіе ея друзья изъ духовнаго міра. Но когда, по общимъ выборамъ 1874 г., Дизраели замѣнилъ Гладстона, это не очень обезпокоило Ольгу Алеквѣевну. Ни она, ни кто иной не имѣли тѣни представленія о томъ вліяніи, которое имѣла перемѣна власти въ Вестминстерѣ на ходъ событій въ Восточной Европѣ.

Ольга Алексѣевна, по своему обыкновенію, возвратилась въ Петербургъ ранней весной, гдѣ, какъ попечительница тюремъ (обязанность, возложенная на нее Государемъ), она должна была посѣщать мѣста заключенія столицы. Она проводила часы съ арестантами, привозила имъ чаю и книгъ и выслушивала ихъ повѣствованія. Замѣчательна ея доброта, составляющая самую прелестную ея характеристику; она никогда не забывала взять съ собой перо и бумагу, чтобъ писать подъ диктовку наивныя и трогательныя посланія заключенныхъ къ ихъ родственникамъ и друзьямъ.

Она была предана своимъ братьямъ, своему дому и, какъ всегда, вращалась въ Московскомъ и Петербургскомъ обществѣ. До 1876 г. никто изъ ея знакомыхъ, даже самые близкіе ея друзья не подозрѣвали энергіи и способностей, скрытыхъ подъ прекрасными манерами и живымъ умомъ Ольги Алексѣевны Новиковой.

Она была умна, симпатична, очень добродушна, имѣла особую способность привлекать и удерживать дружбу замѣчательныхъ мужчинъ и женщинъ, но мало или ничего почти не указывало на тѣ

способности, которымъ суждено было дать ей выдающееся мѣсто въ исторіи своей страны.

Когда дамы посвящаютъ себя полемикѣ, сухость преній иногда оживляется комплиментами и вѣжливостью, которыхъ не найти въ полемикѣ мужчинъ. Между другими знакомствами, сдѣланными г-жей Новиковой во время ея дѣятельности въ старо-католическомъ вопросѣ, видное мѣсто занималъ Альбертъ Ревиль, протестантскій богословъ передовой школы. Родился онъ во Франціи въ 1826 г. и поселился въ 1851 г. въ Роттердамѣ, какъ пасторъ Валлунской церкви. Въ 1880 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ исторіи религій въ Collège de France. Онъ былъ ученый и многотомный писатель. Первое его сочиненіе была сравнительная исторія философіи и религіи,—послѣднее: книга о религіи Китая. Въ годъ его отъѣзда изъ Роттердама онъ получилъ отъ Ольги Алексѣевны ея статью о безсмертіи, тогда началась длинная переписка, въ которой горячая полемика православной и протестанта смягчалась любезными посланіями, одного образца которыхъ достаточно для ихъ характеристики. Г-жа Новикова послала ему свой портретъ. Онъ отвѣчаетъ.

8 октября 1873 г.

„Милостивая Государыня. Я хочу самымъ искреннимъ образомъ Васъ благодарить за прелестное содержимое въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ. Согласно Вашему желанію посылаю Вамъ мою фотографію, хотя долженъ сознаться, что въ этомъ обмѣнѣ выигрышъ весь на моей сторонѣ.

„Смѣю ли я сказать, какое впечатлѣніе произвела на меня Ваша фотографія? Я всегда былъ необыкновенно застѣнчивъ съ дамами, въ особенности, когда приходилось имъ говорить только лестныя вещи, а тѣмъ болѣе, когда эти лестныя вещи сущая правда. Даже, когда пишу, я застѣнчивъ, но едва-ли можно получить портретъ отъ дамы и не выразить своего мнѣнія. Позвольте для того, чтобы я могъ быть непринужденнѣе, разсказать вамъ маленькій эпизодъ, случившійся въ одномъ изъ моихъ путешествій.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я путешествовалъ по Швейцаріи, сидя на верху дилижанса рядомъ съ разговорчивымъ англичаниномъ. Разговоръ шелъ о достоинствахъ двухъ языковъ—англійскаго и французскаго. Моему спутнику хотѣлось узнать нѣсколько любезныхъ французскихъ фразъ, которыми онъ бы могъ, какъ онъ сказалъ, воспользоваться при случаѣ. Я подозрѣваю, что онъ имѣлъ намѣреніе ихъ поднести хорошенькой швейцаркѣ, сидящей внутри кареты. Словомъ, онъ спросилъ, какъ сказать прилично по-французски „какъ вы хороши (How good loaking yau are)!“ Это зави-

ситъ, отвѣтилъ я, отъ степени вашихъ дружескихъ отношеній, отъ мысли или намѣренія, побуждающаго къ этому восклицанію. Вы можете выбрать между „que vous avez bonne mine“ или, если вы хорошо знакомы, „comme on aime à vous regarder! Quelle charmante physionomie“, или еще, это вѣрнѣе всего передаетъ мысль: mademoiselle ou madame, voue êtes belle à ravir!

„Мой англичанинъ все это записалъ въ свою записную книжку. Я никогда не могъ узнать, послужило ли ему, въ концѣ концовъ, на пользу мое ученіе. Обращаясь къ вамъ, сударыня, я могу только сказать по-англійски, но со всѣми французскими значеніями: How good loaking yau are!

„Если при этомъ я прибавлю себѣ, не вамъ, что красивая молодая женщина, могущая избирать любое препровожденіе времени, имѣетъ довольно серьезный вкусъ, чтобы трудиться надъ работой Библейскихъ изысканій, съ которой я только-что познакомился, то я передъ ней глубоко преклоняюсь и съ искреннимъ уваженіемъ ее привѣтствую... Но я умолкаю, краснѣю и нахожу, что, когда я пишу это, это все равно, что я бы говорилъ, а этого я пугаюсь.

„Да, сударыня, исполните то, на что Вы мнѣ дали надежду, дай Богъ, чтобы будущая весна Васъ встрѣтила на берегу нашихъ Норманскихъ водъ. Если до того я какъ-нибудь могу служить Вамъ, не стѣсняйтесь пользоваться Вашимъ застѣнчивымъ, но покорнымъ слугой

А. Ревиль“.

Въ то время корреспонденты Ольги Алексѣевны, въ особенности французы, обращались къ ней съ пустыми комплиментами, которые составляютъ обмѣнъ свѣтскихъ сношеній. Черезъ три года опытнѣйшіе государственные люди писали ей, какъ будто бы она была изъ ихъ среды.

Но въ эту раннюю пору, прежде той трагедіи, которая послужила ей перерожденіемъ, Ольгу Алексѣевну трудно было заставить смотрѣть на себя серьезно.

Она всегда любила шутку, иногда не могла удержаться отъ искушенія произвести нѣкоторую сенсацію, даже при серьезнѣйшемъ настроеніи. Это дѣлало ея общество такимъ веселымъ и пріятнымъ, что трудно было соединить съ нею суровую дѣйствительность политики и войны. Такъ въ раннюю пору ея жизни въ Клариджъ Отелѣ, вскорѣ послѣ того, какъ она начала писать о политикѣ, когда многіе любопытные недоумѣвали надъ ея положеніемъ въ Англіи, къ ней пріѣхало нѣсколько пожилыхъ дамъ. Онѣ рѣшились узнать, кто она и чѣмъ занимается. Ольга Алексѣевна сейчасъ догадалась, что

у нихъ что-то на умѣ, и что ей придется выдержать нѣчто въ родѣ умышленной атаки отъ своихъ посѣтительницъ. Наконецъ, одна изъ старухъ нѣсколько неувѣренно спрашиваетъ: мадамъ Новикова, Вы теперь постоянно живете въ Англіи, не правда ли? —Нѣтъ, я провожу здѣсь нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ, послѣ чего возвращаюсь въ Россію къ мужу и сыну.—Такъ скажите, это не очень нескромный вопросъ, какая цѣль Вашихъ пріѣздовъ сюда? Ольга Алексѣевна посмотрѣла на своихъ собесѣдницъ, ей стало смѣшно и съ нѣкоторой напускной нерѣшительностью отвѣтила таинственно: „Я здѣсь нужна для моихъ незаконныхъ дѣтей“. Послѣ всеобщаго ужаса она продолжала: „Я называю незаконными дѣтьми мои политическія статьи. Я не имѣю права мѣшаться въ политику, какъ вы знаете, но, если мною завладѣетъ какая-нибудь мысль, я непремѣнно должна изложить ее на бумагѣ и пустить въ свѣтъ. Вотъ и все“. Что сказали милыя старушки, когда онѣ отряхнули прахъ отъ ногъ своихъ, выходя изъ Клариджъ Отеля, неизвѣстно, такъ какъ ни одна изъ нихъ не имѣла счастливой черты юмора; онѣ были увѣрены, что скандалъ гораздо больше, чѣмъ онѣ великодушно воображали.

Мало есть воспоминаній о времени отъ 1868 по 1873 г.г., касающихся Ольги Алексѣевны.

Европа въ это время творила исторію. Французская имперія исчезла, какъ привидѣніе при крикѣ пѣтуховъ. Германскаго императора провозгласили въ Версалѣ, черноморскій трактатъ былъ уничтоженъ, Гладстонъ вошелъ въ министерство и былъ наканунѣ жестокаго пораженія. Было бы чрезвычайно интересно имѣть тонкія, ѣдкія объясненія Виллерса о всѣхъ этихъ событіяхъ, услышать хотя бы косвеннымъ путемъ, какими эти событія представлялись глазамъ русскаго наблюдателя. Но въ собраніи писемъ г-жи Новиковой нѣтъ корреспонденціи этихъ лѣтъ. Повидимому, Ольга Алексѣевна уничтожала тогда свою переписку и не вела дневника, слѣдствіемъ чего является пропускъ этихъ пяти лѣтъ и продолженіе черезъ пять лѣтъ послѣ перваго пребыванія г-жи Новиковой въ Англіи.

Въ этотъ промежутокъ сынъ ея бывалъ часто боленъ, и она провела зиму съ нимъ и съ мужемъ въ Палермо.

1875-й годъ привелъ къ заключенію предварительные и приготовительные шаги на поприщѣ Ольги Алексѣевны. До тридцатишести-лѣтняго возраста въ жизни ея ничѣмъ не проявлялась ея способность къ политической дѣятельности. Эти годы ей принесли опытъ обще-человѣческой жизни—любовь, замужество, материнство, дружбу, путешествія и лишеніе, и она развила симпатіи естественно

воспріимчиваго ума, сношеніями съ многими выдающимися людьми своего времени. Но мало кто изъ нихъ отгадывалъ въ ней талантъ писательницы. Карлъ Лаверъ, старый ея другъ, умолялъ ее писать письма изъ Англіи, по образцу знаменитыхъ Lettres Persanes Монтескье, что̀ доказываетъ его высокое мнѣніе о ея литературномъ дарованіи. Когда Кинглекъ познакомилъ ее съ Бульверомъ въ Ричмондѣ, онъ разсердился на Бульвера за то, что онъ говорилъ ему о ея умѣ и ничего не сказалъ о ея красотѣ. Ни Лаверъ, ни Бульверъ не угадывали роль, которую суждено было играть ихъ привлекательной и веселой русской знакомой въ исторіи ихъ временъ.

Она еще не нашла своего призванія. Вся ея жизнь была приготовленіемъ къ еще невѣдомой задачѣ, скрытой подъ пеленой будущаго. Не ранѣе, чѣмъ эта пелена была разорвана рукою смерти, услышала она призывъ къ дѣлу своей жизни.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ монастырской жизни XVII вѣка.

(Какъ постригались въ монашество. 1667 г.).

Государю-преосвященному Симону, архіепископу Вологодцкому и Белоозерскому, царскаго богомолия і твоей святительской области Успенія Пречистые Богородицы Кирилова монастыря келарь чернецъ Павелъ Ремезовъ и соборные чернцы челомъ бьютъ. Въ нынешнѣмъ, государь, въ 176 (*т. е. 1667*)-мъ году ноября въ 27 день объявился у насъ въ Кириловѣ монастырѣ нашъ монастырской подмонастырной крестьянинъ деревни Борового Ивашко Павловъ въ чернеческомъ платьѣ, и мы ево Ивашка приказали соборному старцу Митрофану Нечаеву роспросить, постриженъ-ли онъ, Ивашко, или на немъ искусъ положенъ, и буде постриженъ, и гдѣ онъ постриженъ, и хто ево постригалъ и сколь давно постриженъ, и что, государь, тотъ Ивашко въ роспросе сказалъ, и мы ево роспросные рѣчи отца ево духовнаго за рукою послали къ тебѣ, государь, подклея подъ сею отпискою, и о томъ, что ты, государь, укажешь, а онъ лежитъ нынѣ боленъ.

176-го году ноября въ 27 день. По приказу государей властей, старца Пахомія Спиридонова, келаря старца Павла Ремезова и старцовъ соборныхъ Кирилова монастыря чернецъ Митрофанъ Нечаевъ Кирилова же монастыря вотчины подмонастырной деревни Борового крестьянина Ивашка Павлова допрашивалъ, для того, что онъ сего же числа пришелъ въ Кириловъ монастырь въ чернеческомъ платьѣ, и постриженъ-ли онъ Ивашко, или на немъ искусъ положенъ, и будетъ постриженъ, и гдѣ онъ постриженъ и хто ево постригалъ и въ которомъ монастырѣ или гдѣ на погостѣ у мірской церкви и сколь давно онъ постриженъ или искусъ наложенъ.

И онъ, Ивашко, въ допросѣ сказалъ: „пошелъ-де я изъ дому своего сего же мѣсяца ноября противъ 24-го числа въ ночи, и пришелъ на усть-Шексны въ Троицкой монастырь постричися,

потому что тутъ у меня по рядѣ договорено было священнику, что постритчи ему меня за шесть алтынъ четыре денги. И какъ я пришелъ къ нему священнику постригатца, и онъ у меня учалъ спрашивать отпускной памяти, а у меня отпускной памяти нѣтъ, и для того онъ священникъ меня на усть-Шексны въ Троицкомъ монастырѣ и не постригъ, и я оттуды пошелъ въ Кириловъ монастырь, и не дошедъ до Кирилова монастыря, будучи на дорогѣ въ Вогненской волости на перелѣскѣ стретилъ меня старецъ; а сказался мнѣ тотъ старецъ из-за Бѣлаозера ис-пустыни, а которые на имя пустыни и какъ ево зовутъ, того я не вѣдаю, потому что онъ мнѣ не сказался, а я у него не спрошалъ. И постригъ меня онъ старецъ тутъ на дорогѣ въ лѣсѣ подъ елью, и волосы рѣзалъ ножемъ, а ножницъ и книги у нево не было, и грамотѣ онъ умѣетъ-ли или нѣтъ, того я не вѣдаю, а рукою онъ меня не благословлялъ и отъ постриганія далъ я ему найму тринадцеть алтынъ двѣ денги. А платье у меня чернеческое примыслено задолго до сего времяни, потому что постритчися я давно наряжался для-ради хлѣбной скудости, что ѣсть стало нечево и сталъ скорбенъ, а жена и дѣти постригатца меня не отпущали, и я отъ нихъ ушелъ таемъ, а дѣтей у меня осталось три сына, и большой въ пятнатцеть лѣтъ и нынѣ я у нево прохожево старца наложа на себя подъ елью чернеческое платье пришелъ въ Кириловъ монастырь къ отцу своему, старцу Пахомію".

И того же числа ноября въ 27 день отецъ его с-Ивановского монастыря изъ меншой больницы старецъ Пахомій допрашиванъ. А въ допросѣ сказалъ: Я-де сына своего и не видалъ, какъ онъ пришелъ нынѣ въ Кириловъ монастырь и въ кельѣ у меня не бывалъ, и постриженъ-ли онъ или нѣтъ, того я не вѣдаю, а для хлѣбной скудости постритца онъ хотѣлъ, и я ево унималъ, и постригатца ему не велѣлъ, а велѣлъ ему съ женою и з-дѣтми скитатца въ мірѣ, и онъ мнѣ говорилъ: будетъ-де ты мнѣ въ Кириловѣ монастырѣ постричися воли не дашь, и я-де и инуды отшедъ где-нибуди постригусь. То мои и рѣчи". А допросные рѣчи записалъ Кирилова монастыря служка Лучка Ивановъ. *Наобор.*: „Къ семъ допроснымъ речамъ Покровской попъ Ѳедоръ Лукъяновъ вмѣсто сына своего духовнаго крестьянина Ивана Павлова по его челобитью руку приложилъ".

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года[1]).

Березина.

(Окончаніе).

Вильна, февраль 1813 г.

Теперь я долженъ изложить подробности военныхъ дѣйствій адмирала Чичагова и его молдавской арміи. Лучше всего будетъ передать ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были любезно сообщены мнѣ, по моей просьбѣ, самимъ адмираломъ.

Изъ моихъ прошлогднихъ писемъ вамъ уже извѣстно, что вначалѣ рѣчь шла о диверсіи, которую эта армія должна была произвести въ Далмаціи послѣ заключенія мира съ турками. Но чрезвычайныя трудности, сопряженныя съ этимъ походомъ и съ продовольствіемъ 40.000 арміи и, наконецъ, необходимость въ этой арміи для усиленія ею корпусовъ, состоявшихъ подъ командою генерала Тормасова, которые должны были прикрывать Волынь и дѣйствовать затѣмъ противъ тыла великой французской арміи, заставили благоразумно отказаться отъ этого плана.

Адмиралъ сказалъ мнѣ:

„Вотъ что сдѣлали съ арміей, которой я имѣлъ честь командовать съ тѣхъ поръ, какъ она оставила берега Дуная.

„25 іюля (6 августа) мнѣ было приказано, по Высочайшему повелѣнію, присоединиться къ арміи генерала Тормасова, т. е. идти въ направленіи, діаметрально противуположномъ тому, для выполненія котораго, согласно полученнымъ мною ранѣе инструкціямъ, было сдѣлано распоряженіе. Я выступилъ нѣсколько дней спустя и, несмотря

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1909 г.

на страшную жару и препятствія, какія намъ пришлось преодолѣть впослѣдствіи изъ-за разлива рѣкъ, армія перешла Днѣстръ 28 августа (9 сентября). 6 (18) сентября она подошла къ Луцку, лежащему на р. Стырѣ, соединилась съ арміей генерала Тормасова и стала противъ австро-саксонской арміи, коей командовалъ князь Шварценбергъ, прекратившій свое преслѣдованіе лишь при приближеніи моей арміи.

„Дунайская армія состояла въ то время изъ четырехъ неполныхъ дивизій; ее нужно было пополнить 12—15.000 рекрутами, которыхъ я неоднократно требовалъ изъ Бухареста, а затѣмъ, проходя близъ Херсонской губерніи, пытался взять изъ депо, но мнѣ ихъ дали только тогда, когда я уже былъ въ Брестѣ, откуда я долженъ былъ идти немедленно на Минскъ; такимъ образомъ рекруты не догнали меня до окончанія похода.

„Во время нашего марша изъ Валахіи до р. Стыря, наличный составъ нашей арміи состоялъ изъ 30.000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія. Армія генерала Тормасова могла быть численностью въ 20—22.000 человѣкъ. У князя Шварценберга и генерала Ренье было болѣе 40.000 человѣкъ, а именно, около 30.000 австрійцевъ, 12.000 саксонцевъ и небольшое число поляковъ. Они занимали весь противуположный берегъ Стыри, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашихъ армій, и посты Владимірскій и Устилугскій, которые легко могли получить подкрѣпленіе со стороны войскъ, занимавшихъ гарнизоны въ Замостьи. Въ Мозырѣ у насъ былъ постъ, численностью въ 15.000 человѣкъ, коимъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Эртель.

„При свиданіи моемъ 6 (18) и 9 (21) сентября съ генераломъ Тормасовымъ было рѣшено атаковать непріятеля одновременно, если онъ заблагоразсудитъ обождать насъ; въ противномъ случаѣ рѣшено было преслѣдовать его [1]). Тѣмъ временемъ мы получили отъ фельдмаршала Кутузова извѣщеніе о назначеніи его главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ. Хотя единство власти имѣло большое преимущество, однако выборъ лица казался необычайнымъ; слабость характера и взгляды этого лица были слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы возможно было ожидать отъ него большого толка.

„Въ полученномъ мною отъ него письмѣ, отъ 14 (26) августа,

[1]) Это рѣшеніе могло показаться соблазнительнымъ, но оно не соотвѣтствовало приказаніямъ, полученнымъ вслѣдъ затѣмъ отъ Кутузова, предписавшаго Чичагову соединиться съ Тормасовымъ на берегу Стыри, а послѣднему—перейти въ наступленіе противъ праваго фланга французской арміи. (Прим. издат.).

онъ сообщалъ, что непріятель, сосредоточивъ всѣ свои силы, находился уже между Смоленскомъ и Москвою, что наши войска были въ Дорогобужѣ, что ему не было доподлинно извѣстно, гдѣ именно находится армія генерала Тормасова и что, по его предположенію, я долженъ былъ находиться недалеко отъ Днѣстра, но еще въ Молдавіи; онъ присовокуплялъ, что не время думать о дальнихъ диверсіяхъ, что главное было дѣйствовать противъ праваго фланга непріятеля, что это было единственное средство остановить его стремительное движеніе и т. д.

„Такъ какъ я уже выступилъ изъ Молдавіи и Валахіи, то мнѣ не приходилось болѣе думать о диверсіяхъ, которыя могли быть совершены съ этой стороны, на югѣ Европы; но что разумѣлъ его превосходительство подъ правымъ флангомъ непріятеля?

„Изъ 29-го бюллетеня мы знаемъ, что императоръ Наполеонъ называетъ правымъ флангомъ французской арміи корпуса, коими командовали князь Шварценбергъ, генералы Ренье и Домбровскій. Съ этой точки зрѣнія мы сдѣлали все, что было можно, ибо всѣ эти войска ни мало не стѣсняли фельдмаршала. Первыя находились передъ нами; послѣдній стоялъ противъ Бобруйска, въ виду генерала Эртеля. Если же въ намѣреніе князя Кутузова входило противупоставить насъ правому флангу французской арміи, находившемуся непосредственно подъ начальствомъ самого Наполеона, значитъ, онъ не принималъ въ разсчетъ ни разстояній, ни возможныхъ случайностей, ибо, даже въ томъ случаѣ, если бы австро-саксонская армія не могла помѣшать нашему движенію, о немъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ намъ предстояло еще пройти все разстояніе отъ Луцка до Москвы въ то время, какъ непріятель былъ уже у воротъ этого города.

„Наконецъ 10 (22) сентября мы перешли р. Стырь въ трехъ пунктахъ, гдѣ была подготовлена переправа; 8 (20) непріятель произвелъ рекогносцировку въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были наведены мосты, и принялъ мѣры къ отступленію. Мы двинулись на Порѣцкъ Владиміръ, Локачи и Торчинъ, отрядивъ корпусъ для наблюденія за Ковельской дорогой. Непріятель отступалъ по всѣмъ пунктамъ въ образцовомъ порядкѣ. Обозъ былъ отправленъ впередъ, всѣ трудности, предстоявшія арміи, были доведены до минимума; на Бугѣ были подготовлены переправы, снабженныя тэтъ-депонами.

„Совершивъ не болѣе двухъ переходовъ, мы настигли подъ вечеръ, 11 (23) сентября, польскій корпусъ въ Локачахъ. Непріятель былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ; городъ былъ занятъ, и мы преслѣдовали непріятельское войско до деревни Павковичи, куда

*

поляки пытались не впустить насъ, сражаясь подъ прикрытіемъ окрестныхъ домовъ.

„Наступившая темнота прикрыла ихъ отступленіе. Тутъ мы взяли въ плѣнъ человѣкъ пятьдесятъ молодыхъ поляковъ, уроженцевъ герцогства Варшавскаго. Мы потеряли всего на всего одного гусарскаго офицера Бѣлорусскаго полка и гусара рядового (оба были убиты) и человѣкъ двадцать ранеными.

„12 (24) мы были вынуждены сдѣлать остановку, такъ какъ генералъ Тормасовъ пожелалъ видѣться со мною по случаю пріѣзда курьера отъ фельдмаршала, а также, чтобы дать время подойти фуражу. Я отправился въ его главную квартиру, гдѣ онъ сообщилъ мнѣ полученныя имъ приказанія, а именно: оставить Волынь и придвинуться къ Великой Арміи, такъ какъ непріятель рѣшилъ атаковать Москву. Мы чувствовали, что если генералъ Тормасовъ покинетъ меня, то я, какъ слабѣйшій, подвергнусь такой же опасности и тѣмъ же бѣдствіямъ, какихъ ему удалось избѣжать только потому, что къ нему подошла моя армія. Онъ пришелъ бы къ мѣсту своего назначенія слишкомъ поздно, чтобы быть чѣмъ-либо полезенъ, между тѣмъ какъ, уйдя отъ меня, онъ разстроилъ бы весь планъ начатаго нами движенія, имѣвшаго цѣлью заставить непріятеля очистить двѣ самыя плодоносныя губерніи Польши, отбросить его за границу или втянуть въ бой, въ которомъ его силы были бы слабѣе нашихъ.

„Генералъ Тормасовъ рѣшилъ не оставлять меня до тѣхъ поръ, пока непріятель будетъ на Волыни. Нѣсколько дней спустя было получено отъ фельдмаршала новое приказаніе, коимъ мнѣ предписывалось идти на соединеніе съ великой арміей, а генералу Тормасову велѣно было остаться. Тѣмъ временемъ императоръ Наполеонъ шелъ впередъ и былъ уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ столицы, которую фельдмаршалъ обѣщалъ спасти. Я не показалъ себя неблагодарнымъ; я остался на мѣстѣ, чтобы не покидать генерала Тормасова, армія котораго была бы въ противномъ случаѣ уничтожена, или отброшена внутрь страны и вынуждена оставить наши южныя польскія губерніи. Предположимъ однако, что генералъ Тормасовъ пошелъ бы впередъ, согласно полученному имъ приказанію, ему пришлось бы въ такомъ случаѣ вернуться обратно, а мнѣ бы пришлось идти по пройденному имъ пути, такъ какъ я находился немного западнѣе отъ генерала Тормасова; получалось впечатлѣніе, будто фельдмаршалу хотѣлось, чтобы мы протанцовали съ княземъ Шварценбергомъ менуэтъ въ то время, какъ онъ самъ несся галопомъ черезъ Москву, убѣгая отъ императора Наполеона.

„Начиная съ 13 (25) сентября и до 20 сентября (2 октября) мы продолжали преслѣдовать непріятеля до деревни Орховекъ, лежащей напротивъ Виндавы, гдѣ онъ перешелъ Бугъ. Въ это самое время генералъ-адъютантъ полковникъ Чернышевъ привезъ мнѣ новыя инструкція, слѣдующаго содержанія:

„Отъ Острога обратить предводимую вами армію на Пинскъ, гдѣ 25-го сентября должно ей быть непремѣнно, поелику одинъ изъ главныхъ успѣховъ сей операціи есть: закрываясь движеніями Тормасова, выиграть вамъ надъ корпусами Ренье и Шварценберга нѣсколько переходовъ отъ Пинска на Несвижъ и Минскъ, дабы, предупреждая ихъ въ сихъ мѣстахъ, совершенно отрѣзать ихъ отъ Минской губерніи, Березины и главной непріятельской арміи. Не позже къ 1-му октября, а если ранѣе, тѣмъ лучше, армія, вами предводимая, должна быть въ Несвижѣ. Тутъ учредя сообщеніе съ бывшею арміею Тормасова, къ 5-му октября усилить ее, если нужно, отрядомъ вашихъ войскъ и тѣмъ поставить ее въ лучшую возможность, сильно поразить и преслѣдовать Шварценберга и Ренье, выгоняя ихъ въ герцогства Варшавское или Галицію. Къ 9-му октября наипозднѣе, а если прежде, тѣмъ лучше, главныя силы ваши должны быть въ Минскѣ, гдѣ къ тому же дню придетъ къ вамъ отрядъ изъ Мозыря. Изъ Минска, какъ можно скорѣе, въ одну сторону займете рѣку Березину и Борисово, гдѣ должно укрѣпить сильный лагерь, занимая и далѣе лѣсъ и дефилеи по дорогѣ отъ Борисова до Бобра, и укрѣпляя по всей дорогѣ сей всѣ способныя къ тому мѣста, такъ, чтобы на возвратномъ пути главной непріятельской арміи, преслѣдуемой нашими войсками, тутъ на каждомъ шагу могло быть производимо сильное сопротивленіе, а въ другую, къ 15-му октября, соединитесь съ графомъ Витгенштейномъ къ сторонѣ Докшицъ, чѣмъ и прямѣйшія коммуникаціи ваши какъ съ Петербургомъ, такъ и съ Кіевомъ, совершенно утверждены и обезпечены будутъ. Занимая такимъ образомъ центръ соединенныхъ трехъ армій и имѣя четвертую резервомъ въ Вильнѣ, подъ начальствомъ графа Штейнгеля, между тѣмъ происшествія въ главныхъ арміяхъ откроютъ то, чего предвидѣть нѣтъ возможности, и тогда по стремленію непріятеля, или на лѣвый флангъ черезъ Улу, или на центръ, черезъ Бобръ или Борисовъ и Березину, или на правый флангъ къ Бобруйску, и наши три арміи соединиться должны для отраженія непріятеля, или въ центръ, или на которомъ-либо флангѣ, однимъ словомъ: вездѣ, гдѣ бы онъ только какое покушеніе сдѣлать могъ, всегда съ дѣятельностію и быстротою предупреждая, по крайней мѣрѣ въ равныхъ силахъ, и удерживая такъ расположеніе войскъ нашихъ, чтобы не только въ непріятельскую главную армію изъ-за границъ нашихъ ничего доходить не могло, но чтобы и изъ оной курьеры, или шпіоны нигдѣ прокрасться не могли и ни малѣйшая часть той главной непріятельской арміи, столь далеко зашедшей внутрь предѣловъ нашихъ, столь изнуренной понесенными уже утратами, тѣми пораженіями и тяжкими походами, какіе еще понести можетъ, *безъ пораженія въ конецъ и совершеннаго истребленія изъ предѣловъ нашихъ отступить не могла*“.

Генералу Витгенштейну было предписано въ то же время, „овладѣвъ Полоцкомъ съ тыла, истребя тутъ непріятеля и присоединя къ себѣ корпусъ князя Яшвиля, устремиться, какъ можно бы-

стрѣе, на истребленіе отрѣзаннаго Удино отъ главной непріятельской арміи, опровергая его на войска графа Штейнгеля, который къ тому же времени, при успѣхахъ надъ Макдональдомъ, уже близится къ Вицзямъ и къ Свенцянамъ. Такимъ образомъ отрѣзавши Удино и закрывъ себя съ той стороны дѣйствіемъ графа Штейнгеля, стремительно обратитесь къ Докшицѣ, гдѣ къ 15-му октября быть можете, и отсель открывъ коммуникацію на Минскъ и соединясь съ Чичаговымъ, черезъ Березино, займите Лепель и все теченіе Улы, отъ Березины до впаденія въ Двину".

Таковы были инструкціи, присланныя изъ Петербурга.

Изъ нихъ видно, что имѣлось въ виду главнымъ образомъ сосредоточить большія силы вдоль по теченію Березины, чтобы дѣйствовать въ зависимости отъ обстоятельствъ и воспользоваться всѣми случайностями, чтобы нанести непріятелю возможно больше вреда.

Инструкціи были получены отъ имени Императора; сообщая ихъ мнѣ, фельдмаршалъ ничего не добавилъ, только предписалъ считать недѣйствительнымъ данное имъ ранѣе приказаніе присоединиться къ нему.

22 сентября (4 октября), принявъ командованіе надъ обѣими арміями, я пошелъ на Брестъ, гдѣ мы увидали всю союзную австро-саксонскую армію за исключеніемъ отряда генерала Мора, котораго я приказалъ преслѣдовать, но онъ бѣжалъ въ Грецію, потерявъ 5 офицеровъ и около 100 человѣкъ изъ отряда Кинмайера. Непріятель, съ самаго начала преслѣдованія, потерялъ приблизительно 2.500 чел. убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Онъ какъ будто ожидалъ, что ему придется вступить въ бой, отъ котораго онъ постоянно уклонялся. Въ Брестѣ непріятель даже укрѣпился, но когда все было готово для атаки, онъ воспользовался туманомъ, скрывавшимъ его движенія, перешелъ обратно Бугъ и такимъ образомъ совершенно очистилъ Волынь.

Я далъ въ Брестѣ войскамъ нѣсколько дней отдыха, самъ же занялся обсужденіемъ тѣхъ движеній, которыя мнѣ надлежало выполнить, чтобы достигнуть результата, наиболѣе соотвѣтствовавшаго вышеприведеннымъ инструкціямъ. Я рѣшился оставить довольно сильный постъ въ Владимірѣ, чтобы охранять доступъ въ Волынь со стороны Замостья; для этой цѣли было отряжено около 5.000 ч. Въ этотъ отрядъ вошла часть войскъ, оставшихся въ тылу и вышедшихъ изъ госпиталей. Я зналъ, что для того, чтобы стѣснить дѣйствія князя Шварценберга было недостаточно оставить обсервационный корпусъ въ Брестѣ, ибо, отрядивъ туда часть войска, онъ могъ бы, съ остальной частью своей арміи, помѣшать мнѣ въ

моемъ движеніи на Минскъ, что составляло главную мою цѣль, такъ какъ первая часть инструкціи относительно изгнанія союзной арміи и соединеніе моихъ двухъ армій была уже выполнена.

„Чтобы дѣйствовать, въ столь критическихъ обстоятельствахъ, съ наивозможной увѣренностью, я рѣшилъ оставить 17.000 корпусъ подъ командою генералъ-лейтенанта Сакена, какъ старѣйшаго изъ генералъ-лейтенантовъ, а на дорогѣ въ Пружаны мною былъ поставленъ 10.000 корпусъ, предоставленный въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Сакена на тотъ случай, если бы онъ понадобился ему, а покуда этотъ корпусъ могъ обезпечить свободу сообщеній между нами.

„Всѣ эти войска, образовавшія корпусъ въ 27.000 человѣкъ, были подчинены, также какъ и Владимірскій отрядъ, генералу Сакену, которому было приказано охранять Волынь отъ вторженія непріятеля, въ особенности не допускать, чтобы онъ послѣдовалъ за мною, въ каковомъ случаѣ Сакену должно было энергично атаковать его.

„Отдавъ соотвѣтственныя приказанія генераламъ Эртелю и Людерсу, которые вели отрядъ въ 3.000 человѣкъ, состоявшій изъ отсталыхъ солдатъ и взятыхъ изъ походныхъ госпиталей, я двинулся съ остальными 25.000 человѣкъ на Минскъ. Въ тотъ самый день, когда я пришелъ въ Минскъ, Эртель, согласно даннымъ ему приказаніямъ и письменному маршруту, долженъ былъ отправиться въ Игуменъ. Въ этомъ городѣ долженъ былъ присоединиться ко мнѣ генералъ Лидерсъ, что онъ и выполнилъ вполнѣ успѣшно. Эртель, напротивъ, не тронулся съ мѣста и оставался все время въ Мозырѣ до тѣхъ поръ, пока я не отозвалъ его, ввѣривъ командованіе генералъ-маіору Тучкову.

„Въ то время какъ я былъ занятъ приготовленіями къ этому движенію, нѣсколько отрядовъ было послано для вторженія въ Варшавское герцогство; эти незначительные корпуса подходили къ самымъ стѣнамъ Варшавы, разоряли магазины, брали плѣнныхъ и собирали контрибуцію, въ то время какъ другой отрядъ, подъ командою генерала Чаплица, проникъ до Слонима, гдѣ имъ былъ застигнутъ и взятъ плѣнъ въ цѣлый полкъ гвардейскихъ уланъ, состоявшій изъ польскихъ шляхтичей съ генераломъ Конопкою, который былъ занятъ формированіемъ этого полка.

„Когда все было готово, мы выступили изъ Бреста, 15 (27) октября, на Пружаны, Слонимъ и Минскъ. Придя въ Слонимъ, мы узнали, что за нами слѣдовалъ князь Шварценбергъ, и что его авангардъ былъ уже въ Волковискахъ. Дѣйствительно, генералъ этотъ, видя, что я оставилъ въ распоряженіе генерала Сакена только об-

сервацiонный корпусъ, предоставилъ дѣйствовать противъ него генералу Ренье, самъ же пошелъ вслѣдъ за мною; но генералъ Сакенъ успѣшно атаковалъ саксонцевъ, которые замѣтили вскорѣ свою ошибку. Будучи слишкомъ слабы, они просили князя Шварценберга поддержать ихъ; онъ вернулся обратно, и оба генерала потеряли пока всякую охоту преслѣдовать меня.

Изъ Слонима я послалъ полковника Чернышева съ полкомъ казаковъ, чтобы установить сообщеніе между мною и корпусомъ графа Витгенштейна, сообщить ему о моемъ движеніи на Минскъ и Борисово и просить его сдѣлать все возможное, чтобы ускорить наше соединеніе черезъ Лепель, влѣво отъ Березины, какъ это предписывалось намъ инструкціями.

„Экспедиція совершилась удачно, но намъ не удалось соединиться, такъ какъ, вмѣсто того чтобы взять вправо, онъ взялъ влѣво и, по этой причинѣ, очутился въ хвостѣ, вмѣсто того чтобы очутиться противъ непріятеля при его проходѣ черезъ Березину.

„Прибывъ въ Несвижъ, 31 октября (12 ноября) я узналъ, что генералъ Козецкій со своей дивизіей, входившей въ составъ корпуса Домбровскаго, стоялъ на берегу Нѣмана. Я тотчасъ отрядилъ дивизію Ламберта съ нѣсколькими другими войсками, которыя настигли непріятеля, разбили его, взяли у него плѣнныхъ и преслѣдовали его столь энергично, что онъ былъ вынужденъ отступить, не успѣвъ ни сжечь, ни разрушить мостъ; онъ даже бросилъ одно изъ своихъ орудій [1]). Обезпечивъ такимъ образомъ арміи переправу черезъ Нѣманъ, безъ чего ея движеніе было бы значительно замедлено, генералъ Ламбертъ продолжалъ преслѣдовать непріятеля, настигъ его у Кайданова и истребилъ весь отрядъ, взялъ два орудія, 60 офицеровъ и болѣе 2.000 солдатъ. Мы двинулись форсированными переходами къ Минску, который былъ занятъ 4 (16) ноября моимъ авангардомъ; я вступилъ въ городъ 5 (17) числа.

„Въ этотъ промежутокъ времени я получилъ отъ фельдмаршала нѣсколько писемъ, но онъ не далъ мнѣ никакихъ указаній относительно того, что мнѣ слѣдовало дѣлать и на что надѣяться, и какіе болѣе или менѣе важные посты слѣдовало занять; я не получилъ также никакихъ свѣдѣній относительно бродовъ и тэтъ-де-пона, находившагося передъ Борисовымъ, который мнѣ надобно было взять, хотя всѣ инженеры, производившіе эти работы, и самыя точныя карты находились въ его главной квартирѣ. Меня особенно безпокоило то обстоятельство, что, намѣреваясь, повидимому, слѣдовать за

[1]) См. Богдановичъ, III, 226.

непріятелемъ по пятамъ, онъ писалъ мнѣ, что послѣдній предполагаетъ идти въ Украйну и что мнѣ надлежало усилить Кіевскій гарнизонъ; это могло меня опять таки сильно ослабить, если бы я не употребилъ на это войска, взятыя изъ депо, и нѣсколько батальоновъ рекрутъ, которые все равно не могли догнать меня.

„Терять времени было нельзя; 7 (19) ноября я приказалъ двинуть авангардъ, подкрѣпивъ его двумя полками и ротой тяжелой артиллеріи. 8 (20) числа армія выступила тремя колоннами; изъ нихъ одна шла за авангардомъ, на Борисовъ; другая на Зембинъ, съ приказаніемъ разрушить тамъ мосты и плоты, если бы таковые оказались на Березинѣ; это порученіе было возложено на генерала Чаплица; третья колонна пошла на Игуменъ, а оттуда кратчайшимъ путемъ къ Березинѣ. Польскій генералъ Домбровскій съ 7—8.000 корпусомъ занималъ въ Борисовѣ тэтъ-де-понъ; непріятель атаковалъ его въ этомъ пунктѣ и послѣ продолжительнаго и упорнаго сраженія, длившагося весь день, все 9 (21) число, тэтъ-де-понъ былъ взятъ приступомъ дивизіей генерала Ламберта, коему была поручена эта атака. Непріятель потерялъ въ этомъ дѣлѣ около 3.000 чел. убитыми и ранеными, 7 орудій и одного орла. Часть его войска, при томъ наиболѣе значительная, бѣжала къ Борисову; другая часть, бѣжавшая вдоль берега Березины, была захвачена отрядомъ, который шелъ въ Игуменъ. Послѣдствіемъ этой побѣды было занятіе Борисова и главнаго брода черезъ рѣку.

„На слѣдующій день я произвелъ рекогносцировку и убѣдился въ невозможности имѣть въ Борисовѣ укрѣпленный лагерь. Мнѣ оставалось произвести рекогносцировку столь хваленыхъ дефилей со стороны Бобра; но меня занималъ болѣе всего вопросъ о соединеніи съ корпусомъ Витгенштейна, который еще не успѣлъ подойти.

„Это заставило меня послать впередъ одинъ отрядъ, чтобы удостовѣриться, гдѣ именно находится непріятель, и предупредить меня въ случаѣ его приближенія. Успѣвъ пройти не болѣе 12 верстъ, этотъ отрядъ встрѣтилъ голову 1-ой колонны главной арміи Наполеона, приближавшейся къ намъ, былъ вынужденъ отступить къ Борисову, и такъ какъ мостъ былъ очень длиненъ и узокъ, то часть обоза осталась позади и досталась непріятелю. Мы потеряли при этомъ впрочемъ не болѣе ста человѣкъ и ни одного орудія. Въ отрядѣ было не болѣе 2.000 человѣкъ.

„Тогда я раздѣлилъ армію на нѣсколько отрядовъ, чтобы охранять броды черезъ Березину, изъ коихъ главный находился у тэтъ-де-пона, занимавшаго центральную позицію, что давало мнѣ возможность дѣйствовать быстро и легко.

„11 (23), 12 (24) и 13 (25) ноября не произошло ничего осо-

беннаго; мы и непріятель наблюдали другъ за другомъ, какъ вдругъ прибылъ отъ фельдмаршала курьеръ и сообщилъ мнѣ, что непріятель имѣлъ намѣреніе идти черезъ Рогачевъ на Игуменъ, чтобы выйти на Минскую дорогу. Я не могъ не вѣрить свѣдѣніямъ, сообщеннымъ фельдмаршаломъ, и долженъ былъ смотрѣть на его письмо, какъ на приказаніе. Чтобы подвергнуться возможно меньшей опасности, я совершилъ съ корпусомъ генерала Воинова движеніе вправо до Шабашевичей, чтобы вступить въ бой, если бы это понадобилось.

„14 (26) непріятель выказалъ намѣреніе навести мостъ близъ Ухалодъ и серьезно приготовился къ переправѣ у Зембина.

„Французская армія, соединившись съ корпусами Виктора и Удино, усилилась на 30.000 человѣкъ; въ ней было въ то время болѣе 100.000 человѣкъ и довольно значительная артиллерія; съ этими соединенными силами Бонапартъ подошелъ къ Березинѣ. Рѣка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была замерзши; въ другихъ пунктахъ ее можно было перейти въ бродъ, такъ что оборона этой переправы, тянувшейся болѣе чѣмъ на 100 верстъ, требовала несравненно болѣе значительныхъ силъ, нежели мы могли противупоставить непріятелю. Я былъ одинъ, такъ какъ Эртель и Витгенштейнъ еще не подошли, и главная армія находилась въ десятидневномъ переходѣ отъ того пункта, гдѣ должны были быть сосредоточены всѣ силы.

„Изъ бывшихъ въ моемъ распоряженіи 25.000 человѣкъ я могъ разставить вдоль по берегу рѣки, густо поросшему лѣсомъ, не болѣе 16.000 пѣхоты. Вслѣдствіе сильныхъ морозовъ болотистые берега рѣки сдѣлались доступны, что облегчило Бонапарту переправу. Благодаря этому, французскій пѣхотный корпусъ имѣлъ возможность занять лѣсъ, который тянется по лѣвому берегу Березины, и намъ не удалось воспрепятствовать переправѣ французской арміи, которая значительно превосходила насъ численностью и была защищена высотами, на которыхъ французы соорудили сильныя батареи; это вынудило дивизію Чаплица оставить лѣсъ, послѣ жаркой перестрѣлки, продолжавшейся до 10 часовъ вечера.

„15 (27) ноября мы были заняты сосредоточеніемъ корпусовъ и отрядовъ, расположенныхъ по берегу рѣки; къ вечеру 15 (27) числа, когда въ тылу непріятеля раздались орудійные выстрѣлы, произведенные корпусомъ Витгенштейна, намъ удалось войти съ нимъ въ коммуникацію и подготовить атаку на слѣдующій день.

„Выдержавъ 16 (28) числа ожесточенный бой противъ многочисленныхъ корпусовъ, занимавшихъ лѣсъ, непріятель былъ вынужденъ отступить, потерявъ при этомъ одно орудіе; тогда мы нагнали французскую армію у того пункта, гдѣ она совершала переправу. Въ то же время графъ Витгенштейнъ атаковалъ позицію, взятую

непріятельскимъ аррьергардомъ по ту сторону рѣки. Мостъ былъ разрушенъ по приказанію Наполеона и 7.000 человѣкъ взято въ плѣнъ; часть артиллеріи и огромное количество обоза и упряжныхъ лошадей остались на лѣвомъ берегу, не считая 9.000 убитыхъ и неизвѣстнаго числа утонувшихъ, которые пытались переправиться послѣ того, какъ мосты были сломаны; они исчезли подо льдомъ. Непріятель бросилъ на правомъ берегу шесть орудій. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ отъ 4—5.000 человѣкъ. Французскіе кирасиры потеряли два знамени [1]).

„17 (29) утромъ мы потеряли непріятеля изъ вида; онъ пошелъ на Зембинъ. Болота замерзли, дефилеи и рѣки не служили ему болѣе препятствіемъ. Если бы непріятель пошелъ по Минской дорогѣ, онъ могъ бы причинить намъ не мало бѣды; будучи совершенно одинъ, какъ я уже сказалъ, я не могъ бы оказать ему сопротивленія. Къ счастью, это не пришло ему въ голову, онъ слишкомъ опѣшилъ и, главное, ему не были извѣстны мои силы. Тогда я сталъ преслѣдовать французскую армію, дѣлая усиленные переходы, во время которыхъ я взялъ много плѣнныхъ и орудій и успѣлъ уничтожить аррьергардъ непріятеля близъ Ошмянъ. Съ этого момента его дальнѣйшее движеніе походило болѣе на безпорядочное бѣгство; всѣ корпуса, всѣ дивизіи, всѣ полки перемѣшались. Мы уже не старались брать ихъ въ плѣнъ; дорога была усѣяна отсталыми, убитыми, ружьями, артиллеріей, кессонами и обозами, и непріятельская армія была почти окончательно уничтожена до перехода черезъ границу“.

На этомъ кончается записка адмирала Чичагова.

8 (20) ноября, когда мы были въ Романовѣ, непріятель пришелъ въ Оршу. Надобно замѣтить, что вслѣдствіе медленности, съ какою мы дѣйствовали, Наполеонъ, начиная отъ Краснаго, опередилъ насъ; такимъ образомъ 13 (25) ноября онъ безъ труда дошелъ до Борисова и въ окрестностяхъ его соединился съ корпусами Виктора и Удино, которые привели ему приблизительно 30.000 свѣжихъ войскъ, около 300 орудій и 3.000 кавалеріи, въ довольно сносномъ состояніи. Замѣтьте, что мы могли бы подойти къ Борисову съ болѣе многочисленными и болѣе свѣжими силами, нежели непріятель, и съ запасами, самое позднее на седьмой день, т. е. 12 (24) числа.

Удино въ тотъ же день произвелъ демонстраціи противъ Борисова, желая показать, что французская армія намѣревалась тутъ овладѣть переправой и защищавшимъ ее тэтъ-де-пономъ.

Вы уже видѣли, генералъ, что адмиралъ Чичаговъ двинулся съ

[1]) Ср. Богдановичъ, III. 280 и 288.

частью своей арміи вправо, подлѣ деревни Шабашевичи, лежащей недалеко отъ Березины; онъ руководствовался при этомъ свѣдѣніями, сообщенными ему княземъ Кутузовымъ о намѣреніи Наполеона идти на Игуменъ. Онъ оставилъ въ Игуменѣ графа Ланжерона, самъ же, съ остальной, главной, частью своего войска, остался въ Борисовѣ, откуда генералъ Чаплицъ былъ отряженъ съ корпусомъ къ Брили, лежащей на правомъ берегу Березины, напротивъ Студянки,—мѣстечка на лѣвомъ берегу этой рѣки и гдѣ Наполеонъ сосредоточилъ свои силы. Между этими двумя пунктами находится на рѣкѣ бродъ; тутъ проходила нѣкогда столбовая дорога изъ Литвы въ Бѣлоруссію; этой дорогой шелъ Карлъ XII на Полтаву. Надобно думать, что мѣстные жители указали Наполеону этотъ пунктъ, такъ какъ онъ былъ избранъ имъ для переправы.

Послѣ демонстраціи, произведенной Удино передъ тэтъ-де-пономъ у Борисова, генералъ Чаплицъ оставилъ со своимъ войскомъ Брили и двинулся къ Борисову, гдѣ его присутствіе считали болѣе необходимымъ; для охраны зембинской переправы остался только генералъ Корниловъ съ 400 человѣкъ 28-го егерскаго полка, четырьмя орудіями и 130 казаками Мельникова. Командиръ этого отряда, получивъ отъ своихъ аванпостовъ извѣстіе, что непріятельскія войска сосредоточивались близъ деревни Студянки, послалъ немедленно о томъ донесеніе въ Борисовъ, откуда объ этомъ было немедленно же сообщено главнокомандующему.

Тѣмъ временемъ, непріятель, подъ прикрытіемъ сильныхъ батарей, поставленныхъ на высотахъ, господствовавшихъ надъ окрестной мѣстностью, сталъ наводить тутъ мосты. Генералъ Корниловъ навелъ на этотъ пунктъ четыре орудія, но они были вскорѣ подбиты. Несмотря на свою храбрость и усердіе своихъ войскъ, генералу не удалось помѣшать непріятелю навести мосты и переправить свои войска.

Маршалъ Удино первый переправился 14 (26) числа черезъ Березину со своимъ корпусомъ; и сталъ на позицію, чтобы защищать мосты въ случаѣ, если бы мы вздумали атаковать ихъ.

15 (27) продолжалась переправа французской арміи; смятеніе, безпорядокъ увеличивался съ ней съ минуты на минуту, въ особенности послѣ того, какъ самъ Наполеонъ переправился на другой берегъ. Тогда началась страшная свалка: пѣхота, артиллерія, кавалерія, обозы, женщины, дѣти, толпились въ безпорядкѣ, стараясь какъ можно скорѣй переправиться черезъ рѣку, въ особенности когда они заслышали позади себя орудійные выстрѣлы. Вскорѣ полилась кровь; люди обнажили сабли, чтобы проложить себѣ путь; на мостахъ было убито множество людей; другихъ сбрасывали съ

мостовъ въ воду; иные, желая перебраться по льду, который ломался надъ ними, были поглощены рѣкою.

Послѣ всѣхъ этихъ убійствъ и ужасовъ, совершенныхъ французами наравнѣ съ прочими во время переправы, которая обошлась имъ такъ дорого, Наполеонъ отдалъ приказаніе сломать мосты, что̀ и было исполнено рано утромъ 17(29) числа въ то время, какъ генералъ Партуно находился еще по ту сторону рѣки съ арьергардомъ корпуса Виктора, численностью въ 6.000 человѣкъ, который былъ вынужденъ сложить оружіе и сдаться. Та же участь постигла всѣ французскіе корпуса, къ которымъ наши войска благоразсудили подойти, и она постигла бы и всю остальную французскую армію, если бы наши войска не уклонялись все время отъ дѣйствія массой тамъ, гдѣ это было нужно.

Адмиралъ Чичаговъ, получивъ донесеніе о томъ, что непріятель переправлялся черезъ Березину по ту сторону Борисова, немедленно выступилъ и приказалъ присоединиться къ нему войскамъ, бывшимъ подъ командою графа Ланжерона, чтобы нагнать французскую армію со всѣми своими силами, что̀ онъ и выполнилъ 15(27) числа, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ перешелъ Березину. Онъ атаковалъ прежде всего лѣсъ, покрывавшій правый берегъ рѣки, влѣво отъ мостовъ; но непріятель занялъ его столь значительными силами, что его не удалось вытѣснить оттуда. Кромѣ того лѣсъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ рѣдокъ, что кавалерія могла проникнуть въ него и дѣйствовать свободно; этимъ воспользовались французскіе кирасиры, заставившіе отступить нашихъ казаковъ и одинъ батальонъ егерей, стоявшій тамъ отдѣльно отъ другихъ.

Эти атаки продолжались до ночи и имѣли результатомъ то, что лѣсъ остался во власти непріятеля, и маршалъ Удино сохранилъ свою позицію. Собственно говоря, адмиралъ Чичаговъ со своими 25.000 чел. конечно не могъ разсѣять французской арміи, численностью въ 80.000 человѣкъ.

16 (28), рано утромъ, Наполеонъ началъ отступать по Виленской дорогѣ.

Мы забыли сломать мостъ на рѣчкѣ Гайнѣ (впадающей въ Березину), иначе ему пришлось бы сдѣлать большой обходъ, чтобы выйти на Виленскую дорогу. Перейдя черезъ этотъ мостъ, Наполеонъ приказалъ сжечь его.

Генералъ Платовъ съ частью нашихъ казаковъ подошелъ 14 (26) къ Березинѣ; онъ перешелъ эту рѣку влѣво отъ Борисова и присоединился къ арміи адмирала, который сталъ преслѣдовать непріятеля. Тогда французскую армію вновь охватилъ ужасъ. Выше я говорилъ, что въ корпусахъ Виктора и Удино еще поддерживался

порядокъ и дисциплина; но, начиная съ 16(28) числа, когда Наполеонъ началъ отступать по ту сторону Березины, дисциплина исчезла и въ этихъ корпусахъ; солдаты видѣли примѣръ другихъ корпусовъ, терпѣли съ ними одинакую нужду и видѣли, что ихъ всюду преслѣдовали наши казаки. Большая часть этой 90.000 арміи шла вразсыпную, за исключеніемъ гвардіи, которая сохраняла порядокъ и шла стройными рядами. Большая часть солдатъ прочихъ корпусовъ побросали свои ружья, одни не имѣя болѣе силъ тащить ихъ, другіе для того, чтобы скорѣе бѣжать, ибо они уже болѣе не имѣли желанія защищаться. Лишь незначительная часть многочисленной артиллеріи, вступившей въ предѣлы Россіи, перешла обратно границу. Повсюду, гдѣ только прошла французская армія во время своего отступленія, дорога была усѣяна трупами и умирающими; это были больные и раненые, вывезенные, какъ я уже говорилъ, изъ госпиталей Москвы и другихъ городовъ; они усѣяли дорогу и погибали отъ усталости, голода и холода, которые съ 8 (20) ноября стали нестерпимы. На дорогѣ валялись также пушки, зарядные ящики, разнаго рода орудія, повозки и т. д., которые бросались на всѣхъ переходахъ вслѣдствіе недостатка лошадей, которыя подобно людямъ гибли за неимѣніемъ пищи. При переходѣ черезъ Березину у непріятеля былъ еще арьергардъ, состоявшій изъ корпуса Виктора; но онъ терялъ ежедневно столько людей, что въ Ошмянахъ, въ семи миляхъ отъ Вильны, онъ былъ разсѣянъ до послѣдняго человѣка. Мы уже не могли болѣе приводить въ извѣстность число плѣнныхъ, которыхъ мы брали ежедневно; мы больше не останавливались, чтобы подбирать людей, которые еле волочили ноги и большая часть которыхъ умерла на большой дорогѣ.

Одинъ только виленскій губернаторъ предалъ землѣ 25.000 труповъ солдатъ, умершихъ на улицахъ этого города и въ его окрестностяхъ; эта цифра удостовѣрена вполнѣ точно.

При переправѣ черезъ Березину, когда Наполеонъ, очутившись на противоположномъ берегу рѣки, двинулся на отрядъ генерала Корнилова, онъ сказалъ, какъ говорятъ, окружающимъ: „теперь мы увидимъ Парижъ“. Эти слова показываютъ, что онъ смотрѣлъ на вещи правильно; т. е. онъ понималъ, что онъ не долженъ былъ выйти изъ предѣловъ Россіи, если бы каждый изъ насъ исполнилъ свой долгъ. Что было бы съ нимъ, если бы, подойдя къ Березинѣ, онъ нашелъ тутъ адмирала Чичагова, соединившагося съ корпусами Витгенштейна и Эртеля, чтобы помѣшать его переправѣ, и если бы 1-ая русская армія подошла къ рѣкѣ одновременно съ нимъ, ослабивъ при преслѣдованіи его силы до того, что у него осталось бы лишь незначительное число солдатъ? Какую пользу принесли бы

ему въ такомъ случаѣ корпуса Виктора и Удино, которые онъ нашелъ бы тамъ? Всѣ наши силы были бы сосредоточены въ этомъ же пунктѣ и онъ былъ бы окруженъ одновременно 60 казацкими полками; это вполнѣ согласовалось бы со смысломъ инструкцій, данныхъ императоромъ своимъ генераламъ. Какъ бы ему удалось тогда ускользнуть?

Вамъ извѣстно, конечно, что когда у насъ узнали о переправѣ Наполеона и его арміи черезъ Березину, то всѣ осуждали адмирала Чичагова и обвиняли его, говоря, что онъ виноватъ, если Наполеонъ не попался въ наши руки. Всѣ тѣ, которымъ было выгодно, чтобы этому повѣрили, старательно утверждали это и поддерживали этотъ взглядъ. Но если бы всѣ лица, руководившія военными дѣйствіями, были преданы военному суду, то я желалъ бы знать, сказали ли бы вы, какъ человѣкъ военный, которому извѣстны изъ моей переписки подробности всѣхъ военныхъ дѣйствій, маршей, инструкцій и приказаній, отданныхъ императоромъ, что самые безпристрастные судьи вынуждены будутъ признать, что адмиралъ Чичаговъ менѣе виновенъ, нежели всѣ прочія начальствующія лица арміи, такъ какъ онъ одинъ въ точности исполнилъ всѣ данныя ему предписанія и приказы, что онъ одинъ былъ на своемъ мѣстѣ, т. е. на Березинѣ, преграждая путь французской арміи, готовый принять ее и препятствовать ея переправѣ черезъ эту рѣку. Взгляните на карту, гдѣ находились всѣ прочіе, въ особенности 1-я армія, въ которой числились наши главныя силы.

Чтобы остановить Наполеона, адмиралъ Чичаговъ долженъ былъ сосредоточить свои силы въ томъ именно пунктѣ, который былъ избранъ имъ для переправы черезъ рѣку. Если бы онъ угадалъ намѣреніе Наполеона и подошелъ со всѣми своими силами къ тому пункту, гдѣ онъ переправился черезъ рѣку, то Наполеонъ конечно измѣнилъ бы свой планъ и поискалъ бы другой пунктъ по ту сторону Борисова, чтобы перейти рѣку, что было бы ему нетрудно.

Къ тому же, могъ ли онъ, имѣя всего 25.000 человѣкъ, тогда какъ у непріятеля было свыше 80.000 чел., и будучи вынужденъ оставить корпусъ у тэтъ-де-пона въ Борисовѣ, занять всю линію, на которой непріятель долженъ былъ выбрать мѣсто для наводки мостовъ на рѣкѣ, которая не особенно широка, вслѣдствіе чего для этой работы понадобилось бы всего нѣсколько часовъ, поэтому я вполнѣ увѣренъ, что обвиненіе, взводимое на адмирала Чичагова, скоро будетъ опровергнуто, и что всѣ скоро узнаютъ истинную причину, по которой Наполеону удалось перейти обратно нашу границу. Замѣчательно также, что ни одинъ маршалъ и никто изъ старшихъ офицеровъ, бывшихъ не только въ свитѣ Наполеона,

но и при главной арміи, не былъ взятъ въ плѣнъ; это самое убѣдительное доказательство того, что французская армія за все время своего отступленія ни разу не была преслѣдуема достаточно значительными силами, хотя у насъ въ нихъ не было недостатка. У насъ было въ частности 60 казацкихъ полковъ, распредѣленныхъ по разнымъ арміямъ и корпусамъ, которые находились всѣ на Березинѣ, хотя они и были разсѣяны вдоль ея берега.

Переправившись черезъ рѣку у Сморгони, Наполеонъ поѣхалъ впередъ. Прибывъ въ Вильно 24 ноября (6 декабря), онъ не поѣхалъ черезъ городъ, а остановился на минутку въ предмѣстьи, куда онъ вызвалъ герцога Бассана, чтобы переговорить съ нимъ; оттуда онъ продолжалъ путь на Ковно. Его эскортировалъ до тѣхъ поръ эскадронъ польской кавалеріи; но поляки не поѣхали дальше, такъ какъ ихъ послѣдніе эскадроны были уничтожены въ окрестностяхъ Вильно, гдѣ французская армія потеряла также свои послѣдніе обозы и оставшуюся часть добычи, забранной въ Москвѣ и другихъ городахъ, которая еще не была отнята нашими казаками. Тутъ же была взята довольно значительная военная касса и множество другихъ вещей.

28 ноября (10 декабря) изъ Вильно выступили послѣднія непріятельскія войска, за которыми слѣдовали казаки; и туда вступили войска адмирала Чичагова. Нѣсколько дней спустя прибылъ и князь Кутузовъ; съ этого момента мы болѣе не думали о преслѣдованіи непріятеля и поселились въ Вильно, какъ будто война была окончена; это также спасло немало французскихъ солдатъ и, быть можетъ, спасло и всю остальную армію отъ окончательнаго разгрома, такъ какъ, замѣтивъ, что за ними слѣдовали лишь нѣсколько казаковъ, французы вскорѣ приняли мѣры къ тому, чтобы отразить всѣ ихъ атаки.

Къ счастью, 10 (22) декабря Императоръ прибылъ въ Вильно, и все скоро пришло снова въ движеніе, но объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Критика военныхъ дѣйствій.

Прежде чѣмъ окончить описаніе этой кампаніи, я сдѣлаю еще нѣсколько общихъ замѣчаній относительно ошибокъ, которыя были сдѣланы при движеніи обѣихъ армій.

Начальствующія лица какъ будто задались цѣлью превзойти другъ друга, дѣлая ошибку за ошибкой, и съ начала и до конца кампаніи все ихъ честолюбіе какъ будто состояло въ томъ, что они старались перещеголять другъ друга.

Начать съ Наполеона, можно сказать, что этотъ великій полководецъ, избалованный судьбою и еще болѣе ошибками своихъ противниковъ, не столько придерживался въ войнѣ съ Россіей опредѣленнаго операціоннаго плана, чѣмъ полагался на свою счастливую звѣзду, которая не разъ выручала его и теперь ослѣпила его взоры своимъ блескомъ и заслонила отъ его глазъ всѣ опасности, коимъ онъ постоянно подвергался. Хотя въ предыдущія войны ему достаточно было выиграть одно или два сраженія, чтобы послѣ этого наводнить страну своимъ войскомъ и завладѣть столицами, нагнавъ на непріятеля такой страхъ, что повергнутый въ ужасъ этимъ пораженіемъ онъ соглашался на самыя тяжкія и подъ-часъ унизительныя условія мира, однако это не должно бы было соблазнить его настолько, чтобы онъ могъ подумать, что добьется съ такою же легкостью подобнаго же успѣха въ обширной Россійской Имперіи.

Одинъ взглядъ, брошенный на карту, могъ бы напугать его и убѣдить въ невозможности пройти съ войскомъ эту страну такъ легко, какъ какое-либо иное европейское княжество; простое разсужденіе показало бы ему, какъ трудно исчислить тѣ средства, коими располагала Россія, и тѣ войска, которыя могли быть вновь сформированы въ ней хотя бы послѣ одного или двухъ лѣтъ самой счастливой для непріятеля войны и могли бы прогнать его со своей территоріи, между тѣмъ какъ страны, лежащія между Россіей и Франціей, изъ коихъ каждая со своей стороны имѣетъ достаточно причины питать къ нему злобу, не могли бы гарантировать ему безопасность, а тѣмъ менѣе подать ему помощь, въ случаѣ неудачи. Все это должно было убѣдить его въ томъ, что ему слѣдовало дѣйствовать крайне осторожно и что онъ долженъ былъ употребить свои грозныя силы противъ Россіи съ цѣлью отторгнуть отъ нея нѣсколько провинцій, лишь тщательно взвѣсивъ каждый шагъ, который онъ дѣлалъ въ глубь этой страны.

Но это не все; ему слѣдовало беречь свои силы, которыя ему не такъ нужно было употребить въ самомъ началѣ, какъ впослѣдствіи, по мѣрѣ того какъ онъ шелъ дальше. Я не говорю о необходимости щадить людей въ сраженіяхъ, но здѣсь идетъ рѣчь о системѣ продовольствія, которая должна бы была быть лучше организована, но которая была въ большомъ небреженіи. При подобныхъ условіяхъ, только одинъ Богъ былъ бы въ состояніи удержать такую массу войска въ порядкѣ и дисциплинѣ. Наполеонъ погрѣшилъ противъ всѣхъ правилъ, и потому оказалось, что въ самомъ началѣ кампаніи насчитывали уже до 60.000 отсталыхъ, которые брели за войсками, ища себѣ пропитанія и

опустошая мѣстность, чрезъ которую они проходили, тогда какъ оставшіеся въ рядахъ войска терпѣли лишенія и обезсиливали. Госпиталя представляли яркую и ужасающую картину участи, постигшей французскаго солдата. Огромное количество больныхъ не давало возможности правильнаго ухода за ними, а оказываемая имъ ничтожная помощь была слишкомъ недостаточна для спасенія ихъ жизни. Едва одинъ больной изъ 50 оставался живъ.

Дѣйствуя столь неосмотрительно и не принимая мѣръ предосторожности, могъ ли Наполеонъ разсчитывать продержаться въ Россіи, а тѣмъ болѣе заставить Императора Александра согласиться заключить миръ, условія котораго онъ хотѣлъ продиктовать ему самъ?

Итакъ, несомнѣнно, что французская армія погибла скорѣе вслѣдствіе нецѣлесообразнаго обряда дѣйствій Наполеона, нежели отъ русскаго оружія. Изъ этого не слѣдуетъ, что слово Россія не является символомъ побѣды. Многія славныя дѣла упрочили уже военную славу Россіи, но при неумѣломъ руководителѣ лучшія войска могутъ оказаться безсильны, и лѣтопись этой кампаніи, свидѣтельствуя о доблести народа и личной храбрости его солдатъ, доказываетъ, что только его вожди дѣлали ошибки и что, если бы не ихъ невѣжество и эти ошибки, то вся французская армія должна была бы погибнуть на равнинахъ Россіи, которыя она разгромила и наполнила всѣми ужасами войны.

Тотъ (я хочу сказать, тотъ военный), который беретъ на себя дѣло столь огромной важности, какъ то, которое предстояло въ Россіи въ 1812 году, когда ей угрожала опасность потерять самыя большія и самыя лучшія свои провинціи и все свое вліяніе въ политической системѣ Европы, долженъ прежде всего твердо помнить правило, заключающееся въ томъ, что надобно прежде всего обезпечить главныя силы арміи и не лишить ихъ естественныхъ способовъ обороны, выполняя какой-то химерическій планъ, не лишать ихъ возможности легко получить подкрѣпленіе хотя бы, сообразно съ обстоятельствами, въ началѣ войны и пришлось отдѣлить нѣсколько корпусовъ для прикрытія тѣхъ провинцій, которымъ угрожала бы наибольшая опасность.

Слѣдовательно, прежде всего необходимо соблюдать единство силъ, не разрознивать арміи, лишая ихъ возможности поддержать другъ друга или сосредоточить свои силы, чтобы противостоять въ благопріятный моментъ непріятелю и задержать его дальнѣйшее движеніе въ глубь страны. Вмѣсто этого, первое направленіе, принятое нашей арміей, парализовало наши силы, которыя были однако весьма значительны, но онѣ съ каждымъ днемъ разсѣивались все болѣе и болѣе такъ, что наконецъ мы уже не имѣли возможности осуще-

ствить предположенный планъ диверсіи, такъ какъ каждая армія въ отдѣльности не могла выполнить предположенныхъ дѣйствій, а могла только отступать ири приближеніи непріятеля.

Если бы Наполеонъ не сдѣлалъ тѣхъ ошибокъ, о которыхъ я сейчасъ скажу, то намъ никогда не удалось бы сосредоточить нашихъ двухъ первыхъ армій и каждая изъ нихъ была бы вынуждена отступать передъ непріятелемъ, превосходившимъ его силами вдвое, при чемъ мы не были бы въ состояніи опредѣлить ни направленія, въ какомъ имъ пришлось бы отступать, ни конца этого отступленія. Значительное превосходство непріятельскихъ силъ должно было, разумѣется, побудить насъ очистить большую часть сосѣднихъ губерній; но нашей 1-ой арміи для этого не было надобности, отойдя съ главными силами, оставить безъ поддержки остальныя арміи, которыя были слишкомъ слабы, чтобы сопротивляться войскамъ, предназначеннымъ Наполеономъ для дѣйствій противъ каждой изъ нихъ, вслѣдствіе чего было обнажено самое сердце страны, начиная съ тѣхъ губерній, которыя намъ было особенно важно прикрыть и охранить отъ вторженія непріятеля.

Если мы захотимъ выяснить, какую цѣль имѣли ошибочныя дѣйствія, сдѣланныя нами въ началѣ войны, то мы увидимъ, что они были выполнены только для того, чтобы мы заняли плохую позицію, которую изображали вначалѣ какъ неприступную крѣпость и которая должна была послужить ловушкой, въ которой мы разсчитывали раздавить Наполеона со всѣми его силами.

Изъ моего устнаго донесенія государю вы уже знаете, въ чемъ именно состояла невыгода этой позиціи; въ дополненіе къ этому посовѣтую лишь прочесть бюллетень непріятельской арміи, въ которомъ излагается планъ нашихъ дѣйствій и высказывается о немъ сужденіе, показывающее, какъ смѣшонъ казался Наполеону этотъ планъ, который совершенно справедливо заслуживалъ этого насмѣшливаго отзыва.

Если изложенныя мною ошибки привели къ послѣдствіямъ, которыя могли оказаться для насъ роковыми, то съ другой стороны и ошибки, сдѣланныя Наполеономъ, были не менѣе серьезны и также заслуживаютъ упоминанія, такъ какъ благодаря имъ уцѣлѣла наша армія, которой онъ не только далъ время убѣдиться въ ея критическомъ положеніи, но и исправить его. Онъ перешелъ съ войсками Нѣманъ и прошелъ отъ границы до Вильны съ достаточной поспѣшностью; но, не найдя насъ болѣе тамъ, вмѣсто того чтобы воспользоваться нашей ошибкой и слѣдовать за нами по пятамъ, онъ остановился въ Вильно съ главными силами своей арміи и простоялъ тамъ около шестнадцати дней, чтобы выслушать привѣтствіе той

*

части дворянства, которая оставалась въ этихъ губерніяхъ, членовъ академіи, магистрата и еврейскаго кагала; всѣ остальныя присутственныя мѣста покинули городъ. Онъ образовалъ комиссію для реорганизаціи управленія и для производства рекрутскаго набора и потерялъ такимъ образомъ время, которое ему слѣдовало употребить на то, чтобы рѣшительнымъ образомъ помѣшать намъ выполнить движеніе на Полоцкъ, которое одно могло поправить наши дѣла; тогда какъ эта потеря времени съ его стороны только и дала намъ возможность выполнить это движеніе, ибо, слѣдуя за нами по пятамъ съ большею частью своихъ силъ, онъ легко могъ бы появиться на нашемъ лѣвомъ крылѣ близъ Десны и выставить грозную массу конницы на Двинѣ и навести достаточное число мостовъ для коммуникаціи; эта конница могла парализовать всѣ наши движенія и окончательно лишить насъ возможности соединиться подлѣ Смоленска съ арміей князя Багратіона. Эта послѣдняя была слишкомъ изолирована и слишкомъ слаба, чтобы помѣриться силами съ главной арміей Наполеона; ей приходилось кромѣ того оказывать сопротивленіе арміи, предводительствуемой Даву, которая и безъ того доставляла ей не мало заботъ и должна была вскорѣ усилиться 5-мъ корпусомъ, коимъ командовалъ король Вестфальскій, посланный для соединенія съ нею; вслѣдствіе чего ея силы дошли бы до 100.000. Тогда намъ оставалась бы только смутная надежда на то, что наши арміи соединятся гдѣ-либо вдали отъ центра Россіи, гдѣ онѣ могли подвергнуться всѣмъ злополучнымъ случайностямъ, какія можетъ повлечь за собою плохо веденная война.

Разбивъ наши силы на двѣ части и располагая все время болѣе превосходными силами по сравненію съ каждой изъ этихъ частей, взятыхъ въ отдѣльности, Наполеонъ могъ бы руководить военными дѣйствіями по своему усмотрѣнію; держась все время на лѣвомъ флангѣ нашей главной арміи, онъ могъ бы заставить насъ идти къ Петербургу, а по пути могъ бы стянуть къ себѣ корпуса Удино и Макдональда, которые дѣйствовали по отдѣльности весьма мало успѣшно. Изъ того, что въ корпусѣ этого послѣдняго находилась осадная артиллерія, видно, что Наполеонъ предназначалъ его для осады Риги. Графъ Витгенштейнъ, не имѣя болѣе возможности сопротивляться силамъ этихъ двухъ маршаловъ, дѣйствовавшихъ совмѣстно и поддержанныхъ силами Наполеона, долженъ былъ бы, разумѣется, оставить свой постъ и отступить къ главной арміи. Движеніе, совершенное съ цѣлью соединить силы обоихъ маршаловъ, было, во всякомъ случаѣ, полезно Наполеону, такъ какъ ихъ силы были достаточно велики, чтобы заставить графа Витгенштейна отойти отъ Двины и сдѣлать излишними всѣ подкрѣпленія, благо-

даря которымъ онъ былъ въ состояніи дѣйствовать успѣшно противъ Удино, который въ августѣ мѣсяцѣ былъ значительно слабѣе его численностью.

Если бы, принявъ эти мѣры, Наполеонъ послалъ еще Виктора, бывшаго въ Варшавѣ, для подкрѣпленія арміи князя Шварценберга, численность которой была бы доведена въ такомъ случаѣ до 70.000 ч., то послѣдняя могла бы заставить генерала Тормасова вывести свои войска изъ Вильны; Наполеону слѣдовало обратить вниманіе прежде всего на эту губернію, гдѣ онъ могъ получить съѣстные припасы и помощь людьми, тѣмъ болѣе, что большая часть жителей была настроена въ его пользу. Генералу Тормасову не оставалось бы ничего, какъ только отступить къ Кіеву, куда Шварценбергъ могъ послѣдовать за нимъ и помѣшать его соединенію съ Молдавской арміей, коей командовалъ адмиралъ Чичаговъ.

Между тѣмъ несогласованность дѣйствій Наполеона и недостаточная энергія, съ какой онъ дѣйствовалъ, дала намъ возможность приблизиться къ нему и занять Дрисскій лагерь, и мы успѣли не только убѣдиться въ ошибочности операціоннаго плана, котораго мы держались съ самаго начала кампаніи, но успѣли даже улучшить нашу опасную позицію, поспѣшно двинувшись къ Полоцку по направленію къ Смоленску, въ каковомъ намъ слѣдовало идти съ самаго начала,

Узнавъ, что мы оставили нашу позицію при Дриссѣ, Наполеонъ выступилъ изъ Вильны съ главными силами своей арміи, чтобы слѣдовать за нами. Онъ пошелъ на Полоцкъ, но прибылъ туда, когда мы уже прошли его, слѣдовательно, слишкомъ поздно.

Мюратъ перешелъ одновременно Двину у г. Дисны съ намѣреніемъ тревожить нашъ аррьергардъ, но этотъ планъ такъ же точно не удался ему, такъ какъ аррьергардъ былъ уже въ безопасномъ мѣстѣ. Остальные марши Наполеона и его операціи уже извѣстны вамъ изъ моихъ предыдущихъ разсказовъ, также какъ и ошибки, сдѣланныя съ нашей стороны; скажу лишь нѣсколько словъ объ ошибочномъ разсчетѣ Наполеона по прибытіи въ Москву.

Я не буду критиковать его намѣренія овладѣть послѣ Бородинскаго сраженія столицею нашей имперіи; но когда онъ увидѣлъ, что этотъ огромный городъ былъ покинутъ почти всѣми жителями, что въ немъ было весьма мало съѣстныхъ припасовъ для его арміи, когда онъ убѣдился въ томъ, что его солдатамъ ничего не оставалось, какъ только предаться грабежу, почему же онъ остался тамъ шесть недѣль и выждалъ наступленіе дурного, суроваго времени года, когда онъ не могъ ни откуда разсчитывать на помощь? У него

не было ни запасныхъ магазиновъ, ни провіанта. Напротивъ того, если бы, причинивъ Москвѣ всевозможный вредъ, онъ остался тамъ не болѣе двухъ недѣль и пошелъ бы обратно въ надлежащемъ направленіи, то онъ могъ бы защитить подступъ къ Днѣпру, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, что фельдмаршалъ Кутузовъ вовсе не былъ расположенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. А въ случаѣ, если бы онъ не могъ удержаться на Днѣпрѣ, онъ могъ бы преспокойно дойти обратно до Литвы, сосредоточить свои силы и попытаться удержаться тамъ или въ противномъ случаѣ перейти на противоположный берегъ Нѣмана. По всей вѣроятности, онъ могъ бы съ успѣхомъ отстоять эту рѣку, выждать на ея берегахъ подкрѣпленій, чтобы начать вторичную кампанію; онъ могъ бы конечно осуществить это безъ тѣхъ огромныхъ потерь, которыя онъ понесъ, выждавъ въ Москвѣ наступленіе осени. Онъ вполнѣ успѣлъ бы получить изъ Франціи сильныя подкрѣпленія и поддержать, такимъ образомъ, Пруссію въ ея первоначальномъ намѣреніи, которое было столь благопріятно его интересамъ.

Видя, что мы пошли въ обходъ Москвы, съ цѣлью приблизиться къ его коммуникаціонной линіи близъ Смоленской дороги, ему слѣдовало, не теряя времени, принять вышеуказанныя мѣры. Но, сдѣлавъ ошибку, оставшись шесть недѣль въ Москвѣ и увидавъ, послѣ бѣдствія, постигшаго 6 (18) октября короля Неаполитанскаго, что мы не воспользовались, насколько могли, этой славной побѣдой, зная отъ своихъ парламентеровъ, что мы продолжали спокойно стоять на позиціи близъ Тарутино, онъ не могъ да и не долженъ былъ идти далѣе въ направленіи къ Смоленску, такъ какъ, избравъ этотъ путь, онъ этимъ ускорилъ свою гибель. Ему слѣдовало, напротивъ того, привлечь короля Неаполитанскаго съ остатками его армейскаго корпуса и идти со всѣми своими силами на Рузу, чтобы обезпечить себѣ отступленіе по новой дорогѣ прямо на Сычевку, Бялу, Городокъ и Полоцкъ; перейти въ этомъ пунктѣ Двину, стянуть Удино, Макдональда и Виктора (тогда генералъ Іоркъ не имѣлъ бы мужества дѣйствовать во вредъ его интересамъ) и идя чрезъ Самогитію, приблизительно по направленію къ Свѣнцянамъ, оставить Вильно влѣво и подойти къ Ковно, лежащее на Нѣманѣ. Ему слѣдовало позаботиться одновременно о томъ, чтобы въ Пруссіи и въ прилегающихъ къ Нѣману губерніяхъ герцогства Варшавскаго было заготовлено все необходимое для содержанія его арміи, дабы, придя туда, быть въ состояніи располагать всѣми средствами, какія могла еще доставить ему Пруссія. Этимъ онъ внушилъ бы страхъ королю, и тотъ не могъ бы отказать ему предоставить въ его распоряженіе остальную часть своихъ войскъ, тогда какъ Шварценбергъ отсту-

пилъ бы къ Бресту, чтобы не допускать наши войска въ герцогство Варшавское.

Если бы Наполеонъ не рѣшилъ оставить Москву, пробывъ въ ней всего двѣ недѣли, то хотя онъ и былъ бы вынужденъ покинуть Россію, онъ не потерялъ бы при этомъ столько войска, а потеря Москвы была бы для насъ гораздо чувствительнѣе, такъ какъ она не была бы компенсирована вредомъ, причиненнымъ непріятелю. Выбравъ для своего отступленія разоренную и покинутую жителями мѣстность, ту самую, по которой онъ прошелъ, онъ лишилъ себя этимъ всѣхъ средствъ и всякой помощи, такъ что, если бы нашъ генералъ проявилъ болѣе энергіи и дѣятельности, то не только остаткамъ арміи Наполеона не удалось бы спастись, но онъ самъ, король Неаполитанскій, вице-король итальянскій и всѣ его старшіе генералы неминуемо оказались бы въ нашей власти. Мы дошли бы тогда до границы съ сильной и хорошо сохранившейся арміей, а не съ такой разстроенной арміей, какою она была вслѣдствіе плохихъ диспозицій нашего генерала (судя по коимъ, можно было скорѣе думать, что пораженіе потерпѣли мы, а не французы), и Россія пріобрѣла бы дѣйствительно преобладающее положеніе и могла бы располагать своимъ вліяніемъ, чтобы предписать условія мира, которыя остальная Европа была бы не въ состояніи оспаривать.

Такое блестящее положеніе, такъ хорошо упрочившаяся власть и такой величавый выходъ изъ лабиринта бѣдствій, въ которыя мы были вовлечены, безъ сомнѣнія могъ бы утѣшить насъ по поводу потери столицы и огромныхъ жертвъ, понесенныхъ народомъ. Громкая слава, которую стяжало бы государство, залѣчила бы кровавыя раны частныхъ лицъ. Тогда какъ преслѣдованіе непріятеля и изгнаніе его изъ нашихъ границъ (далѣе этого честолюбіе фельдмаршала Кутузова не шло и онъ считалъ этимъ свою славу упрочившейся, не думая о томъ, какъ много крови будетъ нами пролито впослѣдствіи изъ-за Наполеона) не заставятъ еще насъ забыть огромныхъ потерь, понесенныхъ частными лицами, оскорбленій, нанесенныхъ достоинству имперіи, и тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на умы народа и арміи. Ибо, хотя и былъ пущенъ слухъ, что сдача столицы входила въ общій планъ дѣйствій и была рѣшена съ цѣлью завлечь непріятеля въ нашу западню, и слухъ этотъ поддерживается до сихъ поръ нѣкоторыми крамольниками или невѣждами, но онъ совершенно ложенъ. Это можетъ быть доказано неопровержимо тѣмъ обстоятельствомъ, что въ самый моментъ сдачи Москвы наши генералы собрались въ окрестностяхъ города на военный совѣтъ, чтобы рѣшить вопросъ, по какой дорогѣ нашей арміи слѣдовало отступать. Обнаружившееся при этомъ разногласіе во

мнѣніяхъ,—(одни отстаивали Владимірскую дорогу, другіе Рязанскую)—свидѣтельствуетъ о томъ, что эта мѣра была вызвана необходимостью и принята въ тотъ именно моментъ, а отнюдь не была слѣдствіемъ заранѣе обдуманнаго плана военныхъ дѣйствій.

Московскій генералъ-губернаторъ графъ Растопчинъ узналъ о рѣшеніи совѣта оставить столицу всего за нѣсколько часовъ до прихода нашихъ войскъ, и хотя нѣсколькимъ частнымъ лицамъ было дозволено оставить городъ и тѣмъ спасти свою жизнь и имущество, но это было сдѣлано лишь съ цѣлью не посягать на волю отдѣльныхъ лицъ и предоставить имъ право принять мѣры, которыя считались необходимыми во всякомъ случаѣ.

Сообщ. В. Тимощукъ.

М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877 — 78 г.г. [1]).

(Изъ воспоминаній).

Какъ ни спокойно отнесся Мих. Ив. къ этой выходкѣ мелкой нѣмецкой газетки,—однако въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ дней,—нѣтъ, нѣтъ, да возвратится къ разговору объ ней. И вотъ что по этому поводу вылилось у него въ разное время.

„Самъ я", говорилъ онъ, „всегда, еще съ молодыхъ лѣтъ былъ отмѣннымъ сторонникомъ печати, очень люблю „блудить перомъ" и, какъ большой поклонникъ литературной среды,—писателей, корреспондентовъ, рецензентовъ,—словомъ людей пера,—всегда охотно водилъ съ ними знакомство, что̀ дало мнѣ возможность изучить среду; съ теченіемъ времени я убѣдился, что въ этомъ дѣлѣ надо быть очень осторожнымъ; нерѣдко видѣлъ я, какъ легко можно натолкнуться на всячину: подъ маской литератора,—настоящаго труженника пера, порядочнаго человѣка, того и гляди подвернется шушера, которая, ввязавшись въ благородное, литературное, писательское дѣло, норовитъ черезъ него ловить рыбу въ мутной водѣ.

„Приходится сожалѣть, когда видишь, насколько мразь вмѣшалась въ ряды дѣятелей печати; она стремится обдѣлывать свои дѣлишки, сводитъ счеты съ врагами, изливая на нихъ въ злобѣ свою месть, вводя вообще въ это дѣло столько грязи, что не оберешься. Отчего же не заняться писательствомъ, думаетъ иной изъ нихъ; тутъ, смотришь, двойная польза—и врага можно во всякое время окатить помоями и построчныя получить,—а бумага все стерпитъ. Описываетъ ли такой господинъ событія или обозрѣваетъ литературный

[1]) См. „Русская Старина" ноябрь 1909 г.

трудъ своего же собрата, онъ не смотритъ на дѣло съ точки зрѣнія общественной пользы или литературнаго достоинства, а выискиваетъ во всемъ мелочи личнаго характера, искажаетъ факты; искалѣчитъ смыслъ чужой фразы, для чего выбросить изъ произведенія слово или вставить свое, все это ему нипочемъ, также какъ сдѣлать подтасовку на шулерскій манеръ. И нѣтъ за этими мелкотравчатыми писаками никакого надзора, привольно работаютъ они, посрамляя почетное званіе и почетную профессію „литератора“.

„Во время нашего Кишиневскаго сидѣнія то и дѣло появлялись у насъ мелкіе корреспонденты—говорилъ Мих. Ив. Я уже задолго передъ тѣмъ составилъ себѣ о нихъ понятіе и не смотрѣлъ на нихъ сквозь розовыя очки; великій князь, какъ оказалось, тоже не былъ расположенъ встрѣчать ихъ съ распростертыми объятіями: онъ всегда относился къ нимъ болѣе чѣмъ сдержанно, съ самаго начала не упускалъ случая быть съ ними настороже, и не менѣе того впослѣдствіи проявлялъ по отношенію къ нимъ большую осторожность. Но я, помимо этого, нерѣдко думалъ,—отчего тѣмъ изъ нихъ, которые на первый взглядъ, при первыхъ бесѣдахъ, кажутся болѣе солидными и симпатичными, внушающими довѣріе, не дать возможности подѣлиться съ жаждущей свѣдѣній публикой тѣмъ, что они увидятъ; почему, казалось, не помочь имъ правильно освѣтить видѣнное и тѣмъ самымъ сдѣлать сообщеніе болѣе интереснымъ. На досугѣ я, бывало, пересиливая себя, бралъ подъ свое покровительство нѣкоторыхъ изъ приходившихъ ко мнѣ познакомиться (представиться); въ простой бесѣдѣ кое-что,—конечно, въ строгихъ предѣлахъ возможнаго,—разскажешь ему, внушишь не разводить лишняго въ корреспонденціяхъ, помнить, что вражье ухо чутко прислушивается ко всему и что, увлекаясь, можно оказать медвѣжью услугу общему дѣлу; что не надо держаться ни излишней, всегда выходящей льстивою, похвалы, ни напрасной хулы; словомъ, помню я время, когда, между своимъ дѣломъ, занимался нѣкоторыми изъ этихъ „вѣстниковъ правды“, навязывая имъ прописи; казалось, болѣе надежнымъ для дѣла направить ихъ;—каждый изъ нихъ все равно напишетъ, такъ ужь лучше пусть напишетъ правду и пусть для этого имѣетъ возможность знать ее.

„Но нѣтъ; изъ наводнявшихъ Кишиневъ корреспондентовъ бывало рѣдко кто напишетъ дѣльное, скромное, правдивое слово,—ужь за то такихъ мы и цѣнили; большинство же ихъ, какъ слѣдовало ожидать, оказывались пустомелями, безсмысленными писаками, печатниками, газетниками, заботившимися, въ лучшемъ случаѣ, только о многострочіи ради увеличенія гонорара за свою болтовню; иной пренизменно и недостойно льстилъ, а иной пре-

нагло и безсмысленно бранился во всю, изображая либерала; редакціи въ то время стремились наполнять столцбы свѣжими новостями изъ дѣйствующей арміи, а потому въ большинствѣ, набрасывались на все; имъ врядъ ли можно было поставить въ очень большую вину нѣкоторый недостатокъ разборчивости въ пріемѣ матеріала,—онѣ были поставлены въ физическую невозможность строго разбираться; никогда, кажется, въ публикѣ не было такой жажды полученія новостей, какъ въ ту годину надвигавшейся популярнѣйшей изъ войнъ. Въ добавокъ, что сегодня утромъ было ново, то уже къ вечеру становилось устарѣвшимъ".

* * *

По словамъ Мих. Ив. ему нерѣдко случалось говорить обо всемъ этомъ съ главнокомандующимъ:

„Вижу, вижу, Мих. Ив., что ты охладѣлъ къ этимъ господамъ", сказалъ ему однажды великій князь, „сначала ты какъ будто явился ихъ заступникомъ, а не стоили они твоего вниманія; вчера я очень было разсердился, когда донесли мнѣ, какую наглую выходку позволилъ себѣ одинъ изъ нихъ"; затѣмъ великій князь разсказалъ, что одна довольно серьезная англійская газета перепечатала изъ какого-то „Лембергскаго листка" извѣстіе о томъ, будто бы въ Кишиневѣ пятьсотъ офицеровъ, явившись къ его высочеству, грубо требовали, чтобы онъ велъ войска на врага, а если не поведетъ, то пусть распуститъ на зимнія квартиры; великій князь, по словамъ листка, объявилъ имъ, что всѣхъ бунтовщиковъ подвергнетъ смертной казни и дѣйствительно, будто бы, въ концѣ концовъ, разстрѣлялъ нѣсколькихъ человѣкъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

Не только ничего подобнаго не произошло, не и не было никакого случая, который могъ бы дать поводъ къ сочиненію такой наглой лжи. Случилась эта исторія съ газетой въ началѣ января, когда великій князь только-что началъ поправляться отъ тяжкой болѣзни, постигшей его въ декабрѣ.

„Многимъ изъ насъ было ясно, сказалъ Мих. Ив., что нелѣпая корреспонденція та вышла изъ-подъ пера юркаго писаки,—ясскобухарестскаго жителя, явившагося къ намъ въ концѣ ноября въ званіи корреспондента какой-то Пештской газеты; онъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ,—такъ какъ родомъ былъ изъ Бердичева или изъ Казатина, Кіевской губерніи;—а вообще умѣлъ казаться приличнымъ и свѣдущимъ человѣкомъ. Не сразу онъ выказалъ, что, въ сущности, занимался гешефтами, на которыхъ не только стремился обманывать офицеровъ, но прямо надувалъ нижнихъ чиновъ;—очень скоро на этомъ попался и былъ, вслѣдствіе заявленія офицеровъ, выпро-

вожденъ за границу, при чемъ объявился выбывшимъ въ Галицію; тамъ онъ и занялся украшеніемъ своими лживыми извѣстіями выходившаго во Львовѣ (Лембергѣ) листка.

Принявши сразу эту наглость близко къ сердцу, великій князь очень скоро призналъ ее не стоющей дальнѣйшаго вниманія; слишкомъ много было тогда у всѣхъ серьезнаго дѣла и рѣшительно некогда было заниматься евреемъ, вздумавшимъ обезславить безупречность корпуса офицеровъ славной арміи русскаго царя; не стоило думать объ евреѣ, дерзнувшемъ выместить на честной репутаціи этихъ офицеровъ тѣ неудачи, которыя ему пришлось потерпѣть въ своемъ стремленіи очищать ихъ карманы.

Нѣтъ сомнѣнія, что нелѣпая его выдумка для всѣхъ благоразумныхъ людей являлась ложнымъ слухомъ; повѣрить ей или вѣрнѣе притвориться повѣрившимъ могъ только тотъ, кто самъ горѣлъ нетерпѣніемъ что нибудь взвести на русскую армію, какъ это въ ту пору поминутно, несмотря на свое высокое положеніе, дѣлалъ Биконсфильдъ съ окружавшими его и какъ сдѣлала „Лондонская военная газета“, перепечатавъ гнусную ложь и показавъ тѣмъ, что за серьезную она до той поры лишь довольно ловко себя выдавала.

Помнится, тогда въ „Правительственномъ вѣстникѣ“ или въ „Русскомъ Инвалидѣ“ такъ и было напечатано, что, конечно, никто не повѣрилъ измышленію „Лембергской газеты“, и врядъ ли кто-либо удивился появленію перепечатки этого нелѣпаго извѣстія въ англійской военной газетѣ [1]), стоящей, очевидно, на одномъ уровнѣ съ австрійскими продажными еврейскими листками.

* * *

Со времени перехода границы, армія наша была особенно сильно наводнена корреспондентами; маркитанты евреи, а также люди, пристраивавшіеся къ дѣлу покупки и доставки фуража или провіанта, не брезгали собираніемъ сьѣдѣній, имѣвшихъ очень мало общаго съ ихъ торговыми дѣлами; у нихъ нерѣдко, рядомъ съ замѣтками по „коммерціи“, были находимы записки о численности войскъ и военныхъ транспортовъ, о направленіи движенія ихъ,—все это могло быть принимаемо за необходимое для исполненія мѣстныхъ и срочныхъ заказовъ на разнообразныя поставки; но у нѣкоторыхъ обнаруживались цѣлыя корреспонденціи съ выясненіемъ различныхъ слуховъ, предписаній, распоряженій и даже приказовъ по той или иной

[1]) Оказывается что изъ „Лембергскаго дневника“ перепечатала нелѣпую замѣтку англійская военная газета: „United service Gazett“. „Въ Русскомъ Инвалидѣ“ было указано, что вообще въ иностранныхъ газетахъ, особенно въ австро-венгерскихъ часто появлялись извѣстія о нашей дѣйствующей арміи; затѣмъ выставленъ этотъ случай (см. „Моск. Вѣдом.“ 1877 г. янв. 22 № 19),—какъ совершенно лживый.

части войскъ. Уберечься отъ такого вора военныхъ свѣдѣній представлялось крайне затруднительнымъ, а между тѣмъ въ каждой войнѣ забота объ этомъ является дѣломъ вовсе не послѣднимъ, далеко не легкимъ и рѣшительно необходимымъ.

Во время американской войны, начатой въ 1861 году Сѣверными Штатами противъ Южныхъ за уничтоженіе невольничества,— сѣверная армія, мало-по-малу, въ 1864 году пришла, между прочимъ, къ установленію такого правила, что не слѣдуетъ препятствовать корреспондентамъ посылать въ газеты сообщенія изъ арміи, не только съ пути ея движенія, но и съ полей битвъ. Главнокомандующій Грантъ [1]) усвоилъ себѣ тотъ взглядъ, что все равно свѣдѣнія, въ концѣ концовъ, будутъ доставляться газетамъ во что бы то ни стало, а поэтому нужно лишь прилагать старанія къ тому, чтобы отъ корреспондентовъ въ арміи все было тщательно скрываемо, и чтобы они могли черпать лишь ложныя свѣдѣнія, которыя, доставаясь врагу, сбивали бы его съ толку и такимъ образомъ приносили бы ему только вредъ.

Своеобразный, чисто-американскій взглядъ этотъ полонъ наивности и даже шутовства; можетъ быть тамъ, въ новомъ свѣтѣ, онъ и являлся понятнымъ какъ исходившій изъ высокихъ, но въ данномъ случаѣ, одностороннихъ, понятій о свободѣ каждаго гражданина; эти понятія вовсе не вязались съ основными, примитивными представленіями о существованіи и жизни армій въ военное время. „Во всякомъ случаѣ, съ усмѣшкой говорилъ Мих. Ив., полное равнодушіе къ тому, чтобы армія наводнялась посторонними людьми — являлось знакомъ, — съ одной стороны большого мужества въ главнокомандующемъ, — съ другой — пренебреженія къ достоинству арміи; нельзя не считать обузой для нея и это наводненіе и то обстоятельство, что приходилось какъ бы создавать себѣ и подчиненнымъ заботу „о тщательномъ огражденіи всякаго корреспондента отъ полученія вѣрныхъ свѣдѣній и объ обезпеченіи ему возможности наполнять свои корреспонденціи лишь извѣстіями ложными“!

---

[1]) Улиссъ Сидней Грантъ съ самаго начала этой муждоусобной войны принималъ въ ней участіе, будучи изъ фермеровъ и фабрикантовъ назначенъ генераломъ; удачныя дѣйствія его, а также выказанныя имъ недюжинныя военныя способности открыли ему широкій путь; въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ командующимъ соединенныхъ армій трехъ штатовъ, а года черезъ два послѣ того главнокомандующимъ армій всѣхъ Сѣверныхъ штатовъ; въ этой должности онъ и закончилъ въ 1865 году кампанію. Въ 1869 году онъ былъ избранъ въ президенты, а черезъ четыре года—въ 1872 году — переизбранъ; такимъ образомъ, онъ стоялъ во главѣ правительства два полныхъ четырехлѣтія. Въ 1876 году, по окончаніи второго четырехлѣтія, онъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и между прочимъ посѣтилъ Россію, которою вообще очень интересовался.

Видимо требованія американской свободы не дозволяли установить болѣе простое положеніе, — объ удаленіи изъ арміи людей подозрительныхъ и вредныхъ, о полномъ устраненіи возможности общенія съ арміей сброда и всякаго чуждаго ей элемента. Попросту говоря, забыта была необходимость огражденія арміи отъ шпіоновъ, а также удаленія и суроваго преслѣдованія ихъ.

Кромѣ требованій свободы не послѣднюю роль въ этомъ играла также и система пополненія американской арміи; въ сущности эта армія, созданная лишь въ минуту необходимости, въ минуту начала борьбы, являлась ополченіемъ, состоявшимъ изъ охотниковъ и вольнонаемныхъ; вербовка не могла дать ручательства за то, что рядовой или капралъ, или вахмистръ, сегодня стоящій у исполненія почетнаго долга воина, идущаго на защиту государства, — завтра не окажется шпіономъ, выдавшимъ, вольно или невольно, важную тайну представителю вражеской печати; ничего мудренаго, если такой „купленый“ воинъ забудетъ предписанную ему роль — распространителя только ложныхъ свѣдѣній о происходящемъ вокругъ него; онъ долженъ былъ бы сильно пропитаться дисциплиной, субординаціей и интересами жизни арміи для того, чтобы освоиться съ военною хитростью и не свихнуться; не всегда и не вездѣ вполнѣ твердо войдетъ при такихъ странныхъ обстоятельствахъ въ свою роль и совершенно регулярный солдатъ любой изъ постоянныхъ армій.

* * *

Во время австро-прусской войны 1866 г. прусская главная квартира, по словамъ Мих. Ив—ча, объявила, что корреспондентамъ, кои будутъ являться отъ той или другой большой, извѣстной, заслуживающей довѣрія, газеты съ ясными доказательствами уполномоченія ихъ редакціей той газеты—будетъ дано дозволеніе собирать и посылать съ мѣстъ расположенія войскъ свѣдѣнія. Насколько было слышно тогда, такое же объявленіе появилось отъ союзницы Пруссіи—Италіи, а нѣсколько позднѣе и отъ противной имъ стороны—Австріи. Каждая, въ раіонѣ движенія и дѣйствія своихъ войскъ, обѣщала приблизительно тоже. Относительно того, что произошло у нихъ — неизвѣстно; въ прусской же главной квартирѣ вышло такъ, что „много было званыхъ, но мало избранныхъ“: рѣдкій изъ корреспондентовъ, наводнившихъ штабы прусской арміи, могъ похвалиться тѣмъ, что дѣйствительно свободно собиралъ и посылалъ свѣдѣнія командировавшей и уполномочившей его газетѣ; разрѣшить не значило оказать содѣйствіе; каждый корреспондентъ встрѣчалъ столько препятствій на своемъ пути, что предпочиталъ бросать всякое домогательство. Между тѣмъ, не имѣя, вслѣдствіе

обѣщаннаго разрѣшенія, надобности скрывать свою профессію, каждый корреспондентъ въ самомъ началѣ открыто явился куда слѣдовало и сдѣлалъ о себѣ заявленіе, чѣмъ поставилъ себя подъ строгое наблюденіе и ускользнуть отъ него уже не могъ. Разрѣшеніе получали только очень немногіе, по большей части такіе люди, которые и раньше были извѣстны высшимъ сферамъ. Объявленіе, обѣщавшее давать разрѣшеніе, явилось такимъ образомъ удочкой, на которую попались корреспонденты—ихъ всѣхъ зарегистровали, а это военнымъ властямъ было крайне необходимо для того, чтобы армія не кишѣла тайными корреспондентами—людьми случайными, никому не извѣстными.

Съ тѣмъ вмѣстѣ власти, встрѣчая въ какой бы то ни было газетѣ корреспонденціи, могли знать, кому слѣдовало ее приписать.

Въ 1870 году, во время Франко-Прусской войны, германскія высшія военныя власти держались такого же порядка, т. е. допускали въ армію корреспондентовъ лишь со строжайшимъ разборомъ и, безъ сомнѣнія, къ германскимъ войскамъ за все время ихъ побѣднаго шествія не присталъ ни одинъ лишній человѣкъ, который могъ бы проявить какую бы то ни было нескромность въ своихъ писаніяхъ или услужить врагу своими корреспонденціями.

Во французской арміи, тѣмъ временемъ, если проявлялась строгость въ отношеніи корреспондентовъ, то лишь по адресу тѣхъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать льстивыхъ похвалъ войскамъ; тамъ практиковалось чуть ли не оффиціальное командированіе такихъ писакъ, которые, восхваляя то или иное изъ заведеннаго въ арміи, должны были тѣмъ самымъ дѣйствовать устрашающе на непріятеля. Извѣстно, что военный министръ Лебёфъ, отвѣтивъ въ послѣднюю минуту Императору Наполеону:—„l'armée est archi prête“ съ тѣмъ вмѣстѣ поручилъ массѣ корреспондентовъ раскрыть секретъ, описавъ въ газетахъ страшное дѣйствіе невиданнаго и невѣдомаго до тѣхъ поръ орудія—митральезы; такъ называлось скорострѣльное орудіе (картечница), которое было прислано въ войска уже по объявленіи войны и распаковывалось ими чуть ли не на поляхъ сраженій. Корреспонденты должны были по заказу писать и съ походныхъ движеній французской арміи и изъ Парижа сообщенія, коими старались и пренаивно надѣялись напугать прусскую армію; пруссаки однако рѣшительно обо всемъ были освѣдомлены правильно, чему по всѣмъ вѣроятіямъ способствовали болѣе всего тѣ же „командированные“ корреспонденты, дѣйствовавшіе съ непомѣрнымъ усердіемъ.

* * *

Касаясь порядковъ, установившихся у насъ въ самомъ началѣ военнаго времени, и продолжая свой разсказъ, Мих. Ив. вспомнилъ, что

однажды подъ Букарестомъ, встрѣтившись съ однимъ изъ своихъ товарищей по Дворянскому полку и по Военной академіи,—полковникомъ Н. Д. Новицкимъ [1]), онъ отъ него выслушалъ возмутившее всѣхъ присутствовавшихъ на бивакѣ сообщеніе о томъ, что иностранныя газеты, между прочимъ вѣнская „Politische Correspondenz“, даетъ въ мелкихъ подробностяхъ описаніе перехода нашихъ войскъ черезъ границу Румыніи и похода по дружественной странѣ; — тамъ же печатаются нескромныя извѣстія о кипучей дѣятельности, происходящей на кишиневскомъ вокзалѣ: „почти каждый часъ отходятъ воинскіе поѣзда, отправляются боевые припасы, повозки, орудія, — сегодня я насчиталъ 84 пушки, говоритъ нѣмецъ-корреспондентъ; частнымъ пассажирамъ будетъ предоставлена возможность движенія только черезъ 8 дней, ибо линія Кишиневъ-Унгены-Яссы, согласно секретно заключенной между Россіей и Румыніей конвенціи, вошла въ сферу полнаго распоряженія русской военной администраціи“... Словомъ, нѣмецъ разоблачаетъ все самое интимное, а въ русской печати до сихъ поръ ничего подобнаго не появлялось...

Наши газеты обидѣлись и разразились „противъ такого порядка веденія нашихъ дѣлъ“; въ имѣвшихся при полковникѣ Новицкомъ 90 и 93 номерахъ „Моск. вѣд.“ газета, задѣтая этими порядками за живое, высказываетъ, не безъ сарказма, надежду на то, что эта манера—допускать доставленіе свѣдѣній врагамъ, при скрываніи ихъ отъ своихъ,—будетъ съ теченіемъ времени устранена; далѣе газета, придерживаясь того же тона, добавляетъ: „нѣмецкія газеты очевидно получаютъ свѣдѣнія изъ вѣрнаго, компетентнаго источника и сообщаютъ ихъ съ добрымъ расположеніемъ къ намъ безъ преступнаго нарушенія стратегическихъ соображеній, тѣмъ не менѣе,— не справедливѣе ли было бы предоставить русской, полной патріотическаго настроенія публикѣ, имѣть преимущество въ дѣлѣ полученія извѣстій изъ первыхъ рукъ?....

Въ первой половинѣ іюня въ румынскихъ, а затѣмъ и въ австрійскихъ газетахъ появилась корреспонденція, передавшая въ совершенно извращенномъ и тенденціонномъ видѣ сообщеніе объ убійствѣ рядовымъ одного изъ полковъ драгомировской дивизіи будто бы богатаго румына, содержателя винной лавки.—Тогда Мих. Ив. рѣшилъ впредь усиленно изгонять подобныхъ корреспондентовъ изъ своего отряда.

А. Е. К.

---

[1]) Нач. шт. IV арм. корпуса, подвигавшагося въ то время по Россіи походомъ къ театру войны.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину [1]).

Считаю не лишнимъ познакомить теперь читателя съ тѣмъ лицомъ, которому адресованы печатаемыя ниже письма [2]). Николай Ивановичъ Бахтинъ родился въ Тулѣ 3-го января 1796 г. Въ 1812 г., по окончаніи курса въ Харьковской гимназіи, Бахтинъ поступилъ на службу канцеляристомъ въ Правленіе Слободско-Украинской, нынѣ Харьковской губерніи (отецъ его Ив. Ив. Бахтинъ, р. въ 1754 г., ум. въ 1818 г., былъ тогда гражданскимъ губернаторомъ) и одно время посѣщалъ приватнымъ образомъ мѣстный университетъ. Переѣздъ въ Петербургъ отца (1815 г.), получившаго мѣсто Управляющаго Государственною Экспедиціею для ревизіи счетовъ, принудилъ молодого Бахтина прервать университетскія занятія. Прослуживъ около года въ указанной экспедиціи, подъ начальствомъ отца, и перейдя затѣмъ на службу въ канцелярію статсъ-секретаря по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ, Н. И. Бахтинъ сталъ посѣщать С.-Петербургскій университетъ, который въ 1822 г. выдалъ ему дипломъ на званіе дѣйствительнаго студента.

Въ 1823 г. Бахтинъ поступилъ въ капитулъ орденовъ. Это назначеніе дало ему возможность совершить путешествіе за границу, въ качествѣ секретаря канцлера россійскихъ орденовъ А. Л. Нарышкина.

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1909 г.

[2]) На литературную цѣнность писемъ Катенина къ Бахтину обратилъ мое вниманіе нашъ извѣстный библіографъ В. И. Саитовъ, которому пользуюсь случаемъ принести мою глубочайшую признательность.

По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ онъ пробылъ съ весны 1823 г. по осень 1825 г., Бахтинъ перешелъ въ штатъ провіантскаго департамента военнаго министерства, а два года спустя въ морское министерство. Состоя при главномъ начальникѣ морского штаба, кн. А. С. Меншиковѣ, Бахтинъ въ 1828 г. участвовалъ въ турецкой кампаніи, въ бояхъ подъ Анапою и Варною и, при осадѣ первой изъ этихъ крѣпостей, исполнялъ обязанности адъютанта князя. По окончаніи войны, онъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ комитета для образованія флота и завѣдующимъ дѣлами по части финляндскаго генералъ-губернатора, которымъ въ то время былъ кн. Меншиковъ, редактировалъ „Сводъ морскихъ постановленій“. Съ 1834 по 1843 Бахтинъ занималъ мѣсто управляющаго дѣлами комитета министровъ, съ 1843 до 1853—государственнаго секретаря, а съ 1853 до своей кончины, въ 1869 г. состоялъ членомъ государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи. „Человѣкъ замѣчательно свѣтлаго ума, твердыхъ убѣжденій, неутомимый труженикъ на поприщѣ законодательной дѣятельности, Бахтинъ“, замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ, „съ первыхъ дней нынѣшняго царствованія (т. е. царствованія Александра II), заставшаго его уже членомъ Государственнаго Совѣта, является наиболѣе энергическимъ сторонникомъ самыхъ важныхъ реформъ“ [1]). Онъ принялъ дѣятельное участіе въ разсмотрѣніи проекта новаго устава гражданскаго судопроизводства, въ работахъ комиссій по уничтоженію откуповъ и по пересмотру рекрутскаго устава; въ качествѣ члена главной комиссіи по устройству сельскаго состоянія (съ 1861 г.), онъ поддерживалъ полное и обезпеченное землею освобожденіе крестьянъ [2]).

Когда и при какихъ обстоятельствахъ состоялось знакомство Катенина съ Бахтинымъ—неизвѣстно. Впрочемъ, изъ одного письма П. П. Татаринова къ Бахтину, сохранившагося въ числѣ другихъ его писемъ въ бумагахъ послѣдняго, можно заключить, что въ 1817 г. Бахтинъ былъ уже знакомъ съ Катенинымъ. Обстоятельства, однако, вскорѣ разъединили пріятелей. Высланный осенью 1822 г. за шиканье артисткѣ Семеновой [3]), Катенинъ поселяется въ своемъ имѣніи Костромской губ., Шаево, и только лѣтомъ 1825 г. получаетъ возможность вернуться въ столицу. Но недоста-

[1]) „Голосъ“ № 90 понед. 31-го марта 1869 г.

[2]) О Н. И. Бахтинѣ см. Русск. Біогр. Словарь т. II Алексинскій—Бестужевъ—Рюминъ, стр. 607—608. „Записки“ Д. Н. Свербеева. М. 1899 т. I стр. 231—232, 234, 262 и также „Записки“ сенатора К. И. Фишера („Истор. Вѣст“. 1908 ноябрь, стр. 429—433).

[3]) Записки П. А. Каратыгина С.П.Б. 1880 г. стр. 89—94 г. И. А. Кубасовъ „Театральныя Интриги въ 1822 г.“ „Русская Старина“ 1901 г. ноябрь.

токъ въ средствахъ принуждаетъ его въ концѣ іюня 1827 г. снова уѣхать въ деревню, и на этотъ разъ уже до осени 1833 г., когда онъ былъ опять принятъ на службу, съ причисленіемъ въ Эриванскій карабинерный полкъ и временнымъ прикомандированіемъ къ образцовому полку, стоявшему въ Царскомъ Сѳлѣ. Покинувъ весною 1835 г. Царское Сѳло, онъ переселяется на Кавказъ, занимаетъ нѣкоторое время мѣсто коменданта Кизлярской крѣпости и въ 1840 г., по увольненіи отъ службы, водворяется уже до своей кончины (1853 г.) опять въ своей костромской глуши. Печатаемыя письма относятся, какъ уже было замѣчено, къ періоду съ 1821 по 1842 г.

Мы познакомились выше съ служебною дѣятельностью Бахтина. Письма Катенина открываютъ намъ другую, мало извѣстную сторону его дѣятельности. Мы узнаемъ, что Бахтинъ былъ не только поставщикомъ литературныхъ новостей „Шаевскаго ссыльника", какъ называлъ себя Катенинъ, не только посредникомъ его съ издателями журналовъ, не только издателемъ его сочиненій, но и его „литературнымъ адвокатомъ", защищавшимъ его съ перомъ въ рукахъ отъ нападокъ его враговъ.

Катенинъ высоко цѣнилъ литературную дѣятельность своего пріятеля. По его словамъ, Бахтинъ имѣлъ „несомнѣнный талантъ критика". „Немного болѣе увѣренности въ самомъ себѣ", писалъ онъ однажды, „и Вы сдѣлаетесь нашимъ Женгенэ". Вопреки этимъ хвалебнымъ отзывамъ Катенина, надо, однако, замѣтить, что статьи Бахтина заслуживаютъ вниманія лишь, какъ отзвуки Катенинскихъ воззрѣній, какъ статьи его единомышленника и соратника въ борьбѣ, выражаясь словами Катенина, „противъ наводненія дурного вкуса, романтизма, педантизма, невѣжества и шаекъ"[1]). Бахтинъ дебютировалъ на литературномъ поприщѣ въ 1821 году небольшою статьею, напечатанною въ „Сынѣ Отечества" [2]) и направленною противъ, появившихся въ томъ же журналѣ, „Замѣчаній" г. Z на комедію Катенина „Сплетни" [3]). Въ 1822 г. вышла въ свѣтъ извѣстная книга Н. И. Греча: „Опытъ краткой исторіи русской литературы", въ предисловіи къ которой авторъ обращался ко „всѣмъ любителямъ отечественной словесности" съ просьбою сообщить ему замѣчанія на его трудъ, обѣщая напечатать ихъ въ издаваемомъ имъ

[1]) Къ списку трудовъ о Катенинѣ слѣдуетъ присоединить, только-что появившуюся въ XII вып. изд. „Пушкинъ и его современники", статью Н. К. Пиксанова: „Замѣтки о Катенинѣ" (по поводу книжки С. Л. Бертенсона: П. А. Катенинъ. Литер. Матеріалы. СПБ. 1909 г.).

[2]) „Сынъ Отечества". 1821 г. ч. 68 № 12 стр. 218—227; статья подписана буквою G.

[3]) „Сынъ Отечества" 1821 г. ч. 67 № 5, стр. 225—229 г.

*

журналѣ. На этотъ призывъ, вслѣдъ за Катенинымъ, откликнулся и Бахтинъ, приславшій издателю „Сына Отечества“ „Письмо“, которое, однако, вслѣдствіе отказа послѣдняго помѣстить его въ своемъ журналѣ, появилось въ „Вѣстникѣ Европы“, вмѣстѣ съ жалобою „на самоуправство“ Греча, изложенною въ письмѣ къ М. Т. Каченовскому [1]). Какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ отвѣтѣ на сдѣланныя ему Гречемъ замѣчанія [2]), Бахтинъ, скрывшійся подъ буквами М. И., останавливается, между прочимъ, на Карамзинской реформѣ въ области языка, къ которой онъ, подобно Катенину, относится крайне отрицательно. Кн. П. А. Вяземскій, задѣтый М. И. въ числѣ писателей, принадлежавшихъ Карамзинской школѣ, приписывалъ первоначально эти статьи самому Каченовскому [3]). Впослѣдствіи онъ думалъ, основываясь на словахъ Мерзлякова, что, возбудившія его негодованія, статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ написаны Муравьевымъ-Апостоломъ [4]).

Окончивъ споръ съ Гречемъ [5]), Бахтинъ принялся за обширную статью „О стихотвореніяхъ Катенина“, начало которой появилось въ 3-ей—4-ой книжкѣ „Вѣстника Европы“ 1823 г. Дальнѣйшее печатанье этой статьи было остановлено. О причинѣ постигнувшей его неудачи мы узнаемъ изъ недавно опубликованнаго письма Каченовскаго къ Булгарину. „Покорнѣйше прошу“, читаемъ мы въ письмѣ отъ 26 марта 1823 г. „при поклонѣ отъ меня, утѣшить его (А. А. Бестужева) извѣщеніемъ, что статья о Катенинѣ останется безъ продолженія. Вижу по всему, что онъ самъ смастерилъ себѣ панегирикъ“ [6]). Статья Бахтина, безъ подписи, написанная въ крайне панегирическомъ тонѣ, представляетъ обзоръ литературной дѣятельности Катенина съ 1810 по 1823 г. Авторъ отмѣчаетъ разнообразіе его таланта, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на его поэмахъ „Софоклъ“ (1818), „Міръ поэта“ (1822), изобилующими,

---

[1]) „Вѣст. Европ.“ 1822. № 13, 14 стр. 23—29.

[2]) Замѣчанія Греча были напечатаны въ „С. О.“ 1822 г. ч. 80. № 37, стр. 160—177, а „возраженія М. И.“ въ „Вѣст. Евр.“ того же года № 19, стр. 183—203.

[3]) Письмо къ А. И. Тургеневу отъ 7-го дек. 1822 г. Ост. Арх. II стр. 285, 554; полное собраніе соч. кн. Вяземскаго т. I, стр. 84—95: о двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Вѣст. Европ.“

[4]) Ост. Арх. II, 285, 554.

[5]) Полемизируя съ Гречемъ, М. И. обмѣнялся еще письмами съ кн. Шаликовымъ, котораго онъ тоже затронулъ, какъ приверженца Карамзина (письмо кн. Шаликова напеч. въ „С. О.“ 1822 ч. 81 № 46). Отвѣтъ М. И—въ „Вѣст. Евр.“ 1822 № 24, стр. 295—300.

[6]) Изъ Арх. Ѳ. В. Булгарина, сообщ. Н. К. Пиксановъ „Русс. Стар.“ 1903 г. № 12 стр. 606, см. также письмо Катенина къ Бахтину № 10. (22-го мая 1823 г.).

по мнѣнію критика, „первоклассными красотами“, а также на его „великихъ заслугахъ“ въ драматической поэзіи.

Въ 1824 г., находясь въ Парижѣ, Бахтинъ напечаталъ въ журналѣ „Mercure du XIX s.“ (t. VI p. 505) за подписью L. N. и подъ заглавіемъ „Quelques Notes d'un Russe présentement à Paris sur l'Anthologie russe de M-r Dupré de St.-Maure“, статью, въ которой задался цѣлью дать иностраннымъ читателямъ краткій очеркъ русской поэзіи отъ Кантеміра до его времени. Не входя въ разсмотрѣніе содержанія этого обзора, отмѣчу только, для характеристики литературныхъ взглядовъ Бахтина, его сужденія о Пушкинѣ. Пушкинъ, по мнѣнію L. N., въ „Русланѣ и Людмилѣ“ превзошелъ все, что было написано до него въ шуточномъ родѣ, благодаря красотѣ и изяществу стиховъ, „но все-таки эта поэма уступаетъ „Душенькѣ“ Богдановича, въ отношеніи простоты изложенія“. „Кромѣ Людмилы“, замѣчаетъ онъ, „Пушкинъ, несмотря на свою молодость, написалъ еще нѣсколько стихотвореній, обезпечившихъ ему весьма почетное мѣсто среди нашихъ поэтовъ, но, мнѣ кажется, что онъ ошибается насчетъ своего таланта. Мрачныя картины, которыя онъ пытается писать, рѣдко ему удаются. Я посовѣтовалъ бы ему отдаться его врожденной веселости и прежде всего научиться тайнѣ успѣха, которую Буало открылъ Расину“. Не преминулъ Бахтинъ воспользоваться случаемъ расхвалить иностранцамъ произведенія своего пріятеля, и попутно кольнуть его противниковъ, кн. Вяземскаго и Бестужева. Вскорѣ послѣ появленія этой статьи на страницахъ того же французскаго журнала напечатано письмо съ подписью Le P. B. G. [1]), въ которомъ высказано предположеніе, что L. N. не кто иной, какъ самъ Катенинъ, расхвалившій себя самого незадолго передъ тѣмъ въ „Вѣстникѣ Европы“.

Въ отвѣтъ на это письмо L. N. [2]) энергично протестуетъ противъ обвиненія Катенина въ самовосхваленіи и заявляетъ, что направленная противъ него статья въ „Mercure“ принадлежитъ одному близкому родственнику кн. П. А. Вяземскаго. Изъ одного письма Катенина мы узнаемъ, что Бахтинъ въ данномъ случаѣ намекалъ на кн. Василія Ѳедоровича Гагарина, родного брата жены Петра Андреевича [3]). Катенинъ,

---

[1]) Mercure du XIX s. 1824, t. VII № 82 p. 181 (Lettre à l'éditeur).

[2]) Mercure t. VII p. 333—336.

[3]) Отсюда и подпись Le P. B. G.—le prince Basile Gagarine. Справедливость предположенія Бахтина подтверждается и письмомъ самого князя Вяземскаго 1869 г. см. І. Ясинскій „Кн. П. А. Вяземскій въ письмахъ къ С. Д. Полторацкому“ („Новь“ 1885 т. III, стр. 94).

съ своей стороны, не оставилъ безъ возраженія выходку противъ него Р. В. G., препроводивъ свой протестъ Гречу и Каченовскому, изъ коихъ только первый напечаталъ его письмо въ „Сынѣ Отечества“ [1]).

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, Бахтинъ написалъ еще одну статью на французскомъ языкѣ. Эта статья, озаглавленная: „Coup d'oeil sur l'histoire de la Langue Slave et sur la marche progressive de la Civilisation et de la Littérature en Russie“, вошла, безъ имени автора, въ составъ введенія, изданнаго Адріаномъ Бальби въ 1826 г. и посвященнаго памяти Императора Александра I „Atlas Ethnographique“ [2]), въ предисловіи къ которому издатель горячо рекомендуетъ читателямъ работу „молодого русскаго, обнаружившаго въ ней столько же учености, сколько безпристрастности“. Въ этой статьѣ съ особенною полнотою отразились воззрѣнія той литературной группы, къ которой принадлежали Бахтинъ и Катенинъ. Здѣсь Бахтинъ возвращается къ темѣ, затронутой имъ уже въ своей полемикѣ съ Гречемъ. Такъ, напримѣръ, исторію русской литературы Екатерининскаго времени онъ дѣлитъ на двѣ эпохи; одну изъ нихъ, съ 1762 до 1790 года онъ называетъ „блестящей“, а вторую, которая захватываетъ и первые годы царствованія Александра I и простирается до 1804 г.—„несчастной“, ознаменовавшейся съ одной стороны наплывомъ слезливости, съ другой отклоненіемъ писателей въ области языка съ вѣрнаго пути, указаннаго Ломоносовымъ. Особенно печальнымъ представляется ему положеніе драмы въ эту эпоху. За исключеніемъ „Ябеды“ Капниста, ни одна трагедія и ни одна комедія не заслуживаютъ упоминанія. «Время, по его мнѣнію, пощадило отъ полнаго забвенія только двухъ писателей этой горестной эпохи: Карамзина, который, быть можетъ, былъ главнымъ виновникомъ упадка русской литературы, и Дмитріева“. „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ Шишкова и комедія „Новый Стернъ“ (кн. А. А. Шаховскаго) положили, какъ думаетъ Бахтинъ, предѣлъ дальнѣйшему паденію нашей литературы. Весьма любопытно разсужденіе Бахтина о романтизмѣ, съ которымъ, по его словамъ, впервые познакомилъ русскихъ—Жуковскій, своими переводами нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. „Безъ всякаго сомнѣнія“, замѣчаетъ онъ, „нѣтъ основанія порицать это направленіе, но было бы желательно, чтобы оно приняло болѣе національный характеръ. Нѣмецкая и англійская литературы намъ также чужды (classiques), какъ и

[1]) „С. О.“ 1825 ч. 99, № 3, стр. 333—335.

[2]) Atlas Ethnographique du Globe, ou Classification des Peuples Anciens et Modernes d'après leur langue. Partie historique et litteraire.

французская и итальянская. Истинный романтизмъ состоитъ въ выборѣ національныхъ сюжетовъ и въ пользованіи красками, понятными читателямъ, безъ необходимости предварительнаго изученія климата, нравовъ и вѣрованій иностранныхъ народовъ". А вотъ еще отзывъ Бахтина о Пушкинѣ: „Романическія поэмы (les poèmes romanesques) въ духѣ Байрона", говоритъ онъ, „съ нѣкотораго времени въ большой модѣ въ Россіи; Пушкинъ подалъ въ этомъ отношеніи первый примѣръ въ своемъ „Кавказскомъ плѣнникѣ". Съ этихъ поръ имъ написано еще нѣсколько поэмъ, которыя всѣ обладаютъ тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками". Къ достоинствамъ поэмъ Пушкина Бахтинъ относитъ „легкіе, гармоническіе и полные страсти стихи"; къ недостаткамъ: „отсутствіе плана и цѣлости, и главнымъ образомъ однообразіе чувствъ и повтореніе нѣкоторыхъ излюбленныхъ выраженій". „Намъ тяжело", замѣчаетъ онъ, „дѣлать ему (т. е. Пушкину) этотъ упрекъ, но насъ вынуждаютъ къ тому его подражатели".

Статья Бахтина была перепечатана въ „Bibliothèque Universelle" (T. XXXIV, 1-re partie p. 242) съ лестнымъ для него комментаріемъ и переведена на русскій языкъ Д. Кафтыревымъ (въ „Сынѣ Отечества" 1828 г.). Не обошлось дѣло и безъ полемики. На этотъ разъ противъ Бахтина выступилъ Полевой. Въ рѣзкой и пространной рецензіи, напечатанной въ „Московскомъ Телеграфѣ" (1827 г. № 17 и 18), Полевой, между прочимъ, высказываетъ догадку, что авторъ обзора русской литературы въ Атласѣ Бальби и L. N., помѣстившій въ „Mercure" статью о русской антологіи Сенъ-Мора— одно и то же лицо. Въ отвѣтъ на рецензію Полевого, Бахтинъ помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества"[1]) и „Атенеѣ"[2])—4 письма, въ коихъ, укрывшись за буквами „М. И.", заступился за автора статьи въ „Атласѣ" Бальби, т. е. за самого себя. Четыре года спустя онъ выпустилъ въ свѣтъ, въ двухъ частяхъ, „Сочиненія и переводы Павла Катенина", къ которымъ присоединилъ предисловіе и примѣчанія. Этимъ предисловіемъ заканчивается его литературная дѣятельность. Служебныя обязанности, всецѣло поглотившія Бахтина, отвлекли его отъ литературныхъ занятій. Одновременно замѣчается и охлажденіе его къ пріятелю, который и самъ, быть можетъ, былъ отчасти повиненъ въ происшедшей между ними размолвкѣ. Безпрестанные упреки, которыми обрушивался Катенинъ на своего „адвоката" за недостаточно якобы ретивое исполненіе его литературныхъ порученій произ-

---

[1]) „С. О." 1828 г. ч. 117. № 2 стр. 189—193, письмо къ Булгарину; ч. 118 № 6 стр. 163—176, второе письмо къ Булгарину.

[2]) „Атеней" 1828 г. ч. III № 12 стр. 404—419 и ч. V № 17 стр. 62—76.

вели, вѣроятно, свое дѣйствіе. Порою самъ Катенинъ чувствовалъ, что слишкомъ уже далъ „воли чувству и перу“, и пытался объяснить свою раздражительность горькимъ житьемъ, хворостью и всякими неудачами въ жизни. „Простите меня, мои укоры, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, войдите на мигъ (дольше будетъ больно) въ мою кожу; я хворъ, всѣ дѣла мои идутъ не путемъ, вся жизнь никуда не годится: пощадите меня изъ человѣколюбія“. Но и эта горячая исповѣдь не разжалобила Бахтина, который понемногу перестаетъ вовсе писать Катенину. Переписка, прекратившаяся въ концѣ 1831 г., возобновилась только осенью 1833 года, когда послѣдній поселился въ Царскомъ Селѣ. Пріятели объяснились, и все пошло по-старому, но не на долго. Съ отъѣздомъ Катенина на Кавказъ, Бахтинъ снова умолкаетъ. Катенинъ, однако, не хочетъ помириться съ мыслью потерять долголѣтнюю дружбу съ человѣкомъ, котораго онъ искренне любилъ и уважалъ, онъ цѣпляется за эту дружбу, за это „сокровище“, которое „какой-то враждебный демонъ“ хочетъ у него похитить. Наконецъ, послѣ упорнаго молчанія, Бахтинъ откликнулся. „Съ полнымъ радушіемъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ“, писалъ въ отвѣтъ на это письмо Катенинъ, „принимаю и кладу къ сердцу Вашу руку, простираемую ко мнѣ изъ-за моря (Бахтинъ въ это время находился во Флоренціи) на возобновленіе нашихъ сношеній и пріязни“. Но напрасно думалъ онъ, „что фениксъ возродился изъ пепла“. Письмо Катенина осталось безъ отвѣта, и этимъ письмомъ отъ 14/21 февраля 1842 г. обрывается его долголѣтняя переписка съ Бахтинымъ.

Опубликовывая письма Катенина, считаю нужнымъ замѣтить, что они печатаются съ сохраненіемъ особенностей его правописанія, въ хронологическомъ порядкѣ, согласно датамъ, выставленнымъ въ ихъ оригиналахъ, изъ коихъ лишь весьма немногіе не снабжены этими указаніями. Въ послѣднемъ случаѣ приходилось опредѣлять даты на основаніи содержанія писемъ.

А. Чебышевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго.

III [1]).

Дѣятельность А. А. Виніуса при Петрѣ В.—Переписка съ царемъ.—Почтовое дѣло.—Школы и разныя др. порученія царя.—Разсказы Корба о Виніусѣ.—Сибирскій приказъ.—Артиллерія.—Паденіе Виніуса.—Послѣдніе труды его.—Матвѣй Виніусъ.

Мы не знаемъ, когда въ первый разъ дѣятельный и умный голландецъ встрѣтился съ Петромъ В. По свидѣтельству Б. И. Куракина, еще въ отрочествѣ Петръ, по склонности своей ко всему иноземческому, началъ учиться всякимъ „экзерциціямъ“ и голландскому языку и за „мастера“ этого языка былъ дьякъ Посольскаго приказа, Андрей Виніусъ „человѣкъ умный и состоянія добраго“ [2]). Вѣроятно, Петръ познакомился съ Виніусомъ послѣ дѣла Шакловитаго. Въ 1687 г., по порученію послѣдняго, Виніусъ заказывалъ за границей портретъ царевны Софіи съ преувеличеннымъ ея титуломъ. Во время суда надъ Шакловитымъ Виніусу пришлось по этому поводу давать объясненія [3]). Очевидно, эти объясненія были признаны удовлетворительными, потому что Виніусъ не только не пострадалъ, а въ 1691 году, въ чинѣ думнаго дьяка, даже по праздникамъ „пресвѣтлыхъ государей царей пресвѣтлыя очи видѣлъ“ и находился въ нарядѣ на разныхъ церковныхъ церемоніяхъ [4]). Очевидно, проницательный взоръ Петра сумѣлъ оцѣнить полезнаго работника.

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1909 г.

[2]) „Гисторія о царѣ Петрѣ Ал.“, см. Архивъ кн. Куракина, т. I, стр. 70.

[3]) Роз. дѣла о Ѳ. Шакловитомъ, I, стр. VIII—IX.

[4]) Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о П. В., М., 1872, т. I, стр. 403.

Съ 1694 г. свѣдѣнія объ отношеніяхъ Царя къ Виніусу имѣются въ значительномъ количествѣ, благодаря большому числу писемъ Царя и Виніуса другъ ко другу.

Изъ дѣла Шакловитаго Царь могъ узнать о знакомствѣ Виніуса съ амстердамскимъ бургомистромъ Витзеномъ (Виніусъ заказывалъ портреты ц. Софіи черезъ Витзена). Въ 1693 г., вѣроятно, при посредствѣ Виніуса и Витзена, Царь заказалъ въ Голландіи корабль „Святое Пророчество“. Изъ переписки царя съ Виніусомъ за время, начиная съ 1694 по 1714 годъ включительно, мы узнаемъ, что болѣе всего интересовало Петра В. въ это время и въ чемъ Виніусъ принималъ дѣятельное участіе. Въ 1695—1696 годахъ, въ эпоху Азовскихъ походовъ, Царь имѣлъ въ лицѣ Виніуса постояннаго важнаго и свѣдущаго корреспондента. Черезъ него онъ дѣлалъ заказы за границей, военныя заготовки у себя дома; черезъ него получалъ свѣдѣнія о заграничныхъ и московскихъ новостяхъ, куранты; черезъ него передавалъ извѣстія и порученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаемъ, что Виніусъ, при необычайной дѣятельности, нѣсколько бережетъ себя и не забываетъ своихъ интересовъ: онъ два раза уклонился отъ возможнаго свиданія съ Царемъ—одинъ разъ подъ предлогомъ ушиба, другой разъ безъ всякой видимой причины; обращается къ Петру съ какою-то челобитной для себя, проситъ прощенія провинившемуся свояку, Емельяну Игн. Украинцеву. Послѣднее порученіе Царя, съ какимъ мы встрѣчаемся въ этой перепискѣ [1]), постройка тріумфальныхъ воротъ, было Виніусомъ выполнено въ сентябрѣ 1696 года, и 30 сентября торжественный въѣздъ въ Москву состоялся. „Капитанъ Петръ Алексѣевъ“ шелъ пѣшкомъ за раззолоченными санями адмирала Лефорта. Устроитель торжества, Виніусъ, сверху тріумфальныхъ воротъ въ трубу говорилъ вирши побѣдителямъ [2]).

Вскорѣ послѣ Азовскихъ походовъ, Царь Петръ затѣялъ новое важное дѣло: собрался въ дальнее путешествіе—въ Западную Европу. Онъ отправился туда инкогнито въ числѣ свиты пословъ Головина и Лефорта, въ мартѣ 1697 года, а вернулся въ августѣ 1698 г. Это было время, когда Виніусъ былъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ лицъ Петра. Царь пишетъ ему часто тайными чернилами и о такихъ дѣлахъ, о которыхъ не пишетъ никому. Всякая почта приноситъ письма Петра Виніусу—случайное отсутствіе ихъ въ той или другой почтѣ уже безпокоитъ старика. Соблюдая инкогнито

---

[1]) Переписка Петра В. съ Виніусомъ будетъ разсмотрѣна нами въ особой главѣ.

[2]) Описаніе похода боярина Шеина. Соловьевъ, Ист. Россіи, т. III, 1157.

Царя, Виніусъ пишетъ ему просто, иногда фамильярно; Петръ отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Они сообщаютъ другъ другу всякія новости, политическія и научныя, даже простыя сплетни. Виніусъ больше всего пишетъ о желѣзномъ дѣлѣ, о почтахъ, о сибирскихъ дѣлахъ; Петръ—о политикѣ и о пріемахъ, оказанныхъ посольству за границей. Въ одномъ письмѣ Виніусъ рекомендуетъ одного окольничаго на службу. Въ декабрѣ 1697 года Петръ пишетъ Ѳ. Ю. Ромодановскому письмо, въ которомъ проситъ послѣдняго оказывать покровительство Виніусу [1]).

Это время вообще было временемъ расцвѣта дѣятельности Андрея Андреевича, хотя онъ считалъ уже шестой десятокъ лѣтъ возраста. Мы уже сказали, что изъ всѣхъ вопросовъ наиболѣе занимали его въ это время—почта, желѣзные заводы и сибирскія дѣла. Приступимъ теперь къ обозрѣнію его дѣятельности по этимъ тремъ рубрикамъ за время 1695—1701 г. (въ 1701 г. Виніусъ навлекъ на себя первую немилость Петра и лишился почты).

Выше мы видѣли, что съ 1695 года въ почтовомъ дѣлѣ сотрудникомъ Андрея Андреевича становится его сынъ Матвѣй съ чиномъ „стольника и почтмейстера“ [2]). Во время Азовскихъ походовъ надо было установить почтовыя сообщенія между Москвою и Дономъ. Это было чрезвычайно затруднительно вслѣдствіе недостатка городовъ и населенныхъ мѣстъ, а также вслѣдствіе набѣговъ степняковъ. Почты изъ лагеря въ Москву, а иногда и изъ Москвы къ Азову—запаздывали; Петръ съ облегченіемъ посылалъ въ августѣ 1696 года послѣднюю почту изъ Азова, былъ готовъ совсѣмъ отказаться отъ Московско-Азовской почты, какъ только крайняя нужда миновала [3]). Съ отъѣздомъ Петра за границу должны были оживиться почты Рижская и Виленская. Теперь уже на этомъ пути каждая неисправность безпокоила и Петра, и Виніусовъ. Въ Москвѣ весьма многіе писали письма тѣмъ или другимъ членамъ посольства; такъ какъ на каждую посылку приходилось Виніусу дѣлать затраты, то онъ убѣдительно просилъ завести обычай — всѣ письма, адресованныя за границу, къ членамъ посольства, сносить въ одно мѣсто, чтобы

---

[1]) Письма и бумаги П. В., т. I, стр. 228. Нѣсколько позже встрѣчаемся съ извѣстіемъ, что нѣкто Михайло Волчковъ былъ поставленъ подъ висѣлицу, а затѣмъ снятъ и битъ кнутомъ на козлѣ нещадно за неправое челобитье на Виніуса (7 дек. 1699 г. см. Записки Желябужскаго, М., 1840, стр. 154).

[2]) С. А. Бѣлокуровъ ошибочно придаетъ этотъ титулъ Андрею Виніусу.

[3]) Письма и бумаги П. В., т. I, стр. 101.

ихъ можно было отсылать сразу партіями, въ одномъ пакетѣ [1]). Что расходы Виніуса по отсылкѣ заграничной корреспонденціи были велики, видно между прочимъ изъ того, что 21 дек. 1697 г. глава посольства, Ѳ. А. Головинъ, писалъ въ Приказъ Большой казны, чтобы Виніусу выдали „на заплату амстрадамской почты“ 300 рублей [2]).

При всякой неаккуратности почтмейстеровъ, Виніусъ настойчиво жалуется на нихъ. Въ октябрѣ 1697 г. онъ жаловался на неаккуратность Варшавской почты Алексѣя Васильева, доходящей до Москвы въ 4 недѣли, а иногда и больше, „хотя многажды о исправленіи прошено, но у нихъ того не чинится“: письма, посланныя изъ Варшавы 28 августа, а изъ Амстердама 3 сентября — пришли вмѣстѣ 26 сентября [3]). Въ февралѣ 1698 г. Андрей Виніусъ жаловался на рижскаго почтмейстера, Рейнгарда Грена [4]). Гренъ задерживалъ письма торговыхъ людей и даже осмѣлился распечатывать пакеты, посылаемые изъ Москвы въ посольство Лефорта и Головина. Матвѣй Виніусъ предлагалъ посылать письма изъ Москвы въ Кенигсбергъ не черезъ Ригу, а черезъ Литву. По указу Царя, изъ Пскова было написано рижскому губернатору, чтобы онъ „того почтаря велѣлъ унять“. Когда рижскій почтмейстеръ не „унялся“, то Петръ послалъ грамоту Карлу XII. Дѣло уладилось; но за то скоро раздались жалобы съ другой стороны: факторы шведскаго короля пожаловались, что многія письма въ Швецію не доходятъ; пришлось Матвѣю Виніусу оправдываться [5]).

Почтмейстерская осторожность Андрея Виніуса выразилась также въ томъ, что онъ просилъ членовъ посольства, при отсылкѣ писемъ, нумеровать ихъ, чтобы при полученіи видно было, котораго не достаетъ. Однажды, убѣдившись, что одного изъ пакетовъ не досчитывается, Андрей Виніусъ написалъ въ Мемель и Ригу „и буде то учинилось не омылкою или опискою какою“, то, по его разсчету, онъ долженъ былъ найтись въ Ригѣ [6]).

По возвращеніи Петра изъ-за границы вниманіе почтмейстеровъ снова было обращено на внутреннія почты. Еще наканунѣ его пріѣзда была окончательно установлена Сибирская почта, изъ Москвы до Якутска и Нерчинска и обратно. Почта начала ходить (пока до Тобольска) въ лѣтніе мѣсяцы трижды въ годъ. Частнымъ

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 633.
[2]) Памят. Дипл. Сношѳ. VIII, 1152.
[3]) Письма и бумаги П. В., т. I, 645.
[4]) Письма и бумаги П. В., т. I, 681.
[5]) Хрущовъ, 29—30.
[6]) Письма и бумаги П. В., т. I, 708.

торговымъ лицамъ разрѣшено было пользоваться правительственной почтой. За доставку писемъ взималось по таксѣ, составленной 21 октября 1697 г. Таможеннымъ головамъ, которые принимали письма и взимали плату, приказано было „отнюдь ничьей грамотки не распечатывать и не смотрѣть, чтобы всякъ, заплатя пристойную заплату, былъ обнадеженъ, что его грамотка въ домъ къ нему дойдетъ [1]).

Вскорѣ по заграничной почтѣ вышло крупное недоразумѣніе. Въ началѣ 1700 года пропала почта, пришедшая изъ-за рубежа. Петръ В. написалъ И. И. Головину, чтобы тотъ принялъ мѣры къ ея разысканію. Почта была найдена при слѣдующихъ обстоятельствахъ. „Человѣкъ“ псковитина И. А. Кокошкина увидалъ на дорогѣ запечатанныя сумы и сказалъ объ этомъ своему барину. Тотъ сейчасъ же поѣхалъ на указанное ему мѣсто, но сумъ тамъ уже не нашелъ. Онѣ оказались у крестьянина, съ которымъ шелъ „человѣкъ“ Кокошкина мимо этихъ сумъ. Мѣсто, гдѣ лежали эти сумы, было въ 3 верстахъ отъ почтовой дороги въ лѣсу; лежали онѣ, очевидно, въ снѣгу, потому что заплѣснѣвѣли и письма въ нихъ оказались мокрыми, хотя печати на письмахъ были цѣлы [2]). Одна изъ сумъ была распечатана и по росписи въ ней не хватало писемъ Андрея Бутенанта [3]). Очевидно, эти письма понадобились шведамъ: въ это время Данія готовилась къ войнѣ съ Швеціей, а Бутенантъ былъ датскимъ резидентомъ въ Москвѣ.

Въ то время, когда заграничная почта ослабила свои функціи, развивались почты внутреннія. Указомъ отъ 16 февр. 1700 г. была учреждена постоянная почта отъ Москвы черезъ Серпуховъ, Тулу, Елецъ до Воронежа. Почта должна была ходить безъ замедленія въ указные числа и часы и письма должны доставляться бережно; за неаккуратность почтарямъ грозила „смертная казнь безо всякіе пощады“. Дорога отъ Москвы до Воронежа преобразилась—ее исправили, повсюду разставили верстовые столбы, покрашеные красною краской; между столбами по обѣ стороны дороги посажены были деревья [4]). Завѣдываніе Воронежской почтой было поручено боярину Ѳ. А. Головину. Вслѣдъ за этимъ была реформирована и Архангелогородская почта (черезъ Вологду). Завѣдываніе ею въ Москвѣ поручено Матвѣю Виніусу, а въ Архангельскѣ иноземцу Денису Гоутевалу [5]).

---

[1]) П. С. З., III, № 1654.

[2]) Письма и бумаги П. В., I, 788.

[3]) Письма и бумаги П. В., I, 813.

[4]) Л. Вейнбергъ, Воронежская почта (Воронеж. юбилейн. сборникъ, т. I. Вор., 1886. Стр. 435—436.

[5]) Хрущовъ, 27.

Начиная въ 1700 году войну, Петръ былъ озабоченъ развитіемъ почтовыхъ сношеній. Матвѣй Виніусъ получилъ указъ о приведеніи въ лучшій порядокъ заграничной почты. Въ ноябрѣ 1699 года онъ былъ командированъ для ученья въ городъ Берлинъ [1]); вся тяжесть почтоваго дѣла легла опять на старика Андрея Виніуса [2]). Матвѣй Виніусъ, по порученію царя, заключилъ новый почтовый договоръ съ Бранденбургскимъ курфирстомъ объ отсылкѣ почтъ по направленію Кенигсбергъ—Тильзитъ—Вильна—Смоленскъ—Москва [3]). Былъ учрежденъ новый Смоленско-Псковскій почтовый путь.

Но мы знаемъ, что не одно только почтовое дѣло легло тяжкимъ бременемъ на плечи усталаго дѣльца. Взявъ снова на себя все разросшееся почтовое дѣло, онъ въ то же время былъ заваленъ безчисленными дѣлами по Сибирскому приказу, исполнялъ массу военныхъ, административныхъ, даже просвѣтительныхъ порученій Петра. Въ 1701 г. онъ заявлялъ, что собралъ въ школы 250 ребятъ, изъ которыхъ выйдутъ хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера [4]). Тогда же онъ открылъ навигаторскую школу.

Въ 1701 г., когда Виніусъ замѣщалъ плѣннаго генералъ-фельдцейхмейстера царевича Александра Арчилловича въ завѣдываніи Приказомъ артиллеріи, послѣдовало открытіе школъ на новомъ пушечномъ дворѣ. Велѣно было построить на пушечномъ дворѣ деревянныя школы и въ тѣхъ школахъ учить дѣтей пушкарскихъ и иныхъ постороннихъ чиновъ людей словесной и письменной грамотѣ, цифири и инженернымъ наукамъ. Указъ повелѣвалъ ученикамъ „будучи въ тѣхъ школахъ учиться наукамъ съ прилежаніемъ, а выучась, безъ указу съ Москвы не съѣхать, также въ иной чинъ, кромѣ артиллеріи, не отлучаться“. Въ школахъ былъ устроенъ для учениковъ полный пансіонъ [5]). Тѣмъ ученикамъ, которые будутъ прилежны и переимчивы, обѣщано особое государево жалованье [6]).

---

[1]) Гамель, 37.

[2]) Хрущовъ, 30. Съ этого момента Хрущовъ величаетъ его „Андреемъ Денисовичемъ“.

[3]) Письма и бумаги П. В., I, стр. 333.

[4]) Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. III, 1251. А въ 1703 г. въ „Вѣдомостяхъ“ читаемъ: „въ математической штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ“ (Вѣдомости времени Петра В., вып. 1-й М., 1903, стр. 3).

[5]) На кормъ имъ положено по 2 деньги человѣку на день, „и изъ тѣхъ денегъ изъ половины покупая хлѣбъ и харчъ: въ постные дни рыбу, а въ скоромные мясо и варить кашу или щи, а по другой деньгѣ—на обуви и на кафтанишки и на рубашенки“ (Бранденбургъ, 485).

[6]) Въ приложеніяхъ къ соч. Бранденбурга помѣщена вѣдомость расходамъ по содержанію артиллерійской школы 1701—1706 г.г. Изъ нея узнаемъ,

Замышляя ввести обученіе ребятъ нѣмецкому языку, Петръ проектировалъ къ этому дѣлу также привлечь Виніуса[1]). Царь давалъ ему массу ученыхъ порученій — переводовъ и составленія спеціальныхъ трактатовъ, словарей и пр. Не избѣжалъ Виніусъ и побочной работы, не имѣвшей непосредственной связи съ его должностями, такъ напр.: въ 1700 г. засѣдала комиссія по составленію новаго уложенія; комиссія эта поручила Виніусу отправиться къ патріарху съ просьбой представить матеріалы для уложенія по духовному вѣдомству[2]). Старикъ изнемогалъ отъ работы, но, пользуясь большими доходами, не желалъ отказываться ни отъ одной изъ должностей, что̀ въ концѣ концовъ привело его къ невозможности быть аккуратнымъ въ исполненіи возлагавшихся на него порученій. Оно сталъ уже часто вызывать неудовольствіе царя своею неаккуратностью („московскимъ тотчасомъ“, какъ любилъ выражаться Петръ). Неаккуратность его, особенно въ важномъ почтовомъ дѣлѣ, очевидно, достигла такихъ размѣровъ, что Царь не счелъ возможнымъ даже ждать пріѣзда его сына изъ-за границы и 17 марта 1701 г. указалъ: „почты Виленскую и города Архангельскаго, пріемомъ и отпускомъ которые вѣдаетъ стольникъ Матвѣй Виніусъ—вѣдать нынѣ Государственнаго Посольскаго приказу переводчику Петру Шафирову; а ему, Матѳѣю, той почты не вѣдать“[3]).

Съ потерей завѣдыванія почтами Андрею Виніусу приходилось примириться съ потерей крупной доходной статьи[4]). Оно подалъ въ Посольскій приказъ челобитье объ уплатѣ ему денегъ за заграничную корреспонденцію, въ размѣрѣ 304 р. 12 коп. Деньги эти были ему уплачены.

Потерявъ завѣдываніе почтою, Андрей Виніусъ сохранялъ за собою всѣ прочія должности; но съ этого момента расцвѣтъ его дѣятельности начинаетъ меркнуть.

Въ эпоху расцвѣта Виніусъ былъ крупнымъ и вліятельнымъ вельможей. Мы знакомимся съ нимъ съ этой стороны по запискамъ

что съ 1 авг. по 28 сент. 1701 г. было набрано 180 чел. учениковъ, а къ 1 апр. 1704 г. число ихъ доходило уже до 300. Изъ этого числа впослѣдствіи поступило на службу 11, отдано въ артиллерійскіе ученики 5, въ то кари—10, писаря пушкарскіе—2, пушечные ученики—1, сбѣжалъ—1.

[1]) Письма и бумаги П. В., II, 310.

[2]) Библіотека Моск. Общ. Ист. и древностей, М., 1845, стр. 117.

[3]) Хрущовъ, 31.

[4]) Къ этому времени относится сочиненіе русскаго экономиста, Ивана Посошкова „о ратномъ поведеніи“, въ которомъ послѣдній, указавши на выгоды, извлекаемыя иностранцами изъ почты въ ущербъ русскимъ, которые еще не умѣютъ пользоваться этимъ учрежденіемъ, совѣтуетъ уничтожить заграничную почту.

Корба, бывшаго въ Москвѣ въ 1698—99 г.г. Вотъ нѣкоторые изъ разсказовъ послѣдняго.

Царь,покончивъ съ казнями стрѣльцовъ и собираясь въ Воронежъ, велѣлъ генералу Лефорту устроить обѣдъ для вельможъ и иностранныхъ представителей. На этомъ обѣдѣ, происходившемъ 2 ноября 1698 г., былъ и Виніусъ. Корбъ разсказываетъ, что гр. А. А. Матвѣевъ за столомъ громко сказалъ Виніусу по-латыни: „дураками полонъ свѣтъ"; Корбъ умалчиваетъ, кого разумѣлъ Матвѣевъ подъ „дураками" [1]).

24 апрѣля Виніусъ съ монахомъ Каріономъ и нѣсколькими офицерами былъ на обѣдѣ у императорскаго посла Гваріента, въ свитѣ котораго былъ Корбъ [2]); къ обѣду былъ приглашенъ Андрей Виніусъ [3]). 10 іюня того же года императорское посольство посѣтило Воскресенскій монастырь. Когда пріѣзжіе гости осматривали храмъ, пришелъ Виніусъ съ бранденбургскимъ резидентомъ, и они всѣ обѣдали вмѣстѣ. Послѣ этого обѣда, разсказываетъ Корбъ, „отправились мы въ имѣніе Виніуса, отстоящее отсюда на нѣсколько миль [4]). Домъ его, хотя построенъ изъ мелкихъ кирпичей, однако же вполнѣ удобенъ и имѣетъ прекрасный видъ на обмывающую его стѣны рѣчку и открытыя на большомъ пространствѣ поля. Мы находили особенное удовольствіе, наслаждаясь катаньемъ на лодкѣ и ловлею сѣтями рыбы; это насъ тѣмъ болѣе занимало, что мы знали, что пойманная нами рыба будетъ служить для нашего ужина. Во всемъ гостепріимствѣ хозяина видны были искреннее благоволеніе и чистосердечное радушіе. Спустя нѣкоторое время, въ продолженіе котораго мы развлекались пріятной бесѣдой, кушали рачительно приготовленный обѣдъ и г. Посолъ съ нашимъ хозяиномъ обходился по-пріятельски" [5]).

И. П. Козловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Корбъ, 114.

[2]) Корбъ, 168.

[3]) Корбъ, 177.

[4]) О недвижимомъ имуществѣ Виніуса у насъ очень мало свѣдѣній. Среди межевыхъ книгъ М. Архива Мин. Юстиціи есть межевыя книги вотчинныхъ земель дьяка Андрея Виніуса 1692 г. (пустоши Шитина и Лазаркова Горетова стана). Описаніе докум. и бумагъ, хран. въ М. Архивѣ М. Юст. т. I, стр. 154.

[5]) Корбъ, 178—179.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 сентября по 15 октября 1909 г.

Баіовъ, А. Курсъ исторіи военнаго искусства. Вып. III. Эпоха Миниха (Царствованіе Императрицы Анны Іоанновны). Спб. 1909. Тип. Г. Скачкова (Итальянская, 16). 8⁰ (17×25). 91 стр. и 8 плановъ. Вѣсъ 19 л. 1.000 экз.

Голубинскій, Е. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Жизнеописаніе преподобнаго Сергія и путеводитель по Лаврѣ. М. 1909. Изд. 2-е, Имп. о-ва ист. и древн. при Универ. Тип. Синодальная. 8⁰ (18×28). 423 стр. Съ рис. и 20 табл. Складъ: Воздвиженка, Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 1.400 экз.

Житецкій, Иг. Гоголь—проповѣдникъ и писатель. Извлечено изъ Журнала Мин. Нар. Просв. за 1909 г. Спб. 1909. Тип. Сенатская. 8⁰ (16×24). 93 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 13 л. 300 экз.

Коварскій, В. Н. К. Михайловскій и общественное движеніе 70-хъ годовъ. Спб. 1909. Изд. Кн. маг. Наша Жизнь (Литейный, 32). Тип. Печат. Трудъ (Надеждинская, 38). 8⁰ (15×23). 88 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 8 л. 2.150 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ V. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій, Горькій. Спб. 1909. Изд. Т-ва Прометей (Поварской, 10). Тип. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (17×24). 239 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 26 л. 4.000 экз.

Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева. Томъ II. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб. 1909. Тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (16×23). VIII+367 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 4.100 экз.

Статьи о смутѣ, извлеченныя изъ хронографа 1617 года и отповѣдь въ защиту патріарха Гермогена (Извлеч. изъ XIII т. Русской историч. библ.). Спб. 1909. Изд. Имп. Археографич. Коммиссіи. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4⁰ (19×28). 50 стр. (Въ 2 столб.). Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Степановъ, Веніаминъ Васильевичъ. Капитанъ-лейтенантъ Барановъ. Очеркъ по матеріаламъ, предоставленнымъ семьею Н. М. Баранова. Одесса. 1909. Тип. Б. Сапожникова (ул. Жуковскаго, 12). 8⁰ (16×23). 26 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Труды Ярославской губернской архивной коммиссіи. Книга V. М. 1909. Изд. насл. И. А. Вахрамѣева. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8⁰ (18×26). 418 стр. Съ картой. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 600 экз.

Хорепископы древней Церкви и современные викаріи. Историко-каноническая справка. Н.-Новгородъ. 1909. Тип. т-ва И. М. Машистова. 8⁰ (15×23). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Баіовъ, А., проф. Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства. Вып. VI. Эпоха Петра Великаго. Спб. 1909. Тип. Г. Скачкова (Владим. просп., 7). 8⁰ (16×25). 190 стр. и 6 схемъ и плановъ. Вѣсъ 23 л. 1.000 экз.

Историческое описаніе Никитскаго женскаго общежительнаго монастыря. Въ городѣ Каширѣ, Тульской губерніи. Кіевъ. 1909. Тип. Кіево-Печерск. Успенск. Лавры. 8⁰ (17×26). 11+161 стр. Съ портр. Вѣсъ 31 л. 1.050 экз.

Кобылинъ, А. Н. Домъ князей Ромадановскихъ въ гор. Курскѣ. Докладъ въ общемъ собраніи Курской Ученой Архивной Коммиссіи 10-го декабря 1908 г. Курскъ. 1909. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (17×122). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Латышевъ, В. В. Ποντίκα. Изборникъ научныхъ и критическихъ статей по исторіи Археологіи, Географіи и Эпиграфіи Скиѳіи, Кавказа и Греческихъ колоній на побережьяхъ Чернаго моря. Спб. 1909. Изд. Археологич. Коммиссіи. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я лин., № 12). 8⁰ (19×27). XIII+430 стр.+4 табл. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 610 экз.

Маловъ, Евѳ. А. Свѣдѣнія о Руси. По книгѣ Казанскаго муллы Шигаб-еддина 1885 г. Казань. 1909. Изд. о-ва археологіи. Тип. Университетская. 8⁰ (16×24). 31 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Невоструевъ, К. И. Историческое обозрѣніе Симбирска отъ первыхъ временъ его до возведенія на степень губернскаго города. Симбирскъ. 1909. Изд. ученой архивной коммиссіи. Тип. А. Токарева. 8⁰ (17×24). 40 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Пановъ, К. Исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. Книга 1, 2 и 3. Спб. 1909. Изд. кн. ск. „Нива Золотая“ (Лиговка, 65). Тип. Четверикова (Караванная, 7). 8⁰ (16×23). 477 стр. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 5.000 экз.

Труды Саратовской Ученой архивной Коммиссіи. Вып. 25-й. 1909 г. Саратовъ. 1909. Тип. о-ва Книгопечатниковъ. 8⁰ (17×24). 4+346+102 стр. Съ 8 рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 800 экз.

Лютшъ, А., Зоммеръ, В., и Липовскій, А. Итоги XVIII вѣка въ Россіи. Введеніе въ русскую исторію XIX вѣка. Очерки. М. 1909. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (17×24). 500 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 3.500 экз.

Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Вып. II. М. 1909. Изд. 2-е. Тип. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (18×25). 200 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 3.250 экз.

Архангеловъ, С., свящ. Житіе и чудеса св. благовѣрной великой княгини Анны Кашинской. Спб. 1909. Изд. автора (Долгоруковъ., 2). Тип. И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Фонтанка, 117). 9⁰ (16×25). V+178 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 18 л. 5.000 экз.

Архангеловъ, С. Описаніе Кашинскаго Николаевскаго Клобукова монастыря. Спб. 1909. Тип. Колоколъ (Невскій, 127). 8⁰ (14×20) 117 стр. Съ рис. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Галкинъ. Русско-Японская война. Четырехдневное сраженіе 2-й Манчжурской арміи Ген.-адъют. Гриппенберга. Хейгоутай—Сандепу съ 12-го по 15-е января 1905 года. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14). Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8⁰ (16×22). II+341 стр. Съ 25 табл. Вѣсъ 16 л. 2.020 экз.

Горталовъ, Н. Школьные годы С. Т. Аксакова. Казань. 1909. Тип. университетская. 8⁰ (17×25). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Ермиловъ, В. Е. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ какъ поэтъ и человѣкъ. Отзывы В. Г. Бѣлинскаго и Вал. Майкова, письма, „записная книжка“ и „Собраніе пословицъ“ Кольцова. М. 1909. Изд. и тип. Т-ва

И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (15×23). 96 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 9 л. 5.000 экз.

Завьяловъ, Іоаннъ, свящ. Городъ Кашинъ, его исторія, святыни и достопримѣчательности. (Съ краткимъ житіемъ благовѣрной кн. Анны). Спб. 1909. Изд. В. М. Скворцова. Тип. Колоколъ (Невскій, 127). 8⁰ (14×20). II+111 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 6.000 экз.

Извѣстія Имп. Археологической Коммиссіи. Вып. 32 (вопросы реставраціи, вып. 4). Спб. 1909. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4⁰ (20×28). 166 стр. Съ 4 табл. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 900 экз.

Извѣстія Имп. Археологической Коммиссіи. Прибавленіе къ вып. 32. (Хроника и библіографія, вып. 16). Спб. 1909. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4⁰ (20×28). 153 стр. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 900 экз.

Исторія русской литературы. Подъ ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Томъ II. Вып. XI. М. 1909. Изд. И. Д. Сытина и т-ва Міръ. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (19×28). 401—464 стр. Съ рис. Вѣсъ 15 л. 6.000 экз.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 12. М. 1909. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (19×27). 33—112 стр. Вѣсъ 15 л. 9.000 экз.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 13. М. 1909. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (19×27). 113—192 стр. Съ портр. Вѣсъ 16 л. 9.000 экз.

Лигницъ, Ф. Японо-русская война. Вып. XXIV. Извлеченіе изъ II части. А. К-ъ. Спб. 1909. Изд. В. Березовскаго. Тип. Тренке и Фюсно (Максимиліан. пер., 13). 8⁰ (16×22). 69 стр. и 8 плановъ. Вѣсъ 14 л. 2.000 экз.

Нелидовъ, Ѳ. Ѳ. Западники 40-хъ годовъ. Н. В. Станкевичъ, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій и др. Вып. II. М. 1910. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (15×22). VIII+LX+272 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 31 л. 3.000 экз.

Памятники исторіи смутнаго времени. Под. ред. А. И. Яковлева М. 1909. Изд. Н. Н. Клочкова. Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8⁰ (18×28). IX+101++3 стр. Скл.: Кн. магаз. А. А. Карцева (Моховая, 20). Ц. 65 к. Вѣсъ 12 л. 3.000 экз.

Пономаревъ, И. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, его личность и творчество. Казань. 1909. Тип. университеская. 8⁰ (17×25). 26 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности. Вып. II. Новгородъ. 1909. Тип. Губернская. 8⁰ (17×25). 31+53+7+9+42 стр. и 16 таб. рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 30 л. 500 экз.

Славскій, В. В. Исторія русской словесности (Очерки русской литературы 40—60 г.г.). Ч. III. Вып. II. Спб. 1909. Изд. бр. Башмаковыхъ. Тип. Трудъ (Фонтанка, 86). 8⁰ (18×25). XIX+334 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 10.000 экз.

Титовъ, Ѳ. И., пр. Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (1705—1754 г.г.), бывшій ученикъ-учитель Кіевской Академіи. Кіевъ. 1909. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×24). 49 стр. Съ портр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 120 экз.

Туткевичъ, Д. Памяти святителя Іоасафа Горленко, епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго (1705—1754). Кіевъ. 1909. Изд. Владимір. братства. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×24). 61 стр. Съ портр. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 360 экз.

Арсеньевъ, Ю. В. и Трутовскій, В. К. Оружейная палата. Путеводитель. М. 1909. Тип. В. Воронова (противъ Манежа, д. кн. Гагарина). 16⁰ (13×17). VIII+296 стр. Вѣсъ 17 л. 6.000 экз.

Изъ архива князя С. В. Шаховского. Матерьялы для исторіи недавняго прошлаго Прибалтійской окраины (1885—1894), т. II. Спб. 1909. Тип. Эриксъ (Невскій, 74). 8⁰ (17×25). 228 стр. 1 портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 2.000 экз.

Павловъ-Сильванскій, Н. П. Сочиненія Т. II. Очерки по русской исторіи. XVIII и XIX вв. Спб. 1910. Тип. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8⁰ (16×23). 401 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 3.000 экз.

Плехановъ, Г. В. Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1910. Изд. „Шиповникъ“ (Спб., Б. Конюшен., 17). Тип. т-ва Кушнеревъ и К⁰ (Фонтанка, 117). 8⁰ (17×24). 537 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 3.400 экз.

Пришвинъ, М. У стѣнъ града невидимаго. М. 1909. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (14×20). 189 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 3.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ 1. Вып. II. (Русская литература съ XI по XVIII в.). Спб. 1909. Изд. 4-е, Бр. Башмаковыхъ. Тип. „Трудъ“ (Фонтанка, 86). 8⁰ (17×24). VIII+268 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 25 л. 5.000 экз.

Труды Вятской архивной коммиссіи. 1909 годъ. Вып. I. Вятка. 1909. Тип. Губернская. 8⁰ (16×24). 64+II+41+85+II стр. Съ портр. Вѣсъ 18 л. 250 экз.

Указатель къ грамотамъ и актамъ Вятскаго архіерейскаго дома. Вятка. 1909. Тип. Губернская. 8⁰ (16×24). 67 стр. Вѣсъ 5 л.

Чевскій, В. Р. Императоръ Александръ II въ Вологдѣ въ 1858 году. (Изъ воспоминаній вологжанина). Тула 1909. Тип. С. Н. Соколова (Пушкинская, д. Тихонова). 16⁰ (11×16). 16 стр. Вѣсъ 2 л.

По поводу статьи „Киньчжоускій бой“.

Въ виду того, что въ статьѣ „Киньчжоускій бой“, помѣщенной въ книгѣ 6-ой „Русской Старины“, нѣкоторые факты и событія, участникомъ въ которыхъ и мнѣ пришлось быть, изложены не въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, а также потому, что статья эта набрасываетъ тѣнь, въ числѣ другихъ лицъ, также и на меня лично, я прошу помѣстить нижеслѣдующее мое опроверженіе [1]).

Я дѣлаю это главнымъ образомъ потому, что авторъ этой статьи, ген. А. В. Фокъ, на первыхъ же ея страницахъ завѣрилъ читателей, что все имъ сказанное можетъ быть провѣрено по документамъ, находящимся въ Военно-Исторической комиссіи по описанію Русско-Японской войны. Какъ членъ этой комиссіи, близко ознакомленный со всѣми, безъ исключенія, документами, хранящимися въ архивѣ Военно-Исторической комиссіи, я заявляю, что въ дѣлахъ комиссіи совершенно не имѣется документовъ, могущихъ подтвердить сочиненіе г. А. В. Фока, но наоборотъ тамъ существуютъ документы, вполнѣ опровергающіе возводимыя имъ обвиненія. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ я и привожу ниже.

Прежде всего коснусь вопроса наиболѣе интереснаго для читателей по существу,—именно вопроса о проектѣ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи, составленномъ генераломъ Кондратенко, полковникомъ Третьяковымъ и мною при осмотрѣ ея 21-го января 1904 года.

Ген. А. В. Фокъ признаетъ его „несостоятельнымъ“.

Такое запоздалое признаніе плана укрѣпленія Киньчжоуской позиціи „несостоятельнымъ“ является чрезвычайно страннымъ. Тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что этотъ планъ былъ извѣстенъ

[1]) Статья эта составлена въ іюлѣ, но задержана ожиданіемъ окончанія статьи „Киньчжоускій бой“.

ген. Фоку еще въ день его составленія и что тогда ген. Фокъ, повидимому, былъ согласенъ съ нимъ, такъ какъ, не вычеркивая ни одного пункта, онъ счелъ нужнымъ лишь внести добавленіе о сплошной траншеѣ.

Дѣло было такъ: ген. Кондратенко, прибывъ на Квантунъ незадолго до начала военныхъ дѣйствій, былъ однимъ изъ немногихъ лицъ, увѣренныхъ въ неизбѣжности близкой войны.

Вслѣдствіе этого онъ *по собственной иниціативѣ* предпринялъ подробное изслѣдованіе позицій будущаго театра войны на Квантунѣ и даже тѣхъ, которыя не лежали въ районѣ ввѣренной ему 7-й стрѣлковой бригады. 21-го января 1904 года онъ осмотрѣлъ и Киньчжоускую позицію вмѣстѣ съ городомъ Киньчжоу.

Я жилъ тогда въ городѣ Таліенванѣ, гдѣ строилъ казармы для войскъ 4-й бригады. Въ это же время мною производилась съемка и нивеллировка Киньчжоуской позиціи и составлялся проектъ ея долговременныхъ укрѣпленій.

21-го января утромъ я получилъ телеграмму отъ завѣдывающаго инженерной частью Квантунской области г.-м. Базилевскаго съ приказаніемъ немедленно отправиться на Киньчжоускую позицію для ознакомленія ген. Кондратенко съ ея свойствами. Прибывъ туда, я уже засталъ на позиціи генерала вмѣстѣ съ полковникомъ Третьяковымъ.

Весь день былъ посвященъ осмотру позиціи и ея окрестностей. Вечеромъ былъ составленъ проектъ возобновленія старыхъ укрѣпленій и постройки новыхъ, и только поздно ночью я вернулся домой.

Утромъ 22-го января ген. Кондратенко вмѣстѣ съ полк. Третьяковымъ прибыли въ Таліенванъ, гдѣ былъ произведенъ осмотръ старыхъ китайскихъ береговыхъ батарей. Затѣмъ былъ составленъ докладъ (или протоколъ) предыдущаго осмотра Киньчжоуской позиціи и подписанъ всѣми осматривавшими.

Послѣ полудня ген. Кондратенко, взявъ этотъ докладъ, отправился вмѣстѣ съ полк. Третьяковымъ на другой берегъ Таліенванскаго залива въ городъ Дальній къ командиру 4-й бригады г.-м. Фоку. Желаніе ген. Кондратенко посовѣтоваться съ ген. Фокомъ о предполагаемыхъ работахъ на Киньчжоуской позиціи было тѣмъ болѣе естественно, что Киньчжоуская позиція входила въ раіонъ войскъ, подчиненныхъ ген. Фоку. Мнѣ лично предметъ бесѣды обоихъ генераловъ долго не былъ извѣстенъ, и лишь тода 2 спустя, я узналъ отъ полк. Третьякова, что предметомъ бесѣды служила позиція, и что ген. Фокъ, ознакомившись съ докладомъ, не раскритиковалъ его тогда (такъ безжалостно, какъ теперь), а лишь сдѣлалъ

нѣкоторыя дополненія, которыя и были внесены ген. Кондратенко тогда же въ тотъ же документъ. Но гдѣ находился этотъ документъ, мнѣ не было извѣстно. Только въ этомъ году въ Военно-Историческую комиссію былъ доставленъ дневникъ обороны Портъ-Артура, составленный въ штабѣ ген. Кондратенко. Дневникъ этотъ былъ вывезенъ изъ Артура бывшимъ адъютантомъ покойнаго ген. Кондратенко, поруч. Гриневичемъ, и представленъ Его Императорскому Величеству. Желая использовать этотъ дневникъ, являющійся, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важнымъ матеріаломъ для составленія описанія обороны Портъ-Артура, онъ былъ выписанъ изъ Военно-походной Его Величества Канцеляріи въ Военно-Историческую комиссію. Здѣсь я съ нимъ и ознакомился, и въ немъ я нашелъ составленный ген. Кондратенко, полк. Третьяковымъ и мною докладъ объ осмотрѣ Киньчжоуской позиціи въ январѣ 1904 года. Просматривая его, я дѣйствительно увидѣлъ на поляхъ тѣ отмѣтки, сдѣланныя рукою ген. Кондратенко, при совѣщаніи съ ген. Фокомъ, о которыхъ мнѣ сообщилъ раньше полк. Третьяковъ.

Такимъ образомъ ген. Фокъ съ предположеніемъ о работахъ на Киньчжоуской позиціи былъ ознакомленъ во-время, прежде чѣмъ докладъ поступилъ въ Областной Совѣтъ. А въ такомъ случаѣ значитъ одно изъ двухъ: или онъ не признавалъ его тогда столь несостоятельнымъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь, или же, замѣтивъ его несостоятельность, умышленно промолчалъ. Я ни на минуту не позволю себѣ утвердиться въ послѣдней мысли, и мнѣ остается лишь допустить мое первое предположеніе.

Къ этому послѣднему приводятъ меня и нѣкоторыя изъ моихъ воспоминаній. Такъ, я отлично помню, какъ однажды, послѣ того, какъ была построена по желанію генерала Фока нижняя сплошная траншея, онъ пріѣхалъ на позицію и, осматривая ее, сказалъ мнѣ лично: „Ну вотъ, теперь прекрасно, и я берусь оборонять позицію, даже безъ артиллеріи“.

Когда же, спрашивается, былъ искрененъ генералъ Фокъ? Тогда или теперь?

Обращаясь къ критикѣ плана укрѣпленій Киньчжоуской позиціи, сдѣланной г. А. В. Фокъ на страницѣ 601, мы видимъ, что пунктъ 22-й проекта, въ коемъ производство работъ предполагалось возложить на полковника Третьякова и меня, г. А. В. Фокъ называетъ „курьезомъ“.—„Въ акціонерныхъ компаніяхъ и то комиссія, разрабатывающая проектъ, не назначаетъ исполнителей изъ своихъ членовъ“, пишетъ г. А. В. Фокъ. Дѣйствительно, въ акціонерныхъ компаніяхъ это могло составить курьезъ, но въ данномъ случаѣ дѣло отъ курьеза далеко. Осматривая позицію и намѣчая будущія

работы, генералъ Кондратенко предложилъ выполненіе ихъ полковнику Третьякову и мнѣ. Мнѣ неизвѣстно, почему онъ это сдѣлалъ, но я полагаю, что при осмотрѣ генералъ убѣдился, что и полковникъ Третьяковъ, и я хорошо ознакомлены со свойствами позиціи. Я, какъ уже работавшій на позиціи 1/2 года (по составленію проекта долговременныхъ укрѣпленій), а полковникъ Третьяковъ, какъ укрѣплявшій ее еще въ 1901 году и какъ командиръ полка, стоявшаго въ гарнизонѣ на позиціи. Спрошенные генераломъ Кондратенко тогда же, согласны ли мы взять на себя наблюденія за производствомъ работъ, мы оба, конечно, сейчасъ же согласились. Я думаю и теперь, что иначе поступить мы не могли, да и не должны были. Каюсь, что намъ и въ голову не приходило, что черезъ нѣсколько лѣтъ насъ уподобятъ членамъ „акціонерной компаніи“ и надъ нашимъ согласіемъ работать станутъ смѣяться, какъ надъ курьезомъ!

Но все это конечно пустяки. Мнѣ кажется, что случай этотъ имѣетъ гораздо больше значенія въ дѣлѣ характеристики двухъ генераловъ: Кондратенко и Фока.

Киньчжоуская позиція не входила въ раіонъ войскъ бригады генерала Кондратенко. Казалось бы, что ему нѣтъ вовсе дѣла до ея разрушенныхъ батарей, сгнившихъ пороховыхъ погребовъ, обвалившихся, засыпанныхъ окоповъ. Казалось бы, что если надлежащее состояніе позиціи должно было интересовать кого-нибудь, то именно начальника тѣхъ войскъ, въ раіонѣ которыхъ она находилась, т. е. генерала Фока. Но мы видимъ совершенно обратное. Въ то время, когда генералъ Фокъ, прибывшій на Квантунъ еще въ іюнѣ 1903 года, не предпринималъ для усиленія позиціи никакихъ шаговъ, генералъ Кондратенко, по личной иниціативѣ, безъ всякаго побужденія свыше, ѣдетъ, осматриваетъ, ходитъ цѣлый день по горамъ и полный негодованія говоритъ: „Какой позоръ для Великой Державы имѣть такой важный пунктъ въ такомъ состояніи“. Это былъ человѣкъ великой иниціативы! И тутъ же онъ намѣчаетъ все, что нужно сдѣлать въ первое время, тутъ же привлекаетъ людей для выполненія намѣченнаго. Развѣ же можно все это считать курьезомъ? Развѣ достойно дѣлать изъ этого предметъ насмѣшки? Одно уваженіе къ свѣтлой памяти покойнаго героя должно было уже остановить автора статьи „Киньчжоускій бой“.

Въ слѣдующемъ абзацѣ на той же стр. 601 статьи г. А. В. Фока говорится:

„Планъ этотъ былъ настолько несостоятеленъ, что Областной Совѣтъ не утвердилъ его, несмотря на то, что требовалось всего 19 тысячъ рублей для выполненія его.

Но когда черезъ 3 дня т. е. 27-го января открылись военныя дѣйствія, и все начальство Артура, не исключая Начальника Инженеровъ крѣпости, выѣхало, планъ этотъ приказано было привести въ исполненіе“.

Въ приведенной выдержкѣ г. А. В. Фокъ даетъ совершенно невѣрное объясненіе фактамъ, а о нѣкоторыхъ совсѣмъ умалчиваетъ.

Дѣйствительно, Областной Совѣтъ не нашелъ возможнымъ отпустить требуемыя на ремонтъ старыхъ позиціонныхъ укрѣпленій 19 тысячъ рублей (или 16 тысячъ рублей), но не потому, что онъ яко-бы призналъ проектъ несостоятельнымъ. 24-го января 1904 г. генералъ Кондратенко внесъ свой докладъ для обсужденія Областного Совѣта, а 26-го января я былъ вызванъ изъ Таліенвана въ Портъ-Артуръ, и здѣсь завѣдующій инженерной частью области объявилъ мнѣ, что Областной Совѣтъ не нашелъ возможнымъ (или не можетъ, точно теперь не помню) отпустить всю требуемую сумму, но можетъ ассигновать лишь 5 тысячъ рублей. Причинами этого могли послужить или неимѣніе въ этотъ моментъ свободныхъ кредитовъ, или же увѣренность, что война еще не такъ близка. Въ эту же ночь съ 26-го на 27-ое января война началась, и меня сейчасъ же отправили на Киньчжоу для выполненія работъ, намѣченныхъ генераломъ Кондратенко, полковникомъ Третьяковымъ и мною.

Если бы Областной Совѣтъ призналъ 24-го января планъ укрѣпленія позиціи несостоятельнымъ, то развѣ могли бы черезъ 2 дня мнѣ же приказать привести его въ исполненіе? Вѣдь это было бы преступленіемъ! Такую точку зрѣнія г. А. В. Фока я не могу раздѣлить.

Наконецъ послѣдняя фраза вышеприведенной выдержки о томъ, что 27-го января все крѣпостное начальство вмѣстѣ съ завѣдующимъ инженерной частью области выѣхало изъ Артура, также совершенно невѣрна, ибо выѣздъ этотъ имѣлъ мѣсто не 27-го января, а 4-го февраля, т. е. 10 дней спустя, когда, согласно распоряженію на случай мобилизаціи, завѣдующіе отдѣльными частями выѣхали въ Мукденъ для формированія тамъ учрежденій тыла арміи.

Въ сочиненіи моемъ „Укрѣпленіе Киньчжоуской позиціи“ было сказано, что прежде чѣмъ посылать меня для работы на Киньчжоу, начальникъ инженеровъ, генералъ Базилевскій, проектъ просмотрѣлъ и сдѣлалъ еще нѣкоторыя свои указанія. Г. А. В. Фокъ объ этомъ не упомянулъ.

Перехожу затѣмъ ко второму вопросу—относительно участія генерала Фока въ дѣлѣ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи. Было бы

несправедливо утверждать, что генералъ Фокъ не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія. Нѣтъ, онъ часто пріѣзжалъ на позиціи, осматривалъ работы и тутъ же отдавалъ свои распоряженія, и часто приказывалъ дѣлать то, что не входило въ проектъ. Здѣсь я долженъ упомянуть, что о дополненіяхъ, внесенныхъ въ проектъ генераломъ Фокомъ 22-го января 1904 г., мнѣ тогда ничего не было извѣстно, такъ какъ генералъ Кондратенко не сообщилъ мнѣ о нихъ ничего. Поэтому, требованіе генерала Фока объ устройствѣ сплошной траншеи для меня явилось неожиданностью. Какъ справедливо замѣчаетъ въ своей статьѣ г. А. В. Фокъ, я не былъ поклонникомъ такой сплошной траншеи, имѣя въ виду малочисленность гарнизона (сначала 6, а потомъ 10 ротъ 5-го полка) и пересѣченность мѣстности вблизи позиціи многочисленными оврагами. Овраги эти служили отличными ближними подступами; они отлично обстрѣливались съ вершины позиціи и *вовсе не могли быть обстрѣляны изъ траншеи, расположенной внизу горы.*

Генералъ Фокъ былъ правъ, утверждая, что окопы внизу лучше маскируются и больше способствуютъ настильности стрѣльбы, чѣмъ верхній ярусъ окоповъ, но онъ забывалъ, что эти достоинства совершенно уничтожаются именно тѣмъ недостаткомъ, о которомъ я только-что упоминалъ, а именно—невозможностью обстрѣлять овраги. Поэтому и генералъ Кондратенко, и полковникъ Третьяковъ, и я считали необходимымъ устроить прежде всего траншеи на вершинѣ позиціи, что̀ и было сдѣлано. Когда же генералъ Фокъ настоятельно потребовалъ устройства другой траншеи внизу позиціи, то и это было исполнено, хотя не входило въ проектъ и значительно увеличивало длину позиціи. При этомъ генералъ Фокъ дѣйствительно приказалъ протянуть эту сплошную траншею къ сѣверу по направленію къ деревнѣ Ліудягенъ, захвативъ ею колодцы. Это послѣднее приказаніе было вполнѣ цѣлесообразно, ибо въ то время на самой позиціи колодцевъ не существовало, и гарнизонъ ея питался водой изъ колодцевъ, лежавшихъ внѣ позиціи въ деревняхъ Тидятень и Ліудягенъ. Когда же, вскорѣ послѣ этого, намъ удалось на самой позиціи въ центрѣ ея и въ нѣсколькихъ мѣстахъ по окраинамъ откопать нѣсколько колодцевъ, весьма обильныхъ водой, то надобность въ траншеяхъ, направленныхъ къ деревнѣ Ліудягенъ, такимъ образомъ, миновала, и онѣ были оставлены, а нижняя траншея отъ люнета № 4 обогнула позицію съ сѣвера и съ запада по пологому скату. Здѣсь условія маскировки были легче, чѣмъ на Восточномъ фронтѣ. Выдвигать же траншеи отъ деревни Ліудягенъ прямо къ морю и полковникъ Третьяковъ, и я считали совершенно недопустимымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ эта

траншея подвергалась бы обстрѣливанію продольно и даже въ тылъ со стороны моря, и сообщеніе ея съ самой позиціей было бы чрезвычайно затруднительно и даже почти невозможно.

Что генералъ Фокъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ, можетъ быть подтверждено и такого рода телеграммой его, присланной имъ изъ Дальняго командиру 5-го полка и переданной въ копіи тогда же мнѣ.

Телеграмма эта гласила слѣдующее: „всѣхъ рабочихъ, свободныхъ отъ исправленія батарей, поставить на нижнюю траншею, какъ мною было указано. Каменоломни приспособить для помѣщенія въ нихъ кухонь и складовъ, обезпечивъ отъ прицѣльной стрѣльбы гранатой. Будутъ ли японцы, это еще вопросъ, а Куропаткинъ будетъ. Онъ уже въ Мукденѣ. Я пріѣду завтра“. Эту оригинальную телеграмму я долго хранилъ и ясно помню въ ней каждое слово.

Такимъ образомъ, позиція оказалась окруженной внизу со всѣхъ сторонъ сплошной траншеей, сдѣланной по настоянію ген. Фока, и вторымъ ярусомъ траншей по ея вершинѣ, согласно проекту.

Тогда я пришелъ къ заключенію, что генералъ Фокъ намѣренъ сосредоточить оборону позиціи внизу, а въ верхнихъ траншеяхъ держать резервъ или части для обстрѣливанія овраговъ. Имѣя это въ виду, полковникъ Третьяковъ и я рѣшили, для облегченія передвиженія частей сверху внизъ, устроить между обоими ярусами ходы сообщенія, что̀ и было сдѣлано. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы по возможности парировать прорывъ длинной нижней траншеи и дать фланговую оборону ближайшихъ къ ней подступовъ, мы и устроили отъ мѣста до мѣста люнеты №№ 3, 4 и 5. Люнеты эти хорошо обстрѣливались изъ верхнихъ траншей.

Когда работы по укрѣпленію позиціи были закончены, позиція была осмотрѣна 21-го марта 1904 года Намѣстникомъ Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ совмѣстно съ начальникомъ его полевого штаба генералъ-лейтенантомъ Жилинскимъ и генералъ-лейтенантомъ Стесселемъ. Я помню, какъ при осмотрѣ этой позиціи генералъ-лейтенантъ Жилинскій, обративъ вниманіе на нижнюю траншею, замѣтилъ, что *такой способъ укрѣпленія можетъ дать хорошіе результаты лишь при наличіи большихъ резервовъ*, что̀ впослѣдствіи и подтвердилось.

Такимъ образомъ участіе генерала Фока въ укрѣпленіи Киньчжоуской позиціи не подлежитъ никакому сомнѣнію, и участіе это закрѣплено благодарностью Намѣстника Его Императорскаго Величества, выраженной генералу Фоку въ приказѣ Намѣстника отъ 22-го марта 1904 г. Если бы генералъ Фокъ нахо-

дилъ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи несостоятельными, то я полагаю, что онъ обратилъ бы вниманіе Намѣстника на ихъ несостоятельность. *Вѣдь это было 21-го марта.* Я былъ переведенъ въ этотъ день въ г. Таліенванъ для постройки тамъ батарей. Японцы еще не высаживались, и если такую массу работъ полковникъ Третьяковъ и я сдѣлали зимой меньше чѣмъ въ 2 мѣсяца, то измѣнить сдѣланное нами при наступавшей теплой весенней погодѣ, оттаявшемъ уже грунтѣ и массѣ рабочихъ (а ихъ было до 5 тысячъ въ день), мнѣ кажется, не потребовало бы много времени. Я думаю, что генералъ Фокъ и обязанъ былъ сдѣлать это, такъ какъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ на позицію онъ объявилъ намъ, что онъ назначенъ комендантомъ позиціи [1]). Кому же какъ не коменданту позиціи надлежало заботиться о томъ, чтобы укрѣпленія ея были если не превосходными, то хоть состоятельными.

Генералъ Фокъ дѣйствительно явился иниціаторомъ устройства бойницъ и эти послѣднія дѣйствительно принесли пользу. Но иниціаторомъ устройства козырьковъ въ окопахъ, насколько я помню, былъ полковникъ Третьяковъ.

На стр. 601 своей статьи ген. А. В. Фокъ пишетъ, что онъ старался убѣдить комиссію, то есть Кондратенко, полковника Третьякова и меня, въ томъ, что наиболѣе доступный для атаки флангъ— есть лѣвый флангъ. Можетъ быть генералъ Фокъ говорилъ объ этомъ генералу Кондратенко и полковнику Третьякову, но мнѣ лично онъ объ этомъ не говорилъ ни разу въ теченіе всего производства работъ. Только когда я былъ посланъ на позицію вторично уже 8-го мая, для установки тамъ 6 дюйм. пушекъ Канэ, то генералъ Фокъ дѣйствительно говорилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, атака будетъ направлена на лѣвый флангъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть, что еще за недѣлю до этого, то есть 29-го апрѣля, я былъ вызванъ съ форта № 111 (въ Артурѣ) генераломъ Кондратенко къ нему. Въ это время уже были получены извѣстія о движеніи японцевъ отъ Бидзыво къ Киньчжоу. Вызвавъ меня, генералъ Кондратенко спросилъ мое мнѣніе, не нужно ли еще что-нибудь сдѣлать для усиленія Киньчжоуской позиціи. Я отвѣтилъ, что считалъ бы необходимымъ усилить ея вооруженіе нѣсколькими крѣпостными орудіями главнымъ образомъ для борьбы съ флотомъ и обезпечить оба ея фланга отъ возможности обхода. Тогда генералъ Кондратенко позвалъ адъютанта штаба дивизіи поручика Гриневича; вмѣстѣ съ генераломъ мы составили докладъ и продиктовали его поручику Гриневичу. Этотъ докладъ былъ доложенъ

[1]) Приказъ Намѣстника отъ 6-го февраля.

генераломъ Кондратенко генералу Стесселю и послѣднимъ одобренъ; но онъ не былъ приведенъ въ исполненіе цѣликомъ по слѣдующимъ причинамъ.

Перваго мая въ городъ Дальній была отправлена комиссія для выясненія вопроса, слѣдуетъ ли взрывать молы или нѣтъ. Въ составъ комиссіи входилъ и я. Мы выѣхали изъ Артура въ поѣздѣ. Съ нами вмѣстѣ ѣхалъ и генералъ Кондратенко до станціи Нангалинъ, гдѣ онъ остался у генерала Фока. Когда мы возвращались изъ Дальняго, то на той же станціи къ намъ въ поѣздъ опять сѣлъ генералъ Кондратенко. Здѣсь въ купэ вагона, въ присутствіи Генеральнаго Штаба подполковника Науменко и капитана Одинцова, я спросилъ генерала Кондратенко, когда же мы приступимъ къ усиленію фланговъ позиціи. На это генералъ махнулъ рукой и отвѣтилъ, что вовсе не приступимъ. Когда же я спросилъ почему, то онъ сказалъ, что генералъ Фокъ съ этимъ проектомъ не согласенъ. Въ живыхъ остался только одинъ свидѣтель этого разговора—подполковникъ Одинцовъ. Не знаю, помнитъ ли онъ его. Я же помню ясно.

Вслѣдствіе этого генералу Фоку вовсе не было нужды разубѣждать меня въ томъ, что атака можетъ быть направлена и на лѣвый флангъ. Я самъ допускалъ это и хотя считалъ атаку праваго фланга болѣе вѣроятной, все же находилъ нужнымъ и предлагалъ усилить оба фланга, и не моя вина, если это не было сдѣлано. Докладъ, составленный объ этомъ генераломъ Кондратенко и мною 29-го апрѣля 1904 года, пропалъ, но черновикъ его, написанный рукой поручика Гриневича, находится въ дѣлахъ Военно-Исторической комиссіи.

Непонятнымъ представляется еще одно обстоятельство. Если генералъ Фокъ былъ увѣренъ, что атака будетъ направлена на лѣвый флангъ, то почему же крѣпостныя пушки 6 дюйм. въ 120 п. и 42 линейныя вмѣсто лѣваго фланга, гдѣ для нихъ были приготовлены соотвѣтствующія батареи, были почти наканунѣ атаки перенесены на правый флангъ, откуда стрѣлять по японскимъ судамъ не могли. Генералъ Фокъ былъ на позиціи 11-го мая и не только на позиціи, но и на обѣихъ батареяхъ крѣпостныхъ пушекъ, однако распоряженія о перемѣщеніи ихъ обратно на лѣвый флангъ онъ не сдѣлалъ. Вѣдь, какъ комендантъ позиціи, онъ могъ это сдѣлать.

И такъ, участіе генерала Фока въ работахъ по укрѣпленію Киньчжоуской позиціи выразилось въ томъ, что, кромѣ верхняго яруса траншей по проекту, была еще устроена, по личному его предложенію, одна сплошная, непрерывная, вокругъ всей позиціи, траншея внизу.

Остается разсмотрѣть вопросъ, насколько эта послѣдняя была полезна. Я полагаю, что она была бы безусловно полезна, но при непремѣнномъ условіи увеличенія числа ротъ гарнизона позиціи. А этого-то непремѣннаго условія соблюдено не было. Какъ уже было мною упомянуто, гарнизонъ позиціи составляли только тѣ 10 ротъ 5-го полка, которыя при составленіи проекта предполагалось размѣстить въ верхнихъ траншеяхъ и редутахъ. Съ устройствомъ же предложенной генераломъ Фокомъ траншеи, длина позиціи, какъ это справедливо замѣчаетъ и полковникъ Третьяковъ [1]), значительно увеличилась, а гарнизонъ остался тотъ же; его пришлось размѣстить въ нижнемъ ярусѣ траншей, а большинство траншей верхняго яруса оставались совершенно не занятыми. Вслѣдствіе этого произошло 2 обстоятельства:

1) овраги, ведущіе къ позиціи и служившіе главными путями наступленія, не могли хорошо обстрѣливаться, слѣдовательно, доступъ къ позиціи облегчился, и

2) когда японцамъ удалось пробраться между разрушенными участками перваго яруса траншей, они безпрепятственно добрались до вершины, заняли траншеи 2-го яруса и батареи и стали оттуда обстрѣливать нижній ярусъ. Я не сомнѣваюсь, что этого не могло бы случиться, если бы и 2-й ярусъ былъ занятъ такъ же, какъ первый въ началѣ боя или хотя бы въ серединѣ его высылкой частей изъ резерва.

Такого рода размѣщеніе войскъ дало бы хорошіе результаты, и именно потому, что изъ верхняго яруса отлично обстрѣливались бы скрытые подступы, а въ то же время нижнія траншеи способствовали бы сильной настильной стрѣльбѣ.

Подтвержденіе этого моего мнѣнія я вижу въ томъ же обстоятельствѣ, о которомъ упоминаетъ и г. А. В. Фокъ, но которое онъ объясняетъ, какъ мнѣ кажется, не такъ.

Дѣло въ томъ, что первая атака на позицію была предпринята первою японскою дивизіей на нашъ правый флангъ. Какъ только она ясно обозначилась, полк. Третьяковъ выслалъ единственную роту своего резерва, приказавъ ей занять траншеи верхняго яруса ниже батареи № 2.

Вотъ тогда-то и произошло то обстоятельство, о которомъ г. А. В. Фокъ, на стр. 609 своего сочиненія, пишетъ слѣдующее: „Дивизія, подавшись къ подошвѣ Сампсона, вышла изъ-подъ орудійнаго огня. Затѣмъ подойдя на линію деревень: Мадятень, Коудятень и Яндятень, дивизія развернулась, а батареи выѣхали на

[1]) „5-й полкъ на Киньчжоу и въ Артурѣ“. („Воен. Сб.“ 1909 г.).

позиціи и стали открыто. Но тутъ дивизія попала подъ нашъ ужасный перекрестный огонь. Она сначала замялась, а потомъ шарахнулась назадъ и укрылась въ оврагахъ; прислуга бросила орудія и разбѣжалась. 18 орудій ближайшихъ къ нашимъ окопамъ такъ и остались безъ прислуги до момента нашего отступленія“.

Генералъ Фокъ объясняетъ это сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. Какихъ ротъ — онъ не говоритъ, но очевидно, съ одной стороны огнемъ 2-й роты 5 п. и 1/2 охотничьей команды 13-го полка, а съ другой стороны—3-ей и 12-й ротъ 5 п. Я думаю, что это не совсѣмъ такъ, ибо изъ редута № 2 и прилегавшихъ къ нему вправо и влѣво окоповъ хорошій обстрѣлъ имѣлся только до опушки деревни Мадятень, а дальше его не было и японцы могли бы отлично наступать, укрываясь отъ огня нижнихъ траншей въ оврагахъ. Но въ этихъ-то оврагахъ, гдѣ ихъ не достигали пули стрѣлковъ нижняго яруса, они отлично поражались огнемъ резерва, посланнаго полковникомъ Третьяковымъ въ траншеи верхняго яруса. И эти же стрѣлки не позволяли японцамъ использовать тѣ ихъ 18 орудій, которыя были поставлены открыто близъ деревни Мадятень и оставались въ бездѣйствіи до самаго конца боя. Вотъ этотъ-то случай и привелъ меня къ заключенію, что необходимо было занять не только нижній ярусъ, но и верхній хотя бы частями изъ резервовъ. Онъ же подтверждаетъ правильность мысли, высказанной ген. Жилинскимъ при осмотрѣ позиціи 21-го марта.

Да и самъ ген. А. В. Фокъ, на стр. 604 своей статьи, высказываетъ ту же мысль, говоря объ окопахъ по обѣ стороны батареи № 15.

И я повторяю, что нижняя траншея, устроенная по настоянію ген. Фока и усиленная мною укрѣпленіями, сослужила бы огромную службу только въ томъ случаѣ, если бы была поддержана верхнимъ ярусомъ траншей. Предоставленная же сама себѣ, она оказалась не въ состояніи сдержать прорывъ японцевъ и очутилась въ жалкомъ положеніи, когда ее начали обстрѣливать сверху.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ участіи ген. Фока въ дѣлѣ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи, нельзя еще обойти молчаніемъ слѣдующихъ строкъ его сочиненія, помѣщенныхъ на стр. 603: „Самъ г. Кондратенко былъ до нѣкоторой степени только контролеромъ, а потому полк. Третьякову не было обязательнымъ исполнять всякое указаніе г. Кондратенко, разъ оно выходило изъ рамки проекта. Вотъ это и заставляло меня обращаться и убѣждать, а не приказывать, и только въ случаѣ неуспѣха я обращался къ г. Кондратенко и черезъ него проводилъ то, что мнѣ казалось полезнымъ но и это не всегда удавалось“.

Вся эта фраза весьма запутана. Въ ней первое противорѣчитъ второму, а въ концѣ слѣдуетъ поправка.

Но важно то, что она вся не вѣрна.

Прежде всего не вѣрно то, что ген. Кондратенко былъ яко-бы контролеромъ. Нѣтъ, эта роль была ему не къ лицу. Покойный генералъ съ такой любовью относился къ этому дѣлу и такъ охотно шелъ навстрѣчу всему, что было необходимымъ для пользы дѣла, что являлся истинной душой его, но никакъ не контролеромъ. Къ тому же ген. Кондратенко настолько довѣрялъ полк. Третьякову и мнѣ, что ни о какомъ контролѣ съ его стороны и рѣчи быть не могло.

Совершенно не вѣрна и слѣдующая фраза: „Вотъ это и заставляло меня обращаться и убѣждать, а не приказывать...“

Въ отношеніи меня во время работъ не было ни одного случая, когда бы ген. Фокъ обращался ко мнѣ съ убѣжденіемъ. Нѣтъ, наоборотъ, всѣ его распоряженія носили форму приказаній, самыхъ категорическихъ и подъ часъ выраженныхъ въ формѣ грубой, рѣзкой, и даже оскорбительной. Когда же, находя нѣкоторыя изъ этихъ распоряженій вредными для пользы дѣла, полк. Третьяковъ и я пытались выяснить это генералу, то въ отвѣтъ слышали еще болѣе категорическое подтвержденіе приказанія исполнить его распоряженія, при чемъ напоминалось, что онъ комендантъ. Такъ, однажды ген. Фокъ потребовалъ, чтобы немедленно было приступлено къ устройству траншеи внизу, съ южной стороны позиціи, т. е. со стороны Артура. Когда я доложилъ, что всѣ рабочіе заняты, ген. Фокъ приказалъ сейчасъ же всѣхъ рабочихъ перевести сюда и лично указалъ направленіе траншеи, говоря: „вотъ отъ этого куста—до того телеграфнаго столба, а отъ столба—до той кучи камней“ и т. д. Повинуясь, я приказалъ рабочимъ приступить сейчасъ же и дѣлать такъ, какъ указалъ генералъ. Нечего и говорить, что такой способъ разбивки сейчасъ же и сказался. И послѣ мнѣ же пришлось для улучшенія обзора и обстрѣла мѣстами засыпать, мѣстами измѣнять направленіе. Словомъ, вышла двойная работа. Таковъ былъ способъ убѣжденія ген. Фока.

Такимъ образомъ, отношеніе къ работамъ 2-хъ генераловъ было діаметрально противоположно: ген. Кондратенко никогда не приказывалъ и не отдавалъ распоряженій, не посовѣтовавшись съ полк. Третьяковымъ и со мной и не спросивъ нашего мнѣнія; ген. Фокъ никогда не совѣтовался и не убѣждалъ, а только приказывалъ. Ген. Кондратенко сочувствовалъ нашей работѣ и старался ее облегчить всѣмъ, чѣмъ могъ, со стороны же ген. Фока мы вовсе не видѣли

этого сочувствія, а лишь часто подвергались грубымъ насмѣшкамъ и такимъ названіямъ, о которыхъ я здѣсь не стану даже упоминать.

Какъ я уже сказалъ, я находилъ нѣкоторыя распоряженія г. Фока не полезными для дѣла, а вслѣдствіе этого, сознавая, что меня заставляютъ дѣлать не то, что нужно, я обратился съ просьбой къ моему непосредственному начальству, въ которой писалъ обо всѣхъ распоряженіяхъ ген. Фока и просилъ, чтобы мнѣ предоставили самостоятельность.

Однако начальникъ инженеровъ крѣпости не нашелъ возможнымъ исполнить мою просьбу, а предписалъ исполнять приказанія г. Фока, но каждый разъ брать письменное отъ него предписаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставилъ меня въ извѣстность, что денегъ, кромѣ ассигнованныхъ на позиціонныя работы раньше, отпущено больше не будетъ. Я никогда не спрашивалъ у ген. Фока письменныхъ предписаній, ибо понималъ, что пользы для дѣла отъ этого не будетъ.

Такимъ образомъ, признавая, что г. Фокъ принималъ участіе въ дѣлѣ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи, я лично не могу считать это участіе благодѣтельнымъ или полезнымъ.

Теперь коснусь вопроса о деталяхъ позиціонныхъ укрѣпленій. На стр. 601 г. А. В. Фокъ пишетъ, что „батареи были расположены такъ скученно, что одной и той же шрапнелью непріятель поражалъ двѣ, а иногда и три батареи“. Дѣйствительно, скученность батарей имѣла мѣсто, вслѣдствіе незначительной площади всей позиціи, но одного взгляда на планъ позиціи достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что едва-ли нѣсколько батарей могли поражаться одновременно. Батареи № 7 и 6 оставались невооруженными. Батареи 5 и 4 расположены не на одной линіи выстрѣла, равно какъ и батареи 3 и 2. Между 3-й и 14-й разстояніе больше 100 саженей; разстояніе между батареями 11-й, 12-й и 10-й больше 150 саженей. Едва-ли можно было бить одной шрапнелью 2 или 3 батареи, да еще расположенныя не на одной линіи выстрѣла и не на одномъ горизонтѣ. Этого въ дѣйствительности и не было.

На стр. 610 написано: „Редутъ № 7, лучшій по постройкѣ, не устоялъ, потому что не имѣлъ прикрытія отъ шрапнелей и блиндажей“.

Такого редута № 7 вовсе не было[1]), а если г. Фокъ говоритъ о

---

[1]) Подъ № 7 былъ не редутъ, а оставшаяся невооруженной батарея.

редутѣ № 8, то въ немъ были блиндажи самые лучшіе на всей позиціи; они были, правда, разбиты, какъ мнѣ говорилъ командиръ 6-й роты 5-го полка капитанъ, нынѣ подполк., Сычевъ, 8 и 10 дюймовыми бомбами канонерокъ, но тѣмъ не менѣе рота въ редутѣ держалась.

Не могу согласиться также съ мнѣніемъ, что редутъ № 9 былъ плохо примѣненъ къ мѣстности. Но и помимо этого, какъ бы онъ отлично ни былъ построенъ, огню канонерокъ онъ, разумѣется, долго сопротивляться не могъ, т. к. не предназначался для этого.

Упреки теперь полк. Третьякову въ томъ, что онъ не использовалъ время затишья, не обошелъ со мной вмѣстѣ окопы и не приказалъ ихъ исправить тотчасъ же, на мой взглядъ, излишни и не справедливы. Вѣдь и ген. Фоку можно поставить въ упрекъ, что когда я, въ 1 ч. 30 м. дня, исполняя приказаніе полк. Третьякова, явился къ нему на станцію въ Тафашинѣ, онъ не приказалъ мнѣ осмотрѣть окопы. Я выполнилъ бы его порученіе также безпрекословно, какъ выполнили его тѣ артиллерійскіе офицеры, которымъ онъ приказалъ взять ружья и идти въ окопы. Но генералъ не сдѣлалъ этого. А на стр. 611 своей статьи онъ пишетъ: „Инженеръ капитанъ Шварцъ долго ожидалъ, что его потребуетъ къ себѣ полк. Третьяковъ для обхода вмѣстѣ съ нимъ окоповъ, чтобы указать ему, какія произвести исправленія, и потому долго оставался въ своей батареѣ, но, не получая никакихъ приказаній и видя, что артиллеристы сходятъ съ батарей, рѣшилъ идти къ полк. Третьякову, чтобы узнать отъ него лично, въ чемъ дѣло.

Когда онъ спустился къ полковнику Третьякову, то изъ разговора съ нимъ узналъ, что въ немъ онъ не нуждается, такъ какъ обходить окопы онъ не будетъ. Тогда капитанъ Шварцъ обратился съ просьбой къ нему отпустить его въ Артуръ. Полковникъ Третьяковъ ему отвѣтилъ: „Вамъ тутъ нечего дѣлать, поѣзжайте въ Артуръ“ и при этомъ прибавилъ: „увидите генерала Фока, попросите его, чтобы онъ прислалъ мнѣ помощь“. Съ этимъ капитанъ Шварцъ и ушелъ. При этомъ присутствовалъ инженерный нарядчикъ, который и передалъ мнѣ эту просьбу“.

Выходитъ по этому описанію такъ, что я отпросился у полковника Третьякова во время боя въ Артуръ, и что я такъ поспѣшно воспользовался даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ, что даже не исполнилъ приказанія полковника Третьякова, а это сдѣлалъ за меня присутствовавшій здѣсь инженерный нарядчикъ.

Ничего этого въ дѣйствительности не было, и для меня совершенно не понятна цѣль, для которой ген. Фокъ позволяетъ себѣ неправильно

описывать набрасывающіе на меня тѣнь факты, и старается завѣрить въ этомъ другихъ даже послѣ того, какъ всѣ обстоятельства этого дня, въ томъ числѣ и данное мнѣ полковникомъ Третьяковымъ къ генералу Фоку порученіе, было предметомъ судебнаго слѣдствія Верховнаго Военно-Уголовнаго суда по дѣлу о генералахъ Стесселѣ, Фокѣ, Смирновѣ и Рейсѣ. Это тѣмъ болѣе непонятно, что ген. Фокъ не могъ слышать разговоръ мой съ полковникомъ Третьяковымъ, потому что генералъ былъ въ то время въ разстояніи $2^1/_2$ верстъ отъ насъ.

На судѣ же ген. Фокъ не могъ не слышать данныя мною и другими лицами показанія, которыми приведенныя выше заявленія его не только не подтверждаются, но прямо опровергаются.

Повторяю здѣсь вкратцѣ еще разъ, какъ было дѣло:

Съ самаго начала боя, то есть съ 5 часовъ утра и до 1 часа дня я находился въ центрѣ позиціи; я оставался тамъ еще 2 часа послѣ того, какъ замолчала наша послѣдняя позиціонная пушка, когда на вершинѣ позиціи кромѣ меня не было уже никого. Затѣмъ я спустился къ полковнику Третьякову и, получивъ отъ него приказаніе отправиться къ генералу Фоку, съ просьбой о присылкѣ подкрѣпленія, пошелъ на станцію Тафашинъ, гдѣ, какъ мнѣ сказалъ полковникъ Третьяковъ, находился ген. Фокъ. Измученный безсмѣнными работами предшествовавшихъ дней и ночей (начиная съ 8-го), а также участіемъ въ бою наканунѣ и въ этотъ день, я совершенно не имѣлъ силъ быстро идти, и потому приказалъ бывшему со мной инженерному кондуктору Янову бѣжать къ генералу и передать приказаніе полковника Третьякова, а самъ пошелъ вслѣдъ за нимъ. Этимъ передача приказанія была ускорена минутъ на 10, что я считалъ важнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ я самъ явился къ генералу Фоку, но такъ же, какъ и кондукторъ Яновъ, былъ встрѣченъ генераломъ Фокомъ до крайности грубо. Въ отвѣтъ на докладъ Янова онъ обругалъ полковника Третьякова. Меня же онъ вовсе не выслушалъ. Но просьбу полковника Третьякова я передалъ бывшему тутъ генералу Надѣину.

Такимъ образомъ, я не только не уходилъ въ Артуръ, но и не думалъ объ этомъ, не просился туда у полк. Третьякова, никакого разговора съ нимъ по этому поводу не имѣлъ и возложенное на меня во время боя порученіе выполнилъ лично. Мнѣ очень жаль, что въ концѣ статьи пришлось коснуться вопроса чисто личнаго свойства, не интереснаго читателямъ. Но, я думаю, многіе поймутъ, что я не могъ обойти его молчаніемъ.

*

Еще одно маленькое замѣчаніе. На стр. 612, среди многочисленныхъ поученій о томъ, какъ долженъ былъ дѣйствовать полк. Третьяковъ во время боя, есть фраза, что полк. Третьяковъ долженъ былъ „показать себя“ людямъ. Эти слова звучатъ также не хорошо. Да и не умѣстны они здѣсь, ибо полк. Третьяковъ всецѣло раздѣлялъ участь своихъ людей. Отъ перваго до послѣдняго выстрѣла онъ находился среди нихъ и показывать ему себя нечего было.

А. фонъ-Шварцъ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1909 г.

ТОМЪ СТО СОРОКОВОЙ

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

I. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля. А. Ѳ. Кони. . . . . 3—29, 231—247

II. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Ивана Янжула. . . . . 33—57, 249—272, 495—518

III. Записки сенатора Есиповича . . . . . 63—78, 287—296

IV. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. . . . . 88—105, 595—616

V. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера . . . . . 125—139, 319—331

VI. Воспоминанія институтки шестидесятыхъ годовъ. Р. Ф. . . . . 169—193

VII. Воспоминанія юнкера 2-го военнаго Константиновскаго училища. И. Ф. . . . 194—224, 390—400

VIII. Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.—Каз. Вас. Левецкій. А. Витмера. . . . . 273—285 487—494

IX. На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Д. А. Скалона. . 297—309, 529—545

X. Изъ воспоминаній Ю. Ѳ. Абаза. . . . . 332—334

XI. И. И. Драгомировъ и время передъ войной. 1877—78 г.г. (Изъ воспоминаній). А. Е. К. 335—342, 643—650

XII. Грандіозный замыселъ Рыкова. (Изъ воспоминаній акцизнаго ревизора). А. К. Хросцицкаго. 343—346

		стран.
XIII.	Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 г. Сообщ. В. Тимощукъ . . 358—376,	619—642
XIV.	Житейскія встрѣчи (изъ воспоминаній судебнаго дѣятеля). А. Ѳ. Кони.	461—485
XV.	Воспоминанія о началѣ развитія каменноугольной промышленности въ Россіи. А. Ауэрбаха.	546—562

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

I.	Къ исторіи Костромской іерархіи. (Резолюція еп. Симеона Лагова на прошеніи архимандрита Ѳеодосія). Сообщ. И. Баженовъ	30—32
II.	Темное Царство. (Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій. . . 58—62, 311—318,	588—594
III.	Изъ документовъ архива Виленскаго генералъ-губернаторства. Сообщ. Ю. В. Татищевъ	79—87
IV.	Военно-бытовые наброски. Сообщ. Л. Драке.	106
V.	Ссылка М. Е. Салтыкова въ Вятку и его освобожденіе (1848—1856 г.г.). Вл. Емельянова.	107—123
VI.	Изъ жизни русскихъ въ Финляндіи. (Практика русскихъ врачей). Сообщ. И.	124
VII.	Семь лѣтъ неурожайныхъ. (Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ). П. Л. Юдина	140—152, 415—427
VIII.	Изъ переписки А. П. Зонтагъ съ В. А. Жуковскимъ. Сообщ. К. Гротъ	153—168
IX.	Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 9 іюля по 3 сентября 1909 г. . .	225—230
X.	Къ біографіи Цесаревича Константина Павловича. (Ночь на камердинерской постели) . .	248
XI.	Мнѣніе графа И. И. Дибича о непомѣщеніи въ приказахъ свѣдѣній объ убитыхъ и умершихъ генералахъ. Сообщ. Мих. Соколовскій.	248
XII.	Послѣднія минуты Суворова. Сообщ. А. . . .	286
XIII.	Шамиль полвѣка назадъ въ Москвѣ. Сообщ. —ій.	310
XIV.	Письма Ѳ. В. Булгарина. Н. Лернера . .	347—357
XV.	Матеріалы для Исторіи русской литературы	

		стран.
	20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. А. Чебышева.	377—387 651—658
XVI.	Вѣчная память. Сообщ. Арсеній П. . . .	388—389
XVII.	Изъ исторіи Новгорода. (Самоуправленіе и власть княжеская). И. С. Бѣляева.	401—414
XVIII.	Андрей Денисьевичъ Виніусъ. (Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ). Вильчинскаго	428—439
XIX.	Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго. И. П. Козловскаго. . . . . 440—450,	659—666
XX.	Александръ I, Ермоловъ и Наполеонъ I. Сообщ. А—й	486
XXI.	Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1886. Сообщ. М. В. Безобразова	519—527
XXII.	Письмо Великаго Князя Николая Павловича А. А. Закревскому о поручикѣ Дюклу . . .	528
XXIII.	Къ біографіи декабриста Лунина. Сообщилъ Мих. Соколовскій	528
XXIV.	Изъ прошлаго. (Эпизодъ изъ жизни „Военнаго Сборника“). Сообщ. П. Паренсовъ.	563—566
XXV.	Англійская эскадра въ Бѣломъ морѣ въ 1854 г. А. Н. Сергѣева	567—575
XXVI.	Шамиль полвѣка назадъ въ Петербургѣ. Сообщ. А—ій	576
XXVII.	Въ старомъ, радушномъ дворянскомъ гнѣздѣ на Арбатѣ. Марины	577—587
XXVIII.	Изъ монастырской жизни XVII вѣка. (Какъ постригали въ монашество. 1667 г.). Сообщ. Ив. Суворовъ	617—618
XXIX.	Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 сентября по 15 октября 1909 г.	667—670
XXX.	По поводу статьи „Киньчжоускій бой“ А. фонъ-Шварца	671—686

Портреты.

I. Портретъ Ивана Ивановича Янжула (при 10-й книгѣ).

II. Портретъ Якова Григорьевича Есиповича (при 11-й книгѣ).

III. Портретъ Александра Ивановича Чупрова (при 12-й книгѣ).

Библіографическій листокъ.

1. Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изданіе т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ". Части I—II (т.т. 1—IV). М. 1908—1909 (на оберткѣ октябрьской книги).

2. Кн. Б. Л. Вяземскій. Верховный Тайный Совѣтъ. Спб. 1909 (тамъ же).

3. Левъ Шестовъ. Начала и концы. Сборникъ статей. Спб. 1908.—Н. Л. (тамъ же).

4. Письма А. П. Чехова. Собраны Б. Н. Бочкаревымъ (на оберткѣ ноябрьской книги).

5. Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями изъ Русской исторіи XV вѣка. Краткій иллюстрированный очеркъ, составленный Гр. Хрептовичемъ Бутеневымъ. Москва, 1909 (тамъ же).

6. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. („Изъ дальнихъ лѣтъ"). Въ трехъ томахъ. Второе изданіе (тамъ же).

7. Н. А. Римскій-Корсаковъ. (Лѣтопись моей музыкальной жизни. 1844—1906). Подъ редакціей Н. Н. Римской-Корсаковой. — В а с. Я к о в л е в а (тамъ же).

8. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ 2. Спб. 1909 (тамъ же).

9. Академическая библіотека русскихъ писателей. Выпускъ I. Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ редакціей и съ примѣчаніями А. І. Лященка. Спб 1909 (тамъ же).

10. Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 25-й. Саратовъ, 1909.—Н. Л. (тамъ же).

11. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. V. Гейне, Гете, Чеховъ, Михайловъ, Горькій. Изданіе т-ва „Общественная Польза и книгоиздат. „Прометей". Спб. 1909. (на оберткѣ ноябрьской книги).

12. Западники сороковыхъ годовъ. Н. В. Станкевичъ, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій и др. Составилъ Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, М. 1910 (тамъ же).

13. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1909 г., выпуски I—III (тамъ же).

14. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Свят. Правител. Синода. Т. XXXI. Спб. 1909.—Н. Л. (тамъ же).

15. Вл. Череванскій. Послѣдній вздохъ Византіи. Историческая монографія. Со многими автотипіями. 1909. Ц. 3 р. В. Я. (тамъ же).

„Запросы въ парламентъ „Будильника".

Запросъ русскому читателю о подпискѣ на 1910 г.

1. Извѣстно ли тебѣ, что „БУДИЛЬНИКЪ", перейдя въ 1908 г. въ новыя руки, РАДИКАЛЬНО ОБНОВИЛСЯ и сталъ не узнаваемъ по содержанію и по внѣшности?

II. Извѣстно ли тебѣ, что новая редакція сдѣлала изъ „БУДИЛЬНИКА" журналъ БЕЗПАРТІЙНО-ПРОГРЕССИВНЫЙ?

III. Извѣстно ли тебѣ, что „БУДИЛЬНИКЪ", открывъ подписку на 1910 годъ, дастъ годовымъ подписчикамъ, въ видѣ преміи, великолѣпный, единственный въ своемъ родѣ АЛЬБОМЪ, подъ заглавіемъ „ЖЕНЩИНА ВЪ КАРРИКАТУРѢ? Что въ АЛЬБОМЪ войдетъ СВЫШЕ 100 ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННЫХЪ РЕПРОДУКЦІЙ съ рисунковъ такихъ мастеровъ и знатоковъ женщины, какъ БЕРДСЛЕЙ, ФОРЕНЪ, ГУЛЬБРАНСОНЪ, РЕЗНИЧЕКЪ, К. СОМОВЪ и ДР.?

IV. Извѣстно ли тебѣ, что въ „БУДИЛЬНИКѢ" участвуютъ НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ и ЛИТЕРАТУРНЫЯ СИЛЫ?

V. Извѣстно ли тебѣ что УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1910 г. остаются прежнія, т. е. иногороднимъ съ преміей безъ разсрочки 10 руб. въ годъ; безъ преміи 9 р. въ годъ, на ½ г.—5 р; городскимъ: съ преміей 9 р. въ годъ, безъ преміи 8 р., на ½ г.—4 р. 50 к.?

VI. Извѣстно ли тебѣ, что ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ „ДОБРОЕ УТРО!" съ 1910 г. выдѣляется въ самостоятельное изданіе и стоитъ по отдѣльной подпискѣ, въ годъ 2 руб.

VII. Извѣстно ли тебѣ, что ПИСЬМА и ДЕНЬГИ СЛѢДУЕТЪ АДРЕСОВАТЬ: Москва, Петровка, Салтыковскій пер., д. Михайлова, журналу „Будильникъ", а для подписчиковъ на „Доброе Утро!": Москва, журналу „Доброе Утро!"?

ЕСЛИ ТЕБѢ ВСЕ ЭТО ИЗВѢСТНО, КАКІЯ МѢРЫ ДУМАЕШЬ ТЫ ПРИНЯТЬ КЪ ТОМУ, ЧТОБЫ ПОБОРОТЬ ПРИСУЩУЮ ТЕБѢ ЛѢНЬ И ПОДПИСЫВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО, А НЕ ОТКЛАДЫВАТЬ, ПО НЕПОХВАЛЬНОЙ ПРИВЫЧКѢ, ДО ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ, НЕ ЗАСЫПАТЬ НАСЪ ПЕРЕВОДАМИ ВЪ САМОМЪ КОНЦѢ ГОДА, КЪ УЖАСУ НАШИХЪ КОНТОРСКИХЪ СЛУЖАЩИХЪ, СБИВАЮЩИХСЯ СЪ НОГЪ ПОДЪ ГРАДОМЪ СЫПЛЮЩИХСЯ ТРЕБОВАНІЙ.

2—1 „Будильникъ".

на 1910 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ".

Четвертый годъ изданія.

Взявъ своимъ лозунгомъ **независимость** и поставивъ главною цѣлью **широкую и полную освѣдомленность**, редакція «ГОЛОСА МОСКВЫ» привлекла для ближайшаго участія въ газетѣ выдающихся ученыхъ и спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ знанія и образовала обширную сѣть своихъ корреспондентовъ.

Свѣдѣнія о текущей жизни Петербурга и **о дѣятельности всѣхъ государственныхъ учрежденій** получаются ежедневно по телефону.

Подробнѣйшія свѣдѣнія о московской жизни.

Газета внимательно слѣдитъ за ходомъ развитія торгово-промышленнаго дѣла въ Россіи. Ежедневно—обширная хроника, обзоры и руководящія статьи по вопросамъ этой области.

Въ каждомъ номерѣ газеты—**сатирическіе и юмористическіе фельетоны** на злобу дня.

Широкое мѣсто отводится **вопросамъ искусства** и художественной **литературѣ**. Важнѣйшія событія **иллюстрируются**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 12 мѣс.	9 р. — к.	на 6 мѣс.	4 р. 75 к.
» 11 »	8 » 50 »	» 5 »	4 » — »
» 10 »	7 » 75 »	» 4 »	3 » 25 »
» 9 »	7 » — »	» 3 »	2 » 50 »
» 8 »	6 » 25 »	» 2 »	1 » 80 »
» 7 »	5 » 50 »	» 1 »	— » 90 »

Льготная подписка для лицъ духовнаго званія, всенныхъ, учителей и студентовъ:

на 12 мѣс.	6 р. — к.	на 6 мѣс.	3 р. — к.
» 11 »	5 » 50 »	» 5 »	2 » 50 »
» 10 »	5 » — »	» 4 »	2 » — »
» 9 »	4 » 50 »	» 3 »	1 » 50 »
» 8 »	4 » — »	» 2 »	1 » 10 »
» 7 »	3 » 50 »	» 1 »	— » 60 »

Выписывающіе за границу платятъ вдвое.

Отвѣтств. редакторъ: *Л. И. Смирновъ.*

Издатель: «Московское Товарищество для изданія книгъ и газетъ».

2—1

14-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1910 годъ.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

Издаваемый въ Москвѣ А. А. ПЕТРОВИЧЕМЪ подъ редакціей Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Н. Э. СТРЕМОУХОВА при постоянномъ участіи извѣстнаго писателя И. ЛОДИНА и художника П. П. ИВАНОВА и др.

Тринадцатилѣтнее существованіе журнала, огромная распространенность его среди Русскаго населенія, полное удовлетвореніе подписчиковъ, даже въ то время, когда политическія событія ставили къ тому почти непереодолимыя препятствія, наконецъ лестные отзывы подписчиковъ и читателей, такова въ общ. чертахъ исторія журн. „Родная Рѣчь“.

Въ будущемъ 1910 году подписчики журнала „Родная Рѣчь“ получатъ

ВСЕГО ЗА ПЯТЬ РУБЛЕЙ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

50 №№ ЛИТЕРАТУРНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА — свыше 300 рисунковъ и портретовъ и 1600 стр. текста, содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, статьи историческаго и научнаго содержанія, описанія путешествій, біографіи, смѣсь, сельскохозяйственныя замѣтки. ОПИСАНІЕ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, оригинальные рисунки, портреты, снимки съ знаменитыхъ картинъ, виды городовъ, историческихъ памятниковъ, живописныхъ мѣстностей и пр.

50 №№ ПОЛИТИЧЕСКОЙ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ, въ которой печатаются передовыя статьи по всѣмъ вопросамъ политической и общественной жизни, хроника правительственныхъ распоряженій, нововведеній, фельетоны и замѣтки на разныя темы, обсужденіе мнѣній другихъ газетъ о разныхъ вопросахъ, корреспонденціи, иностранныя новости, театръ и музыка, спортъ, мелочи, тиражи и пр.

24 КНИГИ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ИЗВѢСТНАГО РУССКАГО ПИСАТЕЛЯ Графа Е. А. САЛІАСА.

Будутъ даны слѣдующія его сочиненія: НА МОСКВѢ МОРЪ, больш. историч. романъ; ШЕМЯКИНЪ СУДЪ, историч. романъ; ПЕТРОВСКІЕ ДНИ, историч. романъ; ПОСЛАНЕЦЪ ГРАФА ГЕТМАНА, историч. романъ; СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ, историч. романъ; СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ, историч. повѣсть; ЛУРДСКАЯ БОГОМАТЕРЬ, разсказъ; ЧЕРНЫШЪ, разсказъ; ЕВРЕЙКА, разсказъ; ЗАСѢКИНСКІЙ ДОМЪ, разсказъ; ЛОВЕЛАСЪ, разсказъ; ЯБЕДА НА ЯБЕДУ, разсказъ; ПОСЛАНІЕ КЪ РОССІЯНАМЪ, историческій разсказъ.

ВСѢ ОЗНАЧЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ СТОЯТЪ 15 рублей.

4 КНИГИ СОЧИНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО АНГЛІЙСК. ПИСАТЕЛЯ **ДЖОНА ЛЕББОКЪ.**

КАКЪ НАДО ЖИТЬ РАЗУМНО И СЪ ПОЛЬЗОЙ.

Означенныя книги необходимы каждому грамотному человѣку для самообразованія.

1 КНИГА МЕЖДУЦАРСТВІЕ Написанная по источникамъ Е. И. ЗАБѢЛИНА.

СО МНОГИМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И ПОРТРЕТАМИ.

При первомъ № журнала будетъ приложенъ

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1910 г.

1 БОЛЬШАЯ КНИГА ЦАРЕУБІЙСТВО

или ИСТОРІЯ СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-ГО.

НАПИСАНА ПО ЗАПИСКАМЪ ОЧЕВИДЦА.

Долголѣтнее добросовѣстное исполненіе своихъ обязательствъ передъ подписчиками служитъ гарантіей для будущихъ подписчиковъ, что и въ предстоящемъ году мы съ одинаковымъ рвеніемъ не только выполнимъ всѣ свои обѣщанія въ точности, но не остановимся передъ затратами на особыя не входящія въ программу приложенія, если того потребуютъ обстоятельства.

Подписная цѣна на журналъ „Родная Рѣчь“ со всѣми приложеніями съ пересылкой **на годъ 5 р.** Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1 апрѣля—1 р., къ 1 іюля—1 р. и къ 1 сент.—1 р.

Съ наложеннымъ платежомъ и въ кредитъ журналъ не высылается.

Подписку адресовать въ контору журнала „РОДНАЯ РѢЧЬ“—Москва, Рождественка, Варсонофьевскій пер., № 4.

3—1

Открыта подписка на 1909—1910 г.

на ежемѣсячный, иллюстрированный, научный, литературный журналъ

II годъ съ Окт. 1909 г. по Окт. 1910 г. „МІРЪ“ II годъ съ Окт. 1909 г. по Окт. 1810 г.

Въ журналѣ „МІРЪ“ принимаютъ участіе выдающіеся литераторы, ученые и публицисты.

Въ 1909—1910 г.г. всѣ годовые подписчики журнала „МІРЪ“, внесшіе полную годовую плату, получатъ:

12 №№ ЖУРНАЛА большого формата, каждый объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ (40000 буквъ).

АЛЬБОМЪ изъ 24 **КАРТИНЪ ЗНАМ. ХУДОЖН.** въ краскахъ, на мѣловой бумагѣ, въ роскошной папкѣ. Альбомъ картинъ будетъ высланъ годовымъ подписчикамъ журнала „МІРЪ“ тотчасъ по ихъ подпискѣ.

Живыя рѣчи Л. Н. Толстого.

Въ содержаніе живыхъ рѣчей войдутъ собранныя И. Б. Тенеромо легенды и бесѣды Л. Н. Толстого: Религія человѣчества.—Молитва.—Легенда объ Александрѣ I.—Христіане ли мы?—Послѣ отлученія.—Сборъ для голодающихъ.—Яснополянская коммуна. — Пророчества. — Шіонъ. — Какъ Л. Н. Толстой бросилъ курить.—Новая заповѣдь.—О патріотизмѣ.—Сотрудники Л. Н. Толстого.—Легенда нищихъ.—Старушка сказочница.—Два старика.—Педагоги.—Какъ создавалась „Власть тьмы“. — Плоды просвѣщенія.—Пилатъ и истина.—Эпизодъ изъ Севастопольской войны.—Палкинъ.—Рѣпинъ.—Суворинъ. — Сенаторъ. — Вегетаріанство. — Л. Н. Толстой и П. Л. Лавровъ.—Л. Н. Толстой и его дѣти.—Какъ отняли дѣтей у Хилкова.—Пасхальное путешествіе.—Л. Н. Толстой и Крыловъ.—Голодъ.—Въ опалѣ.—Л. Н. Толстой и деньги.—Партіи.—Соціализмъ.—Пролитая кровь.—Упоеніе смертью.—Л. Н. Толстой и конституція.—М. А. Стаховичъ.—Разумъ.—Въ Ясной Полянѣ.—Посылка.—Переписка Л. Н. Толстого.—Къ слухамъ объ Л. Н. Толстомъ.—Къ обстрѣлу дома Л. Н. Толстого.—Легенда объ Александрѣ Македонскомъ.—Колонизація евреевъ.—Сіонизмъ.—Л. Н. Толстой о юдофобствѣ.—Къ юбилею Л. Н. Толстого.—Наканунѣ юбилея.—Отказъ отъ юбилея.—Академія нравственныхъ наукъ.—Л. Н. Толтой и студенты.—Л. Н. Толстой о Государственной Думѣ.—Л. Н. Толстой и порнографія.—Л. Н. Толстой о семьѣ.—Л. Н. Толстой о дуэли.—Изъ прошлаго.—Паломницы Ясной Поляны.—Л. Н. Толстой о тайнѣ безстрашія.—О врачахъ.—О прессѣ.—О театрѣ.—О женщинахъ.—Треповъ и домъ Л. Н. Толстого.—Покосъ.—Языкъ труда.—Л. Н. Толстой въ лѣсу.—Плачъ Патріарховъ.—Легенда о языкѣ.—Служители Бога.—Легенда о Патріархѣ.—Жизнь человѣка.—Легенда о Содомѣ.—Рождественская легенда.—Учитель жизни.—Легенда о Кесарѣ Адріанѣ.

Помимо всего вышепоименованнаго редакція „МІРЪ“ съ Октября т. г. вводитъ:

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Главной задачей справочнаго отдѣла является желаніе придти на помощь провинціальному читателю, отдаленному отъ центра умственной и повседневной жизни. Руководясь этимъ, редакція „МІРЪ“ организовала особое справочное бюро, въ которое вошли спеціалисты—ученые по всѣмъ отраслямъ науки, сельскому хозяйству, общественной жизни и т. д.

Бюро отвѣчаетъ на вопросы подписч., даетъ совѣты, указанія и т. д.

Подписная цѣна на журналъ „МІРЪ“ со всѣми приложеніями съ доставкой и пересылкой:

Во всѣ мѣстности Россіи: на годъ 5 р., на ½ 3 р. **Заграницу:** на годъ 8 р., на ½ г. 5 р.

Для сельскихъ священниковъ, учителей, фельдшеровъ и земскихъ служащихъ допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ 2 руб., каждые три мѣсяца по 1 руб.

При коллективной подпискѣ служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, допускается скидка въ размѣрѣ 10% или на каждые 10 экз. 1 экз. безплатно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Лиговская, № 47.

Подробный проспектъ о журналѣ и каталогъ книгоиздательства высылается безплатно.

Редакторъ *Л. Л. Богушевскій.* Издатель *В. Л. Богушевскій.*

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1910 г.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—12 р., на полгода—6 р. 50 к., на три мѣс.—3 р. 60 к., на одинъ мѣс—1 р. 20 к. Съ доставкой и пересылкой за границу: на годъ 20 р., на полгода—11 р. 50 к., на одинъ мѣс.—2 р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; годовая подписка только съ января по 31 декабря.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи: **Москва**, Петровка, д. № 25, Самариной; въ **С.-Петербургѣ**—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—въ Agence Hawas—Place de la Bourse.

Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. и въ мѣстахъ стоянки правыхъ газетчиковъ: № 1—уголъ Литейнаго пр. и Кирочной ул., у Офицерскаго собранія; № 2—у Технологическаго Института и въ Народномъ домѣ; № 3—у Аничкова моста; № 4—Невскій пр., д. № 34 и у Русскаго Собранія, Троицкая, № 13; № 5—уголъ Садовой и Мучного пер.; № 7—уголъ Больш. просп. и Введенской на Петерб. сторонѣ; № 8—у Публичной библіотеки; № 11—Невскій пр., у церкви Знаменія; № 15—Невскій просп., у Городской Думы; № 16—Невскій пр., уголъ Троицкой. Контора газетчиковъ находится на Шпалерной ул., д. 26, кв. 31.

Цѣна № въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-издатель **Л. А. ТИХОМИРОВЪ.**

3—1

Годъ изданія сорокъ пятый

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Полные обзоры областной промышленности и торговли.

Объявленія *изъ губерній: нижегор., казанск., симбирск., самарск. и сарат. и изъ Закаспійск. Края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид. соб. д.)*, всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и Э. Мецль и К° (Москва, Мясницк., д. Сытова). *Плата за объявленія* со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкой:

1 годъ—7 руб. 50 коп., 1/2 года —3 руб. 75 коп., 3 мѣс. —2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій.*

3—1

Подписка на 1910 г. открыта.

„РОДНИКЪ“

XXIX г. изд. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. 12 книжекъ со многими иллюстраціями и отдѣльными картинками (до 2.000 стр.). Интересное содержаніе. Изящная внѣшность. Участвуютъ лучшіе писатели и художники. Обращено особенное вниманіе на отдѣлъ современ. жизни.

Каждая книжка закончена.

Цѣна съ перес. 5 р. На ½ г.—2 р. 50 к.

„Воспитаніе и Обученіе“

XXXIV г. изд. Педагогическій листокъ для родителей и педагоговъ. 12 №№. Популярныя статьи по физическ., умств. и нравств. воспитанію дѣтей, гл. обр. **дошкольнаго** возраста. Протоколы С.-Петербургскаго Родительскаго Кружка. Рецензіи о дѣтскихъ книгахъ.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

„СОЛНЫШКО“

VI г. изд. Единственный въ Россіи **дешевый** журналъ для начальныхъ школъ и для дѣтей младшаго возраста. 12 книжечекъ со многими иллюстраціями. **Приложеніе:** 40 большихъ картинъ для составленія альбомовъ. Знакомитъ дѣтей преимущественно съ роднымъ бытомъ и природой, и стремится сдѣлаться подспорьемъ при начальномъ обученіи.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

Каждая книжечка закончена. Цѣна ихъ отдѣльно—10 коп.

Редакція и Контора: Петербургъ, Таврическая, 27.

ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

3—1

НИВА

еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 Г.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 №№ журнала: романы, повѣсти, разсказы, картины, рисунки, иллюстраціи соврем. событій.

52 КНИГИ, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ и содержащія:

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА „ЛИТЕРАТУРНЫЯ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ".

первыя **18** КНИГЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.**

4 КНИГАХЪ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ **ВСЕВ. М. ГАРШИНА.**

18 КНИГАХЪ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ **КНУТА ГАМСУНА.**

12 №№ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ".

12 ЛИСТОВЪ выкроекъ и рисунк. для рукодѣльныхъ работъ.

1 СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1910 г., отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями на годъ: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—6 р. 50 к., съ доставкою—7 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—**8 р.** За границу—12 р.

Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА", улица Гоголя, № 22.

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1909 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: большая стѣнная картина „НИЧЬЯ" акад. Харламова; 12 новѣйш. ИГРЪ и ЗАНЯТІЙ на раскраш. и черн. листахъ; 12 илл. книжекъ РАЗСКАЗОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и СКАЗОКЪ; 12 вып. „ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ"; „МАЛЕНЬКІЙ РУССКІЙ НАТУРАЛИСТЪ"; игра „СТЕПКА-РАСТРЕПКА" и мн. др.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: акварельная картина—„ПОДАЙТЕ СЛѢПОМУ"; 12 иллюстр. кн. ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ПЬЕСЪ для юношества, 8 вып. „КНИГИ ЗНАМЕНИТ. ЛЮДЕЙ"; 6 вып. „ГОЛУБАЯ ВОЛНА", Л. А. Чарской; „БИБЛ. ЮНАГО НАТУРАЛИСТА"; „КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ" съ записной книж. и мн. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ" и „ДѢТСКІЯ МОДЫ".

Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ **ШЕСТЬ рублей.** **2 р.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 137, 138, 139, 140 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1909 года.

А

Абаза, Александръ Аггеевичъ, гофмейст. великой княгини Елены Павловны, т. CXL, нояб., 320, 321.

Абаза, Юлія Ѳедор., изъ ея воспоминаній, т. CXL, нояб., 332—334.

Абаза, см. Милютина.

Авеланъ, адмиралъ, т. CXXXVII, февр., 314.

Авраамовъ, протоіерей, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.

Агарковъ, капит., 1881 г., т. CXL, окт., 215, 217, 220, нояб., 391, 392.

Адамъ, Левъ Александровичъ, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.

Адельсонъ, консулъ, т. CXXXIX, сент., 473.

Адлербергъ, гр. Александръ Влад., мн-ръ двора, р. 1819 † 1889 г., т. CXXXVII, февр., 360, т. CXXXIX, іюль, 73, CXL, окт., 132, 133.

Адлербергъ, гр., Н. В., финляндск. ген.-губер., 1876 г., т. CXXXVII, мартъ, 587—589, 594—598.

Азбукина, Н. В., 1840 г., т. CXL, окт., 157.

Азбукина, см. Вельсъ.

Айвазовскій, Ив. Констант., художн., р. 1817 † 1900 г., т. CXXXIX, сент., 435—444.

Акимовъ, ген.-маіоръ, рущукск. губерн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр. 161.

Аксаковъ, Гр. Сер., самарск. губерн., 1872 г., т. CXXXVIII, іюнь, 505, т. CXL, окт., 142, 148.

Аксаковъ, Ив. Серг., писат., р. 1823 † 1886 г., т. CXXXVII, янв., 45, 49, февр., 370, мартъ, 505, 507, 576, т. CXXXVIII, апр., 7.

Алабинъ, П. Д., 1868 г., т. CXL, окт., 142, 148, нояб., 417, 418.

Алабинъ, софійск. губерн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 162.

Алавердянцъ, М. Я., сообщ.. «Пребываніе Императора Николая I въ Эчміадзинѣ въ Тифлисѣ, по даннымъ армянскаго археолога. (Изъ изслѣдованія А. Д. Ерицова, «Католикосы всѣхъ армянъ и кавказскіе армяне въ XIX столѣтіи)», т. CXXIX, іюль, 63—80.

Аладьинъ, издатель «Невскаго Альманаха», 1827 г., т. CXL, нояб., 350.

Александра Іосифовна, великая княгиня, т. CXXXIX, іюль, 151; т. CXL, декаб., 521, 524, 526.

Александра Петровна, великая княгиня, 1864 г., т. CXXXVIII, май, 280.

Александра Ѳеодоровна, императрица, т. CXXXVIII, іюнь, 634.

Александръ I, императоръ, р. 1777 † 1825 г., т. CXXXVII, янв., 43, 145—168, 212, февр., 387—389, мартъ, 604—614, т. CXXXVIII, апр., 212—214, 217, 218, май, 312, 315, 334—339, май, 479, 481, 507—509, 512, 513, 556, 618, т. CXXXIX, авг., 222, 260, сент., 415, 491, 493, 511; т. CXL, декаб., 577.

Александръ II, императоръ, р. 1818 † 1881 г., т. CXXXVII, янв., 44, 47, 49, 54, 71, 91, 92, 125, 126, февр., 234, 275, 304, 306, 309, 312, мартъ, 526—528, 563, 582, 664, т. CXXXVIII, апр., 3, 5, 41, 43, 58—61, 93, 146, 150, 169, 172, 173, 177, май, 257, 329,

330, 334, іюнь, 445, 466, 621, 628; т. CXXXIX, іюль, 35, 38, 44—46, 78, 152, авг., 251, 260, 262, 266, т. CXL, окт., 115, 223, нояб., 245, декаб., 576.

Александръ III, императоръ, р. 1845 † 1894 г., т. CXXXVII, янв., 87, 126, февр., 394, т. CXXXVIII, апр., 21, 35, 91, 150, май, 289, 290, іюнь, 623, т. CXXXIX, іюль, 35—38, сент., 408, т. CXL, окт., 3, 77, 140, 223, нояб., 398, декаб., 525.

Александръ Михайловичъ, велик. кн., CXL, декаб., 520.

Александръ (Павловичъ), архангельск. епископъ, † 1874 г., т. CXL, декаб., 574.

Александръ Ярославовичъ, князь новгородск., 1242 г., т. CXL, нояб., 407.

Алексѣевъ, Е. Ив., капит.-лейт., 1881 г., т. CXXXVII, мартъ, 617.

Алексѣевъ, Николай Петр., чиновн., т. CXL, нояб., 251.

Алексѣевъ, Семенъ Мих., адвокатъ, т. CXL, нояб., 251.

Алексѣевъ, адм., намѣстникъ на Дальн. Востокѣ, 1904 г., CXXXVIII, іюнь, 600, т. CXL, декаб., 677—686.

Алексѣй Александровичъ, великій князь, † 1908 г., т. CXXXVII, февр., 350, т. CXXXVIII, май, 290, іюнь, 448, 450.

Алексѣй Михайловичъ, царь, р. 1629 † 1676 г., т. CXXXVIII, іюнь, 592, т. CXXXIX, авг., 301, т. CXL, нояб., 439, 445.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, р. 1690 † 1718 г., т. CXXXVII, янв., 205.

Али-Хановъ, прапорщ., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.

Алопеусъ, ген., комендантъ свеаборск. крѣпости, 1877 г., т. CXXXVII, мартъ, 591.

Альбрехтъ, Петръ Карл., артистъ, т. CXXXVII, февр., 359.

Альфтанъ, нюландскій ген.-губерн., т. CXXXVII, мартъ, 588.

Алябьева, см. Кирѣева.

Алябьевъ, Никол. Ив., издат. журн. «Грамотей», т. CXL, декаб., 508, 509.

Амвросій (Серебряниковъ), архіеп. екатериносл. и херсонскій, † 1792 г., т. CXXXVII, янв., 216.

Амвросій (Юшкевичъ), еписк. вологод., 1740 г., CXL, окт., 30.

Амосовъ, капитанъ 2 ранга, 1881 г., т. CXXXVII, мартъ, 630.

Амфитеатровъ, Валент. Николаев., протоіер., † 1908 г., т. CXL, декаб., 464—467.

Ангельмъ, ген., 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 180.

Ангермапъ, Э. Х., инспект. саратовск. гимназ., CXXXIX, авг., 332—334.

Андреевскій, Ив. Ефимов., ректоръ спб. универ., † 1891 г., т. CXXXIX, авг., 217.

Андреевскій, адвокатъ, 1879 г., т. CXXXVII, янв., 22.

Андреевъ, Дм. Андр., педаг., 1850 г., т. CXXXIX, авг., 339.

Андреевъ, Петръ Петр., 1864 г., т. CXXXVIII, май, 292.

Андреевъ, 1855 г., т. CXL, нояб., 441.

Андріановъ, подполковн., 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 190.

Анна Іоанновна, императрица, р. 1693 † 1740 г., т. CXXXVII, янв., 193—211, февр., 279—298, мартъ, 537—554, 606.

Анна Леопольдовна, принцесса мекленбургская, правительница, р. 1718 † 1740 г., т. CXXXVII, мартъ, 551—554.

Анна Петровна, герцогиня Голштинская, р. 1708—1728 г., т. CXXXVII, янв., 195, 196.

Анна Ѳеодоровна, вел., княг., (принцесса Саксенъ-Кобургская), супр. вел. князя Константина Павловича, р. 1781 † 1860 г., т. CXXXVII, янв., 153—155, 159, 162, 166.

Аннаева, 1868 г., т. CXL, окт., 147.

Анненковъ, П. В., писат., т. CXXXVIII, апр., 194, 199, 200, 204, 206.

Анненковъ, ген., 1891 г., т. CXXXIX, іюль, 121.

Антоновичъ, В. В. профес., р. 1834 † 1908 г., т. CXXXIX, сент., 570—572.

Анучинъ, Дм. Гавр., сенат., ген.-лейт., † 1893 г., т. CXXXVII, янв., 50, 51, 54, февр., 366—369.

Анциферовъ, Констант. Дм., студ., т. CXL, нояб., 254.

Апраксина, Софія Петровна, 1846 г., т. CXXXVII, мартъ, 465.

Апраксинъ, гр., Ѳед. Матв., сподвижн. Петра I, род. 1661 † 1728 г., т. CXXXVII, янв., 29.

Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андр., ген.-отъ-артил., род. 1769 † 1834 г., т. CXXXVII, янв., 169—172, февр., 387, 390, т. CXXXVIII, іюнь, 517, т. CXXXIX, авг., 379, 392.

Аракчеевъ, Андр. Андреевичъ, маіоръ, 1803 г., т. CXXXVII, янв., 172.

Апрѣлевъ, юнкеръ Павловск. учил. 1881 г., т. CXL, окт., 216, 219.

Аргутинская, княг., рожд. Дадіанъ, т. CXL, нояб., 301.

Аранетовъ, членъ комис. о крест. дѣлахъ, т. CXL, нояб. 319.

Арсеньевъ, Конст. Конст., юристъ, р., 1837 г., т. CXXXVII, янв. 22.
Архиповъ, профес., т. CXL, декаб., 517.
Арцимовичъ, Викт. Антонов., сенат., т. CXXXVIII апр., 104, т. CXL, окт., 15., декаб., 465.
Арцыбашевъ, шт.-капитанъ, 1803 г., т. CXXXVII, янв., 170.
Асланбеговъ, Абрамъ Богд., контръ-адм., 1881 г., т. CXXXVII, мартъ, 629, 630, т. CXXXVIII, апр., 181.
Асташевъ, В. И., CXXXVIII, іюнь, 447—450.
Ауэрбахъ, А. А., горный инж., его воспоминанія о началѣ развитія каменноугольной промышленности въ Россіи, т. CXXXVIII, іюнь, 451 — 472, т. CXL, декаб., 546—562.
Ауэрбахъ, писат., т. CXXXVII, мартъ, 577—578.
Ауфмордтъ, аптекарь, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Афросимова (Офросимова), Настасья Дмитр., рожд. Лобкова, т. CXXXIX, сент., 568.
Аѳанасьевъ, А. Н., т. CXXXVIII, апр., 192.

Б

Бабкинъ, Петръ Петр., ставроп. предводитель дворянства, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.
Бабстъ, Ив. Кондратьев., профес. юристъ, 1866 г., т. CXL, окт. 53, нояб., 260—267.
Багалѣй, Д. И., проф., т. CXXXVII, янв., 32.
Багговутъ, А. Ѳ., ген.-лейтенантъ, 1812 г.. т. CXXXVIII, іюнь, 509, 513, т. CXXXIX, сент., 520, т. CXL, декаб., 579, 581.
Багговутъ, К. Ѳ., ген., т. CXL, декаб., 579.
Багратіонъ, кн., Петръ Ив., ген.-отъ-инф. р. 1761 † 1812 г. т. CXXXVIII, іюнь, 510, 519, 521, 581, т. CXXXIX, іюль, 101—105, 115, 116, 192, 193, авг., 388, сент., 428, 496, 499, т. CXL, декаб., 638.
Баженовъ, И., сообщ.: «Изъ записной книжки «Русской Старины»; Къ исторіи Костромской епархіи. (Резолюція еп. Симона Лагова на прошеніи архим. Ѳеодосія)», т. CXL, окт., 30—32.
Базилевскій, ген.-м., завѣдыв. инжен. частью Квантунск. обл., 1904 г., т. CXL, дек., 672—686.
Бакунина, Варвара, 1801 года, т. CXXXVIII, мартъ, 662.
Балабановъ, рущукск. вице-губерн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 162.
Балакиревъ, Милій Алексѣев., композиторъ, т. CXXXVIII, май, 271—273.
де-Бальменъ, гр., ген., флиг.-адъют., 1810 г., CXXXIX, іюль, 193, сент., 417.
Баранова, графиня, т. CXXXVIII, апр., 35.
Баратаевъ, кн., Мих. Петр., археологъ, нумизматъ, масонъ, р. 1784 † 1856 г., т. CXXXVII, февр., 424—431, мартъ, 631—649.
Баратынскій, Евг. Абрам., писат., р. 1800 † 1844 г., т. CXXXVII, янв., 177—186, т. CXL, нояб., 385.
Баратынскій, М. А., т. CXXXVIII, май, 354, 357—361.
Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богд., фельдмаршалъ, р. 1761 † 1818 г., т. CXXXVIII, апр., 213, 216, іюнь, 517, т. CXXXIX, іюль, 101—105, 111, 112, 115, 179, авг., 386—390, сент., 430, 501—503.
Бартельсонъ, г-жа, 1868 г., т. CXL, окт., 147.
Баршевъ, Сергѣй Ив., ректъ. московск. унив., профес., юристъ, 1866 г., т. CXL, окт., 40, нояб., 255, 260, 261.
Барыковъ, О. Л., сенат., т. CXXXIX, іюль, 42.
Барышниковъ, Абрамъ Ир., объѣзжій голова, 1699 г. т. CXL, нояб., 316.
Барятинскій, кн., Данила, воевода, 1673 г., т. CXXXIX, авг., 306.
Бассевичъ, дипломатъ, 1714 г., т. CXXXVII, янв., 194.
Батенбергскій, Александръ, князь Болгарскій, 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 174, 180.
Баумгартенъ, ген., 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 174.
Баумгартенъ, ст. сов., варненск. губерн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 161.
Бауэръ, К. В., филологъ, 1850 г., т. CXXXIX, авг., 349, 350.
Бахметьевъ, Ник. Ив., директ. импер. пѣвческой капеллы, р. 1807 г., т. CXXXVII, янв., 124.
Бахметьевъ, ген.-маіоръ, 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 578, т. CXXXIX, сент., 416, 498.
Бахтинъ, Ив. Ив., харьковск. губерн., р. 1754 † 1818 г., т. CXL, декаб., 651.
Бахтинъ, Ник. Ив., ст.-секр., р. 1796 † 1864 г. т. CXXXVII, февр., 261, т. CXL, нояб., 377—387, декаб., 651—658.
Башуцкій, Александръ Данил., сенат. 1866 г., т. CXXXVII, февр., 260 261.

*

Бебутовъ, кн., Давидъ О., варшавск. комендантъ, т. CXXXVII, февр , 323.
Бебутовъ, кн., Василій Осиповъ., † 1858 г., т. CXXXIX, іюль, 68, 73, 75.
Бебутовъ, кн., шт.-капитанъ, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Бегларовъ, прапорщикъ, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Бедряга, юнкеръ Павловск. училища, 1881 г., т. CXL, окт., 216, 219.
Безакъ, М. П., ген., начальникъ артил. финл. окр., т. CXXXVII, мартъ, 592.
Безакъ, Николай Александр., фл.-ад., полковн., 1875 г., т. CXXXVII, февр., 393.
Безакъ, 1811 г., т. CXXXIX, сент., 415.
Безбородко, кн., Алексѣй Андр., канцл., р. 1747 † 1799 г., т. CXXXVII, янв. 37.
Безобразова, М. В., сообщ.: «Дневникъ академика В. П. Безобразова», т. CXL, дек., 519—527.
Безобразовъ, Влад. Павл., акад., сенат., р. 1828 † 1889 г., т. CXL, окт., 132, нояб. 328, 330, декаб., 519—527.
Бейстъ, гр., т. CXXXVII, мартъ, 570, т. CXXXVIII, апр., 17—27, т. CXL, декаб., 595.
Бековичъ-Черкасскій, кн., адъютант., 1817 г., CXXXVIII, іюнь, 473.
Бекъ, Т. С., секрет., 1848 г., т. CXXXIX, іюль, 132.
Беллингъ, М., въ зам. Кронъ, 1850 г. т. CXXXIX, іюль, 148.
Бельгардтъ, А. А., ген., 1855 г., т. CXXXVIII, іюнь, 530, 532.
Бенедиктовъ, Влад. Григ., писат., р. 1807 † 1873 г., т. CXXXVIII, май, 233.
Бенкендорфъ, гр., Александръ Христ., шефъ жандармск., ген.-ад., р. 1783 † 1844 г., т. CXXXVII, мартъ, 457, т. CXL, нояб. 354
Беннигсенъ, гр., Леонт. Леонт., ген.-отъ-кавал., р. 1745 † 1826 г., т. CXXXVII, янв., 212, его записки, т. CXXXVIII, апр. 211—218, іюнь, 507—526, т. CXXXIX, іюль, 100—117, сент., 430, т. CXL, окт., 81, нояб., 358—376, декаб., 619—642.
Бергъ, гр., Өед. Өед., фельдмарш., намѣстн. Цар. Польск., р. 1793 † 1874 г., т. CXXXVII, янв., 92, т. CXL, нояб., 293.
Березина, см. Пирогова.
Березинъ, помѣщикъ, 1848 г., т. CXXXVIII, іюнь, 640.
Бердяевъ, полковникъ 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 548, т. CXXXIX, іюль, 190,
Березкинъ, Козьма Ив., лекарь, 1876 г., т. CXXXVIII, апр., 95.
Берже, Ад. Петров., археол., 1870 г., т. CXXXIX, іюль, 64.
Бестужевъ, (Марлинскій), Ал. А., писатель, † 1837 г., т. CXL, нояб., 354. 355, декаб., 654, 655.
Бестужевъ, Григ. Вас., полковникъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.
Бестужевъ-Рюминъ, Конст. Никол., истор., проф. р. 1829 г. т. CXXXIX, сент., 570 т. CXL, нояб., 384.
Бибиковъ, Ив. Ив., финанс. и юристъ, президентъ ревизіонъ-коллегіи, 1728 г., вице-губерн. въ Иркутскѣ, 1730 г., т. CXXXVII, февр., 296, 297.
Бизюкинъ, помѣщикъ, 1847 г., т. CXXXIX, іюль, 132.
Биконсфильдъ, лордъ, т. CXXXVII, мартъ, 565—578.
Биронъ, Іоганнъ-Эрнестъ, герцогъ курляпскій, род. 1690 † 1772 г., т. CXXXVII, февр., 296.
Биронъ, Э. Г., герцогъ, т. CXXXVII, мартъ, 542, 551.
Бисингъ, виленск. почтмейст., 1685 г. т. CXL, нояб., 454.
Бисмаркъ, Ф., прусск. послан., въ Спб., 1859 г., т. CXXXVIII, іюнь, 483—487.
Блавацкая, писат., т. CXXXIX, авг., 212—214.
Блохинъ, юнкеръ Павловск. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216.
Блудова, гр., Антонина Дмитр., фрейлина, т. CXXXVIII, апр., 35.
Блудовъ, гр., Дм. Никол., мн-ръ внѣшн. дѣлъ, р. 1785 † 1864 г., т. CXXXVII, февр., 273, 307, мартъ, 514.
Боборыкинъ, Петръ Дм., писат., р. 1836 г., т. CXXXVII, янв., 27.
Боборыкинъ, маіоръ, т. CXXXIX, іюль, 95.
Боборыкинъ, поручикъ, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Бобриковъ, ген.-ад., т. CXXXVII, мартъ, 589.
Бобринскій, гр., Алексѣй Пав., мн-ръ путей сообщ., 1876 г., т. CXXXVIII, іюнь, 461, 470.
Богдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, т. CXXXVIII, апр., 212, т. CXL, декаб., 655.
Богдановъ, Анат. Петр., профес., т. CXL, нояб., 251, 258, 259.
Боголѣпова, см. княжна Ливенъ.
Боголѣповъ, Н. П., мн-ръ народн. просв., т. CXL, ноябр., 251, дек., 500.
Боголюбовъ, Алексѣй Андр., подполковн. ген. шт., 1877 г. т. CXXXVIII, май, 324.
Боголюбовъ, политическ. преступн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 153.

Богомоловъ, Никол. Михайлов., литерат., 1872 г.,т. CXL, декаб., 515, 516.

Богословскій, Мих. Измайлов., прот., законоучитель училища Правовѣдѣнія, т. CXXXVIII, апр., 51, 54.

Бодянскій, П. В., врачъ, 1904 г., т. CXXXVII, янв., 121.

Бозіо, Анж., пѣвица, † 1859 г., т. CXL, декаб., 581.

Бойль, Романъ Платонов., вице-адмир., архангельск. губерн., р. 1794 г., т. CXL, декаб., 567—572.

Бонде, гр., об.-камерг. герцога Голштинскаго, 1730 г., т. CXXXVII, мартъ, 550, 551.

Боратынскій, Евг. А., см. Баратынскій.

Борисова, см. Шешина.

Борисовъ, Ив. Петр., землевладѣл., † 1888 г., т. CXXXVII, мартъ, 651—659, т. CXXXVIII, апр., 63—70.

Борисовъ, подполковн., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 542.

Бороздинъ, С. В., помѣщ., т. CXL, нояб. 417.

Борозднa, Вас., чиновн. посольск. канц., 1817 г., т. CXXXVIII, май, 314, 315, іюнь, 473, 477—479.

Борхъ, гр., Александръ Мих., директ. департ. мин-ва ин. дѣлъ, об.-церемоніймм., 1850 г., т. CXXXVII, февр., 295, мартъ 664, т. CXXXIX, іюль, 136, авг., 262—265, 270, 285, сент., 446, т. CXL, окт., 132—134.

Борятинскій, кн., ген.-маіоръ, 1730 г., т. CXXXVII, февр., 295.

Боснякъ, полк., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 544, 546, 588.

Боткина, рожд. кн. Оболенская, т. CXL, декаб., 524.

Боткинъ, Сергѣй Петр., профес., лейбъ-медикъ, р. 1832, т. CXXXVIII, апр., 158, 159, май, 321, т. CXL, декаб., 521, 524.

Боуръ, ген., 1709 г., т. CXXXIX, іюль, 14, 15.

Боцяновскій, В. А., 1893 г., т. CXL, нояб., 377.

Бочаровъ, статистикъ, т. CXL, декаб., 502.

Браницкая, см. Воронцова.

Браницкая, графиня, ст.-дама, 1792 г., т. CXXXVII, янв., 148, февр., 404.

фонъ-Бревернъ, Аделаида Романовна, рожд. Штральборнъ, т. CXXXVIII, апр., 85.

Бревернъ-Делагарди, гр., Александръ Ив., команд., т. CXXXVIII, апр. 85—88.

фонъ-Бревернъ, Іоганнъ, ген., сенат., чл. Госуд. Совѣта, т. CXXXVIII, апр., 85, 86.

Бревернъ, Магнусъ (Максимъ) Ив., ген.-маіоръ, 1875 г., т. CXXXVII, февр., 393, т. CXXXVIII, апр., 85—91.

Брикнеръ, Александръ Густав., истор., р. 1834 г., т. CXXXVII, янв., 193.

Бриль-Крамеръ, Конст. Андр., докт. медиц., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.

Брокъ, Петръ Өед., мн-ръ финанс., р. 1805 † 1875 г., т. CXXXVIII, май, 233, т. CXXXIX, сент. 456.

Броссе, Марій Ив., акад., р. 1802 г., т. CXXXIX, іюль, 71.

Бруни, Алекс. Павл., архитект. акад., т. CXXXIX, іюль, 158, 159.

Бруни, Ѳ. Ант., ректор. акад. худож., т. CXL, декаб., 582.

Бруновъ, бар., Филиппъ Ив., диплом., † 1875 г., т. CXXXVII, мартъ, 567, т. CXL, декаб., 609, 610.

Брунъ, ст.-секрет., т. CXXXVIII, апр., 171.

Брюловъ, Карлъ Павл., художн., р. 1799 † 1852 г., т. CXL, декаб., 582.

Булатовъ, С. И., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.

Булгаринъ, Өед. Венедик., писат., т. р. 1789 † 1860 г., февр., 323, 330, его письма т. CXL, нояб., 347—357, декаб., 654.

Бунге, Никол. Христіан., проф., мн-ръ фин., р. 1823 † 1895 г., т. CXXXVIII, май, 245, т. CXL, нояб. 322, декаб., 521, 526, 527.

Бунина, см. Протасова.

Бурмейстеръ, см. Чевкина.

Бурмейстеръ, Мих. Ѳедор., т. CXL, окт., 127—129.

Бурмовъ, Ѳед. Стоян., филиппольск. вице-губерн., 1878 г., р. 1824 г., т. CXXXVIII, апр., 162.

Бурцевъ, Александръ Евгеніев., библіографъ, т. CXXXVIII, май, 386—390.

Бутаковъ, Гр. Ив., адм., ген.-ад., чл. Государст. Совѣта, р. 1820 † 1882 г., т. CXXXVIII, мартъ, 597, 598.

Бутенантъ, Андрей, датскій резидентъ въ Москвѣ, 1700 г., т. CXL, декаб., 663.

Бутковъ, Влад. Петров. государств. секрет., † 1881 г., т. CXXXVIII, апр., 40, т. CXL, окт., 133.

Бутовскій, А. И., директ. мануфакт. департ., т. CXL, нояб., 328—331.

Бутурлина, фрейлина 1847 г., т. CXXXVII, мартъ, 513.

Быковскій, архитект., т. CXXXIX, авг., 286.

Быковъ, жандарм. полковн., 1837 г., т. CXXXIX, іюль, 45.

Бычковъ, Аѳан. Өед., директ. публ. библ., акад., р. 1818 г., т. CXXXVII, февр., 336.

Бычковъ, И. А., завѣд. рукописн. отд. Спб. публ. библ., т. CXXXVII, февр., 336.

Бѣгичевъ, Степ. Никит., полковн., 1841 г., т. CXXXVII, февр., 320—323, 330—336, 340.

Бѣлинскій, Виссар. Григ., писат., р. 1810 † 1848 г., т. CXXXVII, янв., 185, 186, мартъ, 507, 529, т. CXL, нояб., 352, 353, 357.

Бѣловъ, Е. А., педаг. 1850 г., т. CXXXIX, авг., 338.

Бѣлозеръ, подполк., 1904 г., т. CXXVIII, іюнь, 616.

Бѣлокуровъ, С. А., его соч. «О Посольскомъ приказѣ», т. CXL, нояб., 442.

Бѣлостоцкій, об. прокуроръ Сената, 1879 г. т. CXXXVIII, май, 308.

Бѣлоцерковецъ, тульчинск. губерн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 162.

Бѣлявцевъ, Дм. Никол., начальн. курскаго опол., 1855 г., т. CXXXVIII, іюнь, 533.

Бѣляевъ, Ив. Дм., проф., т. CXL, нояб., 257—259, декаб., 512—514.

Бѣляевъ, И. С., сообщ.: «Изъ исторіи Новгорода (самоуправленіе и власть княжеская»), т. CXL, нояб., 401—414.

В

Вагановъ, горный чиновн., 1791 г., т. CXXXIX, авг., 324.

Вагнеръ, В. А., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462, 463.

Валуевъ, гр. Петръ Александр., писат., мн-ръ госуд. имущ., р. 1814 † 1890 г., т. CXXXVIII, апр., 7, іюнь, 460, 461, т. CXL, окт., 9.

Валуевъ, Петръ Степ., Главнонач. Кремлев. Экспедиц., р. 1743 † 1814 г., т. CXXXVII янв., 171, т. CXXXIX, сент., 568.

Вальтеръ-Каменская, пѣвица, т. CXXXIX, авг., 257.

Ванновскій, Петръ, Степ., воен. мн-ръ, ген.-ад., † 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 31, 36, т. CXL, ноябр., 337.

Варваринъ, Вл. Ник., сенат., т. CXL, нояб., 250.

Василій Темный, московскій князь, † 1462, CXL, нояб., 413.

Васильевъ, Димитрій, свящ., 1783 г., т. CXXXVII, мартъ, 650.

Васильевъ, П. А., гор. инж., 1874 г., начальн. Гор. Управл. Земли Войска Донскаго., т. CXXXVIII, іюнь, 461.

Васильчикова, Е. А., въ зам. княг. Черкасская, т., CXXXVII, янв., 45.

Васильчиковъ, Александръ Илларіон., писат., р. 1818 † 1881 г., т. CXXXVII, янв., 56.

Васильчиковъ, кн., Викторъ Илларіон., ген.-ад., р. 1820 г., CXXXVII, янв., 56.

Васильчиковъ, кн. Илларіонъ Вас., предсѣд. Гос. Сов., р. 1777 † 1847 г., т. CXXXVIII, апр., 193, 196.

Васильчиковъ, кн., И. И., землевладѣлецъ, 1832, т. CXXXVII, янв., 55.

Васильчиковъ, П. А., т. CXXXVII, янв., 49.

Вейсъ, Ив. Ив., маносъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.

Велепольскій, маркизъ, т. CXXXVIII, май, 261, 262, 335.

Вельсъ, Авдотья Вас., рожд. Азбукина, 1840 г., т. CXL, окт., 157.

Венгеровъ, Сем. Аѳан., критикъ, т. CXXXVII, янв., 186, т. CXXXVIII, апр., 192, 206, май, 320.

Вентиловичъ, лейт., † 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 547.

Венявскій, Генрихъ, скрипачъ, р. 1835 † 1880 г., т. CXXXIX, авг., 255.

Вернадскій, Ив. Вас., проф. политэконом., р. 1821, т. CXXXIX, сент., 455, 457, т. CXL, 286, 289.

Вершницкій, Мих. Гаврил., 1776 г., т. CXXXVII, ян., 174.

Веселовскій, Алексѣй Николаев., проф., чл. московск. театр. комитета, р. 1843 г., CXXXVII, фев., 320, т. CXXXVIII, апр., 197, т. CXL, декаб., 514.

Вестманъ, директ. канц. мин. индѣлъ, т. CXXXVIII, іюнь, 631.

Вестфаленъ, датск. послан., 1730 г., т. CXXXVII, янв. 193—211, февр., 279—298, мартъ, 537—554.

Вешняковъ, русск. послан. въ Конст., 1745 г., т. CXXXVII, мартъ, 607.

Викторія (Александрина), англійская королева, р. 1819 г. † т. CXXXIX, сент., 523—552.

Вилліе, Чарльсъ, англійск. госуд. дѣятель 1866 г., т. CXXXVII, мартъ, 570, т. CXXXIX, іюль, 47—62.

Вильде, Г. А., т. CXXXVIII, іюнь, 626, 627, 630.

Вильде, М. Г., журнал., т. CXXXVIII, іюнь, 633, 634.

Вилькенсонъ, Елисей, купецъ, 1632 г., т. CXL, ноябр., 429, 433, 445.

Вильманъ, геп., т. CXXXVIII, іюнь, 638, 639.

Вильчинскій, Евгеній, сообщ.: «Андрей Денисьевичъ Виніусъ». (Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ), т. CXL, нояб., 428—439.

Вильяшевъ, поруч. лейбъ-гв. Павлов. полка, 1888 г., т. CXL, нояб., 391.

Виніусъ, Андрей Андр., сотрудникъ Петра Великаго, р. 1641 г., т. CXL, нояб., 440—444.

Виніусъ, Андрей Денис., дьякъ По-

сольск. приказа. 1632 г., т. CXXXIX, авг., 301, т. CXL, нояб., 428—439, 444—459, декаб., 659—666.

Виніусъ, Матвѣй, столон. и почтмейс., 1695 г., т. CXL, декаб., 661—665.

Виніусъ, Петръ, подъячій, 1672 г., т. CXL, нояб., 448.

Виніусъ, см. Мейеръ.

Виноградова, 1868 г., т. CXL, окт., 147.

Вицингероде, бар., Фердин. Өед., ген.-отъ-кав., р. 1770 † 1818 г., т. CXXXIX, сент., 502, 510.

Витбергъ, архитект., т. CXXXIX, сент., 442.

Витгенштейнъ, княгиня, см. Эйлеръ.

Витгенштейнъ, гр., ген.-лейт., 1812 г., т. CXXXVIII, іюнь 509, 513, 516, 525, т. CXL, нояб., 360, 375, 376, декаб., 623, 627, 628, 638.

Витзенъ, амстердамск. бургомистръ, 1693 г., т. CXL, декаб., 660.

Витмеръ, Александръ Николаев., сообщ.: «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.—Казиміръ Васильевичъ Левицкій», т. CXL, нояб., 273 — 285, декаб., 487—494.

Витмеръ, ген., 1878 г., т. CXXXVII, мартъ, 598.

Витте, П. Х., т. CXXXIX, авг. 262, 263.

Витте, гр., Сергѣй Юльев., мн-ръ финанс., т. CXXXVIII, іюнь, 634, т. CXXXIX, авг., 264.

Вишняковъ, капит., т. CXL, нояб., 392.

Віардо-Гарсіа, Паулина., пѣв. 1858 г., т. CXXXVII, мартъ, 657, т. CXXXIX, авг., 257.

Віельгорскій, гр., Мих. Юрьевичъ, об.-шенкъ, масонъ, р. 1788 † 1856 г., т. CXXXVII, февр., 335, мартъ, 639, 514, т. CXXXVIII, 262.

Віельгорскій, гр., 1861 г., т. CXXXIII, апр., 7.

Владиміръ Александровичъ, великій кн., † 1909 г., т. CXXXVII янв., 125., февр., 394, т. CXXXVIII, май, 289, 290, іюнь, 448, 450, т. CXL, окт., 66.

Владиміръ, вел. кн. Кіевск., † 1015 г., т. CXL, нояб., 402.

Воейковъ, А. О., издат. «Русскій Инвалидъ», т. CXL, нояб., 354, 357.

Воейковъ, Вас. Петров., управл. хрѣновск. заводомъ, т. CXL, декаб., 543, 544.

Воейковъ, прапорщ., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.

де-ла-Возъ, директ. московск. технич. учил., т. CXL, декаб., 517.

Войновъ, ген., 1806 г., т. CXXXVIII, іюнь, 535, 562, 563, 570, 573.

Волковъ, А. В., сенат., 1891 г., т. CXL, нояб, 239, 242, 243.

Волковъ, Григорій, воевода, 1673 г., т. CXXXIX, авг., 306, 309, 310.

Волковъ, С. С., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.

Волконская, княгиня, Марія Петровна, рожд. Кикина, супруга мн-ра двора, т. CXL, декаб., 579.

Волконскій, кн., Д., т. CXL, декаб., 579.

Волконскій, кн., Петръ Мих., ген.-фельдмарш., мн-ръ Императ. двор., р. 1776 † 1852 г., т. CXXXVIII апр., 193, іюнь, 516, 517.

Волконскій, гр., ген., 1609 г., т. CXXXIX, іюль, 16.

Волконскій, кн., секретарь посольства, диплом., 1812 г., т. CXXXIX сенат., 451.

Володиміровъ, юристъ, 1875 г., т. CXXXVIII, апр., 155.

Волховскій, участн. въ Нечаевскомъ дѣлѣ, т. CXL, декаб., 509.

Вольцогенъ, полковн., 1812 г., т. CXXXVIII, іюнь, 516, 517.

Вороновъ, Ив., сообщ.: «Саратовская гимназія — устава графа Уварова—прошлаго столѣтія». 1851—1859 годы. (Воспоминанія питомца)», т. CXXXIX, авг., 331—356.

Вороновъ, Н. И., сообщ.: «Изъ воспоминаній о Кронштадтѣ, въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая I», т. CXXXIX, авг., 243—252.

Вороновъ, 1810, т. CXXXIX, авг. 382.

Воронцова, гр., Елис. Ксавер., рожд. Браницкая, жена новороссійск. ген.-губерн., т. CXL, окт., 155.

Воронцовъ-Дашковъ, гр., И. И., командиръ, л.-гв. гусарск. полка, т. CXXXVII, февр., 395.

Воронцовъ, кн., Мих. Сем., новорос. ген.-губ., впосл. намѣстн. кавказ., р. 1782 † 1856 г., т. CXXXVII, мартъ, 580, т. CXL, окт., 155.

Воронцовъ, Сем. Мих., 1855 г., т. CXXXVIII, іюнь, 531.

Воронцовъ, гр., ген.-маіоръ, 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 189—191, сент., 416, 417.

Врангель, бар., директ. министерства юстиц., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 276.

Вронченко, Өед. Павл., мн-ръ фин., р. 1780 г., т. CXXXVIII, май, 230—233.

Всеволожская, Е. Д., супруга дирек. имп. театровъ, т. CXL, декаб., 579.

Всеволожскій, т. CXXXVIII, апр., 198.

Выводцевъ, старш. врачъ кишиневск. военн. госпит., 1876 г., т. CXXXVIII, апр., 95.

Вышнеградскій, Ив. Алексѣев., мн-ръ

финанс., р. 183 † 1892 г., т. CXXXVIII, май, 246, 247, т. CXXXIX, іюль, 142, 143, сент., 400, 401, т. CXL, декаб., 520, 522.
Вяземскій, кн., ген.-маіоръ, 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 540, 542, 578.
Вяземскій, кн., Мих., ген.-маіоръ, 1810 г., т. CXXXVIII іюнь, 577, т. CXXXIX, іюль, 181, 184, 185, 189, авг., 393. 394.
Вяземскій, кн., Петр. Анд., писат., р. 1792 † 1878 г., т. CXXXVII янв., 191, мартъ, 456, т. CXXXVIII, апр., 208, 209, т. CXL окт., 153, нояб., 355, 384, декаб., 654, 655.
Вѣнцѣевъ, Сем. Никиф., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Вязьмитиновъ, гр., т. CXXXVII, мартъ, 648, 649.

Г

Гаакъ, К. А., педаг. 1850 г., т. CXXXIX, авг., 352—354.
Габихсталь, бар., об.-церемон., 1730 г., т. CXXXVII, янв., 208.
Гавриловъ, начальн. этап., т. CXXXVII, янв., 105.
Гавріилъ, архіеп. вологодскій и бѣлозерскій, 1698 г., т. CXXXVIII, апр., 28, т. CXXXIX, авг., 372, 374.
Гагаринъ, кн., Александръ Ив., 1840 г., т. CXL окт., 159.
Гагаринъ, кн., Вас. Ѳед., т. CXL, декаб., 655.
Гагаринъ, кн., Ив. Алексѣев., тайн. совѣтн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 640.
Гагаринъ, кн., Пав., Гавр., ген.-маіоръ, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 640.
Гагаринъ, кн., Пав. Пав., вице-предсѣд. Государст. Совѣта, предсѣд. комитета мн-въ, р. 1783 † 1872 г., т. CXXXVII, янв., 125, 129—143, февр., 262—167, 270—276, мартъ, 555, 556, 559—563, т. CXXXVIII, апр., 148, 149.
Гагемейстръ, А. Л., ген., томъ CXXXVII, мартъ, 588.
Гагемейстеръ, Ю. А., директ. кредитной канцеляріи, CXL, окт., 133, нояб., 327—330.
Гаевскій, Викторъ Павловичъ, юристъ, 1866 г., т. CXXXVII, февр., 183, 266.
Гаевскій, Пав. Ив., т. CXXXVII, февраль, 301—303, 309—312.
Газенкампфъ, Михаилъ Александровичъ, т. CXL, нояб., 273.
Галаганъ, членъ комиссіи о крестьян. дѣлахъ, т. CXL, нояб., 319.
Галаховъ, Алексѣй Дмитр., писатель, р. 1807 † 1892 г., т. CXXXVII, янв., 185.
Галлъ, Александръ Александровичъ, адъют. великаго князя Николая Николаевича, 1864 г. т. CXXXVIII, май, 289, 291, т. CXL, декаб., 543.
Гамель, Іосифъ Христ., акад., род. 1788 † 1861 г., т. CXXXIX, сентябрь, 433, 434, т. CXL, нояб., 441.
Ганъ, бар., сенат. 1838 г., т. CXXXIX, іюль, 71, 76.
Гартингъ, Иванъ Марковичъ, генер., инжен., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 543—547, 560, 576, 577, 581, 586, 587.
Гедда, Мих. Ѳед., оберъ-прокуроръ, сенат., † 1883 г., т. CXXXVIII, іюнь, 493., т. CXXXIX, іюль, 40.
Гейденъ, гр., Ѳед. Логиновичъ, начальн. гл. штаба, впос. ген.-губерн. Финл., 1888 г., т. CXXXVII, мартъ, 598.
Гейне, юнкеръ Павловск. училища, 1881 г., т. CXL, окт., 216.
Гейнсъ, А. К., товарищъ мн-ра путей сообщенія, т. CXL, нояб., 274.
Гельмерсенъ, ген.-лейт., акад., директ. Горнаго института, 1870 год., т. CXXXVIII, іюнь, 452.
Гензельтъ, А., артистъ, т. CXXXVII, февр., 352, 353.
Генинъ, Вилимъ Ив., ген., 1722 г., т. CXXXIX, авг., 310—312, 315, 319.
Генрици, мед. инспект., т. CXXXVII, мартъ, 592.
Георгіевскій, Г. П., т. CXXXVII, мартъ, 451—467.
Герардъ, Н. Н., предсѣд. Варш. судебн. палаты, 1875 г., т. CXXXVII, февр., 235.
Геригросъ, С. Ф., офиц., 1818 г., т. CXXXVIII, апр., 194
Герценъ, Александръ Ивановичъ, писатель, род. 1812 † 1870 года, томъ CXXXVII, февр., 305 т. CXXXVIII, апр., 8—12, 17, т. CXL, нояб., 259, 386.
Гершензонъ, М., сообщ.: «Записка о допущеніи кандидата Грановскаго къ экзамену на высшую ученую степень», т. CXXXVIII, апр., 81—82.
Геслеръ, ген. консулъ въ Кадиксѣ, 1850 г., т. CXXXIX, іюль, 149.
Гечевичъ, минск. гражданск. губерн., 1826 г., т. CXL, окт., 83.
Гибшъ фонъ-Гросталь, генер.-маіоръ, филиппопольск. губерн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 161.
Гильфердингъ, директ. деперт. ин. дѣлъ, 1850 г., т. CXXXIX. іюль, 137, 145.
Гирсъ, Никол. Карл., мн-ръ ин. дѣлъ,

1820 † 1895 г.г., т. CXXXVIII, апр., 24, 25, 177—180.
Гладковъ, М. И., купецъ, т. CXL, нояб., 417.
Гладстонъ, англ. государств. дѣятель, т. CXXXVII, мартъ, 565—578, т. CXXXIX, авг., 208—211, т. CXL, декаб., 615.
Глинка, Григ. Андр., смоленск. помѣщ. 1826 г., т. CXL, окт., 83.
Глинка, Мих. Ив., композиторъ, р. 1804 † 1857 г., т. CXXXVII, янв., 55.
Глинка, Сергѣй Петровичъ, управляющій полангенск., погранич. таможн., 1826 г., т. CXL, окт., 83.
Глинка, см. Кюхельбекеръ.
Глиноецкій, Никол. Вл., ген., т. CXL, декаб., 491—493.
Глѣбовъ, подполковникъ, 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 196, 198, авг., 381, 382.
Гоголь, Никол. Вас., писат., род. 1809 † 1852 г., т. CXXXVII, февр., 326, мартъ, 451—488, 514, 515, т. CXXXVIII, май, 318—320.
Годинъ, А. И., педаг., 1850 годъ, т. CXXXIX, авг., 346.
Голенищевъ, Н. А., капитанъ 1 ранга, 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Иван., масонъ, 1814 г., т. CXXXVIII, май, 390.
Голиковъ, Ив. Ив., историкъ; писат., р. 1735 † 1801 г., т. CXXXVII, янв., 31, т. CXL, нояб., 440.
Голицынъ, кн., Александръ Николаев. мн-ръ дух. дѣлъ и просв., р. 1773 † 1844 г., т. CXXXVII, мартъ, 456, 457.
Голицынъ, В. В., управл. посольск. приказ. 1682 г., т. CXL, нояб., 454, 455.
Голицынъ, кн., Дм. Мих., ген.-фельдмаршалъ, род. 1665 † 1738 год., т. CXXXVII, янв., 197, 202—210, февр., 284, 289, 292—295, мартъ, 552, т. CXXXIX, іюль, 26, т. CXL, окт., 112.
Голицынъ, кн., Дм., ген.-лейт., 1812 г. т. CXL, нояб., 371, 372.
Голицынъ, кн. С. М., маршалъ, 1855 г., т. CXXXIX, авг., 282.
Головачевскій, юнкеръ Конст. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216.
Головина, гр-ня, Варвара Николаевна, 1801 г., т. CXXXVII, янв., 151, 156, 164.
Головинъ, И. И., т. CXL, декаб., 663.
Головинъ, Никита Евстрат., 1699 г., т. CXL, нояб., 316.
Головинъ, Евг. Александр., главноуправ. Кавказ., генералъ, 1837 г., т. CXXXIX, іюль, 80.
Головинъ, Ив. Гавр., публицистъ-эмигрантъ, р. 1816 г., т. CXXXVII, янв., 183.
Головинъ, Ѳ. А., 1697 г., т. CXL, декаб., 660, 662.
Головинъ, 1861 г., т. CXXXVIII, апр., 7.
Головкинъ, гр., Гавр. Ив., канцлеръ, † 1734 г., т. CXXXVII, янв., 207—210, февр., 281, 284, 287, 290, 291, 294, мартъ, 547, 551.
Головкинъ, гр., Мих., камерг., 1730 г., т. CXXXVII, февр., 295.
Головкинъ, гр. Юлій Александр., сен., оберъ-церемоніймейст., т. CXXXVIII, май, 312.
Головкинъ, гр., Ѳед. Гаврил., камергеръ, дипломатъ, р. 1766 † 1823 г., т. CXXXVII, янв., 164.
Головкинъ, 1857 г., т. CXXXVIII, апр., 43.
Головнинъ, Александ. Вас., мн-ръ нар. просв. † 1886 г., т. CXXXVII, янв., 71, фев., 311, март., 516, т. CXXXVIII апр., 41, 150, т. CXXXIX, авг., 225—228.
Гомолицкій, К. Н., т. CXL, окт., 80.
Голубцевъ, попечит. Кіевск. унив., 1884 г., т. CXXXIX, авг., 218.
Горбуновъ, Ив. Ѳед., артистъ., т. CXL, декаб., 481.
Гордонъ, Патрикъ, генералъ, р. 1635 г. † 1699 г., т. CXL, ноябр., 458.
Горловъ, Петръ Николаев., гор. инж., дирек. Об-ва Южно-Русск. Каменноуг. Промышл., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 460—464, т. CXL, декаб., 546.
Городецкій, Г. А., помѣщ., т. CXL, нояб., 417.
Горчакова, княг., см. Мусина-Пушкина.
Горчаковъ, Александръ, Мих., госуд. канцлеръ, р. 1798 † 1883 г., т. CXXXVII, янв., 47, 191, т. CXXXVIII, апр., 22, 34, 94, май, 330, 339—345, іюнь, 533, 632, т. CXXXIX, сент., 446.
Горчаковъ, кн., т. CXXXVII, янв., 73.
Градовскій, Григ., сообщ.; «Изъ минувшаго. (Воспоминанія и впечатлѣнія литератора 1865 — 1897 г.)», т. CXXXVII, мартъ, 529—535.
Градовскій, проф. Спб. университ., т. CXXXVIII, апр., 171.
Грановская, Елисавета Богдан., рожд. Мильгаузенъ, т. CXL, нояб., 563.
Грановскій, Тимоф. Никол., профес., р. 1813 † 1855 г., т. CXXXVIII, апр., 81—82, 190, т. CXL, нояб., 563, декаб., 461.
Грейгъ, Самуилъ Алексѣев., адм., мн-ръ финанс., р. 1827 † 1887 г., т. CXXXVII, янв., 70 — 72, 79, т.

CXXXVIII, май, 235 — 245, т. CXXXIX, сент., 457.
Грековъ, полковн., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 541.
Гресперъ, ген.-маіоръ, 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 161.
Гречъ, Ив. Ив., масонъ, 1776, г., т. CXXXVII, янв., 174.
Гречъ, Никол. Ив., писат., р. 1787 † 1867 г., т. CXL, нояб., 350, 351, декаб., 653—656.
Грибоѣдова, Нина Александровна, т. CXXXVII, февр., 331.
Грибоѣдова, см. Дурново.
Грибоѣдова, см. Лачинова.
Грибоѣдовъ, Александръ Серг., писат., р. 1795 † 1829 г., т. CXXXVII, февр., 320—348, т. CXXXIX, авг., 331, т. CXL, нояб., 384—387.
Григоровичъ, Дм. Вас., писат. 1882 г., т. CXXXVII, мартъ, 657.
Григорьевъ, 1884 г., т. CXXXVII, мартъ, 533 534.
Грикуровъ, 1856 г., т. CXXXVII, февр. 364.
Гриммъ, пасторъ, 1891 г., т. CXL, нояб., 239, 240, 243, 244.
Гриммъ, Фридрихъ-Мельхіоръ, корреспондентъ Екатерины II, т. CXL, нояб., 388.
Гриневичъ, инж.-поруч., 1904 г., т. CXL, дек., 673—686.
Гринкевичъ, 1868 г., т. CXL, окт., 147.
Громека, Степ. Степ., сѣдлецк. губерн., публицистъ, р. 1823 † 1877 г., т. CXXXVII, февр., 234—237.
Громницкій, Мих. Ѳед., прокуроръ окружн. суда въ Москвѣ, т. CXL, нояб., 269—271.
Гротъ, К. К., т. CXL, декаб., 481.
Гротъ, Конст. Яковл., т. CXXXVII, янв., 177—182, 184, 186, сообщ.: «Изъ переписки А. П. Зонтагъ съ В. А. Жуковскимъ", т. CXL, окт., 153—168.
Гротъ, Николай Яковл., проф., р. 1852 г., CXL, окт., 69.
Гротъ, Яковъ Карл., акад., р , 1812 † 1893 г., т. CXXXVII, янв. 196.
Губаревъ, П. М., докт., т. CXXXVIII, май 373.
Гудовичъ, гр., московск. главнокоманд. 1811 г., т. CXXXIX, сенат., 558—560.
Гулакъ, А. И., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Гулькевичъ, Н., ст.-секрет., 1866 г., т. CXXXVII, янв., 137.
Гурко, Іосифъ Влад., ген., варшавск. ген.-губерн., фельдмарш., р. 1828 † 1886 г., т. CXXXVII, февр., 250, 251.
Гурьевъ, Д. Н., 1870 г., т. CXXXVIII, іюнь, 452.
Гурьевъ, Мих , сообщ.: «Воспоминанія о моемъ ученіи», т. CXXXIX, авг., 357—371.
Гутмансталь, см. Зонтагъ.
Гутьяръ, Н. сообщ.: «И. С. Тургеневъ и его не литературные друзья», т. CXXXVII, мартъ, 651—659, т. CXXXVIII, апр., 63—70.
Густавъ, король швед., 1800 года, т. CXXXVII, янв. 160.
Гучковъ, Н. И., московск. городской голова, 1909 г., т. CXXXVIII, май, 318.
Гюйсенъ, бар., редакт. журнала Петра I, 1709 г., т. CXXXVII, янв., 31, 32.

Д

Дабижа, кн. В. Д., т. CXXXVII, февр., 367.
Даву, маршалъ. † 1823, т. CXL, нояб., 265.
Давыдова, см. княгиня Долгорукова.
Давыдовъ, Вас. Львовичъ, декабр., т. CXXXVIII, апр., 202—205.
Давыдовъ, П. Д., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Давыдовъ, артиллер., † 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 197.
Дадіани, кн., Александръ, полковн., фл.-ад., т. CXXXIX, іюль, 76—78.
Дадіанъ, см. Аргутинская.
Данилевскій, А. Я., докт., 1868 г., т. CXL, окт., 140.
Данилевскій, Г. П., редакт. „Правительственнаго Вѣстника", т. CXL, окт., 5.
Даниловъ, Влад. Николаев., командГвад. корпуса, т. CXL, нояб., 274.
Даниловъ, ген., т. CXXXVIII, апр., 128, 140, 141.
Доскаловъ, тульчинск. вице-губерн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 162.
Дворниковъ, Вас. Фед., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.
Делагарди, графиня, рожд. Бревернъ, т. CXXXVIII, апр., 85.
Делагарди, граф., т. CXXXVIII, апр., 85.
Дельвигъ, бар., Антонъ Антонов., писат., р. 1798 † 1831 г., т. CXXXVII, янв., 180, 181, т. CXL, нояб., 355.
Деляновъ, гр., Ив. Давыдов., мн-ръ народн. просв., † 1898 г., т. CXXXVII, февр., 307, 310, 312, т. CXXXIX, авг., 217, сент., 437.
Демидовъ-Акиноъ, 1726 г., т. CXXXIX, авг., 314—323.

Демидовъ, Никита, т. CXXXIX, авг. 319.
Денъ, Ив. Ив., ген.-ад., инспект. по инжен. части, 1853 г., т. CXXXIX, авг., 248.
Дехтеревъ, ген., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 572.
Джаксонъ, т. CXL, нояб., 251.
Джамгаровъ, т. CXXXIX, сент., 438.
Джаншіевъ, Григ. Аветовичъ, писат., т. CXXXIX, сент. 437—439, т. CXL, декаб., 472.
Джунковскій, Өед. Степан., ген.-инсп. кавалер., 1864 г., т. CXXXVII, май, 281, 289, т. CXL, декаб., 540.
Дзичканецъ, Іосифъ Гедеон., воен. инж., полковн., 1853 г., т. CXXXIX, авг., 248—252.
Дибичъ, гр., Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 † 1831 г., т. CXL, нояб., 248.
Дитловъ, И. А., сообщ.: «Въ походѣ и бою на броненосцѣ «Адмиралъ Ушаковъ», т. CXXXVII, янв., 107—122, февр., 313—319, мартъ, 489—502, т. CXXXVIII, апр., 109—145.
Дмитріевъ, Ив. Ив., писат., мн-тръ юстиц., 1812 г., т. CXXXIX сент., 558, 560, т. CXL, декаб., 656.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Эман. Алекс., художн., 1857 г., т. CXXXVIII, май, 313.
Дмитріевъ-Оренбургскій, художн., т. CXL, декаб., 533.
Дмитріевъ, профес. Московск. унив., 1858 г., т. CXXXVIII, апр., 56.
Дмитрій Константиновичъ, великій князь, т. CXL, декаб., 522.
Добролюбовъ, т. CXXXVII, февр., 234.
Довнаровичъ, Казиміръ, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 640.
Долгорукова, княжна, Екатерина Алексѣевна, невѣста Петра II, р. 1711 † 1745 г., т. CXXXVII, янв., 206.
Долгорукова, княгиня, рожд. Давыдова, т. CXXXIX, сент., 447, 450.
Долгорукова, см. Новикова.
Долгорукова, см. княг. Юрьевская.
Долгоруковъ, кн., Алексѣй Григ., сенат., † 1734 г., т. CXXXVII, янв., 210.
Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., шефъ-жандарм., р. 1804 † 1867 г., т. CXXXVII, янв, 124, 125.
Долгоруковъ, кн., Вас. Влад., ген.-фельдмарш., президентъ воен. коллегіи, р. 1667 † 1746 г., т. CXXXVII, янв., 206.
Долгоруковъ, кн., Вас. Лукичъ, ген., фельдмарш., рус. послан. въ Даніи, 1720 † 1739 г., т. CXXXVII, янв., 193, 196, 204—210, февр., 289—292, 295, мартъ, 547—551, т. CXXXXIX, авг., 385.
Долгоруковъ, кн., Ив. Алекс., 1730 г., т. CXXXVII, мартъ, 549, 551.
Долгоруковъ, кн., Петръ Влад., писат., † 1868 г., т. CXXXIX, сент., 447.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Алексд. Мих., кіевск. ген.-губерн., въ 1869 г., рус. комиссаръ въ Болгаріи 1876 г., главнопач. на Кавказѣ 1882—1890 г., р. 1820 † 1893 г., т. CXXXVII, янв., 44—54, февр., 365—376, мартъ, 579—584, т. CXXXVIII, апр., 31, 161—180, май, 251—259, т. CXL, нояб., 298.
Донской, Матвѣй Ив., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Допель-майръ, Григ. Гавр., полковн., 1875 г., т. CXXXVII, февр., 393.
Дора-Гугенбергъ, полковн, †1810 г., т. CXXXIX, іюль, 197.
Дороховъ, ген. 1812 г., т. CXXXIX, сент. 510.
Дорофей (Возмуйловъ), еписк. Өеодос. викаріанства, † 1790 г., т. CXXXVII, янв., 213—216.
Достоевскій, Өед. Мих., писат., р. 1821 † 1881 г., т. CXXXVII, мартъ, 529, 530, т. CXXXVIII, іюнь, 499—501, т. CXL, окт., 5.
Доу, художн. 1825 г., т. CXXXVIII, май, 313.
Дохтуровъ, Дм. Серг. ген.-отъ-инфант., † 1816 г., т. CXXXVIII, іюнь, 509, 513, 516, 524, т. CXXXIX, сент., 501, 503, 520, 522, т. CXL, нояб., 359.
Дохтуровъ, Мих. Никол., ген. 1864 г., т. CXXXVIII, май, 284.
Дохтуровъ, ген., 1878 г., т. CXXXIX, іюль, 91—94, 97, 111, т. CXL, нояб., 274.
Драгомировъ, Мих. Ив., ген.-ад., р. 1830 † 1905 г., т. CXXXVII, янв., 90—106, февр., 391—398, т. CXXXVIII, апр., 83—96, май, 321—331, т. CXL, нояб., 275 — 278, 281, 335 — 342, декаб., 643—650.
Драке, Л. Л., сообщ.: «Изъ жизни русскихъ войскъ въ Финляндіи въ 70 и 80-хъ годахъ», т. CXXXVII, мартъ, 587—603, «Военно-бытовые наброски», т. CXL, окт., 106.
Дриновъ, М. С., проф. Харьковск. унив., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 161, 169.
Дубельтъ, Леонтій Васил., генер., † 1862 г., т. CXL, окт. 116.
Дубенской, Николай Порфир., дѣйств. стат. совѣтн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.
Дубровинъ, Николай Өед., ген.-лейт., акад., писат., † 1904 г., т. CXXXVIII, май, 315, 316.

Дубянской, Як. Ѳед., масонъ, маіоръ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174, 176.
Дудинъ, Алексѣй Андр., маіоръ, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 640.
Дуркинъ, Н. П., капит., 1881 г., т. CXXXVIII, апр., 181.
Дурново, И. Н., 1883 г., т. CXL, окт., 16, 17, 22, 23, 29.
Дурново, Марія Сергѣев., рожд. Грибоѣдова, т. CXXXVIII, февр., 323, 330, 334, 335.
Духиновъ, Андрей Ѳед., купецъ, т. CXL, нояб., 417, 423, 424.
Духишовъ, Ив. Ѳед., купецъ, т. CXL, нояб., 417.
Дьяконовъ, лейтен., † 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 142.
Дюгамель, адм., т. CXL, декаб. 581.
Дюклу, поруч., 1824 г., т. CXL, дек., 486.

Е

Евдокія Ѳеодоровна, рожд. Лопухина, царица, первая супр. императора Петра I, р. 1669 г., † 1731 г., т. CXXXVII, янв., 205.
Евреиновъ, оберъ-прокур. 1-го департ., 1883 г., т. CXXXIX, іюль, 40.
Егерманъ, Эдуардъ Генрих., штабъ-капит., 1881 г., т. CXXXVIII, апр., 181.
Екатерина I, императрица, р. 1679 † 1727 г., т. CXXXVII, янв., 195 196, 205, февр., 281, 286, 288, мартъ, 538, 553.
Екатерина II, императрица, р. 1729 † 1796 г., т. CXXXVII, янв., 35—39, 147, 148, 152—156, 160, 162, 176, 196, мартъ, 607, 608, т. CXXXVIII, апр., 5, 6, т. CXXXIX, іюль, 186, авг., 324, т. CXL, окт., 80, нояб., 388.
Екатерина Іоанновна, въ зам. герцогиня Мекленбургская, р. 1691 † 1723 г., т. CXXXVII, янв., 203.
Екатерина Михайловна, великая княгиня 1847 г., т. CXXXVII, янв., 86, мартъ, 508, 510, 513.
Елагина, Авдотья Петр., въ перв. бракѣ Кирѣевская, 1840 г., т. CXL, окт. 153, 157, 164, 166.
Елена Павловна, принцесса Виртембергская, великая княгиня, р. 1806 † 1873 г., т. CXXXVII, мартъ, 503—528, т. CXXXVIII, апр., 5—8, 17, 18, 37—62, май, 260—277, іюнь, 482, т. CXXXIX, авг., 255, т. CXL, нояб., 320, 323, 332—334.
Елисавета Алексѣевна, императрица, супруга императора Александра I, р. 1779 † 1826 г., т. CXXXVII, янв., 145—168, т. CXXXVIII, май, 389.
Елисавета Петровна, императрица, р. 1709 † 1761 г., т. CXXXVII, янв., 198—204, 209, 210, февр., 288—290, 537, 541, т. CXXXIX, авг. 323.
Елисавета Ѳеодоровна, вел. княгиня, т. CXL, декаб., 523, 526.
Ельцынъ, Прокофій Як., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Емельяновъ, Вл., сообщ.: «Ссылка М. Е. Салтыкова въ Вятку и его освобожденіе (1848—1856 г.г.), т. CXL, окт., 107—123.
Епанчинъ, адм., т. CXXXVII, янв., 76.
Ерицовъ (Ериціанъ) Александръ Давид., археологъ, историкъ, р. 1841 † 1902 г., т. CXXXIX, іюль, 63.
Ермакъ Тимоѳеев., завоев. Сибири, 1577 г., т. CXXXIX, авг., 303—305.
Ермолова, Екат. Петр., камеръ-фрейл., 1907 г., т. CXXXVIII, май, 312—314.
Ермолова, см. Павлова.
Ермоловъ, Александръ, сообщ.: «А. П. Ермоловъ въ Персіи», т. CXXXVIII, іюнь, 473—481.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген.-отъ-инф., р. 1772 † 1861 г., т. CXXXVIII, май, 311—317, іюнь, 473—481, 549, т. CXXXIX, іюль, 80. сент., 501, 507, 512, 513, т. CXL, нояб., 310, 369.
Ермоловъ, А. С., 1885 г., т. CXL, нояб., 346.
Ермоловъ, Григ. Петров., ген.-лейт., 1879 г., т. CXXXVIII, май, 312.
Ермоловъ, Николай Петров., † 1879 г., т. CXXXVIII, май, 312.
Ермоловъ, Петръ Никол., капитанъ, 1817 г., т. CXXXVIII, май, 312, іюнь, 473.
Ермоловъ, политич. преступн., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 264, 266, мартъ, 560.
Есиповичъ, Яковъ Григ., сенат., его записки, т. CXXXVII, янв., 123—144, февр., 259—278, мартъ, 555—564, т. CXXXVIII, апр., 146—160, май, 301—310, іюнь, 493—501, т. CXXXIX іюль, 35—43, авг., 215—228, сент., 397—409, т. CXL, окт., 63—78, нояб., 287—296.
Ефремовъ, Петръ Александ., библіогр., р. 1830 † 1907 г., т. CXXXVIII, апр., 205.
Ефремовъ, П. Я., педаг., 1850 г., т. CXXXIX, авг., 345, 346.

Ж

Жандръ, Андр. Андр., писат., сенат., р. 1789 † 1873 г., т. CXXXVII, февр., 324, 331, 332.
Ждановъ, Б. К., минный офиц., т. CXXXVIII, апр., 114.

Ждановъ, проф., И. Н., т. CXL, ноябрь, 382.
Жегулинъ, ген.-маіоръ, таврическій губерн., 1792 г., т. CXXXVII, янв., 215, 216.
Желтухинъ, полковникъ, 1810 г., т. CXXXIX, 187.
Жемчужниковъ, Александръ Михайл., (псевд. Кузьма Прутковъ), поэтъ, виленск. губерн., род. 1821 г., т. CXXXVIII, апр., 103, май, 353—364, т. CXXXIX, авг., 292, 293.
Жемчужниковъ, Алексѣй Мих. (псевд. Кузьма Прутковъ), поэтъ, р. 1821 † 1908 г., т. CXXXVIII, апр., 97—108, т. CXXXIX, авг., 292—300.
Жемчужниковъ, Влад. Мих. (псевд. Кузьма Прутковъ), р. 1830 † 1884 г., т. CXXXIX, авг., 292, 293.
Жеребцова, Ольга Александр., рожд. Зубова, т. CXXXVII, янв., 156.
Жеребцова, фрейлина Ел. Пав., 1847 г., т. CXXXVII, мартъ, 513.
Жилинскій, ген.-лейт., нач. полев. штаба намѣстн. на Дальн. Востокѣ, 1904 г., т. CXL, декаб., 677—686.
Жиркинскій, генералъ, † 1892 г., т. CXXXVII, мартъ, 588.
Жиркевичъ, Александръ Владиміровичъ, сообщ.: «Портретъ А. М. Жемчужникова, нарисованный имъ самимъ А. В. Жиркевичу», т. CXXXVIII, апр., 97—108, май, 353—364.
Жуковскій, Вас. Андр., писатель, р. 1783 † 1852 г., т. CXXXVII, мартъ, 454—459, 465—468, 482, т. CXXXVIII, май, 361, т. CXL, окт., 153—168, нояб. 355, 384, декаб., 656.
Жуковскій, В. И., адвокатъ, 1879 г., т. CXXXVII, янв., 22.
Жуковскій, Пав. Вас., р. 1845 г., т. CXXXVII, мартъ, 459.
Жуковъ, маіоръ, 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 197, 108, авг., 382.
Жюжанъ, Маргарита, француженка, 1879 г., т. CXXXVII, янв., 5—27.

З

Забіакинъ, ген.-маіоръ, 1810 г., т. CXXXVIII, 589.
Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парѳеновичъ, государств. дѣят., писат. † 1881 г., т. CXXXVII, янв., 84, 130, т. CXXXIX, іюль, 143, 144.
Забѣлинъ, Ив. Ефимов., писат., товар. предсѣдат. истор. музея, 1883 г.; р. 1820 † 1908 г., т. CXXXVIII, апр., 189—191
Завадовскій, Александръ Петр., гр., гусар. оф., т. CXXXVIII, апр, 193, 194.
Завадовскій, гр., Вас. Петров., камеръ-юнкеръ, 1818 г., т. CXXXVIII, апр., 194.
Загибаловъ, политич. преступ. 1866 г., т. CXXXVII, февр., 264, 266.
Загряжская, см. Разумовская.
Загряжскій, т. CXXXIX, сент., 569.
Закревскій, гр., Арсеній Андреевичъ, финлянд. ген.-губ. 1826 г., мн-ръ вн. дѣлъ 1828 г., москов. ген.-губ. 1848 г.; † 1865 г., т. CXXXVII, мартъ, 595, т. CXXXVIII, іюнь, 475, т. CXXXIX, авг., 285, 286, 392—394, сент., 430, 431, т. CXL, декаб., 486.
Замятинъ, Дм. Никол., мн-ръ, юстиц., р. 1805 † 1881 г., т. CXXXVII, февр., 261, 262, 273, т. CXXXIX, іюль, 159.
Заремба, директ. спб. консерваторіи, т. CXXXVIII, май, 269.
Зарубаевъ, педаг., 1850 г., т. CXXXIX, авг., 349.
Зассъ, Андр. Павл. ген., р. 1753 † 1815 г., т. CXXXVII, янв., 169, т. CXXXVIII, іюнь, 539—587, т. CXXXIX, іюль, 198, 204, авг., 380—386, сент., 416, 421, 422.
Засуличъ, Вѣра, политическ. преступница, 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 152, 153.
Затворницкій, Н., сообщ.: «Собственноручное письмо Императора Петра I генералъ-фельдмаршалу графу Б. П. Шереметеву изъ Карлсбада»; «Собственноручное письмо Петра I князю Голицыну», т. CXXXIX, іюль, 25—26.
Звалянскій, ген., т. CXL, декаб., 541.
Зедлеръ, фрейлина, 1847 года, томъ CXXXVII, мартъ, 513.
Зиновьевъ, ген., финляндск. губерн., 1889 г., т. CXL, нояб., 241, 244, 245.
Золотаревъ, ген.-маіоръ ген. штаба, 1878 г., т. CXXXVIII, апр. 161.
Зонтагъ, Анна Петровна, рожд. Юшкова, писательница, † 1864 г., т. CXL, окт., 153—168.
Зонтагъ, Егоръ Вас., капит. надъ портомъ въ Одессѣ, † 1841 г., т. CXL, окт., 153, 156, 158, 162.
Зонтагъ, Марія Егорова, въ зам. Гутманъ-сталь, т. CXL, окт., 156.
Зубова, см. Жеребцова.
Зубова, графиня, см. Мезенцова.
Зубовъ, А. А., полковн., 1870 г., т. CXXXVIII, іюнь, 452—455.
Зубовъ, кн., Платонъ Александровичъ, новороссійскій ген.-губ. † 1822 г., т. CXXXVII, янв., 148, 151—156.
Зубовъ, управл. палатой госуд. имущ., 1854 г., т. CXL, декаб., 571.
Зыковъ, Сергѣй Павл., ген.-отъ-инфант.

сообщ.; «Къ статьѣ Карцова «За кулисами дипломатіи», т. CXXXIX, іюль, 81—99.

И

Иваницкій, Евгеній Борис., д. с. с., горный инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 461, 465.

Ивановъ, Алекс. Андреев., художн. † 1858 г., т. CXXXVIII, апр., 43, т. CXXXIX, сент., 443.

Ивановъ, И. С., издат. «Сборника статей», 1896 г., т. CXXXVII, февр., 376, 369, т. CXXXVIII, апр., 162.

Ивановъ, К. А., миров. посредникъ, 1868 г., т. CXL, окт., 146.

Ивановъ, К. П., мировой посредникъ, 1868 г., т. CXL, окт., 142, 148.

Ивановъ, Θед. Θед., драмат. писатель, р. 1777 † 1816 г., т. CXXXIX, сент., 568.

Ивановъ, полковн., оберъ-квартирмейстеръ, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.

Ивановъ, полковникъ, 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 188, сент., 412.

Ивановъ, инспект. надъ Московскими сенатскими архивами, 1847 года, т. CXXXIX, сент., 432.

Иващенко, В., прот., сообщ.: «Изъ пастырскаго быта сельскаго священника». (Ad futuram memoriam), т. CXXXVII, янв., 219—230, т. CXXXVIII, апр., 71—80, май, 407—436.

Игнатьева, А. А., помѣщица, 1870 г., т. CXXXVIII, іюнь, 452, 454.

Игнатьевъ, гр., Алексѣй Павл., полк., команд. кавалергардск. полка, впосл. Кіевск. ген.-губ., т. CXXXVIII, апр., 88, 89, т. CXL, окт., 12—16.

Игнатьевъ, гр., Николай Павл., госуд. дѣятель, т. CXXXVIII, апр., 34, 35, 92, 93, май, 329.

Игнатьевъ, гр., Пав. Николаев., предс. Комис. прошеній, Спб. ген.-губерн., предсѣд. Комитета Министровъ, р. 1797 † 1879 г., т. CXXXVIII, апр., 147, 149.

Игорь, вел. кн. кіевск., † 1147 г., т. CXL, нояб., 363.

Идаровъ, чиновн. мин-ва ин. дѣлъ, 1850 г., т. CXXXIX, іюль, 145, 146.

Извольскій, мн-ръ ин. дѣлъ, 1908 г., т. CXXXVII, мартъ, 565, т. CXXXVIII, май, 253.

Изяславъ, великій князь кіевскій, т. CXL, нояб. 403.

Иловайскій, И. Г., владѣлецъ макѣевскаго рудника, 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 460, 462.

Иловайскій, Пав., ген., † 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 565, 566, 570, 572, т. CXXXIX, іюль, 165—173, авг. 385.

Ильинъ, Алексѣй Афиногенов., основ. и владѣл. картографич. заведенія, т. CXXXVII, янв. 105.

Ильинъ, штурманъ кондукт., 1881 г., т., CXXXVIII, апр., 181.

Ильяшевичъ, Лука Ив., воен. губерн. Забайкальск. области, ген.-маіоръ, † 17 января 1901 г., сообщ.: «Моя коротенькая автобіогра фія», т. CXXXIX, сент., 475—480.

Имеретинскій, кн., Александръ Конст., ген.-отъ-инф., нач. шт. Варшавскаго воен. округа, р. 1837 г., т. CXXXVIII, апр., 31—36, 90.

Имшенецкій, А. М., юристъ кандидатъ Казанск. унив., 1850 г., т. CXXXIX, авг., 346.

Индреніусъ, тов. ген.-губерн. Финляндіи, 1876 г., т. CXXXVII, мартъ, 588.

Инзовъ, Ив. Никитичъ, ген.-отъ-инф., р. 1768 † 1845 г, т. CXXXVIII, іюнь, 572, 589, 590.

Исаевъ, ген., † 1810 г. т. CXXXIX, іюль, 193, 194, 197, 199, 203, 206, авг., 379, 380, 385.

Исаковъ, Николай Васильев., начальн. венно-учебн. завед., ген.-ад., † 1891 г., т. CXL, окт., 223.

Истоминъ, Влад. Ив. контръ-адм., † 1855 г., т. CXXXVII, янв., 78.

Италинскій, посолъ въ Константинополѣ, 1811 г., т. CXXXIX, сент., 423, 428.

Ишутинъ, политич. преступ., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 264—269, мартъ, 558—561, т. CXXXVIII, май, 303.

І

Іоанесъ, VIII, Карбскій, патріархъ католик. всѣхъ армянъ въ Эчміадзинѣ, 1837 г., т. CXXXIX, іюль, 66, 67—72.

Іоаннъ IV, Васильевичъ, Грозный, царь, р. 1530† 1584 г., т. CXXXIX, авг., 302, т. CXL, нояб., 414.

Іоаннъ V, царь, р. 1666 † 1682 г., т. CXXXVII, янв., 206, мартъ, 541.

Іовъ, Потемкинъ, ѳеодос. еписк., † 1823 г., т. CXXXVII, янв., 217.

Іонъ, Богданъ Ив., докт. правъ, т. CXXXVII, февр. 330.

Іосафъ (Заболотскій), архіер. въ Твери, 1783 г., т. CXXXVII, мартъ, 650.

Іосса, Пав. Андр , гор. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 461, 462.

К

Кавелинъ, Конст. Дм., проф., писат., р. 1818 † 1885 г., т. CXXXVII, мартъ, 529, 530, т. CXXXVIII, апр., 7, 38, 39.

Кавелинъ, іерусалимскій монахъ отецъ Леонидъ, 1858 г., т. CXXXVII, мартъ, 519, 521, т. CXXXVIII, апр., 44, 45, 48.

Каверинъ, П. П., т. CXXXVIII, апр., 192—196.

Казем-Бекъ, управ. канцел. м. ю., 1883 г., т CXXXIX, іюль, 40.

Кази Магома, сынъ Шамиля, т. CXL, нояб., 310.

Кайзерлингъ фонъ Еттингенъ, гр., ректоръ дерптск. унив., т. CXXXVII, мартъ, 570, т. CXXXVIII, апр., 7, 17, 18.

Кайсаровъ, масонъ, 1822 г., т. CXXXVII, мартъ, 631, 632.

Казначеевъ, градонач. г. Ѳеодосіи, 1826 г., т. CXXXIX, сент., 436.

Калиновской, Левъ Ефим., шт.-капит., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.

Калмыковъ, профес., т. CXXXVIII, іюнь, 624.

Калугинъ, капит. 2 ранга, 1885 г., т. CXXXVII, мартъ, 601.

Каменскій, Е., сообщ.: «Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 г.г.», т. CXXXVIII, іюнь, 535—590, т. CXXXIX, іюль, 163—206, авг., 379—396, сент., 411—431.

Каменскій, Мих. Ѳедотов., 1797 г., т. CXXXIX, іюль, 31—34.

Каменскій, гр., Николай Мих., ген.-отъ-инфант., р. 1778 † 1811 г., т. CXXXVIII, іюнь, 536, 537, 549, 564, 569, 570 т. CXXXIX, іюль, 163—206, авг., 379—396 сент., 411—431.

Каменскій, гр., Сергѣй Мих., фельдмарш., ген.-отъ-инфант., † 1835 г., т. CXXXVIII, іюнь, 535—537, 563—566, 570—574, 582—587, т. CXXXIX, іюль, 163 —106, авг., 379 — 396, сент., 411—431.

Канкринъ, гр., Егоръ Франц., мн-ръ финансовъ, съ 1823—1844 г., р. 1774 † 1845 г., т. CXXXVIII, май 229—232.

Капачинская, 1868 г., т. CXL, окт., 147.

Капнистъ, писат., т. CXL, декаб., 656.

Капустинъ, Мих. Ник., проф.-юристъ, т. CXL, нояб., 260—262.

Каракозовъ (Михайловъ-Рославлевъ), Мих. Мих., государств. преступникъ, 1866 г., т. CXXXVII, янв., 123, 128, 132—134, 137—142, февр., 262—277, мартъ, 555—561, т. CXXXVIII, май, 260, 303, 305.

Карамзинъ, Ник. Мих., историкъ, р. 1766 † 1826 г., т. CXXXVII, янв., 184, т. CXL, нояб. 383, 384, декаб., 656.

Карапетъ, архіеписк., т. CXXXIX, іюль, 68, 78.

Каратыгинъ, Петръ Андр., артистъ, † 1879 г., т. CXL, декаб., 581, 582.

Карелинъ, М. профес. Моск. универ., т. CXXXIX, сент., 571.

Карелли, скрипачъ, 1843 г., т. CXXXVII, янв., 61, 62.

Каренинъ, С. М., т. CXL, декаб., 584.

Каринской, Ефимъ Сергѣев., масонъ, 1776 г. т. CXXXVII, янв., 174.

Карлъ XII, король Шведскій, т. CXXXVII, янв., 28—34, 193, 194, т. CXXXIX, іюль, 3—24.

Карпова, 1868 г., т. CXL, окт., 147.

Карповъ, Петръ Александр., углепромышл., 1865 г., т. CXXXVIII, іюнь, 465, 471, т. CXL, декаб., 546.

Карповъ, ген., 1847 г., т. CXXXIX, іюль, 132.

Картмазовъ, Алексѣй Ив., чинов., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 640.

Карцевъ, Александръ Петр., ген.-отъ-инфант., военн. писат., † 1875 г., т. CXXXVII, янв., 30, іюль, 81—99.

Катенинъ, П. А., т. CXXXVIII, апр., 196, т. CXL, нояб., 377—387, декаб., 651—658.

Катковъ, Мих. Никифор., публиц., р. 1818 † 1887 г., т. CXXXVII, янв., 136, февр , 311, т. CXXXCIII, май, 345, 346, іюнь, 486, т. CXXXIX, авг., 217—221, CXL, декаб., 521.

Каульбарсъ, бар., Николай Вас., полковн. генерал. штаба, 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 32.

Качеповскій, Мих. Трофим., профес., т. CXL, декаб., 654, 656.

Кашперовъ, Никита Прохоров., полковн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.

Квашнинъ-Самаринъ, Александ. Петров., юристъ, чл. ок. с. п. суда въ Ригѣ, т., CXL, нояб., 251.

Кейзерлингъ, А., его переписка съ О. А. Новиковой, т. CXXXVIII, іюнь, 482—492, т. CXXXIX, авг., 207—212, т. CXL, декаб., 595.

Келенъ, Алексѣй Степанов., полковн., комендантъ Полтавы, † 1709 г., т. CXXXIX, іюль, 6—8.

Керсновскій, В. О., д. с. с., инж., 1874 г. т. CXXXVIII, іюнь, 461.

Кидошенковъ, Н. В., сенат., 1851 г. т. CXXXVII, февр., 321.

Кикина, см. княг. Волконская.
Кикиша, М. Р., т. CXL, декаб., 577.
Кипренскій, живописц., т. CXXXIX, сент., 459.
Кирданъ, Александръ Апол., полковн., † 1892 г., т. CXXXVII, февр., 393.
Кирпичниковъ, А. И., CXXXVIII, май, 319.
Кирѣева, Александра, рожд. Алябьева, 1840 г., т. CXXXIII, мартъ, 575.
Кирѣева, см. Новикова.
Кирѣевъ, Александръ, полковн., 1872 г., т. CXXXVIII, май, 335, т. CXL, окт., 94, 95.
Кирѣевъ, Алексѣй, † 1849 г., т. CXXXVII, мартъ, 575, 576.
Кирѣевъ, Николай, т. CXXXVI, мартъ, 570.
Кирѣевъ, ген., т. CXL, окт., 93.
Кирѣевская, см. Елагина.
Кирѣевскій, Ив. Вас., славяноф., писат., р. 1806 † 1856 г., т. CXXXVII, янв., 45, мартъ, 505.
Киселевъ, гр., послан. въ Римѣ, 1856 г., CXXXIX, сент. 450, 451, 461.
Киселевъ, гр., Пав. Дм., мн-ръ госуд. им., р. 1788 † 1872 г., т. CXXXVII, мартъ, 506—509, 514, т. CXXXVIII, апр., 39, т. CXXXIX, іюль, 143, авг., 286, т. CXL, нояб., 322.
Кисловская, 1868 г., т. CXL, окт., 147.
Кистеръ, бар., окружн. интендантъ, т. CXXXVII, мартъ, 593.
Кистеръ, бар., управл. имп. театр., т. CXXXVIII, февр., 360, 362.
Кладо, Николай Лаврент., нач. штаба команд. Тихоокеан. эскадры 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 123.
Кларендонъ, лордъ, государ. дѣят. Англіи, 1866 г., т. CXXXVII, мартъ, 570, т. CXXXIX, іюль, 47—62.
Клейнмихель, гр. Влад. Петр., команд. полка, † 1883 г., т. CXXXVIII, апр., 89, май, 289, 291, іюнь, 448.
Клейнмихель, гр., Петр. Андр., главноупр. пут. сообщ., р. 1793 † 1869 г., т. CXXXVII, мартъ, 527.
Клацо, горн. техникъ, 1870 г., т. CXXXVIII, іюнь, 452—454.
Климовъ, Ѳ. Д., самарск. губернат., 1873 г., т. CXXXIX, іюль, 119, 125, т. CXL, нояб., 415, 416, 419—423.
Клюпфель, землевладѣл., 1873 г., т. CXXXIX, іюль, 122, 123.
Клячинъ, Вас. Ѳед., т. CXL, нояб., 251.
Кнабенау, бар., И. Ѳ., служ. въ Стародубск. кирасир. полку, 1817 г., т. CXXXVIII, апр., 194.
Княжевичъ, Александр. Макс., мн-ръ финансовъ, р. 1792 † 1870 г., т. CXXXVIII, апр., 148, май, 233, т. CXL, нояб., 327, 328.
Кобылинъ, политич. преступн., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 264, 266, 273—275.
Ковалевскій, Евграфъ Петр., сенат., мн-ръ народн. просвѣщ. † 1886 г., т. CXXXVII, февр., 303—306, 311, т. CXXXVIII, май, 313.
Ковалевскій, Максимъ Максим., проф. моск. унив., т. CXL, нояб., 265.
Ковалевскій, Мих. Евграф., сенат., т. CXL, окт., 5.
Ковалевскій, Пав. Мих., писат., поэтъ, р. 1823 † 1907 г., сообщ.: «Власти предержащія» въ Главномъ Адмиралтействѣ, т. CXXXVII, янв., 67—89, „Власти предержащія». У Чернышова моста, февр., 299—312, «Власти предержащія» на Мойкѣ, т. CXXXVIII, май, 229—247.
Козецкій, ген., 1812 г., т. CXL, дек., 626.
Козловскій, И. П., сообщ.: «Андрей Андреевичъ Виніусъ, сотрудн. Петра Великаго», т. CXL, нояб., 440—459, дек., 659—666.
Козловъ, И. И., поэтъ † 1840 г., т. CXL, окт., 156.
Коковцова, см. Оомъ.
Коковцовъ, В. Н., мн-ръ финанс., т. CXXXVIII, іюнь, 638.
Кокоревъ, Васил. Александ., откупщикъ † 1889 г., т. CXL, окт., 127, 128, 136.
Кокошкинъ, спб. об.-полицейм., т. CXL, декаб., 581.
Кокошкинъ, Ив. Алексѣев., писат., т. CXL, декаб., 663.
Колесниковъ, С. А., педаг. 1850 г., т. CXXXIX, авг., 345.
Колинсъ, директ. Петропавл. школы, т. CXXXVIII, іюнь, 621.
Колмаковъ, И. Я., т. CXL, окт., 43.
Кологривовъ, В. А., 1859 г., т. CXXXVIII, май, 262.
Колосова, Александ. Мих., въ зам. Каратыгина, артистка 1822 г., т. CXL, нояб., 377.
Колубовскій, т. CXL, окт., 69.
Колюбакинъ, Б., сообщ.: «Полтава», т. CXXXIX, іюль, 21—24.
Комаровскій, Леонидъ Алексѣев., т. CXL, декаб., 509.
Комаровъ, юнкеръ Павловск. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216.
Комисаровъ-Костромской, Осипъ Ив., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 268.
Кондратенко, Романъ Исидоров., ген., † 1904 г., т. CXXXVIII, іюнь 600—603, т. CXL, декаб., 671—686.
Кони, Анат. Ѳед., сенат., сообщ.: «Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго

дѣятеля», т. CXXXVII янв., 5—27, февр., 233—255, т., т. CXL, отк., 3—29, нояб., 231—247, уп. нояб., 255, 256, „Житейскія встрѣчи, Александръ Ивановичъ Чупровъ“, т. CXL, декаб. 461—485.

Коновницынъ, ген.-лейт., т. CXXXIX, сенат., 501 503.

Константиновъ, И. В. купецъ, т. CXL, нояб., 417.

Константиновъ, ген., т. CXXXIX, авг., 289.

Константинъ Константиновичъ, великій князь, т. CXXXVII, мартъ, 575.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, р. 1827 † 1892 г., т. CXXXVII, янв., 71, 75, 124—127, 138 февр., 269, 350, мартъ, 515, 518, 523, 524, 527, т. CXXXVIII, апр., 7, 34, 37, 40, 41, 150, май, 345—336, іюнь, 462, т. CXXXIX, іюль, 42, 151, 152, 225—227, сент., 437, т. CXL, окт., 67.

Константинъ Павловичъ, великій князь, цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., т. CXXXVII, янв., 150 151, 162, мартъ, 607, т. CXXXVIII, май, 316, іюнь, 510, т. CXL, окт., 86, нояб., 248, декаб., 486.

Коншинъ, Никол. Мих., директ. училищ. въ Твери, 1837 г., т. CXXXVII, янв., 177—186.

Корбъ, секрет. цесарскаго посольства 1698 г., т. CXL, нояб., 441, 442, 458, декаб., 666.

Коргановъ, Т., прокур. Синода, 1827 г., т. CXXXIX, іюль, 70.

Корниловъ, Ѳед. Петр., ст.-секрет., управл. дѣлами комит. мн-ровъ, 1866 г., т. CXXXVII, янв., 132, 133.

Корниловъ, полковникъ, 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 560.

Корниловъ, ген., 1812 г., т. CXL, декаб. 630.

Корніолинъ-Пинскій, Матв. Мих., сенат., 1866 г., т. CXXXVII, янв., 142, февр., 260, 261, мартъ, 560, 561.

Короткій, юнкеръ Конст. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216.

Корсакова, Варв. Дмитр., сообщ.: «Дипломатическія депеши датскаго посланника при Русскомъ Дворѣ, Вестфалнае, о воцареніи императрицы Анны Іоанновны», т. CXXXVII, янв., 193—211, февр., 279—298, мартъ, 537—554.

Корсаковъ, Дм. Александ., докт. русск. истор., т. CXXXVII, янв., 197.

Корфъ, бар., управляющ. дворомъ ген.-ад. великаго князя Николая Николаевича, т. CXXXVIII, май, 280.

Корфъ, бар., впосл. графъ, Модестъ Андр., ст.-секрет., р. 1800 † 1872 г., т. CXXXVII, февр., 261, т. CXXXVIII, апр., 148, т. CXL, декаб., 579.

Корфъ, бар., худож., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.

Корфъ, ген., 1812 г., т. CXXXIX, іюль, 113.

Коршъ, Валентинъ Ѳед. редакт. «Спб. Вѣдомости» публиц.-издат., † 1884 г., т. CXXXVII, мартъ, 529, 533—535.

Косоротовъ, юнкеръ Павловск. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216.

Костомаровъ, Николай Ив., р. 1817 † 1885 г., т. CXXXVII, мартъ, 529, 530, т. CXXXIX сент., 570, 571, т. CXL, декаб., 514.

Костылевъ, Степ., горный искат., 1722 г., т. CXXXIX, авг., 310, 311, 320.

Костылевъ, Яковъ, 1725 года, томъ CXXXIX, авг., 314, 326.

Коцебу, Вас. Евстаф., послан. въ Карлсруэ, 1855 г., т. CXXXVIII, іюнь, 531.

Коцебу, Морицъ, офиц. по кварт. части, шт.-капит., 1816 г., т. CXXXVIII, май, 315, іюнь, 473, 476—480.

Коцебу, гр., Пав. Евстафьев., нач. штаба кавк. арміи 1853 г., ген.-губ. ц. польск., р. 1801 † 1884 г., т. CXXXVII, февр., 241 т. CXXXVIII, іюнь, 528, 531.

Кочубей, гр., Викт. Павл., мн-ръ вн. дѣлъ, впосл. вице-канцл., р. 1768 † 1834 г., т. CXXXVII, янв. 41, 42.

Кошелевъ, Александ. Ив., т. CXL, декаб., 514.

Краббе, Николай Карл., морск. мн-ръ, т. CXXXVII, янв., 71—79, 84, т. апр., 41, май, 237.

Краевскій, Андрей Александр., изд. «Голоса», р. 1810 † 1889, т. CXXXVII, янв., 184, 185, февр. 321, 331, мартъ, 456, т. CXXXVIII, іюнь, 628.

Кропоткинъ, харьковск. губернаторъ, 1879 г., т. CXXXVIII, апр., 158.

Красновскій, М. А., т. CXXXVII, янв., 105.

Красновъ, ген., 1855 г., т. CXXXVIII, іюнь, 527, 528.

Краснокутскій, наказной атаманъ, т. CXL, декаб., 538.

Красовскій, Ив. Ив., инспект. Москов. унив., 1855 г. CXXXVIII, іюнь, 531.

Краузольдъ, адвокатъ, 1866 годъ, т. CXXXVII, февр., 266.

Крекшинъ, Николай Ив., помѣщикъ, 1847 г., т. CXXXIX, іюль, 134, 135.

Крестовскій, Всеволодъ Влад., романистъ, т. CXXXVIII, май, 246.

фонъ-Кридперъ, бар., Григ. Карл., маіоръ, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.

Кривоносовъ, В. А., горный инженеръ, 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Кронъ, см. Беллингъ.
Кронъ, влад. пивовар. фабр., 1850 г., т. CXXXIX, іюль, 148.
Кросъ, т. CXXXVIII, май, 264.
Кротковъ, Ив. Степ., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 636.
Крохоткинъ, купецъ, т. CXXXVII, февр., 399.
Кругловъ, директ. Саратовск. гимназ., 1848 г., т. CXXXIX, авг., 332.
Круковскій, Адр., сообщ.: «В. В. Антоновичъ. (1834—1908)», т. CXXXIX, сент., 570—572.
Крыжановскій, Н. А., оренб. ген.-губерн., ген.-адъют., 1868 г., т. CXL, окт., 143.
Крыловъ, Александръ Алексѣевичъ, колежск. совѣтн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.
Крыловъ, Никита Иван., профессоръ, 1860 г., т. CXL, нояб., 258—261, декаб., 462, 463.
Крыловъ, И. С., предсѣдатель губернской земской управы, т. CXL, нояб., 417.
Ксенія Александровна, великая княгиня, т. CXXXVIII, апр., 91.
Ксидо, Конст. Ивановичъ, 1904 г. т., CXXXVIII, іюнь, 598.
Кублицкій, оф. ген. штаба, т. CXL, декаб., 493.
Кугушевъ, кн., Н. Л., мировой посредникъ, 1868 г., т. CXL, отк., 146.
Кудрявцевъ, В. И., ржевск. предводитель дворянства, 1866 г., т. CXL, окт., 44—48, 55, 56.
Кудряшовъ, Порфирій Тимофеевичъ, т. CXXXVII, мартъ, 651—659, т. CXXXIII, апр., 63—70.
Кузевитской, Иванъ Андр., маіоръ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.
Кузьминъ-Караваевъ, контръ-адм., 1878 г., т. CXXXVII, мартъ, 598.
Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ, писатель,† 1868 г., т. CXL, окт., 110.
Кулишъ, 1845 г., т. CXXXVII, мартъ, 462, 463.
Кулунчаковъ, Н. Я., сообщ.: «Изъ жизни судебнаго дѣятеля», томъ CXXXIX, авг., 229—242.
Кульневъ, Яковъ Петр., ген., † 1812 г., т. CXXXIX, іюль, 165, 166, 172, 174, 191.
Куракинъ, кн., Александ. Борисовичъ, вице-канцл., посолъ въ Парижѣ, р. 1752 † 1818 г., т. CXXXVII, янв., 37, 41, т. CXXXIX, іюль, 32.
Куракинъ, Алексѣй Борис., ген.-прокур. † 1829 г., т. CXXXIX, іюль, 32, 33.
Куракинъ, Б. И., т. CXL, декаб., 659.
Курбановскій, горный инжен., 1881 г., т. CXXXVIII, апр., 183.
Курганская, Евдокія, въ зам. Фольбортъ, т, CXXXVII, мартъ, 662.
Куропаткинъ, главнокоманд., 1904 г., т. CXL, декаб., 491, 677.
Кутайсовъ, гр., Ив. Павл., оберъ-гофмарш., † 1834 г., т. CXXXVII, янв., 191, т. CXXXIX, сент., 497.
Кутузовъ-Голенищевъ, кн., Михаилъ Иллар., фельдм., р. 1745 † 1813 г., л. CXXXIII, апр., 213, т. CXXXIX, авг., 386, сент., 411, 415, 424, 427—429, 491—501, 506—508, 519, 522, т. CXL, нояб., 358, 359, 364—367, 372—376, декаб., 620, 621, 640.
Кушелевъ-Безбородко, графъ, томъ CXXXIX, іюль, 158.
Кушнеревъ, Ив. Никол., редакт. „Всеобщей Газеты", т. CXL, декаб., 501, 502, 508.
Кюхельбекеръ, Вильг. Карловичъ, писатель, † 1846 г., т. CXL, окт., 81—87, нояб., 382, 383.
Кюхельбекеръ, Мих. Карл., ротн. команд., 1825 г., т. CXL, окт., 84.
Кюхельбекеръ, Юстина Карл., рожд. Глинка, 1826 г., т. CXL., октябрь, 83, 85.

Л

Лавровская, пѣвица, т. CXXXIX, авг., 257.
Лавровъ, Петръ Степановичъ, помѣщикъ, 1826 г., т. CXL, окт., 85.
Лагарпъ, Фредерикъ-Цезарь, воспитат. Александра I, р. 1754 † 1838 г., т. CXXXVII, янв., 150.
Лазаревскій, тайный совѣтн., 1894 г., т. CXL, окт., 9, 10.
Лазаревъ, адм., 1853 г., CXXXIX, авг., 247.
Лазаревичъ, Ив. Федор., коллежск. совѣтн., масонъ, 1821 г., т.CXXXVII, мартъ, 637.
Лакомпте, М. А., педаг., 1850 г., т. CXXXIX, авг., 344.
Ламанскій, Евг. Ив., директ. госуд. банка, т. CXXXVIII, май, 235, т. CXXXIX, сент. 455, 457, 469, т. CXL, окт., 126.
Ламбертъ, ген. 1812 г., т. CXL, дек., 626, 627.
Ланжеронъ, гр., Алекс. Өед.† 1831 г., его записки, т. CXXXVIII, іюнь, 535—590, т. CXXXIX, іюль, 163—206, авг., 379—396, сент., 411—431, упом. іюль, 106, 109, т. CXL, декаб., 630.
Ланская, Марія Васильевна, супруга мин. вн. дѣлъ, т. CXL, нояб., 579.

Ланская, Наталья Никол., по первому браку Пушкина, т. CXL, окт., 120, 122, декаб. 535.
Ланская, см. Перфильева.
Ланской, Петръ Петр., ген.-ад. 1855 г., т. CXL, окт., 120, 121.
Ланской, гр., Сергѣй Степ., мн-ръ внут. дѣлъ, масонъ, р. 1787 † 1862 г., т. CXXXVII, мартъ, 526, 528, 640, т. CXXXVIII, апр., 43, т. CXL, октяб., 122.
Ланской, ген.-м., 1811 г., т. CXXXIII, іюнь, 560, т. CXXXIX, сент., 416.
Лапинъ, Ив. Ѳед., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Ларошъ, т. CXXXVIII, май, 264.
Ласкинъ, П. А., инж., 1876 года, т. CXXXVIII, іюнь, 468, 469.
Ласковскій, Ѳед. Павл., офиц., 1864 г., т. CXXXVIII, май, 291.
Лачинова, Наталья Ѳедор., рожд. Грибоѣдова, т. CXXXVII, февр., 320.
Лачинова, см. Смирнова.
Лачиновъ, Никол. Алекс., редакторъ газеты «Русскій Инвалидъ и журн. «Военный сборникъ,», т. CXXXVII, янв., 105.
Лачиновъ, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Латышевъ, Сергѣй Мих., помощн. ст.-секр., т. CXL, нояб., 269.
Лебедевъ, капит. 1 ранга † 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 142.
Левандовскій, инспект. саратовской гимназ., 1848 г., т. CXXXIX, авг., 332, 336.
Левенвольде, гр., Рейнгольдъ, об.-гоф., 1730 г., т. CXXXVII, февр., 296.
Левенгауптъ, гр., Адамъ, шведск. ген., † 1719 г., т. CXXXIX, іюль, 4.
Леви, піанистъ, т. CXXXIX, авг., 256, 257.
Левисъ, ген.-лейтенантъ, 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 551—555, 561—563, 570, 572, т. CXXXIX, сент. 416.
Левицкій, Казим. Вас., ген., 1878 г., т. CXL, нояб., 273, декаб., 487—494.
Легонинъ, В. А., юристъ проф., т. CXL, нояб., 260—262, 265.
Лейтенбергскій, герцогъ, Николай Максимиліановичъ, т. CXXXVII, фев., 394, т. CXXXVIII, іюнь, 623.
Леонидовъ, команд. Мингрельскаго полка, † 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 567.
Леоновъ, Степ. Степ., т. CXL, декаб., 535.
Леонтій, варшавск. архіеп., впосл., 1892 г., митроп. московск., т. CXL, декаб., 466.
Леонтьевъ, Александръ Николаевичъ, начальн. академіи ген. штаба 1869 г., т. CXL, нояб., 275—277.
Леонтьевъ, Мих. Ив., ген.-маіоръ † 1753 г., т. CXXXVII, янв., 208.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писатель, р. 1814 † 1841 г., т. CXXXVII, янв., 185, февр., 328, мартъ, 529, т. CXXXVIII, май, 288, 361.
Лернеръ, Н., сообщ.: «О смерти Боратынскаго» (изъ переписки Н. М. Коншина съ П. А. Плетневымъ), т. CXXXVII, янв., 177—186, 191—192, «Замѣтки о Пушкинѣ», т. CXXXVIII, апр., 192—210, «О днѣ рожденія Гоголя», май, 318—320, «Письма О. В. Булгарина, т. CXL, нояб., 347—357.
Лерхе, Густавъ Вас., коллежск. ассес., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.
Лееръ, Г. А., начальн. акад. ген. штаба т. CXL, нояб., 276.
Лесовскій, Степ. Степ., вице-адм., морск. мн-ръ, т. CXXXVII, янв., 76, 80—84, 88, февр., 432, 435, мартъ, 625, 626, 630, т. CXXXVIII, май, 238, 369.
Летошинскій, губ. секрет., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Летуновскій, Н. Н., гор. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь 461.
Лефортъ, т. CXL, дек., 660, 666.
Лешетицкая, см. Фридбургъ.
Лешетицкій, артистъ, т. CXXXIX, авг., 255.
Лещинскій, Станисл., король польск., р. 1677 † 1766, т. CXXXVII, янв., 194.
Лешковъ, Вас. Никол., проф. юристъ, т. CXL, нояб., 255, 260, 262.
Ливенъ, княжна, Екатер. Александр., въ зам. Боголѣпова, т. CXL, декаб., 500.
Ливенъ, княгиня, т. CXXXVII, мартъ, 571, 572, т. CXXXVIII, іюнь, 483, 492.
Липинскій, ген.-м., адріаноп. губерн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 161.
Липранди, д. ст. сов., 1847 года, т. CXXXIX, сент., 433, 434.
де-Лиріа, герцогъ, испанск. послан. при Русск. Дворѣ съ 1727 по 1731 г., т. CXXXVII, янв., 202.
Литвиновъ-Мосальскій, кн. Андрей Ѳед., окольнич. 1641 г., т. CXL, нояб., 438.
Литке, гр. Ѳед. Петр., президент. акад. наук., † 1882 г., т. CXXXVII, янв., 64, т. CXXXVIII, май, 391, т. CXL, нояб., 329.
Лихачевъ, ген.-маіоръ, т. CXXXIX, сент., 497.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Александ. Яков., полковн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.

*

Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борисов., посолъ въ Констант., впосл. мн-ръ иностран. дѣлъ. т. CXXXVIII, апр., 35, 170, 175—179.
Лобановъ, Петръ Вас., т. CXXXVII, янв., 105.
Лобкова, см. Афросимова.
Ломакинъ, Г. А., директ. пѣвческ. капеллы, т. CXXXVII, февр., 349, т. CXXXVIII, май, 272, 273.
Ломоносовъ, Михаилъ Вас. писат., т. CXL, декаб., 656.
Лонгиновъ, Никол. Михайл., секрет. императрицы Елисаветы Алексѣевны, чл. Государст. Совѣта, т. XXXVII, янв.., 146.
Литта, папскій представ. при русскомъ дворѣ, 1797—1799 г., т. CXXXVII, янв., 35—43.
Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріел., генер.-адъют., р. 1825 † 1888 г., т. CXXXVIII, іюнь, 495, т. CXXXIX, сент. 437—439, т. CXL, декаб., 535.
Лукинъ, Александр. Петр., литерат., т. CXL, декаб., 503, 508.
Луковниковъ, О. П., 1868 г. т. CXL, окт., 142.
Лукошковъ, В. В., вице-губерн., т. CXL, нояб., 417.
Лукьяновъ, д. с. с., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 161.
Лунинъ, декабр., т. CXL, декаб., 486.
Лыжинъ, адвок., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 266.
Лыжинъ, об.-полицеймейст., 1855 г., т. CXXXIX, авг., 270.
Лысцевъ, Никол. Влад., журналистъ, т. CXL, 514, 516.
Львова, кн., Екат. Влад., фрейлина великой княг. Елены Павловны, 1847 г., т. CXXXVII, мартъ, 507—510, 513, т. CXXXVIII, апр., 6, т. CXL, нояб., 223.
Львовъ, кн., 1847 г., т. CXXXVII, мартъ, 507.
Любовицкій, Юл. Викт., оф. генер. штаба, т. CXL, декаб., 487.
Лядовъ, Констант. Николаев., капельм. Спб. оперы, композит., р. 1820 † 1868 г., т. CXXXVII, февр., 354.
Ляховъ, подполк., тифлис. полицейм., 1837 г., т. CXXXIX, іюль, 75.
Лѣнивцевъ, Петръ Александр., губерн. секрет., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.

М

Магницкій, М. Л., симбирскій губерн., 1817 г., т. CXXXVII, мартъ, 647, 648.
Мадатовъ, чиновн. польск. канц., подпоруч. 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Мазаровичъ, докторъ, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Мазепа, гетманъ, 1708 г., т. CXXXIX, іюль, 4, 19.
Майковъ, А. А., т. CXL, декаб. 514.
Майковъ, Апол. Никол., поэтъ, р. 1821 † 1897 г., т. CXXXVIII, май, 355.
Майковъ, П. М., т. CXXXVIII, апр., 211.
Маковъ, Левъ Савичъ, мн-ръ внутр. дѣлъ, р. 1830 † 1883 г., т. CXXXVII, февр., 235.
Максимовичъ, М. В., профес. Кіевск. универ., т. CXXXIX, сент., 571.
Максимовичъ, оф. ген. штаба, т. CXL, декаб., 493.
Малаевъ, Вас. Степ., коллеж. совѣтн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 636.
Малеинъ, чиновн. мин. иностр. дѣлъ, т. CXXXIX, сент., 473.
Малибранъ, пѣвица, CXXXIX, авг., 257.
Малиновскій, подпор. генер. штаба, 1811 г., т. CXXXIX, авг., 396.
Малышева, 1868 г., т. CXL, окт., 147.
Малѣевъ, Л., сообщ.: «Алтайскій горный округъ», т. CXXXIX, авг., 301—326.
Мамоновъ, Ив., маіоръ гвардіи и ген.-лейт. 1730 г., т. CXXXVII, февр., 295.
Манасеинъ, Николай Авксентьев., мн-ръ юстиціи, 1882 г., т. CXXXVII, февр., 248—151, т. CXL, окт., 12—14, нояб., 238—242, декаб., 521.
Маниъ, директ. канц. морс. министра, т. CXXXVII, янв., 80.
Мансуровъ, т. CXXXVIII, апр., 198, 199.
Маратова, 1868 г., т. CXL, окт., 147.
Марина, сообщ.: «Въ старомъ, радушномъ дворянскомъ гнѣздѣ на Арбатѣ», т. CXL, декаб., 577—587.
Мариновичъ, сербск., мин., 1877 г., т. CXXXIX, іюль, 96, 98.
Марія Александровна, императрица, р. 1824 † 1880 г., т. CXXXVII, февр., 350, мартъ, 523, 526, т. CXXXVIII, апр., 59, 60, 174, т. CXL, окт., 147.
Марія Александровна, великая княжна, герцог. Эдинбургск., т. CXXXVII, февр., 360, т. CXXXVIII, май, 285.
Марія Максимиліановна, герцогиня, Баденская, т. CXXXVIII, янв., 125.
Марія Павловна, великая княгиня, въ зам. вел. герцогиня Саксенъ-Веймарская, † 1859 г., т. CXXXIX, сент., 527.
Марія Ѳеодоровна, императрица, р.

1759 † 1828 г., т. CXXXVII, янв., 146, 157, 160—164, 167, февр., 356, 503, т. CXXXIX, іюль, 52, т. CXL, декаб., 577.

Марія Ѳеодоровна, императрица, супруга императора Александра III, т. CXXXVIII, іюнь, 634, 635, т. CXL, окт., 140.

Маркіановичъ, Іосифъ, чин., 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 640.

Марковъ, Евг. Ив., ген.-лейт., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 570—574, 579, т. CXXXIX, іюль, 164, 185, 187, сент., 416.

Марковъ, тов. мн-ра юстиц., т. CXL, декаб., 625.

Марковъ, гр., т. CXXXIX, сент., 496.

Марселисъ, Леонтій, содержат. почтъ, 1621 г., т. CXL, нояб., 456.

Марселисъ, Петръ,почтмейстеръ, т. CXL, нояб., 437—453.

Мартовъ, гв. штабсъ-капитанъ, 1876 г., т. CXXXVIII, апр., 89.

Мартыновъ, Валеріанъ, т. CXL, дек., 540.

Марѳа Борецкая, Новгородск. посадница, т. CXL, нояб., 414.

Масловскій, Дм. Ѳед., генер.-маіоръ, воен. историкъ, р. 1848 † 1894 г., т. CXXXVII, янв., 30.

Масловъ, Ив. Ильичъ, † 1891 г., т. CXXXVII, мартъ, 651 — 659, т. CXXXVIII, апр., 63—70.

Матвѣевъ, Петръ Аѳан., фабр., 1861 г., т. CXXXVII, февр., 349, 350.

Матвѣевъ, маіоръ, 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 548.

Матвѣевъ, поручикъ, 1817 г., т. CXXXVIII іюнь, 473.

Матцкулъ, агрономъ, 1881 годъ, томъ CXXXCIII, апр., 183.

Малютинъ, Никол. Ѳедор., надворн. совѣтн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.

Маузелинъ, 1847 г., т. CXXXXIX, іюль, 132.

Мевіусъ, А. Ф. горный инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.

Мезенцова, Вѣра Николаевна, рожд. графиня Зубова, 1855 г., т. CXXXVIII, іюль, 531.

Мезенцовъ, Николай, ген.-ад., шефъ жанд., † 1878 г., т. CXXXVIII, іюль, 529.

Мезенцовъ, Сергѣй Павлов., полковн., 1855 г., т. CXXXVIII, іюнь, 527.

Мейеръ, А. А., директ. Саратовск. гимназіи, 1850 г., т. CXXXIX, авг., 332, 333, 341.

Мейеръ, Гертруда, въ зам. Виніусъ, т. CXL, нояб., 447.

Мелетій (Леонтовичъ), архіеп. харьковск. † 1840 г., т. CXXXVII, янв., 218.

Меллеръ-Закомельскій, бар., Петръ Ив., ген.-маіоръ, инспект. артил., 1807 г., CXXXVII, янв., 170, т. CXXXIX, сент., 519.

Мельникова, Александра Петр., рожд., Матвѣева, 1861 г., т. CXXXVII, февр., 349.

Мельниковъ, А. А., вице-директоръ азіатск. департ., т. CXXXVIII, апр., 171.

Мельниковъ, Ив. Александр., пѣвецъ спб. оперн. труппы, р. 1832 г., его записки, т. CXXXVII, янв., 55—66, февр., 349—364.

Мельниковъ, капит.,1867 г.,т.CXXXVII, янв., 231, 232.

Мельниковъ, Пав. Иванов., писатель, т. CXL, окт., 17.

Меншиковъ, кн., Александр. Данил., сподвиж. Петра I, т. CXXXVII, янв., 195, 196, 287, 288, т. CXXXIX, іюль, 5—7, 11—15, 19, 21—24.

Меншиковъ, кн., Александръ Серг., адм., ген.-ад., начальн. морск. штаба, р.1787 † 1869 г., т. CXXXVII, янв., 69, 70, мартъ, 516, 595, т. CXXXVIII, май, 231, 398, іюнь, 530, т. CXL, декаб., 652.

Мердеръ-Северина, см. Свѣчина.

Меркуловъ, Михаилъ Моисеев., т. CXL, ноябрь, 250—252.

Меркуловъ, поручикъ, 1904 года, т. CXXXVIII, іюнь, 615.

Мерлиній (Мерлинъ), штабъ-ротмистръ, 1812 г., т. CXXXIX, сент., 558—560, 568.

Мерлинъ, см. Мерлиній.

Мещеряковъ, хорунжій, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.

Миклуха, В. Н., капитанъ, 1904 г., т. CXXXVII, янв., 110, февр., 316.

Миллеръ, докт., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.

Миловидовъ, И. Т., педаг., 1850 г., т. CXXXIX, авг., 341, 343.

Милорадовичъ, Мих. Андр., ген.-лейт., 1809 г., кіевск. ген.-губ. 1811 г., спб. ген.-губ., † 1825 г., т. CXXXIX, авг., 379, 388, сент., 500, 504, 505, 509, 522, т. CXL, ноябрь, 365 — 369, 372, 373, декаб., 486.

Милославскій, Илья Данил., посолъ въ Голланд., 1644 г., т. CXL, нояб., 439.

Милошевичъ, сепаторъ, 1811 года, т. CXXIX, сент., 418, 419.

Мильгаузенъ, см. Грановская.

Мильгаузенъ, Ѳед. Богд., профессоръ, юристъ, т. CXL, нояб., 260—265, 268, 269.

Милюковъ, Павелъ Николаевичъ, проф., т. CXXXVIII, апр., 176—180.

Милютина, Марія Аггеевна, рожден. Абаза, т. CXL, нояб., 320.

Милютина, см. Мордвинова.

Милютинъ, Дм. Алексѣев., военный мн-ръ, генералъ-адъютантъ, р. 1816 г., т. CXXXVIII, янв., 46, 47, мартъ, 580, т. CXXXVIII, апр., 34, 86, 87, 168, 176, май, 325, іюнь, 445, т. CXXXIX, сент., 437.

Милютинъ, Николай Алексѣевичъ, тов. мн-ра вн. дѣлъ, р. 1818 † 1872 г., т. CXXXVII, янв., 45, 46, мартъ, 505, 510, 511, т. CXXXVIII, апр., 7, 38, 41, 43, май, 262, т. CXXXIX, іюль, 160, т. CXL, окт., 132, ноябрь, 319, 320.

Милютинъ, Н. Н., т. CXXXXVIII, апр., 60.

Минихъ, гр., Бурхардъ Христоф., ген.-фельдмаршалъ, р. 1683 † 1667 г., т. CXXXVII, февр., 292, мартъ, 606.

Минкина, Анастасія, фаворитка Аракчеева, т. CXXXVII, февр., 387.

Миропольскій, С. И., т. CXL, декаб., 514.

Митцухъ, комендантъ поста Дуэ на о. Сахалинѣ 1881 г., т. CXXXVIII, апр.. 183.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, р. 1798 † 1849 г., т. CXXXVII, янв., 92—96, 99, 100, мартъ, 508—513, 524, т. CXXXVIII, апр., 59.

МихаилъНиколаевичъ, Великій Князь, Намѣстникъ Кавказа, р. 1832 г., т. CXXXIX, іюль, 64, т. CXL, нояб., 297, 300—303, 307, декаб. 520, 535

Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь † 1645 г., т. CXL, ноябрь, 428—438, 444, 455.

Михельсонъ, подагогъ, 1845 г., т. CXXXVIII, май, 394.

Михневичъ, Н. П., воен. историкъ, т. CXXXVII, янв., 30.

Мишо, полковникъ, 1810 г., CXXXVIII, іюнь, 517, 540, 541, 560, 586.

Мадзалевскій, Б. Л., т. CXXXVIII, апр., 201.

Моисей (Гумилевскій), еписк. ѳеодос. и маріупольск., 1791 г., т. CXXXVII, янв., 213.

Моллеріусъ, министръ финансовъ, т. CXXXVIII, май, 231, 232.

фонъ-Моллеръ, капит., 1881 г., т. CXL, окт., 199, 201, 204.

Монсъ, Виллимъ Ив., камергеръ, † 1724 г., т. CXXXVII, февр., 288.

Монферранъ, А. О., архит., т. CXL, декаб., 582.

Мордвинова, З. И., супруга губерн. предвод. двор., 1868 г., т. CXL, окт., 147.

Мордвинова, С. А., рожд. Милютина, т. CXL, нояб., 320.

Мордвиновъ, Д. А., самарск. предвод. дворянства, т. CXL, нояб., 417.

Мордвиновъ, адмир., 1811 года, т. CXXXIX сент., 431.

Морели, Карл. Осип., учит., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.

Морозовъ, П. О., сообщ.: «Московская сатира сто лѣтъ тому назадъ», т. CXXXIX, сент., 557—569.

Морозовъ, бояринъ, 1646 г., т. CXL, нояб., 445.

Мотковъ, политич. преступн., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 264, 266.

Мочаловъ, артистъ московск. театра, т. CXL, декаб., 515.

Мошковъ, Влад. Ив., акад., р. 1742 † 1839 г., т. CXXXVIII, май, 314, іюнь, 473, 480, 481.

Мстиславъ Удалой, князь, т. CXL, нояб., 405, 406.

Мстиславъ Храбрый, князь новгородс., † 1180 г., т. CXL, нояб., 402—404.

Муравьевъ, А. Н., главн. начальн. лѣсовъ на Кавказѣ, т. CXL, нояб., 305—307.

Муравьевъ, гр., Мих. Ник., мн-ръ государс. имущ., ген.-губерн. Сѣв.-Зап., края., р. 1796 † 1866 г., министръ юстиціи, 265, т. CXXXVII, янв., 124, 128, 129, 132, 133, 136, 191, февр., 265 266, 269.

Муравьевъ, Николай Валеріан., мн-ръ юстиц., впосл. послан. въ Римѣ, т. CXL, окт., 13, нояб. 343, 346, декаб., 471—474.

Муравьевъ, Николай Николаев., 1855 г., т. CXXXVIII, іюнь, 529.

Муравьевъ, шт.-капит., 1817 года, т. CXXXVIII, іюнь, 473.

Мурзаповъ, Н. А., сообщ.: «Изъ жизни русскихъ въ Финляндіи, по письмамъ графа М. Ѳ. Каменскаго», т. CXXXIX. іюль, 31—34, «Къ біографіи Н. Г. Устрялова. (Переписка съ Министромъ Юстиціи гр. В. Н. Панинымъ по предмету допущенія къ занятіямъ въ вотчинномъ, разрядномъ и старыхъ дѣлъ архивахъ, въ Москвѣ»), сент., 432—434.

Муромцевъ, Сергѣй Андреев., проф. моск. унив., т. CXL, нояб., 265.

Мусатовъ, А. А., флотск. офицеръ, 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 114.

Мусина-Пушкина, гр. В. А., рожд. Шереметева, 1827, т. CXXXVII, янв. 192.

Мусина-Пушкина, Марія Александров, рожд., кн. Урусова, по втор. браку княг. Горчакова, т. CXXXVII, янв., 191.

Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, гр., Вас. Валентинов., об.-шенкъ, тайный со-

вѣтн., масонъ, 1821 г., р. 1775 † 1836 г., т. CXXXVII, мартъ, 639, 648, 649.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., Влад. Л., сообщ.: «Несостоявшаяся дуэль Пушкина въ 1827 г.». (Замѣтка къ статьѣ Н. Лернера), т. CXXXVII, янв., 191—192.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., И. А., т. CXXXVII, янв., 191.
Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Николаев., попеч. Спб. окр., р. 1795 † 1862 г., т. CXXXVIII, іюнь, 625.
Муханова, Минодора Карловна, т. CXL, декаб., 499.
Мухановъ, гр., П. А., археол., 1794 г., т. CXL, окт., 80.
Мухановъ, т. CXXXVII, февр., 306.
Мясновъ, Пав., регистрат. во 2-мъ отдѣл. 6-го департамента Сената 1811 г., т. CXXXIX, сент., 558—561, 568, 569.
Мясоѣдовъ-Ивановъ, В. А., товар. мн-ръ путей сообщенія 1874 года, т. CXXXVIII, іюнь, 462.

Н

Набель, полковн., 1858 г., т. CXXXIX, сент., 555.
Набоковъ, Дмитр. Никол., ст.-секрет., мн-ръ юстиціи, 1827 г., т. CXXXVIII, май, 307, т. CXXXIX, іюль, 36, 40.
Навроzовъ, Влад. Матв., шт.-капит., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.
Нагловскій, Дм. Станис., полк. ген. шт., 1878 г., CXL, нояб., 342.
Надсонъ, Семенъ Яковл., поэтъ, 1882 г., т. CXL, окт., 214—218, нояб., 392.
Надѣинъ, ген., 1904 г., т. CXXXVIII, іюнь, 613, т. CXL, дек., 685.
Назаровъ, М. И., самарск. городской голова, т. CXL, нояб., 417.
Назаровъ, кап., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Назимовъ, Влад. Ив., попеч. московск. унив., 1855 г., ген.-губ. С. З. края 1866 г., р. 1802 † 1874 года, т. CXXXVII, мартъ, 563, т. CXXXIII, апр., 42.
Назимовъ, К. Н., капит.-лейт. 1881 г., т. CXXXVII, мартъ, 617.
Назимовъ, П. Н., капитанъ 1 ранга, 1881 г., т. CXXXVII, мартъ, 617.
Наполеонъ I, императоръ, февр., 448—449, іюль, 100—117, апр. 211—218, іюнь, 507—526, іюль, 100—117, сент., 491—522, нояб., 358—376, декаб., 619—642.
Наполеонъ III, императоръ, р. 1808 † 1873, г., т. CXXXIX, сент. 523.
Направникъ, Эдуар. Франц., композ., т. CXXXVII, февр., 354—362.
Нарышкинъ, А. А., канцл. рос. орд., 1823 г., т. CXL, декаб. 651.
Нарышкинъ, юнкеръ, 1803 года, т. CXXXVII, янв., 171.
Наталія Алексѣевна, принцесса Дармштадская, супруга Павла I, р. 1755 † 1776 г., т. CXXXVII, янв. 161.
Науменко, подполковн. генер. штаба, 1904 г., т. CXL, декаб., 679—686.
Наумовъ, мичманъ, флагъ-офиц., 1881 г., т. CXXXVII, мартъ, 617.
Нахимовъ, Пав. Степ., адм., р. 1803 † 1853 г., т. CXXXVIII, іюнь, 532, т. CXXXIX, авг., 259.
Небогатовъ, адм., 1904 г., т. CXXXVII, янв., 119—122, февр., 314, 317, 318, мартъ, 490, 497, т. CXXXVIII, апр., 118—121, 125, 128, 145.
Небольсинъ, Г. П, т. CXL, окт., 132.
Невѣровскій, ген., 1812 г., т. CXXXIX, іюль, 106, 111.
Негри, д. с. сов., совѣтн. посольства, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473, 476.
Нейдгардтъ, ген., главноупр. Кавказа, 1844 г., т. CXXXVII, мартъ, 580, т. CXXXIX, іюль, 80.
Нейшильдъ, К. А., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Неклюдовъ, Николай Адріан., об.-прокуроръ, т. CXL, окт., 14, 16, нояб., 237.
Некрасовъ, Никол. Алексѣев., писат., р. 1821 † 1877 г., т. CXXXVIII, мартъ, 529—533, 653.
Некрасовъ, офиц., 1881 г., т. CXL, окт., 211.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Алекс., сенат., поэтъ, р. 1752 † 1829 г., т. CXXXVIII, мартъ, 503, т. CXXXIX, сент., 568,
Нелидова, Екат. Ив., фрейлина, велик. княг. Маріи Ѳеодоровны, р. 1756 † 1839 г., т. CXXXVII, янв., 161.
Немировичъ-Данченко, Влад. Ив., беллетристъ, р. 1858 г., т. CXXXVII, февр., 367, 368.
Непиръ, лордъ, т. CXXXVII, мартъ, 570.
Непокойницкій, Артуръ Адам., ген., р. 1803 † 1881 г., т. CXXXVII, янв., 48, 50, т. CXXXVIII, апр., 94, май, 323.
Нессельроде, гр., Карлъ Вас., канцл., р. 1780 † 1862 г., т. CXXXVIII, мартъ, 457, т. CXXXVIII, май, 314, іюнь, 481.
Несмѣяновъ, Ив. Мих., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Нефедовъ, Никол. Мих., редакт. «Русскаго Курьера», т. CXL, декаб., 516.
Нечаевъ, экспед. госуд. канц., 1866 г., т. CXXXVII, янв., 135.

Никаноръ, митр., 1847 г., т. CXXXVII, мартъ, 512.
Никитинъ, Никол. Вас., главн. инспекторъ типографій въ Спб., † 1903 г., т. CXL, декаб., 520.
Никитинъ, генер.-лейтен., 1878 г., т. CXXXIX, іюль, 81—92, 94, 99.
Никитинъ, гр., команд. военн. поселеніями, 1863 г., т. CXXXVII, янв., 94.
Никитенко, Александр. Вас., писат., † 1877 г., т. CXL, окт., 166.
Николаевъ, А. С., писат., т. CXXXVII, янв., 32.
Николаевъ, Е. Н., помощн. управл. самарской удѣльной конт., т. CXXXIX, авг., 328.
Николаевъ, тов. мн-ра финанс., т. CXL, декаб., 521.
Николаевъ, политич. преступн., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 264, 266.
Николай I, императ., р. 1796 † 1855 г., т. CXXXVII, янв., 67, 92, 143, 146, февр., 243, 404, 422, мартъ, 455, 456, 516, 517, 523, 524, 575, 576, 647, 655, т. CXXXVIII, апр., 4, 5, 86, май, 393, т. CXXXIX, іюль, 44, 46, 63, 64, 67—71, 74, 77—80, 136, авг., 243—252, сент., 465, 527, т. CXL, окт., 3, 110, 121, декаб., 576.
Николай II, императоръ, т. CXXXVIII, апр., 91, іюнь, 634, 635, т. CXXXIX, іюль, 35.
Николай Михаиловичъ, великій кн., т. CXXXVII, янв., 145, 146.
Николай Николаевичъ, великій, кн., главнокоманд., р. 1831 † 1891 г., т. CXXXVII, янв., 50, 54, февр., 367, 391, 394, т. CXXXVIII, апр., 3, 32—36, 86, 91—94, май, 278—294, 321, 325, 328, т. CXXXIX, іюль, 28, 29, т. CXL, окт., 200, нояб., 297—309, 335, 390, декаб., 529—545.
Николай Николаевичъ, великій кн., 1909 г., т. CXXXVIII, май, 280, іюнь, 445—450.
Николай Павловичъ, вел. кн., т. CXL, дек., 486.
Николай, еписк., начальн. русск. духовной миссіи въ Токіо, 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 123.
Никоновъ, Ѳ. И., 1868 г., т. CXL, окт., 142.
Ниссенъ-Саломонъ, пѣв., т. CXXXIX, авг., 257, т. CXL, нояб., 333.
Новикова, Ольга Алексѣевна, рожд. Кирѣева, р. 1840 г., т. CXXXVII, мартъ, 565—578, т. CXXXVIII, апр., 3—27, май, 332—332, іюнь, 482—492, т. CXXXIX, іюль, 47—62, авг., 207—214, т. CXL, окт., 88—105, дек., 514, 595—616.
Новикова, рожд. княжна Долгорукова, т. CXXXVIII, апр., 3.
Новикова, рожд. Титова, т. CXXXVIII, апр., 4.
Новиковъ, Александръ Ив., р. 1861 г., т. CXXXVIII, апр., 3, 5.
Новиковъ, Евгеній, послан. въ Вѣнѣ и въ Констант., т. CXXXVIII, апр., 4.
Новиковъ, Ив., генер., попечит. спб. округа, 1860 г., т. CXXXVIII, апр., 3, 5, 24, 25.
Новиковъ, Никол. Ив., писат., р. 1744 †1818 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Новосельскій, т. CXXXVII, янв., 69.
Новосильскій, капит. I ранга, 1881 г., т. CXXXVII, мартъ, 617, т. CXXXVIII, май, 369.
Новосильцевъ, тайн. совѣтн., главн. директ. мануфактуръ, 1730 г., т. CXXXVII, февр., 295.
Нозицкій, Н. Д., полковн., нач. штаба 4-го арм. корп., 1877 г., т. CXL, дек., 650.
Норовъ, Авраамъ Серг., мин. народн. просв., 1886 г., р. 1795 † 1869 г., т. CXXXVII, янв., 124, 140, февр., 301—304, т. CXXXVIII, май, 230, 231.
Носковъ, Мих. Павл., воспит. 3-й спб. гимназ., 1843 г., т. CXXXVII, янв., 62.
Нужновъ, А. В., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Нуммерсъ, віолончелистъ, 1861 г., т. CXXXVIII, апр., 7.

О

Оберміллеръ, Александръ Леонтьев., лейбъ-медикъ, 1876 г., т. CXXXVIII, апр., 95, май, 280, 281.
Оболенская, княжна, см. Боркина.
Оболенскій, кн., Александръ Дм., об.-прокур. 2 департамент. Сената, т. CXL, окт., 74.
Оболенскій, кн., Александръ Петров., т. CXXXVII, мартъ, 503.
Оболенскій, кн., Дмит. Александр., сообщ.: «Мои воспоминанія о великой княг. Еленѣ Павловнѣ», т. CXXXVII, мартъ, 503—528, т. CXXXVIII, апр., 37—62, май, 260—277, т. CXXXVII, янв., упом. 71.
Оболенскій, кн., Д. Д., 1870 г., т. CXXXVIII, іюнь, 454.
Оболенскій, кн., Николай Николаев., фл.-ад., полк., команд. л.-гв. 2-го стрѣлковаго батальона, 1876 г., т. CXXXVIII, апр., 88.
Оболенскій, кн., Р. А., помѣщ., 1870 г., т. CXXXVIII, іюнь, 451, 454.
Обручевъ, ген.-ад., 1879 г., т. CXXXVIII, май, 257, 258.
Овсяный, Н., сообщ.: «Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дон-

дуковъ-Корсаковъ и Столыпинъ», т. CXXXVII, янв., 44—55, февр., 365—376, мартъ, 565—586, т. CXXXVIII, апр., 161—180, май, 251—259.
Огаревъ, Никол. Александр., ген.-маіоръ, 1867 г., т. CXXXVII, янв., 95, 96, 100.
Оглобинъ, Н. Н., писат., т. CXL, нояб., 443.
Одинцовъ, капит. генер. штаба, 1904 г., т. CXL, декаб., 679—686.
Одоевскій, кн., Влад. Ѳед., писат., р. 1803 † 1869 г., т. CXXXVII, янв., 185, мартъ, 456, т. CXL, декаб., 579, 581.
Озаровскій, офиц., 1881 г., т. CXL, окт., 213, 216, 221.
Оларовскій, Александръ Эпиктетовичъ, консулъ, т. CXXXVIII, май, 368, 370.
Олегъ, кіевскій князь, † 912 г., т. CXL, нояб., 401, 403.
Оленинъ, генер.-маіоръ, 1812 г., т. CXXXIX, іюль, 105.
Ольденбургскій, принцъ, Георгій, 1812 г., т. CXXXVIII, іюнь, 517.
Ольденбургскій, принцъ, Петръ Георгіевъ., предсѣдат. граждан. департамента Государств. Сов., † 1801 г., т. CXXXVIII, апр., 146—149, іюнь, 496, 497.
Ояами, японск. ген.-маіоръ, 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 128.
Ольриджъ, Айра, актеръ, т. CXL, декаб., 498.
Олсуфьевъ, ген.-лейт., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 577, 580.
Ольхинъ, писат., т. CXXXVIII, май, 229.
Оомъ, въ зам. Коковцова, т. CXXXVIII, іюнь, 634.
Оомъ, Ѳед. Адольф., секрет. императрицы Маріи Ѳеодоровны, почетный опекунъ, † 1898 г., т. CXXXVIII, іюнь, 634, 635.
Оппенгеймъ, докторъ, 1865 г., т. CXXXVIII, май, 399.
Орелъ, юнкеръ Конст. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216, 219.
Орлова-Чесменская, графиня, Анна Алексѣевна, т. CXXXVIII, май, 313.
Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй, т. CXL, дек., 543.
Орловъ, гр., Алексѣй Ѳед., шефъ жанд., р. 1787 † 1862 г., т. CXXXIX, іюль, 79, т. CXL, окт., 109, 110.
Орловъ, Аѳиногенъ Алексѣев., 1864 г., т. CXXXVIII, май, 292.
Орловъ, Вас. Ив., статистикъ, т. CXL, декаб., 502.
Орловъ, Давыдъ Ив., лейбъ-казакъ, 1864 г., т. CXXXVIII, май, 279, 288—290.
Орловъ-Давыдовъ, гр., помѣщикъ, 1873 г., т. CXXXIX, іюль, 123.
Орловъ-Денисовъ, гр., ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXXXVIII, іюнь, 525, т. CXXXIX, сент., 519, 521.
Оруркъ, гр., полковн., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 542 — 546, т. CXXXIX, іюль, 199—206, авг., 380, 382.
Остенъ-Сакенъ, бар., Робертъ Романов., чиновн. мин-ва ин. дѣлъ. 1850 г., т. CXXXVIII, іюнь, 626, 631—633, 639, т. CXXXIX, іюль, 144.
Остерманъ, бар., Андр. Ив., мн-ръ иностр. дѣлъ, р. 1686 † 1747 г., т. CXXXVII, янв., 206—210, февр., 279, 281, 290, 295, мартъ, 539, 542, 547, 551, 606.
Остряковъ, адв., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 266.
Остерманъ-Толстой, гр., ген.-лейт., 1812 г., т. CXXXIX, іюль, 100, сент., 501, 503, 520—522.
Островскій, Александ. Николаевичъ, писат., т. CXL, декаб., 514.
Отмарштейнъ, Игнат. Романовичъ, т. CXXXVII, янв., 105.
Охременко, адвокатъ, 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 493, 494.

П

Павелъ I, императоръ, р. 1754 † 1801 г., т. CXXXVII, янв., 36—43, 137, 140, 156, 157, 160—162, 170, 172, 608, 609, 610, 613, т. CXXXVIII, іюнь, 632, т. CXL, окт., 80.
Павелъ Александровичъ, великій кн., т. CXXXVII, февр., 394, т. CXL, декаб., 523—525.
Павлова, Анна Петров., рожд. Ермолова, т. CXXXVIII, май, 313.
Павлова, писат-ца, т. CXXXVII, мартъ, 577.
Павловъ, Н. Ф., писат., т. CXL, нояб., 353.
Паленъ, гр., Конст. Ив., мн-ръ юстиц. съ 1867—1878 г., т. CXXXVII, февр., 236, 240—242.
Паленъ, гр. Петръ Алексѣев., Спб. воен. губ., р. 1746 † 1826 г., т. CXXXVII, янв., 42, 164, 165.
Паленъ, гр., Петръ Петров., ген. 1812 † 1864 г., т. CXXXVIII, іюнь, 520, т. CXXXIX, іюль, 103.
Панаева, въ зам. Карцева, пѣвица, т. CXXXIX, авг., 257.
Панинъ, гр., Викт. Никит., мн-ръ юстиц., ст.-секрет., р. 1801 † 1874 г., т. CXXXVII, янв., 138—143, февр., 261, 269, 273, 309, мартъ, 561, т. CXXXIX, сент., 432—434.

Паикратовъ, Н. Н., пом., т. CXXXVII, янв., 187.
Пантелѣевъ, В. Н., полковн., 1847 г., т. CXXXIX, іюль, 129.
Паренсовъ, Петръ Дм., ген.-отъ-инф., сообщ.: «Письмо князя Яшвиля къ императору Александру I-му», т. CXXXVII, янв., 212. «Изъ прошлаго. Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г.», т. CXXXVIII, апр., 31—36, „Изъ прошлаго. Эпизодъ изъ жизни Военнаго Сборника", т. CXL, декаб., 563—566, уп. 174, нояб., 273, 274.
Парижскій, капельм., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Паскевичъ,—Эриванскій, кн. Варшавскій, Ив. Өед., ген.-фельдмаршалъ, р. 1782 † 1856 г., т. CXXXIX, іюль, 74, авг., 245.
Патти, Аделина, пѣвица, т. CXXXVII, февр., 353—362.
Паулуччи, маркизъ, Филиппъ Осипов. ген.-лейт.. лифляндск. геп.-губернат., 1811 г., т. CXXXIX, сент., 413.
Пашковъ, А. В., драгунъ, 1817 г., т. CXXXVIII, апр., 194.
Пащенко, г-жа, 1855 г., т. CXL, окт., 122.
Пащенко, управл. палатою государст. имущ., 1855 г., т. CXL, окт., 120.
Пегливанъ, 1806 г., т. CXXXVIII, іюнь, 535.
Пезаровіусъ, Павелъ Павлов., издат. «Инвалида» р. 1776 † 1847 г., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.
Пекарскій, Петръ Петровичъ, академ., † 1872 г., т. CXXXVII, янв , 176, т. CXL, нояб., 440—444.
Пеликанъ, А. А., рус. консулъ въ Японіи, т. CXXXII, февр., 444.
Перекусихина, Марія Савишна, камеръ-юнгфера имп-цы Екатерины II, р. 1740 † 1824 г., т. CXL, декаб., 578.
Перелешинъ, мичманъ, 1881 г., т. CXXXVII, мартъ, 617.
Пернеръ, см. Спиглазова.
Пернеръ, Христоф. Ив., инспект. спб. 2-ой гимназіи, 1854 г., т. CXXXVIII, май, 391.
Перфильева, Наст. Серг., рожд. Ланская, т. CXL, декаб., 585.
Петерсонъ, А. П., 1840 г., т. CXL, окт., 159.
Петрашевскій, Мих. Вас. (Буташевичъ-Петрашевскій), р. 1819 † 1867 г., т. CXXXVII, янв., 69, 134, т. CXXXVIII, май, 303.
Петренко, адвок., 1866 г., т CXXXVII, февр., 266.
Петровъ, Ив. Андр., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Петръ I, императоръ, р. 1672 † 1725 г., т. CXXXVII, янв., 29—34, 193—195, 205, 206, 209, февр., 288, 289, 295, 296, 377—386, мартъ, 605, т. CXXXVIII, апр., 28, 29, іюнь, 592, т. CXXXIX, іюль, 5—24, 25, 26, 63, 146, авг., 307, 313, 319, 320, т. CXL, окт., 139, нояб., 532, 450—459, дек., 659—666.
Петръ II, императоръ, р. 1715 † 1730 г., т. CXXXVII, янв., 196, 197, 203, 206—209, февр., 289, мрт., 538, 553.
Петръ III, императоръ, р. 1728 † 1762 г., т. CXXXVII, янв., 196, 202, 210.
Петръ Николаевичъ, великій князь, т. CXXXVIII, май, 280.
Печаткинъ, редакт. «Библіот. для чтенія», т. CXL, окт., 130.
Пещуровъ, Алексѣй Александр., морск. мин., т. CXXXVII, янв., 80, 84—88.
Пилкинъ, вице-адм., т. CXXXVII, мартъ, 602.
Пинской, Матвѣй Мих., учит., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII мартъ, 637.
Пирлингъ, сообщ.: «Папскій представитель при русскомъ дворѣ» (Lorenzo Litta, 1799—1799), т. CXXXVII, янв., 35—43.
Пирогова, рожд. Березина, т. CXXXVIII, іюнь, 640.
Пироговъ, Никол. Ив., хирургъ, т. р. 1800 † 1881 г., т. CXXXVII, февр., 306, мартъ, 517, т. CXXXVIII, май, 321, 325, іюнь, 640.
Писемскій, Алексѣй Ѳеофилакт., писат., р. 1820 † 1881 г., CXL, окт., 34, декаб., 514.
Платовъ, гр., Матв. Ив., ген.-лейт., наказ. атам. войска Донск., р. 1751 † 1818 г., т. CXXXVIII, іюнь, 520, т. CXXXIX, іюль, 101, 116, авг., 388, сент., 498—503, т. CXL, нояб., 369, 370, декаб., 631.
Платонова, пѣвица, т. CXXXVII, февр. 352.
Платоновъ, С., проф., сообщ.: «Къ исторіи полтавской битвы (27 іюня 1799), т. CXXXVII, янв., 28—34.
Платонъ, Левшинъ, митроп. москов. съ 1775 по 1812 г., р. 1737 † 1812 г., т. CXXXVII, янв., 214.
Плашинскій, юнкеръ Павловск. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216.
Плеве, Вячеславъ Конст., мин. вн. дѣлъ, т. CXL, нояб., 251, декаб., 508.
Плеске, Эдуардъ Дм., управ. государст. банкомъ, CXXXVIII, іюнь, 634.
Плетневъ, Петръ Александр., акад., ректор. спб. унив., р. 1792 † 1865 г., т. CXXXVII, янв., 177—186, мартъ, 456, 462, 471, 474—476, 480—485, т. CXL, окт., 153—155, 158—168, нояб., 356.
Побѣдоносцевъ, Конст. Петров., об.-прокуроръ Синода, р. 1827 † 1907 г., т. CXXXVII, февр., 243, 249—251,

мартъ, 529, 531, 570, 573, т. CXXXVIII, апр., 17—22, т. CXXXIX, іюль, 36, 37, сент., 437, т. CXL, окт., 6, 10, 26, 90, нояб., 239, 240, 261, декаб., 520, 522.

Поггенполь, Н., редакт. газеты «Le Nord», т. CXL, окт., 127, 128 134—138, нояб., 319.

Погодинъ, Мих. Петр., акад., проф., р. 1800 † 1885 г., т. CXL, окт., 153, нояб., 354.

Поземковскій, Ф. А., инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 461.

Познанскій, Вас. Юр., т. CXXXVIII, іюнь, 626, 632.

Познанскій, Николай; гимназистъ, † 1879 г., т. CXXXVII, янв., 5 - 12, 23, 26.

Полевой, Ксенофонтъ Алексѣев., писат., т. CXXXVII, февр., 324, 334, 337, 339, т. CXL, нояб., 383.

Полевой, Николай Алексѣев., писат., р. 1796 † 1846 г., т. CXXXVII, янв., 184, т. CXL, нояб., 351, 354, декаб., 657.

Полисадовъ, Іоаннъ Никитичъ, протоіер., р. 1823 † 1886 г., т. CXXXVII, февр., 277.

Половцевъ, А. А., чл. Госуд. Совѣта, 1847 г., CXXXIX, іюль, 132.

Половцевъ, помѣщикъ, 1847 г., т. CXXXIX, іюль, 132.

Полонскій, Яковъ Петр., поэтъ, р. 1820 г., т. CXXXVIII, май, 353, т. CXL, нояб., 261.

Полтавцевъ, А., сообщ.: «Иванъ Константиновичъ Айвазовскій (Опытъ характеристики)», т. CXXXIX сент., 435—444.

Полѣновъ, Алексѣй Яковлев., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.

Поляковъ, магистръ зоологіи, 1881 г., т. CXXXVIII, апр., 183.

Поляковъ, С. С., 1872 г., т. CXXXVIII, іюнь, 456, 460, 464—467, 470.

Поляковъ, Я. С., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.

Померанцевъ, акад., т. CXXXVIII, май, 295.

Поморскій, Андр. Петр., капит., масонъ, 1812 г., т. CXXXVII, мартъ, 640.

Помяловскій, Никол. Герасим., писат., р. 1835 † 1863 г., т. CXXXIX, авг., 357.

Поортенъ, віолончелистъ, т. CXXXIX, авг., 258.

Попандопулло, ген.-маіоръ, † 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 554, т. CXXXIX, авг., 385.

Поповъ, Дмит., рудоискат., 1781 г., т. CXXXIX, авг., 323.

Поповъ, Влад. Вас., помощн. инжен. окр., 1864 г., т. CXXXVIII, май, 291, 292.

Поповъ, ген., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 460.

Поповъ, поруч., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.

Портеръ, М. Ѳ., рожд. княжн. Щербатова, т. CXL, декаб., 577.

Портеръ, Р., т. CXL, декаб., 577.

Португаловъ, В. О., врачъ, 1868 г., т. CXL, окт., 142.

Пороховщиковъ, полк., т. CXL, нояб., 393.

Посниковъ, Александ. Сергѣев., проф. директ. политехнич. инст. въ Спб., 1909 г., т. CXL, декаб., 503, 504.

Поспѣловъ, Алексѣй Ив., врачъ, т. CXL, нояб., 251.

Постельсъ, Александръ Филип., директ. спб. 2-ой гимназ., 1845 г., т. CXXXVIII, май, 391, 398, т. CXXXIX, авг., 263.

Потаповъ, Александръ Львов., ген.-ад., виленск. ген.-губ., р. 1818 † 1886 г., т. CXXXVII, февр., 241.

Потемкинъ-Таврическій, кн., Григ. Александр., р. 1738 † 1791 г., т. CXXXVII, янв., 38, 39, 214—217, мартъ, 607.

Потоцкій, гр., Левъ Северин., рус. послан. въ Стокгольмѣ, въ 1836—1839 гг., т. CXL, окт., 155.

Потѣхинъ, помощн. управл. дѣлами кавказск. комит., 1866 г., т. CXXXVII, янв., 135.

Потѣхинъ, Пав. Антип., юристъ, т. CXXXVII, янв., 22.

Прасковья Іоанновна, царевна, т. CXXXVII, янв., 203.

Прево-до-Люміанъ, ген.-маіоръ, мас., 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 640.

Принтцъ, Густ. Густ., адвок., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 266.

Приселковъ, Вас. Ив., главн. медиц. инсп. дѣйств. арміи, 1876 г., т. CXXXVIII, апр., 95, май, 326—329.

Прозоровскій, кн., ген., 1811 г., т. CXXXIX, сент., 415.

Прокоповичъ, 1837 г., CXXXVII, мартъ, 455.

Протасова, Ек. Ак., рожд. Бунина, 1840 г., т. CXL, окт., 157.

Протасова, Марія, т. CXL, окт., 156.

Протасовъ, Александръ Яков., воспит. вел. князя Александра Павловича, т. CXXXVII, янв., 150, мартъ 506, 507, 514.

Прохоровъ, Игнатъ, подрядч., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 472.

Прыжовъ, участн. въ Нечаевскомъ дѣлѣ, т. CXL, декаб., 509.

Пустошкинъ, В. Г., помѣщ., т. CXL, нояб., 417.

Путиловъ, Н. А., самарск. уѣздный предводит. дворянства, т. CXL, нояб., 417.
Путятинъ, гр., Ефимъ Вас., адм., мн-ръ народн. просвѣщенія, 1866 г., т. CXXXVII, февр., 310.
Пушкина, Наталія Николаевна, во втор. бракѣ Ланская, т. CXL, окт., 120, 122, декаб., 583.
Пушкинъ, Александръ Серг., поэтъ, р. 1799 † 1837 г., т. CXXXVII, янв., 191—192, февр., 328, 335, 346, 347, мартъ, 455—468, 481, 529, 575, т. CXXXVIII, апр., 192—210, май, 320, 360, т. CXL, окт., 120, нояб., 350, 354—357, 378, 385 — 387, декаб., 581, 655, 657.
Пушкинъ, Вас. Льв., пис., т. CXXXIX, сент., 557.
Пущинъ, ген., директ. дворянск. полка, 1867 г., т. CXXXVII, янв., 98, 100.
Пфуль, ген.-лейт., ген.-квартирмейстеръ, 1812 г., т. CXXXVIII, апр., 212, іюнь, 514—519, 522—524, т. CXXXIX, іюль, 115.
Пшенецкій, Л. А., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Пыляевъ, М. И., писат., т. CXXXIX, сент., 557.
Пыпинъ, Александръ Никол., акад., писат., р. 1833 г., т. CXXXVII, янв., 175, 176.

Р

Раденъ, баронесса, Эдита Өед., гофмейстерина вел. княг. Елены Павловны, † 1885 г., т. CXXXVII, мартъ, 515, 519, 523, т. CXXXVIII, апр., 7, 8, 39, 43, 44, 47, 50, т. CXL, нояб., 321, 322.
Радецкій, Өед. Өед., ген.-отъ-инфант., р. 1820 † 1890 г., т. CXXXVIII, апр., 88, 96, май, 321—325, т. CXL, нояб., 339—342.
Радецкій, генер.-маіоръ, 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 537.
Радзивиллъ, кн., т. CXXXVII, янв., 191.
Радловъ, капит. 1 ранга, т. CXXXVIII, апр., 128.
Раевскій, Александръ Н., 1821 г., т. CXXXVIII, апр., 199—205.
Раевскій, С., сообщ.: «Королева Викторія и Наполеонъ третій. (Въ эпоху Крымской войны)», т. CXXXIX, сент., 523—552.
Раевскій, Ник. Ник., генер.-лейт., † 1829 г., т. CXXXVIII, іюнь, 552—556, т. CXXXIX, іюль, 106, 111, 117, т. CXXXIX, сент., 497, 501, 503.
Раевскій, священ., 1845 года, т. CXXXVIII, май, 394.
Раздиѣевскій, юнкеръ Павловск. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216.
Разумовская, Наталья Кирил., въ зам. Загряжская, т. CXXXIX, сент., 569.
Разумовскій, св. князь Андрей Кирил. дипломатъ, † 1836 г. т. CXXXVII, янв., 42.
Разумовскій, Кириллъ Григорьев., гетманъ, † 1803 г., т. CXXXIX, сент., 569.
Раичъ, поэтъ, т. CXXXVII. янв., 191.
Рамзай, бар., ген., 1876 г., т. CXXXVII, мартъ, 589.
Раморино, архитект., т. CXXXVIII, іюнь, 621 622.
Ратіевъ, кн., прапорщ., 1867 года, т. CXXXVII, янв., 92.
Рахманповъ, офиц., 1819 года, т. CXXXVIII, апр., 194.
Рашель, артистка, т. CXL, декаб., 581.
Ребиндеръ, ген.-лейт., 1869 г., т. CXL, нояб., 303, 304.
Регенкампфъ, ген., командиръ выборгск. крѣпости 1877 г., т. CXXXVII, мартъ, 591.
Рейнеке, Егоръ Самойл., чинов. масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 640.
Рейсъ, А. К., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Рейсъ, ген., 1904 г., т. CXL, декаб., 685.
Рейтернъ, Мих. Христоф., мн-ръ фин., р. 1820 † 1890 г., т. CXXXVII, янв., 79, т. CXXXVIII, апр., 7, май, 234—236, іюнь, 470, т. CXXXIX, іюль, 146, сент., 472, т. CXL, окт., 132, нояб., 344.
Рейтернъ, худож., 1840 г., т. CXL, окт., 158, 162.
Ренне, ген., 1709 г., т. CXXXVII, янв., 33.
Ренненкампфъ, поруч., 1817 года, т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Репнинъ, кн., А. И., т. CXXXIX, іюль, 16.
Репнинъ, кн., Ник. Вас., первый литовскій ген.-губернат., впосл. ген.-фельдм., р. 1734 † 1801 г., т. CXL, окт., 79, 81.
Репнинъ, князь, Петръ Александровичъ, Новгородскій Воевода, 1636 г., т. CXL, нояб., 435.
Реутовская, 1868 г., т. CXL, окт., 147.
Рикардъ, чиновн. посольск. канц., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Риманъ, 1868 г., т. CXL, окт., 147.
Римскій-Корсаковъ, Александръ М., ген.-аншефъ, воен. губерн., 1801 г., т. CXXXVII, мартъ, 662, т. CXL, окт., 81, 86.
Рихтеръ, П. А., т. CXL, нояб., 417.
Ровинскій, Дм. Александ., юристъ, т. CXL, нояб., 447.

Родзевичъ, Игнатій Игнатіев., т. CXL, декаб., 500—503.
Родзевичъ, Николай Игнат., юристъ, т. CXL, нояб., 250, 251.
Родзянко, А. Г., т. CXXXVIII, апр. 206.
Розенъ, бар., Е. Ѳ., 1831 г., т. CXXXIII, май, 320.
Розенъ, ген.-маіоръ, 1888 г., т. CXL, нояб., 373.
Розенъ, бар., 1861 г., т. CXXXVIII, апр., 7.
Розенъ, бар., начальн. кавказск. края, т. CXXXIX, іюль, 73, 76—80.
Розенъ, бар., послан. въ Японіи 1904 г., т. CXXXVII, мартъ, 617, 620.
Розенъ, бар., гофмарш., вел. княг. Елены Павловны, т. CXXXVII, мартъ 509.
Розенштраухъ, Ив. Ив., купецъ, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.
Розингъ, Илліод. Ив., сенат., 1891 г., т. CXL, нояб., 239, 242.
Родофинаки, Конст. Конст., директ. азіатск., ден., † 1838 г., т. CXXXIX, іюль, 181.
Рожественскій, Г. Г., юристъ, т. CXL, нояб., 251.
Рожественскій, З. П., вице-адмир., 1904 г., т. CXXXVII, янв., 119, 121, февр., 314, мартъ, 489 — 493, т. CXXXVII, апр., 116, 125, 128, 129, 132, 136.
Ромодановскій, кн., Ив. Ѳед., 1730 г., т. CXXXVII, февр., 295.
Ромодановскій, Ѳ. Ю., 1697 г., т. CXL, декаб., 661.
Рондо, Клавдій, англійск. резид. при русск. дворѣ, 1730 г., т. CXXXVII, мартъ, 545.
Роопъ, ген., 1904 г., т. CXXXVIII, іюнь, 598.
Росляковъ, Мих. Мих., подпол., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.
Россетъ, см. Смирнова.
Россетъ, Аркадій Осипов., 1837 г., т. CXXXVII, мартъ, 453, 461.
Ростовцевъ, Як. Ив., нач. шт. учебн. зав., предсѣдатель редакц. комис., ген.-ад., чл. Госуд. Совѣта и комитета мн-ровъ, р. 1803 † 1860, года, т. CXXXVII, мартъ, 524, 525, т. CXXXVIII, апр., 40, 58—60.
Ростопчинъ, гр., Ѳед. Вас., р. 1765 † 1826 г., т. CXXXVII, янв., 149—151, мартъ, 610, т. CXXXIX, авг., 222, сент., 500, 503.
Ротъ, Логинъ Осип., ген.-лейт., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.
Ротъ, ген.-лейт.. команд. корпуса, 1811, г., т. CXXXIX, сент. 411, 412.
Рубинштейнъ, Антонъ Григ., композ., р. 1830 † 1894 г., т. CXXXVII, мартъ, 531, т. CXXXVIII, май, 262, 263, 269, т. CXXXIX, авг., 254, 255, т. CXL, нояб., 323, 332, 333.
Рубинштейнъ, Л. Р., гор. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Рубинштейнъ, Николай, 1859 г., т. CXXXVIII, май, 262.
Рудневъ, Алексѣй Александр., губерн. секрет., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.
Рудневъ, Всевол. Фед., сообщ.: «ОтъНагасаки до Владивостока и Сингапура». (Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерѣ «Африка»), т. CXXXVII, февр., 432—447. «Отъ Іокогамы до Владивостока». (Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерѣ «Африка»), мартъ, 615—630. «Изъ Владивостока въ С.-Франциско и на Сандвичевы острова» (изъ воспоминаній кругосвѣтнаго плаванія на крейсерѣ «Африка») т. CXXXVIII, апр., 181—188, май, 365—385.
Рудневъ, мичманъ, 1881 г., т., CXXXVII, мартъ, 617.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Александр., фельдм., р. 1725 † 1796 г., т. CXXXVIII, іюнь, 518, т. CXXXIX, авг., 382.
Румянцевъ, гр., Николай Петров., послан., канцл., р. 1754 † 1826 г., т. CXXXVII, янв., 147, т. CXXXIX сент., 423.
Рыдзевскій, инжен.-ген., 1853 г., т. CXXXIX, авг., 248.
Рыковъ, Скопинскій городской голова и директоръ Скопинск. банка, 1884 г. т. CXL, нояб., 343—346.
Рылѣевъ, Кондр. Ѳед., поэтъ, декабр., р. 1795 † 1826 г., т. CXL, нояб., 355.
Рѣпнина, княгиня, С. Д., т. CXL, декаб., 579.
Рѣпнинъ, полковн., т. CXL, нояб., 393.
Рюрикъ, первый рус. князь, 862 г., т. CXL, нояб., 401.

С

Сабанѣевъ, ген.-маіоръ, 1810 года, т. CXXXVIII, іюнь, 537—539, 551, 563, 565, 570—575, 585, т. CXXXIX, іюль, 183, 189, сент., 415, 416, 426, 427.
Сабашинскій, ген., 1855 года, т. CXXXVIII, іюнь, 533.
Сабуровъ, Андрей Александ., юристъ, мин. нар. просвѣщ., 1881 года, т. т. CXXXVII, янв., 22, т. CXXXVIII, іюнь, 496.
Савина, Марія Гаврил., артистка 1879 г., т. CXXXVIII, апр., 69.
Савойковъ, полковн., 1810 год., т. CXXXIX, іюль, 201.

Садовскій, Провъ Мих., артистъ, т. CXL, декаб., 499.
Саитовъ, В. И. библіографъ, т. CXL, декаб., 651.
Сакенъ, ген., 1812 г., т. CXL, декаб., 625.
Сакульскій, т. CXL, нояб., 251.
Салтыковъ, Мих. Евгр., см. Щедринъ.
Салтыковъ, Симонъ, ген.-лейт., 1730 г., т. CXXXVII, февр., 291, 295, 296.
Салтыковъ, камергеръ, 1792 года, т. CXXXVII, янв., 147.
Сальковъ, Александръ Никол., т. CXXXVII, янв., 105.
Самаринъ, Юрій Ѳедор., славяноф., писат., р. 1819 † 1876 г., т. CXXXVII, янв., 45, 46, мартъ 505, т. CXXXVIII, апр., 10, 12, 17, 38—41, 60, май, 262, т. CXL, окт., 140, нояб., 319—322.
Самарскій-Быховецъ, адвок. 1866 г., т. CXXXVII, февр., 266.
Самарскій-Быховецъ, т. CXXXVII, янв., 105.
Самойлова, Вѣра Вас., артистка, 1850 г., т. CXXXIX, авг. 293.
Самойловъ, гр., прапорщ., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Сандерсъ, полковн., 1810 год., т. CXXXVIII, іюнь, 538, 541, 544, 577.
Сатинъ, М. А., т. CXXXVIII, іюнь, 447.
Фонъ-Сведенъ, первый содерж. почтъ, 1665 г., т. CXL, нояб., 453.
Свербѣевъ, т. CXXXVII, мартъ, 515.
Свѣчина, Александра Ив., 1837 г., т. CXXXIX, іюль, 46.
Свѣчина, Надежда Ив., рожд. Мердеръ-Северинъ, т. CXXXIX, іюль, 46.
Святополкъ-Мирскій, Дм. Ив., помощн. Великаго Князя Михаила Николаевича на Кавказѣ, 1855 г., т. CXXXVIII, май, 321, 323, іюнь, 533, т. CXL, нояб., 339.
Святославъ, князь новгородск., 1181 г., т. CXL, нояб., 404.
Седерхольмъ, ген., инжен., 1878 г., т. CXXXVII, мартъ, 597.
Селиваповъ, ген., комендантъ Владивостока, 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 143.
Селифонтовъ, Н. И., сенат., 1866 г., т. CXXXVII, янв., 133—135, февр., 259, 269, т. CXL, нояб., 377.
Семевскій, Мих. Ив., основат. журн. «Рус. Старины», р. 1837 † 1892 г., т. CXXXVII, янв., 191.
Семенова, артистка, 1822 г., т. CXL, декаб., 652.
Семеновъ, П. А., ген.-маіоръ, 1868 г., т. CXL, окт., 142.
Семеновъ, вятск. губер., 1855 г., т. CXL, окт., 116, 117, 121.
Семеновъ, цензоръ, 1827 г., т. CXL, нояб., 350.
Сенъ-При, гр., ген., † 1813 года, т. CXXXIX, іюль, 184, авг., 394—396, сент., 411—417, 421.
Сеславинъ, товар. мн-ра иностр. дѣлъ, 1850 г., т. CXXXIX, іюль, 137, 142.
Сергіевскій, протоіер., т. CXL, нояб., 256.
Сергѣевъ, А. Н., сообщ.: «Смерть Моисея (Гумилевскаго), епископа Ѳеодосійскаго и маріупольскаго», т. CXXXVII, янв., 213 — 217; «Изъ жизни нашего духовенства», 218; „Англійская эскадра въ Бѣломъ морѣ, въ 1854 г.“, т. CXL, декаб., 567—575.
Сергѣй Александровичъ, велик. князь, т. CXXXVII, янв., 110, 146, т. CXL, декаб., 523—526.
Серебряный, А. М., адвок., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 266.
Середа, вятскій губерн., 1848 г., т. CXL, окт., 108, 111—116.
Сеславинъ, юнкеръ Константин. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216, 219, 221.
Сестренцевичъ-Богушъ, Станиславъ, еписк., рим.-катол. церквей, р. 1731 † 1827 г., т. CXXXVII, янв., 35—38, 41, 42.
Сиверсъ, гр., 1810 г., CXXXVIII, іюнь, 544, 545, 579, т. CXXXIX, авг., 385.
Симонъ Лаговъ, въ мірѣ Стефанъ, еписк. костромск., 1744 г., т. CXL, окт., 30—32.
Симонъ, архіеп. вологодск., 1667 г., т. CXL, дек., 617.
Синицынъ, юнкеръ Констант. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216.
Сипягинъ, Всеволодъ Николаев., полковникъ, 1864 г., т. CXXXVIII, май, 288.
де-Сіонъ, Карлъ Осип., полковн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.
Скабичевскій, Александръ Мих., писат., т. CXL, окт., 109.
Скалонъ, Вас. Данилов., 1864 г., т. CXXXVIII, май, 279, іюнь, 450.
Скалонъ, Вас. Юрьев., т. CXL, декаб., 508, 509.
Скалонъ, Дм. Антонов., предсѣдатель Императорскаго военно-историческаго общества, р. 1840 г., сообщ.: «На службѣ при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ», т. CXXXVIII, май, 278—294, іюнь, 445—450, т. CXXXII, іюль, 27—30, т. CXL, нояб., 279—309, декаб., 529—545. «Донесеніе Скобелева главнокомандующему о занятіи Адріанополя въ 1878 г.», сент., 410.
Скалонъ, Николай Антонов., ад., т. CXXXVIII, май, 289.

Скальковскій, т. CXXXIX, сент., 570.
Скворцовъ, Николай Семенов., редакт. «Русскихъ Вѣдомостей», т. CXL, дек., 503, 504, 508.
Скобелевъ, Ив. Никитичъ, ген.-отъ-инф., военн. писат., коменд. Спб. крѣп., р. 1778 † 1849 г., т. CXXXVII, мартъ, 655.
Скобелевъ, Мих. Дм., ген.-адъют., р. 1843 † 1882 г., т. CXXXVII, февр., 398, мартъ, 656; т. CXXXVIII, апр., 33, май, 248—250, т. CXXXIX, сент., 410.
Скоропадскій, Ив., полковн., гетманъ малорос., т. CXXXIX, іюль, 5, 11, 16, 19.
Скрыпицынъ, Алексѣй Васил., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Скрытской, Алексѣй Петров., капит., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.
Слатвинскій, Ив. Прокофьев., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Слеттеръ, ген., 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 164, 165.
Случевскій, об.-прокур., 1879 г., т. CXXXVII, янв., 22, т. CXL, окт., 24.
Слѣдновъ, Сергѣй Николаев., педаг., т. CXXXVII, февр., 403—408, 415, 418, 420.
Слѣпцовъ, Николай Павл., кавказскій ген., † 1851 г., т. CXXXVIII, іюнь, 527, т. CXL, декаб., 592.
Смирдинъ, Александръ Филип., издатель, 1840 г., т. CXL, окт., 155—158, 163—167.
Смирнитская, 1868 г., т. CXL, окт., 147.
Смирнова, Александра Осиповна, рожд. Россетъ, писат., р. 1810 † 1882 г., т. CXXXVII, мартъ, 453, 458—472, 486, 488.
Смирнова, рож., Лачинова, т. CXXXVII, февр., 320.
Смирновъ, Дм. Александр., р. 1819 † 1866 г., т. CXXXVII, февр., 320—348.
Смирновъ, генер., 1904 г., т. CXL, дек., 685.
Смирновъ, Николай Мих., 1837 г., т. CXXXVII, мартъ, 453—458, 467.
Смирновъ, Ю. Д., т. CXXXVII, февр., 321.
Снегиревъ, Ив. Мих., профес., † 1868 г., т. CXXXVIII, апр., 190.
Снѣсаревъ, полковн., т. CXXXIX, іюль, 81.
Собіевскій, полковникъ, 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 568.
Соболевскій, Вас. Михайл., редакторъ „Русскихъ Вѣдомостей", т. CXL, декаб., 504.
Соболевъ, полковникъ, 1877 г., т. CXXXVII, янв., 49.
Соймоновъ, П. А., основат. Горнаго Института, 1799 г., т. CXXXIX, авг., 326.
Соколовская, Тира. Оттов., сообщ.: «Къ масонской дѣятельности кн. Баратаева», т. CXXXVII, февр., 424—431, мартъ, 631—649, «Новый матеріалъ о масонствѣ», т. CXXXVIII, май, 386—390,
Соколовскій, Мих. К., сообщ.: «Документы для біографіи Аракчеева», т. CXXXVII, янв., 169—172, «1) Къ біографіи цесаревича Константина Павловича» (ночь на камердинерской постели). 2. «Мнѣніе графа И. И. Дибича о непомѣщеніи въ приказахъ свѣдѣній объ убитыхъ и умершихъ генералахъ», т. CXL, нояб., 248. «Письмо вел. кн. Николая Павловича А. А. Закревскому о поручикѣ Дюклу», т. CXL, дек., 486.
Соколовъ, Александръ Егоров., об.-секрет. коллегіи иностр. дѣлъ, 1810 г., совѣтн. миссіи въ Персіи, 1816 г.; р. 1780 г., т. CXXXVIII, май, 314, 315, іюнь, 473, 480.
Соколовъ, Н. А., проф., т. CXL, нояб., 265.
Соловьевъ, В. С., т. CXL, дек., 481.
Соловьевъ, Серг. Мих., профес., историкъ, р. 1829 † 1879 г., т. CXXXVII, янв., 193, т. CXXXIX, сент., 570—572, т. CXL, окт., 36, нояб., 253, 413, 441, 442, 446.
Соловьевъ, политич. преступн., 1866 г., т. CXXXVIII, май, 305—308.
Сонинъ, Никол. Яковлев., предсѣдат. ученаго Комитета мин. народн. просв., т. CXL, дек., 514.
Сорокинъ, Вл., сообщ.: «Изъ воспоминаній о крѣпостномъ правѣ», т. CXXXVII, февр., 399—423.
Сорокинъ, ген., комендантъ спб. крѣпости, 1866 г., т. CXXXVII, февр., 263, 266, 267, мартъ, 556, 558.
Сосновскій, юнкеръ Констант. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216—219.
Софія Алексѣевна, царевна-правительница † 1704 г., т. CXL, дек., 659, 660.
Спасовичъ, Влад. Данилов., адвок., 1879 г.; р. 1829 г., т. CXXXVII, янв., 6, 22, т. CXL, нояб., 237.
Сперанскій, педаг., 1850 г., т. CXXXIX, авг., 339—341.
Спиглазова, рожд. Пернеръ, 1844 г., т. CXXXVIII, май, 391.
Спиглазовъ, 1844 г., т. CXXXVIII, май, 392.
Стааль, фрейлина, 1857 г., т. CXXXVIII, апр., 43, т. CXL, нояб., 321, 322.
Стабушъ, поруч., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.

Ставицкій, Максимъ Ѳед., маіоръ-арт., 1803 г., т. CXXXII, янв., 169.
Станиславъ-Августъ, Понятовскій, король польск., р. 1732 † 1798 г., т. CXXXVII, янв., 38.
Станкевичъ, проф. Акад. ген. штаба, т. CXL, нояб. 274.
Старосивильскій, С., сообщ.: «Памяти поэта-пѣвца «гражданской доблести» Алексѣя Михайловича Жемчужникова († 25 марта 1908 г.»), т. CXXXIX, авг., 292—300.
Стасовъ, адвокатъ, 1866 годъ, томъ CXXXVII, февр., 266.
Стасюлевичъ, Мих. Матв., издат. и редакт. «Вѣстника Европы», историкъ, проф., р. 1826 г., т. CXXXVIII, апр., 98—100, май, 353, 262, томъ CXL, окт., 69.
Стеллеръ, ген., 1811 г., т. CXXXIX, сент., 419, 420.
Стессель, ген., 1904 г., т. CXL., дек., 685.
Степановъ, ген., директ. 2-го кадетскаго корпуса, 1858 г., т. CXXXIX, сент., 553, 554.
Стечькинъ, Никол. Яковлев., т. CXXXVII, мартъ, 655, т. CXXXVIII, апр., 67, 68.
Столыпинъ, Аркадій Дм., ген.-лейт., р. 1822 г., т. CXXXXVII, янв., 44—54, февр., 365 — 376, мартъ, 579—584, т. CXXXVIII, апр., 161—180, май, 251—259.
Сторожепко, Андр. Як., 1837 г., т. CXL, нояб., 356.
Стояновскій, Ник., Иван., товарищъ мн-ра юстиціи, членъ Госуд. Совѣта, 1866 г., т. CXXXVII, февр., 276, т. CXL, декаб., 481.
Странденъ, политич. преступ., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 264, 266, мартъ, 560, т. CXXXVIII, май, 303.
Стрекалова, 1792 г., т. CXXXVII, янв., 147.
Строгановъ, Григорій, 1558 г., т. CXXXIX, авг., 302.
Строгановъ, Максимъ, 1581 г., томъ CXXXIX, авг., 304.
Строгановъ, гр., Павелъ Александр., диплом., т. CXXXVII, мартъ, 611, 612.
Строгановъ, Пав., гр., ген.-маіоръ, 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 179, сент., 520.
Строгановъ, Семенъ, 1581 годъ, т. CXXXIX, авг., 302, 304.
Строевъ, 1837 г., т. CXXXVIII, апр., 190.
Струве, Марія Никол., т. CXXXVII, февр., 444.
Струве, Кириллъ Вас., посланникъ въ Японіи, 1881 г., т. CXXXVII, февр., 444, 446, мартъ, 617.
Струковъ, Александръ Петров., ген.-адъют., ген.-отъ-кавал., 1877 г., т. CXXXVIII, май, 248—250, 279, 289, т. CXXXIX, сент., 410.
Стурдза, Ал. Ск., р. 1791 † 1854 г., т. CXL, окт., 157.
Струдза, Р. С., въ зам. Эдлингъ, † 1844 г., т. CXL, окт., 157, 158.
Субботинъ, С. У., купецъ, т. CXL, нояб., 417.
Суворовъ, кн., итал., Александръ Вас., фельдмаршалъ, р. 1729 † 1800 г., т. CXXXVII, янв., 37, т. CXXXVIII, іюнь, 576, т. CXXXIX, сент., 412, т. CXL, нояб., 286.
Суворовъ, кн., Аркадій Александровичъ, † 1811 г., т. CXXXIX, іюль, 185, 186, авг., 392.
Суворовъ, И., Сообщ.: «Какъ Тиммерманъ и кумпанства строили корабли въ Воронежѣ? (Письма 1698 года)», т. CXXXVIII, апр., 28—30, «Священникъ варилъ пиво», іюнь, 534, «Какъ искали серебряную руду въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ 1685 г.», т. CXXXIX, авг., 372—378. «Изъ монастырской жизни XVII вѣка: какъ постригали въ монашество 1667 г., т. CXL, декаб., 617—618.
Сукинъ, Симонъ, ген.-маіоръ, 1730 г., т. CXXXVII, февр., 295.
Судгофъ, А. Н., ген., директ. воен. школы, 1858 г., CXXXIX, сентябрь, 555, 556.
Сухомлиновъ, Влад. Александр., Воен. Мин. т. CXL, дек., 494.
Сущовъ, Н. Н., т. CXXXVII, янв., 105.
Сысоевъ, ген., 1812 г., т. CXXXIX, іюль, 116.
Сычевъ, капитанъ, 1904 г., т. CXL, декаб., 684.
Сѣмечкинъ, А. П., ген.-адмир., адъют. великаго князя Константина Николаевича, 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Сѣраковскій, участн. польск. возстанія, 1863 г., т. CXV, нояб., 274.
Сѣровъ, Александ. Николаевичъ, композиторъ, т. CXXXVIII, май, 274.

Т

Таганцевъ, И. С., т. CXXXVII, янв., 105.
Таганцевъ, Н. С., юристъ, т. CXL, окт., 24, нояб., 237.
фонъ-Таль, Александръ Яковлевичъ, полковникъ, 1875 г., т. CXXXVII, февр., 393.
Таль, Романъ Христіан., т. CXXXVIII, апр., 226, 227.

Тальони, Марія, артистка, т. CXL, декаб., 581.
Тамберликъ, артистъ, т. CXL, декаб., 581.
Таскинъ, Е. Н., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Татариновъ, В. А., т. CXL, окт., 128.
Татариновъ, Николай Ильичъ, чиновн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.
Татариновъ, П. П., т. CXL, декаб., 652.
Татищевъ, А. И., военный министръ, 1826 г., т. CXL, окт., 81.
Татищевъ, Вас. Никитичъ, капит.-поруч., 1720 г., управл. Сибирскимъ горнымъ завод., артиллер., т. CXXXIX, авг., 308, 309, 317—321.
Татищевъ, Н. И. помѣщикъ, 1847 г., т. CXXXIX, іюль, 130.
Татищевъ, Ю. В., сообщ.: «Изъ документовъ архива Виленскаго генералъ-губернаторства. (Бѣгство и поимка В. К. Кюхельбекера)», т. CXL, окт., 79—87.
Татищевъ, г.-л., 1877 г., т. CXXXVIII, май, 323.
Таубе, полковникъ, 1812 г., т. CXXXIX, сент., 521.
Твердиславъ, посадникъ, 1218 г., т. CXL, нояб., 406.
Тенгоборгскій, писатель, 1830 г., т. CXXXIX, іюль, 138—142.
Тернеръ, Варвара Өед., рожд. Фольбортъ, р. 1801 г., т. CXXXVII, мартъ, 662.
Тернеръ, Густавъ Данилов., врачъ, т. CXXXVII, мартъ, 663, 664.
Тернеръ, Даніилъ, † 1825 г., т. CXXXVII, мартъ. 663.
Тернеръ, М. Г., и Э. Т. сообщили: «Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера», т. CXXXVII, мартъ 660—668, т. CXXXVIII, апр., 219 — 227, май, 391—400, іюнь, 617—647, т. CXXXIX, іюль, 127—162, авг., 253—291, сент., 445—474, т. CXL, окт., 125—139, нояб., 319—331.
Тернеръ, Ѳ. Густ., р. 1828 г. т. CXXXVII, мартъ, 660—668, т. CXXXVIII, апр., 219—227, май, 391—400, іюнь, 617—647, т. CXXXIX, іюль, 127—162, авг., 253—291, сент., 445—474, т. CXL, окт., 125—139, нояб. 319—331.
Тессинъ, ген.-маіоръ, голштинск. посл., съ 1729—1731 г., т. CXXXVII, мартъ, 551.
Тизенгаузенъ, бар., вятскій жандарм. ген.-маіоръ, 1854 г., т. CXL, окт., 116.
Тимановъ, Николай Львов., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Тимашевъ, Александръ Егор., мн-ръ внут. дѣлъ, ген.-ад., р. 1818 † 1893 г., т. CXXXVII, февр., 241, 242, мартъ, 580, т. CXXXVIII, апр., 146, т. CXXXIX, іюль, 121, т. CXL, окт., 141, нояб., 416.
Тимашевъ, Егоръ Никол., ротмистръ, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.
Тиммерманъ, 1698 г. т. CXXXVIII, апр., 28.
Тимощукъ, Вѣра Васильевна, сообщ.: «Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Александра I», т. CXXXVII, янв., 145—168, «Петръ Великій въ Парижѣ», февр., 377 — 386, «Александръ I и Восточная политика Россіи», мартъ, 604—614, «Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года», т. CXXXVIII, апр., 211—218, іюнь, 507—526, т. CXXXVIII, іюль, 100—117, сент., 491—522, т. CXL, нояб., 358—376, дек., 619—642.
Тимоѳеевъ, ген., 1864 г. т. CXXXVIII, май, 290.
Тимротъ, А. К., полковн., т. CXXXVII, мартъ, 588.
Тимротъ, ген. генеральн. штаба 1885 г., т. CXXXVII, мартъ, 601.
Тимротъ, адвок., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 266.
Тиндаль, Джонъ, профес., 1873 г., т. CXXXVII, мартъ, 570, т. CXL, окт., 98, 101—104, декаб., 595.
Тиньковъ, Сергѣй Ник., ген.-маіоръ, директ. корпуса, 1847 г., т. CXXXVII, февр., 324.
Тиранъ, Ю. Ф. помѣщ., 1847 г., т. CXXXIX, іюль, 129, 130.
Титова, см. Новикова.
Титовъ, В. П., чл. гражданск. Департам. Гос. Сов., 1874 г., т. CXXXVIII, апр., 148, 149.
Токвиль, писат., т. CXL, декаб., 597, 604, 606.
Толстой, гр., Александръ Вас., поруч., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.
Толстой, гр., Алексѣй Конст. (псевд. Кузьма Прутковъ), писат., р. 1817 † 1875 г., т. CXXXVIII, апр., 102, т. CXXXIX, авг., 292, 293.
Толстой, гр. Дм. Андр., мн-ръ народн. просв., внутр. дѣлъ, р. 1823 † 1889 г., т. CXXXVII, февр., 243, т. CXXXVIII, апр., 51, іюнь, 495, 498, т. CXXXIX, авг., 218, 357, сент., 401, 402, т. CXL, декаб., 521.
Толстой, гр., Ив. Матв., главноначальств. почт. деп., р. 1806 † 1867 г., т. CXXXVII, мартъ, 563.
Толстой, И. М., товарищъ мн-ра иностр.

дѣлъ, т. CXXXIX, іюль, 142, авг., 266.

Толстой, гр., Левъ Николаев., писат., р. 1818 г., т. CXXXVII, мартъ, 657, 658, т. CXXXVIII, апр., 101, 102, 107, т. CXXXIX, сент., 440, т. CXL, дек., 483, 514.

Толстой, гр., Николай Николаевичъ, р. 1823 г., т. CXXXVII, мартъ, 651—659, т. CXXXVIII, апр., 63—70.

Толстой, гр., Петръ Александр., ген.-отъ-инфант., р. 1761 † 1844 г., т. CXXXVII, янв., 191.

Толстой, гр., Фед. Петров., капит.-лейт., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.

Толстой, гр., Як. Вас., масонъ 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.

Толстой, Я. Н., т. CXXXVIII, апр., 198.

Толстой, гр., таганрогскій градонач., 1855 г., т. CXXXVIII, іюнь, 527.

Толь, полковн., ген.-квартирм., 1861 г., т. CXXXIX, сент., 494, 499, 519.

Тонъ, К. А., архитект., р. 1794 † 1881 г., т. CXL, декаб., 584.

Топоровъ, Александръ Вас., дантистъ, 1874 г., т. CXXXVII, мартъ, 651—659, т. CXXXVIII, апр., 63—70.

Тормасовъ, ген., 1812 г., т. CXXXVIII, іюнь, 510, т. CXXXIX, іюль, 189, сент., 510, т. CXL, нояб., 371, 372, 375, декаб., 620—623, 639.

Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., воен. инж., виленск. ген.-губ., † 1884 г., т. CXXXVII, янв., 231, мартъ, 583, т. CXXXVIII, апр., 33—35, 177, 178, май, 253, 255, 281, 282, т. CXXXIX, авг., 261, т. CXL, декаб., 601.

Трахимовскій, прокур. Варш. судебн. палаты, 1785 г., т. CXXXVII, февр., 235.

Трегубовъ, Александръ Николаевичъ, предвод. дворянства, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.

Трегубовъ, Никол. Никол., надворн. совѣтн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 637.

Треповъ, Ѳед. Ѳед., спб. градонач., т. CXXXVII, февр., 276, т. CXXXVIII, апр., 153.

Третьяковъ, полковн., 1904 г., т. CXXXVIII, іюнь, 606—606, 611—616, т. CXL, декаб., 671—686.

Трубецкая, княжна, Марія Юрьевна, въ зам. Черкасская, р. 1696 † 1747 г., т. CXXXVII, февр., 295.

Трубецкой, кн., Александръ Юрьевичъ, камерг., 1730 г., т. CXXXVII, февр., 295.

Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген.-фельдмарш., р. 1699 † 1767 г., т. CXXXVII, янв., 205, февр., 295.

Трубецкой, кн., основат. масонск. ложи Изиды, 1773 г., т. CXXXVII, янв., 175.

Тургеневъ, Александръ Ив., писат., дир. деп. духов. дѣлъ, † 1845 г., т. CXXXVII, мартъ, 455—457.

Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 † 1883 г., т. CXXXVII, янв., 17, мартъ, 529 — 531, 651 — 659, т. CXXXVIII, апр., 63—70, т. CXXXIX, авг., 257, сент., 461, т. CXL, окт., 94.

Тургеневъ, Петръ Петр., кол. ассесоръ, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.

Тургеневъ, Серг. Никол., т. CXXXVII, мартъ, 651—659.

Турчаниновъ, полковн., 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 198, авг., 382, сент., 411.

Турчаниновъ, присяжн. пов., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 266.

Тухолка, виддинск. губерн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 162.

Тучковъ, генер.-лейтен., 1812 г., т. CXXXVIII, іюнь, 504, т. CXXXIX, іюль, 113—115, сент., 495, 496, т. CXL, декаб., 625.

Тютчевъ, Ив. Ив., офиц., 1818 г., т. CXL, окт., 211, 216.

Тютчевъ, Ѳед. Ив., поэтъ, р. 1803 † 1873 г., т. CXXXVII, янв., 192, т. CXXXVIII, апр., 40.

Тыртовъ, П. П., капитанъ 1 ранга, 1881 г., т. CXXXVII, мартъ, 617.

У

Убри, П. Я., дипломатъ, 1806 г., т. CXXXVII, мартъ, 612, 613.

Уваровъ, генер.-лейтенантъ 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 554, 560, 575—585, т. CXXXIX, іюль, 169, 170, 177, 188, авг., 385, сент., 498, 501, т. CXL, нояб., 367.

Уваровъ, гр., Серг. Семен., мин. народн. просв., † 1855 г., т. CXXXVII, мартъ, 514, т. CXXXVIII, апр., 82, т. CXXXIX, авг., 336, сент., 434.

Уданъ, полковн., 1811 года, т. CXXXIX, сент., 412.

Украинцевъ, Емел. Иг., т. CXL, дек., 660.

Ульяновъ, педаг., т. CXXXVIII, апр., 222.

Уманскій, И. Л., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.

Урусова, кн., см. Мусина-Пушкина.

Урусовъ, кн., А. И., адвокатъ, т. CXL, декаб., 481.

Урусовъ, кн., А. М., 1827 г., т. CXXXVII, янв., 191.

Урусовъ, кн., Серг. Николаев., государ. секрет., т. CXXXVII, янв., 128—130, т. CXXXVIII, апр., 171.
Урусовъ, кн., ген.-маіоръ, комендантъ Спб. крѣпости, 1730 г., т. CXXXVII, февр., 295.
Успенскій, Варлаамъ, архангел. еписк., † 1876 г., т. CXL, декаб., 567—574.
Успенскій, участн. въ Нечаевск. дѣлѣ, т. CXL, декаб., 509, 510.
Успенскій, П. Г., т. CXL, нояб., 253, 254.
Устряловъ, Николай Герасимовичъ, акад., 1847 г., т. CXXXIX, сент., 431—434, т. CXL, нояб., 441, 442.
Ушаковъ, гр., Андр. Ив., ген.-лейт., † 1747 г., т. CXXXVII, февр., 295.
Ушаковъ, В. А., писат., р. 1788 г. † 1830 г., т. CXL, нояб., 352, 353, 357.
Ушаковъ, ген., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 544, 577.
Ушаковъ, адм., т. CXXXVII, янв., 122.

Ф

Фабри, юнкеръ Конст. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216—221.
Фелькерзамъ, адмир., † 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 116.
Фетъ (Шеншинъ) Аѳанасій Аѳанасьев., поэтъ, р. 1820 † 1892 г., т. CXXXVII, мартъ, 658, 659, т. CXXXVIII, апр., 64, 66.
Фигнеръ, Николай Никол., артистъ, т. CXXXIX, сент., 440.
Филаретъ (Вас. Мих. Дроздовъ), моск. митр., р. 1782 † 1867 г., т. CXXXVII, февр., 242, т. CXXXVIII, апр., 57, т. CXL, дек., 579.
Филаретъ Никитичъ, патріархъ моск., 1632 г., т. CXL, нояб., 430, 431.
Филатовъ, Мих. Ѳедор., надворный совѣтн., масонъ, 1821 г. т. CXXXVII, мартъ, 637.
Филиповскій, флагманск. штурманъ, 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 136.
Филипсонъ, ген., попечит. Спб. учебн. округ., т. CXXXVII, февр., 310.
Философовъ, 1850 г., т. CXXXIX, іюль, 137.
Фильдъ, піанистъ, р. 1782 † 1836 г., т. CXL, дек., 582.
Фитцтумъ, инспект. унив., 1846 г., т. CXXXVII, янв., 63, 65.
Фишеръ, Е. Ф., книгопродав.-издат., 1840 г., т. CXL, окт., 165.
Фишеръ, сенат., т. CXXXVIII, іюнь, 470.
Фойницкій, Иванъ Яковлевичъ, проф., 1900 г., т. CXL, декаб., 471.
Фокъ, Александръ Виктор., ген., 1904 г., сообщ.: «Киньчжоускій бой», т. CXXXVIII, іюнь, 598 — 616, упом. въ замѣткѣ по поводу этой статьи, т. CXL, декаб., 671—686.
Фокъ, ген., 1812 г., т. CXXXVIII, апр., 211.
Фольбортъ, см. Курганская.
Фольбортъ, см. Тернеръ.
Фольбортъ, пасторъ, вице-президентъ Евангелич. Лютеранс. Консисторіи, т. CXXXVII, мартъ, 662.
Форселлесъ, ген., финл., т. CXXXVII, мартъ, 588.
Фостремъ, Альма, пѣвица, 1890 г., т. CXXXVII, мартъ, 595, т. CXXXIX, авг., 257.
Фофановъ, кап., 1904 г., т. CXXXVIII, іюнь, 611.
Фридбургъ, въ зам Лешетицкая, т. CXXXIX, авг., 255.
Фридерика-Доротея, принцесса Баденская, въ зам. королева шведская, 1792 г., т. CXXXVII, янв., 147, 160, 161.
Фроловъ, Петръ Александр., писат., † 1867 г., т. CXXXVIII, іюнь, 626—633.
Фроловъ, ген., начальн. инженер. Финляндскаго окр., 1877 г., т. CXXXVII, мартъ, 592.
Фроловъ-Багрѣевъ, камеръ-юнкеръ, 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 180.
Фромандьеръ, предводит. дворян., т. CXXXVIII, іюнь, 635.
Фуксъ, Карлъ Федор., профес., писат., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.
Фуксъ, Э. Я., предсѣд. суда въ Харьковѣ, т. CXXXVII, янв., 20, 22.

Х

Харинъ, Петръ Борис., прок. Межевой Конт., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 636.
Харитоновъ, подполк., † 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 579.
Хвостовъ, Вас. Сем., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Хвостовъ, гр., Дм. Ив., писат., †1835 г., т. CXL, нояб., 286.
Хитрово, Н. П., сообщ.: «Мнѣніе итальянцевъ о Севастопольскомъ «оберъ-кротѣ» капитанѣ Мельниковѣ», т. CXXXVII, янв., 231—232, «Поѣздка въ Грузино въ 1867 г.», февр. 387—390.
Хитрово, ген., 1810 г. CXXXVIII, іюнь, 544, 577.
Хрпіаковъ, Николай Дмитр., надворн. совѣтн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 639.

Хлопицкій, В. П., горн. инж., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Хмыровъ, М. Д., авторъ соч. «Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи», т. CXL, нояб., 442.
Хоментовскій, ген.-квартирм. 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 165.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., проф. Моск. унив., писат., р. 1804 † 1860 г., т. CXXXVII, янв. 45, мартъ, 505, 576.
Храбрый, оф., адъют. гр. Каменскаго, 1811 г., т. CXXXIX, сент., 430, 431.
Храповицкой, Александръ Васильев., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174—176.
Христовскій, Николай Ив., предводитель дворянства въ Лужск. уѣздѣ, 1847 г., т. CXXXIX, іюль, 130.
Хросицкій, А. К. управл. акцизными сборами, 1885 г., сообщ.: «Грандіозный замыселъ Рыкова». (Изъ воспоминаній акцизнаго ревизора), т. CXL, нояб., 343—346.
Хрущевъ, ген., 1857 г., т. CXXXVIII, апр., 43.
Худобашевъ, секрет. посольст. въ Персіи, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Худяковъ, государст. преступ. 1866 г., т. CXXXVII, янв., 137, февр. 264—267, мартъ, 555—558, 561, 563.

Ц

Цанковъ, тырновск. вице-губернаторъ, 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 162.
Цвиленевъ, полковникъ, 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 197, авг., 380, 382.
Церетелевъ, кн., генеральн. консулъ въ В. Румеліи, 1879 г., т. CXXXVIII, май, 253.
Церетели, Ольга княжна т. CXL, нояб., 301.
Цецикевъ, ген., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 537, 570.
Цибульскій, Орефій Ив., учит. пѣнія, 1843 г., т. CXXXVII, янв. 58.
Циммерманъ, полковн., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 546, авг., 382.
Циціановъ, кн., Дм. Елис., масонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 174.
Цукато, гр., ген. † 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 192—200, 203—206, авг., 379—382, 385, сент., 416.

Ч

Чаадаевъ, Ив., массонъ, 1776 г., т. CXXXVII, янв., 176.
Чавчавадзе, кн., полковн., команд. Дагестанск. пол., т. CXL декаб., 535.
Чайковскій, Петръ Ильичъ, композит., † 1893 г., т. CXXXVII, февр., 351, мартъ, 531, т. CXXXVIII, май, 264.
Чаплицъ, ген., 1812 г., т. CXL, дек., 630.
Чарторыйскій, князь, Адамъ, р. 1734 † 1823 г., т. CXXXVII, янв., 163, мартъ, 611.
Чебышевъ, Ал. Ал., сообщ.: «Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ, XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину», т. CXL, нояб., 377—387, декаб., 651—658.
Чебышевъ, Панфутій Львов., акад., 1887 г., т. CXXXIX, сент. 401.
Чебышевъ, контръ-адм., 1878 г., т. CXXXVII, мартъ, 598.
Чевкина, въ зам. Бурмейстеръ, т. CXL, окт., 128.
Чевкинъ, Конст. Влад., мн-ръ путей сообщ., р. 1803 † 1875 г., т. CXXXVII, мартъ, 527, т. CXXXVIII, май, 230, іюнь, 466—469.
Чегодаевъ, кн., Николай Николаев., симбирскій полицеймейстеръ, масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.
Чемадуровъ, Николай Александровичъ, самарскій предв. дворян., масонъ, † 1821 г., т., CXXXVII, мартъ, 638.
Чембулатовъ, А. И., миров. посред., 1868 г., т. CXL, окт., 146.
Чемерзинъ, полковникъ, 1865 г., т. CXXXVIII, май, 289, 291.
Чепурновъ, ген., т. CXXXVII, мартъ, 590.
Черкасская, княгиня, 1730 г., т. CXXXVII, мартъ, 542.
Черкасская, см. княжна Трубецкая.
Черкасскій, Алексѣй Мих., госуд. канцлеръ, князь, р. 1680 † 1742 г., т. CXXXVII, февр., 282, 295, 297.
Черкасскій, князь, Влад., Александр., мн-ръ внутр. дѣлъ Царства Польск., завѣд. гражд. управл. въ Болгаріи, †1878 г., т. CXXXVII, янв. 44—54, февр., 365—376, мартъ, 579—584, т. CXXXVIII, апр., 161—180, май, 251—259.
Черкасскій, кн., членъ комис. о прест. дѣлахъ, т. CXL, нояб., 319.
Черкасскій, кн., 1857 г., т. CXXXVIII, апр., 43, 61, май, 262.
Чернышевскій, Никол. Гавр., писат., р. 1828 † 1889 г., т. CXXXVIII, май, 303, т. CXXXIX, авг., 341—343, т. CXL, окт., 54, нояб., 324—327.
Чернышевъ, кн., Александръ Иванов., ген.-ад., воен. мн-ръ, р. 1785 † 1852 г., т. CXXXVIII, май, 231, т. CXXXIX, іюль, 64, т. CXL, окт., 109, 110.
Чернышевъ, Григорій, генералъ.-лейт., 1730 г., т. CXXXVII, февр., 291, 295.

Чернышевъ, полковн., фл.-ад., 1812 г., т. CXXXIX, сент., 508, 517, т. CXL, декаб., 626.
Черняевъ, Мих., Григ., ген., 1882 г., т. CXXXVII, мартъ, 536, т. CXXXIII, апр., 93, т. CXXXIX, іюль, 88—92, 98.
Чичаговъ, Вас. Яковл., адм., р. 1826 †1849 г., т. CXXXIX, сент., 510, т. CXL, нояб., 360, 373—375, декаб., 619, 624, 629, 631.
Чичеринъ, Борисъ Никол., т. CXL, нояб., 259, 260.
Чупровъ, Алек. Ив. проф. Моск. унив., т. CXL, нояб., 251, 265, декаб., 461—485, 504—508, 511—513.

III

Шабельскій, Н. Н., 1872 г., т. CXXXVII, іюнь, 457.
Шагаловъ, политич. преступн., 1866 г., т. CXXXVIII, февр. 264, 266.
Шакловитый, Θед. Леонтьев., нач. стрѣлецк. приказа † 1689 г., т. CXL, декаб., 660.
Шакѣевъ, педаг., 1845 г., т. CXXXVIII, май, 393.
Шаломытовъ, Н. В., сообщ.: «Неизданное предисловіе Д. А. Смирнова къ «Горе отъ ума», т. CXXXVII, февр., 320—348.
Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. CXL, нояб., 310, декаб., 576.
Шамкинъ, ст.-секрет. Госуд. Сов., т. CXXXVIII, май, 307.
Шатиловъ, полковникъ, 1811 г., т. CXXXIX, сент., 412.
Шауманъ, полковникъ ген.-штаба, т. CXXXVII, мартъ, 589.
Шафировъ, бар., Петръ Павлов., вице-канцл., † 1739 г., т. CXL, декаб., 665.
Шахматовъ, попечит. Казанск. учебн. окр., ген.-маіоръ, 1850 г., т. CXXXIX, авг., 335, 336.
Шаховская, княг., Н. Д., рожд. княжна Щербатова, жена декабриста, т. CXL, декаб., 584.
Шаховской, кн., Александръ Александ., драм. писат., р. 1777 † 1846 г., т. CXL, нояб., 380, декаб., 656.
Шаховской, кн., подполк., 1881 г., т. CXXXVIII, апр., 184.
Шаховской, кн., Θ. П., декаб., † 1835 г., декаб., 584.
Шванкъ, О. Ф., военн.-морск. агентъ въ Констант., 1904 г., т. CXXXVII, янв., 120.
Шварцепбергъ, кн., 1812 г., т. CXL, декаб. 624—626.
фонъ-Шварцъ, Алексѣй Владиміров., фонъ, инжен.-капитанъ, 1904 г., сообщ.: „По поводу статьи „Киньчжоускій бой, т. CXL, декаб., 671—686, т. CXXXVIII, іюнь, 600 — 606, 611, 612.
Швебсъ, ген., 1853 г., т. CXXXIX, авг., 243, 250.
Шебеко, Н. Н., товарищ. мн-ра внутр. дѣлъ, т. CXL, окт., 68.
Шевыревъ, Степ. Петр., проф., р. 1806 т. CXXXVII, мартъ, 514.
Шейэрманъ, А. В., совладѣлецъ Шербиновск. рудн., 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 460, 462.
Шелгуновъ, Никол. Вас., писат., † 1891 г., т. CXXXVII, мартъ, 529, 531.
Шепрокъ, Влад. Ив., т. CXXXVII, мартъ, 452, 454, 458, 463—467, т. CXXXVIII, май, 318.
Шеншина, Надежда Аѳан., въ зам. Борисова, т. CXXXVIII, апр., 64.
Шепелевъ, полковн. генер. шт., 1879 г., т. CXXXVIII, май, 253.
Шереметева, см. граф. Мусина-Пушкина.
Шереметевскій, В., сообщ.: «Темное Царство. (Черты изъ жизни Московскаго Китая-городаXVII вѣка)», т. CXXXVIII, май, 295—300, іюнь, 591—597, т. CXL, окт., 58—62, нояб., 311—318, декаб., 589—594.
Шереметевъ, Алексѣй Вас., 1827 г., т. CXXXVII, янв., 191.
Шереметевъ, Борисъ Петр., фельдмарш., малорос. гетманъ, Скоропадскій, р. 1652 † 1719 г., т. CXXXIX, іюль, 5, 7, 16, 17, 25.
Шереметевъ, Над. Ник., 1840 г., т. CXL, окт., 157.
Шестакова, Л. И., рожд. Глинка, т. CXXXVII, янв., 55.
Шестаковъ, управл. морск. министерст., т. CXXXVII, янв., 78, 85—89.
Шидловскій, В. Д., товарищъ прокур., 1879 г., т. CXXXVII, янв., 15.
Шильдеръ, Ник. Карл., генер.-лейт., историкъ, р. 1842 † 1902 г., т. CXXXVII, янв.,212, т. CXL, окт., 83.
Шиманъ, проф., т. CXXXVII, мартъ, 604—614.
Ширинскій-Шахматовъ, кн., Платонъ Александр., мн-ръ народн. просвѣщ., р. 1790 † 1853 г., т. CXXXVII, февр., 301, 303.
Ширинскій-Шихматовъ, кн., управл. Департаментомъ, т. CXXXIII, апр., 82.
Шишкинъ, консулъ, 1877 г., т. CXXIX, іюль, 96.
Шишмаревъ, подпоруч., 1881 г., т. CXXXVIII, апр., 183.

Шкапскій, полковникъ, 1810 г., т. CXXXIX, іюль, 197—199, авг., 382, 395, 396, сент., 411, 412.
Шлыковъ, виленск. полиц., 1826 г., CXL, окт., 83.
Шляпкинъ, Илья Александр., профес., т. CXXXVII, февр., 320.
Шмелева, 1868 г., т. CXL, окт., 147.
Шмидтъ, Георгій Ив., ген.-маіоръ, начальн. Констант. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 210, ноябр., 399.
Шмидтъ, Карлъ Егор., репетиторъ химич. наукъ въ инженер. училищ., т. CXXXIX, іюль, 154, 155, авг., 253.
Шмидтъ, Як. Егоров., 1850 г., т. CXXXIX, іюль, 149.
Шмидтъ, Як. Яковл., докторъ-акуш., директ. родовспомогат. завед. въ Спб., т. CXXXIX, іюль, 149—154, 161.
Шмидтъ, Эдуардъ Яковл., архитект., т. CXXXIX, іюль, 156—161, авг., 253.
Шмидтъ, придвор. декорат., т. CXXXIX, авг., 286.
Шнейдеръ, В. В., т. CXXXVII, февр., 323.
Шольцъ, докт., т. CXXXIX, сент., 465.
Шомпулевъ, В. А., сообщ.: «Изъ записокъ стараго помѣщика». (Народныя повѣрія), т. CXXXVII, янв., 187—190, «Посѣщеніе Саратова наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ 30 годахъ XIX столѣтія). Изъ записокъ стараго помѣщика), т. CXXXIX, іюль, 44—46.
Шостакъ, капит., 1811 г., т. CXXXIX, сент., 427.
Шпиллеръ, юнкеръ Павловск. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216.
Шредеръ, посланникъ въ Дрезденѣ, т. CXXXIX, сент. 451.
Штакельбергъ, бар., Олафъ Романов., контръ-адм., т. CXXXVII, февр., 435, 441, мартъ, 626, 627.
Штейнгель, гр., ген. 1812 г., т. CXL, декаб., 624.
Штейнъ, рижск. почтмейстеръ, 1684 г., т. CXL, нояб., 454.
Штейнъ, т. CXXXVIII, іюнь, 618.
Штиглицъ, бар., т. CXXXIX, авг., 221, 222.
Штицынгъ, Ив. Богдан. художникъ, масонъ, 1821 з., т. CXXXVII, мартъ, 638.
Штоссъ, Влад. Ив., капит., 1851 г., т. CXXXVII, янв., 97.
Штоссъ. Никол. Ив., подполк., 1867 г., † 1876 г., т. CXXXVII, янв., 92—95, 98—104.
Штральборнъ, см. фонъ-Бревернъ,
Штуббе, Юлія Ѳедор., нѣвица, въ зам. Абаза, 1861 г., т. CXXXVIII, апр., 7, 43, т. CXL, нояб., 321.
Штюрмеръ, полковн., т. CXL, декаб., 563—565.
Шубертъ, Карлъ, віолончелистъ, 1846 г., т. CXXXVII, янв., 63, 64.
Шубертъ, Ѳед. Ѳедор. дѣйст. стат. совѣтн., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 640.
Шубинъ, Н. И., юристъ, т. CXL, нояб., 251.
Шувалова, графиня, Екат. Петровна, гофмейстерина, 1792 г., т. CXXXVII, янв., 147, 151, 154.
Шуваловъ, гр., Петръ Андр., ген.-ад., ген.-губ. Остзейск. края, впослѣд. шефъ жанд.; посолъ въ Лондонѣ, посолъ въ Берлинѣ, р. 1827 † 1889 г., т. CXXXVII, февр., 272, 394, мартъ, 588, т. CXXXVIII, апр., 33, 149, т. CXXXIX, авг., 224, 258.
Шуваловъ, Пав. Андр., ген.-ад., посолъ въ Берлинѣ, Варш. ген.-губ., команд. гвардейск. корп., 1888 г., т. CXL, нояб., 391.
Шульцъ, докторъ, т. CXXXVIII, апр., 225.
Шульцъ, ген.-маіоръ, т. CXXXVII, мартъ, 589.

Щ

Щегоневъ, П. Е., т. CXXXVIII, апр., 197, 198.
Щедринъ (Салтыковъ), Мих. Евграф., писатель, р. 1826 † 1889 года, т. CXXXVII, мартъ, 529, 531, т. CXL, окт., 107—123, дек., 524.
Щепкинъ, Михаилъ Степан., актеръ, † 1790 г., т. CXXXVII, мартъ, 515.
Щербаковъ, юнкеръ Константин. учил., 1881 г., т. CXL, окт., 216.
Щербатова, см. княг. Шаховская.
Щербатова, княжна, М. Ѳ., въ зам. Портеръ, т. CXL, декаб., 585.
Щербатовъ, князь, генералъ-маіоръ, т. CXXXVIII, іюнь, 578.
Щербачевъ, М. А., горн. инженеръ, 1874 г., т. CXXXVIII, іюнь, 462.
Щербачевъ, Ю. Н., т. CXXXVIII, апр., 192.
Щербининъ, подпоручикъ, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Щербинскій, тырновск. губерн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 162.
Щербо-Нефедовичъ, оф. генер. штаба, т. CXL, декаб. 498.

Э

фонъ-Эбелингъ, фл.-ад. полковн., команд. л.-гв. 1-го Его Велич. стр. бат., 1876 г., т. CXXXVIII апр., 89.
Эвальдъ, Вад. Өед., педаг., 1871 г., т. CXXXVIII, май, 394, 395.
Эвальдъ, Өед. Өед., педаг., 1845 г., т. CXXXVIII, май, 393.
Эдинбургскій, герцогъ, т. CXXXVII, февр., 360.
Эдлингъ, Гр. А., † 1841 г., т. CXL, окт., 157.
Эйлеръ, А. А., фрейлина, въ зам. кн. Витгенштейнъ, т. CXL, нояб., 321.
Энгель, Андрей, т. CXL, окт., 80.
Энгельгардъ, А. С., совѣтникъ, т. CXXXIX, іюль, 81.
Энгельгардъ, генералъ, 1810 года, т. CXXXVIII, іюнь, 556, т. CXXXIX, сент., 418.
Энгельгардъ, бывшій директ. лицея, т. CXXXVIII, іюнь, 632.
Эрнсвердъ, гр., инжен., 1749 г., т. CXXXVII, мартъ, 592.
Эрихсенъ, докт., т. CXL, окт., 134.
Эртель, генералъ-лейтен., 1812 г., т. CXXXVIII, іюнь, 510, т. CXXXIX, сент., 510.
Эссенъ, генералъ-лейтен., 1810 г., т. CXXXVIII, іюнь, 580, 588, 589, т. CXXXIX, іюль, 187, 192, авг., 392, сент., 416.

Ю

Юдинъ, П. Л., сообщ.: «Семь лѣтъ неурожайныхъ. (Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ)», т. CXXXVIII, май, 401—406, іюнь, 502—506, т. CXXXIX, іюль, 118—126, августъ, 327—330, т. CXL, окт., 140—152, нояб., 415—427.
Юзъ, Ив. Ив., основат. Юзовск. завода, 1872 г., т. CXXXVIII, іюнь, 456, 457.
Юнаковъ, Никол. Леонтьев., сообщ.: «Полтава(27 іюня1709 г.)», т. CXXXIX, іюль, 3—20, уп. 21.
Юрасовъ, политич. преступ., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 264—266, мартъ, 560.
Юрьевская, княгиня, рожд. Долгорукова, т. CXXXIX, іюль, 158.
Юрьевъ, Серг. Андр., редакт. журнала „Бесѣда“, т. CXL, нояб., 260, декаб., 513, 515.
Юсуповъ, кн., маіоръ гвардіи и ген.-лейт., 1730 г., т. CXXXVII, февр., 290, 291, 295.

Я

Ягушинскій, гр., Пав. Ив., генералъ-прокуроръ Сената, р. 1683 † 1732 г., т. CXXXVII, янв., 209, февр., 281, 290, 292, 295, мартъ, 542.
Языкова, 1868 г., т. CXL, окт., 147.
Языковъ, М. А., управл. акцизн. сборами, 1862 г., т. CXXXVII, мартъ, 653, 654.
Языковъ, ген.-маіоръ, директ. департ. внѣшн. торговли, т. CXXXVIII, май, 230.
Языковъ, ген.-лейт., 1866 г., т. CXXXVII, февр., 276.
Якимовичъ, Николай Мих., лейбъ-гусаръ, 1864 г., т. CXXXVIII, май, 279.
фонъ-Якоби, Ив. Карлов., шт.-капит., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.
фонъ-Якоби, Карлъ Карлов., поруч., масонъ, 1821 г., т. CXXXVII, мартъ, 638.
Яковлевъ, капит., † 1904 г., т. CXXXVIII, апр., 142.
Якушкинъ, И. Д., декабр., 1820 г., т. CXXXVIII, апр., 202, 204.
Якушкинъ, Н. Д., т. CXXXVII, янв., 191.
Янжулъ, Ив. Гавр., капит., т. CXL, окт., 37.
Янжулъ, Ив. И., «его воспоминанія о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1809 г.г.)», т. CXL, окт., 33—57, нояб., 249—272, декаб., 495—418, упом. 464.
Янковскій, жандарм. полковн., 1878 г., т. CXXXVIII, апр., 165.
Яныпевъ, свящ., 1858 г., т. CXXXVII, мартъ, 519.
Ярославъ, т. CXL, нояб., 402.
Яроцкій, И. С., 1847 г., т. CXXXIX, іюль, 127.
Ярцовъ, чиновн. посольск. канц., магистръ, 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Яфимовичъ, Н. М., ген.-ад., т. CXL, нояб., 420—422.
Яфимовичъ, лейбъ-гусаръ, 1864 г., т. CXXXVIII, май, 289.
Яшвиль, кн., т. CXXXVII, янв., 212.

Ѳ

Ѳадѣевъ, иконописецъ, т. CXXXVII, мартъ, 512.
Ѳедоровъ, полицейм., подпор., 1817 г., т. CXXXVIII, іюнь, 473.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь, р. 1661 † 1682 г., т. CXL, нояб., 459.

Θеодоръ Михайловичъ, царь, т. CXXXVIII, іюнь, 592.
Θеодоръ, король абиссинскій, 1867 г., т. CXXXIX, іюль, 55.
Θеодосій, настоят. Богоявленск. монастыря, 1770 г., т. CXL, окт., 30—32.
Θеофанъ-Прокоповичъ, архіеп. новг., 1729 г., т. CXXXVII, янв., 205.
Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 28 января по 4 марта, 1909 г., т. CXXXVIII, май, 338—342.
Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 31 марта по 9 іюля 1909 г., т. CXXXIX, сент., 573—582.
Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 9 іюля по 3 сентября 1909 г., т. CXL, окт., 225—230.
Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 сентября по 15 октября 1909 г., т. CXL, дек., 667—670.

Указатель составила В. В. Тимощукъ.

Московской обл. библиотеки

ителей спектакля за ихъ „подвигъ“. Удивляясь, что на петербургской сценѣ могъ быть безпрепятственно поставленъ „Assommoir“ Зола, Толстой говорилъ: „вотъ подите же,—сочиненіе, въ которомъ все темно, все безотрадно, нѣтъ просвѣта, одинъ отрицательный элементъ, разрѣшено, а „Власть тьмы“... Баронъ Н. В. Дризенъ составилъ по документамъ III Отдѣленія любопытную справку объ отношеніи драматической цензуры къ Гоголю. Старинному водевилисту и литературному критику Ѳ. А. Кони посвятилъ прекрасный очеркъ А. Измайловъ (Смоленскій), который напомнилъ, какъ умѣлъ Кони сквозь тиски суровой общей и драматической цензуры въ самомъ разгарѣ ея свирѣпости проводить здоровую и благородную соціальную струю и остроумно откликаться на требованія современности. Ц. А. Кюи знакомитъ читателя съ автобіографическими замѣтками и афоризмами А. С. Даргомыжскаго. „Однажды“—записалъ Даргомыжскій—„Глинка въ разговорѣ со мною пришелъ въ страшное негодованіе на Ѳеофила Толстого за то, что онъ, разбирая оперу „Жизнь за царя“, не нашелъ въ ней никакихъ промаховъ. Благородная артистическая душа Глинки выразилась въ слѣдующихъ забавныхъ словахъ:—какой онъ рецензентъ, когда не пронюхалъ, что вся опера пронизана каденцами, утомляющими слушателя до обморока“... О себѣ Даргомыжскій писалъ: „взрывъ рукоплесканій въ залѣ и неистовые одобрительные крики всегда непріятно дѣйствуютъ на мои нервы, а когда они относятся къ моимъ произведеніямъ, то наводятъ на меня грусть, и мнѣ невольно приходитъ на умъ: положимъ, это плохо, но не въ такой же степени плохо, чтобъ вся зала могла придти въ восторгъ!.. Я не могъ имѣть въ Россіи успѣха шумнаго, потому что слишкомъ строго держался высокаго назначенія искусства и писалъ какъ будто съ единственною цѣлью удовлетворенія себя одного. Выше всего ставилъ я идеалъ прекраснаго, но никогда не хотѣлъ подчиниться вкусамъ и требованіямъ публики“. Изъ критическихъ статей отмѣтимъ статьи К. И. Арабажина, Л. Я. Гуревичъ и Вл. И. Немировича-Данченко о Гоголѣ и Ѳ. Д. Батюшкова „Л. Толстой, какъ драматургъ“.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Свят. Правительствующаго Синода. Т. XXXI. СПБ. 1909.

Въ послѣднемъ томѣ описаны 288 дѣлъ 1751 г. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія дѣла о бракахъ между лицами, состоящими въ плотскомъ родствѣ, о бракахъ по увозу и противъ согласія родителей, о принятіи мѣръ къ искорененію въ народѣ суевѣрій и вѣрованій въ ложныя чудеса и знаменія и противъ почитанія мнимыхъ святыхъ, противъ распространенія раскола и его вліянія на народъ. Предметомъ заботливости Синода было и благоустроеніе православныхъ миссій въ Китаѣ и Осетіи и заграничныхъ церквей и причтовъ. Вниманіе его обращено было и на болѣе исправное, чѣмъ было доселѣ, печатаніе церковныхъ книгъ въ московской типографіи. Необходимость пополненія числа учащихся въ Московской Академіи вызвала особыя его мѣропріятія. По случаю частыхъ захватовъ монастырскихъ земель частными лицами Святѣйшій Синодъ требовалъ неоднократно особыхъ правительственныхъ распоряженій о неотчуждаемости сихъ земель, а равно и о закрытіи питейныхъ заведеній на сихъ земляхъ; заслуживаютъ вниманія его постановленія о строгомъ смотрѣніи за пріѣзжающими изъ-за границы духовными лицами. Въ 1751 же году совершенно закончилось исправленіе и печатаніе Библіи, начавшееся въ 1712 году, и Святѣйшимъ Синодомъ Библія была разослана по епархіямъ. *Н. Л.*

Вл. Череванскій. Послѣдній вздохъ Византіи. Историческая монографія. Со многими автотипіями. 1909. Ц. 3 р.

Лучшее достоинство разсматриваемой книги—ея тема. Задача привлечь вниманіе русскаго общества къ исторіи подъема и упадка Византійской имперіи всегда была и будетъ благодарной. Ученые наши уже давно стали работать надъ изученіемъ различныхъ областей византійской жизни, дѣля, впрочемъ, въ послѣднія десятилѣтія свою славу съ французскими именами, но общество еще не достаточно присмотрѣлось къ этимъ законнымъ попыткамъ освѣтить прошлое Константинополя. Странно повторять о томъ, какъ много духовнаго наслѣдія восприняла отъ него державная Русь, и тѣмъ менѣе понятно, что наши соотечественники не обнаруживаютъ къ нему живого интереса, довольствуясь одними лишь учебными знаніями. А между тѣмъ полонъ глубокой поучительности разсказъ о внѣшнемъ блескѣ, величіи, о пышномъ богатствѣ и о внутреннемъ развалѣ міровой имперіи. Историческая трагедія заключается не только въ самомъ фактѣ завоеванія Константинополя 29 мая 1453 г.,—но и въ тѣхъ губительныхъ, постоянно дѣйствующихъ силахъ, подточившихъ нѣкогда сильный организмъ. Содержаніе работы г. Вл. Череванскаго, извѣстнаго автора нѣсколькихъ монографій, сводится къ популярному изложенію главнѣйшихъ событій, при чемъ разсказъ начинается со временъ римскихъ Августовъ, что, конечно, нельзя считать излишнимъ; къ сожалѣнію, очеркъ развивается медленно, съ продолжительными остановками на паденіи стараго Рима, на происхожденіи ислама и его успѣхахъ, въ ущербъ главному—собственно византинизму. Это несоотвѣтствіе бросается особенно въ глаза потому, что послѣднія главы написаны живѣе, съ большимъ увлеченіемъ. Въ изложеніи есть неровности, авторъ иногда какъ-бы предполагаетъ въ читателѣ очень слабое знакомство съ исторіей, т. е. преслѣдуетъ только популярныя цѣли, иногда же мимоходомъ задѣваетъ эпизоды, знаніе которыхъ требуетъ лучшей подготовки. Художественная сторона изданія оставляетъ желать многаго, все же имя г. Череванскаго и незаурядность темы дадутъ книгѣ и должны ей дать широкое распространеніе. *В. Я.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Меньe и К°), Невскій просп., д. № 20. «**Новое Время**», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.